

Собеседник на пиру

*Собеседник
на пиру*

Памяти Николая Тобоя

*...Я пью, но еще не придумал — из двух выбираю одно:
Веселое асти-спуманте иль папского замка вино.
Осип Мандельштам*

С
Обеседник
на пиру

Памяти
Николая Поголя

МОСКВА
Издательство О.Г.И.
19 мая 2013 года

ББК 94.3
С 54

(Сер.: Библиотека Манделъштамовского общества. Т. 4)

Собеседник на пиру: памяти Николая Поболя / Ред.-сост.: П. Полян. М.:
Манделъштамовское общество – О.Г.И., 2013. 624 с.

Николая Львовича Поболя (1939-2013) – знатока российской истории, географии и поэзии, путешественника, корифея общения и застолья – знали многие, очень многие. Доброжелательный и заинтересованный собеседник, замечательный рассказчик, теплый, светлый и легкий человек – он был мостиком и лесенкой между людьми. Уже одним фактом своего существования он противостоял вымерзанию бескорыстных человеческих отношений. Главное его призвание и амплуа – быть читателем, в особенности читателем поэзии. Скрипичным ключом и мембраной всего его миропонимания служил Осип Манделъштам, чьи стихи он знал наизусть и мог читать часами. Пობоль стоял у истоков Манделъштамовского общества, был членом его Совета и неизменным участником почти всех заседаний и дискуссий, душой и инициатором всех пиров и посиделок в честь поэта.

Идея собрать и выпустить сборник, посвященный Н. Поболю, вызвала самый горячий отклик. В книге собраны его собственные тексты, мемуары и другие тексты о нем и его фотобиография. Завершают книгу библиография, материалы из архива, основные даты жизни Н. Поболя, а также вводные тексты на английском языке. Среди авторов книги – архитекторы, географы, историки, филологи, писатели, издатели, архивисты и др. Книга выпущена на пожертвования друзей и коллег.

Автор идеи, редактор-составитель и комментатор: Павел Полян.

Редасовет: Петр Андрукович, Виталий Афиани,

Ник Барон, Дмитрий Ицкович, Андрей Калишевский,
Александр Пахомов и Андрей Таранов.

Подбор и композиция иллюстраций: Петр Андрукович, Андрей Калишевский
и Павел Полян.

На обложке – фотографии Полины Андрукович,
на фронтисписе – Петра Андруковича.

В оформлении шмуцов использованы портреты Н. Поболя
работы Алексея Неймана.

Переводы на английский язык: Ник Барон.

Дизайн и верстка: Андрей Калишевский.

Редакторы: Иоанна Делекторская / Ирина Кузовкина.

ISBN 978-5-942-82-704-5

© Манделъштамовское общество и авторы (тексты, фотографии)

© А. Калишевский (дизайн)

От составителя	8
Душа общения (П. Полян)	13

ПЕРЕЧИТЫВАЯ...**Воспоминания и эссе**

Наш друг и соперник – река	20
Экспедиция 1982 года	27
Арктика и начальство	31
Глобус крепких напитков	32
В середине шестидесятых (об Аркадии Штейнберге)	43
У Маергойза	49
«Непонятно откуда он взялся, этот Сашка Васильев...»	50

Шуточные стихи

«Вот и плывет плот...»	63
«Мы идем на абордаж...»	63
«Зачем нам знать, что осень отступает...»	64
«Солнце жжет, как в Средней Азии...»	65
«Геморрой подкрался незаметно...»	66
«Ты сказала, что Саади...»	66

ВСПОМИНАЯ...**Воспоминания о Николае Поболе**

Елена Алекина, Борис Дворкин (Москва). Ему было 33...	68
Людмила Алексашкина (Москва). Шестьдесят лет дружбы	69
Марина Алхазова (Москва). Шесть встреч	73
Петр Андрукович (Москва). В последний раз...	76
Полина Андрукович (Москва). Коленька: черты портрета	78
Виталий Афиани (Москва). Путешествие к друзьям	80
Алексей Багдасарян (Москва). Поболь и его <i>urbi et orbi</i>	86
Федор Брауэр (Ремшайд, Германия). Он любил рыбалку, грибы и ягоды	92
Андрей Битов (Москва). Утрата (Колина страничка)	93

СОДЕРЖАНИЕ

Сергей Бычков (Москва – пос. Ашукино). Смиранный Поболь	96
Сергей Василенко (Фрязино – Москва). Он всегда был рядом	100
Леонид Видгоф (Москва). «Уж мне такого больше не видать...»	101
Игорь Власов (Москва). Источник света (Коля Поболь в лаборатории ОКБ)	104
Юрий Гайгаров (Москва). На дне рождения у Поболя	106
Леонид Жаров (Тюмень). Поболь – это весна!	108
Юлиан Жеймо (Варшава). Колябус	114
Семен Заславский (Днепропетровск). Памяти Человека.	123
Григорий Иоффе (Рэдфорд, США). Блажен кто смолоду был молод	125
Андрей Калишевский (Москва). Его теплый, «с трещинкой», голос...	127
Леонид Кацис (Москва). Мандельштамовская коллекция	130
Игорь Корлас. В ОКБ МЭИ	132
Янина Костричкина (Москва). Он брал самое лучшее отовсюду...	134
Николай Котрелев (Москва). Расцвела Колина улыбка	137
Олег Лекманов (Москва). Памяти Николая Поболя	138
Инна Лиснянская (Хайфа). Дыра в космосе	139
Елена Макарова (Хайфа). Цельнокройный человек	140
Евгений Мартюшин (Москва). Мой друг Коля	141
Леонид Межибовский (Франкфурт-на-Майне). Совсем не малознакомый	152
Людмила Меледина-Блэйкли (Лондон). Жизнь упала как зарница.	152
Сергей Мироненко (Москва). Он просто жил и говорил	156
Лев Михалевский (Москва). Все время собираюсь позвонить Коле...	161
Константин Морозов (Москва). Он имел несколько пластов глубины	167
Алла Морозова (Москва). Радость наслаждения жизнью	173
Шахмардан Мудуев (Махачкала – аул Чуртах). Улыбающиеся глаза в сигаретном дыму	177
Ирина Нагишкина (Москва). «По дороге в Бидл-Добл»	180
Зинаида Палванова (Иерусалим). Спасибо «Музыке» за Колю.	182
Александр Пахомов (Магадан). Львович (Поболь в Охотске)	185
Вадим Перельмутер (Мюнхен). Попытка портрета	192
Татьяна Пестова (Москва). Почти как третий родитель	202

СОДЕРЖАНИЕ

Галина Михайловна Поболь (Москва). Он был по-настоящему свободным человеком!	203
Михаил Сергеевич Поболь (Москва). Я любил своего деда	206
Павел Полян, Павел Нерлер (Москва – Фрайбург). Герой своего времени? (I. Человек из другого мира и теста; II. Жил певчий дрозд, или Take Five; III. Из переписки)	209
Елена Рачева (Москва). Морковка с Воркуты	241
Людмила Сейтакова. Человек-открытие	242
Юлия Сейтакова (Москва). О моем любимом дяде Коле	244
Владимир Середин (Москва). Феномен Поболя (поминальный тост в 3-х частях)	247
Илья Смирнов (Москва). Под знаком Штейнберга	252
Елена Стеженская (Москва). Бригада имени Поболя	258
Александр Суетенко, Зинаида Суетенко (Москва). Коля Поболь - плотовик	261
Андрей Таранов (Москва). Письмо Коле	263
Алена Таранова (Москва). Наш Поболь	268
Александр Таруц (Москва). Охота на глухарей	282
Павел Турун (Ставрополь). Он обладал огромной притягательной силой	284
Юрий Фрейдин (Москва). Неожиданный человек	285
Олег Хлебников (Москва). Он жил азартно	288
Мамука Цецхладзе (Тбилиси). Мой несерьезный друг	289
Михаил Шапиро (Модиин, Израиль). Хриплый романтик	291
Марат Ямпольский (Майами, США). Что в Коле покоряло – оптимизм!	292
<i>Из откликов на известие о смерти</i>	298
<i>Из стенограммы гражданской панихиды</i>	303
<i>Венок: стихи, посвященные Поболю</i>	
Александр Никольский. Другу-ровеснику	315
Зинаида Палванова. «Испытание дружбы...»	316
Зинаида Палванова. «Эта весть явилась не в конверте...»	317
Павел Нерлер. Копирайт	318
Семен Дымант. «Писать о Коле Поболе легко...»	320

СОДЕРЖАНИЕ

Венок: шуточные стихи

Вячеслав Егоров. «Доколе будет Поболь Коля...»	321
Павел Нерлер. Коле – на шестидесятилетие	322
Вячеслав Егоров. «То ли быть, то ли небыль...»	323
Леонид Жаров. «Ты не шибко голосист...»	324

ВГЛЯДЫВАЯСЬ...

<i>Фотоальбом</i>	325
--------------------------	------------

ПЕРЕЧИТЫВАЯ...***Избранные статьи***

Первое Всероссийское совещание работников по переселенческому делу (март 1927 г.)	378
Оседание	386
Партийные чистки как один их механизмов социальной базы сталинизма	390
Шифрограммы Политбюро ЦК ВКП(б) и эшелонные списки ОГПУ–НКВД как источники по изучению репрессий в СССР	399
Депортации немцев и корейцев	408
Нацпроект история	414
Как их везли	417
Сосед Мандельштама по нарам	430
Анна Ахматова и квартирный вопрос	441
Гомер XX века и его переводчики	444
Женщина на войне	464
Что упало – то пропало?	481

Избранные рецензии

Пятьдесят восьмая во всей красе	484
В расход	493
Багровая книга погромов	496
Евреи советской провинции	498
«Коммунистическая власть против религии Моисея»	501

СОДЕРЖАНИЕ

Книга-бумеранг: биография Николая Гумилева	503
Лирика любителей железных дорог	508
«Ваши документы!»: избранные публикации	
Ушаты «Правды», или Большевистская наука вранья	509
«Чем больше удастся расстрелять, тем лучше»	516
Вертикаль власти на слезе ребенка, или Как большевики обворовывали и мучали сирот	521
Впереди паровоза	524
Рембрандты для диктатуры пролетариата, а опиум для народа	527
Зайдем у голодных, или Откровенный грабеж!	536
Как растили Ежевичку, или Лечиться, лечиться и еще раз лечиться!	540
Пошли за мясо. Постановление, уничтожившее ветеринаров и животноводство	548
Выдача портретов, или Как бороться с тенью врага?	551
Двуликий гуманист, или Игра в кошки-мышки с вождем.	557
Первая депортация и «эффективный менеджер» или Как корейских рыбаков делали скотоводами	560
Греческая волынка в Ферганской долине	566
Переписка дружков, или Второй человек империи	571
Телеграммы прокурора Грезова	578
Сталин и Хрущев, или Кто в доме хозяин	577
Без лицемерия, или О внешнеэкономической политике	580
Дружков всех народов, или Как Сталин запретил всем армянам возвращаться в Армению	587
Библиография	590
Документы	596
Основные даты жизни	609
Схема прохода к могиле Н. Побоя. Эскиз надгробного памятника.	616
Принятые сокращения	617
From the Compiler	618
The Soul of Companionship (P. Polian)	619
Contents	623

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Читатель разберется сам...

Н. Поболь

Композиция настоящего издания не канонична, авторские разделы в ней перемешаны с неавторскими, что является компромиссом между позициями составителя и части членов редсовета.

Книгу открывает раздел («Перечитывая...»), состоящий из текстов самого Н. Поболя, объединенных той или иной долей автобиографичности: это эссе и мемуары, а также шуточные стихи (иных он, кажется, и не писал, а если и писал, то они не сохранились, о чем он никогда не вспоминал и не грустил). Три эссе посвящены его трем любимым занятиям — путешествиям на плотках, экспедициям и пиршествам с друзьями, причем «Глобус крепких напитков» — настоящая поэма! Мемуаров тоже три — об Аркадии Штейнберге, Исааке Маергойзе и Сашке Васильеве.

Во втором разделе, озаглавленном «Вспоминая ...», собраны мемуары и другие тексты о Николае Поболе. Воспоминания расположены в алфавите авторов. Практически все они написаны по просьбе составителя вскоре после смерти Н. Поболя, отчего даты проставлены лишь под текстами, написанными в другое время. Никаких ограничений по содержанию или объему авторам не ставилось, они сами несут ответственность за свои тексты¹.

За воспоминаниями следуют спонтанные отклики на известие о Колиной смерти, полученные составителем (в том числе и от тех, кто лично его не знал), а также избранные фрагменты стенограммы гражданской панихиды, состоявшейся 31 января 2013 года в Актовом зале общества «Мемориал». Включен в нее и стихотворный «Венок» — посвященные Н. Поболю или обращенные к нему стихи, расположенные хронологически. Избранные шуточные обращения при этом вынесены в отдельный раздел.

¹ При встретившихся стилистических расхождениях между автором и составителем или автором и редактором выбор редакции окончательного текста оставлялся за автором. Несколько авторов этим правом воспользовались.

Раздел третий («Вглядываясь...») это фотоальбом – своего рода попытка Колиной фотобиографии. Огромное количество фотографий Н. Поболя и его друзей, снятых в самое разное время самыми разными людьми, хранилось в его семейном архиве. Кроме того, свои фотографии или фотографии из своих архивов предложили изданию П.Ф. и П.П. Андруковичи, Н. Барон, В. Белозеров, С. Василенко, И. Власов, В. и Д. Герман, И. Делекторская, Б. Дибирова, М. Дробинская, С. Дымант, Ю. Жеймо, К. Зелинский, И. Корлас, Е. Мартюшин, А. и К. Морозовы, З. Палванова, А. Пахомов, В. Перельмутер, П. Полян, Ж. Радвани, Э. Семенова, В. Середин, Е. Стеженская, А. Суетенко, А. Таруц и М. Ямпольский, а также издательство «Пробел».

Сводный список источников, использованных в альбоме, приводится в его конце. При описании фотографий, публикуемых вне альбома, указываются их установленные авторы или места хранения; отсутствие таких указаний означает принадлежность к семейному архиву Н.Поболя.

В четвертом разделе, озаглавленном «Перечитывая...», собраны научно-просветительские тексты Н. Поболя, избранные статьи, рецензии или публикации исторического или историко-литературного характера².

Посвященные истории или литературе, они прочно сцементированы одной преобладающей темой – темой репрессий. И очень трудно провести границу между «филологией» побелевской «историей»: куда прикажете отнести обнаруженный им «мандельштамовский эшелон» или рассказ о Юрии Моисеенко – мандельштамовском соседе по лагерным нарам?

В отдельный подраздел вошли материалы газетной рубрики, которую Н. Поболь и П. Полян в 2008 – 2010 гг. вели в «Новой газете» (один материал вышел на сайте «Полит.ру»). Рубрика выходила, как правило, в составе новогазетской вкладки-спецвыпуска «Правда ГУЛАГа» и называлась «Ваши документы!» (сами ведущие в свое время предлагали менее броский, но и более точный заго-

² Часть текстов написана в соавторстве – с П. Нерлером, А. Никольским, П. Поляном и А. Таруцем. Некоторые тексты не завершены, некоторые – не полностью откомментированы.

ловок: «Архивариус "Новой газеты"»). В основе почти всех этих мини-публикаций лежат материалы Оргбюро ЦК ВКП(б), хранящиеся в РГАСПИ (фонд 17, опись 167).

Над этими миниатюрами Коля работал с особенным удовольствием. В них заметен столь типичный для него прием пропуска исторической фактографии или через личный опыт, или через личное отношение к лицам и событиям, попадающим в поле его зрения.

Этого же поля ягода и поболеевский комментарий, попавший в первый том так называемого «черного Мандельштама» – двухтомник 1990 года, выпущенный издательством «Художественная литература». К мандельштамовской строчке «И целлулоид фильма воровской» из стихотворения «Еще далеко мне до патриарха» комментатор, он же и пишущий эти строки, делает следующее пояснение: «целлулоидный рожок; с его помощью можно было звонить по телефону-автомату, не опуская 15-копеечную монету (сообщено Н.Л. Поболем)»³

Завершают издание библиография Н. Поболя, в конце которой называются и незавершенные издательские проекты с его участием, избранные документы из архива Н. Поболя, запечатлевшие не только его собственную биографию, но и судьбу его рода, основные даты жизни Н. Поболя, список принятых в издании сокращений, а также вводные тексты на английском языке. Составитель считает своим приятным долгом поблагодарить всех тех, кто внес свой вклад в подготовку настоящего издания. И прежде всего авторов вошедших в него текстов, как и авторов или владельцев фотографий.

Огромное спасибо наследникам Н. Поболя и редсовету книги – за разностороннюю помощь и поддержку в подготовке настоящего издания.

Отдельная благодарность художнику книги – Андрею Калишевскому, ее издательским редакторам – Иоанне Делекторской и Ири-

³*Осия Мандельштам. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1990. С. 515. См. другой аналогичный комментарий в воспоминаниях С. Василенко в настоящем издании.*

не Кузовкиной, Петру Андруковичу – со-составителю иллюстративной части издания, а также издательству «ОГИ» и Мандельштамовскому обществу.

Кроме того благодарность АLINE Мироновой, ученому секретарю Мандельштамовского общества, и Семену Дыманту – за всестороннюю техническую помощь, Элле Семеновой – за предоставленные материалы, Владимиру Литвинову – за оперативное ведение посвященной Н. Поболу странички на сайте Мандельштамовского общества, Нику Барону – за выполненные им переводы на английский язык, Валерию Расстригину – за помощь в проведении интервью, Александру Смолянскому – за сквозной поиск публикаций Н. Поболя в базе данных «Integrum», Леониду Кацису, Александру Мясникову, Габриэлю Суперфину и Олегу Хлебникову – за отдельные библиографические консультации и Дмитрию Богоявленскому, Галине Поболь и Юлии Сейтаковой – за ценные фактографические уточнения.

Некоторые Колины друзья – например, Валерий и Наталья Расстригины, Элла Семенова, Михаил Скачков и другие – ограничились устными, по телефону или скайпу, воспоминаниями о нем. Почерпнутые от них сведения, тем не менее, вошли в информационное поле этой книги.

На книге – гриф Мандельштамовского общества, она включена в серию «Записки Мандельштамовского общества». С этой организацией Коля был связан душевными и деловыми узами с самого первого мига ее рождения в 1991 году. Общество он указывал в случаях, когда ему требовалась аффилиация, здесь он ежегодно брал казенные отношения, с которыми шел на свою неказенную архивную «охоту»...

Спасибо и другим институциям и коллективам, с которыми Коля сотрудничал и куда нередко заглядывал поработать или перекурить. Это и университетский «чердак» в высотке на Ленинских горах, где базировалась его Охотская экспедиция; и реставрационная мастерская Валеры Расстригина в Государственном музее А.С. Пушкина в Хрущев-

ском, где Коля подрабатывал электрической реинкарнацией старинных люстр; и редакция «Новой газеты» в Потаповском; и ряд рассыпанных и мигрирующих по Москве издательств — ОГИ, «Новое издательство» (времен Жени Пермякова), «Материк», РОССПЭН и «Время», — в которых вышло полтора десятка книг с его непосредственным участием, — и Государственный архив Российской Федерации на Пироговке; и Институт географии РАН в Старомонетном, и Геофак на Ленинских горах; и Гослитмузей в Трубниковском; и фонд «Демократия» на Малой Грузинской; и Московское общество «Мемориал» в Малом Каретном и на Каретном Ряду. «Мемориалу» же — отдельная благодарность за всестороннюю помощь в день похорон и за предоставление аудиозаписи панихиды.

И, наконец, наша признательность всем спонсорам настоящего издания. Вот их имена: Е. Алекина и Б. Дворкин, П. Андрукович, В. Афиани, А. Багдасарян, Ж. Барде, Н. Барон, В. Белозеров, Ф. Брауэр, В. Белкин, Л. Брусиловская, С. Василенко, И. Власов, М. Габович, Ю. Гайгаров, И. Делекторская, Б. Дибирова, С. Долгов, С. Дымант, В. Егоров, Л. Жаров, семья Жеймо, Д. Зубарев, Г. Иоффе, Д. Ицкович, А. Калишевский, Л. Кацис, И. Корлас, С. Красильников, И. Кузовкина, А. Курилкин, Д. Лахути, И. Лиснянская, В. Литвинов, А. Мец, Е. Мартюшин, Л. Межибовский, А. Миронова, С. Мироненко, О. Михальченко, А. и К. Морозовы, Ш. Мудуев, А. Нейман, С. Нехамкин, А. Панин, Т. Пастернак, А. Пахомов, З. Палванова, П. Полян, Н. Регент, Л. и Ю. Сейтаковы, Э. Семенова, В. Середин, М. Скачков, И. Смирнов, Е. Стеженская, Г. Суперфин, И. Сурат, А. Таранов, Е. Таранова, К. ле Торривеллек, П. Турун, Н. Ушацкая, А. Фэвр-Дюпэгр, Ю. Фрейдин, М. Шапиро, А. Шевчук, В. Шпар, В. Юдинцев и М. Ямпольский.

Пусть эта книга останется знаком нашей общей памяти об этом светлом и теплом человеке — о Коле Поболе.

Павел Полян

ДУША ОБЩЕНИЯ

1

27 января 2013 года, на 74-м году жизни не стало Николая Львовича Поболя.

Его знали многие, очень многие. И в семьдесят с гаком не то, что отчество – даже полное имя как-то плохо лепилось к нему. Ибо не было в мире человека более общительного и доброжелательного, более открытого и заинтересованного в беседе и собеседнике, чем Коля Поболь. Как не было интереснее и рассказчика – ведь за жизнь он ни разу не уклонился ни от чего, что было или хотя бы показалось ему заслуживающим внимания.

Вот далеко не полный перечень его душевно-телесных привязанностей и времяпрепровождений: водолазное дело, горный сплав на плотах, охота, рыбалка, сбор ягод и грибов, баня, геофизика, геодезия, полярная авиация, живопись, поэзия, джаз, архивный поиск. Колина трудовая книжка – увлекательное чтение. В бесчисленных работах, экспедициях и отпусках было что-то и от бродяжьего принципа «перекати-поле», но особенно хорошо он знал и ценил Севера, Дальний Восток, Кольский полуостров, Саяны, Грузию и Туркмению. Любимыми его местами на планете СССР были, кроме Москвы, Охотск и Тбилиси.

Его дружбу и общество ценили Аркадий Штейнберг и Семен Липкин, Владимир Яковлев и Александр Морозов. А уж как сам Коля ценил дружеское общение и застолье – и не передать: фирменные «баранья нога» или «туркменский плов» на 19 мая (день его рождения) были инвариантами и кульминациями годового цикла и неотъемлемой частью Колиного образа:

Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир...

На нас – одновременно – надвигаются не только глобальное потепление, но и глобальное замерзание – душ и бескорыстных человеческих отношений. Коля противостоял этой ледниковой эпохе уже одним фактом своего существования. Теплый, светлый и мирящий других человек – он был мостиком и лесенкой между людьми.

Свою натуральную жизненную философию, – она же жизненная практика, – Поболь отчасти (и, слава богу, что лишь отчасти!) разделял с таким корифеем московской божественности как Сашка Васильев¹. В Колином исполнении ее девиз звучал примерно так: «Жизнь прекрасна – так порадуемся ей!». Понятно, что кредо это столь же оптимистическое, сколь и конформистское.

Был у Коли редчайший дар извлекать корни радости и красоты бытия из самых невероятных ситуаций. В сочетании с природным обаянием, громадными знаниями, жизненным опытом и живым юмором такое кредо делало Колю на редкость притягательным и желанным собеседником, – тем, кого называют: легкий человек.

Не удивительно, что судьба одарила его и «легкой рукой». Найти в фонде конвойных войск РГВА нужный тебе эшелон – ничуть не проще, чем иголку в стоге сена. А Коля нашел искомое – «мандельштамовский эшелон» 1938 года – и буквально со второй попытки! Он же фактически первым из сторонних читателей увидел в питерском Военно-медицинском музее потрясающие записки еврея-зондеркомандовца Залмана Градовского, закопанные им в пепел и землю возле четвертого крематория в Биркенау.

¹См. сборник с Колиным участием: *Про Сашку Васильева*. М.: Пробел, 2012. С. 60-85.

И это далеко не единственное, что Коля находил в архивах. Его влекла туда не только жажда информации, но и сам азарт поиска. Чем-то это было сродни другому его любимому занятию – сбору грибов в лесу, но с той лишь, в пользу грибов, разницей, что в архивах нельзя курить (грибы, кстати, он находил всегда – и в негрибные годы, и в негрибных местах).

Из архивно-издательских проектов с Колиным участием особо выделяю следующие пять – сборник документов «Сталинские депортации. 1918 – 1953» («Демократия» – «Материк», 2005), сборник документов «Вайнахский этнос и имперская власть» (РОССПЭН, 2010), книгу Павла Нерлера «Слово и “Дело” Осипа Мандельштама» («Петровский парк» – «Новая газета», 2010), серию «Человек на обочине войны» (РОССПЭН, 2006 – 2010; Коля принял участие в подготовке семи томов из вышедших 11 и еще в трех до сих пор не вышедших) и, наконец, рубрику «Ваши документы!» в «Новой газете» в 2009 – 2010 гг. В «Новой» выходили и другие его материалы.

Быть читателем, в особенности читателем поэзии, – в сущности, и было главным Колиным призванием и амплуа. Читал он даже не охотно, а жадно: внутри у него всегда была настроена система строгих эстетических и исторических критериев, позволявшая точно и тонко реагировать на прочитанное. Скрипичным ключом и мембраной этой системы был для него Осип Мандельштам, чьи стихи Коля знал наизусть и мог читать часами, как, впрочем, и стихи многих других поэтов.

Коля стоял у истоков Мандельштамовского общества, был членом его Совета и неизменным участником почти всех заседаний и дискуссий о поэте, душой и инициатором всех пиров и посиделок в его честь. В обществе хра-

нится собранная им специфическая коллекция – бутылки из-под всех напитков, упомянутых Осипом Эмильевичем в стихах и прозе.

В молодости он дружил с архитекторами, художниками и музыкантами (еще в хрущевскую оттепель «отвечал» за живопись в одном из первых клубов московской интеллигенции – клубе «Музыка» при гостинице «Юность»), в зрелости – с ними же плюс географы и поэты, а в старости – с ними со всеми плюс историки, архивисты и издатели.

Он почти никогда и ни с кем не ссорился – был истинным гением дружбы, легкой и верной, немного прокуренной. А курил Коля практически всегда, без перерыва (до четырех пачек в день!), изводя на это щедрый родительский дар – поистине богатырское здоровье. И в горячей парилке он всегда лез на самый верх: в Сандуновских ли, Строченовских, Ржевских или в Селезневских банях. В последних, – еще и за седину бороды, – его так и прозвали: «святой отец»...

И это непередаваемо, Коленька, насколько нам будет тебя отныне не хватать...

2

Вся жизнь Николая Поболя так или иначе была связана со словом и с книгой – с самиздатовской или с официальной, не важно. К нескольким десяткам книг он имел самое непосредственное отношение – как составитель или редактор, как автор или соавтор текстов статей, рецензий, публикаций, комментариев или указателей.

Вместе с тем писал он крайне неохотно (это относится и к письмам), и каждый его новый текст был проявлением исключения, а не правила. Великолепный рассказчик, Поболь, прибегая к терминологии Аркадия Штейнберга,

был человеком отчетливо **устной культуры**, а не письменной.

К сожалению, в книгу не вошли Колины дневники, а точнее, ежедневники. Самый факт их существования оказался полной неожиданностью буквально для всех Колиных друзей! Никто из нас и предположить не мог, что Коля — систематически и годами — мог вести что-либо подобное!

А оказалось, что мог: после его смерти в его архиве было обнаружено несколько амбарных книг, полевых дневников и тетрадей, в которые на протяжении без малого 18(!) лет он аккуратно и почти без пропусков записывал лаконичные итоги каждого прожитого дня. Самая первая запись датирована 14 января 1989 года, а самая последняя — 31 декабря 2006 года². Эти записи совершенно адекватно передают Колины стиль, ауру и атмосферу жизни, а также его ритм и отношение ко времени...

Повторюсь: главное Колино призвание и ампула в мире печатного слова — **быть читателем!** Он прочел и выбрал в себя многие тысячи книг, и ни одна из них, даже самая никчемная, не прошла сквозь него бесследно³. Он даже обложки прочитанных книг прекрасно помнил и мог их детально описать.

И если, — влекомый своим «ампула» и будучи еще старшеклассником, — он записывался в Ленинскую библиотеку, то вскоре ориентировался в ней настолько, что устремлялся в ее Святая Святых — в Музей Книги!⁴ А освоившись — налаживал такой уровень отношений, что ему

² Более ранние и более поздние записи, если они были, нами в архиве не были обнаружены.

³ Примером чему является и рецензия на графоманский, в сущности, сборник поэтов-железнодорожников «Лирика любителей железных дорог. Вып. 2» (М., 2001).

⁴ См. в воспоминания Ю. Жеймо в настоящем издании.

и его другу Сашке Васильеву – представляете? – можно было туда позвонить!

Колина тяга к архивам и бывшим спецхранам, открывшимся или приоткрывшимся в позднесоветское и постсоветское время, может быть понята еще и как продолжение того же самого читательского призвания. Как придание ему еще одного значимого измерения и еще одной оси – оси первичной, еще непрочитанной, еще горячей информации.

Все это делает издание в память о Коле именно книги естественной и как бы напрашивающейся идеей.

У Н. Поболя было множество автономных дружеских кругов, и они, конечно, перемешивались – особенно 19 мая, в Колины дни рождения, или во время походов в баню, – но многие его приятели и знакомые впервые или после очень долгого перерыва увидели друг друга только на Колиных похоронах.

Перемешались эти круги и в нашей книге. Самые многочисленные среди мемуаристов (их более 60!) – географы, архитекторы, друзья детства, родственники, товарищи по Мандельштамовскому обществу и по Штейнберговскому кружку. Но штучно представлены и коллеги по МЭИ-шному «почтовому ящику», плотогоны, «охотские», поэты, писатели, журналисты, историки, архивисты, издатели, дети друзей и даже знакомые друзей.

У каждого, разумеется, был свой «мой Поболь», но, будучи положенными рядом или даже наложенными друг на друга, все эти индивидуальные наброски открывают немало нового и приближают к более широкому портретированию и пониманию «нашего» общего Поболя.

Павел Полян

Перешивая...

Воспоминания и эссе

Стихи

НАШ ДРУГ И СОПЕРНИК — РЕКА¹

Трехтонный плот несетя со скоростью 30 км/час. Гигантские каменные глыбы. Стоячие волны в человеческий рост. Полуметровые сбросы кипящей воды. На правильную оценку обстановки, на выбор единственно верного решения, на его четкое осуществление — считанные секунды. От экипажа требуется полная отдача сил, безукоризненная согласованность.

Сплав на плоту по горной реке — подлинный спорт, нелегкий и непростой, а потому интересный. Если же классифицировать его точнее, то плотогонный спорт следует отнести к техническим видам. И вправду, многодневные гонки по речным перекатам не уступают по сложности и уровню мастерства ни лыжному слалому, ни мотоциклетному кроссу. Плотогон должен обладать техническими, не побоимся такого слова, инженерными навыками. Без них не обойтись ни во время строительства спортивного плота, ни тогда, когда придется снимать упрямую махину с камней и мелей. А уж снимать-то придется непременно: у горной трассы дополнительно ко всем ее красотам есть постоянное достоинство — многочисленные препятствия.

До отпуска было еще далеко, когда мы начали подготовку к летнему путешествию. Сплаваемся мы не в первый раз, так что знаем, как важно учесть все: личный опыт и качества членов экипажа, особенности маршрута (вплоть до расписания и стоимости билетов на местные самолеты или автобусы), одним словом, любую мелочь.

Итак, выбор сделан: спускаемся по Чае. Эта река берет начало в горах к северу от Байкала и, пробежав вдоль хребта Атикан,

¹ Совместно с А. Таруцем. Впервые: *Техника — молодежи*. 1968. № 6. С. 19-21. Иллюстрации: стр. 21, 23, 24 — фотографии сплава, стр. 22, 25 — иллюстрации к статье Н. Поболя и А. Таруца «Наш друг и соперник — река» в журнале «Техника-Молодежи».

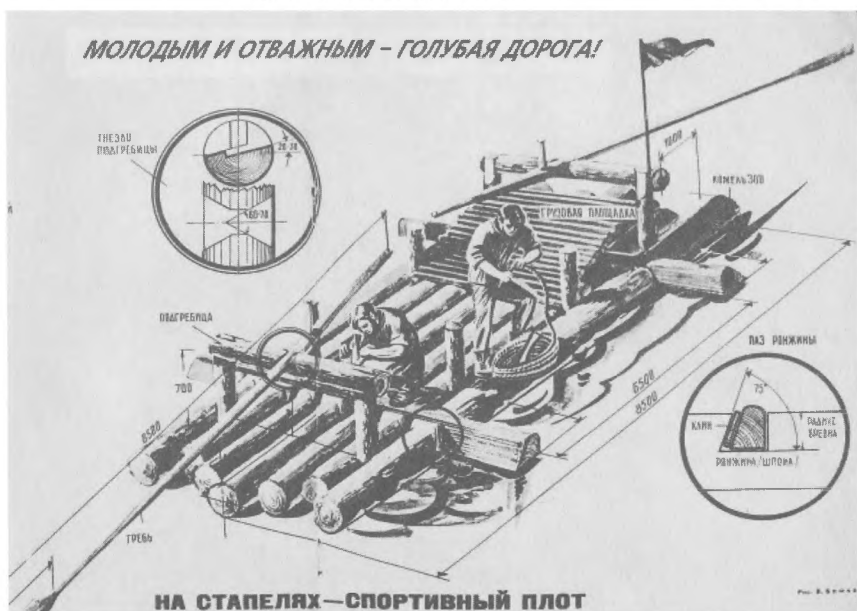
впадает в Лену. Что ждет нас? 400 км бурной таежной реки. 400 км заломов, шивер² и перекатов. 400 км, половину из которых придется пройти по колено в холодной воде. До Чаи еще надо добраться. Подсчитываем по карте, сколько раз придется брать перевалы и водоразделы. Что ж, альпинистские и туристские спортивные разряды их обладателям, как говорится, не повредят. Шестеро из нас убедились в этой истине, когда сплавлялись по Агулу в Саянах. Кстати, Агул поспокойнее. Он для новичков.

Окончательный состав группы выглядит так: капитан, завхоз, кинооператор, рыболов, охотник, летописец, медсестра³.

...Долгожданный конец июля. Можно отправляться: самое время для поездки в Сибирь — прекрасная погода, созревают ягоды, орехи. А для плота — оптимальный уровень воды.

² Речное мелководье с беспорядочно расположенными в воде или выступающими из нее камнями и быстрым течением.

³ О составе группы, членом которой был Н. Поболь, см. в воспоминаниях А. Суетенко в настоящем издании.

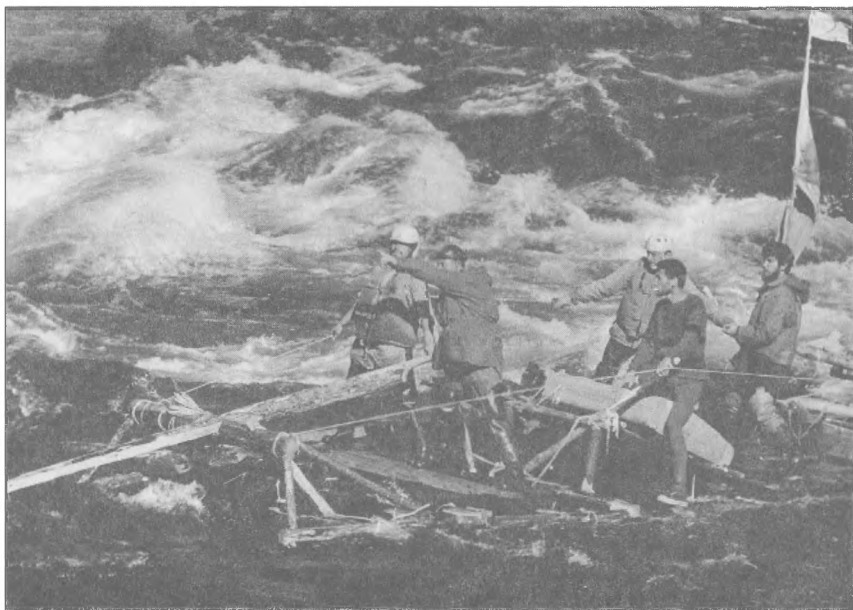

Четверо суток пути до Иркутска проходят в пении походных песен, в подгонке рюкзаков, в окончательных доработках разнокалиберного снаряжения. От Иркутска на «Ракете» добираемся до порта Байкал, оттуда на теплоходе в Нижнеангарск, а затем тропами геологов в поселок Чая. Это последний населенный пункт на нашем пути. Дальше до самой Лены — дикая тайга.

К месту строительства плота шли около недели. Наконец добрались до реки. Нашли пологий берег для стапелей и тут же рядом несколько хороших сухих кедров.

Лучше всего делать плот из кедра или из ели. На худой конец, сгодится и сосна. Лиственница быстро набухает и тонет. Бывает, с доставкой стройматериалов приходится повозиться. Часто подходящие сухие деревья рубят выше по течению и сплавливают.

Материалом для шпон (ронжин)⁴ служит сырая береза. В носовой и кормовой части каждого бревна вырезаются клиновые пазы. Расстояние между пазами очень важно выдерживать постоянным, иначе труд-

но будет насаживать бревна на шпоны. Сначала устанавливается центральное бревно. Оно закрепляется при помощи клиньев из лиственницы. Затем по одному, слева и справа, чтобы избежать перекоса, подводятся остальные. Не стоит забивать в паз больше одного клина.

К вечеру второго дня закрепили крайние, самые мощные, диаметром комля⁵ не меньше 30 см (как и центральное), бревна и вагами⁶ по слегам спустили плот на воду. «Судно» наше выглядело не очень красиво: невыровненные концы бревен, выступающие, необрезанные шпоны. Но так и нужно, все эти неровности еще пригодятся нам, когда плот придется снимать с камней или просто подваживать на мелководье.

Еще один день ушел на установку подгребниц, грузовой площадки и вырубку запасной гребни⁷. Эх, была бы бутылка шампанского!

⁴ Поперечная деревянная пластина, закрепляемая в проделанных в бревнах пазах.

⁵ Толстая часть ствола дерева непосредственно над корнем и корневищем.

⁶ Длинный шест, рычаг для поднятия тяжестей.

⁷ Кормовое или рулевое весло на плоту.

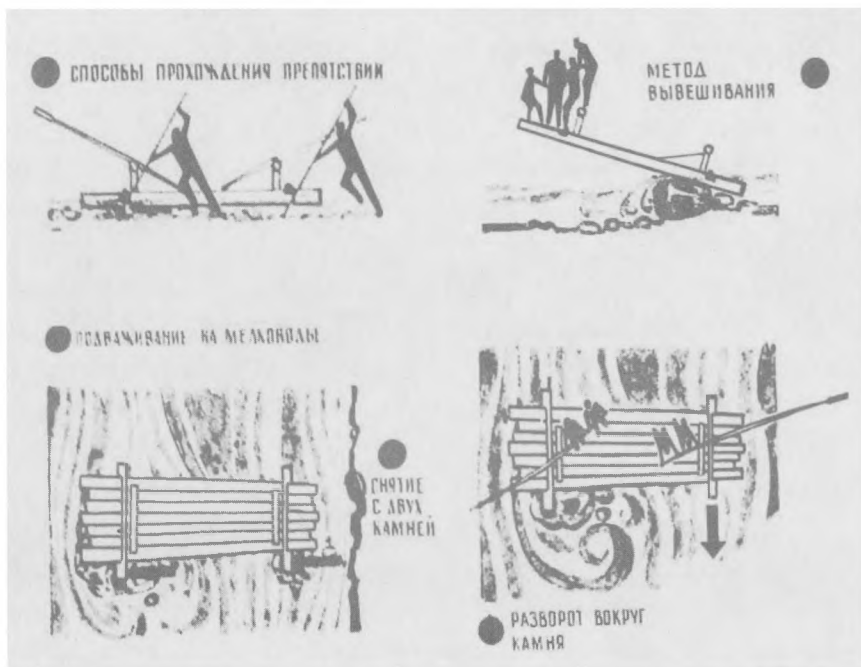
Впрочем, момент отплытия вряд ли стал бы еще торжественнее. Но туш отзвучал. Поплыли...

В группе обязательно должен быть хотя бы один хороший плотник. Это необходимо при вытесывании шпон и гребей — очень трудоемких и требующих умения процессах. Гребь лучше всего делать из сырой ели.

«Лево! Лево! Все на гребь!»

Крепче! Выскочив из-за каменистого мыска, плот стремительно несется на залом. Поваленные ураганом ели и осины перегородили реку. Только слева маленькая протока...

Позволим себе такую перефразировку: «На воде — как на воде!» Вся полнота власти переходит к капитану — он будет лоцманить. Его команда — закон для экипажа — должна выполняться четко и быстро. Как показывает практика, лучше из-за не-

верного решения сесть на камень, чем допустить неслаженность в действиях.

Капитан вооружен биноклем и стоит у передней подгребницы, откуда лучше всего видно воду. Остальные располагаются так: по два человека на гребень, смена — на корме, у грузовой площадки.

...Крутой поворот реки, широкий разлив — и плот, скребя «днищем» по камням, выползает на перекат. Дружно соскакиваем в ледяную воду, вооружаемся вагами. Метр за метром продвигаемся к фарватеру — стремнине. Четверть километра проходим за полтора часа.

Рывок вагами, и пустой плот полетел мимо нас. На ходу вскакиваем, карабкаемся на него. Впереди большой камень...

Существует много способов снятия плота с камней (основные, так сказать, классические показаны на рисунке). Очень важно

уметь ими пользоваться творчески. Одинаковых ситуаций не бывает, и поэтому без смекалки далеко не уплывешь. Случается, плот, несмотря на все усилия, снять не удастся — тогда приходится бросать его и строить новый, если до жилья далеко.

Классный плотогон всегда найдет способ одолеть преграду. Вот и выходит, что оценка спортивного мастерства — самая что ни есть объективная.

«Работать влево!». Скрипят гребни. Но поздно. «Держись!» Вытягиваем гребни, хватаемся за надстройки. Удар, скрежет. Плот вздыбливается. Секундная тишина, и поток воды с ревом перекатывается через плечи стоящих на корме. Сидим крепко, комель и грузовая площадка с рюкзаками покрыты водой и прижаты ее напором к камню.

Без «оплеухи» не сняться. Перебираемся на берег. Срубив нависшее над водой деревце — ему все равно долго не жить — привязываем его за низ и верхушку к плоту. Дружно крикнув, забрасываем деревце (это и есть «оплеуха») подальше, туда, где пенится стремительная вода.

Веревки натягиваются. Чувствуем, как плот медленно-медленно разворачивается боком к течению. «По местам стоять!» — звучит команда радостного капитана. Не проходит и минуты, как мы уже мчимся вперед, недобрый словом поминая подводную глыбу. Но чертыхаться нужно экономно: по курсу полным-полно таких камешков, и каждый так и зазывает к себе в гости.

Чая — сложная река. Не случайно маршруты, в том числе и речные, по степени трудности делятся на пять категорий. Категория реки — это как бы спортивный разряд соперника. Но уж если посчастливилось спуститься на плоту по таежной реке, то знайте: ваша жизнь наполнится постоянной грустью, томлением и затягивающейся предотъездной суетой на суше и тоскливым предчувствием неизбежного расставания с рекой на плоту.

1967-1968

ЭКСПЕДИЦИЯ 1982 ГОДА⁸

Сезон 1982 года я провел в геодезической партии на севере Якутии, в междуречье Колымы и Индигирки. Район наших работ располагался на Колымской низменности между 68-м и 69-м градусами северной широты, в полупетле площадью около 10000 квадратных километров, образуемой средним и верхним течением Алазеи – неширокой, но полноводной, с глубоко врезанным руслом и сильно мандрирующей реки, впадающей в Восточно-Сибирское море.

Территория эта не населена, а лишь по ее периметру находятся четыре небольших якутских поселка – Эбях, Аргахтах, Сватай и Алеко-Кюэль.

В начале апреля мы выехали из Средне-Колымска на вездеходе ГАЗ-47, предварительно разбросав по предполагаемому маршруту при помощи вертолета МИ-8 бочки с бензином. Наш путь лежал до поселка Сватай, у которого мы должны были переправиться на левый берег Алазеи и приступить к работе.

Тот, кто видел в летнее время с борта самолета равнинные места сибирского Севера, запомнит их на всю жизнь. Бесчисленные поверхности озер – синих, голубых, зеленых, желтых, красноватых – в зависимости от освещения, глубины, состава и прозрачности воды. И множество мандрирующих рек, речушек и ручейков, соединяющих озера, вытекающих из них, теряющихся в болотах.

Апрель – начало мая – самое благоприятное время для больших переходов: уже не очень холодно, а лед еще достаточно крепок, и по нему, не отклоняясь от нужного на-

⁸ Публикуется впервые.

правления, легко форсируются все водные препятствия. То, что в это время проходится за день, едва ли летом можно преодолеть за неделю. Не говоря уже о том, что летом узкие, глубоко врезанные речушки просто непроходимы для вездехода и через них приходится строить мосты, что отнимает не менее дня.

Но и весной есть свои сложности: местами надувает глубокий снег, в котором вездеход буквально тонет. Для того, чтобы выбраться из снежного плена, приходится подвязывать к гусеницам небольшие бревна.

И вот мы уже на левом берегу Алазеи. Приступаем к работе. Приближается полярный день. Ночи уже почти нет, но нет еще и весны. Лесотундра мертва. Изредка встречаются следы лося, горносталя, волка. Неожиданно выпархивает белая куропатка.

С начала июня все начинает резко меняться. Снег оседает и из-под него появляются кусты голубики, с замороженными ягодами, которые на солнце быстро тают. Когда проходишь по голубике, на снегу остаются кровавые следы. Затем показываются и низкорослые ягодники — брусника и клюква. После зимы эти ягоды еще вкуснее. А главное, они притягивают неожиданно появившееся великое множество птиц. Тут и различные кулички, утки и гуси, казарки, лебеди, чайки.

Розовые чайки. Об этой птице многие писали: Нансен, Де-Лонг, Урванцев. Еще больше пишут в последнее время. Трудно найти книгу о восточном секторе Арктики, в которой не упоминалась бы розовая чайка. Пишут о том, что впервые она была найдена у берегов Северной Америки в 1823 году, о том, что Нансен долгие годы мечтал ее увидеть, что она долго оставалась загадкой для натуралистов и что только в 1905 году зоолог С.А. Бутурлин отыскал ее гнездовья в низовьях Колымы. О том, что эта птица в отличие от других улетает осе-

нюю на север и зимует в незамерзших полыньях Ледовитого океана.

О ней снят уже не один фильм и достаточно хорошо изучены повадки и образ жизни. И все равно — каждая встреча с ней потрясает. Лично я, впервые увидев ее в пасмурную погоду, больше смотрел не на саму чайку, а оглядывался по сторонам, ища солнце, и только потом сообразил, что это ее естественная окраска, а не светящееся на солнце розоватое отражение. Можно понять удивление и восторг арктических первопроходцев, встретивших этих чаек в полярные сумерки.

В дальнейшем мы наблюдали десятки этих птиц на берегах оттаивающих озер, а в период гнездованья выяснилось, что они достаточно агрессивны и с резким криком нападают или, по крайней мере, делают вид что нападают, держась в нескольких метрах от случайно приблизившегося к гнезду человека.

Но это еще не скоро. А пока птичье царство плещется в появившихся у берегов пространствах чистой воды или же отдыхает на ежедневно уменьшающемся острове — остатке ледяного покрова озера. Еще пара дней, и на оттаявших пригорках начались брачные игры куликов-турухтанов, самцы которых удивительно красивы — у каждого жабо собственной, никогда не повторяющейся расцветки. А более крупных птиц уже и не увидишь — затаились, приступили к высиживанию потомства.

Таяние идет круглосуточно и через неделю снег можно встретить только в лесной чащобе и на северных склонах, где он будет еще долго держаться, — да кое-где на озерах пока остаются ледяные островки.

Море ягод. Здесь ничего не бывает «понемножку». Или нет совсем — или же изобилие. Огромные плантации голубики, брусники, красной смородины, клюквы, а главное — княже-

ники, удивительно вкусной ягоды, почти не знакомой жителю средней полосы. Да и в Сибири ее не часто встретишь. По виду она напоминает малину, но растет на почти земляничных кустиках, да и по вкусу напоминает иногда землянику, но не простую, а ту единственную — перезревшую, почти черную — ягоду, которую иногда можно встретить в высокой траве, и вкус которой не спутаешь с остальными ягодами.

С установлением плюсовой температуры руки, которые весной нарывали от каждой занозы, от любой царапины и никакие мази не помогали, заживают сами по себе.

Но зато появляются комары. Имея с ними дело по всему северному побережью — от Кольского до Камчатки, не могу говорить, что алазейский комар самый худший, к тому же год на год не приходится. Но количество комара впечатляет: за час движения вездехода, его фильтр, заполняется комарами полностью. Таким образом за 4 часа езды можно получить кубометр прессованных, но все еще шевелящихся комаров. К сожалению, в фильтр попадают далеко не все.

Но раз есть комар, должна быть и рыба. И действительно, почти в каждом озере она есть. Одни озера — с гольянами, небольшой рыбкой, напоминающей нашего пескаря, другие — с пелядью. А если очень повезет, можно встретить озеро с чиром — вкуснейшей северной рыбой. Но больше всего озер со щукой. Как-то в самом начале таяния снега в устье одного из ручьев в поднявшейся воде среди прошлогодней травы мы обнаружили сотни щук. Их было буквально больше, чем воды, так что некоторые просто ползали по едва покрытой водой земле.

Начался нерест. Осторожно, чтобы не пораниться об острые зубы и жабры, мы брали щук руками и «выдаивали» икру. Трехлитровую банку набрали за 15 минут. Свежесоленая щучья икра удивительно вкусна, но когда через день мы решили пополнить

ее запасы, было уже поздно. Нерест прошел. Все в природе происходит строго в свое время.

Что касается вездеходов, то они представляют значительную пожарную опасность из-за выхлопных труб. В августе в сухую погоду более чем метровая трава вспыхивает мгновенно, и затушить ее практически невозможно. Местные жители осенью специально поджигают траву, видимо, для улучшения плодородия почвы, но при этом, пал часто выходит из-под контроля и уничтожает древесную растительность на водоразделах.

Вообще местные жители довольно активно вмешиваются в природу: иногда прорывают каналы и спускают озера, иногда — наоборот, устраивают плотины с целью не выпускать из озер зашедшую весной из реки рыбу.

Как-то раз пришлось остановиться потому, что лосиха перед самым вездеходом переводила лосенка. Лосенок, совсем еще маленький, очень неуверенно шел, и лосиха подталкивала его и всячески старалась ускорить, но при этом совершенно не пугалась гремевшего в нескольких метрах вездехода. Иногда за день мы встречали до десятка сохатых.

1982

АРКТИКА И НАЧАЛЬСТВО⁹

Какую бы глупость ни рассказать, обязательно кто-нибудь скажет: «Это что, а вот у нас был случай...». И не то что бы дело в севере, — наоборот, на севере-то как раз все поприличнее, почеловечнее.

Возможно потому, что начальства поменьше, да и то, что есть, пониже, что ли. Настоящий начальник почто поедет в Арктику? Да и тайного ничего быть не может. Все становится в миг известно. Теснота опять же, скученность. То есть нет нормальной среды для размягчения и благоденствия начальства.

⁹ Публикуется впервые.

ГЛОБУС КРЕПКИХ НАПИТКОВ¹⁰

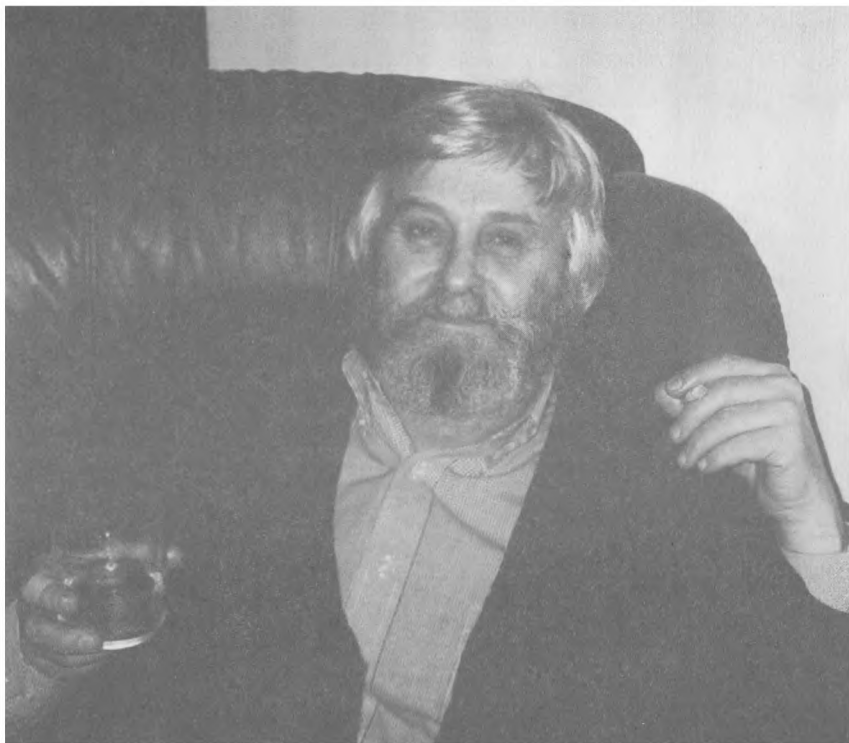
1

Сейчас шотландское виски или испанский херес можно встретить даже в подмосковных Мытищах, и совсем не исключено, что они действительно произведены там, где указано на этикетке, — а не местного мытищинского разлива. И все же малагу надо пить в Малаге, «Бурбон» — в Кентукки, а бургундское — в Бургундии. А как можно удержаться и не попробовать в Мексике текилу, где-нибудь в Африке — пальмовое вино или водку из бамбука — в Индонезии. А попав в Новую Зеландию — единственную страну, где еще выпускается «Морской Королевский Ром», — как не отведать столь любимый знаменитыми пиратами напиток?

Практически в любой населенной точке земного шара производится что-то свое, местное, традиционное. Люди научились производить алкоголь из всего, вернее, прежде всего, из того, что в данном месте наилучшим образом произрастает. А если нет ничего подходящего — не беда, — для этого годится и молоко, и не только кобылье (для выработки всем известного кумыса), а и козье, коровье или овечьё. Из него делается так называемый айран — слабоалкогольный напиток, распространенный среди коренного скотоводческого населения Алтая, Бурятии, Северного Кавказа. При помощи перегонки айран превращают в араку, молочную водку. Но проще всего делать вино все-таки из винограда, так как виноградный сок быстро приходит в брожение, не требуя внесения каких-либо дрожжевых культур.

Скорее всего, производство вина зародилось в Средиземноморье, впрочем, и Индия претендует на первенство в этой области. Древние не знали перегонки, и поэтому вино не должно было быть особенно крепким, но при длительном хранении

¹⁰ Впервые: Полит.ру. 19.5.2013. В сети: <http://www.polit.ru/article/2013/05/19/pobol/>
Иллюстрации: стр. 33 — из собрания В. Середина, стр. 36 — из собрания Е. Стеженской, стр. 39 — из собрания З. Палвановой

становилось густым и его приходилось разбавлять горячей водой. У А.С. Пушкина есть перевод из греческого поэта Анакреона, жившего в V веке до н. э.:

Что же сухо в чаше дно?
Наливай мне, мальчик резвый,
Только пьяное вино
Раствори водою трезвой.
Мы не скифы, не люблю,
Други, пьянствовать бесчинно:
Нет, за чашей я пою
Иль беседую невинно.

Впрочем, у древних было и другое мнение. У того же А. С. Пушкина в переводе из жившего в I веке до н. э. римского поэта Катулла сказано:

Пьяной горечью Фалерна
Чашу мне наполни, мальчик!
Так Постумия велела,
Председательница оргий.
Вы же, воды, прочь теките
И струей, вину враждебной,
Строгих постников поите:
Чистый нам любезен Бахус.

Кстати, о Фалерно (вспомните М. Булгакова) и о слабой крепости вина: предания утверждают, что знаменитое фалернское вино было так крепко, что воспламенялось. Но это, скорее всего, только предания.

Как ни странно, пиво, гораздо более сложный для приготовления продукт, человечество научилось делать даже раньше, чем вино. Просто в Двуречье не рос виноград, и шумерам пришлось довольствоваться ячменем и пшеницей. Заодно они же изобрели коктейльную соломинку. Дело в том, что на поверхности приготавливаемого ими пива плавало немало всякого мусора и шелухи от пшеницы и ячменя и было удобнее пить пиво через соломинку. Пять тысяч лет назад неизвестный шумерский поэт начертал на глиняной табличке такие слова:

В блаженном настроении пьется пиво,
с радостью в сердце и счастьем в печени.

От шумеров пиво попало в Египет, а потом и в Европу. Но, скорее всего, все народы по мере своего развития заново открывали

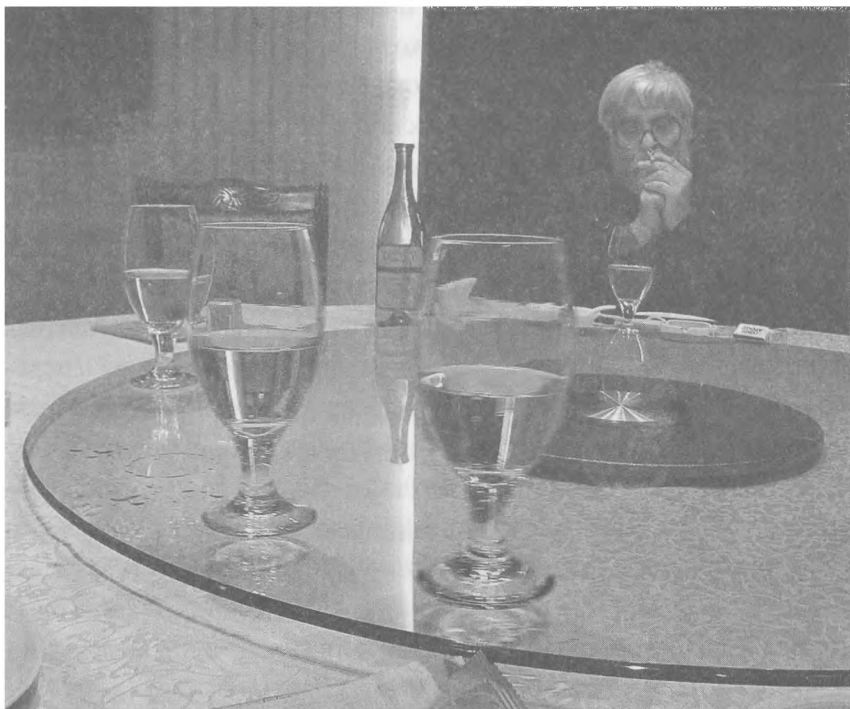
тайну этого напитка. Там, где не было ни винограда, ни пшеницы, ни ячменя, люди все равно находили выход. В Африке — делая вино из пальмы, в Америке — из сока агавы.

А предкам славян, жившим в лесной зоне, ничего не оставалось, как обратиться за помощью к пчелам. Мед как алкогольный напиток был обычен и у англичан, и у германцев, и у скандинавов. До сих пор речь шла о слабоалкогольных напитках, крепостью не более 20 градусов, что явно не устраивало человечество.

Должна была произойти революция в производстве алкогольных напитков, и она произошла. Вообще-то, первое упоминание о перегонке вина встречается в сочинениях греческого ученого Александра Афродизи около 300 года н. э., но практическое применение этому открытию было найдено гораздо позднее. По одной из версий, изобретение водки и дистилляции вина принадлежит испанскому врачу и алхимику Арнальдо де Виланова (1240 — 1310). Приводить все остальные версии не имеет смысла — их десятки. Так или иначе, но в течение последующих веков водки, виски, коньяки, бренди, ром и джин получили повсеместно самое широкое распространение.

2

А теперь дадим пояснения к нашему «глобусу». Начнем с Европы, и, конечно, с Франции, которая вот уже несколько веков является законодательницей мод в виноделии, выращивает 12 млн тонн винограда, то есть почти пятую часть мирового производства. Потребляя 78 литров вина на душу населения (не считая крепких напитков) в год, она производит бесчисленное количество различных вин. И каких! Бордосские из винодельческой области Бордо — белые, розовые и, особо популярные, красные вина, отличающиеся красивой рубиновой окраской и бархатистым вкусом. Бургундские, знакомые с детства по «Трем мушкетерам», красные — среди которых знаменитое «Маконне», белые, с не менее знаменитым «Шабле». В департаменте Юра, что по соседству со Швейцарией, производят желтые вина — крепкие сухие вина типа хереса.

В Сотерне делают натуральные сладкие вина. «Шато-Икем» считается лучшим среди них. Вообще-то сладкие вина не типичны для Франции, даже Вермут, в отличие от Италии, во Франции сухой, но сладкое красное вино «Кагор», которое производят на самом юге, у испанских границ, хорошо известно в России. Его стали изготавливать в конце XIX века по заказу русского духовенства для использования в церковном обряде причащения. Но, конечно, с тех пор, как французский монах Дом Периньон в 1670 году создал знаменитое игристое вино — Шампанское — оно остается лучшим, непревзойденным виноградным вином. Кстати, Шампанское — только в Шампани. В других районах Франции аналогичные вина называются «муссо» (mousseaux) и они часто не уступают настоящему Шампанскому.

Если кому повезет попасть во Францию в конце осени, имейте в виду, в 3-й четверг ноября по всей стране начинают продавать «Божоле» — очень популярное молодое красное вино, и в этот день первый бокал наливается посетителю за счет виноделов, бесплатно.

Виноградники во Франции — повсюду, за исключением севера и северо-запада страны, но и там путешественник не погибнет от жажды. В Нормандии, в департаменте Кальвадос производят очень вкусное слабоалкогольное плодово-ягодное вино, а также известную нам по роману «Три товарища» Ремарка, крепкую (до 50 градусов) яблочную водку — «Кальвадос».

Кстати, о крепких напитках: и здесь Франция занимает лидирующее положение. В 1701 году в городе Коньяк (департамент Шаранта) было налажено путем перегонки вина и затем длительного хранения в дубовых бочках, производство напитка, получившего свое название по имени города. Недалеко от этих мест, несколько южнее, производится Арманьяк, крепкий алкогольный напиток типа бренди, не особо популярный у нас, но во Франции вполне соперничающий с коньяком и отличающийся от него наличием пряно-фруктового оттенка. В остальных районах Франции крепкие виноградные напитки называются «бренди».

Второе место в мире по площади виноградников занимает Испания — 1,6 млн га. Виноград выращивают по всей территории страны, но главным образом в засушливых и полузасушливых районах — Ламанче (на родине Дон Кихота), в Андалузии, Леванте, Каталонии, в бассейне рек Эбро и Дуэро. В бассейне последней есть даже район, который называется «тьерра-дель-вино», то есть винные земли. В России хорошо известны типы испанских вин, производимые у нас: херес, малага, мадера. Интересно сравнить. Но лучше просто попробовать всемирно известные — «Риоха», «Мансанилья», «Этиэль», «Рекенья», а главное, — знакомое всем читателям Эдгара По, знаменитое «Амонтильядо» — сухой херес, крепость которого при длительной выдержке достигает 24 градусов. В

Каталонии производится прекрасное игристое вино типа шампанского — «Кава».

Если Испания занимает второе место по площади виноградников, то по сбору самих ягод Италия ее заметно опережает — 12 млн тонн, то есть практически столько же, как и во Франции, причем 90 % винограда перерабатывается в вино. Свыше половины урожая дают области Венето, Апулия, Эмилия-Романья и Сицилия.

Из винограда, выращенного в горах Тосканы, производится очень популярное «Кьянти» — сухое, довольно крепкое красное вино. Отличительный признак настоящего «Кьянти» — черный петух на золотом фоне. Итальянцы любят сладкие вина, вина ликерного типа, как, например, одно время всюду у нас продававшееся виноградное ликерное вино «Амаретто».

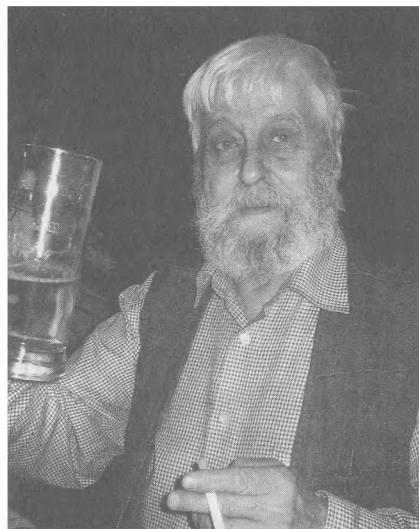
Игристые вина в Италии называются Spumante, в том числе и увековеченное О. Мандельштамом «веселое Асти-Спуманте». Из крепких напитков, помимо бренди, в Италии пьют граппу, получаемую путем отгонки спирта из перебродившей массы, оставшейся после отжима виноградного сока. Крепость граппы — около 45 градусов, а вкус — довольно специфический. На любителя.

А любителям портвейна небезынтересно побывать в Португалии, благо эта страна выращивает ежегодно более 2 млн тонн винограда, занимая пятое место в мире по его производству. Так что винограда хватает и на знаменитые портвейны, и на прекрасные сухие вина, и на бренди.

В Германии виноградники в верхнем и среднем течении Рейна и по его притокам, поэтому вина так и называются — Рейнские и Мозельские (Мозель — левый приток Рейна). Вина, как правило, белые столовые сухие, но производятся и знаменитые десертные вина — «Шпетлезе» и «Ауслезе», — и вина шампанского типа, называемые «Sekt». Покупая в Германии вино, нужно иметь в виду, что на всех немецких винах обозначается качественная категория: «немецкое столовое вино» (Deutscher Tafelwein), «качественное

вино» (Qualitaetswein) или же «качественное вино с отличием» (Qualitaswein mit Praedikat или QmP).

Но, конечно, Германия прежде всего пивная страна — первое место в мире по производству хмеля. Лучше всего пивной характер Германии чувствуется в столице Баварии — Мюнхене, где находится крупнейший в мире пивной бар и где ежегодно с 16 сентября по 2 октября проводится

«Октоберфест» — «Октябрьский праздник», во время которого выпивается около 7 млн литров пива. А всего среднестатистический немец выпивает в год около 150 литров пива. Из крепких напитков в Германии производится «шнапс» — водка из картофельного спирта, а на юге страны «Киршвассер» — вишневая водка.

Швейцария у нас ассоциируется с горнолыжным спортом и со снежными вершинами, а как раз на горных склонах прекрасно вызревает виноград, особенно вокруг Женевского озера, на берегах Рейна и Роны, а также на самом юге страны. Хорошо известны белые вина, такие как «Фандан» («Fendant»), «Иоханиесберг» («Johannesberg»), «Сант-Сафорин» («St-Saphorin»), но по-настоящему знамениты швейцарские красные вина «Dole», «Pinot Noir» и «Merlot», производимые на западе, и «Hallauer», «Blauburgunder» и «Jeninser» — в северной и восточной Швейцарии. Жемчужины Швейцарского виноделия — «Sassella», «Grumello» и «Inferno» — крепкие рубиново-красные вина кантона Граубюнден на самом юге страны.

На одной из родин виноделия, в Греции, специалисты отмечают такие вина, как «Cambas», «Tsantali», «Boutari» и, прежде всего,

– «Retsina» – типичное греческое белое вино с привкусом сосновой смолы. Стоит попробовать знаменитое сладкое вино острова Самос, которое пил, должно быть, местный уроженец математик Пифагор. А также своеобразный ликер «Мастику», приготовляемый из мастичного кустарника на острове Хиос; критскую виноградную водку «Ракию», популярную анисовую водку «Узо».

Что касается остальных европейских винодельческих стран – Югославии и ее бывших республик, Болгарии, Румынии и Венгрии, то продукция их хорошо известна россиянам по прошлым временам, и, конечно, приехав в Венгрию, нельзя не продегустировать великолепные полусладкие токайские вина. Из крепких напитков помимо водки и виноградного бренди здесь производятся многочисленные фруктовые и ягодные бренди. Наиболее популярна венгерская «палинка» – бренди из груш, абрикосов или черешни, – и сливовица, выпускаемая в Словакии, Румынии и Югославии.

Все прочие страны, прежде всего пивные, хотя и производят многие виды алкогольной продукции, но часто – на привозном винном материале. В производстве водки лидирующее положение у Польши (длительное нахождение в составе Российской империи не прошло бесследно) и у Швеции. В Скандинавских странах, Голландии и Дании популярны ликеры. Особо известен «Кюммель» – выпускающийся в Дании крепкий ликер с ароматом тмина. Но и в ликерном производстве впереди Франция. Достаточно вспомнить известный с XVI века «Бенедиктин» и несколько более молодой «Шартрез».

И еще одна европейская страна, о которой надо сказать особо, это Великобритания – родина виски, джина и своеобразных сортов пива, в том числе, эля. Виски производятся двух видов: наиболее знаменитое Шотландское, из ячменного зерна и солода, – и Ирландское, из ржаного зерна с добавкой ячменя и ячменного солода. Что касается вина, то, несмотря на то, что виноград в Англии не выращивается, со времен первого аукциона 1766 года Лондон является мировой столицей аукционов вина.

В Азии виноград хорошо плодоносит в Израиле, где производят виноградные вина, и, в последние годы, — в Японии. В основном же в азиатских странах производя не очень качественные аналоги европейских крепких напитков: виски в Индии и на Филиппинах, джин — в Индии и Таиланде.

Во многих странах производству алкоголя не способствует ислам, хотя, например, в Турции, население издавна приготавливает для домашних нужд «бузу» — слабоалкогольный напиток из рисовой, гречневой или овсяной муки. Из местных напитков в Индии, Шри-Ланке и в Индонезии готовят «арак» — крепкую водку из сока кокосовой пальмы, а в Индонезии еще и «бамбизе» — водку из бамбука. В Китае популярна «маотай» — крепкая, до 60 градусов, рисовая водка, а также «ханжа» — водка из проса. В Японии традиционно употребляют «сакэ» — национальный алкогольный напиток крепостью 16-18 градусов, изготавливаемый из риса и подающийся подогретым.

На средиземноморском побережье Африки, в бывших французских колониях — Алжире, Тунисе и Марокко — издавна выращивают виноград и, благодаря французам, культура виноделия всегда была здесь на достаточно высоком уровне. В настоящее время развитию виноделия мешает конкуренция с теми же французами и Ислам. Тем не менее, в Алжире производят качественные и недорогие красные столовые вина. Кроме севера, сравнительно недавно виноград стали выращивать на крайнем юге, в ЮАР, — и уже добились больших успехов в производстве не только вин — аналогов европейских, но и оригинальных местных сортов.

На остальной территории Африки виноград не растет и население утоляет жажду пальмовым вином, а перегоняя его, получают достаточно крепкий напиток, называющийся в Нигерии «уффоп». В Уганде аналогичный напиток «вараги» делают из бананового вина. И по всей Африке, в зависимости от того, что где растет

– просо, сорго, кукуруза – делают своеобразное местное пиво. В Южной Африке оно называется «боялва».

В Новом Свете виноград стали выращивать сравнительно недавно и только три страны – США, Аргентина и Чили могут похвастаться производством виноградного вина. Возможно, ему еще далеко до европейского, но у него есть очевидное достоинство: оно дешевое. В Аргентине, Чили и Бразилии распространены слабоалкогольные газированные напитки, получаемые в результате смешивания красного вина с натуральными соками – виноградным, апельсиновым, ананасовым и другими.

Америка знаменита не винами, а крепкими напитками. Американское виски – «бурбон», рожденное в штате Кентукки через 300 лет после его появления в Англии и Шотландии, отличается от своих предшественников тем, что содержит в исходном материале не менее 50 % кукурузного зерна. Канадцы делают виски из ржаного и пшеничного зерна и пшеничного солода с добавлением картофельного спирта. Как ни странно, США дают почти четверть мирового производства пива (свыше 24 млрд. литров), в два раза опережая Германию. Но количество не всегда означает качество.

В Мексике еще ацтеки научились делать «пульке» – алкогольный напиток из сока агавы. В настоящее время, из пульке путем перегонки производят «текилу» – известную мексиканскую водку крепостью около 45 градусов. Текила выпускается двух типов: с белой наклейкой – бесцветная («бланко»), – и с золотой – янтарного цвета («аньехо»). Иногда в бутылки текилы кладут стручок перца или даже гусениц и жучков.

Еще южнее, в Центральной Америке и на островах Карибского бассейна, в царстве сахарного тростника – родина рома. От лучшего – ямайского, до самого дешевого, а потому и популярного гаитянского рома «тафия». Производят ром и на Кубе, и в Пуэрто-Рика, и во многих других местах этого региона. А в Бразилии из сахарного тростника делают «кишасу» – популярную водку, при

производстве которой, в отличие от рома, брожению подвергается не сахарная патока, а свежий сахарный тростник. Для любителей экзотики в Венецуэле производится из экстрактов целого ряда растений самая горькая в мире водка — «ангостура».

И последний континент — Австралия. На юге ее, в Виктории, в Южной Австралии и Новом Южном Уэльсе, преимущественно в районах с искусственным орошением, выращивается прекрасный виноград и производятся очень неплохие для такой молодой винодельческой страны, вина. И, конечно, весь набор напитков англосаксов: виски, джин, пиво. И все качественно и с совершенно своеобразным австралийским оттенком.

1999 г.

В СЕРЕДИНЕ ШЕСТИДЕСЯТЫХ...

(Об Аркадии Штейнберге)¹¹

Где-то в середине шестидесятых годов, не позднее 1964-го, композитор и исполнитель Виталий Белецкий организовал студию «Музыка», задачей которой, как видно из названия, была пропаганда классической музыки. Вечера, которые проводила студия, были весьма своеобразны. Сам концерт, где первоклассные музыканты исполняли, например, Рахманинова, длился не более часа. А до него и после в многочисленных помещениях, примыкавших к залу, члены студии и ее гости — поэты, музыканты, артисты, архитекторы, художники — рассказывали собравшейся публике что-то, по их мнению, относящееся к Рахманинову и его времени.

Я, например, на Рахманиновских вечерах читал стихи поэтов Серебряного века, довольно произвольно связывая их с музыкой.

¹¹ Впервые: Аркадий Штейнберг. *К верховьям*. М.: Совпадение, 1997. С.450–452.

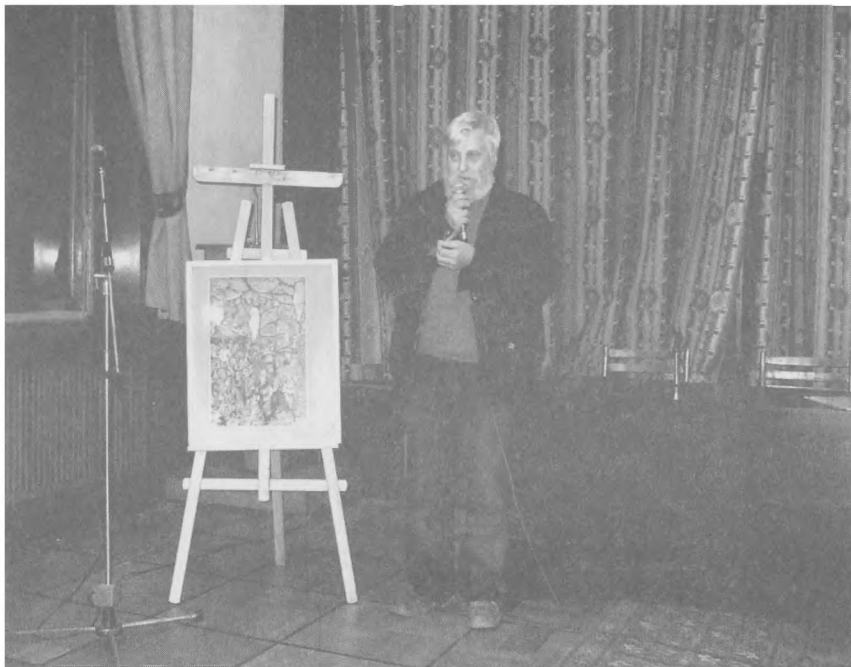
Иллюстрации: стр. 44 — А.А. Штейнберг у картины. Фото Л. Ковалева, стр. 45 — Н.П. выступает на вечер памяти А.Штейнберга в Малом зале ЦДЛ., 2008. Фото И. Делекторской, стр. 48 — А.А.Штейнберг в лодке на Хотче. Нач. 1980-х. Фото П.Поляна.

Наши кураторы из ЦК ВЛКСМ не рекомендовали читать стихи Ахматовой, Цветаевой, Пастернака и Гумилева, а вот против Мандельштама не возражали. Его в то время для них не существовало.

Вечера обычно проводились в гостинице «Юность», клубе им. Зуева, в Доме Инженера и Техника и пользовались большим успехом, возможно, потому, что в то время, да и много позже, ничего подобного в Москве не было и слушателям импонировало непосредственное общение с выступающими.

Аркадий Акимович Штейнберг впервые появился на вечере студии, вероятно, будучи приглашен выступить. Но, в отличие от остальных «маститых», остался навсегда студией до самого конца ее существования. Несмо-

тря на разницу в возрасте — мало кому из нас было больше тридцати, — он стал настоящим студийцем, то есть не только выступал на вечерах, но и посещал собрания студии, даже чисто организационные.

У меня, да и у многих студийцев, с Акимычем, как мы его называли, разумеется, только между собой, довольно быстро сложились дружеские отношения, во всяком случае, на праздновании шестидесятилетия Штейнберга в ресторане ЦДЛ присутствовала почти вся студия.

Обидно, но я никогда не слышал выступлений, вернее сказать, бесед Аркадия Акимовича в студии, так как все мы бывали заняты одновременно и в разных помещениях, но знаю, что многие приходили специально «на Штейнберга». Однако во время самого концерта, когда студийцы не были

заняты, мы пили кофе в буфете или просто трепались (слово Акимыча). Помню, в Доме Инженера и Техника, что на Мясницкой, в какой-то задней комнатенке с видом на всем известное здание, скорей всего, именно из-за этой «Лубянской» близости, Аркадий Штейнберг и Александр Ревич шумно спорили о достоинствах и недостатках лагерей – наших и немецких. Сошлись на том, что наши получше: у немцев хоть и порядок, но «машина», а у нас, с одной стороны, беспредел, зато с другой – самодеятельность.

Иногда просто читали стихи. И читал, и слушал Аркадий Акимович с удовольствием. Я знал его стихи с шестьдесят первого, с «Тарусских страниц». Он же относительно меня долго заблуждался, не верил, что я не пишу, полагал, что, если любишь стихи, то непременно и сам что-нибудь станешь сочинять или, в крайнем случае, переводить. На подаренной в 1966 году книжке своих переводов из Радуле Стийенского «Следы на песке» написал: «Поболю – собрату по рифмам и размерам эту грустную книжку с дружеским чувством». Позднее Аркадий Акимович пытался привлечь меня к переводу стихов для сборника «Австралийская поэзия». Штейнберг, как всегда, опаздывал. Левик, редактировавший сборник, торопил. В стихах было полно сленга, а словари у Акимыча, переведившего Мильтона были чуть ли не девятнадцатого века. В результате моя реальная помощь свелась к доставанию хорошего словаря. (Между прочим, в этой книге три стихотворения переведены И. Бродским.)

Впоследствии в доме Штейнберга я познакомился со многими – тогда молодыми – поэтами-переводчиками. Поразительна была неистощимая доброжелательность мэтра к юным коллегам, постоянное стремление помочь, приобщить к своему делу, обучить ремеслу. Качества, не слишком часто – вопреки расхожему мнению – встречающиеся в профессиональной среде.

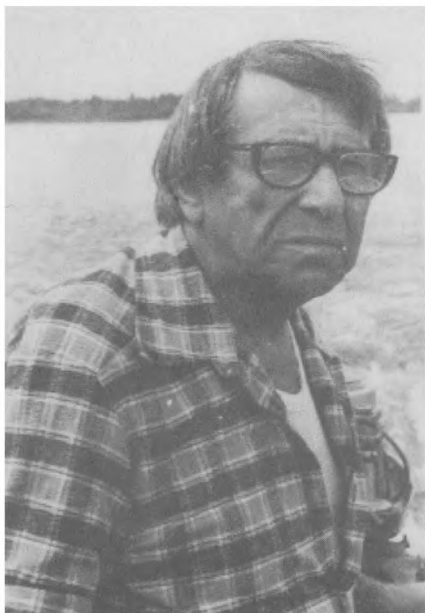
Студию вскоре разогнали. А потом я надолго уехал на Север, в Москве бывал наездами и с Аркадием Акимовичем виделся лишь изредка, преимущественно в ЦДЛ, где он вел переводческий семинар. В одну из таких встреч он надписал мой экземпляр «Тарусских страниц»: «Дорогому, старому другу Поболю от одного из редакторов и авторов этих знаменательных страниц с наисердечнейшими пожеланиями».

Кстати, ко времени моего отъезда относится эпизод, так сказать, «кадр», где я увидел совершенно непривычного Акимыча. Было это вскоре после его женитьбы на Наташе. Я зашел к ним в гости и, видимо, не совсем вовремя. Молодожены занимались чем-то вроде йоги – стояли на диване вверх ногами и вниз головой. После «сеанса» – ужин: овсянка. Я достал принесенные пол-литра – и услышал дружное: «Не пьем!»

Не думаю, что сей «здоровый образ жизни» затянулся надолго. Когда Павел Нерлер привел меня к Штейнбергам, но уже на Шукинскую, все было вполне традиционно: никаких йог, овсянки, трезвенничества.

Окончательно я вернулся в Москву только в начале 1984 года. Долго не мог устроиться на работу и перебивался грузчиком на овощной базе. Об этом Аркадий Акимович узнал от Нерлера, позвонил и попросил приехать, как он сказал, «по миллионному делу». Конечно, я приехал. Оказалось, что давно нужно сдать переводы каких-то индусов, что работать в городе невозможно, надо ехать в Юминское, а тут должны прийти водопроводчики – и вся надежда на меня. Короче, не соглашусь ли я за 100 рублей жалования сидеть у него в квартире и читать книги? Понятно, я согласился – и поначалу в свободное от других дел время сидел и читал.

Но вскоре стало ясно, что водопроводчики – существа мифические, что их нет и не будет, а совсем уж просто так полу-

чать деньги было совестно. Я стал регулярно ездить на два-три дня в Юминское, возить туда еду и получать удовольствие от общения с Аркадием Акимовичем. Он тоже — это было видно — получал удовольствие, демонстрируя свое обширное хозяйство и, главное, рыболовные снасти. До рыбалки, правда, дело не доходило, но на моторке катались. И собирали грибы.

И тут надо сказать об изумительном качестве Штейнберга — о его любознательности. Причем — совершенно ненасытной.

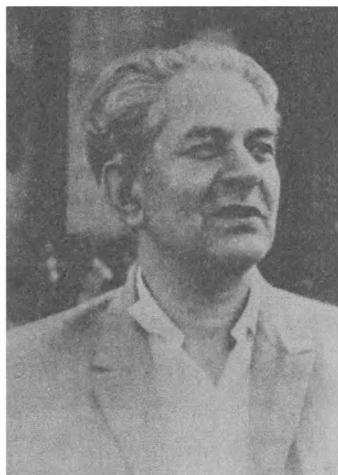
Я имею в виду не широту интересов, но прямо-таки мальчишеское, жадное любопытство. Собирая грибы, он как-то заметил, что я не беру съедобный, но здорово похожий на мухомор гриб — большой зонтик. В Подмосковье их обычно не собирают. Аркадий Акимович стал уверять меня, что это — прекрасный гриб и даже, вытащив из ножки сердцевинную трубочку, съел ее сырою. Я-то знал, откуда у него интерес к этим грибам, видел у него чешскую книжку о грибах и тоже читал про эти зонтики. Но чтобы проверять! Мало ли что чехи напишут...

Обычно я приезжал без предупреждения и добирался от станции до Юминского самостоятельно. А обратно Аркадий Акимович сопровождал меня на моторке до железнодорожного полотна. В последний раз это было пятого августа 1984 года...¹²

¹² 7 августа Штейнберг пошел на реку, наклонился к мотору и мгновенно умер. Причина смерти — тромб в сердце.

У МАЕРГОЙЗА¹³

Нет, я не был образцовым студентом: в молодости жизнь создавала поводы насладиться собой и без помощи лекций или конспектов. Но я определенно бывал на маергойзовских семинарах, пусть и не на всех. Особенно запомнил его рассказ о сборе информации при помощи телефонной книги, на примере, кажется, довоенной Австрии.

Запомнил, видимо, потому, что сам в детстве изучал первую послевоенную московскую телефонную книгу на предмет выявления интересных фамилий: наибольшая удача — человек по фамилии Зюд-Вест. Естественно, что был соблазн позвонить и попросить Норд-Оста.

...На втором курсе мне нужно было писать курсовую работу, почему-то по средневековой Индии (я учился на зарубежке, на капстранах¹⁴). Все сроки давно прошли, когда я что-то похожее на нужное содрал из десятитомной Всемирной Истории. Но оставалось главное — аттестоваться, то есть сдать курсовую. И тут мой друг, Павел Полян, любимый ученик И.М. Маергойза, повел меня к нему.

Я протянул мэтру тощую школьную тетрадку со своим невнятным текстом.

— «Читать?», — спросил меня Исаак Моисеевич, широко улыбаясь.

— «Ни в коем случае!», — ответил я.

И мы разошлись, довольные друг другом.

2009

¹³ Впервые: *Географическое положение и территориальные структуры: памяти И.М. Маергойза*. М.: Новый Хронограф, 2012. С. 203.

¹⁴ Кафедра экономической географии зарубежных капиталистических стран — одна из наиболее престижных на Географическом факультете.
На снимке — И.М. Маергойз

«НЕПОНЯТНО, ОТКУДА ОН ВЗЯЛСЯ, ЭТОТ САШКА ВАСИЛЬЕВ...»¹⁵

Непонятно, откуда он взялся, этот Сашка Васильев.

Сейчас говорят о семье – это все фантазии, потому что отец Сашки – знаменитый кинорежиссер, снявший «Чапаева», Георгий Васильев – умер, когда сыну было 7 лет, и переехавшая в Москву семья существовала совершенно обычной по тем временам, трудной, полунищей жизнью. Да и не было в нашем детстве библиотек. Вспоминают о какой-то якобы имевшейся в ленинградской квартире Васильевых богатейшей библиотеке, но она, если и была, осталась в Ленинграде. Это тоже вымысел.

Что же до реальности, то до смерти Сталина – о чем сегодня почему-то никто не помнит – хорошие книги в нашей стране практически не издавались. Это уже все началось потом, после 1955-го, стали издавать собрания Блока, Маяковского, Есенина, Достоевского. А ведь были двадцатые, с чудовищными зимами, голодными–холодными, и война – так что если у кого-то и были чудом уцелевшие с дореволюционных времен библиотеки, то не у нас.

В нашем доме, например, после возвращения из эвакуации остались только два тома «Всемирной иллюстрации» за 1875 год, которые, я думаю, просто в печку не влезали. Впрочем, были издававшиеся в сороковые годы увесистые однотомники русской классики – Пушкин, Гоголь, Чехов, Лермонтов, Щедрин. Что касается Достоевского, то у меня есть набор открыток – 28 великих русских писателей, – выпущенный в 1955 году, так вот Серафимович, Фурманов, Н. Островский там есть, а Достоевский и Лесков, я уж не говорю о Бунине, не удостоились.

¹⁵ Впервые: *Про Сашку Васильева*. М. 2012. С. 60-85.

Иллюстрации: стр 52– Сашка Васильев. Ноябрь 1957. , стр. 53– Ю. Оникин, Н. Поболь и А. Васильев. Март 1956.

Так что любовь к авторам определялась их наличием. Сашка очень любил Есенина — и, между прочим, по совершенно объяснимой причине: стихотворения Есенина, изданные, естественно, в двадцатые годы, имелись у Сашкиного отчима, драматурга Евгения Рысса. А моим любимым поэтом — по тем же обстоятельствам — был Александр Блок, потому что у нас было его дореволюционное издание. В общем, мы читали и, соответственно, любили те немногие книги, которые были у каждого из нас: Стивенсона, Конан Дойля, Джека Лондона... Но библиотек у нас не было. Тем не менее, книги как-то доставались, читали мы тогда много и без всякого разбора.

Я жил в Уланском переулке, в большой квартире, некогда принадлежавшей моему прадеду — ювелиру (после революции сделавшемуся часовщиком), и от которой у нас после уплотнений осталась одна проходная комната, — и ходил в находившуюся напротив дома 281-ю школу. Сашка учился в другом месте. Но в классе я дружил с Юликом Жеймо, самым близким Сашке Васильеву человеком еще со времен их общего детства в Ленинграде, — вот он-то нас и познакомил в начале пятидесятых. В Ленинграде семьи Юлика и Сашки жили напротив киностудии Ленфильм, на Малой Посадской, которая одно время даже называлась улицей «Братьев Васильевых», между прочим. Компания наша тогда состояла из одноклассников Сашки — Юры Оникина, по прозвищу Онька, и Левы Михалевского — и наших с Юликом школьных друзей.

Был у меня очень близкий друг Юра Савельев. Но у них с Сашкой не сложились отношения. Я тогда никак не мог понять почему — теперь думаю, что Сашка не очень был расположен к благополучным людям. Юра был прекрасный, талантливый человек, но у него все было в порядке — и в семье, и везде... А дом Васильевых — это дом людей неблагополучных. Дом, где многие, выражаясь по-старинному, «несчастные находили утешение». Я еще расскажу об этом подробнее.

Где бы и как бы ни жили Васильевы, у Сашки всегда была своя комната – и в Печатниковом переулке, и на Солянке, – и мы там постоянно толклись. Конечно, и у некоторых других ребят было вполне сносно с жильем, но такой свободы, как у Васильевых, не было ни у кого. Со взрослыми мы дела тогда не имели, почти все они казались врагами, а Рысс – так, по-моему, сам нас как-то опасался в те времена. Мы варились в собственном

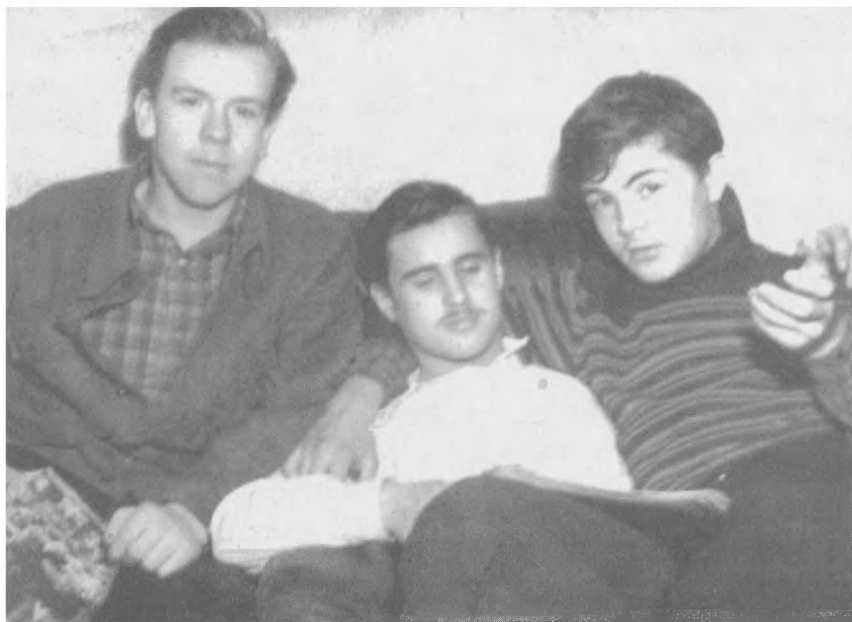
соку, вовсе не интеллектуальном.

Сашка вообще любил разнообразие, и у него, помимо школьных, были достаточно экзотичные знакомые, например Саня Чок, который при росте за метр восемьдесят, имел вес 39 кг и пил, кажется, все горючие жидкости. Конечно, и мы выпивали. Но поскольку нам тогда было лет 14 – 15, то предпочитали всякие «сладкие» напитки вроде ликеров, и только Сашка – водку, да и то, видимо, потому, что, по его мнению, она больше соответствовала образу «настоящего» мужчины из джекклондоновских рассказов. Обычно наши «пиры» случались по поводу каких-то праздников или дней рождений, которые мы таким образом «отмечали».

Как-то такое событие происходило дома у Юры Савельева и, когда выпивки не хватило, мы полезли в, можно сказать, бронированный, дубовый стол Юркиного отца – большого государственного деятеля. Передняя часть стола действительно выглядела неприступной, но задняя стенка была

обычной, легко отгибаемой фанерой. Вскрыв ее, мы обнаружили множество бутылок уникального армянского коньяка, качество которого я смог оценить много позже, а тогда мы пили его с отвращением. (Кстати, о Юре. Еще в детстве мне было непонятно: как у государственных деятелей мог быть такой сын. Объяснилось это позднее – Юрка был приемный, скорее всего из так называемых испанских детей. Его мать призналась в этом уже после смерти сына).

А еще мы играли в покер и канасту. Сашка был страстный картежник. Он очень гордился тем, что в «Чапаеве», в кадре, где офицер сдает карты над серебряным портсигаром, этого офицера играет его отец – Георгий Васильев. Сашка был настоящий игрок, и именно картежник. Мне кажется, его никогда не увлекали командные игры вроде футбола или даже азартные, но такие, в которых он не мог непосредственно участвовать.

Единственная возможность нашей с ним «ссоры» возникла лишь при его проигрыше мне в покер. При всей своей широте и даже совершенном наплевательстве на деньги Сашка терпеть не мог отдавать проигранного, как бы ничтожна ни была эта сумма. В таких случаях Елена Ивановна всегда говорила о сыне, что «недаром его дед торговал в лабазе». Сашка сам изобрел своеобразный и несколько опосредованный комплимент себе – игроку, говоря: «В Москве, я думаю, лучше всех играет Поболь, но Поболь говорит, что лучше всех играет Васильев».

Как только мы получили паспорта, сразу записались в «Юношеский зал» Ленинки. Скоро выяснилось, что это не совсем то, чего мы хотели. Правда, довольно быстро мы обнаружили, что если на абонементном листке красным карандашом делается пометка «МК», то попадаешь туда, куда нужно, – в музей книги. С момента этого открытия мы носили с собой красные карандаши и, не тратя времени на всякие формальности, ходили уже только туда. Там работали чудные старушки, которые к нам замечательно относились. Кому сказать! Мы не только могли оттуда звонить по телефону, но и **н а м** туда можно было позвонить!

Еще мы ходили на редкие в те времена выставки. Помню знаменитое открытие в Пушкинском первой выставки Пикассо. Ходили мы с Сашкой и в консерваторию, а вот в театр – очень редко, зато в кино бывали часто, как и все в те времена. Кино Сашка хорошо узнал «по должности» уже во ВГИКе. Я тоже бегал к нему туда на просмотры. Вообще-то посторонних не пускали, но у нас была отработана целая процедура. В вестибюле на первом этаже, перед постом охранника, то есть еще на «ничейной территории», стоял телефон-автомат. Сашка со студенческим билетом, небрежно помахивая им перед носом охранника, выходил «позво-

нить». Я следил за происходящим с другой стороны окна. Набрав номер и чуть подождав, Сашка громко говорит: «А черт, занято!» — и возвращается. Тут же в будку запрыгивал я и с тем же самым «А черт, занято!» — уверенно проходил мимо охраны с оставленным на автомате Сашкиным студенческим.

Но однажды Сашке из-за меня досталось. Он тогда не курил, а я закурил рядом с будкой киномеханика, что было запрещено категорически. Ко мне подошел пожилой охранник и потребовал студенческий... В общем, некурящему студенту Александру Васильеву объявили выговор «за курение в непопозвоженном месте».

Но это было позднее, а пока мы учились в школе. Впрочем, когда Сашка учился, я вообще не понимал, потому что мы от него все-таки возвращались домой и могли делать какие-то там уроки, а у него в комнате вечно толпился народ. Я даже спрашивал Леву Михалевского, как Сашка умудряется отвечать на уроках. Лева говорил, что тот домашних заданий никогда не делает, но на уроках слушает очень внимательно и всегда все отвечает, потому что память у него феноменальная. Позже я сам в этом убедился, впрочем, не только в Сашкиной памяти — он обладал замечательными интеллектуальными способностями, и не в одних гуманитарных науках.

А еще мы довольно часто ездили за город, иногда за грибами, чаще просто так. Вообще, мне кажется, наша жизнь не отличалась от жизни большинства наших сверстников.

У Саши никогда не было «единственного» друга, а всегда — очень много приятелей. Однако существовал приоритет — время знакомства: чем дольше, тем лучше. Вот Юлик, например. Они во всем были совершенно разные: Юлик — абсолютно добропорядочный человек в забытом смысле слова, и Сашка, с легкостью менявший самые различные амплуа — от барышника и бизнесмена до мецената.

Хотя, когда мы познакомились, Сашка был просто очень интеллигентным мальчиком, каковым для меня и оставался всегда, несмотря на то, что он бывал разным и по-разному вел себя с каждым человеком. Вообще в нем жила очень мощная театральность — не та, что выражается в желании сниматься в кино или играть на сцене, а истинный артистизм настоящего художника, свойственный очень одаренным людям. Кстати, позднее, когда он уже учился во ВГИКе, многие однокурсники подрабатывали, снимаясь в массовках, — Сашка никогда. Он был сам себе режиссер.

После окончания школы, в 1957 году, мы все продолжили в некотором смысле наследственные профессии: Сашка поступил во ВГИК, я — в энергетический. Несмотря на то, что на курсе он был вчерашним школьником, а во ВГИКе в то время было много студентов, уже имевших профессию и получавших второе образование, Сашка, по свидетельству его однокурсницы Гали Маневич, явно выделялся в интеллектуальном развитии. Появились у нас и новые — уже институтские — друзья: Сашкина однокурсница Галя Маневич, литератор Саша Пудалов — племянник редактора «Тарусских страниц»; Андрей Бабиченко — сын известного мультипликатора, Алик Бенкендорф, у которого отец был архитектором. (Между прочим, он по прямой линии происходил от того самого Бенкендорфа — шефа жандармов, и иногда ему приходилось по этой причине несладко. Однажды во время какого-то нашего «отмечания», когда все уже замертво полегли, кроме Алика, меня и еще кого-то третьего, в несвязном нашем разговоре прозвучало имя Пушкина. И тут Онька, лежавший трупом, не открывая глаз, снял ботинок и ударил им Бенкендорфа по голове).

Примерно в то же время появились в нашей компании и художники — сначала Володя Яковлев, а позднее Володя Пятницкий и Игорь Ворошилов. Но тут, в декабре 1958-го, я на три года загремел в армию, и только весной 1961-го мне удалось приехать в Москву в отпуск. Я, конечно, сразу побежал к Сашке.

Дверь открыл Рысс и бросился ко мне с объятиями. Первая фраза его была — «Два или полтора?» «Два», — заверил Сашка и побежал за двумя литрами водки. Все 10 дней моего пребывания в городе мы с Рыссом общались. Он много вспоминал о войне и как-то сказал: «Представляешь, мне удалось за войну встретить четырех нормальных людей!» Евгений Самойлович считал это колоссальным везением. Вообще он был очень интересным человеком. Приятель Хармса, Олейникова и Шварца. Так в нашу жизнь стали входить «взрослые».

Правда, когда меня демобилизовали, Евгения Самойловича у Васильевых я уже не застал: Елена Ивановна его выгнала, обвинив в том, что он спаивает Сашку, — что, конечно, было не совсем справедливо. Она даже послала меня к Рыссу с авторскими экземплярами его книг, поскольку не желала видеть его сама, и при этом сказала, чтобы я — «как член нашей семьи» — с Евгением Самойловичем не смел пить. Я шел и мучился, как мне быть. Но все случилось гораздо проще: дверь открыла какая-то женщина и взяла у меня книги. Так я больше Рысса и не видел.

За три года, проведенные мной на армейской службе в Средней Азии, московская жизнь здорово изменилась. Как я уже сказал, появились взрослые, да и мы сами уже не были детьми. В первые дни после моего приезда Сашка повез меня в Лианозово — представлять Оскару Рабину. Если раньше Алексей Охрименко, автор знаменитой песни «Я был батальонный разведчик» и многих других, ныне, к сожалению, почти не известных, приходил пить к Сашкиным родителям, то теперь он приходил пить и пить к нам. В доме постоянно бывали и периодически жили Томас Венцлова, Наташа Трауберг, Андрей Волконский, Гена Айги и еще много интересных людей. Одно время, несколько позже, у Васильевых жил Борис Барнет, знаменитый в прошлом режиссер и актер, автор «Украины», возможно, знакомый современному зрителю по фильму «Подвиг разведчика». С ним мы тоже играли в покер.

Примечательно, что все эти люди жили у Васильевых в свои, скажем так, не самые простые периоды жизни. Тогда же, в 1961, я подружился с попавшими в Сашкину компанию ранее, во времена моей военной службы, Гариком Суперфином и Колей Котрелевым.

Некоторое отступление — о политике, вернее, об отношении к советской власти. Не были мы тогда ни политически активными, ни диссидентами (и слова такого не знали), но отношение, сколько себя помню, было всегда четким, однозначным. И виновата в этом была сама власть.

Был у меня когда-то сумасшедший знакомый — коллекционер мыла, и знал он о мыле все. Так вот он был страшным антисоветчиком, потому что даже по отношению к любимому им мылу советская власть умудрилась сделать массу гадостей. Короче говоря, для того, чтобы не любить власть, надо было что-то любить. А мы тогда любили многое — и поэзию, и музыку, и литературу, и искусство вообще. И не наша вина, что советская власть ненавидела все, что мы любили.

Ни в юности, ни потом — никогда Сашка не был коллекционером. Он покупал картины, но тут же их перепродавал, покупал книги, и их постигала та же судьба. Дух накопительства напрочь отсутствовал в нем. Сашка не был собиратель ни книг, ни картин, ни денег — ничего.

В отличие от других «киношных» детей, у многих из которых был своеобразный комплекс по поводу «недооцененных» родителей, Сашка, гордясь отцом, таким комплексом не страдал. Прочитав книгу Жоржа Садуля по истории кино и не обнаружив там среди 100 великих кинорежиссеров имени Георгия Николаевича, он сказал, что, разумеется, если Садуль видел последние фильмы Сергея Васильева (соавтора его отца), то все совершенно справедливо.

К Елене Ивановне также приходило много знакомых, и чаще всего — Михаил Аркадьевич Светлов и Марина Алексеевна Ладынина. Мы и с ней играли в покер. Вопреки своему амплуа в кино, она была невероятно умным, очень образованным и интересным человеком, в

отличие от своего мужа, знаменитого кинорежиссера Ивана Пыррева. Однажды я пришел к Сашке, не застал его дома, и как-то так случилось, что я остался. Это оказался совершенно незабываемый для меня день, потому что я присутствовал на встрече Елены Ивановны с самыми близкими ее друзьями — Михаилом Светловым и Мариной Ладыниной (они называли его «воробышком», а он их «говнюшками»), и пили мы не водку, или не только водку, а чай — и это было очень здорово. А Светлову я благодарен, за то, что он на съемках «Заставы Ильича» познакомил меня с Булатом Окуджавой.

У Сашки, на мой взгляд, в искусстве был безупречный вкус, но, в общем, к кино он был довольно равнодушен. Как-то мы посмотрели бельгийский фильм «Чайки умирают в гавани», сильно нас поразивший. Сашке тоже понравилось, но он сказал: «Там четыре режиссера... Как это может быть?» Сашка считал искусство явлением глубоко индивидуальным, и поэтому кино — как коллективное творчество — его не очень интересовало, кроме, может, одного Чарли Чаплина.

Чувство вкуса явственно изменило ему однажды, еще в школьные времена, когда он представлял нас с Юликом, или наоборот нам, свою будущую жену Люсю Миледину и повел нас по этому случаю в кино на египетский фильм «Борьба в долине». Как и положено в египетском фильме, влюбленные по недоразумению разлучаются на двадцать лет и встречаются снова уже при взрослом сыне. Зал рыдал. Мы с Юликом тоже рыдали от смеха, потому что, кроме всего прочего, героя звали «доктор Мундук», а Сашка был очень серьезен и ужасно злился на такое неприличное поведение друзей.

После окончания ВГИКа и до конца своих дней Сашка дважды чуть было не устроился на работу. Один раз — когда снимали фильм о его отце, но появиться там надо было сразу же после Первомайских праздников, что, конечно, было никак не возможно. Другой раз его устроили рабочим в какой-то театр, кажется — им. Ермоловой, и Сашка сразу же должен был поехать с театром на гастроли в Мурманск. Естественно, устроили пыш-

ные проводы. Поезд отходил в 1 час ночи. Самые стойкие — Эдик Курочкин, Гена Блинов и я, — захав в ресторан «Ара-рат» за дополнительной водкой, оказались в поезде вместе с Сашкой.

После неизбежного скандала Гену и Эдика в Калининe сняли с поезда, а я утром очутился в Ленинграде без копейки денег — благо там было много друзей. Чем закончились Сашкины гастроли, неизвестно, но в Москве он появился довольно скоро.

В советские времена официально не работать было сложно — «тунеядство» сурово преследовалось, но тут ему помогла культур-министерша Екатерина Фурцева, с которой дружила Ладынина, вернее, Фурцевой по должности полагалось дружить со знаменитыми актрисами. Сашке оформили что-то вроде «белого билета» как сыну великого кинорежиссера, и он периодически должен был подтверждать свою неполноценность перед какой-то депутатской комиссией.

Однажды это было так: предварительно тетенька из этой комиссии умоляла Сашку перед комиссией побриться, а у него в то время была действительно чудовищная борода. Сашка побрил наголо голову, оставив в неприкосновенности гигантскую бороду, пришел на комиссию и, опередив депутатов, спросил: «А смогу ли я стать депутатом, если мне отменят мою привилегию?» Это их очень развеселило, и они с чувством превосходства продлили ему все, что было нужно.

Из-за Фурцевой мне однажды здорово попало: во время одного из редких посещений театра — а может, что скорее, концерта Андрея Волконского — в антракте я увидел сидящих в первом ряду Елену Ивановну и Марину Алексеевну и, естественно, расцеловался с обеими, не обратив никакого внимания на сидевшую между ними даму, которая оказалась как раз Фурцевой. Меня потом долго пилили за плохое воспитание.

История с самиздатом началась в 1958-м – 1959-м году с Елены Ивановны, которая подрабатывала перепечаткой на машинке. К сожалению, позднее, купив себе пишущую машинку «Оптима», я тоже в этом участвовал. К сожалению – потому, что у меня к тому времени была довольно приличная библиотека первоизданий Серебряного века, которые я перепечатывал, а книги через Сашку продавал.

Дело в том, что я давно уже собирал книги по искусству. А это не стихи, которые я тогда легко запоминал, – картинки на машинке не перепечатаешь... Но проданные книжки до сих пор жалко. Относительно Сашкиных книжных дел: не так давно я спросил Льва Турчинского, автора библиографии «Русские поэты XX века» и обладателя самой полной библиотеки русской поэзии, знал ли он Васильева. «Конечно, – сказал он, – Васильев всегда был пьян, но всегда все помнил и выполнял все обещания».

С 1975 года я стал работать в геодезии, в основном в Арктике и на Дальнем Востоке, но в Москве бывал часто и, конечно, встречался с Сашкой, правда, теперь уже больше у меня или в разных забегаловках, и только вдвоем, т.к. я не переносил его театральные таланты – умения одновременно быть разным с различными людьми, а со мной он был все тем же интеллигентным мальчиком, как и много лет назад. Впрочем, и жилья своего после развода с Шаурой¹⁶ у него не было.

В мае 1990-го, кажется, 15 числа, я пошел на отпевание Венедикта Ерофеева. Опоздал, потому что говорили, что все будет в Донском монастыре, а оказалось, что в церкви на Донской улице. В храм мне войти не удалось из-за большого стечения народа. На паперти сидел Сашка с большой черной послевоенной хозяйственной сумкой и наливал всем по какому-то ему одному известному чину – кому портвейн, кому сухое, кому водку... Нам с Беллой Ахмадулиной достался коньяк.

¹⁶ *Вторая жена А. Васильева.*

Еще через 2 года сидели мы у Левы Михалевского, на Цветном бульваре, — Юлик приехал. Он позвонил Сашке. Тот прикатил тут же на такси и привез бутылку водки. Читали стихи, я — Мандельштама. Очень славно сидели. Сашка был так хорош, так рад нашей встрече... Потом пошли на Красные Ворота в гости к моим друзьям, а Сашку, который как-то быстро и очень сильно опьянел, мы решили с собой не брать. На Сретенке поймали такси и отправили его домой.

Он очень не хотел уезжать. По сути эта была наша последняя встреча, потому что, когда через некоторое время мы приехали к нему с Левой Михалевским, он нас не пустил. Невозможно себе представить, чтобы Сашка кого-то к себе не пустил, — но ему уже было очень плохо. Потом его положили в больницу. Я ходил к нему туда, но Сашка уже не приходил в сознание.

Последнее и самое главное: приходится слышать, что Сашка при всех его талантах не состоялся, что он прожил неправильную жизнь, что он мог и должен был... и прочее, и прочее... Во-первых, он никому не должен, а прожил жизнь, как мог и как хотел, и ему должны быть благодарны многие — у кого висят купленные у него картины, стоят купленные у него хорошие книги (не надо забывать, что в те времена очень многие авторы в букинистические магазины не принимались и, соответственно, там не продавались, а живопись выставлялась только до импрессионистов включительно) и еще хранятся не совсем качественные самиздатовские сборники прекрасных поэтов, о существовании которых большинство узнало от него же.

И, конечно, должны быть благодарны художники, получившие первые свои заработки при помощи Сашки Васильева. Таких людей много — в этом убеждаешься, приходя на кладбище в день Сашкиного рождения и в день его смерти.

Правда, последние годы это уже не так — старшего поколения не осталось совсем, да и наше теперь не так мобильно...

Июль 2011

Шуточные стихи

***¹

Вот и плывет плот,
Водную рвет гладь.
Стоило ждать год,
Чтобы так плыть опять.

Сверху небес плат,
Сбоку хребты гор.
Лучше во сто крат,
Лучше, чем до сих пор.

1965

Мы идем на абордаж,
Будь что будет – лишь бы скорее.
Либо корабль полностью наш –
Либо только кусочек реи.

Никто не будет слушать молебны,
За упокой наш, за наши души,
И только солнца огонь целебный,
На мокрых ряях слезы осушит.

¹Парафраз стихотворения О. Мандельштама «Сегодня дурной день...».

***²

Зачем нам знать, что осень отступает
И первый снег, по воздуху шурша,
Надеется на то, что не растает,
А упадет на землю не спеша?

Мы мечемся по северу и югу.
Не запад нас встречает, а восток.
Апрель и май — песцы, пурга и выюга,
Июль зато — арктический цветок.

И мы назло завистливой старухе,
Что нам предъявит свой последний счет,
Нальем стакан прекрасной бормотухи,
Еще стакан и тыщу раз еще!

И пусть фортуна, явно с перепоя,
.....
Мы так живем. Иначе жить не стоит
.....

²Это неоконченное стихотворение является своеобразной попыткой акростиха: начальные буквы первой строфы складываются в слово «ЗИНА».

Солнце жжет, как в Средней Азии.
Влезло наверх и не слезает.
Белый снег стал бурой грязью!
Безобразие!

Ах, Сохатый! Все в тебе
Благородно без изъяна.
Как не вспомнить о губе —
Вожделении гурмана?

А грудинка! А язык!
Мой язык лишился речи,
К райским яствам не привык.
А филе? А почки, печень?

Даже то, что все с тоскою
Нарекли прямой кишкою, —
Наизнанку, жир внутри,
Фаршем с кровью набивали —
И такого, черт возьми,
Даже боги не едали!

Но совсем уже шарман
Прозывается урман.

Без него, владыки тундры,
Лесотундры и тайги,
Ни минуты, ни секунды,
Ни вздохнуть, ни что-нибудь,
Даже думать не могли!

Геморрой подкрался незаметно.
Он пришел — так жди радикулит.
Нежный сон здоровья канет в Лету,
Что-нибудь вконец остепенит.

А потом болезни волчьей стаей :
Раки, миокарды и т.д. —
Окружат, облепят, растерзают...
Выпить лучше б сразу ДДТ.

Утешенье есть, но небольшое,
Очень уж на нестандартный взгляд:
Так как зубы выпали весной,
Нынче, слава богу, не болят.

И еще: грустя и сожалея,
Как не думать — ведь придет оно!
Мне грозить не сможет гоноррея, —
Пусть не завтра... Страшно все равно!

Около 1983

Ты сказала, что Саади,
Заливая в сердце грусть,
Целовал лишь только сзади, —
Научусь когда-нибудь.

Что нам жопа! Мы народ простецкий.
Любим женщин просто, без затей...
Что ж до этих выдумок турецких,
Ты прости их, Боже, пожалей.

Вспоминая...

Воспоминания о Николае Поболе

Из откликов на известие о смерти

Из стенограммы гражданской панихиды

Стихи, посвященные Поболю

Елена АЛЕКИНА, Борис ДВОРКИН (Москва)

ЕМУ БЫЛО 33...¹

...Ему было за тридцать, а мы — еще совсем дети, хотя кому-то уже и исполнилось 18, 20, а то и «все» 22!

Почему именно тогда, на Географическом факультете, мы оказались вместе? Каким магнитом нас

примагнитило к Коле? Было весело, было шумно, можно было выпить, покурить, попеть и... послушать Колю. Он всегда говорил какие-то безумно интересные вещи или читал стихи, и все тогда затихало и слушали, слушали, а потом бежали в магазин, праздник продолжался, и расходились только потому, что закрывалось метро.

Иногда он готовил плов, и это было священнодействие. Каждый шаг на пути к результату сопровождался массой занимательных историй, плов всегда был превосходный, а историй могло бы хватить еще не на один плов. А если удавалось с Колей сходить по грибы, то процесс приготовления их на костре сопровождался каскадом историй, связанных с грибами.

Когда Коле в руки попадали географические карты, он моментально схватывал заложенную в них идею, и дальше можно было часами разговаривать о картографии. Все темы, что оказывались в поле зрения Коли, обсуждались обстоятельно, всесторонне, обя-

¹ На фотографии: Б. Дворкин, Е. Алекина и В. Колосовская.

зательно за столом, передавая собеседнику что-то глубинное, важное, личностное.

Может быть, речь всегда шла о том, что человек может быть свободным, и может позволить себе самовыражение, самореализацию и самостоятельность?

В любом случае говорилось гораздо больше того, что стоит за словами и что мы были в состоянии понять.

Людмила АЛЕКСАШКИНА (Москва)

ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ ДРУЖБЫ

В октябре 1952 года мой отец получил квартиру в высотном доме у Красных ворот. Я (в то время Аверенко) подружилась с Женей Адеевой и Таней Лисовской. В январе 1953 года на школьных каникулах мы получили записку на английском языке с предложением о встрече за подписью: «Юра Савельев, Коля Поболь». Все мы жили в одном доме, в 11-м подъезде, кроме Коли, который жил в Уланском переулке. С Юрой он дружил с первого класса. Коля учился на 4 и 5. Так началась наша детская дружба, нам было тогда по 13 лет. Мы играли в «казаки-разбойники» и другие детские игры. Колька с мороженым бегал по Садовому кольцу, и его никто не мог догнать. Мы ходили впятером в кино, в квартирах слушали советскую музыку.

В то время были мужские и женские школы. Осенью 1954 год школы объединили. Я в том же году уехала с родителями в Пекин. Вернувшись летом 1956 года, узнала, что дружба кончилась.

В начале 60-х годов Коля с Юрой пригласили меня в гости уже вместе с моим мужем, где мы познакомились и с их друзьями. Почти каждую субботу мы собирались у кого-нибудь на квартире. Нам всем было по 20 с хвостиком годков, мы были молодые специали-

сты, получающие по 100 рублей. Покупали на Мясницкой армянский коньяк «три звездочки» по 4 руб. 12 коп., кофейный ликер, сыры сулугуни и рокфор, кофе «Арабика» в зернах. Майя баловала нас пловом.

На субботних посиделках «пели» Эдит Пиаф, Фрэнк Синатра, Анна Герман, Луи Армстронг, Элла Фитцджеральд. «Играл» американский джаз Дюка Эллингтона и Гленна Миллера, Бенни Гудмена. Танцевали модный танец рок-н-ролл и танго. Юра играл на пианино и пел репертуар Вертинского. Любимыми Колиными мелодиями были «Караван» Дюка Эллингтона и «Take Five» Дэйва Брубeka.

Коля читал стихи запрещенных тогда поэтов Серебряного века. Обязательно — Мандельштам. «Мандельштам, — говорил он, — лучше Пушкина!» Коля очень любил и творчество Бабея. Мы все очень много читали — того же Бабея, Кафку, Сэлинджера, Эдгара По, Хемингуэя, Солженицына, Зощенко, Аксенова и других — и на посиделках обменивались впечатлениями.

Коле очень нравился фильм «Бежин луг» Эйзенштейна. Помню так же, как они с Юрой были довольны, когда как-то ухитрились посмотреть американский фильм «Серенада Солнечной долины».

Мы могли часами рассматривать альбомы импрессионистов, которых все очень любили. Коле и Юре удавалось доставать книги по живописи и литературе, издаваемые за рубежом. Компанией мы ходили на выставки по живописи, на Родена (кстати, никаких очередей не было), на первые советские джазовые фестивали. В 1965 году на джазовом фестивале видели американского журналиста Кановера — ведущего передачи «Час джаза» по «Голосу Америки» — он был в восторге от советских музыкантов. После этого фестиваля в магазинах появились пластинки с джазом, — и мы уже слушали не только американский джаз, но и советский.

Однажды с друзьями из Тбилиси мы ходили на концерт группы «Орэро», потом они («Орэро») пели у нас дома. Кстати, и с Маму-

кой Цецхладзе Коля познакомился в 1965 году именно через Алексашкина.

Коля в 1969 году поступил в МГУ. Нам он говорил, что студенты, которые с ним учатся, — очень хорошие ребята и что они «его дети».

В конце 1960-х годов девочки нашей компании начали рожать — посиделки кончились. Двадцать второго февраля 1969 года родился сын и у Коли — Сережа. Колина жена Майя (Майтаб) Сейтакова дружила с сыном известного советского спортивного журналиста — Ильей Ваньятом, который когда-то и познакомил ее с Колей. Коля, по ее словам, красиво за ней ухаживал — со стихами, конфетами и цветами. Оба предложили ей руку и сердце, но она выбрала Колю и стала Майей Поболь.

Увы, Коля был совершенно не создан для семьи. В 1974 году они развелись.

Майя умерла очень рано — ровно за месяц до своей 55-летней годовщины, 13 июня 1997 года, а 13 июля ей было бы 55 лет. Коля организовывал ее похороны, урну с ее прахом захоронил в свою семейную могилу, несмотря на развод. В 2009 году умер Сережа.

Юра Савельев умер 1 марта 1970 года. Хорошо помню его смерть. Он был в армии и приехал с приятелем в Москву в увольнительную на субботу-воскресенье. Приехал и выпил. Сердце не выдержало сочетания «снотворное + водка». Коля говорил: «Юрка не умер, он уехал в Америку».

После смерти Юры встречаться стали гораздо реже, но собирались каждое 1 марта — на его день рождения. Коля всегда ходил в этот день к нему на Новодевичье кладбище.

Колин папа, Лев Николаевич, работал в Госплане РСФСР. Он был очень недоволен Колей. Звал его «вечным абитуриентом», как бы в пику — даже не вечным студентом. Колина мама — Елена Борисовна — было домохозяйкой, обожающей ходить в разные гости.

Колю очень любил отец его жены Майтаб — Беки Сейтакович Сейтаков — он был председателем союза писателей Туркмении. Однажды мы съездили в Ашхабад вшестером — Коля с Майкой, Сашка Алексашкин со мной и Сашка Таруц со своей женой — и Беки Сейтакович возил нас по Туркмении: в Каракумы и другие места; были в Хиве.

Ездили мы вместе и в Ленинград к Жене Адеевой. Ходили в Эрмитаж на четвертый этаж, где коллекция импрессионистов была лучше, чем в Пушкинском музее.

На машине моего двоюродного брата ездили в Суздаль, видели церковь Покрова на Нерли.

Знаю, что Коля дружил с поэтом Штейнбергом, с художниками Козловым и Яковлевым.

Коля был на защитах наших диссертаций. После 70-х годов встречались, когда приезжал

Мамука из Тбилиси, Юлик Хейфец (сын Жеймо) из Польши. Коля приходил в гости со своей второй женой Валей, и мы у них были, встречались на днях рождения.

Я навещала прикованную к постели Колину маму, Елену Борисовну. Коля за ней очень трогательно ухаживал.

Коля очень любил нашу компанию. Но любил бывать и в других. Очень не любил, когда его спрашивали: «Где ты был?» — сразу замыкался.

С конца 90-х годов Коля начинает готовить книги, писать статьи в «Новую газету», выступать с докладами на конференциях, как в России, так и за границей. В последние годы он чаще всего встречался с Аленой и Андреем Тарановыми, Алексеем Багдасаряном и Павлом Поляном.

Его «идеальный» день складывался так. Вставал он примерно в 12. Шел в город, собирал материал для статей. После архивов заходил к друзьям — сколько нальют, столько и выпьет. Потом шел домой — работать, писать. Очень много разговаривал по телефону. Засыпал поздно, а на завтра вставал снова в 12.

Марина АЛХАЗОВА (Москва)

ШЕСТЬ ВСТРЕЧ

Почти два года назад мы с издателем Алексеем Плигиным решились продолжить публикации о жизни московского андеграунда 60–80-х годов и после книг о Венедикте Ерофееве (“Про Веничку”, 2008 г.) и об Алексее Хвостенко (“Про Хвоста”, 2010 г.) сделать еще книжку “Про Сашку Васильева”.

Надо было искать возможных авторов.

После некоторых расспросов и переговоров кто-то дал мне номер телефона Поболя, предупредив, чтобы с утра я —ни-ни, а вечером-ночью — пожалуйста.

На другой же день, вернее, в полночь, я позвонила.

— Нет, писать не буду, а рассказать про Сашку, расскажу. Приезжайте.

Так 20 мая 2011 года я оказалась на Проспекте Мира.

Когда в ответ на звонок входная дверь распахнулась, меня обдало взглядом настолько небывалой синевы, что от неожиданности, вместо “Здравствуйте”, я выпалила:

— А что, у вас тут, перед гостиницей “Космос”, памятник де Голлю или Помпиду?

— Де Голлю. Входите.

Мы просидели друг против друга за огромным столом — кажется, составленным из нескольких, — часов восемь: Николай Львович — с одной за другой сигаретой, я — с шариковой ручкой.

Как-то так получалось, что и эта, первая, и последующие наши встречи были долгими — и по радости от них, и по времени.

Через несколько дней мы с Николаем Львовичем и с Люсей Блэйкли поехали к издателю: я хотела их с ним познакомиться. От метро добирались пешком. Перебивая друг друга, они стали вспоминать васильевские стихотворные опыты и песенки времен детства-юности. Мы так смеялись, что даже не помню, что было потом... Кажется, в издательство мы, все-таки, попали.

Двенадцатого июня — в день рождения Васильева — мы (опять втроем) отправляемся на Ваганьковское. Сначала все чинно: купили цветы, нашли пластиковую бутылочку для воды, что-то там мусорное убираем с могилы... Николай Львович из бесчисленных карманов-кармашков своей безрукавки извлекает бутылку водки, по ходу дела наставляя меня, каким манером и в соответствии с каким порядком мы сейчас — *по традиции* — будем поминать «Сашку»... Но, когда все из тех же таинственных карманов достаются стеклянные граненые рюмочки вместо ожидаемых мной одnorазовых стаканчиков, — это уже похоже на фокус-покус:

— Николай Львович, вы знаете, кто такой эстет?

— Ну, да. Это тот, кто пьет из правильной посуды, невзирая на обстоятельства.

Еще через неделю мы (тоже втроем — я, Люся, Николай Львович) идем в пивной ресторан, где-то в районе Тверской. Я пива не пью и потому спрашиваю, почему именно в «пивной»?

— Колябус очень любит пиво. И я люблю, — назидательно-укоризненно говорит Люся. — У нас такая *традиция*: обязательно раз в году ходить в пивное заведение. А ты... ты... будешь «и примкнувший к ним Шиполов».

В полутемном прохладном зале — в центре изнывающей от жары Москвы — мы одни. Пьем пиво, едим какие-то немислимо тонко-розовые сосиски, повизгиваем от смеха, слу-

шая рассказы Люси о казусах заграничной русской жизни, приправленные комментариями Николая Львовича.

Потом Люся куда-то уезжает, а мы решаем зайти — благо по соседству — к другу детства Николая Львовича: уговоривать того тоже написать про Васильева. Только ничего из этого тогда не вышло, то есть из «уговоров»...

Осень, промозгло, холодно. Иду по Малому Палашевскому переулку. Впереди единственный прохожий. Оборачивается — и такой вдруг синий-пресиний просверк из-под бровей:

- Николай Львович!
- Мариночка! Вы куда?
- На Патрики².
- И я туда же. Пошли вместе.

И пошли. Потом долго стоим, курим на углу Бронной и Ермалаевского. О чем говорили, не помню, но точно не о Мандельштаме и не об искусстве, и не о... в общем, ни о чем основательном, так пустяки — «чириканье» и смех.

И еще — опять на Ваганьковском 12 июня. Книга «Про Сашку Васильева» готова. Авторы, наша троица, издатель... толпимся у васильевской могилы. Речи, поминание... Но с этим как-то не очень — почти никто не пьет. Обескуражено помахивая перед моим носом лишь ополовиненной бутылкой, Николай Львович говорит:

- Ну, это как же! Я ведь три купил, а и одной не выпили...

Вот ведь! Ни «Колей», как для близких и хороших знакомых, ни «Колябусом», как для друзей детства, он для меня не был, а был «Николай Львович». И знакомству-то нашему без году неделя...

- Отчего же чувство утраты?

Да потому что был у Николая Львовича Поболя редчайший дар — «легкое дыхание» называется.

² Патриаршие пруды.

Петр АНДРУКОВИЧ (Москва)

ПОСЛЕДНИЙ РАЗ...³

Последний раз... Какое это все-таки дикое слово «последний»... да... последний раз мы выпивали с Поболем у него дома в предпоследний день прошлого, 2012 года... в последний год, когда мы праздновали – в последний раз вместе с ним – его день рождения. Он уже давно говорил мне перед этим, что ему не хочется никуда выходить из дома и что как хорошо лежать и ничего не делать и никуда не ездить...

Это Поболь – представляете?

Я хотел придти к нему еще 29-го, но как-то не получилось, а говорил он таким грустным голосом... в общем, последний раз мы выпивали с Поболем у него дома в предпоследний день прошлого, 2012, года. Он очень стеснялся, что у него нет никакой хорошей закуски... еды... не знаю, как это лучше назвать... хотя раньше он готовил свою любимую «баранью ногу», даже если в гости к нему приходило всего два-три человека... сам он при этом уже года два жаловался на то, что не может есть столько, сколько раньше... «Ах, сколько я раньше мог съесть!» – думаю, это слышали многие, кто бывал у него дома в последнее – опять «последнее» - время.

Были какие-то чебуреки, размером с маленький сибирский пельмень... после бараньей ноги, понимаете?... над которыми он сам и посмеивался. А выпили всего рюмки по две, может, три, я его останавливал, потому что было видно, как ему, в общем-то, паршиво... и он, что самое удивительное, не очень то и возражал... и это было в последний раз, когда мы с ним сидели за столом...

А потом был Новый год, и что-то еще после Нового года... я ему позвонил числа 5 или 6-го... он говорил по телефону, по-моему, лежа, и было даже слышно по голосу, как ему плохо... когда я приехал, он

³ На фотографии: Н. Поболь с П. Андруковичем. Фото П.П. Андрукович.

открыл дверь и снова лег, и это было первый раз, когда мы с ним говорили не за столом... и он жаловался что ему трудно читать «Улисса»...

Как потом мы все узнали, глубокая пневмония у него была, уже когда он ездил в Штаты — в последний раз... и вообще в последний раз по своей воле... а через несколько дней он в последний раз выехал из своего дома... нет, пока еще нет... точнее, не выехал сам, а его на «скорой», которую с трудом уговорили приехать и что-то сделать Алик и Андрей, отвезли в больницу...

Вы можете себе представить Коленьку в больнице?

... лучше не надо, и не потому что он там плохо держался. Он был... представляете, «был», еще одно такое дикое слово... человек потрясающей выдержки и мужества... я так говорю, потому что думаю, что он уже давно знал, что с ним происходит... но кроме него никто ни о чем даже и не догадывался, он все держал в себе, разве что нас насторожило то, что из самолета, когда он прилетел в Штаты, его на чем-то вывозили... Так что и в больнице он держался замечательно... по духу своему, не по физическому состоянию, управлять которым он уже сам полностью не мог... и приходящие к нему друзья и родные не всегда понимали его реальное состояние...

А потом был его последний день... мы были у него в этот день с Аликом... Коле было уже очень плохо, он впервые так сказал мне, когда я ему позвонил, сказал, что не спал всю ночь... дышал очень трудно, ему было трудно даже сидеть... часа два мы пытались добиться вызова реанимации, потому что именно такая уже была

ситуация, а у них все не было времени... а потом он вдруг... все равно вдруг... перестал дышать...

И стало сразу понятно, что это все...

Тут кругом забежали перепуганные медсестры, врачи, переложили его — только уже не его, понимаете... на каталку... Нам сказали, чтобы мы шли через двор, нас вместе с ними — и с ним — не пропустят... Минут 40 мы с Аликом сидели, стояли, ходили у дверей реанимации... а потом узнали, что мы видели Коленьку в последний раз — перед тем как проводили его в самую далекую дорогу — когда его увозили на этой каталке...

Так что помните Поголю таким, каким вы видели и знали его в последний раз: за столом, на выставке, на книжных ярмарках, в Манделштамовском обществе, кому повезло — в Охотске, на Северах, в срединной Азии, в Сибири, на Алтае, да и бог знает где еще он только не бывал... или таким, каким он предстает перед вами в этой его книге...

Какое все-таки дикое это слово «последний»...

Полина АНДРУКОВИЧ (Москва)

КОЛЕНЬКА: ЧЕРТЫ ПОРТРЕТА⁴

Всегда красиво.

Стихами? Это уже потом.

И стало тихо и сложно — Коленьки не стало. Скончался в больнице. Говорил потом: «Хочешь умереть — умри.» — «уметь» хоронить невозможно. Но какая-то легкость — его «отдать всё всем», его умиротворяющее присутствие — когда он сидел за столом — когда мы сидели с ним за столом — улыбающийся образ, хотя бы и без «постоянной» улыбки, но — именно постоянство его. Такое впечатление, когда ты рядом

⁴ На фотографии: Н. Поголь с П.П. Андрукович. Фото П. Андруковича.

с ним, что тебя берегут как-то очень человечно, в лучшем смысле слова «человечно». Делился — всегда — огоньком зажигалки так, что я чувствовала, что никогда не пропаду. Наизусть это делал, как читал стихи наизусть, — однажды прочитанное так, что «наизусть» никогда не имело механистичного оттенка, — само Реальное — стихи, огонек.

...стихи, огонек. Его прекрасный мир (рассказы («А знаете, какое самое вкусное место у оленя?»), — мир, в котором он не терпел существования «ничто». И когда он ушёл, его мир остался прекрасным — звучало прозрачно, не «обязательно» и — легко... И сейчас с ним пусто, тепло и прозрачно, и, как всегда, красиво, — «здесь» уже нет, и покой, и синица над могилой, и ель на длинной ножке, как в платьице, почти классическая; пауза, сигарета, — у него сигарета не была паузой, — была действием. Верить и учиться у него. И прекрасный его мир отзывается во времени, цельность жизни, характера, образа, — всегда — при встрече с друзьями — его ощущение, что это Праздник, просто так, потому что встретились, — и всегда красиво:

Друг. Он узнавал нас, и в этот момент это был Праздник. И узнавал себя в нас и нас в себе — узнать его в себе, вспомнив его, — Коленьку, которого здесь уже нигде нет, который уже — бог, один из богов, потому что узнал себя в ком-то из своих видений.

Всегда красиво. Всегда хорошо. И почти стихами...

Виталий АФИАНИ (Москва)

ПУТЕШЕСТВИЕ К ДРУЗЬЯМ

Кажется, опять Коля просто уехал – то ли на Камчатку, то ли в Германию, то ли в Америку. К друзьям. А когда придет, начнутся рассказы, кто как живет, что видел, какие приключения случились. А они обязательно будут!

Не знаю, что больше его манило – неведомые земли или новые люди, которые обязательно становились его друзьями.

А, может быть, это были не поездки, экспедиции, путешествия или странствия, а Колины путешествия к друзьям?

А где друзья, там застолье, там душевные разговоры обо всем... И стихи, стихи, стихи.

Общение! Какое-то казенное слово. Но именно в этом и была стихия Коли Поболя. Стали хрестоматийными строчки из Экзюпюри о главной роскоши – человеческом общении. Коля всю жизнь жил в роскоши!..

Когда вспоминаешь об ушедшем человеке, хочется припомнить что-то значительное, крупное, «судьбоносное». Но в голову приходят какие-то мелочи быта, обрывки когда-то полноцветной картины жизни и общения.

Хотя: «Когда б вы знали, из какого сора Растут стихи не ведая стыда...!» Наверное, из этих отдельных ниточек и узелочков событий и ткется ткань бытия, ткань человеческой жизни.

В рассказах Коля был неисчерпаем. СеверА, Дальний Восток, Средняя Азия. Это когда жили в СССР... А потом границы странствий расширились. Или лучше сказать – исчезли, почти исчезли. Рассказы о множестве людей, с которыми он пересекался. И каждый рассказ был настолько талантлив, рисовал такой яркий, сте-

реоскопичный образ. У меня до сих пор перед глазами стоят картины Русского Севера, какими он о нем рассказывал.

И всегда с юмором, с хрипотцой, с затяжкой сигареты. Иногда с мягкой усмешкой в бороду.

А литература и живопись! Целая летопись его встреч и мимо-летних, и многолетних с писателями, художниками...

Мне повезло. Я слышал несколько великолепных рассказчи-ков, не говоря о счастье десятки лет общаться с моим Учителем — Сигурдом Оттовичем Шмидтом, непревзойденным рассказчиком, повествователем и лектором. Одним словом — Мастером, масте-ром слова.

И Коля был среди лучших. Яркость, образность, тонкий юмор, поразительная память...

Странно, что мы познакомились так поздно. Наши пути не-сколько раз почти пересекались. Мы могли встретиться на площа-ди Маяковского, куда я несколько раз приходил послушать «воль-ные стихи» у подножия памятника. Я застал конец этого свобод-ного поэтического пиршества. Милиция уже гоняла эту поэтичес-кую толпу. А Коля был уже в поэтических объединениях и чуть ли не организатором.

В одном из его рассказов мелькнуло знакомое имя - Аркадий Акимович Штейнберга. В доме у Акимыча на Шаболовке в пяти-этажке я одно время бывал. Даже немного раньше Коли. Это пош-ло от «переводческих сред» в Доме литераторов. Сам я, как и Коля, стихов не писал, разве немного в юности. Но мы тогда нередко посещали «переводческие среды», и среди моих знакомых появи-лось немало замечательных в будущем поэтов-переводчиков. А Штейнберг, кажется, был в руководстве этой секции СП, во всяком случае, председательствовал на каких-то заседаниях.

Меня тогда Аркадий Акимыч заинтересовал даже не столько как поэт и переводчик, сколько как художник. Дома на мольберте сто-яла картина, - алкаши соображающие «на троих» на фоне разва-

лин города — как после атомной бомбардировки. Производила странное впечатление и, наверное, должна была внушать оптимизм. Хозяин дома демонстрировал свое новое увлечение — рисунки бабочек, случайно возникавших из промокаемых клякс краски. Эти рисунки он выставлял в Польше.

У Штейнберга было интересно. Собиралась молодежь. Помню Юлию Вишневскую. У Аркадия Акимыча тогда появилась новая молодая жена, ревниво встречавшая всех молоденьких женщин, приходивших к ним домой, в том числе к мою жену. Наверное поэтому мы в конце концов перестали у него появляться.

А Коля у Акимыча появился позднее, да и общался дольше и ближе. Интересно было сравнить наши впечатления: они совпали. Я так подробно вспоминаю об А.А. Штейнберге, потому что Коля оставил замечательные воспоминания-заметки о нем. И мы несколько раз в разговорах с ним возвращались к Акимычу. Жаль, очень жаль, что тогда наши пути не совпали.

Как всегда поздно приходит мысль:

«Эх! Нужно было его записывать!». Записывать Колины рассказы. Но в записи воспоминаний есть что-то монументально-мемориальное, что совершенно не вяжется с Колей. Да и где записывать? На ходу, в транспорте, в дружеском застолье, в бане?

Кстати сказать: «В начале была Баня».

Благодаря ей и появился в моей жизни Николай Поболь, ставший Коленькой. Привел его Павел Полян. И с тех пор редкий еженедельный поход в баню обходился без Коли. Мне кажется, что Коля вообще-то не был фанатом бани, хотя париться любил и знал в этом толк. Предки и родители наградили его богатырским здоровьем (не помню, чтобы он когда болел, хотя бы простудой или гриппом). В парилке это здоровье проявлялось в полной мере. Он был любителем «жесткого» пара, когда все кто мог забирались на самый верхний полук и пригибались к полу, а он (как и Павел Полян) гордо красовался в полный рост. И легко выдерживал сле-

дующую экзекуцию, когда наступало время париться с веником. Не раз мне довелось проходиться веником по Колиной крепкой спине и прочим частям тела...

Если множество Колиных путешествий и приключений совершались где-то там вдалеке, за пределами нашего общения, то походы в московские бани, с неперменным участием Коли, подарили немало приключений тут, на месте. О них потом долго, с удовольствием вспоминается. Во всем этом часто было что-то от одной из чтимых Колиных книг – от «Москва- Петушки» Венечки Ерофеева. Отдельный красочный рассказ о поездке с приятелями по следам поэмы Венички с неукоснительным следованием описаниям книги и, конечно, всему алкогольному ритуалу. При этом он ухитрялся не употреблять ненормативной лексики, которой так богато это произведение. Впрочем, ханжой Коля точно не был.

Присоединение Паши и Коли к нашей банной кампании ознаменовалось непредсказуемым ее увеличением. Каждый участник нашей кампании мог привести с собой друзей-приятелей. Кто-то из них потом к нам прочно присоединялся, кто-то больше не появлялся – все совершалось само-собой. При всем разнообразии и, может быть даже пестроте оставались близкие в чем-то (может быть, в самом главном) люди. На выходе из бани они преобразались в весьма солидных и «приличных» людей.

С Пашей и Колей стали появляться их друзья и приятели. Приезжие из разных уголков России. А то и иностранцы. Какие-то немцы, американцы, лакцы, поляки, словаки и еще неведомо кто. Аспиранты и исследователи, приезжавшие в Москву изучать историю и литературу. В вихре энергии Паши они вовлекались и в банный поход. И изучали «эту загадочную русскую душу» - невзирая на многонациональный состав нашей компании. «Угощал» баней и сам Коля, приводя каких-то вертолетчиков и людей самых невероятных профессий и занятий.

Экзотика на всю голову. В раздевалке бани, вокруг голые мужики, пьют пиво и чай, и не только... А тут Мандельштам!

Банная неутомимость Коли и Паши однажды привела к казусу. Парившийся вместе с ними немец старался от них не отставать. И вдруг, уже в раздевалке, на наших глазах он отключился. Его, конечно, откачали, но появилось еще одно подтверждение народной мудрости: «Что русскому хорошо, то немцу - смерть». Думаю, уезжал он с богатым запасом впечатлений о странностях русской жизни.

Баня в нашей компании, была не только, да и не столько, «сангигиенической процедурой». Она и сопутствующее ее застолье, явление заменяющее в Руси английские клубы или бесконечные сидения в кафе европейцев. Баня на Щипке и была для нас что-то вроде клуба. А Коле она была нужна прежде всего для общения. Застолье во-время, а тем более после бани, - Колина стихия.

Кто только не перебивал в нашей банной компании! Писатели, поэты, историки... и просто друзья и приятели. Бывал и писатель Андрей Битов. Почему-то именно с его участием каждый раз происходили какие-то приключения. Однажды после бани пошли в одну пельменную недалеко от метро Добрынинской. Пельмени там почему-то подавались вместе с салатом наверху, что придавало пельменной какой-то особый шарм, отличавший ее от аналогичных заведений. После дегустации пельменей и всего, что к ним полагалось, Коля нередко заводился и начинал громко читать стихи, вызывая неподдельный интерес немолодых поварих и официанток. Такое им было в диковинку. Особый интерес и к «настоящему» писателю - Битову. Элитарный писатель, председатель русского Пен-клуба, с явным удовольствием общался и с ними.

Надо «добавить», и нередко банные посещения заканчивались у кого-то дома. Бывало, что у Коли, бывало, что у Битова, а нередко и у меня: близко от бани на Щипке. Однажды вскрывали открывалкой картонный футляр, в котором находилось виски: так и

не догадались, как иначе открыть этот тубус! И беседы о литературе — о столь любимом Колей Мандельштаме и столь же любимым мной Пастернаке, о «Докторе Живаго». Коля поражал бесконечным чтением наизусть, а Битов — тонкими и глубокими оценками литературы.

Или еще один эпизод, когда нас, большую кампанию, на пути из бани в метро, останавливает патруль милиции и требует предъявить документы. Особый интерес мог вызвать Битов, щеголявший в шапке-афганке. Ситуация столь же юмористическая, сколь и потенциально неприятная. Грозило посещение не вполне трезвыми людьми милицейского участка. Поэтому начали предъявлять документы, кто какие имел. Битов — почему-то справку блокадника, кто-то читательский билет в Историческую библиотеку, Паша или Коля — использованный банный веник.... После препираний с хорошеньким, молоденьким милиционером (его фамилия была ... «Нежилец»!) ситуация начала приобретать какие-то гоголевско-булгаковские очертания. Впрочем, после некоторого раздумья, милиция вняла убеждениям, что москвичи, по крайней мере, имеют право ходить в баню без паспорта. А за приезжих мы поручились.

Но не баней единой...

С Колей встречались и на более «культурных» мероприятиях. Запомнился вечер—концерт Битова в Музее изобразительных искусств. С его экспериментами над стихотворением А.С. Пушкина — «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя...». Странное чувство ощущение рождения на глазах чуда стихотворения, и самой снежной бури, метели. Или литературные вечера в ОГИ, во главе с колоритным бородатым руководителем и владельцем Дмитрием Ицковичем. И концерты, и художественные выставки, и архивные выставки на Пироговке.

Эх, было времячко!

И был Коля.

Алексей БАГДАСАРЯН (Москва)

ПОБОЛЬ И ЕГО URBI ET ORBI⁵

*Есть у птицы Пикассо
Человечье лицо —
И потому во время пира
Пью всегда за Поболь мира*

Поболь, а именно так, по фамилии, в основном обращались к нему или же говорили о нем его друзья и знакомые, безусловно, обладал яркими особенностями. Его любили и уважали за глубокие знания в литературе, живописи, музыке, истории, за высокие человеческие качества, за то, что много колесил по стране и хорошо знал Север, и многое другое. Но за эти его достоинства, вряд ли, было бы такое особое отношение к нему. Людей, имеющих заметные достоинства, достаточно много, и их ценят и любят. Но такого всеобщего почитания и теплого отношения мало кто, кроме Поболя, удостоивался.

А не значит ли это, что за всеми его качествами скрывалось еще что-то — главное, стержневое, то, что определяло все остальное? Так часто бывает, когда яркость достоинств ослепляет и мешает видеть их источник.

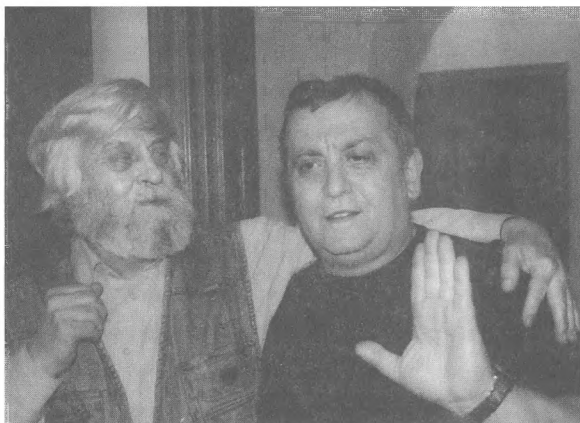
Так было ли у Поболя нечто такое — основополагающее и определяющее? А если да, то что именно? Подобные вопросы при его жизни просто не возникали, а после — стали преследовать.

Естественно было искать ответы в юношеских годах, когда практически у всех формируются основные черты личности. Известно, что в эти годы Поболь увлекался поэзией «Серебряного века», которая наиболее выразительно передает высшие устремления человека. И, навер-

⁵ На фотографии: А. Багдасарян и Н. Поболь. Фото Э.Семеновй; Urbi et orbi (лат.) — «городу и миру»; ко всеобщему сведению.

ное, тогда категория возвышенного необратимым образом охватывает всего его, а наслаждение прекрасным становится внутренней неистребимой потребностью.

В наступившей «оттепели» стали

проявляться идеи свободы личности и гражданской независимости. Они легли на благодатную почву. Он, наверное, на подсознательном уровне понял, что общество угрожает его природе и его личной свободе. Но бороться с ним ему показалось глупым занятием. Вокруг было так много привлекательного — прекрасные и интересные друзья, замечательные книги, природа. А обыденная жизнь, естественно, отталкивала от себя отсутствием в ней возвышенных начал.

Не мог не оставить глубокого следа в его молодой душе Московский международный фестиваль молодежи и студентов. Он воочию увидел, как разнообразен и интересен мир, о котором он только читал.

Эти факторы, как представляется, сыграли основную роль в формировании личности Поболя как человека высоких устремлений, стремящегося сохранить свою индивидуальность и иметь как можно меньше контактов с общественными институтами, и как можно больше со всем тем, что доставляет ему истинное удовольствие. А эти качества наиболее полно определяют настоящего романтика.

Быт, нудная учеба или работа отвратили его от того, чем нужно было заниматься каждодневно. Поэтому «жизненными» проблемами он стал заниматься только в случаях острой необходимости. На долгие годы его стихией становятся длительные поездки по Северу, Дальнему Востоку, Средней Азии, Закавказью — в общем, по всей стране! Под лю-

бым предлогом, при любой временной или более-менее постоянной работе. Природа и возможность принять участие в некоем идеальном общественном мироустройстве, пусть даже и в микромасштабе, вместе с такими же, как он, — вот что тянуло его на Север и другие края.

Был ли в нем рационализм? Нет, конечно! Даже те крупницы практицизма, которые у него были, служили не для получения какой-либо выгоды, а для достижения какой-то романтической по своей природе задачи.

Истинное удовольствие от жизни доставляло ему идеальное и только идеальное могло доставлять ему истинное удовольствие от жизни. И это распространялось на все, что его окружало, начиная от пищи и напитков и кончая произведениями литературы и искусства, женщинами и друзьями.

Стремление к идеальному подталкивало его на идеализацию окружающих. Так, он обычно рассказывал о том, с кем встречался за время, которое мы не виделись. И каждый раз можно было подумать, что он встречается только с великими или замечательными людьми. Со многими из них и я был знаком, отчего искренне поражался тому, что можно говорить только о достоинствах людей!

В жизненной философии Поболя, очевидно, присутствовали и элементы гедонизма. Но его гедонизм часто выступал в качестве следствия возвышенного отношения к тому, что доставляло ему удовольствие. В этом плане интерес представляет его подход к гастрономии как особой интегральной сферы культуры, через которую можно подучить интересные результаты об историческом развитии обществ и о взаимопроникновении культур народов. Пробуя и получая удовольствие от различных гастрономических изысков, он словно бы пропускал через себя культуру того или иного народа.

Пожалуй, наиболее плодотворная «трудовая» деятельность Коли Поболя пришлась на последние годы его жизни и связана она была с работой в архивах и с архивными материалами. К этой работе его при-

влек наш однокашник Павел Полян. Некоторые работы Поболя в данной области публикуются и в этой книге.

Предметы этих работ, на первый взгляд, опровергают тезис о его постоянном стремлении к идеальному, ибо что может быть дальше от романтизма, чем все то, о чем он писал. И, вообще, трудно представить себе романтика, копающегося в пыльных архивах.

Парадоксально, но это только подчеркивает его классический романтизм! Именно глубокое изучение самых тяжелых страниц нашей истории как бы еще больше отвращает его от действительности и осознанно или не осознанно укрепляет его в выбранном жизненном пути, являясь своеобразной энергетической подпиткой.

Собственно говоря, идеалистов и романтиков в бытовом и классическом понимании в стране, наверное, было немало. Так что же в его романтизме являлось особенным, что отличало его от других романтиков и сделало его объектом всеобщего уважения?

Таких особенностей, как представляется, несколько.

Во-первых, романтизм Поболя был всеохватывающим, полным и чистым, без каких-либо компромиссов.

Во-вторых, его романтизм был не индивидуалистичным, а общественно активным. Осознанное понимание невозможности участия в переустройстве общества в целом в направлении некоего идеального, при внутренней потребности в общественном лидерстве, привело его к активному формированию вокруг себя значительного количества кругов (неких микрообществ), имеющих как различающиеся, так и общее признаки. Впоследствии они, эти круги, многократно пересекались, причем основным объединительным и определяющим центром всегда был он сам.

В-третьих, романтизм Поболя в своей основе базировался на высокой культуре и глубоких знаниях в самых разных областях, а также на честности, открытости и доброте.

Особенности людей, несомненно, формируются и временем, в котором они живут. В многообразии лиц, характеров, действий очень

трудно уловить какие-то общие признаки и описать их так, чтобы они становились узнаваемыми и зримо передающими типические черты человека вообще и человека того или иного времени. Такое под силу только настоящей литературе в литературных образах. Эти литературные образы принято называть «героями», хотя обычно они ничего героического не совершают. А если в этих образах основные черты передают особенности времени, то современники называют их носителей «героями нашего времени».

Несомненно, романтизм является отличительной чертой поколения, чья сознательная жизнь началась с «оттепели». Так же несомненно, и то, что Коля Поболье являлся носителем этой черты своего поколения.

Чтобы увидеть, что алмаз прекрасен, нужно несколько условий. Первое, чтобы он был чистым, без примесей, а второе — чтобы он был обработанным. И только тогда он начинает привлекать всеобщее внимание. Так же и с романтизмом Коли Поболье. Романтизм его поколения трудно ощутить, потому что он обычно разбавлен у всех другими качествами. И только Коля Поболье являлся его носителем в чистом, «концентрированном виде». Все это позволяет считать жизнь Коли Поболье наиболее полным проявлением указанной черты поколения, а его самого — «героем нашего времени».

Если внимательно приглядеться, наш герой сильно напоминает Веничку Ерофеева. Он, как и Веничка, мог сказать, что «все, что повседневно вас занимает, — мне бесконечно посторонне» и что «вот я торжественно объявляю: до конца моих дней я не предприму ничего, чтобы повторить мой печальный опыт возвышения. Я остаюсь внизу, и снизу плюю на всю вашу общественную лестницу» Или, что самое главное, «..надо возвышать души до усвоения вечных нравственных категорий..» Но между Колей и Веничкой есть одно существенное различие. Романтизм Венички был задавлен еще в юношеские годы. Он знал, что уйдет из жизни, «так и не приняв этого мира, постигнув его вблизи и издали, снаружи и изнутри постигнув, но не приняв...».

Поболь же сумел не только сохранить, но и укрепить свой романтический подход к жизни. Он точно знал, что со ступеней общественной лестницы вряд ли можно увидеть все то прекрасное, что есть на Земле, и что, стоя на них даже высоко, сложно сохранить возвышенные устремления.

Он искал прекрасное и возвышенное там, где оно точно есть. А когда находил, то окунался в них сам и заражал этим других. Тем самым, в целом он достиг того, к чему стремился. А это значит, что он победил и общество и его законы, которые не хотели позволить ему реализовать себя в рамках своих общественных институтов. Он нашел способ самореализации вне навязанных нам общественных отношений. Поэтому он не просто герой, а герой—победитель, в отличие от Венички.

Во многом, как представляется, наша любовь к Поболу — и даже поклонение перед ним — связана с тем, что и окружавшие его люди в той или иной степени сами являлись носителями романтизма. Как же можно было не любить того, кто всем своим существованием заставлял каждого вспомнить, что и у него где-то в глубине есть нечто светлое? С Колей было невозможно забыть о мире идеалов.

За свою жизнь Коля смог многое передать и очень молодым и не очень молодым. Его по праву часто называли Учителем. Устные формы передачи знаний, имея такие исторические корни как «сократовские беседы» и «древнеримские симпозиумы», были им развиты и доведены до совершенства.

Что же Коля Поболь хотел всем нам передать в своих «беседах» и на своих «симпозиумах»? О чем, ведая или не ведая, хотел он сказать всей своей жизнью?

Думается, что его *urbi et orbi* можно выразить одной мыслью: не забывайте в себе романтика и стремитесь к идеальному, которого, если поискать, бесконечно много в этом мире. Ищите не смотря ни на что!

И только так к нам может прийти ощущение счастья.

Как любой герой своего времени, Коля Поболь не мог не стать и стал «лишним человеком». Он имел, практически, все отличительные черты такого человека для общества, в котором мы жили и живем. Но для тех, кто его знал, он всегда был нужен и никогда не был «лишним».

А сейчас, когда его уже нет с нами, особенно остро чувствуется, как его нам не хватает.

Р.С.: 1. Коля практически никогда не болел. С 9 января по 27 января 2013 года он первый раз в жизни попал в больницу. Неважно себя чувствовал только несколько дней. До последних минут был в полном сознании. Все время — в окружении друзей и близких. Уход из жизни был не романтическим, но почти идеальным.

2. В этот период, практически, все близкие и друзья, в большом количестве посещавшие его, повели себя неидеально — не принесли и не распили с ним.

Я об этом сейчас очень жалею!

Федор БРАУЭР (Ремшайд, Германия)

ОН ЛЮБИЛ РЫБАЛКУ, ГРИБЫ И ЯГОДЫ

Я, Федор Брауэр, после окончания летно-диспетчерского училища был направлен диспетчером в Охотский аэропорт. Там, в Охотске, я познакомился с Николай Львовичем, привозившим на практику студентов МГУ. На первой же встрече с ним обнаружили, что оба любим рыбалку, хождение по грибы и ягоды. Сколько раз впоследствии мы сидели ночами у костра и ели уху из одного котелка, — и я очень много узнал от этого мудрого человека.

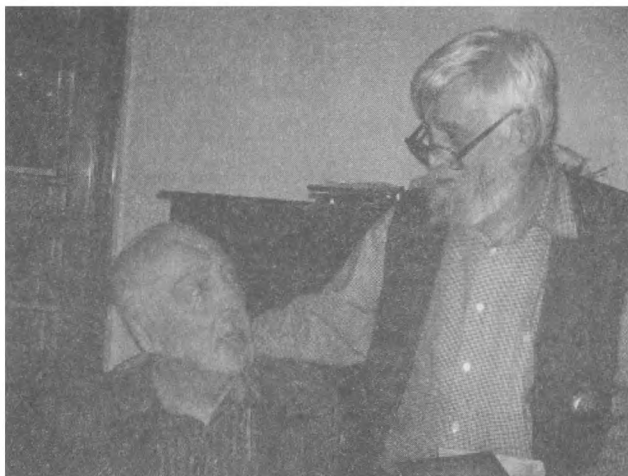
Потом я уехал в Германию, и он трижды заезжал ко мне в гости, за что я ему очень благодарен. Теперь, узнав о его смерти, у меня не хватает слов выразить благодарность судьбе за нашу долготелную дружбу.

Спи спокойно, мой друг. Я горжусь нашей дружбой.

Андрей БИТОВ (Москва)

УТРАТА (КОЛИНА СТРАНИЧКА)⁶

Настоящий поэт вербует в свои ряды поштучно, поименно. Мандельштам — особо ревниво и тщательно: приверженность к его поэзии факт биографии каждо-

го из его читателей. Не только Мандельштамовское общество, но и сообщество всех его читателей — не случайные люди, хотя в ряды этого братства их приводило случайное стихотворение, как правило, первое попавшееся. Любовь к поэту Осипу Мандельштаму начинается с первого поразившего сознание стихотворения, после чего с неотвратимостью распространяется на все его творчество. Поэтому мандельштамовское сообщество состоит из очень разных людей (путей).

С Николаем Поболем мы познакомились в бане, в компании «архивных юношей», уже прошедших этот путь, и нам незачем было обсуждать место Мандельштама в русской поэзии. Коля сразу показался мне отдельным персонажем, приглашенным за компанию, как и я. В своей бороде был он похож на лесовичка, на путешественника, на друга моего (Гену Снегирева), а не на архивиста или филолога. Путешествен-

⁶ На фотографии: А. Битов и Н. Поболь. Фото З. Палвановой.

ником он и оказался, что выяснилось, когда мы вдвоем, не бросившие дурной привычки, завернутые в простыни как в тоги, выходили в предбанник, где и обменивались экспедиционным опытом: а вот у меня был случай... Случаи перебивали друг друга, и я запомнил только некоторую ревность: его истории для меня были свежее и богаче. Так мы парились, потом выпивали. Мандельштам был с нами.

Коля ушел безвременно, и мне уже не полюбопытствовать, с какого именно стихотворения начался его мандельштамовский путь. Могу лишь намекнуть, ссылаясь на опыт других (в том числе и свой). Надо учесть, что Мандельштам на несколько десятилетий был запрещенным поэтом, само имя его, как и жизнь, были подвергнуты забвению. Так многие пришли к его стихам через книги Надежды Мандельштам, вокруг которой сформировался свой избранный отряд их — Мандельштамов — почитателей. Некоторые пришли к поэту через его лагерную историю, через общество «Мемориал», но и не только... Так во Владивостоке, где погиб поэт, я встретил бывшего секретаря комсомола по идеологии, ушедшего в свое личное мандельштамоведение, как в монашество, измерявшего в часах и метрах последний «крестный путь поэта» и с энтузиазмом проводившего по нему экскурсии для избранных. В том же Владивостоке скульптор Валерий Ненаживин впал во всю поэзию Мандельштама по одной лишь строчке, процитированной в случайной книжке (она была закавычена в тексте без указания имени автора, и цензура, по безграмотности, ее пропустила), и скульптор настолько вжился в его поэзию и судьбу, что создал первый в Союзе памятник поэту и зэку. Кстати, в том же 1998 году, когда я наведывался во Владивосток, Николай По-

боль совершил свое главное открытие — «эшелонного списка Мандельштама». Я читал его еще в машинописном виде, как в свое время «Четвертую прозу» и «Воронежские тетради». «Список» потряс меня не меньше. Против фамилии заключенного (кажется, в алфавитном порядке), стояли год рождения и профессия. Мое либеральное представление, что в 1937-м сажали «политических», оказалось опрокинутом: поэт Мандельштам поместился между кладовщиком и колхозником. Сидела *вся* страна, независимо от поколения, профессии, сословия или пятого пункта. Этим откровением я обязан «списку», полученному в бане из колыных рук. Вскоре мне не хватило здоровья на баню, и я несколько лет не видел Колю.

Не помню, кто мне так пояснил замысленный смысл любви: «Если ты внезапно встречаешь человека и тут же чувствуешь необсуждаемую радость, то это любовь и есть». Я проверял это правило... оно подтвердилось: мышцы лица не врут. Так раскрывалось мое лицо при встрече с Колей — легко! Сейчас, когда вокруг стало так много смертей, я расширяю это правило: «Если при известии о смерти, ты испытываешь не печаль, а досаду и даже злость: как это он посмел помереть до тебя! — то это была любовь. УТРАТА. Один и тот же механизм — неподготовленности, внезапности.

Не успел, недодружили. Чем же он так запал в душу? «Господи! — сказал я по ошибке, сам того не думая сказать»... (такова была *моя* первая строчка неведомого мне поэта, запавшая в душу, первая молитва сталинского школьника, не ведавшего Писания). Теперь я могу ее вычитать и так: боль утраты близкого человека есть укол воскресения боли по утрате Сына Человеческого.

Сергей БЫЧКОВ (Москва — пос. Ашукино)

СМИРЕННЫЙ ПОБОЛЬ⁷

С Колей Пობолем я познакомился у Аркадия Акимовича Штейнберга. Акимыча можно уподобить магниту, притягивавшему к себе самых разнообразных людей, потому

что ему было интересно все — даже собственный арест. От Бахтина до деревенской старушки, от Краснова-Левитина и священника Александра Меня до тарусского пацана, что, подростки, выступил вдруг на праздновании 100-летия Акимыча в Тарусе. Или мента на американской выставке, приставленного охранять ее, и вдруг проникшегося загадкой абстракционизма и тщетно пытавшегося ее разрешить.

Этот его неподдельный и живой интерес притягивал к нему людей. За многие годы вокруг него сформировалось что-то вроде братства, подобное средневековым цехам. В Средние века людей объединяла не только профессия и тот квартал, в котором они жили и трудились. Им приходилось отстаивать свои профессиональные интересы, обучать молодежь и даже воевать. Скрепой таких братств была прежде всего любовь к профессии и к друзьям-соседям.

⁷ На фотографии: С. Бычков, Н. Пობоль, П. Полян (Архив С. Быčkова)

С Колей я познакомился в те времена, когда Акимыч с Наташей жили в просторной квартире на Шукинской. Коля-то попал к Акимычу из не самого дальнего «круга», он с Галей Маневич, будущей женой Эдика Штейнберга, познакомился раньше, чем сам Эдик. И с самим Эдиком познакомился раньше, чем с Акимычем.

Мы не были особенно близки с Колей. Но после смерти Акимыча наше общение не только продолжалось, но и окрепло. Когда Нерлер создавал Мандельштамовское общество, Коля активно помогал ему. Он был, я бы сказал, его «правой рукой», а подчас и «левой» тоже. Павлик с 91-го года жил преимущественно в Германии, постоянно наезжая в Москву. В конце 90-х годов я и не мыслил его без Павлика. Они были как близнецы — Кастор и Поллукс, при всей своей внешней несхожести. Внешне Коля напоминал рождественского Санта-Клауса — с седой шевелюрой и бородой. Но этот обобраз разрушала его привычка постоянно смолить и резкий голос с хрипотцой. И все же существовала некая «ассоциативная» связь, «говорим Нерлер, подразумеваем Поболь», и наоборот.

Как только приоткрылись архивы КГБ, Коля начал «охотиться» и в этом, прежде недостижимом для нас, заповеднике. Чекисты в архивы пускали неохотно, приходилось преодолевать всевозможные преграды. Тем не менее нас это не останавливало. Так, благодаря доверенности, которую мне выписал Эдик Штейнберг, удалось получить оба дела Акимыча сталинских времен. Каково же было наше удивление, когда мы узнали, что его арестовали по доносу Радуле Стийенского! Того самого, которого он «сделал» как поэта и которому немало помогал как эмигранту. Незадолго до смерти Акимыча я записал на магнитофон его воспоминания. Он рассказывал об аресте, об избиениях, но ни словом не обмолвился о том, кому он был обязан своими страданиями.

Двенадцатого сентября 2008 года мы отправились в Тарусу. Эдик, сын Акимыча, решил в рамках столетия со дня рождения

отца (в декабре 2007 года это не удалось сделать — поэтому решили объявить «год Акимыча») устроить конференцию, посвященную его памяти. Мы созвонились с друзьями и распределили, кто забирает кого и где. На мою долю выпало забрать Колю и Павлика.

Поскольку я ни разу не был на машине в Тарусе и с трудом уяснил, как туда добираться, то назначил встречу неподалеку от станции метро Юго-Западная. Была пятница. МКАД был забит намертво, и я добирался до метро от Ярославки два часа. И все это время ребята терпеливо ждали меня. Когда же, вконец измочаленный, я забрал их, то выяснилось, что надо было ехать через Серпухов. Тем не менее, пусть и круглым путем, мы, в разговорах и воспоминаниях, благополучно добрались до Тарусы.

Племянник Акимыча, Миша Каретный привез Вадима Перельмутера. Володю Гоника привезла его жена Наташа. Приехал художник Игорь Семенников с женой, который хотя лично не был знаком с Акимычем, но с любовью относился к его творчеству. Благодаря Эдику, устроились в гостинице у его друзей на берегу Оки. Конференция проходила в зале над рестораном на территории этой же гостиницы. Хозяева были радушны. На душе было радостно, оттого что собрались старые друзья, а виновником этого торжества оказался опять-таки Акимыч. Выступали Вадим Перельмутер, Павлик Нерлер, я, Володя Гоник. Самым удивительным было выступление жителя Тарусы, который еще с мальчишеских лет знал и помнил Акимыча.

Потом все спустились в ресторан, где по мановению Эдика были накрыты столы «в стиле Акимычева хлебосольства». А вечером мы отправились к Эдику. По выбору Эдика и его жены Гали Маневич отправились только самые близкие из присутствовавших: Миша Каретный, Павлик, Коля, Вадим и я. Мы посидели в их деревенском доме с низкими потолками, половиками на деревянном полу, выпили чаю. Вечер был необычайно тих и тепел. За окнами царил тишина.

Эдик пригласил нас в выстроенную рядом с домом бревенчатую мастерскую. С гордостью показывал свой «дворец» — он был любовно и мастерски им спроектирован и с такой же любовью срублен добротными мастерами. Каждое лето, приезжая из Парижа, Эдик проводил лето вплоть до октября в Тарусе и много работал. Город, в котором он вырос, и Ока, на которой он, как и отец, любил рыбачить, вдохновляли его.

Простившись с хозяевами, мы на машине добрались до гостиницы. Нас ждали номера на двоих. Мы разместились в номере вдвоем с Павликом. Под утро, проснувшись еще затемно, я увидел Павлика, сидящего за компьютером, и был немало потрясен. Спросонья я поинтересовался: «А спать когда же?» На что Павлик лаконично ответил: «Работы же много!»

Поднялся я рано и вышел погулять. Солнца еще не было, поддувал свежий ветерок. Ко мне присоединился Вадим. Мы прошли по берегу Оки, дошли до памятника Цветаевой, которая одиноко зябла на утреннем ветру. Ока молчаливо катила свои крутые струи. После завтрака мы с Павликом, Колей и Вадимом долго колесили по грязным улицам Тарусы, пытаясь найти улицу и дом, где останавливался Мандельштам. Наши поиски увенчались таки успехом. Павлик все тут же скрупулезно зафиксировал.

Во время нашего общения все эти двое суток царил та же дружеская и теплая атмосфера, которая всегда отличала дом Акимыча. Казалось, что он незримо присутствует среди нас. Коля, как всегда много курил, больше молчал. Вспоминаю, как вечером он любовался вместе с Эдиком его просторной мастерской, любовно поглаживал бревна. Меня поразила его способность оставаться незаметным среди друзей. Хотя он не был молчуном и ему было что сказать.

Наряду с этим качеством я бы отметил еще одно — его ненасытную жажду нового знания. В октябре 2012 года в Москве отмечали 90-летие российского джаза, у истоков которого стоял поэт и переводчик, теоретик танца Валентин Парнах. К юбилею мы с Вади-

мом Перельмутером и художником Игорем Семенниковым подготовили его «Избранное». В том вошли три его лучшие поэтические книги и мемуары «Пансион Мобер»⁸. Коля узнал об издании этой книги и позвонил мне. Спросил, где можно ее купить. Я рассказал ему, как добраться до магазина и сказал, что покупать не надо — один экземпляр он может взять в подарок. Коля поблагодарил, а вскоре раздался звонок из магазина. Он спрашивал, может ли он купить книгу для друзей по себестоимости. Я ответил, что конечно, может. Получить книгу для себя ему было мало — он хотел поделиться редким изданием и с друзьями.

Так всю свою жизнь он раздаивал щедро, не скупясь. Оставаясь при этом... нет, одним-двумя эпитетами не могу обозначить, приходится быть более подробным... Когда говорят о смирении, то почему-то прежде всего подразумевают что-то елейное и неестественное для обычного человека. Некое насилие над собой.

Смирение же прежде всего — духовная трезвость и доброта. Коле, даже при его любви к крепким напиткам, удавалось хранить духовную трезвость в любых обстоятельствах. Думаю, что он принадлежал к тому роду людей на Руси, которых называют «солью земли».

Сергей ВАСИЛЕНКО (Фрязино — Москва)

ОН ВСЕГДА БЫЛ РЯДОМ

Наши немногочисленные встречи с Колей Поболем — в основном на заседаниях Мандельштамовского общества — тем не менее, оставили у меня впечатления, что это были встречи после кратких расставаний. Казалось, он всегда был рядом... Коля неизменно интересовался в первую очередь моими делами, работой, поисками, и делал это с таким живым, неподдельным интересом, что за

⁸ Н. Поболь принял участие в первопубликации этого произведения (см. библиографию).

рассказами о своих заботах я как-то забывал спросить о его жизни, успехах и настроении. Доброжелательность, спокойная, взвешенная и вместе с тем не отрешенная, а глубоко проникновенная рассудительность Коли были таковы, что с ним рядом всегда было легко и радостно — и работать, и просто минутку отдохнуть.

Эрудиция Коли в самых разных областях была поистине удивительна. Он знал мелочи, которые давным-давно ускользнули из памяти тех, кто был менее наблюдательным. Вот одна из наших бесед с Колей: я спросил его о «вечных, несменяемых бутылках на лотерейных столиках» на Тверском бульваре из очерка Мандельштама «Холодное лето». «А это были призы за выигрыш в лотерею, которые редко кто получал», — ответил Коля...

Это маленькое, но важное наблюдение — лишь крохотная частичка того, что Коля сделал в мандельштамоведении, которому он отдал столько сил, труда и энтузиазма.

Леонид ВИДГОФ (Москва)

«УЖ МНЕ ТАКОГО БОЛЬШЕ НЕ ВИДАТЬ...»

О Николае Львовиче Поболе писать легко и трудно в одно и то же время. Легко, потому что несложно перечислить те очевидные его свойства, так хорошо знакомые всем, кто имел счастье знать этого удивительного человека: ум, доброту, широту души, юмор, достоинство, бескорыстие, жизнелюбие...

Но ведь слова эти — общие, стертые. И как за ними увидеть вот именно этого чудесного Колю Поболя (я, по-моему, ни разу его и не назвал за все время нашего общения Николаем Львовичем), навсегда ушедшего от нас?

Вообще-то не очень понятно, откуда он такой взялся. Он был какой-то незамаранный. Ведь прошел он много и много чего повидал.

Но было совершенно ясно, что Коля не способен ни на какой неблагоприятный поступок. Он был человек чистой, незапачканной души. Никакой злобности, никакого злорадства. И при этом он не был добреньким и уж никак не все приемлющим. Но ожесточения в нем не было.

При общении с Колей возникало ощущение надежности. Было как-то ясно безо всяких доказательств, что Коля не подведет ни в каком серьезном деле: он сделает именно то, что надо, если это потребуется. Непонятно, как эта уверенность в его надежности появлялась: ведь, вроде бы, человек Коля был несколько богемный, отнюдь не педант, — но у меня эта уверенность была, и, насколько я знаю, другие люди чувствовали то же. Да так он себя всегда и вел.

Коля был человек тонкий и деликатный. И он очень различал фальшь в разных ее проявлениях. Он и не скажет ничего, а только посмотрит так своим глазком, переглянешься с ним, — и все понятно, и говорить ничего не надо. Но при этом людей не оскорблял — у него никогда не было желания кольнуть кого-то, даже и по делу.

Вот так буду и дальше бесхитростно начинать каждый абзац с его имени и постараюсь определить, что же в нем было мне дорого и осталось навсегда со мной, в памяти о нем, в светлой памяти о светлом человеке.

Коля был благожелателен. Этого слова в современной речи уже нет, а какое хорошее слово — благожелательность. А Коля именно желал блага (и делал благое). И все, что он делал и как историк-архивист, и как незаменимый член Манделъштамовского общества, и как друг своих друзей, — все это было добро, все было на благо.

Коля был человек эпический. Несомненно, в нем было что-то фольклорное. Объяснюсь: меня поражал диапазон его знаний, отнюдь не академических, а прямо растущих из жизни. Он знал европейский Север России и Сибирь, мог рассказать, в каких реках, которые и на карте-то не всегда найдешь, водится омуль и хариус и каких вкусовых достоинств (то же касалось растений и ягод: о какой-нибудь княженике

мог говорить так, что это надо было бы записывать). Мандельштама мог цитировать страницами! В электричестве все понимал.

Трудно было сказать, с кем Коля не был знаком, — казалось, он знал всех: от неофициальных поэтов и художников 1960–1980-х годов до академиков и политиков, от геологов до текстологов... И стоило ему извлечь из памяти чье-то имя или какое-то явление, как тут же возникала замечательная история — то о сибирском медведе, то о московском фестивале 1957 года, то о поездке в Америку...

Вот это сочетание не выпячивающего себя неэгоистичного ума, благожелательности, веселости, естественности и благородства и создавало то очарование, о котором уже написали и еще напишут все знавшие Колло, все, кому досталась радость общения с ним.

Коля был очарователен, он был милый человек. Снова воспользуюсь ушедшим выражением — «милый человек».

Коля был мудр (а что есть мудрость, как не свобода, доброта, сила, благожелательность, понимание жизни, ирония и самоирония?) и прекрасен.

Есть еще и такое чувство: ведь если ты общался с ним, и он относился к тебе хорошо, то это обязывает, — надо как-то соответствовать, стараться быть хоть немного лучше.

Хочу в заключение вспомнить строки из «Гамлета»:

Королева: <...> Так создан мир: живущее умрет /И вслед за жизнью в вечность отойдет.

Гамлет: Так создан мир.

Королева: Что ж кажется тогда /Столь редкостной тебе твоя беда?

Гамлет: Не кажется, сударыня, а есть.

И еще:

Горацио: Я помню, он во всем был королем.

Гамлет: Он человек был, вот что несомненно. /Уж мне такого больше не видать.

Повторю эту строку: уж мне такого больше не видать!..

Игорь ВЛАСОВ (Москва)

ИСТОЧНИК СВЕТА

Коля Поболь в лаборатории ОКБ

Когда уходит светлая душа, всегда становится немного темнее. Не стало Коли. Не стало рядом еще одной светлой легкой души. К сожалению, время беспощадно. И в вечность уходят близкие нам люди.

...Мне посчастливилось познакомиться с Колей в сентябре 1964 года, когда меня, студента пятого курса, пригласили на учебно-исследовательскую работу с последующей работой над дипломным проектом в ОКБ МЭИ в лабораторию Петра Жакovichа Крисса.

У совершенно неординарного руководителя и коллектив был сплошь из неординарных сотрудников. Меня тогда поразила непринужденная и дружественная атмосфера в лаборатории. Меня встретили как своего.

Там я познакомился и с Колей Поболем. Веселый, никогда не унывающий и иногда ребячливый Коля привлек мое внимание еще и тем, что заметно выделяло его среди других сотрудников: широтой кругозора во многих областях, высокой начитанностью, легкостью языка и ясностью мыслей, выдававших его гуманитарное происхождение, — что особенно сближало.

Но работа есть работа. У каждого были свои задачи. И общение, в основном, происходило в «курилке». Мы выходили из комнаты из уважения к своему некурящему руководителю, несмотря на то что курить тогда разрешалось и на рабочем месте.

Время было удивительно интересным, и разговаривать было о чем. Хрущевская оттепель, Галич, Окуджава, Визбор, Клячкин, Якуше-

ва. Высоцкий чуть позже. Физики и Лирики. Турпоходы и турслеты. А главное — мы были молоды и с жадностью поглощали все новое.

И в этом новом Коля был ярким источником света. Я благодарен ему за то, что он познакомил с целым новым для меня миром изобразительного искусства — миром импрессионизма и сюрреализма. Наши беседы после работы порой затягивались до позднего вечера. Коля мог часами рассказывать о манере письма того или иного художника, о специфике мазка, об общей композиции. И это было не простым повествованием, а всегда с иллюстрациями из приносимых на работу альбомов. Практически, каждую свою премию, квартальную или тематическую, он тратил на приобретение новых художественных альбомов: в его коллекции были десятки альбомов разной величины и толщины.

Коля восхищался П. Сезанном, Э. Мане и К. Моне. Любил творчество Э. Дега и А. Матисса.

Однажды, после очередной премии, он буквально вбежал в лабораторию, возбужденно размахивая большой толстой книгой. Это был альбом Сальвадора Дали. Таким я Колю никогда не видел ни до, ни после: сбылась его сокровенная мечта. Через четыре месяца после выхода альбома Дали он был в его руках! И для нас это было потрясением: ярчайшие краски, практически объемное изображение, океан фантазии. Коле особенно нравились две картины Дали: «Горящий жираф» и «Растекшееся время» (последнего ему всегда не хватало), трепетно он относился и к циклу гравюр, посвященных жене Гале.

Другой страстью Коли была поэзия. Даже среди знакомых мне выпускников филологического факультета МГУ не было большего знатока поэтов Серебряного века. О. Мандельштам, М. Цветаева, М. Волошин, С. Черный, А. Белый и многие другие стали известны нам благодаря Колиным пристрастиям. Лично на меня наибольшее впечатление тогда произвели М. Цветаева и Саша Черный.

У Коли и его родителей дома была обширнейшая библиотека. И когда мы собирались у него на день рождения, к которому всегда го-

товился удивительнейший узбекский плов, то имели возможность более полно познакомиться с жемчужинами русской поэзии и нестандартного изобразительного искусства.

Когда Коля ушел из ОКБ, стало заметно скучнее. Его знали, практически, все на предприятии. И я думаю, что многие, знавшие его, наверняка, сказали бы: «Светлая ему память!»

Наша последняя встреча состоялась в декабре 2011 года. Тогда по инициативе нашего сослуживца И. Корласа мы собрались у Коли, в доме около ВДНХ. Это была встреча почти через 40 лет. Коля выглядел немного усталым, но это был все тот же Коля Поболь. Несколько часов общения пролетели, как одно мгновение. Договорились встретиться весной, но как-то не сложилось. Перенесли встречу на осень, после поездки Коли в США. Но я так и не смог до него дозвониться — ни по домашнему телефону, ни по мобильнику.

И вот грянул гром. Коли больше нет.

Но остались его улыбка, несколько фотографий и однотомник С. Есенина с «Москвой кабацкой», 1965 года издания, подаренный мне на Новый, 1966-й, год.

И еще память об удивительном, светлом и теплом человеке.

Юрий ГАЙГАРОВ (Москва)

НА ДНЕ РОЖДЕНИЯ У ПОБОЛЯ

Так получилось, что я узнал о Коле значительно раньше, чем мы познакомились.

Я окончил архитектурный институт летом 1962 года, а в сентябре уже работал в Моспроекте в мастерской Д. И. Бурдина.

Через год, летом, на практику в нашу архитектурную бригаду пришли Юра Савельев, одноклассник Коли, и Алена Таранова. Работа в бригаде была чрезвычайно скучная, и постоянно хоте-

лось спать — шли «привязки» типовых пятиэтажек в районе Дегунино-Бескудниково. Все это не мешало нашей маленькой компании устраивать длительные перекуры в коридоре на проваленном кожаном диване. В двух шагах от дивана находилось машбюро, откуда все время неслись пулеметные очереди пишущих машинок. Тетки в бюро отличались агрессивностью, и наша троица постоянно подвергалась их нападкам. В первую очередь, конечно, Аленушка: «Сидит между двумя парнями, курит, юбка короткая — аж трусики видать, стыдоба!»

Практика наших студентов закончилась, а в сентябре следующего года Аленушка вновь очутилась у нас, но уже в качестве архитектора и без Юры. Столы наши стояли рядом, и именно тогда от Алены я впервые услышал о Коле. Умный, независимый, путешественник и исследователь, учится в Энергетическом. Где он только ни побывал, за кем только ни охотился, включая женщин. Жил в палатке один, в богом забытых краях, добывал пропитание охотой. И много еще чего, что я, откровенно говоря, считал явным преувеличением и даже начал рисовать на Колю карикатуры.

Сегодня мне трудно вспомнить, где и когда мы в первый раз встретились с Колей, скорее всего, в доме Тарановых, на углу Садовой и Малой Бронной.

Общаться с Колей было одно удовольствие, он действительно много знал, и, если рассказывал о своей работе, о книгах, писателях или о политике, то всегда не банально и остроумно. Я впервые услышал стихи Мандельштама в его исполнении. Коля читал блестяще, и тут он был совершенно серьезен.

У Коли был один ритуал, который он соблюдал неукоснительно, — празднование своего дня рождения (19 мая). Пока была жива его мама, она, несмотря на слабость и немощь, обязательно пекла пироги, а Коля запекал баранью ногу.

Гости собирались в большой комнате с видом на гостиницу «Космос». Вдоль длинного стола сидели гости: кто на стульях, кто

на досках, а кто на диванчиках. Было очень тесно, но обязательно помещались все, независимо от количества участников. Выпивка была самая разная, хорошо помню, что в 1993 году на столе царил «Распутин», а в последние годы коньяки, виски и водка из Европы.

Сначала в честь виновника торжества произносились разнообразные тосты, но постепенно вся эта публика разбивалась на небольшие компании со своими разговорами и анекдотами. На этих днях рождения царила замечательная атмосфера. Люди собирались самые разные и подчас незнакомые друг другу, но всем было интересно и легко, потому что Коля удивительным образом всех объединял.

Сегодня, после его неожиданной и трагической смерти 27 января, я постоянно думаю, как до обидного мало мы общались друг с другом, и праздник 19 мая уже никогда не состоится.

Леонид ЖАРОВ (Тюмень)

ПОБОЛЬ — ЭТО ВЕСНА!

Да-да, весна!

Я сейчас произнес: «Поболь», — и услышал капель, хотя с крыши пока не капает.

Сегодня я чувствую, что Поболя знал всегда, я ведь познакомился с ним в мои 17 лет, в августе 69-го. Почти со всеми сходишься, опираясь на разговор, но есть редкоземельные люди, с которыми слетываешься, опираясь на их атмосферу. Вот, по-моему, главное у Коли: он создает атмосферу, где хочется жить (а я давно понял: смысл жизни — в желании жить).

Однажды ректор очень большого университета сказал мне:

— Если сравнить характер человека со зданием, то мы, конечно, не каменщики, но мы — штукатуры. В университете можно загладить недостатки и отшлифовать достоинства.

Так вот, Коля в этом смысле мой главный штукатур. Потому что он оказался первым (и, между прочим, единственным на сегодня) мужиком, который никогда со мной не состязался.

Это поразительный факт, ведь мужчины подсознательно всегда состязаются между собой. У Поболя напрочь отсутствует эта мужская глупость, он ни разу не дал мне понять, что знает больше меня о жизни, о женщинах, о литературе, о живописи, обо всем.

Его приветливая интонация, понятливая улыбка, его детский смех — все это всегда неизменно.

Мы окончили университет в 74-м. Потом я увидел Колю лет через пятнадцать, дома у Гриши Иоффе. Я заметил: Поболь внешне не изменился! (Кстати, мы за глаза называем его по фамилии, а фамилия изумительная, хрустальная!)

Потом, в 2001-м, у Алеши Багдасаряна, — Поболь опять внешне не изменился! Последние четыре года мы регулярно встречаемся у Алеши в мае, и я уже не удивляюсь — Поболь остается таким же. Может, это мне кажется, ну и хорошо.

Я отчетливо помню, когда полюбил Колю, — это было в июле 70-го, в Сатино, на практике после первого курса. За время первого курса я Поболя очень зауважал, а в Сатино после того случая полюбил.

Весь курс жил в палатках, по десять человек. У нашей палатки был номер «б». Однажды Поболь отъехал на воскресенье в Москву и вернулся на рассвете уже в понедельник.

Где-то часов в пять утра просыпаюсь от тихого разговора. Оказывается, Поболь приехал. Еще оказывается, что не только я проснулся, а и Паша Полян, и Коля Регент, и Саша Пахомов, и Саша Ворожейкин, а через пару минут проснулись остальные, — Поболь проговаривал частушки. Он их не пел, а говорил как стихи, нейт-

⁹ В воспоминаниях Е. Стеженской говорится не о звене, а о целой бригаде имени Поболя.

рально, тихо. И такие это были прекрасные стихи, что мы хохотали, но сдавленно, потому что нехорошо будить соседние палатки. Но тут Поболя начал предварять каждую частушку вводными предложениями — и картинки стали наполняться таким подтекстом, что невозможно было не смеяться во все горло.

Вот он дождался паузы — и поясняет одним словом:

— Послевоенная...

А дальше знаменитый текст: «На горе стоит баран, золотые рожки, парень девушку за мешок картошки».

Атмосфера была такая, что девять глоток ржали, забыв про приличия.

А десятым в это время почтительно ждал паузу, чтобы продолжить.

Часа через три иду на завтрак, и меня завистливо спрашивает девушка из соседней палатки:

— Над чем вы так хорошо смеялись ночью? Нам всем так хотелось к вам!

В Сатино Колю полюбили все жители палатки № 6.

В сентябре курс послали выкапывать свеклу в пойме Оки, под Серпуховом. А Коля почему-то не поехал, ему разрешили остаться в Москве. Мы жили в пионерском лагере, в двухэтажных домиках, и вся команда из той палатки сразу же решила, что называться мы будем «Звено имени товарища Поболя»⁹. Это название и было зафиксировано табличкой на комнатной двери, а также на древке флажка. Треугольный пионерский флажок нашелся в столовой — тут же оказался у нас, и я вырезал ножом на длинном древке: «имени тов. Поболя». Этот флажок мы втыкали днем на своем участке.

Коля был тронут этими знаками, когда в середине сентября приехал к нам повидаться. Приехал он со своим другом, двухметровым Алексахкиным. И сразу говорит:

— Надо же! Никогда электрички с рельс не сходили, а тут один вагон сошел! И мы в этом поезде! И все целы! За это надо немедленно разжечь костер!

У костра я сидел рядом с Алексахкиным, и он под песню Ворожейкина вдруг тихонечко мне говорит:

— У Коли это последний шанс получить диплом. Ему вечно не везет, всякие истории случаются... Одно, другое, теперь вот электричка. Вы уж его берегите.

Ну, мы и старались.

Если говорить о Поболе двумя словами, я бы сказал: деликатная богемность.

Поболь, безусловно, богемный человек, у него своя система ценностей, свои координаты, и в нем всегда чувствуется свобода. Но мы любим его, прежде всего, за деликатность; я ни разу не видел Колю озлобленным или унижающим собеседника.

А еще ценнейшее у Поболя — его знание простой сермяжной жизни и его ненавязчивые истории про окружающую житуху.

Осенью 71-го ему надо было подзаработать, и он на месяц устроился на Казанский вокзал в «Камеру хранения». Рассказывал Коля примерно так:

— Чтобы устроиться на любой московский вокзал, надо иметь очень крепкие связи. Это не банальный блат, тут нужны рекомендации изнутри.

Самое трудное — это попасть в носильщики. Носильщик ходит с государственным транспортным средством — с тележкой; он, как таксист, только у таксиста государственная «Волга». На «Волге» стоит счетчик, а у носильщика вместо счетчика на груди висит рулон билетов, как у кондуктора в трамвае. И — вот тут самое главное! — никто из пассажиров эти билеты у носильщика не берет. И поэтому носильщики в конце смены отмаывают сами эти билеты и рвут, рвут, матерятся, им неохота отмаывать, но деваться некуда, надо рвать. Но рвут до определенной цифры на билете. А разницей денежной делятся со всеми. Ну, мне понятно, что достается и милиции, и начальнику вокзала, и начальнику начальника, думаю, что и министру путей сообщения тоже заносят.

Поэтому в носильщики невозможно попасть постороннему человеку. Эти места передаются по наследству — когда носильщик уходит на пенсию, он рекомендует на свое место сына или другого близкого родственника. Это вам не какой-нибудь завлаб, член-корреспондент, тут большие деньги.

Ну а в «Камере хранения» меньше денег, поэтому через надежных людей устроиться можно.

Недели через три после того Колиного рассказа я зашел к нему на Казанский вокзал. Дело было вечером, часов в семь. Захожу в подземную галерею, в коридоре почти никого, за приемным окном сидит Поболь, читает книгу. Запускает меня внутрь, мы разговариваем, и замечаю: он озабочен. Спрашиваю, что случилось, и он объясняет:

— Не отпускают! Мне-то через неделю пора увольняться, а они не отпускают! Говорят: «Пока не найдем надежную замену, нельзя тебя увольнять! Мы же не можем брать кого попало!»

— Так они же могут долго искать!

— В том-то и дело! Оказывается, трудно устроиться, а еще труднее уволиться! Ну ничего, есть у меня один человек... Хоть и не хочется, но придется, если что...

А еще через пару недель на общей лекции в 2109-ой (самая большая аудитория на геофаке) Коля рассказал, как удалось освободиться. У него знакомые в разных местах, и один работал в ОБХСС, как раз в том районе, где Казанский вокзал. Пришлось его попросить: он пришел к подземному начальству, — и Поболь выпорхнул.

Коля умеет стать своим человеком среди любых людей, везде, в любой точке Земного шара. Сегодня это называется «налаживание горизонтальных связей». И это я считаю главным свойством интеллигентного человека. Знаю, что если бы он жил в нашей деревеньке под Тюменью, где я живу с 85-го года, в его душе был бы такой же уют, как и на проспекте Мира. А значит, и люди вокруг так же любили бы его, как любят во всех городах и весях, где он побывал.

А еще Коля умеет успокаивать одной фразой. Это совсем редкое умение: для успокоения собеседника самое главное — интонация и мимика. И то, и другое сыграть можно, но снять все сомнения может только искренность.

Я вспомнил этот случай после письма Паши Поляна, в котором он прикрепил Колину биохронику. Там написано, что в 69-м году Пობоль занимался подводным спортом. Именно в это время он мне здорово помог одной фразой.

Моя мама говорила, что в мои три-четыре года у меня болело ухо. Врачи в Нижнем Тагиле, где мы тогда жили, никак не могли вылечить. А как только семья переехала в Брянск, ухо быстро перестало болеть. И вот на медосмотре после вступительных экзаменов в универ доктор сказала:

— У тебя тонкая барабанная перепонка в этом ухе. У вас на первом курсе будут ныряния на дно бассейна, так ты скажи тренеру, что тебе это упражнение нельзя делать.

И действительно, на занятиях в бассейне надо было достать ласту со дна, народ нырял, ну и я нырнул, забыв про докторов. Ласту-то достал, но когда вылез из воды, чувствую дырку в ухе. Зажимаю ноздри пальцами, выдыхаю через нос, а из одного уха ветер свистит.

День свистит, другой свистит, я начал беспокоиться. И тут посылают нас народными дружинниками ходить вокруг университета вечером. И вот, сидим мы с Колей на лавочке возле столовой № 8, темно, холодно, зима подходит, и я рассказываю про дырку в ухе.

А Коля даже не дает вопрос задать — серьезно это или нет? Он просто смеется и говорит:

— Почти все аквалангисты ходят с порванной перепонкой; она то рвется, то опять зарастает.

И мы начали говорить про Ремизова. А я мгновенно успокоился.

И на следующий день перепонка заросла. И с тех пор, между прочим, не рвется.

Не случайно пишу о нем в настоящем времени.

Рука сама выводит, а в таких случаях я доверяю руке.

Юлиан ЖЕЙМО (Варшава)

КОЛЯБУС¹⁰

1

...Написать о Нем несколько слов — это не написать ничего! О Коле я мог бы говорить часами... Мы были дружны с 1950 года и до последнего дня его жизни. Попробую рассказать несколько эпизодов из нашего детства и юности.

С Колей Побольем я познакомился (и тут же подружился) в 1950 году, когда наша семья переехала из Ленинграда в Москву, и я был принят в 4 «В» класс 281-й школы, что в Уланском переулке. В то время моя мама была довольно популярна в СССР, и кинокартину «Золушка» видели все¹¹. И я, как Золушкин сын, был тут же принят в Колину компанию.

В классе нас было человек 40, но в состав этой компании входило только несколько ребят: Юрка Савельев (тогда Колин первый друг), Женя Мартюшин, по прозвищу Тюха, Дима Петрейков, Сережа Чесноков, Саша Трушин, Женя Кулефеев, Саша Никольский и Дима Аверин. Вся Колина компания училась хорошо, считались мы отличниками, и только с химичкой у Коли были проблемы. Каждый раз, входя в класс перед началом урока, химичка повторяла одну и ту же фразу, которую все мы знали уже наизусть: «Поболь! Тему “окиси, кислоты, основания и соли” знаешь? Нет. Садись — “два”!» — и только после этого начинала очередной урок. Уже много лет спустя, когда мы устраивали встречи одноклассников, всегда кто-нибудь, уже здурово захмелев, поднимал рюмку и вместо тоста произносил эту знаменитую фразу, и все мы хохотали до слез...

¹⁰ На фотографии: Е. Кулефеев, А. Трушин, Н. Поболь, Е. Петрейков, Ю. Жеймо, Ю. Савельев и Д. Аверин (Архив Ю. Жеймо)

¹¹ Имеется в виду актриса Янина Болеславовна Жеймо (1909–1987), сыгравшая Золушку в фильме Н. Н. Кошеверовой «Золушка» (1947). С 1957-го жила в Польше, похоронена в Москве.

В 1954 году нас всем классом повели вступать в комсомол. По Первой Мещанской (просп. Мира) мы шли колонной под строгим наблюдением учителя. Приняли нас во Всесоюзный Ленинский Коммунистический всех до одного: достаточно было ответить на один вопрос, типа «как фамилия секретаря компартии ГДР или Болгарии?», — и человек становился комсомольцем.

В школе возникла комсомольская организация. И как-то само собой получилось, что Колю избрали секретарем этой организации, а меня — его заместителем, ответственным за «политико-воспитательный сектор»(!). Кто это придумал — ума не приложу!..

Эта наша деятельность длилась 17 дней, после чего нас с треском сместили с этих должностей: Коле «поставили на вид», а мне объявили «строгий выговор с занесением в личное дело». Но из рядов Всесоюзного Коммунистического нас не выгнали, очевидно, потому что мы пользовались доверием ребят и симпатией наших учителей, особенно классной руководительницы Елены Наумовны.

За эти 17 дней нашего с Колей «царствования» нам удалось провести мероприятие, закончившееся скандалом, — сбор металлолома. Вместо того чтобы собирать консервные банки и жестяные обрезки, мы решили действовать «по большому счету»: отправились всей группой на какую-то стройку, никем не охраняемую, и вывезли оттуда на тележке, там же похищенной, чугунную ванну и несколько погонных метров рельсов, — и все это привезли на школьный двор. А на следующий день разразился дикий скандал. Пришлось все отвозить обратно, и сбор металлолома «умер собственной смертью». А моя «политико-воспитательная» деятельность свелась к тому, что я организовал вечер танцев, на котором звучали буржуазные танго и фокстроты, за что был обвинен в «низкопоклонстве перед Западом».

Школа, особенно в 9-ом и 10-ом классах, начала нам с Колей здорово надоедать, и любимым нашим занятием было, как тогда говорилось, «сорваться с уроков». Легче всего было спуститься по водосточной трубе из уборной, находящейся на втором этаже. «Срывались» только мы с Колей, хоть многие тоже хотели, но Юрка Савельев не мог из-за солидного веса и опасения, что труба его не выдержит, Тюха был слишком порядочным учеником, а Димочка Петрейков просто боялся.

«Сорвавшись» с уроков, мы шли или к Коле слушать музыку (если никого не было дома), или ко мне, или к Васильеву, если он был в этот день свободен, или просто болтались без дела по улицам. Любили мы ходить в кино, особенно в «Уран» на Сретенке. «Встреча на Эльбе», «Серебристая пыль», «Подвиг разведчика» и прочий бред нас не интересовали, но иногда удавалось попасть на «Робина Гуда», «Тарзана» и др. Перед каждым сеансом на экране появлялась надпись: «Этот фильм был взят в качестве трофея при взятии Советской армией Берлина», — или как-то так. Это было начало нашего знакомства с американским кино.

Еще до смерти Великого Вождя мы начали интересоваться внутренней политикой нашего государства, и это было понятно: все чаще внезапно исчезали знакомые наших родителей, отцы некоторых из нас. И я думаю, что уже в те годы Коля, будучи еще мальчишкой, многое понял, осознал и «прозрел».

Никольский, когда я в последние годы приезжал в Москву, каждый раз вспоминал эпизод, о котором я вообще забыл: еще до смерти Великого Вождя и знаменитой речи Хрущева я, во время нашей с Сашкой прогулки по Кировской, шепнул ему на ухо: «Сашка, а ты знаешь, что Сталин — это великий преступник, по приказу которого уничтожено миллионы людей!» Сашка безумно испугался и тихо спросил: «Юлька, откуда ты все это знаешь?» «Мне Колябус все рассказал», — ответил я.

2

...В то время ни Коля, ни остальные не только не знали творчества Мандельштама, но вообще не интересовались поэзией. Интересовала нас проза, но не «Повесть о настоящем человеке», «Как закалялась сталь» и «Молодая гвардия», а иностранная литература: Майн Рид, Дюма (Коля в какой-то период даже был «Атосом», но, в основном, все мы звали его Колябусом), Джек Лондон, О'Генри.

Чего нельзя было купить в книжном магазине, то искали мы у букинистов или тайком выкрадывали из библиотеки отца Димки Петрейкова — известного в то время чтеца-декламатора Лазаря Марковича. Большим «мастером книжного дела» был Сашка Васильев — мой друг, можно сказать, от рождения, но об этом позже. Из отечественной литературы любимыми Колиными (и моими) авторами были: Зощенко и, конечно, Ильф и Петров. «12 стульев» Коля знал наизусть (у него всегда была феноменальная память), и мы с ним любили перебрасываться цитатами из «12 стульев» и «Записных книжек Ильфа» при каждом удобном случае.

В этот короткий период Коля стал уже «Великим Комбинатором Остапом Бендером», поскольку умел достать все, недоступное

другим... Уже много лет спустя, когда я в очередной раз приезжал в Москву и мы вдвоем с Колей гуляли по Сретенке и по Кировской (мы называли эти прогулки «прогулками по Ленинским местам», до сих пор не знаю почему), мы заходили в парадные и в подворотни и непременно выскребывали на стенах гвоздиком надпись: «Ося и Киса здесь были», — и дату (жаль, что эти надписи не сохранились...). Главным нашим увлечением тогда была музыка. У Коли был патефон, который заводился ручкой и на котором надо было каждый раз менять иголку, и огромная коллекция пластинок, как виниловых, в 78 об./мин., так и долгоиграющих — в 33 об./мин. Но не только: Колябус был своим человеком на черной бирже пластинок, находящейся тогда на Кировской, около официального магазина «Грампластинки», и там попадались ему «шедевры», нелегально записанные на рентгеновских снимках! Блатные куплеты Утесова, романсы Козина и Лещенко, ну и, конечно же, Вертинский!

У нашего Колябуса абсолютно не было музыкального слуха — ему «слон на ухо наступил», но петь романсы Вертинского Колябус обожал. Зато чувством ритма он обладал отменным и всегда стучал в ритм мелодии ладонями по табуретке. И вот тогда-то и увлеклись мы джазом, и Коля объяснил мне, кто такой Луис Армстронг!

Регулярно, выходя из школы, мы играли, естественно, в футбол. Играли «класс на класс». В наших воротах всегда стоял Юрка Савельев, который из-за порока сердца был освобожден от официальных занятий по физкультуре. Все голы забивал противнику Колябус — наш центральный нападающий! Играли мы «под курьими ножками» — на задах дома, построенного по проекту Ле Корбюзье, — между колоннами. Места было мало, но выхода не было: играть в футбол на школьном дворе категорически запрещалось, а «курьи ножки» были рядом со школой!

Ну а потом начался покер... И вернусь к Сашке Васильеву. Мои и Сашкины родители, «киношники», были дружны еще с 30-х годов, а Жорж Васильев и моя мама были заядлыми и серьезными покеристами. Еще в Ленинграде, когда я болел, лежал в постели и страдал от скуки, мама научила меня играть в покер. Приехав в Москву, сразу же побежал

к Шушке (так звала его мама и наша семья) — единственному тогда знакомому — и научил играть его. А когда осенью поступил в школу, свел Колябуса с Шушкой и его друзьями: наши две компании соединились, а Коля подружился слевой Михалевским (Михасем) и, позднее, с Люсей Мелединой (Миледи), будущей женой Сашки, живущей теперь в Англии и носящей фамилию Lucy Blakeley, с которыми Коля дружил до конца своих дней...

И вот так «сын Чапаева» и «сын Золушки» заразили этим пороком остальных (но, правда, не всех...). Играли мы, естественно, на деньги, а поскольку денег у нас не было, пользовались покерными жетонами из слоновой кости, которые мне подарила мама, а, расплачиваясь, подписывали векселя. Но, слава Богу, никто не проигрывал. И хоть деньги были огромные, все мы, в конечном итоге, оставались «при своих».

3

...Вспоминая наше детство и юность, расскажу и еще об одном нашем с Колей увлечении — о пристрастии к вкусной еде и, конечно же, и, к сожалению, к «напиткам». Пить мы с ним стали очень рано, году в 54-м. Сначала это был портвейн и кагор, но от сладких вин нас мучило, и мы посвятили себя изучению грузинских вин, которых в то время было множество, кроме «Хванчкары» и «Киндзмараули» (их можно было достать по блату только в «Арагви», и то не всегда). В то время грузинские вина номеровались. «Цинандали» — это был № 1, «Гурджаани» — № 3, «Кахетинское» — № 8, а наше любимое «Тетра» — № 19. Я уже многое забыл, но Коля наверняка до конца помнил все 20 с лишним номеров и названий. Ну, и, конечно же, «шампанское в разлив бокалами», продающееся в больших гастрономах.

Коля мог есть всегда, аппетитом обладал огромным, и мы часто заглядывали в шашлычную на Никитской, в ресторан «Узбекистан» (куда ходили после визитов в «Сандуны»; с тех пор и полюбил Коля париться в бане) или в «Арагви». А когда вечером

шли просто погулять по Сретенке, Кировской или по Горького, обязательно заходили в «Кафе-автомат» около входа в метро на станцию «Дзержинская» и покупали там бутерброды с красной икрой или копченой колбасой «по рупь пятьдесят» (до сих пор осталась у меня слабость к копченой колбасе; перед каждым моим возвращением в Варшаву Коля одаривал меня батоном брауншвейгской, а когда еще ездил в Охотск, обязательно снабжал копченой семгой и красной икрой собственного засола, а я каждый раз нервничал, перевоза эти деликатесы через границу).

Часто Коля бывал у меня дома, на улице Машкова, и мама обязательно обильно Колябуса кормила. Тогда еще мы не были кулинарами, это пришло потом, но вкусно покушать мы с Колей любили всегда. А спустя многие годы Коля стал большим специалистом в области жареной бараньей ноги и плова, а когда он, путешествуя по Европе, заезжал ко мне в Варшаву, я всегда угощал его говядиной по-бургундски (это блюдо Коля просто обожал) и печеной свиной рулькой по-баварски. А из национальной польской кухни Коля любил фляки (суп из говяжьего желудка) и бигос. Ну и, конечно же, копченых угрей, которыми Польша всегда славилась.

Когда же я приезжал в Москву, зная Колино пристрастие к сырам, я никогда не забывал о настоящем рокфоре для него. Моя кулинарная библиотека давно перевалила за 300 томов, из них три подарил мне Коля: «Русскую кухню в изгнании», «Поваренную книгу Декаданса» и «Рецепты художника и кулинара» — все три очень мною ценимые и на редкость интересные.

Кстати Коля подарил мне еще несколько книг, но уже из другой области: «Архитектурные прогулки по Москве» и «Тайна тайн московских». Героев последней учил физике тот же учитель, который после войны учил и нас, — Василий Тихонович Усачев, по прозвищу Слон.

Ну, о книгах хватит, я ведь еще не вспомнил о водке, которой Коля был большой знаток и любитель. В 90-х годах он не расставался с портфелем, где всегда было пол-литра, стаканчики и блок сигарет, я же каждый раз, приезжая в Москву, обязательно привозил или пасхальную «Пейсаховку» (75 градусов!), или «Выборову», или «Бельведер», чтобы Коля мог оценить их качество. И хорошо нам с Колей пилося...

4

В 1956 году я получил из Польши в подарок несколько значков с гербом Варшавы — сиренкой. Хоть хвост у нее был рыбий, но грудь дамская, к тому же голая! Я подарил эти значки некоторым ребятам, прежде всего, Коле, и они нацепили их на школьные мундиры (тогда мы обязаны были ходить в форме, в кителях или гимнастерках). Заметил это учитель математики, он же школьный парторг, Семен Григорьевич Токарь — и снова был огромный скандал. Было созвано обще-школьное открытое комсомольское собрание (я не был впущен в зал), на котором меня обвинили в «распространении порнографии» (у сиренки на значке была голая грудь!), и ребятам было официально запрещено со мной дружить. Сразу же после собрания все друзья сердечно меня обняли и все мы, во главе с Колей, пошли выпить по этому поводу.

Вот в какое «интересное время» довелось нам с Колей жить...

5

В 1957 году все мы окончили школу и разъехались: я уехал в Польшу, Коля «загремел» в армию. Насколько мне известно, наша компания на годы распалась — у всех появились новые друзья и новые увлечения. Колю я увидел только лет через 15, но зато наша дружба вспыхнула с новой силой, а контакты стали, сколько это было возможно, постоянными и очень тесными. Естественно, у Коли появились новые друзья, и у каждого была, как говорится, своя жизнь. Но стоило мне приехать в Москву, а приезжать я стал регулярно, мы с Колей, практически, не расставались, и все эти две недели, которые я проводил в Москве, Коля был со мной все время, как бы занят он ни был. И я стал называть его Колюшкой, а он меня — Юлинькой. В это время Коля был уже, можно сказать, членом нашей семьи, оставшейся в Москве, очень дружил с моей старшей сестрой Яниной-2, ее дочкой Яниной-3 и ее внучкой Яниной-4 и участвовал во всех их семейных торжествах.

Колю любили все, его нельзя было не любить. И Коля любил всех, никогда ни с кем не ссорился, всех мирил, всем помогал и был «душой общества». С огромной нежностью и уважением относился Коля к моей маме. И когда в 1987 году я привез ее тело в Москву, чтобы похоронить на Востряковском кладбище, Коля был одним из тех, кто нес ее гроб к могиле...

6

И, наконец, о самом для нашей детской дружбы главном — о ежегодных встречах одноклассников, точнее тех, кто еще был в живых и кого удавалось найти. Когда я был в Варшаве, одноклассники не встречались, но когда я раз в год приезжал в Москву, то считал своим долгом собрать всех и отпраздновать очередную годовщину со дня окончания школы, а Коля занимался «техподготовкой» этих встреч.

Последняя такая встреча с солидной выпивкой и массой воспоминаний о детстве произошла в 2011 году, спустя 54 года после окончания школы! В 2012 году я не смог приехать в Москву, но с Колей регулярно общался по скайпу, и мы с ним выпивали по рюмке «за дружбу и любовь», чокаясь в экраны компьютеров.

В последний раз мы с Колей «встретились» месяц назад, в субботу, перед его очередным походом в баню¹².

...А потом мой дорогой Колюшка ушел навсегда...

Вот и все.

Семен ЗАСЛАВСКИЙ (Днепропетровск)

ПАМЯТИ ЧЕЛОВЕКА

С Колей Поболем меня познакомил московский писатель Павел Нерлер. С первых же минут знакомства я ощутил нешумность, неповторимость Коли.

В московской деловой суতোлке семидесятых годов прошлого века, весьма еще далекой от гламурного холода начала нового столетия, Коля привлек мое внимание сдержанным несуетливым складом характера, как бы скрывающим за этой сдержанностью доброжелательность, мужество и доброту. Думается мне, что многие люди, с которыми был знаком Коля, помнят, что он помогал друзьям всегда незаметно, вот как сыну моего друга Алеше Кононенко, ставшему архитектором с легкой руки Коли.

...Помню интонацию Коли, замечательно умевшего читать стихи. На могиле у Надежды Мандельштам Коля прочитал стихотворение «Мне на плечи бросается век-волкодав». Его голос открыл для меня новые смысловые обертона в этом шедевре Мандельштама. В это стихо-

¹² 29 декабря 2012 г. Этот поход в баню оказался последним.

творение Коля привнес своим голосом благородную сдержанность тона, опять же незаметно подчеркнув трагизм поэзии Осипа Эмильевича.

К сожалению, виделись мы с Колею редко по причине моих несчастных приездов в Москву — из Украины, Ленинграда, среднеазиатских и сибирских экспедиций...

Но я рад, что знал Колю, общался с ним, и при известии о его смерти у меня сжалось сердце.

Боже мой, не стало еще одного доброго, умного и талантливого человека из моего послевоенного поколения, тронутого страданием и оттого открытого всему настоящему в жизни и искусстве.

Хочу посвятить памяти Коли свой перевод тридцатого сонета Вильяма Шекспира.

СОНЕТ 30

Когда в молчанье ночи суд идет
Моих раздумий тяжких над собою
И боль былая сердце рвет живое,
И час страданий новых настает —

От слез отвыкший, снова плачу я
По всем друзьям, что злою ночью взяты
В неведомую даль небытия,
Где ни любви, ни имени, ни даты...

Уже утрат моих не перечеть.
Весь мир моей становится утратой.
И в этих испытаньях горесть есть
Всех бедствий, мной испытанных когда-то.

И лишь тебе, любовь, тебе одной
Дано восстать над горестью земной.

Григорий ИОФФЕ (Рэдфорд, США)

БЛАЖЕН, КТО СМОЛОДУ БЫЛ МОЛОД

Это так неловко (и вместе с тем привычно) пускаться в рассуждения о том, что значит для тебя «этот человек», когда его уже нет с нами. Вот теперь я приеду в Москву, и Алик Багдасарян встретит меня один, без Коли Поболя. Мы уже не посидим с ним в первый же вечер моего пребывания в родном городе. Это обострит ощущение пустоты, возникшее, после того как Паша Полян сообщил о внезапной Колиной смерти.

...Я перевелся с вечернего на дневное отделение геофака МГУ в 1970 году по истечении второго семестра и очень быстро узнал, что на курсе есть человек, о котором говорят все, с кем мне хотелось общаться. «Поболь сказал», «Мы были там с Поболем», «Поболь не уважает этого человека», «Как — ты не знаешь Поболя?» — все это слегка напоминало мне прочтенный незадолго до этого роман Натали Саррот «Золотые плоды» — роман о романе, о котором было принято говорить и которым было принято восхищаться. Я поэтому приготовился принять этого еще не известного мне Поболя в штыки. Как-то даже хотелось его сбросить с пьедестала.

Но первая же встреча с ним на 18-ом этаже главного здания МГУ заставила об этом забыть. Несмотря на большую разницу в возрасте и весьма существенный в моих глазах жизненный опыт, приобретенный к тому времени Колей, в нем не было ни грамма позерства и претенциозности. Общаться с ним было просто и легко, доброжелательность его была искренней, а душевная щедрость безграничной.

Коля, или Николай Львович, как я по большей части его величал, был на удивление плохо встроен в социальные отношения, ведущие наверх, и, напротив, идеально встроен в отношения за-

душевного братства, товарищества, предполагавшие доверительность, искренность, незлобивую иронию и очень часто его, Колино, интеллектуальное шефство без тени высокомерия с его стороны. Тем более странно вспоминать, что одно время, видимо, пропустивши через себя атмосферу хрущевской оттепели, Коля имел серьезное намерение вступить в партию и специализироваться на международных отношениях с ведущими западными странами. Если бы он сам мне это когда-то не сказал, я бы не поверил.

Гораздо органичнее вспоминать о Колином знании поэзии, о его любви к русской бане и русской водке, о его приверженности либеральным идеям и его нежном отношении к «Новой Газете». Тут мне на ум приходят наши с ним существенные различия — вполне возможно, что они усилили воздействие на меня Колиной личности.

Блажен, кто смолоду был молод. Мне кажется, что Коле это удалось, а мне — нет. Но мне также кажется, что он счастливо избежал обычно непреодолимых издержек взросления, к каковым относятся некоторый цинизм, стремление к личной выгоде, а также известная мера ответственности за потомков.

В то же время Колина самоотверженность в отношении друзей, тот факт, что он дал, по крайней мере, некоторым известным мне людям «путевку в жизнь», задав направление их деятельности и мышления на многие годы вперед, и при этом не получил и, видимо, никогда даже не стремился получить какого бы то ни было формального признания, как-то даже ошарашивают. Мне не приходилось встречать людей с такой же степенью безразличия к собственному рангу и статусу и в то же время с такой же степенью погруженности в неформальное и неизменно одухотворяющее общение, какая была свойственна Коле.

Я за более чем 60 лет прожитой жизни раза два или три пожалел, что не верю в Бога. Когда Коля умер, я не знал, кого мне

благодарить за то, что жизнь свела меня с ним. Я не знаю, кому я это говорю, но я говорю за это СПАСИБО.

Вечная память самому душевному, самому доброму и самому бескорыстному человеку в мире — Николаю Львовичу Поболю!

Андрей КАЛИШЕВСКИЙ (Москва)

ЕГО ТЕПЛЫЙ, «С ТРЕЩИНКОЙ», ГОЛОС...

... А познакомился я с Колей Поболем вскоре после начала занятий на первом курсе Географического факультета МГУ. Остались позади кошмары вступительных экзаменов, мучительные гадания «набрал — не набрал», «прошел — не прошел». Начиналась новая, интересная и как бы «взрослая» жизнь. Эйфория!

А какая-же взрослая жизнь без возлияний в «мужской» компании?

И вот, чудесным осенним деньком, я с двумя новыми приятелями (еще не друзьями), слиняв с лекций, иду по университетским скверам по направлению к соответствующему заведению. А вместе с нами, сопляками, бодро шагает по-настоящему «взрослый» дяденька с огромным желтым портфелем.

Уже по дороге я почувствовал, как мне легко и интересно говорить с этим ироничным и, видимо, многоопытным и много знающим товарищем. И никакого заигрывания с «мальцами», а тем более снисходительности «старшего» не почувствовалось. Ну а дальше...

В пивнухе (на углу Ломоносовского и Ленинских проспектов) все было замечательно. Пивко, рыбка (тогда, в 70-м, это еще подавалось!)... И разговоры... Ну и, конечно, Колины байки обо всем. О чем только он не поведал! Уши развесишь!

А где пиво, там и водочка. Внутренне холодея, но с лихим видом, взял я в руку стакан с полагающейся мне дозой (200 грамм). А как ее выпить? И тут я узрел, как Коля поднес граненый стакан ко рту и ме-е-дленно, ма-а-ленькими глоточками, даже с каким-то причмокиванием, всосал содержимое! Это меня вдохновило, и я, правда, не столь изящно, принял в себя объем. Стало совсем хорошо и весело!..

Дальше мрак...

Из рассказов сотрапезников: их мотало с моим телом по всему Ломоносовскому, а Коля с нашими сумками и своим портфелем степенно шагал сзади, подавая мудрые советы. В конце концов (благо жил я недалеко), они вручили то, что от меня осталось, моей потрясенной бабушке и вежливо распрощались.

Так я вкусил «взрослой» жизни и познакомился с Колей Поболем...

...И понеслась студенческая жизнь со всеми ее радостями и лишениями.

Постепенно образовалась сплоченная группа друзей-единомышленников-сотрапезников, огромную роль в сплочении которой играл Коля. И как было приятно во время очередного застолья оказаться рядом с ним и прослушать очередное устное эссе на любую интересующую тебя тему.

Ну а после третьего курса нас с Колей и группой товарищей вышибли из университета. В достаточно невинной ситуации, отрабатывая хвосты по летним практикам в Красновидово (база Географического факультета МГУ), мы попали под каток антиалкогольной кампании. И наиболее безвинно пострадавшим был Поболь, мирно (после посещения больного тестя в Москве) спавший в палатке, когда туда ворвалась комиссия во главе со свирепой Натальей Васильевной Красильниковой (зам. де-

¹³ Особенно злобствовал руководитель студенческой практики А. Кошиц.

кана по учебной работе)¹³. Они орали, трясли его, даже лупили нашей гитарой, но сон Коли был крепок и безмятежен.

Тут в палатку вернулся я, пьяненький, со сломанной молнией на джинсах, и начал втолковывать им, что человек спит после дороги, что застолье было сильно раньше, — но тщетно. Утром под конвоем нас эвакуировали в Москву.

И процесс отчисления пошел... Нас пытались отбить и однокурсники, и куратор нашего курса Эра Львовна Симунова, но деканат был неумолим!

В конце концов все как-то устаканилось. Все, кто хотел, МГУ окончили. Меня же потянуло совсем в другую область — я всегда любил рисовать, вот и решил стать художником. А с Колей встречался пореже, все в той же компании и по приятным поводам.

И, оказалось, что и в этой, новой для меня, среде настоящих художников, где я очутился (а учился я в подвальных мастерских на улице Макаренко), у Коли масса хороших друзей (Абрам Ницбергер, Константин Карамян, Игорь Ворошилов, Алексей Каменский и др.) и что он сам был частым гостем этого знакового нежилого помещения. И говорить нам стало еще интересней!..

Как несправедливо, что все так внезапно оборвалось. И что больше не услышу по телефону его теплый, «с трещинкой», голос: «Андрюшенька, попариться не хочешь?». И что не выпьем кваску да и водочки, не закусим рыбкой. И что не расскажем друг другу о вояжах за рубежи нашей родины-матери...

Еще одним светлым человеком меньше.

Как горько!

P.S. Может показаться, что в моих воспоминаниях сделан слишком сильный акцент на принятие внутрь алкогольных напитков. Но что поделать?.. Из «Песни о Поболе» это не выкинешь.

Леонид КАЦИС (Москва)

МАНДЕЛЬШТАМОВСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Жизнь сложилась так, что в самых главных Колиных сферах я никогда не был — ни в банях, ни в походах, ни в экспедициях, ни в «Мемориале», ни в «Новой газете». Причины тут разные, но довольно много было связано с человеческой несовместимостью, с политической проблематикой, с разного рода недоразумениями и т. д.

Но и без этого мы с Колей хорошо пообщались на протяжении последних 20 с лишним лет — времени существования Мандельштамовского общества.

Впервые его «геологические» рассказы я услышал в Чердыни на его 70-летию, которое совпало с Мандельштамовскими чтениями в месте ссылки поэта. И причина тут была вполне конкретная: ехал я с группой коллег на поезде «Москва—Владивосток», в котором продавали байкальского омуля, закопченного частным образом и с брюхом, распертым вставными зубочистками. Именно такого рода рыбки были подарены Коле. И посыпались разного рода байки, сообразные теме.

В избе-гостинице, где жили Коля, Паша Нерлер и кто-то из иностранных участников, и из окон которой видно место, где хорошо бы поставить памятник ссыльному поэту, был сооружен юбилейный стол, за которым участники застолья, включая меня, и узнали настоящего Колю.

Были у нас с ним и разговоры по «железнодорожному вопросу». После того как Коля умудрился найти «Мандельштамовский эшелон», я все просил его поискать тот санитарный поезд, на котором сбежал в Варшаву Мандельштам в январе 1915 года. Но этот замысел так и не был реализован. Труднее всего было понять, на

военном (запрещенном для евреев) или на гражданском санитарном поезде пытался убежать на фронт поэт. Будем надеяться, что кому-то повезет и здесь, но Колино везение с дальневосточным эшелоном будет нам светить еще долго, вселяя безнадежную надежду.

Всем мандельштамоведам известно, что Коля собрал замечательную коллекцию напитков, которые упоминал Мандельштам. Ее полнота предусматривает уже только каталогизацию и музеефикацию. Есть смысл посвятить этой проблеме небольшую статью в Мандельштамовской энциклопедии.

Но завершением этого проекта не завершились возлияния, которые Коля организовывал в Мандельштамовском обществе после многочисленных заседаний. Именно здесь происходили самые интересные разговоры, споры и т.д. Коля никогда не забывал напомнить, что я его «склоняю» к выпивке, как еврей русского. Этот вопрос мы, естественно, не обсуждать не могли.

На какое-то время мы оказались связаны с Колей и профессионально. Когда Колины друзья, решившие помочь ему с деньгами на ремонт квартиры, обратились ко мне, я предложил ему просто напечататься за гонорар в одном из тех журналов, с которыми тогда работал, — в «Еврейском книгоноше» и в «Лехаиме».

И тут Коля принес настоящую находку из архива мандельштамовского врага — Давида Заславского. Это были дневниковые записи о поездке Эренбурга и Алексея Толстого на казнь фашистских преступников. Теперь эта публикация вошла в эренбурговедение и перепечатывается. Было и еще несколько рецензий, которые есть в библиографии. Естественно, при вручении гонорара мы отметили это в пивной на переходе от ресторана «Борис Годунов» к Никольской и РГГУ.

...Последний месяц Колиной жизни прошел без меня, я был долго в Израиле. По моем приезде Паша Нерлер позвонил из Германии и сказал, что «в ночь с второго на третье» по старому стилю,

Коля не сможет быть у мемориальной доски, что висит на стене Литературного института. А именно там 15 января, в день рождения поэта, в 16:00 ежегодно собирались ценители Мандельштама: у доски оставляли цветы, читали стихи и выпивали в честь Мандельштама по рюмке водки. Коля всегда организовывал соответствующую часть мероприятия.

Я этого никогда не делал, но тут пришлось... И «удача» сама пришла в руки: в моем придворном магазине появилась замечательная водка «Saima» финского производства — да еще и из воды «мандельштамовского» (впрочем, и «владимиролдовьевского» тоже) озера!

Пить без Коли у доски оказалось не с кем. Две бутылки перекочевали в Мандельштамовское общество. Я позвонил Коле в больницу и все изложил. Коле было, с его слов, легче. И он, рассказав о поездке в Америку, обещал по выходе из больницы употребить этот финский продукт в привычной обстановке и манере.

Случилось, увы, не так. Эта водка была выпита в память о самом Коле, а бутылка с надписью «Saima» заняла свое законное место в отсеке алкогольной коллекции, обозначив границу, за которой наступает новое время — время без Коли...

Игорь КОРЛАС (Москва)

В ОКБ МЭИ

Еще во время учебы в МЭИ меня распределили в ОКБ МЭИ на преддипломную практику. Со мной распределились еще два молодых выпускника моего вуза. Стоял июль 1965 года. Защита прошла успешно — и в декабре того же года я становлюсь инженером-электриком с дипломом.

Поболь работал у другого руководителя, но мы все работали в одной комнате и были как бы коллеги. Мы называли его Коля, так

как он был не на много старше, а авторитетов у нас тогда вообще не было. Проработал я в ОКБ до ноября 1969 года, пока не был призван в армию. За время работы я прошел путь от молодого специалиста до специалиста — и не только по профессии. Находясь в тесном коллективе сотрудников разных профессий, я получил опыт общения с коллективом. В коллективе же были и опытные практики, и теоретики, и мы, дипломированные инженеры. Сейчас думаю, можно сказать, что каждый сотрудник был талантлив и работал творчески.

Таким был и Коля. С нами он общался на студенческом языке. Он тогда много рассказывал о технике, о направлениях в науке, но больше всего любил поговорить об искусстве, литературе, поэзии, живописи и музыке. Он много читал и много знал о жизни деятелей искусства. Многие из них и сейчас в поле интересов масс-медиа.

Коля был обычным молодым человеком. Курил, как и мы, участвовал в застольях по большим праздникам, но от общения с ним я многое и с интересом узнавал. Тогда обсуждались разные журналы и публикации. Мне, технарю, интересно стало читать художественные произведения и публикации по истории литературы. С Колиной подачи я заинтересовался и музыкой, стал ходить на концерты. Музыка для меня стала частью жизни. Чтение и сейчас — одно из моих главных увлечений в часы досуга. Отношение к стихам тогда для меня было нулевым. В литературе я дальше книг Фенимора Купера про индейцев и следопытов не шел. А теперешний мой багаж пополнился томами Дюма и книгами на исторические темы. И это следствие тех общений почти сорокачетырёхлетней давности.

Очень важным событием для меня стала женитьба. Перед уходом в армию я женился. Мой сверстник по работе Вадим не смог быть свидетелем на свадьбе. Тогда Коля сам предложил заменить его в этом качестве — и брак мой до сих пор действует. Вспоминая

то время, я инициировал встречу коллег 22 декабря 2011 года, в День Энергетика. Мы были у Коли в гостях. Внутренне он не изменился. Был все таким же в своих убеждениях и интересах, и мы снова спорили и доказывали свои точки зрения на прошедшее и на нынешнее время, вспоминали наших общих знакомых.

Янина КОСТРИЧКИНА (Москва)

ОН БРАЛ САМОЕ ЛУЧШЕЕ ОТОВСЮДУ...

Мой дядюшка Юлик уже написал о том, каким образом Коленька вошел в нашу семью раз и навсегда. Я его иначе как близкого родственника и не воспринимала. Как-то постепенно, как иногда бывает с близкой родней, я поняла, что Колька, который был в доме всегда и поэтому воспринимался как данность, на самом деле — подарок судьбы. Даже — бесценный дар.

Только став взрослой, я смогла оценить его необыкновенное отношение к жизни: он брал самое лучшее отовсюду. Математика, история, поэзия — что именно значения не имело. Имело значение то, что математика в его жизни была красивой, история — максимально правдивой, поэзия — самой высокой. Ничего случайного — поэтому так много. Я всегда поражалась тому, как много всего он успевает сделать, практически не напрягаясь.

И при этом не было случая, чтобы он в чем-то отказал кому-то из нашей семьи. Это касалось и застолья (и всех семейных праздников; и, ставшего традиционным, празднования у моей мамы католического Рождества; и просто — «что-то мы давно не выпивали вместе»), и вытаскивания моих мальчишек из двоек по математике в выпускном классе (удивительная Колечкина терпимость — на мой вопрос: «Ну, как там — совсем плохо?»—

его ответ: «Ну, в принципе, конечно к одиннадцатому классу уже пора было бы узнать, что умножение на минус единицу приводит к перемене знака, но так — ничего, не безнадежно».), и любой просьбы о какой-либо помощи.

В связи с этим — забавная история, которая очень, по-моему, раскрывает Колькин характер. Это случилось в ту эпоху, когда таймшеровские разводиловки еще не стали притчей во языцех. Мне позвонили домой и сообщили, что я выиграла таймшер на Тенерифе, и мне просто нужно прийти к ним в офис на собрание и этот выигрыш получить.

Я удивилась, поскольку ни в каких лотереях не участвовала, но они мне объяснили, что мой телефонный номер каким-то чудом оказался выигрышным. Самая обычная история, как теперь все знают, но тогда эти ребята только начали раскручиваться, так что опыта у меня не было. Смущало меня только то, что я абсолютно точно знаю, что выиграть что-либо не могу по определению. Но поехать совершенно бесплатно (или за какие-то минимальные деньги) в Испанию мне показалось довольно заманчивым, хотя интуитивно я чувствовала подвох.

И, практически, не задумываясь, я позвонила Колечке, рассказала ему всю эту историю и попросила поехать со мной на это самое собрание. Колька сразу сказал: «Это жулики, ты ведь понимаешь?» Я ответила, что тоже так думаю, но мне ужасно интересно, как именно они это делают. И Колька сказал: «Ладно, поехали». Любой другой человек начал бы нудить, объяснять, что это бессмысленная трата времени, — а он просто взял и согласился. Думаю, что он, как воннегутовский Боконон, считал, что «никогда не стоит отказываться от неожиданного предложения попутешествовать в незнакомом направлении».

Короче, мы пришли в этот «офис», нас окружили весьма приятные во всех отношениях девушки и юноши, посадили, как и прочих, за столик, показали фильм о Тенерифе, долго в чем-то

сладко убеждали, а потом разнесли по столикам маленькие стаканчики с красным сухим вином, велели попробовать и попытаться определить, в каком стаканчике какое вино из предложенного списка.

Мы с Колечкой никогда не отказывались выпить, что и сделали. После чего он сказал: «Янечка, я неплохо разбираюсь в винах, но тут не надо быть экспертом, чтобы определить, что во всех стаканчиках одно и то же вино, причем довольно низкого качества». Страшно веселясь, мы, тем не менее, послушно написали на разноцветных бумажках под каким номером какое вино и — о чудо! — снова выиграли!

Теперь уже таймшер на десять лет, в самые разные страны мира, на самые заманчивые курорты. Тут же к нам подскочили, сунули под нос какие-то бумажки, которые по их словам ни к чему нас не обязывали, но раскрывали перед нами кучу всяких перспектив. Колька сказал мне тихо: «Слушай, пора отсюда валить: надоело, да и выпить точно больше не дадут. Давай подпишем, так проще будет уйти». Что мы и сделали. Дома я эти бумажки прочитала и с ужасом выяснила, что в случае отказа от предложенной лафы мы должны заплатить какие-то немислимые для нас по тем временам (середина девяностых) деньги: сто или двести долларов. Я в панике позвонила Кольке, и он меня сразу успокоил: «Забудь о них и не волнуйся. Вот увидишь, они больше не появятся». И был абсолютно прав...

С Колей, Коленькой, Колябусом всегда было весело, легко — и при этом высоко. Никогда не завышаясь, он немедленно выводил любой разговор на самый высокий уровень. Поэтому — Мандельштам, поэтому — работа с архивами и невероятные познания в любой области. Поэтому с ним никогда не было скучно.

И поэтому его физическое отсутствие — такая невосполнимая утрата, такая страшная боль.

Николай КОТРЕЛЕВ (Москва)

И РАСЦВЕТАЛА КОЛИНА УЛЫБКА

Вспоминаю Колю Поболя и горюю. Печальна потеря, но ведь с каждой неизбежно сживаешься. С Поболем разлука мне будет, однако, всегда особенно грустной, окрашенной упреком – вот только судьбе ли? Или самому себе? Она ли держала его вдали? Или я не умел сблизиться, быть рядом, чтобы больше радости пришлось на мою долю – и было отнято смертью?...

Ведь мы были знакомы очень долго, и не раз пересчитывали, каждый раз останавливаясь на все более короткой цифре, – сколько нас, тех осталось, теперь нужно говорить – оставалось... Нас связала влюбленность в Сашку Васильева. Коля сдружился с ним много раньше меня. Но когда и я был, как астероид, втянут на Сашкину орбиту, Поболь был в армии – так что встретились мы впервые только после его демобилизации. Я вошел в достопамятную Сашкину комнату «на Архипова» (или – «на Ногина», *nomina sunt odiosa*, дело было в Спасоголинищевском переулке) и Сашка, празднично расплываясь, взмахнул рукой к незнакомому: «Колька вернулся!» И навстречу поднялась радостная улыбка, которая, кажется, не менялась с тех пор никогда.

От первой поры предметных воспоминаний о Поболе у меня нет, только общее светлое и веселое облако. Мы и видеться много не могли – с лета 1963-го я исчез из Москвы, а возвратясь в 1965-м, уже не вернулся в Сашкину компанию. И все ж – десятилетия спустя Сашкино имя и неукоснительное «а помнишь...» оказались символом. Каждый из нас хранил свою половинку, и узнавали радостно друг друга по тому, как половинки словно срастались по линии разлома.

И расцветала Колина улыбка.

Я ненавижу префабрированную улыбку американского бытового обихода, к которой приучаются, как дети к «здравствуйте!». Победить ее может только Колина радость встречи. Да только ей - не научишь, она от природы, дар Божий...

Коля был верным другом, что реже — заботливым, попечительным. И помогал, как только мог, и скоро, не косно мчась с дружеской поддержкой, с выражением сердечного участия.

За чем бы ни была встреча — за пловом ли под водку (Поболь гордился своим пловом) или за чаем на съемках фильма о Володе Яковлеве, всегда светилась благожелательная радость улыбки. Стихийное признание добродетельным язычником правоты Тертуллиана. И она же освещала расставание приглашением к следующей встрече.

Когда-то теперь?

Олег ЛЕКМАНОВ (Москва)

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ПОБОЛЯ

Вчера мы похоронили Колю Поболя, ему было 74 года, но не только я, а и многие другие называли его в глаза и за глаза «Коля» и почти никогда — «Николай Львович». Народу в «Мемориале» собралось очень много, замечательные люди говорили замечательные слова, но, как это часто бывает в подобных случаях, не покидало ощущение — «недолет»/«перелет».

Поэтому и захотелось обязательно написать пару слов о Коле.

Его появление где бы то ни было от самых входных дверей обозначалось теплой волной дружеских объятий и похлопываний по плечу — Колю любили и знали все. Довольно скоро и обязательно наступал момент, когда в руках у Коли образовывалась рюмочка или фляжечка — и стоявшие рядом с ним уютно выпивали и заку-

сывали (Коля в этом — в закуске — знал толк: помню, как из Воронежа он вез парное мясо в Москву и всем советовал).

Могло даже показаться, что этот симпатичный дядька — с хрипловатым своим говорком, с небесно-голубыми эльфийскими глазами и с белоснежной гномской бородой — наивен и прост. Но это было, конечно, не так. Коля прекрасно знал поэзию, профессионально разбирался в живописи и, между прочим, дружил с великим Владимиром Яковлевым. Разговаривать с ним было большим удовольствием, как и курить рядом на крыльчке, как и, просто, перемигнуться после особенно выпренной реплики в чьем-то высокоумном докладе.

Вот уж, действительно, человек был.

Светлая память!

Инна ЛИСНЯНСКАЯ (Хайфа)

ДЫРА В КОСМОСЕ

Какое горе — умер редкой души человек Николай Поболь.

Трудно даже говорить об этом — ушло от нас огромное чудо доброты, щедрости, понимания и сочувствия.

Коля питал окружающих его людей заботой и включенностью в их судьбы. Его все любили. С ним дружили настоящие поэты — Штейнберг, Липкин, Рейн. А также многие художники.

Занимался он по профессии географией и по любви — поэзией Мандельштама. Когда Мандельштама в нашей стране мало кто знал, Коля Поболь рассказывал о нем и распространял его стихи.

Очень много Коля помогал молодым, а не только таким старикам, как я.

Если в космосе есть дыры, то глубокая дыра останется с нами после ухода Николая Львовича Поболя.

Елена МАКАРОВА (Хайфа)

ЦЕЛЬНОКРОЙНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Коля Поболь — цельнокройный человек, и, видимо, по этой причине наши фрагментарные встречи на протяжении тридцати лет носили характер незыблемого постоянства.

Сним все просто: фаршированную рыбу сделать — сделаем, дневники Вернадского достать — достанем, ленивого подростка в науках и искусстве подтянуть — подтянем, покойников на кладбище навестить — навестим, в пещеру Маккавеев заглянуть — заглянем. Все как по нотам.

Между делом узнаешь, если спросишь, а так Коля не рвется рассказывать о себе, он, в основном, слушает, что закончена книга про советских военнопленных, писал не он, он только помогал с архивами. Девочка поступила в институт, после того как он с ней позанимался математикой, но это не его заслуга, — девочка попалась умненькая.

Иногда казалось, что он не принимает эту жизнь всерьез — так, марево, закуренное и запитое. Но посмотришь на то, что он делал, о чем думал, какие документы и о чем собирал, — подумаешь, нет, он продирался сквозь кровавые советские туманы к правде исторической, и механизмы, приведшие к гибели невинных, не были для него орудием пространством. Географ по образованию, он прекрасно понимал разницу между почвой и беспочвенностью. Он не витал в эмпириях, не примыкал ни к каким партиям или общественным движениям. Это нас с ним и сближало. Одинокие исследования. Годы, проведенные в архивах. Детективное это исследование могло бы служить развлечением, если бы не страшная тема, лежащая в его фундаменте — миллионы загубленных жизней — людей великих как Мандельштам и людей никому не известных. Так что друзей на том свете у нас с Колей предостаточно.

А вот этот свет без Коли обеднел.

Евгений МАРТЮШИН (Москва)

ДРУГ МОЙ КОЛЯ¹⁴

С Колей Поболем я познакомился в сентябре 1948 года, когда поступил во 2-й класс школы № 281 Щербаковского района города Москвы. Я так подробно пишу о номере школы и ее расположении, потому что она, находясь по-прежнему на своем месте в Уланском переулке, несколько раз меняла свой номер и переходила из района в район.

Первые годы мы с Колей не очень знали друг друга и сошлись ближе где-то в классе 5-ом на базе пуговичного футбола.

В те годы все мальчишки бредили футболом. Имена знаменитых центр-форвардов: Федотова, Боброва, Бескова, Пономарева — были у всех на слуху. Летом мы играли в обычный футбол, а зимой наступала эра футбола пуговичного. На большом листе фанеры расчерчивалось футбольное поле, ставились воротца. Роль футболистов исполняли большие пуговицы (некоторым присваивались имена футболистов), маленькая пуговица исполняла роль мяча. Была специальная техника удара большой пуговицей по «мячу». У Коли была большая пуговица, которую он очень ценил, и она позволяла ему выигрывать большинство баталий.

Мы с Колей тогда сблизились, благо жили мы рядом: я — в доме № 4, Коля — напротив, в доме № 7. Колин дом впоследствии снесли, а мой дом № 4 по-прежнему стоит, хотя внутри его полностью перестроили.

И вот мы начали вместе собирать марки. Так получилось, что хотя мы учились вместе в одном классе, Коля был стар-

¹⁴ На фотографии: И. Мартюшин, Н. Поболь, М. Поболь. 1962-1963 (Архив И.Мартюшина).

ше меня на два года, и я сразу признал его за старшего товарища. Это значит, что заводилой во всех делах был именно Коля. Он подарил мне несколько марок, и мы начали пополнять наши коллекции. Путей их пополнения было несколько: срезать марки с почтовых конвертов, обмениваться с другими коллекционерами и, наконец, покупать марки в специальных марочных магазинах.

Таких магазинов нам было известно два — на Кузнецком мосту и на Арбате. На Кузнецкий мост мы ходили часто, туда была прямая дорога из нашего Уланского переулка. Там рядом с магазином было темноватое парадное, где стояли сомнительные личности с кляссерами и предлагали различные марки за деньги или на обмен. Хотя денег у нас было мало, часть марок мы иногда покупали в магазине.

Поход на Арбат был целой эпопеей. Я помню всего один-два таких похода. Как-то наша учительница Елена Наумовна рассказывала такой случай. Едет она через Театральную площадь мимо Большого театра на троллейбусе и видит: сидят ее гаврики на бордюрном камне, свесив ноги на мостовую. Это мы, устав от похода на Арбат, присели отдохнуть. Москва в те годы была пустынная, машин было мало, и нам ничто не угрожало.

Коллекция у Коли собралась хорошая, было много марок гитлеровской Германии (на одной была надпечатка «Ukraine»). Были треугольные марки «Монгол шуудан», особенно мы ценили марки различных стран. Тогда это были марки колониальной Африки: английские Уганда, Кения, Танганьика; французские Сенегал и Гвинея; португальские Мозамбик и Острова Зеленого мыса; бельгийская Конго и т.д. По маркам независимых государств Южной Америки мы учили их столицы: Перу — Лима, Эквадор — Кито, Гондурас — Тегусигальпа.

На уроках географии мы часто играли в такую игру: над раскрытой картой кто-нибудь один называл какое-нибудь экзотическое место, а другой должен был показать это место на карте. Вообще, собирание марок привило нам интерес к географии, которой впоследствии Коля посвятил большую часть своей жизни.

Детские увлечения не бывают долгими. Мне коллекционирование марок наскучило раньше, и я подарил свою коллекцию Коле. У Коли она тоже оставалась недолго, и он ее тоже подарил (или продал) кому-то.

Мы переключились на собирание пластинок.

Пластинки в то время проигрывались на патефонах. Это был такой музыкальный ящик, который заводился специальной ручкой. Звук снимался с помощью металлической иголки и воспроизводился через микрофон. Иголки все время затуплялись, их выбрасывали, а на боку патефона была коробочка, в которой должно было лежать не меньше сотни новых иголок. Во всех домах, где были патефоны, были пластинки. И практически у всех были трофейные пластинки «Columbia», которые мы называли «колумбийские». На них были записи песен и романсов Петра Лещенко — «Чубчик», «Андрюша», «Аникуша», «Забыть тебя» и многие другие.

Что касается советских пластинок, то тут были большие трудности. В те годы началось гонение на все иностранное, само слово «джаз» стало запретным, танго и фокстрот не упоминались ни на радио, ни на телевидении. И только в магазинах можно было найти пластинки с довоенными записями джаза Скоморовского или джаза Кнушевицкого. Вот за такими пластинками мы с Колей гонялись по московским музыкальным магазинам. Помню магазин на площади Дзержинского в доме, который сейчас снесен. Там на внешней рекламной вывеске среди прочего висела строка: «Джазовые инструменты». Эта вывеска грела нам души.

Особенно мы любили пластинки с записями Леонида Утесова. За одной мы гонялись достаточно долго. Там была лихая песня «Ласточка-касаточка» про советского солдата, который «тонул, тонул — не утонул» и «горел, горел — да на стогрел». Коле она очень нравилась. А на обратной стороне пластинки была потрясающая «Песня американских бомбардировщиков». Хочу ее здесь воспроизвести.

Сначала Эдит Утесова, тоненьким голоском произносила:

Сегодня взбудоражен воздушный наш народ,
К нам не вернулся ночью с бомбежки самолет.
Радисты объявили: волна сто двадцать два,
И вот без пяти четыре услышали слова:

И тут вступал Леонид Утесов — да так, что слезы наворачивались на глаза:

Мы летим, ковыляя во мгле,
Мы идем на последнем крыле.
Бак пробит, хвост горит и машина летит
На честном слове и на одном крыле.

Ну дела, ночь была,
все объекты разбомбили мы дотла...

В этом месте на пластинке была дырка, и она начинала прокручиваться. Но легкое прикосновение к звукоснимателю, и голос Утесова выбирался из ямы:

Вся команда цела, и машина пришла
На честном слове и на одном крыле.

Коля решил, что ему надо перевести этот текст обратно на английский. Он начал бодро: «We are flying, kovylaya in dark...» — но дальше дело не пошло. Я думаю, это был первый опыт Коли-переводчика.

Где-то в середине 50-ых появилась так называемая «музыка на ребрах». Это явление неоднократно описано, скажу только что и в нашей коллекции появились такие пленки. У нас была пленка с записью «Мурки» в исполнении Константина Сокольского, слова я помню до сих пор. Кстати, в этой «Мурке» не было ни бандитов, ни Губчека. Была знаменитая пленка «Rock around o'clock», которую мы, знатоки английского, переводили как «Рок вокруг часов».

...Не могу не описать день похорон Сталина. В этот день нас пораньше отпустили из школы, и мы с Колей решили пойти в Колонный зал посмотреть на усопшего вождя. Однако уже на площади у Кировских ворот стояли грузовики с солдатами, не пропускавшие никого в центр. Коля каким-то образом проскочил под грузовиком, а меня солдаты не пустили, и мне пришлось вернуться домой. Коля все-таки провалился в Колонный зал и потом рассказывал, какой ужас он испытал: ему вывернули руку, и толпа тащила его таким образом несколько сот метров. Он был парень очень крепкий, и только это его, очевидно, спасло.

А еще мы очень любили ходить в кино. На Сретенке был «наш» кинотеатр «Уран», еще ходили в «Форум» (называли его почему-то «Форэм») на Самотеке и в «Колизей» на Чистых прудах. В эпоху малокартинья нам было скучно смотреть бесконечные фильмы-спектакли, которые иногда перемежались трофейными голливудскими фильмами. Все более-менее стоящие довоенные фильмы и даже некоторые иностранные (например, «Судьба солдата в Америке») шли в маленьких кинотеатрах и клубах на окраинах Москвы. Помню,

как-то классе в шестом у нас из-за сильных морозов (было минус 26) отменили занятия в школе. Ну, мы с Колей, конечно, поехали в кино. Долго тряслись в промерзшем трамвае от Кировских ворот куда-то на Васильевскую улицу (был там тогда Дом кино, или нет — я не помню). Зато посмотрели фильм, кажется, «Два бойца» с Марком Бернесом.

В седьмом классе у нас началась химия, и мы с Колей стали «химиками». Мы таскали со строек карбид, смешивали марганцовку с глицерином, а потом увлеклись взрывами. Взрывали мы преимущественно ключи с центральным отверстием. Туда набивалась сера, срезанная со спичек, дырка забивалась самими спичками. После этого мы клали ключ на газ, сами прятались за закрытой дверью кухни и наслаждались происходившим взрывом. Прodelывали мы все это на кухне Колиной квартиры, которая была коммунальной, в соседней комнате жила какая-то тетя. Я тоже жил в коммунальной квартире, но у нас было еще пять семей, так что на кухне почти всегда кто-то был. Кончилось это тем, что мы взорвали все ключи и нашли какой-то большой ключ. Он взорвался очень сильно, ударил в стену кухни, так что мы сильно перепугались и взрывы прекратили.

Вскоре начала сказываться наша разница в возрасте. Коля был уже дядя с усами, а я — маленький мальчик. Как-то раз Колина мама Елена Борисовна взяла нам билеты на вечерний сеанс на какой-то французский фильм. Дети до 16 лет не допускались, и билетерша, пропустив Колю, меня ни в какую не пускала. Коля проявил благородство, сунул билеты в карман, обнял меня за плечи и мы пошли с ним бродить по Москве и распевать песни. Слуха и голоса у нас обоих было немного, но петь мы очень любили. Тогда же или чуть позже Коля познакомился с поэтом-фронтовиком Алексеем Охрименко (их познакомил, кажется, Сашка Васильев). Коля при-

нес нам песни Охрименко: «Я потерял квартиру», «Ларош-фуко», «Абдул-Гамид», «Гамлет», «Отелло» и другие. Слова этих песен я помню до сих пор Мы ходили всей компанией по улицам и распевали эти песни.

В конце восьмого класса я переехал из Уланского переулка, где я жил у тети, к родителям в Томилино. В школу приходилось ездить на электричке, и возможностей для ежедневных встреч стало гораздо меньше. Коля сблизился с Юрой Савельевым, которого он очень любил. Я стал больше времени проводить с Юликом Жеймо, с которым я сидел за одной партой с шестого класса до окончания школы. Мы с Юликом занимались боксом, Коля тоже как-то пришел к нам на занятие, но больше одного раза не выдержал.

Коля первым из нас стал ухаживать за девочками. В десятом классе он был влюблен в Таню Трушину, старшую сестру нашего одноклассника Саши Трушина. Мы все любовались этой парой.

Новое сближение произошло у нас с Колей летом 58-го года. Коля часто приезжал ко мне в Томилино, мы катались на

велосипедах. Однажды мы решили прокатиться по Рязанскому шоссе до Оки, от Томилина это километров 75. Мы благополучно доехали до Коломны, побывали на берегу Оки и поехали назад. Но сделать 150 километров в день нам было не под силу. И тут Коля вспомнил, что где-то в Песках под Воскресенском живут какие-то бабушки его какой-то знакомой девушки. Надо сказать, что у Коли был такой характер, что у него всюду были друзья. Бабушки нас радостно встретили, накормили и спать уложили, так что утром мы доехали до нашего Томилина.

Поездка нам так понравилась, что мы решили поехать теперь на север — по Дмитровскому шоссе до Волги. Доехали на электричке до Икши (далее электрички не ходили) и поехали в сторону Дмитрова. Шоссе в те годы было пустынное, мы ехали рядом, и Коля всю дорогу читал мне стихи. Кого — я не помню, кажется, Светлова, Пастернака и многих других. Имени Манделштама я не помню — возможно, увлечение им пришло к Коле позднее.

Правда, поездка наша слегка омрачилась тем, что на лодочной переправе через реку Дубну у нас вытащили кошелек с деньгами. Мы все же доехали до Волги, посидели на берегу, купили на последнюю пятерку один пирожок с повидлом и двинулись назад. Ехать от Икши на электричке мы уже не могли, поэтому пришлось крутить педали до Москвы.

Нас опять выручил Колин характер — у него и в Марфино жила знакомая девочка. Мы свернули с Дмитровского шоссе, доехали до этого Марфина, где нам предоставили ночлег на сеновале. Я заснул как убитый, а Коля пошел «по девочкам» и вернулся под утро. Утром мы триумфально въехали в Москву.

К 58-му году относится еще один эпизод. Мы все после школы поступили в институты, поступил и Коля — в Энергетический. Однако, в отличие от нас, его из института выгнали за неуспеваемость. Перед ним замаячила перспектива попасть в армию. И вот

в середине декабря (я немного приболел и был дома) к нам в Томилино заявляется Коля с топором в руках и в сопровождении какого-то мальчика.

Оказывается, он решил сделать прорубь в нашей речке Пехорке, искупаться в ледяной воде, заболеть и тем самым откосить от армии. Моя мама, как могла, его отговаривала, но он, все-таки, пошел на речку. Правда, в тот раз он не купался, речка еще не замерзла, рубить было нечего, и решимость его, очевидно, покинула. В армию он все-таки загремел, и потом мне писал, что заболел там жестоким гайморитом. Наверное, все же, где-то искупался.

После возвращения Коли из армии наши встречи возобновились. Я ездил к нему на новую квартиру на проспекте Мира, где Коля познакомил меня с девочкой Майкой. Коля служил в Туркмении, в Красноводске, и шутил, что Майка — дочь классика туркменской литературы. Тогда же он сказал мне, что он переводит стихи с туркменского. Я сильно удивился, но, очевидно, это было началом его бурной литературной карьеры. К тому времени относятся стихи, которые я почему-то хорошо запомнил. Стихотворение на английском языке, на мотив известной песенки. Вот оно:

Night-good night, I want to sing with you,
Night-good night, to tell that I love you,
Night-good night, to find the way to you,
Night-good night, my dear.

Night-good night, I ought my dear leave,
But before I wish some flowers you give,
And to you, my darling, I believe,
Night-good night, my dear.

Стихотворение было подписано: *By Nick Poble*, то есть я тогда уже считал Колю поэтом.

Вскоре Коля женился на Майке, я тоже женился, родились дети, и наши встречи стали реже, а потом и совсем прекратились. Где-то в начале 80-х я работал в научно-исследовательском институте, и к нам из министерства приезжала несколько раз Зоя Николаевна Поболь. Фамилия достаточно редкая, к тому же отчество совпадает (я знал, что Колиного отца звали Лев Николаевич).

Я подошел к Зое Николаевне и сказал, что я учился в одном классе с ее племянником. Она вздохнула и сказала: «Вот Вы-то здесь, а Коля мотается неизвестно где». Как раз в те годы Коля облетал Советский Союз по его границам. Когда я рассказал Коле об этой встрече, он хмыкнул и сказал, что эту тетю он видел два раза в жизни.

Наши встречи вновь стали регулярными в конце 80-х, когда каждый год в Москву стал приезжать из Варшавы Юлик Жеймо. Собиралось обычно 10–12 человек из нашего класса, и Коля был главным организатором наших встреч.

Я хорошо запомнил, как на одной из таких встреч Коля на меня рассердился. Дело в том, что я был воспитан своим отцом, который был прекрасным ученым и в то же время правоверным коммунистом, несмотря на то что его отец — Григорий Алексеевич Мартюшин — был видным правым эсером и был расстрелян в 38-м по сталинским спискам. Папа, как и многие интеллигенты, купился на научную ценность марксистско-ленинской теории, которая якобы оправдалась на практике. Шоры на моих глазах начали понемногу спадать только к 87-му году, когда появилась возможность читать разные книги. И вот на одной из наших встреч я выступил с тем, что я не понимаю, как это вожди революции наговаривали на себя во время

известных процессов 37—38-го года. Коля сказал зло: «Это была одна банда». Потом он говорил ребятам: «У Тюшки какие-то странные политические взгляды». Но шоры на моих глазах стремительно спадали — и вскоре Коля простил меня. Вообще, с Колей было очень интересно говорить на политические темы. Он всегда видел на ход дальше нас, и его предсказания, как правило, сбывались.

Я всегда поздравлял Колю 19 мая с днем рождения, иногда выбирался поздравить лично. Пригласил он нас с женой на свое 60-летие, и мы пошли, ничего не подозревая. То, что мы увидели, нас потрясло. К нему на день рождения в квартиру на проспекте Мира съехались известные писатели, журналисты, архитекторы. Мы поняли, как все эти люди ценят нашего Колю, каким он пользуется авторитетом.

В то же время в нашем кругу Коля оставался чрезвычайно скромным, никогда не выпячивал своих заслуг ни на каком поприще. Он показывал мне книгу о Мандельштаме, где в числе составителей была фамилия «Поболь», но никогда не говорил о своем подлинном участии в деле увековечения памяти Мандельштама. Надо сказать, что я читал многие Колины публикации в «Новой газете», но настоящий масштаб его деятельности для меня оставался неизвестным.

В этом году Юлик Жеймо наметил свой приезд на лето, и мы уже жили предвкушением предстоящей встречи. Но судьба распорядилась иначе.

У меня есть представление о том, что жизнь каждого человека зиждется на фундаменте, который составляют краеугольные камни: родители, жена, дети, ближайшие друзья. Одним из таких камней в моей жизни был Коля. Теперь его не стало, и опоры в жизни у меня стало меньше.

И только ласковое слово «Тюшенька» будет звучать в моем сердце до конца моих дней.

Леонид МЕЖИБОВСКИЙ (Франкфурт-на-Майне)

СОВСЕМ НЕ МАЛОЗНАКОМЫЙ

Павел, ты очень хорошо написал, хоть это и очень грустно. Сеня мне позвонил в воскресенье. Он сказал, что Коле 74 года — удивительно, по внешним признакам я понимал, что он меня старше, но в те редкие случаи, когда я его видел, я бы подумал, что намного младше.

Знаешь, ведь, бывают люди, которые и в 20 лет уже такие «старые пердуны», а Коля и в 70 был мальчишкой по мироощущению — то есть когда человек способен воспринимать все как бы внове. Это очень редко.

Я вспомнил, как Коля жил у нас — с ним было очень просто и легко. Да, ты и сам все про него знаешь.

Пожалуй, первый раз в моей жизни, когда смерть формально мало (по количеству встреч) знакомого человека так меня огорчила.

Значит, совсем не малознакомый.

Людмила МЕЛЕДИНА-БЛЭЙКЛИ (Лондон)

ЖИЗНЬ УПАЛА КАК ЗАРНИЦА¹⁵

Николай Львович?..

Для меня он со школьных лет Колябус.

Я не буду говорить о том, как нам его не хватает. Это и так ясно.

Познакомилась я с ним в 1955 году. Мой будущий муж Саша Васильев решил представить мне своих близких друзей, Юльку и Колябуса, — или меня им.

¹⁵ На фотографии: Н. Поболь. Т. Трушина, Ю. Жеймо и Л. Меледина

Мы все пошли в кино почему-то на какую-то египетскую бредятину. Один из героев фильма назывался доктор Мундук. Когда Колябус и Юлька услышали это, они буквально уползли

под стулья. Я понять ничего не могла — не знала я тогда нехороших слов и ассоциаций у меня никаких не возникало.

Потом мы все были дружны и вечно куда-то шастали. То у кого-то из нас дома левая выставка картин, то кто-то читает стихи, то на очередной официальной выставке надо охать соцреалистов — неважно кого, лишь бы *epater les bourgeois*¹⁶.

Мы ездили в гости друг к другу на дачи, ходили в походы. Колябус всегда был заводилой и весельчаком. При нем мы даже ссориться не могли — он всегда все оборачивал в шутку. Однажды, в очередном походе мы никак не могли найти место, где разбить палатку, а уже темнело. Вдруг Колябус радостно завопил: «Ура! Поляна». Мы там и обосновались. Сидели у костра, читали стихи, потом легли спать. Был сентябрь — ночи уже прохладные и каждый из нас старался перетащить к себе Чарлика — Юлькиного фокстерьера. Просыпаемся утром, а мы на полигоне.

А когда в Пушкинском была выставка картин Дрезденской галереи и мы договорились пойти занять очередь в пять часов утра, то Колябус был первым, хотя он никогда не был жаворонком.

¹⁶ *Эпатировать буржуа (фр.).*

У нас была игра — отгадывать художников по части картины: выигрывал чаще всех Колябус или Саша Васильев.

А стихов, которыми мы начали увлекаться в юности, кажется, после того когда у кого-то из нас появился томик Гумилева, Колябус знал великое множество.

У нас был и свой самиздат «Елочка», — это Наташа Трауберг придумала. Никакого отношения к позднему политическому он не имел. Мы просто перепечатывали стихи, а иногда и переписывали.

Потом много лет спустя я узнала, что Колябус сам писал стихи. «Несерьезные», как он утверждал, но, к сожалению, они стерлись из памяти.

Когда настало время идти Колябусу в армию, то надо было что-то делать, чтобы этого избежать. И придумали! Был осенний призыв — ноябрь. По молодости и по глупости мы решили, что ему надо заболеть — и тогда все отложится до весны, а там видно будет. Мы поехали на Истринское водохранилище. Колябус полез в воду, а мы на берегу пили коньяк, чтобы не замерзнуть. Когда Колябус вылез синий от холода и попросил коньяку, оказалось, что ему ни капли не осталось.

Результат: мы все заболели, а он нет. И пришлось ему идти в армию. Он служил в Подмосковье в каком-то музыкальном подразделении.

После этого мы долго не виделись, я вышла замуж за корреспондента Би-би-си и уехала из Москвы. И только много-много лет спустя, когда я решила пожить в Москве, мы общались часто и весело.

Я жила в Лондоне, и ко мне приехал Колябус. Не совсем ко мне, он ехал на конференцию в Манчестер и дня три смог побыть в Лондоне. Мы с ним погуляли по городу, сфотографировались у памятника Куку, а потом я повела

его в здание Адмиралтейства, где преподавала русский язык. Туда туристов не пускают, и Колябус был очень горд тем, что там побывал. Он очень понравился моим коллегам.

Он ведь был очень свободным человеком, и о нем можно сказать:

Есть обитаемая духом
Свобода — избранных удел.

Вечером мы сидели у меня в саду и ужинали. Почему-то все время гас свет, и надо было хлопать в ладоши, чтобы он загорелся. Потом пришел мой садовый лис, по кличке Алисий, за своей вечерней сосиской, но сидел поодаль, так как опасался незнакомого человека. Колябус кинул ему кусок мяса, и лис признал его за хорошего человека.

Утром Колябус починил свет, и мы пошли покупать ему билет на автобус дальнего рейса: он решил ехать на автобусе — больше увидеть можно. Его пронзило то, что кассир, увидев его седины, сказала, что ему положен билет за полцены, и не спросила никаких документов.

...А в этом году он и Юлька Жеймо собирались приехать ко мне в Англию и поездить по замкам. Но не получилось.

Я думаю, что Коля был счастливым человеком. Он всегда занимался тем, что ему нравилось.

Он был настоящий, и о нем можно сказать словами его любимого Мандельштама:

Неужели я настоящий
И действительно смерть придет?..
И она пришла. «Какая горькая нелепость...»

Сергей МИРОНЕНКО (Москва)

ОН ПРОСТО ЖИЛ И ГОВОРИЛ

Смерть почти всегда неожиданна. Тем более смерть человека, с которым ты виделся совсем недавно. А с Колей Поболем мы провели вечер в Государственном архиве накануне Нового года. Вокруг стола в небольшой комнате для переговоров собрались друзья архива. Был небольшой концерт — пела замечательная исполнительница русских романсов Ирина Крутова. Ее чарующий голос, интеллигентность придавали необыкновенный оттенок не только романсам, но даже советским песням 60-х годов. «Одна снежинка еще не снег, одна дождинка еще не дождь...» и другие популярные шлягеры напоминали, что и в советское время не все было так плохо и пошло.

Коля (Коллюня) поначалу чувствовал себя в кругу именитых гостей: чрезвычайных и полномочных послов Российской Федерации с женами, генералов, сотрудников Федерального архивного агентства, — несколько не в своей тарелке. Он не решался закурить — а Коля без сигареты это уже не Коля. Но постепенно все образовалось, и Коля, как обычно, блистал, покоряя ум и сердце своих соседок...

И вот не прошло и полутора месяцев, как его не стало. И когда я вспоминаю Поболя, у меня перед глазами встает Колина фигура с седой головой с такой же седой, несколько пожелтевшей от табачного дыма бородой, с сигаретой в руках. Он что-то говорит соседкам своим неповторимым, несколько хрипловатым голосом...

Я не помню, когда и где с ним познакомился. Видимо, это было около двадцати лет назад в бане. Коля был большим любителем попариться, и еще больше попариться в компании, не торопясь поговорить в перерывах между посещениями парной, а потом посидеть где-нибудь поблизости за рюмкой водки. Тогда наша компания во главе с Павлом Поляном (он чаще всего выступал инициатором и органи-

затаром банных походов) обосновалась в Строченовских банях на Щипке. Ходили в баню довольно часто. Если не раз в неделю, то раз в две недели точно. Кто только не парился с нами!.. И Андрей Битов, и профессор Ефим Пивовар, ныне ректор РГГУ, а тогда заместитель декана исторического факультета Московского университета; и Женя Злобин, отставной полковник; и Виталик Афиани, тогда сотрудник Археографической комиссии РАН, а ныне директор Архива Академии наук; и Алик Багдасарян, и Женя Пермяков, один из основателей издательства ОГИ, нелепо погибший; и Шахмардан из Махачкалы. Помню и «залетных» гостей — одного немецкого профессора, который, выйдя из парной, на мгновение потерял сознание. Конечно, после того как он пришел в себя, ему тут же объяснили: что для русского хорошо, то для немца смерть.

Никогда не забуду один «послебаный» эпизод. Когда мы большой компанией, распаренные, с раскрасневшимися лицами, с торчащими из сумок березовыми и дубовыми вениками вышли из бани на улицу, к нам неожиданно подъехал милицейский патруль, и сержант по фамилии Нежилец потребовал предъявить документы. Паша Полян в качестве документа попробовал достать и показать березовый веник. Кто-то стал возмущаться, а Андрей Битов в качестве документа предъявил удостоверение ленинградского блокадника и услышал недоуменный вопрос: «А почему вы не в Ленинграде?»

После того как нас благополучно отпустили, мы оказались в ближайшей пельменной, которая располагалась в «стекляшке» (теперь их уже не найдешь). Заведение уже закрывалось, но мы уговорили поварих засыпать в котел новую партию пельменей и славно провели время в их компании. Кстати, тогда я впервые убедился, что писатель всегда остается писателем, в каком бы состоянии он не находился, — а выпили мы под пельмени изрядно — во время разговора с поварихами я вдруг заметил, что Битов что-то записывает в маленький блокнотик, который он достал из кармана.

Коля Пობоль — кем он был для меня? Как трудно выразить словами, не впадая в дешевую патетику, что он для меня значил. Но все-таки я постараюсь это сделать. Прежде всего, он был очень интересным собеседником, много где побывавшим и много что повидавшим. Коля много лет проработал «на северах» и знал уйму такого, что мне и не снилось.

Он обладал удивительной памятью на стихи — и, казалось, начини любое стихотворение, и Коля с легкостью подхватит его. Так было множество раз. Только с годами он стал жаловаться, что память стала его подводить — и он не сразу может вспомнить нужную строфу. Он помнил сотни, а, может быть, и тысячи стихов.

Но что значит помнил? Он, как никто другой, ощущал поэзию. Иногда мне казалось, что он понимает ее не только умом и душой, но даже всем своим телом. Он страстно любил творчество Мандельштама. В последние годы, работая в архивах, много сделал для разыскания и систематизации документов о жизни поэта и выяснения обстоятельств его гибели.

Он был дотошным исследователем архивов, начавшихся открываться один за другим в годы Перестройки. Его не смущало, что, для того чтобы найти незначительный, на первый взгляд, штрих в биографии поэта, нужно месяцы и месяцы кропотливой ежедневной работы. Помню, как ему удалось найти упоминание о поэте среди конвойных материалов войск НКВД. Какая это была удача и какое счастье — еще одна крупинка трагической судьбы Мандельштама! Как-то раз Коля пришел к нам в гости, и мы втроем, я, Коля и моя жена Маша, сидели на нашей маленькой кухне, как водится, за бутылкой водки. Пошли интересные разговоры, и неожиданно Коля заговорил о девушке, которую он знал в далекой юности. Женя приехала из другого города, откуда перевели в Москву ее отца, и стала главной притягательной силой в их полудетской компании. Она была, по его рассказам, совершенно особенной, ни на кого не похожей, таким сорванцом, но очень тонким и нежным. Его голос во время этого рассказа изменился, взгляд обратился внутрь себя,

ярко-голубые глаза засветились — он как будто вернулся в те годы и вновь переживал те свои чувства, о которых он даже сейчас ни слова нам не сказал, но которые вдруг стали нам неожиданно ясными и понятными. А потом, сказал он, девушка вышла замуж за Васю Г.

Здесь Маша напряглась — в соседней с нами квартире, через стенку жили супруги Г., причем его звали, как раз, Василием, а ее — Женей. У нас были очень хорошие отношения с этими соседями. Известие о том, что в соседней квартире живет Женя, Коля выслушал недоверчиво, и придирчиво расспросил о детях (да, близнецы — он хотел проверить). Когда он понял, что это — правда, и девушка, которую он помнил всю жизнь, оказывается, все это время спокойно жила рядом с нами (а сколько раз он здесь бывал!), он страстно захотел ее увидеть — сейчас, немедленно! Маша не была уверена, что это хорошая идея, но он не стал слушать ее возражения, и она позвонила соседям. Что было дальше? Женя зашла к нам, и после первых сбивчивых слов людей — не видевших друг друга почти сорок пять лет и встретившихся в таких неожиданных обстоятельствах — нам, невольным свидетелям, стало отчетливо видно, что жизнь развела их далеко. Они были очень, очень разными. Говорить им, да еще в нашем присутствии, было очень трудно. Они обменялись телефонами — и больше не виделись. Коля никогда больше не спрашивал нас о соседях. Так что Маша была права — надо было оставить прошлое прошлому и не пробовать вступить снова в текущие воды юности.

Коля любил вспоминать о годах своей молодости — 1950-х и 1960-х годах прошлого века. Главное, что он настойчиво хотел донести до собеседника, — что при всем своем свободомыслии он и его друзья никогда в жизни не были диссидентами, борьба с государством была им абсолютно чужда по духу, как и вообще всякая борьба. Они просто жили — жили так, как будто этого государства не существовало. Об этом и книжка «Про Сашку Васильева», в которой Коле принадлежат воспоминания о друге, сыне одного из братьев Васильевых, режиссерах легендарного «Чапаева», и об этом времени.

Постепенно, не сразу, для меня открылся поистине необъятный круг его общения. Он был другом большого русского художника Яковлева, проведшего конец своей жизни в сумасшедшем доме. Коля навещал его, и его московская квартира была украшена акварелями художника.

Отдельным дружеским кругом Поболя были московские архитекторы, с которыми я встречался за его гостеприимным столом, встречающим то пловом, то бараньей ногой. Что за чудные, интересные люди, окружали Колю.

Никогда не забуду восторженных рассказов Коли о его знакомых мозаичистах, мозаиками которых были украшены станции Московского метрополитена. Особенно захватывающе он говорил о мозаичном портрете Сталина, созданным художником Опрышко, но так и оставшимся не востребованным из-за смерти вождя. Коля так красочно описывал этот шедевр мозаичного искусства, так «вкусно» говорил о золотом сиянии, исходившем от портрета, что я не выдержал и в один из дней, точнее, вечеров, отправился с ним в гости к сыну художника — тоже талантливому мозаичисту — оказавшемуся очень интересным человеком. Мы чудно посидели, но каково же было мое разочарование, когда выяснилось, что увидеть портрет Сталина невозможно. Сын Опрышко укреплял основу мозаики — для чего портрет лежал изображением вниз на специальной подставке: пока работа была не окончена, перевернуть его было нельзя.

И все же, в чем был секрет неповторимого Колиного обаяния? Думаю, в его умении выразить всего себя в разговоре. Он был личностью, русским интеллигентом в самом высоком смысле этого слова — и оставался им всегда и везде, при любых обстоятельствах. Он был человеком разговорной культуры. В его словах никогда не было ничего нарочитого, никакой дидактики. Не могу даже представить себе Колю, рассуждающего о высокой миссии российского интеллигента или изрекающего банальные истины. Он просто жил и говорил. И в этом был весь он.

Лев МИХАЛЕВСКИЙ (Москва)

ВСЕ ВРЕМЯ СОБИРАЮСЬ ПОЗВОНИТЬ КОЛЕ...¹⁷

Это скорее некое эссе о моем отношении к Коле, чем повествование о самих перипетиях Колиной жизни.

Колю я знал с детства. У нас был общий знакомый — Саша Васильев, с которым мы учились в одном классе и даже сидели за одной партой.

В Москву из Ленинграда приехал Юлик Жеймо — сын «Золушки». В Ленинграде они с Сашей Васильевым, который тоже при-

¹⁷ Подготовлено по аудиointerview, взятому А. Мироновой и В. Расстригиным. На фотографии: Л. Михалевский, Л. Меледина-Блэйкли, Ю. Жеймо и Н. Поголе у могилы А. Васильева на Ваганьковском кладбище.

ехал оттуда, были соседями. Юлик стал учиться в школе через двор от дома Корбюзье¹⁸. В задрипанной, весьма убогой Москве того времени дом Корбюзье был, как корабль, приплывший из каких-то дальних стран. Он меня завораживал совершенно. Раньше дом Корбюзье был похлеще, чем теперь. Он был, действительно, на столбиках — крыло, ближайшее к Юлькиной школе, было как раз на столбиках. Мы туда водку пить ходили — это называлось «под Корбюзье». Мы с Сашкой учились в «плебейской» школе, а эта школа, в отличие от нашей, была интеллигентской. К этой школе мы ходили встречать Юлика и его однокашников. Тогда я и познакомился с Колей — однокашником Юлика Жеймо.

Дом Корбюзье — это еще и муза дальних странствий. Рядом с ним я себя чувствовал грядущим путешественником, но вместо меня эту мечту дальних странствий осуществил Коля Поболь (кстати, Коля потом, спустя довольно много лет, в этом доме Корбюзье работал, учась в институте, сторожем).

В 56-м году я уехал в Ригу, где учился в мореходной школе, а в 57-м году приехал в отпуск на месяц в Москву. Коля в это время работал на Фестивале молодежи и студентов в Москве переводчиком с английского. Позднее он стал знать английский хуже: говорил, что все понимает, но вести беседу ему трудно.

Потом я оказался на Дальнем Востоке, плавал по морям... Они меня завораживали. На берега я не особо обращал внимание. Они были для меня просто рамкой для этих морей. Мне тогда было невдомек, что скоро эти берега будут «заселены» Колей Поболем и его многочисленными знакомцами.

¹⁸ Здание Центрального статуправления на Мясницкой улице.

Когда я вернулся, Коля ушел в армию. Тут и начались его путешествия. Где-то в Каракумах, в Туркмении, он служил... Из Казахстана мобилизовывался.

Коля учился, но так и не окончил МЭИ, всего 5 курсов. Бросил и поступил в университет на географический факультет, на кафедру экономической географии западных стран.

Хотя Коля после окончания географического факультета получил квалификацию экономиста, работал он геодезистом. Его путешествия и экспедиции были, в основном, геодезические.

Он объездил весь Советский Союз: от Земли Франца-Иосифа до афганских границ и от Закарпатья до Командорских островов и Чукотки. При этом он там не был в гостях или проездом — везде жил. И везде у него появились друзья.

У него дома висела карта с отметками всех мест, где он побывал, — и страна наша была вся опутана этой «паутиной». Не представляю себе человека, который бы перемещался и объездил больше. Он часто пользовался самолетами, неисчислимы тысячи часов налетал.

Виделись мы тогда крайне редко, а при встрече быстро выпивали и разбегались. Саша Васильев привозил меня на его квартиру на ВДНХ.

Долго его не видел. А потом, благодаря Валере Расстригину, мы снова стали видеться и с тех пор не расставались. Раз в месяц или два. В основном, он ко мне заходил. Позвонит: «Ты дома?» — и приходит. Это дорогого стоило, потому что у Коли знакомцев и друзей тысячи — никто не был обойден вниманием. То, что выпало и на мою долю, я считаю большой удачей.

Каждый его приход был замечательным. Он действовал на меня весьма благотворно. Войдет — и в комнате сразу становится уютно. И своим глуховатым голосом потом еще начнет читать своего любезного Манделыштама... Стихов он знал бездну!

Я за последние годы схоронил массу народу, но такого, как с Колей сейчас, у меня не было никогда. Я все думаю: «Да что ж я Коле не позвоню?» «Мне он не звонит, ну, может, я тогда позвоню сам?» Никак не могу поверить. Хотя видел его в гробу... На панихиде было так много людей!

У него ведь было рассчитано, что, по крайней мере, до 80 лет он будет жить активно. Для него активно жить — это значит перемещаться, путешествовать. Он очень переживал, что не посетил еще Австралию. Надо ему было в Австралию. Я уговаривал его, чтоб он, все-таки, принял во внимание и соседнюю Новую Зеландию...

Коля много пил, но происходил из семьи долгожителей: мать прожила до 92 лет, а отец — до 87. Так что не на пустом месте строились его планы до 80 лет жить активной жизнью.

Мне все не верится. Может быть, тут какой-то обман? Может, он и живет активной жизнью, но просто переместился, и сейчас он в Австралии где-нибудь?..

И я все время собираюсь позвонить Коле.

Коля был еще и в Китае...

А мне из его рассказов о поездках больше всего запомнилось посещение Сан-Франциско. Это в предпоследний раз, когда он был в Америке. Для меня Сан-Франциско был мечтой детства, Океания и Сан-Франциско. Джека Лондона начитался... Коля пешком пересекал мост «Золотые Ворота». Причем мост автомобильный и для пешеходов там только какая-то тропочка идет. Или она, может быть, даже служебная. Коля сначала перелез через решетку. И там был косогорчик перед проходом на эту тропку пешеходную, где он немного полежал на травке, а после встал и пошел. Думаю, что не много жителей Сан-Франциско прошло по этой тропочке. Коля же прошел через этот мост и вернулся. И за это время не встретил ни одного человека, хотя машин рядом там полно едет.

Вот это настоящий путешественник. Так делают только первопроходцы.

Коля участвовал в издании книжки о Саше Васильеве. Он очень хотел и меня к этому подключить, но я успешно отбил-ся. Коля с Сашей был очень тесно связан. Они оба были первооткрыватели художника Яковлева и оспаривали друг у друга право быть его первооткрывателями. И это при том, что обоим живопись была не очень нужна.

У Саши был ум следователя. Это ему передалось по наследству: его мать была следователем, комиссаром в тужурке, — хотя я знал ее уже в качестве профессиональной жены знаменитого деятеля культуры.

Еще у Коли был друг Юра Савельев, тоже его однокашник, сын замминистра сельского хозяйства. Они жили в высотном доме, и Колька каждый Новый год встречал с ними.

Коля удивительным образом создавал такое настроение иногда, как будто мы на необитаемом острове, как персонажи Жюль Верна в «Таинственном острове». Коля был, и на самом деле, на таком обитаемом острове!

Коля одобрял эти времена — и Гайдара, и Чубайса. Впрочем, ему подходил и тот, и другой режим. Но житейские явления он разбирал по шаблону советскому: вот эти прогрессивные, а эти — нет.

Коля был необычайно общительный человек. У него были приятели и знакомцы суперинтеллигенты, и... Его задевало, если он случайно пропускал иногда книгу какого-то знакомого.

История с Колей Котрелевым. Я спрашиваю: «А Колю Котрелева ты не видишь?» Коля: «Ну как? Вижу, но не часто — раз в год». Потом, когда мы собрались на могилу Сашки Васильева, и вызвонился Коля, то оказалось, что они не виделись больше 20 лет. Но Коля не враг, просто ему было неудобно, что он

такого человека, как Коля Котрелев, не видел 20 лет. Сознаться в этом было выше его сил¹⁹.

И в самых верхах, и в самых низах у него были знакомства. Кого только не было! И любезный Аверинцев был его знакомец... Масса знакомств на Дальнем Востоке, на тех заселенных Колей берегах, о которых я говорил. Например, в Эвенске, где Гижигинская губа — между Камчаткой и Охотским берегом, там у Коли были знакомые, в том числе и из отсидевших в лагерях и оставшихся там.

Его экспедиция базировалась на берегу Охотского моря, он был начальником и возил туда своих приятелей. Коля утверждал, что на берегу Охотского моря видел пни гигантских деревьев. Но там не растут вообще большие деревья! Коля говорил: «Сейчас нет, а раньше были». А я был там в тех местах — нет там ничего и быть не могло²⁰.

Он солил рыбу сам, сам ее и коптил и со вкусом об этом рассказывал. Он рассказывал, как однажды на день рождения у него было приготовлено особое лакомство — лосиная губа. Всегда на угощение в день рождения у него была жареная корюшка.

Полян тут по радио выступал, в передаче, посвященной их публикациям о военнопленных, которые были в Германии... У Кольки была идея найти дневники. Он резонно говорил, что людей-то были миллионы, и кто-то из них мог вести дневник. Но не удалось. Остались только воспоминания.

Я «сосватал» Кольке воспоминания отца своего приятеля — Юрки Тутова. Колька потом, правда, ругался на эту книжку²¹. Я видел и самого этого военнопленного Тутова — неприятный человек. Колька на-

¹⁹ На самом деле, Коля имел в виду, что с Котрелевым они, действительно, не виделись около 20 лет, а после случайной встречи на одном из мандельштамовских мероприятий стали изредка, но видаться — едва ли чаще, чем раз в год.

²⁰ Автор не прав в своем скепсисе: описанные Поболем пни существуют — и весьма большого диаметра! Они расположены прямо за баром у поселка Новое Устье (в пределах Охото-Кухтуйской впадины, южнее Охотска). По непроверенным слухам деревья были вырублены «бандой Пепеляева» во времена Гражданской войны (сообщено А. Пахомовым).

²¹ Беглецы из плена. Воспоминания танкиста Владимира Тутова и морского артиллериста Александра Малофеева / Сост.: Н. Поболь и П. Полян. М.: РОССПЭН, 2010. 304 с.

печатал его книжку, а потом ругал ее. А Тутов ухитрился, уже после того как издал книгу у Кольки, напечатать ее в журнале «Индекс» и еще в четырех журналах.

Что Кольку миновало — он не ударился в православие. И, слава Богу!

Зато ударился в мандельштамоведение. Его любовь к Мандельштаму была без какого-либо давления извне, без желания занять какую-то нишу...

А как он читал стихи! И этот голос его, ни на чей не похожий... Чудо!

Те, кто состоялись, не так замечательны, как те, кто совершил меньше, но остался человеком. Коля был порядочным человеком. Хотя конъюнктура и играла для него значительную роль.

В последний раз, когда я его видел, Колька сказал, что перешел на «Сamel» и выкуривает одну пачку в день. За полтора месяца перешел! А до этого выкуривал не менее трех пачек «Союз Аполлон»!..

У Коли был сын — от первой жены, Майки, дочери знаменитого туркменского писателя. Она работала у нас на телевидении. Ее уже нет в живых. Погиб и Сережка — их непутевый сын. Но от него остался еще сын, то есть Колин внук, — Миша.

Есть еще Колина дочка — Маша, ей под 30. Она ходила на яхте матросом в Норвегию. Очень симпатичная, маленькая, черненькая... Очень поболевская!

Константин МОРОЗОВ (Москва)

ОН ИМЕЛ НЕСКОЛЬКО ПЛАСТОВ ГЛУБИНЫ²²

Наше знакомство с ним началось в самом начале нулевых годов, когда Коля, будучи нашим соседом, приносил рукописи и верстку книги Павла Поляна моей жене Алле, работавшей в научном издательстве. Первая встреча прошла как-то легко и была подкреплена несколькими рюмками за знакомство. И это стало традици-

ей: Коля, приходивший поздним вечером и приносивший или забиривший тексты, с неизменной готовностью принимал предложение «выпить и закусить». И во время этого приятного процесса велись обычные интеллигентские разговоры «за жизнь» и «ни о чем». В этих разговорах с Колей невозможно было не обратить внимание на его какую-то незлобивость, неразмашистость и здравость суждений, способность поддержать практически любую тему разговора и быть интересным собеседником.

Потом были и другие книги, в том числе и их совместные с Павлом, а процесс «выпить и закусить» и «поговорить» продолжался. Я сейчас не помню, когда мы с ним перешли на «ты». Более того, я не помню, чтобы мы вообще говорили друг другу «Вы». Такой незаметный переход при разнице в двадцать с небольшим лет должен бы восприниматься странным, но и тогда, и сейчас я воспринимаю это совершенно естественно. Точно так же мы никогда не называли друг друга полным именем, разве только в шутку, когда Коля мог воскликнуть: «Ну, Константин, давай выпьем!»

Потом были встречи на презентациях книг и разного рода мероприятиях в «Мемориале», на научных конференциях, на «Ходорковских чтениях», на улице. Их было много. И всегда они начинались с фирменных Колиных объятий и поцелуев, которые всегда были искренни и уместны. На презентациях, на улице, в метро или магазине они всегда привлекали к себе повышенное внимание, но чувства неловкости они у меня не вызывали, так как Коля умел заражать своей искренностью, непосредственностью и какой-то уверенностью во всем том, что он делал.

Были многочисленные мимолетные встречи около его дома и магазинов, по дороге в метро и в самом метро. Несколько раз я видел его спускающимся вниз по эскалатору. Коля никогда не «стоял справа», он «проходил слева», а точнее, конечно, не проходил, а легко, пружинисто сбегал и при этом пальцами левой руки, не

держась за поручень, как-то по-особому, — сделав очередной шаг — щелкал с каким-то красивым перебором.

В общении Коля был очень легким человеком, я бы сказал идеальным собеседником и сотрапезником. Никогда не было, чтобы Коля начал бахвалиться или впадать в агрессию или в бессвязное бормотание, как это, увы, нередко бывает.

Что такое «идеальный собеседник»? Это тот, кто ровен и равен тебе, кто умеет хорошо слушать. Но нельзя сказать, что Коля был только слушателем — нет, он подхватывал нить разговора и — или возражал, или рассказывал свою историю, излагал свои аргументы или поворачивал разговор совсем на другое. Но это всегда было уместно и я не помню, чтобы оставалось ощущение легковесности или пустой болтовни или выпендрежа.

Коля был глубок. К стыду своему, насколько он был глубок, я стал понимать лишь в последние годы и месяцы. Он имел несколько пластов глубины, и глубину его очередного слоя нужно было восстребовать. Это было обратной стороной того, что Коля был равен собеседнику. И он никогда не навязывал собеседнику того, что тому было неинтересно. Я вообще не помню, чтобы он вдруг начал бы разговор о том, что было интересно только ему, или о том, что лежало вне темы предыдущего разговора.

Коля был настоящим русским интеллигентом, но никогда это не выставлял напоказ. Разглядеть эти его качества нужно было сквозь внешний образ человека с русской простецкой внешностью и манерой поведения, с большой бородой, не всегда аккуратно подстриженного или одетого, с неизменной готовностью «выпить и закусить».

Он мог носить в морозы какую-то вязаную шапочку, найденную в шкафу, не очень подходившую к дубленке или к пальто, которые он тоже разыскал в глубинах шкафа. Но это его никогда не смущало. Он даже немного бравировал своей простецкостью — так, как иные бравируют своей элитарностью.

А с какой гордостью он рассказывал, что его во время поездки на Кавказ постриг настоящий овчар! Наверное, абсолютное большинство моих знакомых, да и я сам, скорее не стали бы заикаться о чем-то подобном, опасаясь стать объектом насмешек. А Коля был настолько органичен, что подобных насмешек не боялся. И мы, конечно, подшучивали над ним, но шутки были беззлобны.

Помню презентации их книг с Павлом в подвальчике старого дома «Мемориала». Помню, как после очередной презентации, мы с Аллой, с Сергеем Красильниковым, с Колей, Павлом и их другом А. Багдасаряном, купив водки и закуски, поехали к Павлу обмывать книгу.

Помню, А. Багдасарян пересказал историю, как когда-то во время одного из многочисленных Колиных путешествий по просторам нашей родины принимающая сторона упорно называла Колю — «товарищ ПобОль», ставя ударение на последнем слоге. Мы долго над этим смеялись, и этот «титул» к нему потом прилип.

Еще помню Колин красочный рассказ, как он еще в советские времена оказался в каком-то маленьком заштатном аэропорту (боюсь ошибиться, но скорее всего речь шла о Сибири), билетов не было, улететь он не мог, а к тому же и деньги стали кончаться. И тут он увидел деда, который продавал ведро домашних соленых грибов (кажется, белых). Коля приценился, денег не хватало, и он кругами ходил вокруг деда и все-таки на последние деньги, отложенные на еду, купил эти грибы вместе с ведром, когда дед засобирился домой — и уступил ему чуть ли не вдвое. Сидит Коля в аэропорту, в ногах большое ведро с грибами, кушать хочется, но даже на хлеб денег нет, осталось только железно на билет. А без хлеба грибами не наешься.

Идет летчик.

— Белые? — Белые! — Чего сидишь? — Билетов нет. — Ну, тогда пошли со мной.

Привел в аэропорт в комнату отдыха (или общежитие, точно не помню) летчиков, достал бутылку, стали они «выпивать и закусывать». В комнату заглядывали люди:

— Белые? — Белые! — Наливай!

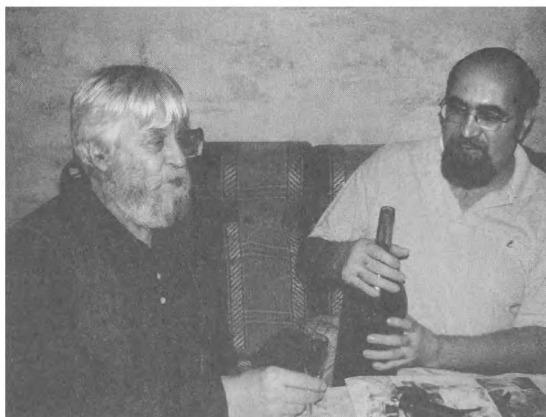
Летчик проспался и улетел, на смену пришли другие. Жил Коля в этой комнате отдыха то ли два, то ли три дня, пока все грибы не кончились! После этого Коля, который, конечно, уже побратался с немалой частью летчиков, бывших в этом аэропорту, был проведен на борт и улетел без всяких билетов туда, куда ему было надо!

Когда он вспоминал эту историю, то причмокивал губами и качал головой: «Ах, какие были грибы!»

Помню, четыре года назад, в конце февраля — начале марта, возвращались с ним к себе на ВДНХ после встречи с директором издательства, которая попросила его представить меня как автора для будущего возможного сотрудничества. Мы мило пообщались, и уже возвращаясь, Коля разочарованно ворчал: «Это ты виноват! Она обычно наливает чего-нибудь вкусенького, наверное, тебя постеснялась, такого ученого и серьезного!»

Уже на проспекте Мира, на фасаде кафешки я вдруг увидел старый транспарант: «В честь 23 февраля порадуем мужчин раком!» — и показал Коле. Колю трудно по жизни удивить, но тут он, дважды прочитав надпись, изумился.

Помяная этот транспарант (потом мы его часто цитировали приятелям), мы, купив пива и вкусной вяленой чехони и копченого леща, пришли ко мне домой и, порезав деликатес рыбацким ножом на старой газете (это придавало особый смак пиршеству, хотя Алла ругала нас, что мы «сидим как на вокзале»), наслаждались процессом. Но тут Коля увидел в раритетной четверти (купленной в антикварном магазинчике в Угличе) настойку. «А это что такое у тебя интересное?» Объясняю, что вбухал туда чуть ли не килограмм брусники и залил ее медицинским спиртом, часть

градуса взяла ягода, но все равно потихоньку доливаю водкой, т.к. водой боюсь испортить вкус. «Хочешь попробовать?»

Коля даже слегка удивился наивности вопроса и благосклонно наблюдал, как я из огромной четверти наполнял небольшую хрустальную рюмку. При этом он комментировал сей процесс с добродушно-хитрой ухмылкой, после чего «вкусно» выпил. Вот в этот момент Алла нас и сфотографировала пару раз, подарив замечательные фото на память об этом дне и о Коле.

Я помню, как он пару раз читал небольшие фрагменты стихотворений Мандельштама, но как-то не цепляло. Оценил его чтение, наверное, только во время нашей последней встречи в Питере, где мы вчетвером, включая Аллу и Сергея Красильникова, сидели в каком-то кафе около гостиницы «Октябрьская», пили горькое чешское пиво и говорили обо всем. И те же разговоры в номере в другой вечер за бутылкой виски, поклонником которого Коля являлся.

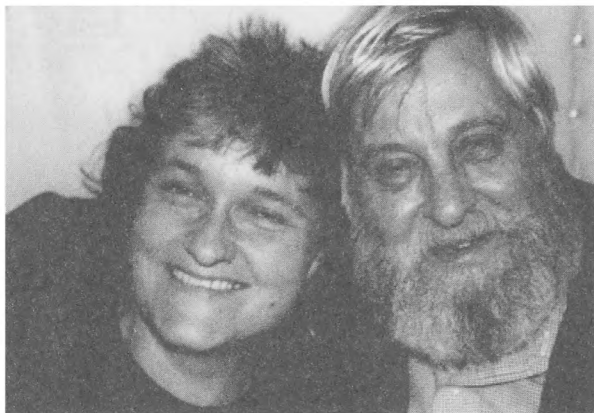
Коля вспоминал Америку, из которой он недавно вернулся, в восторге был от океана, поминал и о воспалении легких, которым он там переболел и последствия которого явно ощущал.

И хотя самочувствие его было не очень хорошим, он был вполне оптимистичен. Таким, каким он был всегда.

Только к концу десятка лет знакомства и общения с Колей мне исподволь стало открываться, что он значительно глубже и многогранней, чем это было видно на поверхности.

²² На фотографии: К. Морозов и Н. Пობоль. Фото А. Морозовой.

Известие о смерти вызвало, с одной стороны, дикую жалость к Коле, переживание, что он, кто так любил самый процесс жизни и — даже в октябре, на питерской конференции, не очень

хорошо себя чувствуя, наслаждался жизнью, — вдруг ушел из жизни!

Это было замечательная Колина черта — уметь как-то органично ценить маленькие человеческие радости и «вкусно» ими наслаждаться.

С другой стороны — горечь, что больше никогда не будет этих встреч и разговоров. Горечь, усиленная запоздалым пониманием того, что Коля был гораздо глубже, чем казался, и осознанием того, что понял я это слишком поздно.

Алла МОРОЗОВА (Москва)

РАДОСТЬ НАСЛАЖДЕНИЯ ЖИЗНЬЮ²³

С Колей Поболем я познакомилась в 2001 году. Познакомил нас Павел Полян, книга которого «Жертвы двух диктатур» готовилась тогда к публикации в издательстве РОССПЭН, а я была ее редактором.

Поскольку Павел большую часть года проводил в Германии, а доделывать в книге предстояло много, Коля стал нашим «почтовым голубем». Он появлялся в издательстве всегда с большой сум-

²³ На фотографии: А. Морозова и Н. Поболь. Фото К. Морозова.

кой через плечо (и этой своей вечной нагруженностью они с Павлом были похожи, только у Павла всегда были какие-то растрепанные и незакрывающиеся рюкзаки).

Я не была знакома с содержимым этой сумки (за исключением тех листочков, которые Коля, как фокусник, безошибочно точно извлекал из ее недр), но меня никогда не покидало ощущение, что оно — это содержимое — может обеспечить своему хозяину автономное существование в любом месте и в любых обстоятельствах, которые предложит ему жизнь.

Впрочем, эта «опосредованность» Павлом очень быстро ушла, и наше знакомство с Колей стало вполне самостоятельным, а потом и семейным (с нашей стороны).

Странно (а, может быть, как раз и не странно), но я совсем не помню, чтобы Коля был для меня Николай Львович и на «Вы», хотя первоначальное наше знакомство было деловым и вроде бы даже «служебным». Но момента перехода от официального обращения к человеческому я не помню. Вероятно, его и не было... А было сразу «Коля» и на «ты».

И этому совершенно не мешала почти 30-летняя разница в возрасте, которая, впрочем, никогда не ощущалась. Наоборот, узнав как-то (опять же по какой-то служебной надобности) Колин год рождения, я была очень удивлена, ибо столько лет ему, по моим представлениям, дать никак было нельзя — настолько моложе своих лет он выглядел. И даже не то, чтобы выглядел, а ощущался в общении.

Довольно быстро выяснилось, что мы соседи, — из Колиных окон виден мой дом, — и мы стали осуществлять наши «почтовые функции» уже не в издательстве, а забегая по-соседски друг к другу. Если он заходил к нам вечером, то всегда с радостью принимал приглашение «выпить-закусить», и вечер продолжался уже в формате дружеских посиделок. Коля неизменно одаривал нас очередной порцией своих жизнеописательных историй, которых у него в

запасе было множество и которые он так вкусно «рассказывал». Он вообще, мне кажется, все делал «вкусно» — так, что хотелось к нему присоединиться, разделить с ним радость этого наслаждения жизнью.

Когда работа над книгой была закончена, мы встречались от случая к случаю — то на книжной ярмарке, то на какой-нибудь презентации, а иногда и просто по дороге к метро или у магазина... И встречи эти были всегда радостными, хотя и короткими. Обычно Коля шел, погруженный в свои мысли, но стоило его окликнуть и просто оказаться в поле его зрения, как его голубые глаза вспыхивали радостью узнавания, и — ритуал встречи — он распахивал свои объятия. Затем обязательно поцелуй. И при расставании — даже если было сказано всего несколько слов, и мы разбежались по своим делам — ритуал повторялся.

Окружающие всегда смотрели на нас с недоумением, в попытках понять, «что это было», ибо мы никак не укладывались в стандартные рамки привычных представлений. Ну, в самом деле, что за странная пара: видно, что большая разница в возрасте, на родственников не похожи, да и поговорили всего пару минут, и чего так радуются встрече?

Недоумения, вероятно, добавляла колоритная Колина внешность, ибо одежда, как мне кажется, была для него, прежде всего, чем-то функциональным, а следование каким-то стандартам он считал абсолютно излишним. Помню, какой-то зимой он ходил в совершенно неопикуемой и немислимой белой шапке, а на мой вопрос ответил что-то вроде того, что, вот, оказалась под рукой, и вполне в ней удобно, так чего еще надо? Добавляли колорита Колиной внешности и седые шевелюра и борода, которые порой так отрастали, что эпитеты типа «старик-лесовик» сами собой лезли в голову (с той, впрочем, поправкой, что никак не «старик»). Однажды я встретила Колю так аккуратно постриженного, что даже удивилась и спросила, в каком салоне его так обработали. Коля

радостно рассмеялся и рассказал, что был он в Дагестане и стриг его «настоящий овчар, который овец стрижет»...

Эти короткие и порой совсем мимолетные встречи с Колей всегда дарили радость на целый день (или, наоборот, перечеркивали неприятности дня прошедшего), ибо был он человеком, безусловно, светлым и людям дарил радость ощущения жизни.

Последний раз мы с ним виделись в октябре 2012 г. на конференции в Питере. Подъезжая к Питеру на «Сапсане» и думая, чем занять дождливый и ветреный питерский вечер, мы с мужем, кажется, одновременно подумали о Коле. На предложение попить пивка он откликнулся, как всегда, с готовностью, и вечер прошел в замечательной дружеской беседе. Коля расспрашивал нас о детях, описывал свою поездку в Америку, а о воспалении легких, которое он перенес практически «на ногах», рассказывал как о приключении, забавном казусе, единственным следствием которого было сокращение суточной нормы сигарет до одной пачки в день. И тогда казалось, что крепкий Колин организм все это превозмог, ибо был он всегда, как гриб-боровик, такой крепко сбитый, твердо стоящий на ногах, не боящийся ни дождя, ни ветра, ни прочей непогоды...

Последний раз он позвонил из больницы, сказал, что попал туда с воспалением легких и не успеет в срок сделать статью для сборника материалов конференции. Я обещала связаться с оргкомитетом и попросить сдвинуть для него сроки (Полян потом нашел в Колинском компьютере материалы к этой статье и подготовил ее к публикации²⁴).

Утром 27-го я написала в Питер, а поздно вечером пришла весть о Колиной смерти. Это было неожиданно и как-то — неправильно.

И мысль о том, что Коли нет, до сих пор ощущается как что-то чужеродное и неверное...

²⁴ См. статью «Партийные чистки как один их механизмов создания социальной базы сталинизма» в наст. издании.

Шахмардан МУДУЕВ (Махачкала — аул Чуртах)

УЛЫБАЮЩИЕСЯ ГЛАЗА В СИГАРЕТНОМ ДЫМУ²⁵

И представить трудно, что Николая Львовича мы больше не увидим рядом за столом и не услышим его короткие, но емкие тосты, не увидим сидящего рядом в парилке, не увидим его чистые, всегда улыбающиеся глаза в облаке непрерывного сигаретного дыма.

С Колей мы познакомились благодаря Павлу Поляну, еще в конце 80-х годов прошлого века. Находясь в очередной раз с очередной экспедицией Института географии в нашем ауле Чуртах, наш друг Павел пригласил всех желающих учителей и учащихся школы посетить Москву. Мы с радостью организовались и рискнули поехать на январские каникулы. Нас встретили и предоставили отличные условия для жилья в помещениях группы продленного дня в здании 57-й московской школы, недалеко от Александровского Сада.

На второй день нашего пребывания Николай Львович ждал нас в главном корпусе МГУ. И все остальное время каникул мы были с Колей, он почти всюду сопровождал нас. Дети это почувствовали сразу, и он стал авторитетом для них, от него исходило тепло и добро. Экскурсия по университетским этажам и музеям была настолько интересной! Он, не уставая, все показывал и рассказывал об университете, о музейных экспонатах, а еще о своих походах и экспедициях.

В один момент он остановил нас и, улыбаясь, обратился к нам: «А теперь я Вам покажу самое главное — нашу столовую, место для подкрепления организма. Особенно это нужно студентам, запомните, все, что тут делается, для того чтобы вовремя и вкусно поесть». Мы пообедали, отдохнули и продолжили.

²⁵ На фотографии: П. Турун, Ш. Мудуев, Н. Поболь. 2011г. (из архива В.С. Белозерова).

В с е м
это понра-
вилось и,
думаю, за-
помнилось.
И до сих
пор вспо-
минают его
увлекатель-
ные расска-
зы и экс-
курсии уже

повзрослевшие тогдашние ученики, наши односельчане. С тех пор мы с Колей не расставались, стали крепкими друзьями, он научил меня вместе с Павлом культуре чтения, терпению, общению, банному искусству, получать удовлетворение и радость от самой мелочи. Парилка была его стихией, он привык выдерживать самые высокие температуры и все подшучивал: «а все равно холодно». Где бы мы ни находились, всегда после работы ходили в парилку.

Много смеялись. К юмору Коля относился «серьезно». Его шутки всегда были уместны, остры и попадали в точку.

Коля умел работать и физически, знал очень многое, сразу видно было, что его походы и экспедиции не пропали даром.

Ему нравилось приезжать в наше село, но в последние годы он терял друг за другом близких людей, был занят исследованиями в архивах, работой над книгами. Говорил: вот в этом году закончим — и с Павлом приедем.

Столько радостных интересных моментов было с Колей! Обо всем не скажешь, но следует отметить, что Коля при любых ситуациях бывал на должном уровне. Мне нравилось его отношение и понимание общественного развития, многому поучительному можно было набраться от Коли.

В одном из архивов он обнаружил про писателей и поэтов Дагестана²⁶ и сразу же позвонил мне в Махачкалу, не интересен ли тут такой материал. Это говорит о его внимательности к друзьям.

Он очень гостеприимный был человек, умел готовить и есть со вкусом. Очень заботился о своей матери. Девятнадцатого мая, в день рождения, в его квартире собирались близкие люди. И мне посчастливилось не раз отмечать этот день у него дома. Он тщательно готовился к нему, особенно к блюдам собственного приготовления относился серьезно. Если меня не было в Москве, то звонил ему и, шутя, поздравлял: «Коля, поздравляю тебя с Днем пионерии и с днем твоего рождения и дальше...» А он отвечал: «Шах, мне повезло, я не был пионером!»

Чаще мы встречались у Павла дома. В праздники или обычные дни, если даже Павла в Москве не бывало, мы с Колей ходили к его родителям — Марку Павловичу и Бэлле Марковне. Они нас всегда принимали с радостью, а Коля был для них как родной сын. Вокруг Коли всегда было тихо и спокойно.

Коля — великий, добрый, теплый собеседник на любую тему. Одно удовольствие получали мы от его присутствия и общения с ним, я не слышал от него громкого слова. Иногда говорил ему: «Коля, тебя в оперный театр надо определить — говори громче!» Нет — говорил тихо! Коля не обижался ни на кого и не жаловался ни на что. Мир принимал, какой он есть. Красиво улыбался и в тяжелое для себя время.

Был случай раз в Ставрополе, когда Павел срочно разыскивал Колю, а телефон его не отвечал. Тогда я в шутку сказал: «Ищи там, где дым поднимается, там и будет Коля». Коля очень смеялся: «Это надо было уже давно знать!»

Куда бы он ни выезжал, в первую очередь, запасался впрок сигаретами. В табачный кризис в перестроечное время все друзья и близкие свои талоны на табак посылали ему.

²⁶ Имеется в виду материал о Сулеймане Стальском (см. стр. 444-463).

Он был искренним человеком, за что его и любили мы все! И те, с кем он общался в Дагестане, и те, кого он сопровождал в МГУ, — все его помнят и вместе с нами скорбят. Его порядочность и доброта всегда пленяли любого, его быстро зачисляли в друзья. И его явно будет всем нам не хватать.

Мы вообще-то надеялись, что его здоровья, несмотря на то что он его так не щадил, хватит надолго, но оказалось не так. Внезапно он нас покинул.

Земля тебе пухом, наш большой и дорогой друг, наш Николай Львович, ты навсегда останешься в наших сердцах и памяти.

Ирина НАГИШКИНА (Москва)

«ПО ДОРОГЕ В БИДЛ-ДОБЛ» Колечке Поболу посвящается

Веселую эту песенку пели в 60-х в переводе с английского и плясали под нее: «Шел в этот Бидл-Добл паренек». Мы с Сашкой Васильевым тут же запели: «По дороге в Бидл-Добл шел веселый Коля Поболь» и какую-то чепуху дальше. Коля-бусу нравилось и ему очень шло.

Почему мы так веселились, отчего собрались такие веселые в Сашкину компанию? Сейчас можно сказать только: «Судьба».

Колина смерть сильно ударила по мне. Он умер, когда я сама пребывала в больнице. Меня искали, чтобы сказать про похороны, и не нашли. Так что я сейчас его оплакиваю и прощаюсь с ним.

Мы познакомились почти детьми: мне — 17, ему — 18, оказались в одной группе Энергетического института, куда нас по причине математических способностей и побед в олимпи-

адах запихнули родители в надежде на хороший диплом и специальность.

К концу второго семестра стало ясно, что и я, и Коля — не техники совершенно, а гуманитарии. Из вуза мы ушли, но до этого была тусовка в общеаге, мы там дневали и ночевали: выпивали, флиртовали, бездельничали.

Мы часто гуляли вдвоем: Красноказарменная, Лефортовский парк, Красные Ворота.

Ушедши, не виделись года два. Как-то Санечка: «Поедем, познакомлю с другом детства». Проспект Мира, звонок, дверь открывает... Коля Поболь: такой живой, веселый. Санька: «Как это может быть, что вы знакомы?» Ржачка.

Колька уже был женат на Майе. Потом у каждого своя жизнь. Семьи. Рождение у меня — дочери, у Коли — сына. Потом Колины путешествия, работа. Встречались у Васильева и на каких-то тусовках. Я всегда таскала его на «Арт Манеж». Отношения были не близкие, оттого — безоблачные. И потом: он был очень хороший человек. Интеллектуал, английский денди, может быть самый начитанный из нас, один из немногих, кто умел пить, знал меру и всегда хорошо себя вел.

Истинный любитель поэзии. Истинный, глубокий, знающий, любящий. Стихи, на самом деле, мало кто любит, Мандельштам был прав: «Ох, уж эти поэты. Они всегда все знают».

Коленька был доброжелательным в высшей степени. Не говорил о людях плохого. А как дружил с Михалевским. Я не в теме его личной жизни, другие напишут.

Мы девятнадцать лет тридцать первого марта каждый год встречались на могиле Сашки Васильева.

А на двадцатый год ты не придешь, Коленька! Грустно невероятно.

Светлая тебе память, Коля Поболь.

Зинаида ПАЛВАНОВА (Иерусалим)

СПАСИБО «МУЗЫКЕ» ЗА КОЛЮ²⁷

Память моя устроена по-дурачки, не сохраняет подробностей, а сохраняет лишь какие-то вспышки и те туманные. Так, одна атмосфера, словами не очень-то и передашь...

Познакомились мы с Колей в студии «Музыка» в середине 60-х. Руководил ею Виталий Белецкий. Оттуда мое знакомство и с Аркадием Акимовичем Штейнбергом, Ириной Лесневской, Вячеславом Куприяновым. Но главное приобретение на всю жизнь — дружба с Колей Поболем.

Помню, как-то встретились мы с Колей утром у станции метро Павелецкая (я училась тогда в Плехановском институте на Зацепе) и пошли в гастроном на Валовой улице. Купили по ситнику, по треугольной пирамидке сливок и, устроившись у окна, с наслаждением завтракали и разговаривали. Коля и в тот раз, и во все другие наши встречи читал мне стихи Мандельштама и других поэтов Серебряного века. Рассказывал, как в армии (в обстановке, мягко говоря, непоэтической) восстанавливал в памяти эти стихи и тем самым крепко запомнил их. Мы с Колей много гуляли по Москве, особенно по старой Москве.

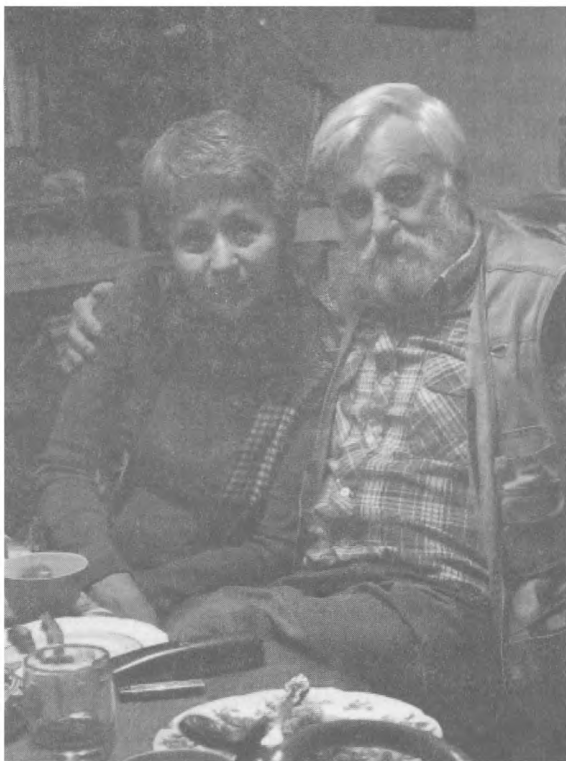
Помню, как однажды мы ездили в город Боровск под Москвой. Русской стариной надыхалась я тогда. Коля любил путешествовать. Както мне захотелось поехать в Талдомский район, в места, где я росла, но самой было страшновато. Попросила Колю составить мне компанию, и он согласился. Еще мы с ним ездили в подмосковный Новый Иерусалим. Думала ли я тогда, что буду жить в Иерусалиме! И что Коля придет ко мне в Иерусалим!

Помню, что одну зиму, когда я уже была замужем за Виктором Енютиным, ходили мы с Колей в бассейн «Москва» на занятия подводным

²⁷ На фотографии: З. Палванова и Н. Поболь. Фото П. Андруковича.

плаванием с аквалангом. Это он, Коля, привлек меня к этим занятиям. Помню пар над водой.

Помню, как, возвращаясь из дальних странствий в Москву, приходил Коля ко мне в гости в Марьину рощу, садился на угловое место за стол в нашей крохотной кухне и рассказывал всякие удивительные вещи об Охотске. Рыбу потрясающе вкусную привозил. Я тогда жила одна с сы-

ном и радовалась, что мальчик, растущий без отца, видит и слышит настоящего бывалого мужчину. Никому бы я не разрешила курить в доме, а Колечке разрешала.

Коля провожал меня вместе с другими моими друзьями в Шереметьево, когда я уезжала в Израиль с сыном Андреем и котом Василием. Много лет мы перезванивались по дням рождения. «Зинуш!» — слышала я в телефонной трубке и радовалась. Никто меня больше так не называл.

Впервые я приехала из Израйля в Москву в 2001 году. Встретились с Колей, у него была совсем седая голова. Тогда Коля познакомил меня с Олей Шамфаровой, тоже белоголовой, но с молодым симпатичным лицом. Отметим встречу в кафе на Остоженке, бывшей Метростроевской. Мы с Колей не могли наговориться, конечно.

Помню, в один из моих приездов были мы на выставке Владимира Яковлева, грустные цветы которого я полюбила с Колиной подачи.

То ли в тот же приезд, то ли уже в другой Коля позвал меня в гости к Инне Львовне Лиснянской — на дачу в Переделкино.

Коля был в гостях у нас в Иерусалиме, кажется, в 2005 году. Об этом стишок сохранился.

Когда я приезжала в Москву, встречал меня чаще всего Коля. Мы ехали в такси или электричкой в Москву и уже в дороге начинали отмечать встречу. С Колей это было можно. Становилось не просто радостно, а как-то вдохновенно радостно.

В мае 2009-го я приехала в Москву специально на юбилей Коли, но так получилось, что я не успела попасть к нему 19-го, и мы встретились 20 мая. Погуляли по Москве, посидели в кафе «ОГИ». Я вручила ему подарок — кажется, бутылку коньяка и еще что-то вроде кораблика или яхты с парусами.

Вечером пошли на вечер Андрея Битова в Булаковский дом на Садовой. Помню, меня приятно удивило очень теплое дружественное отношение Битова к моему старому другу. Андрей Георгиевич даже меня обнял на прощанье, поскольку я была с Колей.

А 25 мая мы с Колей были на торжественном вручении Инне Лиснянской премии «Поэт».

В сентябре 2012-го мы с Колей виделись несколько раз. Бродили по городу, сидели в кафе «ПирОги». Потом, помню, я была на вечере памяти его друга Сашки Васильева в Литературном музее в Трубниковском переулке. Помню, когда мы шли после этого вечера к метро, я спросила Колю, почему он не познакомил меня свое время с этим кругом художников андеграунда. Коля задумался. Моросил дождь, мы шли под Колиным зонтом. «Берег?» — предположила я, вспоминая фильм о богемной жизни этих Колиных друзей и подруг, многих из которых уже нет на свете. «Берег», — согласился Коля. Помню, комок подступил к горлу, не могла говорить. Коля тоже молчал.

А через несколько дней Коля был на моем вечере в Музее Цветаевой. В тот вечер, после того как я закончила читать стихи, Коля преподнес мне огромный букет кремовых роз. Подходящей вазы для них в доме, где я остановилась, не нашлось, и они стояли до самого моего отъезда в ведре.

Подумала, что, когда снова, даст Бог, окажусь в Москве, найду Колину могилу и положу на нее кремовые розы.

Александр ПАХОМОВ (Магадан)

«ЛЬВОВИЧ» (Поболь в Охотске)²⁸

Все пытаюсь вспомнить, где и когда мы с ним познакомились?

Наверное, на стройке дома на Сиреневом бульваре, где какая-то часть «новоиспеченных» студентов географического факультета МГУ трудилась в августе 1969 года перед началом учебного года²⁹. Там, кстати, и сложился костяк будущей студенческой «компании», многие члены которой, несмотря на обучение на разных кафедрах, стали близкими друзьями и оставались ими долгие годы.

Коля, как и все мы, поступил на первый курс, однако выделялся среди однокурсников жизненным опытом (отслужил, окончил несколько курсов МЭИ, работал, был женат, имел сына и т.п.) и интеллектом, поражал разнообразием интересов, знанием множества стихов. Он был хорошим рассказчиком, но не болтуном, отличался определенным мужским обаянием. Всем этим он привлекал не только молодых мальчишек-первокурсников, но и лучшую половину человечества, всегда был центром, вокруг которого собирался народ.

²⁸ На фотографии: Н. Поболь, А. Пахомов, студенты. Охотск (Архив А. Пахомова).

²⁹ Насколько хватает памяти, на Сиреневом бульваре Поболя не было.

Второй раз он вернулся на факультет после истории с отчислением с последующим переводом на вечернее отделение. О третьем его «пришествии» я расскажу подробнее.

После окончания геофака в 1974 году Коля на какое-то время как-то выпал из поля моего зрения. Все мы тогда закрутились-завертелись в новой жизни, начали обзаводиться семьями... Помню, что Коля после получения диплома где-то работал по «геодезической» линии — был «при самолете» и летал по всей стране, потом на какое-то время уехал в Якутию (возможно, именно в связи с этой работой), поэтому появлялся в Москве не часто. Жил в поселке Марха под Якутском. По его рассказам, все там было очень романтично, особенно, мороз и борьба за пропитание, с якутским колоритом...

Новое наше сближение началось после его возвращения в столицу, кажется, в начале 80-х. Он возникал со своим неизменным портфелем, в котором, кажется, носил все, что нужно для автономного существования, и поэтому был абсолютно свободен, то есть, как бы находился в свободном и от работы, и от семьи «полете». Работал в Институте географии АН СССР, какое-то время — в школе, словом, «привязанности» и любви к постоянной службе не имел. И все время подрабатывал: то подготовкой школяров в вуз, то в «Камере хранения» на Казанском вокзале, то в ВОХРе, то где-то еще.

Я же в середине 90-х искал опытного и надежного человека на должность заместителя полевой партии, коей мне пришлось руководить. Партия работала в летние периоды в Охотском районе Хабаровского края — огромном по территории и малонаселенном регионе. Поэтому организация работ, в связи с отдаленностью и отсутствием дорог, была сложной — связанной исключительно с авиацией. Коля же в этой отрасли был как рыба в воде, даже имел какие-то «корочки», дающие проход чуть ли не на все аэродромы страны. Трудно было в ту голодную пору и добывать продовольст-

вие за границами Москвы. Поэтому нам нужен был «свой» человек и в Москве, и на базе в Охотске с полевым и житейским опытом, коммуникабельный и, я бы сказал, пробивной, но честный, то есть такой, на которого можно было положиться. Почему-то мне показалось, что Поболе именно тот, кто нам нужен (как показало время — угадал!). С чьей «подачи» не помню, но я предложил ему пойти к нам работать на должность инженера, а Коля — по-моему, с радостью (романтик!) — согласился, несмотря на небольшую зарплату.

Так он вернулся на факультет в третий раз и, практически, сразу, как говорится, вписался в коллектив не только Охотской партии географического факультета, но и всего «чердака» зоны «Ж» главного здания МГУ, вписался, несмотря на демонстративную независимость от всякого рода, по его мнению, условностей. Например, он наотрез отказался вступать в профсоюз, хотя давление и на него, и на меня оказывалось серьезное: ведь он был чуть ли не единственным сотрудником на факультете, не «охваченным» этой «школой коммунизма». А тогда все в универе должны были в чем-нибудь да состоять. С начальством Коля был без пиетета, но подчеркнута вежлив, к наказаниям и похвалам — безразличен. Был этакой «кошкой, гуляющей сама по себе».

Вот тут я его и узнал по-настоящему. Раньше-то все больше за столом встречались или у костров. Теперь же мы близко общались круглый год, совместно решая всякие-разные хозяйственные проблемы.

Во-первых, оказалось, что заставить его сделать что-то против воли или убеждения практически невозможно. Во-вторых, он никогда не спешил выполнить то или иное указание, приказание, распоряжение, быстро откликнулся разве что на просьбу. Если я, несмотря на флотский опыт, гласивший, что не надо торопиться выполнять приказ командира, ибо всегда может последовать команда «Отставить!», реагировал на указания практически немед-

ленно — такова натура, то Колю надо было долго толкать, напоминать, контролировать и т.п. Но он, все равно, никуда никогда не спешил и, что самое удивительное, несмотря ни на что, все всегда складывалось как нельзя лучше: оказывалось, что и правильно, что он что-то не сделал, и опоздание шло даже на пользу и т.д.

Меня это, конечно, частенько бесило, мы спорили, ругались, но отношения не портились — просто нельзя было на него долго сердиться. Да и он был отходчив. К тому же, ему все, действительно, удавалось сделать к сроку — ничего не срывалось. Даже самолеты задерживались с вылетом, если Поболье опаздывал на посадку!

В Охотске-2 (точнее в поселке Аэропорт, что в 20 км от райцентра, где мы снимали под базу партии маленький домик) он сразу же «оброс» друзьями, знакомствами — как необходимыми, так и, с моей «менеджерской» точки зрения, не совсем нужными. Меня всегда поражала его доброта ко всем, практически, без исключения. Даже, если кто-то и был ему неприятен, он никогда не проявлял своей неприязни.

Доброта его, как правило, выливалась в хлебосольство, даже в самые «пустые» годы. Двери базы по нашем прилете не закрывались ни ночью (благо они в июне в тех местах «белые»), ни днем. Конечно, жизнь там ему нравилась очень. Особенно, когда отсутствовали штатные сотрудники партии, то есть, большую часть сезона. Ведь можно было ложиться и вставать, когда хочется, питаться так, как хочется, заниматься тем, чем хочется.

А хотелось многое — собирать грибы и ягоды, ловить и обрабатывать рыбу и икру — все это было под «боком», устраивать «приемы». Его, кажется, даже мое нечастое и недолгое присутствие на базе несколько напрягало — ну

кому понравится, когда тебя заставляют ложиться спать «вовремя» или поднимают утром, не дав выкурить «положенные» три, а еще лучше четыре сигареты в постели! Всего этого, по его словам, требовал его «организм», а к требованиям «организма» он всегда прислушивался.

Что? Надо ехать в Охотск — кому он нужен! — и мы, видите ли, можем опоздать на «лапоть», чтобы переправиться в поселок через кухтуйскую лайду?

После сна чаще всего Колин «организм» требовал пойти в лес, пособирать грибочки, ягодки. Сборы дикоросов и их обработка были любимейшим занятием, в котором он был дока. В Москву он всегда вез с собой целую кучу даров природы (наш «взлетный» вес без учета тел чаще всего значительно зашкаливал за 100 кг). И это не считая того, что отправлялось нами с грузом. Груз, кстати, час-тенько «проверялся» аэрофлотовскими грузчиками и все

съедобное иногда заменялось кусками асфальта. И все, что привозилось в Москву, с удовольствием «скармливалось» друзьям и разной степени близости знакомым. Еще одним любимым времяпрепровождением была у него баня — иногда мы с ним за вечер и часть ночи посещали до трех-четырех частных парилок, не считая поселковой бани. Эти «путешествия», само собой, сопровождались застольями.

Но за всеми этими, требуемыми «организмом», удовольствиями своими обязанностями Коля никогда не манкировал: в свободное от поисков или добычи пропитания время и самого процесса питания он сидел «на рации», всегда вовремя выходя на связь, арендовал или выбивал вертолеты, чтобы нас вывозить-перевозить, ходил на почту, добывал для полевиков продукты, словом, заботился.

За что мы все его и любили. Любили его и на «чердаке», и на факультете, и в Охотске, где его знали чуть ли не все, и он знал всех и был в курсе всех событий. Не помню нигде чьей-либо неприязни к нему. И чуть ли не все жители поселка уже с начала июня (а мы чаще прилетали к концу месяца) ждали приезда Львовича (так его все там и на факультете тогда звали). Да и провожали его (и меня заодно) по-доброму: обычно прямо из-за прощального стола нас на перронном автомобиле или милицейском мотоцикле доставляли прямо к борту самолета (груз-то с собой был ого-го!), минуя всяческие регистрационные мероприятия и досмотры.

Вспомнилась еще такая его черта: он никогда не пребывал в унынии. Несмотря на передряги, неприятности, заботы... И это было не от безразличия или эмоциональной глухоты — этим он, как раз, не страдал — скорее все-

го, от характера, натуры. Видимо, все он держал в себе, не расслаблялся.

Проработали мы с ним таким образом до 92-го года, весной которого я переехал из Москвы в Магадан. Он же еще какое-то время «числился» на факультете, получая мизерную зарплату, как и все мы тогда. Преподобной работы уже не было, все развалилось — и в Охотске, у геологов-работодателей, и у нас в Москве. На жизнь, как и многие в то время, он зарабатывал в других местах.

В каком году оно прекратил отношения с МГУ, я не помню. Но, кажется, еще раз — уже четвертый! — ненадолго возвращался на факультет в середине 90-х. Наша же с ним связь не прерывалась. Он даже побывал у меня дома в Магадане осенью 93-го — мы вместе наблюдали в прямом эфире по ТВ расстрел Белого дома в столице. Более того, в те времена, когда я не мог летать в Москву, он оказал мне неоценимую услугу, решив некоторые мои личные проблемы. За что я ему по сей день очень и очень благодарен.

Казалось, что Коля будет всегда. А теперь без него Москва для меня стала еще более не моей Москвой. Он был одним из «столпов» моей уверенности, что у меня есть еще друзья, есть, куда можно всегда прийти и тебе будут рады без всяких задних мыслей. И у нас так повелось, что долгие годы, я, прилетая в Москву (а это бывало несколько раз в год), в тот же день вечером ехал к нему, туда же подтягивался и Алик Багдасарян — и они мне помогали (конечно, через алкоголь) бороться с разницей во времени.

А теперь его не стало и вокруг стало пусто, как будто он один занимал все мое жизненное пространство. Такое вот странное это ощущение от этой потери...

Вадим ПЕРЕЛЬМУТЕР (Мюнхен)

ПОПЫТКА ПОРТРЕТА³⁰

*...Она ни в чем не виновата
И ни полушки не должна.
Одна-единственная плата
За жизнь — всегда сама она.
Аркадий Штейнберг*

При вести, что не стало Коли Поболя, эти строки — час-полтора спустя — возникли, забормотались словно бы сами собой. И, думаю, не в том лишь дело, что именно Штейнберг тесно соединил, связал нас лет на тридцать, но, скорее, в том ощущении полноты, самодостаточности жизни, какое испытывал, знаю, не я один из многих, кто дружили, общались, встречались с Колей...

Не особенно доверяю мемуарной хронологии. Память равнодушна к точным датам. Хочешь такого рода дотошности — веди дневник.

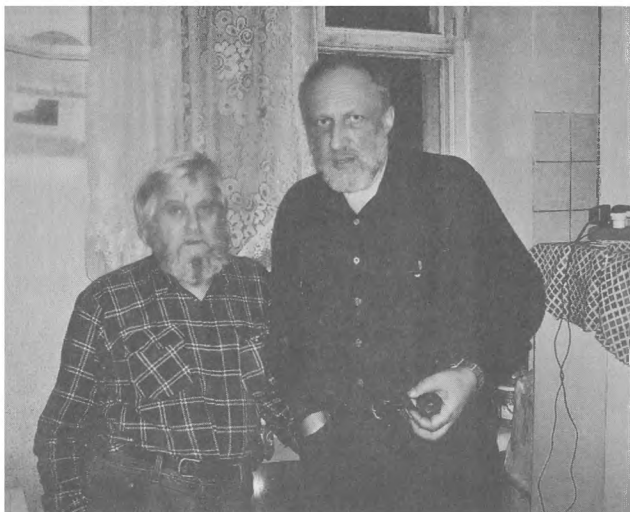
«Память никогда не спорит со временем, потому что она над ним властвует», — сказал Степун.

Пожалуй, лишь один день могу назвать безошибочно, да и то, опять же, не без помощи Штейнберга. Потому что это — день его рождения — одиннадцатое декабря 1996 года.

По обыкновению, сложившемуся на двадцатилетие с лишним ранее, мы собрались в его квартире близ метро «Щукинская». Правда, за двенадцать лет *без хозяина* круг его гостей — друзей и учеников, разделить коих, впрочем, по «категориям» было бы непросто, границы, и при жизни Штейнберга не слишком отчетливые, размылись во времени, — круг этот изрядно поредел, сузился, «иных

³⁰ На фотографии: Н. Поболя, В. Перельмутер (Архив В. Перельмутера).

уж нет, а те да-
лече», за столом
— человек семь-
восемь. Не обо-
шлось, естест-
венно, без зна-
менитой
«штейнбергов-
ки», водки, на-
стоянной по «ав-
торскому»,
предмету гордо-
сти Акимыча,

рецепту, ее теперь могли изготовить «как надо» разве что Нерлер да Пობоль, на сей раз расстарался Коля.

Мы сидели рядом, разговор, понятно, клубился, вместе с дымом табачным, сотворяя эффект присутствия Штейнберга, посверкивая его интонациями, шутками, эпизодами-впечатлениями...

Как раз в ту пору я заканчивал готовить к изданию однотомник Штейнберга «К верховьям» - добирал мемуары и стихи, ему посвященные. И какая-то фраза промелькнула, пытаюсь припомнить — ускользает, но что-то он такое про Акимыча сказал, чего я прежде не знал. Потому и предложил ему тут же — написать про Штейнберга — в книгу. Он согласился, чуть неуверенно, но легко и сразу.

Я тогда понятия не имел о том — как он пишет и пишет ли вообще, по крайней мере, достаточно внятно для сочинений такого рода. Однако, получив недели через полторы несколько страниц, озаглавленных: «В середине шестидесятых», — совсем не удивился, что сделал он это хорошо, *по делу*, с любопытными эпизодами и штрихами, которых не было более ни у кого из двух десятков воспоминателей. И с точной интонацией-дистанцией — для отведенной себе роли свидетеля — и подчас участника — описываемых

«мизансцен», происшествий, событий, роли даже не второго, но третьего плана, без живой убедительности коего, впрочем, истинный *спектакль* не может состояться...

Так и возник первый его мемуарный очерк. Второго³¹ и последнего — и, по-моему, совершенно замечательного — про Александра Васильева — пришлось дожидаться пятнадцать лет. И здесь у него роль совсем иная — многолетне-близкого друга, совместника и сомысленника, сумевшего понять — и рассказать, — почему «Сашка Васильев» прожил именно такую жизнь, какую прожил, — *свою*. И удалось это Коле, на мой взгляд, потому, что очерк — не только «о Васильеве», но и — не менее — о *своей* жизни, которая с юности и надолго оказалась связана, сплетена с жизнью «Сашки», и ровно так же можно, читая, увидеть и понять — почему и сам Коля прожил именно такую жизнь, какую прожил.

И могу лишь вообразить — какая могла бы сложиться книга между этими «пунктами А и Б», найдись кто, способный уговорить, убедить Поболя за нее взяться. И жаль, что ее нет и не будет...

«В последний раз это было пятого августа 1984 года»... Акимыч проводил, подвез Колю на моторке до железной дороги.

«Вдруг кто-то вспомнил, что сегодня Шестое августа по старому, Преображение Господне»...

Я спросил Колю — слышал ли он, как Акимыч читал «Август»? Конечно — и не раз. Штейнберг любил эти стихи. Быть может, особенно потому, что они ему напоминали, как одновременно с сообщением о кончине Пастернака Союз писателей едва не напечатал в «Литературке» и некролог ему, Аркадию Штейнбергу, в панике перед похоронами одного поэта, перепутав другого с востоковедом и прозаиком Евгением Штейнбергом...

Пятое, шестое, седьмое... Август...

И еще — о них двоих. В сентябре 2008 года в Малом зале ЦДЛ мы с Александром Ревичем представляли собравшимся только что

³¹Если не считать беглую, в полстранички, зарисовку «У Маергойза».

вышедший том воспоминаний о Штейнберге - «Он между нами жил...». Как мы того и хотели, книга стала только поводом к вечеру памяти Аркадия Акимовича. Ни сценария, ни плана, ни списка выступающих на афише. Чистая импровизация — мы вытаскивали из зала и тех, кто знали Акимыча, и тех, кто его уже не застали, но живо, эмоционально откликнулись отраженным свету и звуку — личности и стихов.

Коле выпало подойти к микрофону после Володи Тихомирова, после его взволнованного то ли волхования, то ли токования, и все это сложилось, ритмизировалось в этакую вдохновенную песнь «про Акимыча», даром что ли Володя гимны «Ригведы» перелагал!..

По контрасту с этим эмоциональным всплеском, Коля заговорил просто — и о простом. О том, что Штейнбергу было необыкновенно интересно жить. Не только писать стихи или картины, но и общаться с самыми разными людьми, разговаривать с ними не о себе — о них. Варить суп, чинить лодочный мотор, «строить» книжный стеллаж, грунтовать холсты.

И я поймал себя на том, что слушаю не только о Штейнберге, но о самом Коле. Потому что Поболю тоже было интересно — все. И готовить диковинные блюда, и копаться в архивах, и ремесленничать, да и количеством и многообразием знакомств он вполне мог бы с Акимычем посоперничать...

И было у них еще одно общее свойство, кроме них, мною, пожалуй, ни у кого больше не обнаруженное. Ни на один из бесчисленных своих телефонных звонков ни от того, ни от другого ни разу не слышал, что, мол, занят, работаю, перезвони попозже. И мудрено было понять: каким образом — при подобной *праздности*, всегдашней готовности к отклику, разговору, встрече, помощи, — удастся человеку столь многое делать и сделать...

Года полтора назад мне понадобились для книги Шенгели, над которой тогда корпел, две фотографии. Когда-то, давным-давно, я видел их у вдовы Шенгели Нины Леонтьевны Манухиной и по-

тому точно знал, что теперь эти снимки, вместе со всем архивом поэта, в РГАЛИ. Я позвонил Коле, спросил, не собирается ли он туда. — Вообще-то собирается, был ответ, однако нескоро, дело у него не срочное. А что надо? — Я объяснил, добавив, что, вообще-то, работа над книгой почти завершена, ну, да не волк, в лес, авось, не убежит, так что пускай делает, как ему удобней.

Дней через десять — звонок. Подумал, говорит, и решил планы переиграть — фотографии отсканированы, диск у него, что с ним дальше делать? Пару дней спустя снимки были уже у меня.

Кстати, о Шенгели. Я как-то рассказал Коле, что в двадцать седьмом году, перебираясь из Москвы в Симферополь (думал — насовсем, оказалось — всего на полтора года), Шенгели по пути, в июле, заехал в Коктебель и там, при многочисленной, по обыкновению, Волошинской аудитории, прочитал Цветаевского «Крысолова». И это было первое — и единственное при советской власти — публичное исполнение поэмы. «Не единственное», — возразил Поголь. — «???» — «В конце шестидесятых я целиком читал «Крысолова» у нас в клубе. И народу было много».

Сорок лет спустя...

Клуб — «Музыка». О нем рассказано в очерке про «Сашку Васильева»...

Помогать — было для Коли занятием совершенно естественным, само собой разумеющимся. Упомянул я, что никак не удается распродать книгу стихотворений, поэм и графики Штейнберга «Вторая дорога» и том воспоминаний о нем, хотя спрос на них есть, просто издательница, Лена Аболенцева, живет в Подмосковье, возить оттуда по нескольку штук, когда магазины готовы взять, — проблема, Коля тут же предложил завезти разом по нескольку пачек к нему — и он будет следить, подбрасывать в продажу, как только возникнет надобность.

Увы, Лена спасительным предложением не воспользовалась. Так и томится у ней бездвижно по сию пору изрядное количество уникальных этих книг...

Впечатление праздности было, повторяюсь, обманчивым. Просто Коля очень хорошо ориентировался во времени, тонко и точно его чувствовал и успевал, по видимости никуда не торопясь, *встраивать* в него множество дел и забот, в том числе и постоянных, обязательных. И мало кто, кроме разве близких друзей, знал, что несколько лет он дважды в день непременно заезжал домой — днем и вечером, и это в Москве-то! — накормить маму обедом и ужином, уложить спать. Она уже почти не поднималась без его помощи, не справлялась со столь обыденными вещами, и сын брал их на себя, включал в свой образ жизни столь же органично, как и все остальное, привычное.

Судя по сделанному, он много и кропотливо работал. За последние лет пятнадцать-двадцать этот географ-практик, путешественник и прочая, и прочая (см. его трудовую книжку) сумел стать профессиональным — и первоклассным! — историком и архивистом. Я неплохо представляю себе — сколько для этого надобно времени и усилий. И потому *метаморфоза* эта остается для меня совершенно загадочной. Здесь интуиция и увлеченность необходимы, но недостаточны, надо многое — и *системно* — прочитать, осмыслить, понять, наконец, никак не обойтись без часов, дней, недель наедине с кипами архивных бумаг, по ниточке выпутывая из них *сюжеты* своих исследований. А если помнить, что занимался он не умиротворенною патиной академической науки историей восемнадцатого или, там, девятнадцатого века, но историей новейшей, советской, до сих пор болезненно пульсирующей в мыслях и нервах, переполненной чудовищными событиями и человеческими трагедиями, станет ясно, какова психологическая тяжесть такого труда, невозможного без со-переживания, со-страдания.

При той жизни, которую — у всех на виду — вел Коля, это кажется невероятным.

Быть может, предположу, в том и дело, что ему было *интересно*. Противоречия с только что сказанным — никакого. Интерес — не любопытство...

Блаженный Августин говорил, что любовь — путь к познанию. Почти век назад Сигизмундом Кржижановским об этом написано философское эссе «Любовь как метод познания». Оба знали, что *по любви* удастся сделать такое, о чем без нее не стоит и мечтать.

Кто не испытывал — тому не объяснить...

Однажды мы с ним попытались припомнить — когда и как познакомились. И не смогли. По ощущению, знакомство это было, если не «всегда», то, во всяком случае, очень долгим. То бишь, я бы сказал, мы *примелькались* друг другу задолго до того, как обменялись, наконец, именами. Так бывает, когда встречаешься с человеком, вроде бы, случайно, но с некоей трудно уловимой регулярностью. И сперва начинаешь кивать ему, мол, узнал, потом — здороваться, и остается лишь дожидаться случая, чтобы познакомиться, так сказать, окончательно. Правда, такого случая может и не представиться. Но тут его вероятность была велика — круг, как известно, узок, а слой тонок.

Попробую пересказать сокращенно — что удалось нам тогда навспоминать.

Возможно, впервые мы вскользь увидели друг друга «в середине шестидесятых», когда единственный раз я увязался за Штейнбергом, отправлявшимся в клуб «Музыка» — не выступать, просто посидеть-поглядеть-послушать. Ему там нравилось. А создателя клуба — Белецкого — я потом встречал дома у Штейнберга, на Шаболовке, в начале семидесятых, когда «Музыка» уже давно отзвучала.

Наверняка виделись мы в начале зимы шестьдесят восьмого — на юбилейном, «шестидесятилетнем», вечере Аркадия Акимовича, но и там обратить друг на друга внимание было мудро, тот «раут», как сказал бы любимый Акимычем Случевский, «был блестящ», переполненный зал замороженно внимал и герою торжества, и далеко не «безвестностям», что пришли его чествовать, от земляка-одессита Льва Славина до цыганки Рады Волшаниновой.

Потом было еще несколько, так скажем, «некамерных» действий, где мы бывали одновременно в массовке-публике — литературные вечера, «полукатакомбные» вернисажи художников, ныне признанных чуть ли не классиками.

И только в конце семьдесят седьмого, опять же, в ЦДЛ, где Штейнберг отмечал очередную «круглую дату» чтением переложений из Ван Вэя, мы, как бы на правах давних знакомцев, узнали, наконец, имена друг друга — и сразу «на ты» (запомнилось, потому что обыкновенно мне сей переход дается не без труда). Вообще среди многих виденных мною «вблизи Поболя» людей тех, с кем он был бы «на вы», не попадалось, за естественным исключением некоторых старших, вроде Липкина или Штейнберга...

С весны восемьдесят четвертого мы встречались уже постоянно, даже на улице то и дело сталкивались. Иногда у Павла Нерлера или у Липкина, раз в год — на Щукинской, «у Штейнберга», но чаще бродили по улицам или сидели где-нибудь, попивая кофе или что покрепче, и говорили, говорили. Он был хорош в разговоре, легок, внимателен, быстр — и в то же время нетороплив, без намека на скороговорчивость. Мигом подключался к мысли, включался в ее движение, да и своих мыслей у него хватало. С ним было *интересно*.

Побывать друг у друга довольно долго как-то не складывалось. И впервые я попал к нему в дом, если не ошибаюсь, году в восемьдесят восьмом. И, едва устроившись за столом, еще не пригубив тут же наполненную хозяином рюмку, отключился, так сказать, в созерцание — прямо передо мной, на стене, выстроились в ряд шесть акварелей Владимира Яковлева, из ранних, одна другой лучше, цветы и портрет. Потом о них и заговорили. И о Яковлеве. Коля познакомился с ним примерно тогда, когда эти вещи были написаны, на рубеже пятидесятых-шестидесятых. Подробности разго-

вора стерлись, сохранилось *впечатление*: он не только хорошо *знал* Яковлева, но и тонко и точно *понимал* — уникальность этого художника, этого *события* в новой живописи.

Несколько лет назад был сделан документальный фильм о Яковлеве. Ведут его — от начала до конца — три собеседника: филолог-итальянист Николай Котрелев (с которым, к слову, Пობоль тоже был дружен смолоду), художник Лев Повзнер и Коля.

Фильм у меня есть — и потому могу точно воспроизвести сказанное Пობолем о Яковлеве, отчасти воскресив тем самым давнюю нашу беседу.

О самых ранних, первых работах:

«...Если бы Яковлев остался в «ташистском периоде», разговора не было бы сейчас о Яковлеве. Яковлев — это, конечно, прежде всего — цветы, прежде всего — портреты, две вещи самые-самые, цветы и портреты».

О своих акварелях — тех, что на стене:

«...У меня висят пять цветков — ранних, конец пятидесятих и начало шестидесятых, - и один портрет. Я уже давно их как-то по отдельности не воспринимаю — портреты или цветки. Это просто шесть человеческих портретов. С совершенно разными характерами, может, так случайно получилось, может, мне уже кажется, но это действительно человеческие портреты. Совершенно разных характеров и разных состояний. Есть печальные, есть, наоборот, какие-то веселые, есть один цветок-хулиган»...

Здесь характерно, на мой взгляд, это «цветки», а не «цветы». Естественный и тонкий нюанс, если угодно, *персонализации*. Явственная индивидуальность каждого — и все вместе они, конечно, не обобщенные «цветы», но именно — по отдельности — и в одиночестве — существующие «цветки».

Мне очень нравилась эта органическая — без усилия и думания про то, как бы получше выразиться, *беззаботная* — точность его речи. С ним можно было говорить о чем угодно — и никогда разговоры не становились *болтовней*, какими бы *легкомысленными* ни были...

О высказываниях некоторых вполне авторитетных искусствоведов, мол, Яковлев — диковинный самородок, художник «чистого наития», наива, близкого примитиву:

«...Яковлев, между прочим, очень хорошо знал европейскую живопись, и вообще живопись. Очень хорошо. И я его никак не могу рассматривать как-то вне русла вообще живописи, это не такое чудо, наивный примитив, который ни с того ни с сего возник именно потому, что он ничего не знал. Он знал»...

В начале прошлого декабря мы встретились, сговорившись, в Доме Художника — на «Non Fiction». Потолкались у стендов издательских, полистали книжки, сойдясь довольно неожиданно на том, что, вот, книг «хороших и разных» на ярмарке не счесть, а купить почему-то не хочется ничего. Правда, у стенда «ОГИ», увидев три выложенных там «по знакомству» книги из нашей с Игорем Семеновым и Сергеем Бычковым серии «Библиотека для избранных», Коля сказал, что вот «Три книги» Парнаха он бы купил, но у него уже есть. Похвалил, значит, заодно поблагодарив за подарок.

Потом спустились в кафе, взяли кофе, закурили. Он рассказывал, как замечательно провел два осенних месяца во Флориде — тридцать градусов, купанье трижды в день, благодать...

Я заметил, что кашляет он чуть сильнее обычного, подумал, что акклиматизация — из субтропиков в зимней Москве — штука рискованная, неровен час... Однако говорить ему про то не стал, знал — отмахнется, и не с таким справлялся...

В середине января понадобилось мне связаться с художником, с которым Коля познакомил меня несколько лет назад. Допоздна пытался дозвониться до Коли по домашнему номеру

— безответно. Назавтра повторил — то же самое. Зато на зуммер мобильного он откликнулся сразу. Сказал, что уже две недели в больнице — воспаление легких, было совсем худо, но теперь, похоже, выкарабкивается, хотя обнаружили и другие болячки, придется ими заниматься — и, кажется, серьезно.

Я стал звонить ему раз в два-три дня — отвлечь, развлечь. Несколькоминутные разговоры — о чем угодно, кроме болезни...

В последний раз это было двадцать шестого января.

*Татьяна ПЕСТОВА (Москва)*³²

ПОЧТИ КАК ТРЕТИЙ РОДИТЕЛЬ

Я Николая Львовича знаю, практически, с рождения — ну, лет с пяти — как себя помню. У меня любовь к нему — детская, и память о нем такая же: тепло, голос, запах, поцелуй бороды при встрече. Это почти как третий родитель. Ранние детские впечатления (понятное дело, самые яркие) легли в основу мифологии: романтика — север — борода, свитер, табачный дым (как у папы) — белые медведи — дедушка Ленин плохой (о чем мной была проинформирована средняя группа детского сада году в 1974-м) — человек, «не пьянеющий» (как другой вид).

Потом на меня обрушились лавины географии, истории и экономики (как только я смогла воспринимать — середина школы), и они (лавины) убедительно доказывали: бывают люди с бесконечным мозгом! А он еще и еще искал, читал, узнавал и рассказывал нам. При этом — терпение и даже уважение по отношению к ребенку, который сначала слушал на кухне взрослые разговоры, потом — по мере подрастания — стал задавать вопросы, а потом — спорить. Я таких взрослых больше не знала — чтобы и интересно, и просто было с ними.

Теперь понимаю — таких просто нет.

³²Автор — дочь А. Тарановой и А. Пестова.

Галина ПОБОЛЬ (Москва)

ОН БЫЛ ПО-НАСТОЯЩЕМУ СВОБОДНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ!

Коля, Коля!!! Никогда не думала, что придется писать о тебе. Ты всегда был частью моего мира. Наши мировоззрения не всегда совпадали, но я всегда с большим уважением воспринимала твою сущность.

Мы часто спорили, но всегда без конфронтации. Коля с большим интересом следил за развитием моей личности, во всяком случае, в зрелые годы. У нас было много общего. Пути наши то пересекались, то расходились, но я всегда чувствовала, что Коля есть, знала, что могу с ним пообщаться, поделиться своими радостями и несчастьями, получить мудрый совет.

Первое наше знакомство состоялось в далеком послевоенном 1948 году. Мне было пять лет, а Коле — девять. Он только что закончил в школе первый класс и приехал с мамой, Еленой Борисовной, в город Гомель в Белоруссию, где жили наши бабушка с дедушкой. Это был город наших предков, растерзанный войной: почти весь он был еще в руинах, и только к середине 1950-х годов он был восстановлен.

Коля ворвался в мою жизнь как вихрь со своей неумемной энергией. Я была очень тихим и послушным ребенком. А ему надо было знать, как все происходит в окружающем мире и как этот мир устроен.

Первое, что он сделал — изучил дом и его окрестности. На чердаке раскопал дореволюционные журналы и фотографии, о которых я даже и не догадывалась. Мы с ним рассматривали эти журналы и фотографии, и Коля засыпал вопросами дедушку Колю, который с удовольствием общался с нами: по вечерам при свете керосиновой лампы он рассказывал нам интереснейшие истории из своей жизни — дедушка был великолепным собеседником.

Наш дедушка был неординарным человеком для своего времени. Он прошел свой жизненный путь от крестьянина, младшего офицера царской армии, до профессионала высочайшего класса по паровозам, был косвенным участником революции, прошел репрессии 1937 года, почти всю войну он прожил в оккупированном Гомеле, а после войны восстанавливал паровозоремонтный завод, объездил Россию от Дальнего Востока до Варшавы.

Его рассказы иногда казались мне фантастическими и нереальными, но Коля слушал дедушку с самым живым интересом. Это он привил нам обоим интерес к истории, и Коля в своей жизни сделал много для глубокого анализа событий, происходивших в первой половине прошлого века.

Дедушка работал на паровозоремонтном заводе, и мы с Колей каждый день ходили к нему на завод, относили узелок с обедом. Коля лазил по паровозам, а дедушка с таким увлечением рассказывал о них, что мог говорить о них бесконечно. Коля все внимательно слушал и мечтал прокатиться на паровозе. Видимо с этого времени у Коли появился интерес к паровозам. Он мне рассказывал совсем недавно, что он знает почти все марки и модели паровозов, бывал в музее паровозов.

Коля очень много читал и все пересказывал мне. Взрослые все время ставили мне его в пример, а когда Коля уехал, то дедушка решил обучить меня грамоте, и через полгода я читала так же свободно, как Коля.

Вторым человеком, который оказал большое влияние на Колю, был другой дедушка — Боря. Он очень много времени уделял своему внуку, и я думаю, что он оказал большое влияние на мировоззрение Коли.

В середине 1950-х годов в Москве возник модный молодежный стиль одежды — как бы в противовес серой унылому «советскому» стилю. Ту молодежь, что придерживалась этого стиля, называли «стилягами». Они выделяли себя броской одеждой, как бы декларируя: прочь усреднение, к черту скромность, простоту и чувство меры! Они носили брюки-дудочки, свободный клетчатый пиджак с широкими плечами, узкий

галстук. Их головы украшали длинные волосы с высоким коком на голове, они носили обувь на высоких платформах.

Тогда мы с Колей почти не общались, так как его никогда не было дома. Все общение сводилось только к коротким телефонным разговорам. И вот однажды на каком-то дне рождения я увидела Колю, одетого, как стилига, а на голове его был начесан кок. В доме гремел джаз с пластинок на рентгеновских пленках. На все мои вопросы он отвечал: «А мне как-то все равно».

Наши родственники не одобряли поведение Коли, а я была обескуражена тем, что он не проявил ко мне никакого интереса. Я в тот момент просто не вписывалась в его мир, но период этот продлился совсем недолго.

После школы он поступил в Московский энергетический институт, выдержав очень большой конкурс. Но первую же сессию не стал сдавать и пошел в армию. Служил в Туркмении, где-то в пустыне. После армии, видимо под давлением родителей, Коля вновь поступил в МЭИ, а потом снова бросил учебу. И только через пять лет он поступил в МГУ, на географический факультет. Мы с ним часто встречались в перерыве между лекциями в МЭИ, где я тоже училась, и это был уже совсем другой человек — не тот стилига из 50-х.

Еще пять лет прошли в Колиных поисках самого себя. Он много путешествует, самообразовывается, круг его интересов фантастически расширяется, дружит со всеми, кто его окружает, несмотря на разные мировоззрения и положения в обществе. Коля упорно движется к главной цели своей жизни — разобраться в перипетиях истории СССР первой половины 20-го века. Донести до современного общества историческую правду. Он много работает в архивах, разыскивает документальные свидетельства людей, участвовавших в тех или иных событиях.

Коля — настоящий популяризатор своих изысканий. Я иногда помогала ему готовить материалы некоторых публикаций. Внимательно следила и старалась читать все, что он издавал, смотрела

и материалы, которые он находил в архивах. Его трудолюбие и целеустремленность меня восхищали. Я вспоминаю наши беседы и с каким огромным удовольствием приезжала к нему, чтобы хоть немного быть сопричастной к его жизни.

Елена Борисовна, Колина мама, всю жизнь была его ангелом-хранителем. Прекрасная хозяйка, хлебосольная и приветливая, она всегда была в центре всех Колиных событий. Родные, друзья и знакомые, которые часто собирались в их доме, любили ее не меньше, чем Колю. Ее доброта и гостеприимство касались каждого, кто приходил в этот дом.

В декабре прошлого года Коля мне сказал, что был на проспекте Сахарова. Я его спросила, зачем он туда ходил, а он ответил: «Я выражал свою гражданскую позицию». Да, он был Гражданином нашей страны. Его гражданская позиция была обусловлена его знаниями истории и анализом всего происходившего и происходящего сейчас.

Эрудит, прекрасный рассказчик и собеседник — Коля объединял вокруг огромное количество людей, с которыми его связывала бескорыстная дружба и профессиональные интересы. Я всегда удивлялась, как один индивидуум может объединять вокруг себя множество людей и вызывать к себе любовь и уважение, не имея ни званий, ни высокопоставленных должностей. Колин мир был широк и разнообразен, а его интересы совпадали со всеми, с кем был дружен.

Он был по-настоящему свободным человеком!

Михаил Сергеевич ПОБОЛЬ (Москва)

Я ЛЮБИЛ СВОЕГО ДЕДА

Я любил своего деда, но общался с ним редко, чаще не выходило. Теперь я об этом жалею, но бывали дни, когда мы с ним сидели вдвоем и, попивая кофе, разговаривали часами. Бывало и такое: в голове мрак и на душе пусто, а приходишь к нему, и

всегда находилась тема, которую мы живо обсуждали. И сразу поднималось настроение. Все хвори куда-то уходили.

Еще был момент один забавный. Когда я только родился, он на своем горбу принес для меня детскую ванну. Как черепашка.

Забавен и тот факт — впрочем, у многих подобное бывает с родными людьми: дедушка видел меня насквозь. Я всегда поражался его подходу, практически, к любой вещи и тому большому вниманию, которое он уделял деталям.

Хорошо помню, как пышно отпраздновали юбилей Елены Борисовны, его мамы, которую он очень любил. Это было грандиозное застолье с обилием вкусной закуски и фирменными блюдами: это вкуснейшая баранья нога и наивкуснейший плов, тоже бараний. Рецепты ему достались от моей покойной бабушки.

Мы с папой жили одно время вместе на проспекте Мира. Я тогда впервые устроился на работу. И мою первую зарплату мы обмывали втроем светлым пивком. На кухне царил постоянный смог, потому что дедушка очень любил покурить сигары или трубку. Нечеловеческое здоровье могло позволить ему без труда выкуривать по несколько пачек в день.

Очень много неплохих мыслей и полезных советов услышал я на этой кухне.

Не будучи обременен ежедневной рутинной — наоборот, будучи от нее свободным, — он никогда не сидел на месте и постоянно чем-то занимался. Он все время общался с людьми, он всегда был занят делом.

Все, что он делал, — было с умом и от души. Сколько приятных моментов он вобрал и отдал в своей жизни — дай, Боже, каждому из нас. И есть на свете человек, для которого Николай Львович бы не просто другом, а лучшим другом! И вы все, его друзья, коллеги и просто те, кого эта новость заставила отодвинуться от рабочего стола, — спасибо вам за то, что вы есть.

Я думаю, что мы достойно проводили Николай Львовича в последний путь. На поминках я, правда, так накидался, что не смог выдать

из себя ни слова. Я очень сильно тогда волновался. Вас было очень много!!! И я вас услышал!

Дед никогда не пытался меня воспитывать или учить жизни, он всегда относился ко мне как к взрослому человеку, а не как к объекту воспитания. Все мои оплошности он списывал на что-то, одному ему известное.

Наверно, его взгляд на жизнь был более философским, чем у многих других. И это еще какая была философия! Он никогда и ни на что не злился. Живя с ним, я ощущал максимальную свободу жизнедеятельности.

Он был на редкость уникальным человеком, и я надеюсь, что мне достались от него хотя бы некоторые из его положительных качеств.

Дед и папа внесли немалый вклад в мое личностное развитие, за что им огромное спасибо. Благодаря им и не желая казаться дураком или невеждой, я давно полюбил читать книжки.

Дед любил поэзию, особо ценил творчество Мандельштама и Бродского. В самые непростые для того дни он распространял стихи Осипа Эмильевича. Он искренне верил в то, что делал, и он очень любил людей.

И пускай его дела могли бы кому-то прийти не по душе — неважно. Главное, что все это происходило от сердца, а не по необходимости.

В студенческие годы у него была халтурка, о которой мало кто тогда знал. Да и сейчас я не уверен наверняка, что стоит об этом писать, но очень хочется. Дед помогал многим будущим студентам поступить в вузы, натаскивая их или даже сдавая за них вступительные экзамены. Я про это написал, потому что уверен, что такое под силу не каждому, а только человеку, который искренне пытался поменять этот мир к лучшему, но с тем багажом, который имел.

Он очень любил слушать джаз. И собрал за жизнь нехилую коллекцию музыки, и, как мне сказал один его друг, там есть на редкость уникальные вещи. Надеюсь, что послушаю это добро с хорошего проигрывателя через ламповый усилитель с большим удовольствием...

Земля тебе пухом, дедуль, и Царство небесное!..

Павел ПОЛЯН, Павел НЕРЛЕР (Москва — Фрайбург)

ГЕРОЙ СВОЕГО ВРЕМЕНИ?³³

В свою подборку я включил три материала. Первый — написанный в 2009 году очерк о зарождении в 1969 году той нашей географической компании, однозначным центром которой был Коля Поболье. Никакая новая Колина «компания» никогда не отменяла и даже не заслоняла предыдущие, но, тем не менее, именно географическая на протяжении сорока последних лет служила костяком его дружеского круга.

Второй материал — это фрагменты воспоминаний и размышлений о Коле.

И, наконец, третий — избранные места из нашей с ним сохранившейся переписки.

I

ЧЕЛОВЕК ИЗ ДРУГОГО МИРА И ТЕСТА³⁴

*И солнца вставали над нами,
Пока я друзей находил...*

В 1969 году я поступил в Московский университет, поступил куда мечтал — на геофак. Призер всяческих олимпиад и корреспондент Захара Загадкина и корабельного кока Антона Камбузова, я и не понимал еще тогда, со сколь замечательной наукой связал свою жизнь. Вся наша прекрасная шероховатая планета калачиком свернулась у моих ног, и никакие силы Кориолиса не могли нарушить ее всемирный покой и глобальную гармонию. Не сра-

³³На фотографии на стр. 213: Н. Поболье и П. Полян. 1970. Архив П. Поляна

³⁴Излучение. Часть 1, фрагмент // Оказалось, что эта бригада — сразу и навсегда. Стенгазета. 2009. 9 ноября. В сету: <http://stengazeta.net/article.html?article=6653>

зу, но мне открылось, что вотчина географа — не Земля как таковая, не глобус и не пространство, а «всего-то навсего» пространственный аспект всего на ней сущего — от мерзлоты до человека.

...В 69-м стояло сказочное лето, но советская власть каникул не любила и чуралась. И чтобы нам, землеведам-новобранцам, ни медом, ни пухом земля наша не показалась (а главное — «чтобы не загордился человек!»), деканат распорядился нами по-свойски — разбил на бригады и разослал по московским стройкам: нате вам, сублимируйте свой триумф, повкальвайте с две-три недели, поузнавайте жизнь, а как узнаете — приходите за своими студенческими. Решительно никому из участников этого странного, за ради райкомовской галочки, начинания — ни пославшему нас сюда поближе к факультету, ни работягам с прорабом, и уж менее всего нам самим — даже и в голову не могло придти, что навязанная нам трудповинность есть нарушение наших священных прав.

Крайне трудно нарушить то, чего нет, а на главное наше право — на молодость — никто и не покушался, все нам было ладушки и трын-трава. На стройке никто не горбатился — ни работяги, ни мы. За работой не гонялись — ни мы, ни они; и, словно понимая это, работа тоже не гонялась за нами. Времени на «потрепаться» было, сколько угодно, — и уже на второй день я принес с собой какую-то книжку, а к концу дня так насобачился, что запросто мог читать на рабочем месте, то есть сидя сверху на «пушке» с раствором. Стороннему наблюдателю это более всего напоминало обуздание необъезженного мустанга: но видели ли вы когда-нибудь ковбоя, читающего при этом книжку?..

Мы обустроивали не всю Россию, а только ее малую часть — Сиреневый бульвар на востоке Москвы! Изредка, бывая там и теперь, пересекая бульвар на троллейбусе или маршрутке, я всегда вскидываю голову направо и смотрю туда, где торчала когда-то фикса «нашего» дома и где стояла наша дощатая бытовка, окруженная пыльной зеленью и пустыми чекушками.

Впрочем, немного были недовольны и мы, в частности, кадровой политикой факультета, направившего в нашу бригаду на Сиреневом так мало девчонок. Было их всего две — и обе Оли: Щипицына и Дубровина. Грациозная худышечка Щипицына смахивала на принцессу из золушек, а Дубровина тянула на фрейлину: выступала павой и на стройку приходила чуть ли не на шпильках — ее мечтой, казалось, было так поставить себя и дело, чтобы, даже и в робе, оставаться в течение всего дня фрейлиной на шпильках.

А оказалось, что эта бригада — сразу и навсегда. Мы и сейчас еще, спустя столько лет, все еще дружим и радуемся друг другу. Наш бригадир — рассудительный и краснощекий Саня Пахомов, отслуживши во флоте, пошел не в океанологи, а в геоморфологи, то есть застрял на земле, шероховатые формы поверхности которой, уродуемые человеком, по-прежнему взыскуют об изучении. На всю жизнь он преподавал мне один важный урок, явно противостоявший среднесоюзному тренду: думай, когда берешься за что-то, но если решился и взялся — то вкалывай, выкладывайся, не филонь.

Заводной и артистичный Саша Ворожейкин если и исповедовал триаду «вкалывай, выкладывайся, не филонь», то только применительно к праздникам. У него был сильный речитативный голос, и был он наш главный гитарист. Репертуар имел традиционный, но каждую почти песню аранжировал в неожиданном ключе: «Что было — то было...», например, он пел как бы устами иностранца, не твердого в русских ударениях и дифтонгах («Чшто быллло — то быллло, и нэт ничшэго!..»). Было очень смешно.

Рассудительный Коля Регент, добрейшая душа, пьянел раньше других и громко требовал от Ворожейкина все новых и новых песен, а от меня частушек (я и впрямь знал их тогда сотни).

Трое наших иногородних — тростиночка Леня Жаров, земляк Анатолия Карпова и Левши, крепьши Олег Михальченко, земляк Дудаева по Тарту, и круглый из себя Алик Багдасарян, земляк всех своих армянских родственников из грузинского Тетри-Цкаро, — органи-

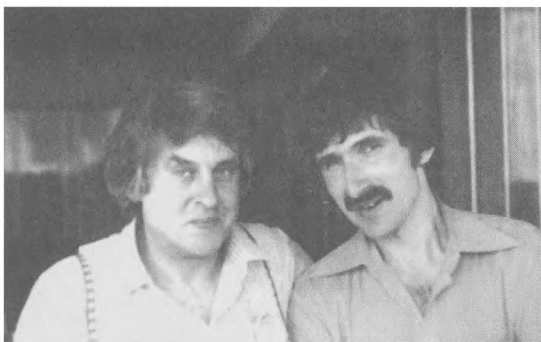
зовали некую ироническую фракцию. «Настоящие географы», так они назывались, были своего рода обэриутами от географии.

Однако к цирку будущей жизни они готовили себя не только потребностью в самоерничестве, но и готовностью «придумать-как-заработать». Скинувшись на швейную машинку, чудо подольских мастеров, они начали тачать один из дефицитов 70-х — мужские трусы и майки, причем не из черного сатина и белого трикотажа, а изо всего, что попадалось на прилавках, главным образом из цветастого ситчика — и чем ярче, тем лучше! Мне на 20-летие «цеховики» подарили роскошную «двойку» из ядовито-синего чуть ли не атласа с золотой бахромой: ясное дело, только для торжественных случаев. Одарив всех друзей, они вышли на внешний рынок и мигом завоевали его — по крайней мере, в масштабах общежития.

Со временем их пути разошлись: Леню и Олега занесло в Тюмень, где первый ударился в писательство и консалтинг губернаторского корпуса, а второй покружил-покружил вокруг нефтяной науки и осел в каком-то невнятном бизнесе, откуда уже почти не подавал голос. Алик же, как настоящий вирменин, временно репатриировался в Ереван, где набирался опыта на каком-то стыке геологии с экономикой и мерз в комнатухе-пенале размером с купе. Одна из его халтур была по своему обэриутству выдающейся: через день на рассвете он скреб и драил горячей водой с шампунем задницу Ленина на главной площади города, иногда, но не каждый раз, прибирая и за голубями, и темечко вождя. С таким практическим опытом было уже не трудно защититься на экономических и зацепиться за столицу. И ни для кого не секрет, что лучшие на сегодня в Москве толма и хачапури именно у тетрицкаровских Багдасарянов.

Позднее прибилась к нам из общежития и Таня Капралова, землячка Циолковского, прибилась настолько, что под новым, с иголочки, именем Таня Регент сходила во власть — порулить всеми миграциями страны, с чем она временами даже справлялась, ибо не вполне еще исключала мысль, что и мигранты люди.

А вот и наша настоящая принцесса и любимица: Ляночка Стеженская — только что из Зурбагана, персонаж из прозы Александра Грина и песен Ноллеллы Матвеевой.

Жизнь («Какой большой ветер!...») изрядно потрепала ее паруса, но так и не порвала. Ни разу галиот ее души не дал течь, и милое выражение подслеповатой улыбки осталось и с годами не выветриваемым.

Ну и, наконец, Коля Поболь — человек просто из другого мира и теста, инопланетянин: старше нас лет на 10–15 и свободней на все 50. Все в нем поражало: плотовик, подводник, полярник, неутомимый курильщик (тогда — четыре пачки в день, сейчас — «всего» три). В мире живописи и в мире поэзии — у себя дома, парсеки всевозможных стихов — наизусть. Был он — идеальный читатель поэзии: с кругозором и системой взглядов, не пропускающими через себя халтуру, с тонко настроенной на чудо стиха ушной раковиной, не допускающей ни фальши, ни пустоты.

Именно он объяснил мне разницу между Мандельштамом и Кирсановым, которого, наряду с Маяковским и Асеевым, я тогда боготворил. Из Асеева я и сейчас помню строчки: «Как я стану твоим поэтом, коммунизма племя, если крашено рыжим цветом, а не красным время?..» А вот из всего Кирсанова остались только экзотические названия, например, вулкан Попокатепетль. Я искренне принимал их всех троих — их лестнично-пролетную графику,

их мастерское жонглирование словами и звуками, в особенностях на рифме, — за высший пилотаж поэзии.

В течение всего нескольких разговоров Коля полностью меня «перевербовал», одновременно перенастроив мое ухо на совсем другие, нежели лесенка и консонансы, критерии. Добился этого он весьма просто — прочтя мне в ответ на Попокатепетль несколько волшебных стихотворений Осипа Эмильича и среди них — «За то, что я руки твои не сумел удержать...»...

2009

II

ЖИЛ ПЕВЧИЙ ДРОЗД, ИЛИ TAKE FIVE³⁵

*Греки сбондили Алену
По волнам.
Ну а мне — соленой пеной
По губам...*

Край видите?

В этой книге явно не будет недостатка в рассказах о том, как приятно было с Колей выпить и закусить.

Добавлю к ним несколько красок и от себя. Это было и впрямь приятно, очень приятно — и даже насущно.

В наше доброе студенческое время Колиным опознавательным знаком был огромный желтый портфель, в недрах которого, в различных его отсеках, хранился истинно джентльменский набор: зубная щетка, пара стопок или рюмок из толстого стекла («правильная посуда»), перочин-

³⁵ На фотографии на стр. 228: Н. Поголь и М.П. Полян играют в шахматы. Фрайбург, 2011. Фото П.Поляна.

ный нож. Портфели иногда менялись, единицей измерения их емкости служило число бутылок, которые вертикально, без риска разбиться, в них помещались.

Однажды я стал свидетелем поразительного события, которое могло произойти только с Колей и только в пору горбачевских антиалкогольных гонений. По дороге ко мне Коля зашел в «Восход» (магазин напротив) и занял там очередь в винный отдел. Через час он вернулся из магазина с полной сумкой и еще с одной бутылкой водки в руке, протянутой строго вперед — как если бы это был штык на винтовке. Оказалось, что в боку (а при таком положении — сверху) бутылки зияла пробоина удивительной формы — почти овальная! Бутылка выпала из моей немного дырявой сумки, в которой Коля ее нес как-то плашмя, но она не разбилась вдребезги! Каким-то чудом Коля молниеносно поднырнул под нее, перевернул пробоиной вверх — и так и принес домой, почти ничего не расплескав!..

Саму бутылку я долго хранил как реликвию, но, увы, она пала жертвой одного из косметических ремонтов кухни.

И моя мама любила угощать Колю. Однажды она выставила на стол крошечные рюмочки, причем предназначались они ею для вина. Рюмки были такие маленькие, что Коля не выдержал и сказал: «Белла Марковна, ну где вы такие наперстки берете?»

Мама поняла, поставила уже фужеры, но бутылку с вином не выпускала из рук. И спросила: «Коля, сколько тебе наливать?» На что тот улыбнулся, коронно закашлялся и сказал: «Белла Марковна, край видите?»

Одним из любимых Колиных изречений была клинописная шумерская фраза: «В блаженном настроении пьется пиво, с радостью в сердце и счастьем в печени». Он так обрадовался, встретив одиночественника на расстоянии в 50 с лишним веков!

Колино отношение к пирам — и к еде, и к питью, и к разговорам — всегда было немного чувственным.

Но разницу между праздниками и буднями он тоже читил. Дома, для себя, готовил по скромному минимуму — пельмени, сосиски, иногда супчики: природная лень с легкостью брала верх над природным же гурманством.

Впрочем, угощения, пиры, были из тех немногих «дел», относительно которых ему не приходилось преодолевать никаких внутренних барьеров. Шел на рынок, закупался, готовил, накрывал на стол, мыл посуду (последнее — неохотнее всего). Но никогда не отказывался от помощи — и почти всегда помощь получал.

Гуляем с Колей в одном из городских парков Фрайбурга вдоль берега пруда, на глади которого мирными зигзагами резвились непуганые лебеди и утки. Показывая на стайку уток с перламутровым оперением, Соня спросила Колю: «Правда красивые?..» А тот облизнулся и сказал: «Вкусные!»

Ближе к старости, став более оседлым, Коля заэстетничал и стал коллекционировать и пользоваться рюмки-сапожки и прочие изыски.

Мой учитель и читатель

На протяжении долгих лет я благодарно называю Поболя своим учителем. Наряду с очень немногими другими встреченными по жизни людьми — географом Маергойзом и поэтом Штейнбергом.

Он же всегда был моим первым и главным — внимательным и строгим — читателем.

О том, как Коля со «своим» Мандельштамом положил меня на лопатки с «моими» Кирсановым и Маяковским, я уже писал³⁶. С тех пор благодарно замаливаю свой «грех» в меру сил. А уж Мандельштамом Коля был обеспечен впоследствии всегда и во всех видах. В своем дневнике за 25 января 1981 года нашел такую запись о полученном от Коли письме: *«Поболь <...> сидит (не сидит) в Якутии и читает Мандельштама, что я ему дал (“дорожного”). Писал вчера письма — Коле послал вырезку из “Литературной Газеты”»*

³⁶ См. на стр. 213-214.

Однажды Коля здорово поддержал меня в одной сложнейшей ситуации. С 1979 года я готовил книгу мандельштамовской прозы «Слово и культура». Относительно ее композиции у меня шла тяжелая борьба на два фронта. С одной стороны, с советским издательством, отстаивавшим свои охранительские представления (тут моим союзником был редактор Лев Шубин), а с другой — с коллегами, в особенности с Сашей Морозовым, считавшим, что если это — «избранное», то без таких-то и таких-то текстов оно просто непредставимо. И если издательство будет настаивать на «без них» — то лучше вообще ничего не надо издавать.

Я этого радикализма не разделял и считал, что компромисс тут и неизбежен, и возможен: а вот чем ближе его линия пройдет к идеальному составу — тем лучше. Именно в этом направлении я и предполагал действовать.

Вот тогда-то меня и поддержал Коля. В своем дневнике, за 8 января 1980 года, я прочел запись: *«Сегодня ко мне заходил Поголь, и я спросил его об его отношении к политике издания О.М. (Поголь же — типичный читатель, адресат издания). Он сказал так: “Чем больше — тем лучше. А читатель разберется сам” И он прав, по-моему»*

Для меня тогда это был и новый ракурс (читатель как критерий!), и поистине колоссальная экзистенциальная помощь, оказавшаяся к тому же решающей!

Чему же Коля «научил» меня еще?

Ну, например, своеобразному географическому романтизму — этакой любви к пространству и к его преодолению, к путешествиям. Без Колиного менторского или косвенного влияния (плоты, подводный спорт) я бы, вряд ли, подался в спелеологи. Я даже карту себе завел такую же, как он, — с указанием мест, где побывал³⁷.

Самое важное, может быть, — Коля перенастроил меня на оптимизм. Сам он был принципиальным, природным и неистребимым оптимистом! Его девиз: «Все будет хорошо!» Пусть основанный не на подгото-

³⁷ См. на стр. 342-343.

вительной работе, а на Его Величестве «Авось». Этот оптимизм хотя изрядно и прибавлял ему жизни, но перманентному курению, которое этой жизни убавляло, в соперники не годился.

У Коли был тонкий, незлой юмор — импровизационный, ситуативный, без штампов, анекдотов и цитат из «12 стульев» или «Операции Ы».

Помню такую сценку. Собираясь помыть посуду, Коля составил ее в раковину, включил воду, сел и закурил: «Коленька, и что — разве посуда так отмоеется?». Он, затягиваясь: «Павлик, ты недооцениваешь силу текущей воды». Или еще, из его электронного письма: «А долго не отвечал, потому что у меня такой компьютер — он понял мое нежелание работать и перестал работать сам»

Колины подарки

Помню, как в самом начале нашего знакомства Коля «дарил» мне Москву. Он знал что-то свое практически про любое место, но особенно запомнилась в его исполнении Таганка. Мы с ним ходили в театр на Таганке, а перед спектаклем (а может и после) он водил меня по улочкам и переулкам. Останавливались возле каждой церковки и оградки, и про каждую Коля мог что-то рассказать. Сюда же примешивались его коронные байки про то, у кого в доме напротив Коля бывал и что они тогда пили.

Любил Коля «дарить» друг другу друзей и знакомых. Особенно практичным это оказывалось в путешествиях: данные Колей адресок и телефончик нередко оказывались главными палочками-выручалочками в дороге. На память приходят, например, Ашхабад, Красноводск и, конечно, Тбилиси. Дом Мамуки Цецхладзе на Макашвили, 8 стал и моим главным тифлиским адресом на многие десятилетия.

В Колином архиве я нашел собственные стихи, не сохранившиеся в моем, — это «Дружеские ямбы», написанные в Тбилиси в июле 1978 года и посвященные Мамуке и еще одному Колиному «подарку» — Гоги Цааве, жившему буквально у стадиона «Динамо»³⁸.

³⁸ См. на стр. 238-240.

ДРУЖЕСКИЕ ЯМБЫ

1

Мамуке Цецхладзе

Замрите, граждане, ни звука!
Осуществляйте тишину!
Мы слушаем тебя, Мамука, —
Дай направление вину!

Скажи нам тост! Но дай нам право,
твою науку возлюбя,
вот так же мудро и лукаво,
Мамука, выпить за тебя!

2

Гоги Цааве

Где стадионовы отроги, —
сейсмоопасная земля, —
живет наш друг, Цава Гоги,
бровями важно шевеля.

Он всемогущ — ему под силу
помочь и в счастье, и в беде,
арендовать на вечер виллу,
достать фарфоровый биде.

Ему подвластны лед и пламень,
погодой заправляет — он!
И самых белоснежных спален
он безусловный чемпион!

Среди бесценных Колиных подарков — и русская баня. Отчетливо помню свой первый банный поход — в Сандуны и с Колиной компанией. Помню очередь на улице, билеты по полтиннику, все сандуновское «барокко» внутри, а еще и то, что мы не ограничивались парилкой, но и массажировали друг друга на простынях, накинутых на каменные скамьи. Память, конечно, может и подвести, но мне вспоминается, что с нами тогда были Алексашкин и Таруц.

Еще один Колин подарок — джаз: Дэйв Брубек, Дюк, Эллочка, Михелия Джексон. Любимое из любимого: «Take Five» на 5/4, Брубек — Дезмонда — Морелло. Как же я был счастлив увидеть и услышать Брубек и его квартет вживую в 1999 году в Принстоне.

Наш тандем

Когда в середине 1990-х Коля «перешел на оседлость», а я сел в германо-российский шпагат, у нас с ним как-то неожиданно и вдруг, но весьма прочно образовался своего рода историко-литературный тандем.

Я «инвестировал» в него текущие проекты, идеи новых проектов, наработки и профессиональные знакомства, разные проектные ресурсы, а он — время и готовность потратить его часть на совместно согласованные цели и задачи.

Коля не был трудоголиком (сфера его энтузиазма совсем иная), но и записным лодырем он тоже не был. Я знаю, что он ворчал, вздыхал и «жаловался» на меня общим друзьям, тому же Расстригину, например: «Скоро Павлик приедет, а я еще ничего не сделал!..»

Но я знаю, что все это структурировало его жизнь, противостоило его пресловутой «деликатной божественности» и помогало достаточно долго держаться на плаву. И это, пожалуй, главное. Непосредственные же результаты деятельности нашего «тандема» лучше всего видны из Колиной библиографии³⁸.

³⁹ См. на стр. 590-595.

Кстати, у Коли была и индивидуальная мечта — свой собственный, никем извне не инспирированный, проект. Это биография Урванцева — подлинного, а не липового, как Завенягин, открывателя Норильска. Разумеется, репрессированного.

Лег ему на душу этот проект, и я даже раздобыл ему несколько нужных наводок. Но дальше копирования и без того известной и легко доступной информации и заведения для Урванцева особой папки дело у Коли не пошло.

А ведь в молодости, как вспоминают, был он совершенно другим — энергичным, напористым, ведущим, а не ведомым. Петр Жакович Крисс, начальник отдела, в котором Коля работал в ОКБ МЭИ, аттестовал его инициативным и бойким товарищем, работавшим и руками, и головой, которому все можно было поручить. Колин товарищ по сплаву на плотях Таруц, когда я спросил его о Колином амплуа в их плотовой команде, ответил: заводила, генератор идей, «штатный оптимист» и этакая «батарейка»! Колин товарищ по сплаву на плотях Таруц, когда я спросил его о Колином амплуа в их плотовой команде, ответил: заводила, генератор идей, «штатный оптимист» и этакая «батарейка»!

Собрание сочинений

Из материалов этой книги я с изумлением узнал, что Коля, может быть, в 60-е подрабатывал еще и переводами туркменской поэзии, благо, у его тестя — классика туркменской прозы Беки Сейтакова — несомненно, была возможность раздобыть для зятя подстрочники. Сомневаюсь, правда, в том, что Коля ею воспользовался — мне он об этом никогда не говорил.

Писание собственных стихов тоже вполне можно было себе представить, как и то, в каком жанровом направлении этот процесс протекал: шутки, хохмы да эпиграммы.

Большого ему не разрешил бы его строгий, выработавшийся за годы вкус. Ну не конкурировать же с Мандельштамом?

Кстати, читая или слушая иную мандельштамоведческую дребедень, Коля умел выразить свое неприятие таким, например, образом: «Зато какие там прекрасные в середине цитаты!»

К 19 мая 2004 года, на Колино 65-летие, мы с Соней и Илюшей собрали все Колины публикации, вышедшие к тому времени, и преподнесли ему машинописное, в одном экземпляре, «Собрание сочинений». Разбирая Колин архив, я наткнулся и на него.

ПОБОЛЬ Николай Львович. Избранные труды в 3-х тт. Т 1. Труды в области географии, истории и филологии / Редакторы-составители: П. Нерлер, И. Полян, П. Полян, С. Цеханская. Москва: «19 мая», 2004. 55. На «обороте титула» стояло: «В том же издательстве готовится: Т.2. Труды в области ихтиологии; Т.3. Трудовая книжка.»

Свои рассказы о браконьерах и о разных вкусных рыбах («том 2») Коля бумаге так и не предал (в архиве, правда, отыскался незавершенный эскиз об экспедиции 1982 года), а вот его «Трудовая книжка» попала в эту книгу целиком — это, наверное, первая публикация одной из многих миллионов советских трудовых книжек.

Богема и философия неограниченного разнообразия

«Откуда он такой взялся?» — спрашивал себя Коля про Сашку Васильева. А откуда взялся он сам?

Перечитывая Пушкина, и даже не стихи, а письма, Коля выписал себе в телефонную книжку одну цитату, перекликающуюся с шумерской. Это из письма Дельвигу от 23 марта 1821 года: *«Самого лучшего состояния нет на свете, но разнообразие спасительно для души».*

И это не случайно. Ибо идея привлекательности человеческого разнообразия, широты и даже случайности контактов была ему не чужда. Обратная же ее сторона — экстенсивность, поверхностность человеческих отношений, ослабленная человеческая гравитация — во внимание не принималась.

Соответствующую «философию» Коля не сам разрабатывал, но он ее воспринял и ею, отчасти, руководствовался

ся. И есть, признаем, у богемы свое особое обаяние — пикантное обаяние безответственности.

Одним из королей московского андеграунда и тотальной, засасывающей богемности был никто иной как Сашка Васильев — Колин школьный друг⁴⁰. У самого Коли хватило сил и интуиции для того, чтобы, обзаведясь яковлевскими «цветками» и не теряя Сашку, не дать себя засосать в его новые «миры» — миры фарцовки, упития до чертиков и фенамина.

Леня Жаров нашел неплохое слово для Колиной богемности: «деликатная». По сравнению с васильевской, она и впрямь была чуть ли не детским лепетом.

В молодости такая жизнь была хотя бы средством эпатажа и общественного — как минимум внутрисемейного — протеста. Коля был «против» людей, которые, как его отец, никогда не опаздывают (правда, сам он был терпим к чужим опозданиям).

В зрелости это могло бы пройти и само по себе: эпатировать стало уже некого и незачем. Но не прошло и осталось привычкой, осталось «деликатной богемностью».

Осталось, чтобы разрушать своего носителя — выпивкой и курением, а главное — неким облегченным отношением к реалиям жизни, жизнью-лайт.

В Колиной философии было место и для светловского тезиса: «Без полезного я обойдусь, а вот без вредного никак не смогу». Коля его часто и охотно цитировал. И до самого последнего дня он прожил по-своему — с «вредным» наперевес⁴¹. Курил жадно и как-то на автопилоте, прикуривая новые сигареты одну за другой от догорающих. На призывы охолонить с курением отшучивался: мол, может произойти «кислородное отравление»!

⁴⁰ Про Сашку Васильева. М.: Пробел, 2012.

⁴¹ Это под самый конец он перешел с четырех пачек на одну и с «Союз-Аполлона» на «Сател». Курил даже в больнице — украдкой!

Человек-одеяло

Человек-магнит, человек-солнышко, человек-камертон, человек-весна, человек-открытие, человек-гора, — такими эпитетами Коля награжден на этих страницах. Думаю, что самый точный эпитет — тарановский: он сказал на панихиде, что Коля был одеялом, накрывавшим и согревавшим практически всех, кто к нему приближался! Залогом этого была его врожденная порядочность: прививка от подлости и пошлости, свобода от злобных помыслов и интриганства.

Поболь был душой, но даже не компании и не общества, — он был душой самого общения!

Но у общения при этом были разные уровни и разные, если хотите, этажи.

Во-первых, он был виртуозом общения самого поверхностного, рассчитанного на одну или несколько встреч, с кем угодно — от таджика-рабочего до академика-филолога.

Иной раз такое общение бывало довольно бессмысленным, иногда даже вредным. Так, в 1998 году у него несколько месяцев прожил некий американский негр по имени Папс, выдававший себя за журналиста, бежавшего из Чечни. Этот гость отблагодарил Колю тем, что одолжил у него на дороге и не вернул.

Во-вторых, был Коля и гроссмейстером общения с кругом своих старых друзей — тех, что, в основном, и собирались у него 19 мая. Оно уже не было таким поверхностным и опиралось на свод известных ему (им же и установленных!) традиций. Среди чтившихся дат — дни рождения и дни смерти двух покойных друзей молодости — Васильева и Савельева. Традиционными были и встречи Нового Года, начинавшиеся у Алены Тарановой и заканчивавшиеся у Таранова Андрея.

А вот по части самого трудного и тонкого общения — с доверительными, по душам, разговорами, с признаниями и советами, с ответственностью за произнесенные слова и вытекающие из них поступки, — Коля гроссмейстером не

был. Но это требовалось так редко, что никто этого и не замечал.

Алик Багдасарян очень точно заметил на панихиде: Коля был стольким многим и столь разным (!) людям не просто другом, а именно лучшим другом! Таким же был он и для меня...

Но все-таки возникает вопрос о градациях дружеских отношений. И об их эволюции. Хорошо, Коля был для нас наш самый близкий друг. А кто ему были все мы? Друзья? Приятели? Знакомые? Собеседники? Сотрапезники? Событьельники? Ведь это же не одно и то же!

В 2011 году мы с Колей готовили очередной мандельштамовский календарь — последний, который делали вместе, — «Друзья поэта». И это непосредственно Коле адресованы мои размышления в преамбуле:

«Но с годами отношение Мандельштама к дружбе и к друзьям менялось.

В зрелости ему был глубоко чужд тот постмодернистский подход, что низводил дружбу до средства лоббирования и оказания взаимных «услуг» в сочетании с безответственным событьельничеством.

Мандельштам же искал собеседников и не чурался ответственности. В дружбе он ценил, прежде всего, тот твердый сплав доверия, искренности, щедрости и благодарности, что делает невозможными предательство или подлость («не расстреливал несчастных по темницам»), но особенно — ту обоюдную душевную предрасположенность, своего рода сердечное западание, чей импульс и толкает людей друг к другу. Это роднит дружбу с влюбленностью и даже с любовью, но без эротики».

Сорок лет никто и никогда не пытался нас с Колей посорить. Казалось, что это просто невозможно! Ан нет. Наличие таких попыток, порожденных внешней болезненной энергией, — мое главное переживаний последних двух лет. У нас стали возникать проблемы, доставлявшие каждому немало огорчений. Поговорить с Колей по ду-

шам на серьезные, большие и ранящие темы в последние годы стало совсем невозможно. Он на все махнул рукой и ловко прятался за свои шуточки. И только наши проекты не слишком пострадали — медленнее, чем обычно, но двигались.

О любви

«Семейная жизнь — не для Поболя, а сам Поболь — не для семейной жизни» — звучит во многих воспоминаниях. Хотя бы и так, но все же он был дважды женат, и были дети.

Кажется, что эпитафией к Колиному отношению к женщинам мог бы послужить романтический куплет анчаровской песни, часто звучавшей в нашей компании:

В каждом жил с ветерком повенчаный
Непоседливый человек...
Нас без слез покидали женщины
И забыть не могли вовек!..

Непоседливость, с ветерком повенчанность — ну до чего же хорошо! Как это замечательно для начала отношений — и как же этого мало для их продолжения! Прячущаяся за ними ненадежность не видна, оттого и расставание без слез — как неизбежная и органическая часть программы. Иной, кроме расставания, перспективы тут, увы, не заложено.

В этом вопросе Коля поступился даже толикой своей строгой эстетики. Он не переносил манерность или пошлость, отчего Северянину и даже Есенину трудно было пробиться на его внутренний поэтический пьедестал. А вместе с тем на него пробился жалкий есенинский эпигонишко Вадим Шершеневич с одним стихотворением, которое Коля, к моему изумлению, знал наизусть и вспоминал особенно часто:

Другим надо славы, серебряных ложечек,
Другим стоит много слез,—
А мне бы только любви немножечко
Да десятка два папирос.
А мне бы только любви вот столечко
Без истерик, без клятв, без тревог.
Чтоб мог как-то просто какую-то Олечку
Обсосать с головы до ног...

Усеченность этой программы — «без истерик, без клятв, без тревог» — не могла не бросаться в глаза, но именно она, да еще в сочетании с пачкой сигарет, и делала ее для Коли всерьез, а не в шутку привлекательной. Если для отношений-лайт это еще как-то срабатывало, то для отношений подлинных и глубоких — уже нет. И этот ветерок безответственности оборачивался бумерангом, от которого уже не увернуться. Вот отчего самые глубокие Колины «романы» — кончались для него поражениями. Слишком уж «верен» он оставался своим «ветерку» и «десяткам двум папирос».

Жил Певчий дрозд

«Жил певчий дрозд» — помните этот гениальный фильм Отара Иоселиани?⁴² На работу — а главный герой работал в большом оркестре! — Гия попевал только в последнюю секунду. Ударял в свои литавры — улыбался виновато — и убегал. Дома его уже ждала разложенная нотная бумага — он был композитором и слышал в себе иногда гениальную музыку. Но он шел не домой, а, например, к другу-часовщику, сидел около него часами, трепался, молчал — общался, как мог. Часовщик что-то ему отвечал, но сам при этом все время работал. Гия же подходил к стенке и забивал в нее гвоздь, на который часовщик потом много лет вешал свою необъятную

⁴² Снят на киностудии «Грузия-фильм» 1970 г.

кепку. А сам Гия, он же Певчий Дрозд, выходил, наконец, из мастерской и шел себе, не глядя по сторонам и насвистывая что-то, просившееся на нотные листы, — пока не попал под машину. Часовщик же, вернувшись с его похорон, посмотрел на вбитый им гвоздь — и, глубоко вздохнув, повесил на него кепку.

Коля «под машину», слава богу, не попал, но и разложенных на

столу нот у него тоже не было. Зато таких «гвоздей» от Коли у каждого из нас множество. И, похоже, даже у тех, кто Колю и видел — то всего один

раз. У меня на кухне — целая семейка «его» пепельниц-ежиков, а в комнате — починенная им люстра. Коля никогда не жалел времени на то, чтобы выполнить какие-то малосущественные, на первый взгляд, просьбы или даже капризы. Моему отцу он купил, по его просьбе, шахматы, и именно они скрасили последние годы отцовской жизни. Коля еще успел сыграть с Марком Павловичем партейку, когда заезжал во Фрайбург в последний раз летом 2011-го.

Колина память и Колин календарь

Коля помнил наизусть отнюдь не только стихи. Он помнил и дни рождения едва ли не всех своих знакомых «первого круга», причем не только их, но и их родителей и их детей, хотя бы и маленьких. И не только помнил, но еще и

звонил соответствующим людям в соответствующие дни!
Всегда!

И всегда ходил на могилы своих первых друзей — Савельева и Васильева.

А в домобильниковое время он помнил еще и чуть ли не все телефоны из своей записной книжки!..

Помимо Мандельштама Коля наизусть знал, например, и «всего» Охрименко. Он очень любил одну охрименковскую песню — «Абдул Гамид». Слуха у Коли не было, но эту песню он пел с большим энтузиазмом и, по его словам, примерно раз в год, для чего требовались соответствующий моменту градус подпития и особый аккомпанемент. Он брал в руки гитару, прижимал ее струнами к животу, а сам выхлопывал что-то наподобие ритма по деревянному корпусу:

Абдул Гамид был малый бравый,
Ему Аллах,
Ему Аллах здоровье дал,
Он мусульманские державы
В свои гаре-,
В свои гаремы превращал.

Какой там суверенитет!
В гарем хотел он превратить
Весь белый свет!..

И в том же духе еще куплетов 15. Песня казалась нескончаемой, но Коля знал ее целиком. И если подлинно пелось, то допевал ее до конца, под конец раскачиваясь, как шаман. За 45 лет знакомства и дружбы слышал я эту песню раза четыре или пять, лучшее исполнение — на дне рождения у Жени Пермякова.

Колин «организм»

В подарок от родителей Коля получил поистине выдающееся здоровье. Расшатать его ему очень долго не удавалось. «Ор-

ганизм знает что делает», — говорил он, нанося ему очередную порцию вреда.

Добавлю сюда авантюренность, то есть готовность идти в предприятия с риском, с неизвестным исходом. Для этого требовалось известное бесстрашие, и оно у Коли всегда наличествовало.

Незабываема наша с ним поездка в Дубровку — со мною, совершенно неопытным еще водителем, за рулем. Я впервые выехал за Кольцевую — и был в растерянности. А Коля спокойно сидел справа у окошка, курил, шутил и подбадривал меня.

Зимой 2011 года Коля несколько спонтанно съездил в Китай — намерзся там и вернулся совсем разбитым. Мне удалось уговорить его пойти со мной, Аликком и Семеном в Поликлинику Академии наук и пройти там диспансеризацию. Колины хождения туда в одиночку растянулись на целый год.

Будучи предоставлен самому себе, Коля бесконечно опаздывал на приемы и «не успевал» своевременно сдать анализы. Про самый последний визит за диагнозом не хотел ничего рассказывать. Не исключено, что правду о своих болячках он узнал еще тогда, но осознанно решил ничего в своей жизни не менять! Он паршиво чувствовал себя последнюю пару лет, но к врачам практически не ходил, потому что боялся («придумают еще чего-нибудь!»). А если ходил, то уклонялся от диагнозов.

В начале января 2013 года у него был не замеченный вовремя микроинсульт (похоже, осенью 2012, когда он улетал в Штаты, — был еще один). Ну и воспаление легких, которое он не лечил год или больше.

Последние два раза я видел Колю 27 декабря — на Мандельштамовской лекции в Историчке и у памятника Мандельштаму — и 29 декабря — в Селезневской бане. Когда он лежал в больнице, я несколько раз говорил с ним по телефону из

Фрайбурга. В последний раз я позвонил 27 января, но трубку взял уже Алик: «Коля скончался. Полчаса тому назад».

...Коля умер от тромба в легких. Эта мгновенная смерть — суший подарок по сравнению со ставшими для него возможными альтернативами. Колин «организм» как бы сделал свое самое распоследнее усилие — и увильнул от этих «альтернатив», увернулся от страданий.

Ломик над могилой

Даже самой своей смертью, может быть, не надолго и в самый последний раз — Коля объединил множество пришедших на панихиду людей (многих привела «Новая газета», поместившая накануне некролог).

Иные, с вечно надутыми щеками или губами, даже чуточку изменили свое отношение к Коле и повысили ему свой «рейтинг», никому уже не интересный. При жизни оценить все не получалось.

На кладбище произошел характерный эпизод. Рабочие (их было шестеро) не стали чистить для себя дорожку в снегу и, проваливаясь в снежную целину, пронесли Колин гроб буквально по воздуху. Прямо у могилы один из них приготовился принимать гроб, а остальные пятеро — подавать его через ограду. С большим трудом, царапая обернутое в синюю ткань днище наконечниками, они перевалили гроб принимающему.

И что же сделал он? Перебросил через могилу скользкий и весь обмерзший ломик наискосок, правой ногой уперся в гору насыпанной и еще не смерзшейся земли, а левой просто встал на этот ломик! В цирке этому номеру присвоили бы высшую категорию сложности — оркестр бы замолк, уступая воздух барабанной дробы...

И ничего — не поскользнулся, не упал!

«Авось» и тут не подвел.

III

ИЗ ПЕРЕПИСКИ

Собирая этот сборник, я многих спрашивал, не сохранились ли у них Колины письма? Оказалось, что писем нет практически ни у кого. Так что полученным мной в 1986 году одним-единственным письмом от Коли можно чуть ли не гордиться! Самих писем было, может быть, и больше — но факт остается фактом: Коля писал крайне неохотно, очень редко и чрезвычайно скупо.

Зато получать письма любил — что особенно естественно для жизни на таком удалении от Москвы, как Диксон, Среднеколымск или Охотск. Полученные письма он не выбрасывал, а собирал и хранил. В его архиве — множество писем от, наверное, сотен корреспондентов, утрамбованных в несколько толстых папок.

Среди них и мои, написанные в интервале между 1973-м (когда мы еще учились в университете!) и 1992 гг.

Ниже прилагаю «избранные места» из нашей с Колей переписки. Отбор фрагментов осуществлен по критериям «поболецентризма».

П.П.

<1>

5 августа 1973 г., из Сибири в Москву:

Поболь! <...> Я тебе обязан стольким, скольким я ни одному из друзей не обязан. Ты заразил меня тысячью болезней, болеть которыми мне радостно и счастливо.

Разными «недугами» я болен в разной степени, но иные из них давно перешагнули через «твое», разрослись, раздулись, и я уже «заражаю» сам.

<...> Было время, когда половина, а может быть 2/3 меня, моего мировоззрения, были — твоими, и причем из этого числа — больше половины, и это не так мало, не слепо, а осознанно. И я, наверно, должен благодарить тебя за каждую, каждую твою щедрость ко мне. Ты открыл мне массу красивого и даже прекрасного — и там,

где я искал, но не находил, и там, где я не искал, и там, где и не думал, не пытался искать! Спасибо тебе. <...> Я сменил свой экстенсивный жизненный путь на интенсивный — твоего образца. <...> К двум людям, с кем меня сталкивала жизнь, к тебе и Маергойзу, к каждому по-разному, — я мог бы применить великое слово — учитель <...>

ПП7⁴⁴.

<2>

Конец марта 1974 г., в Москву:

Здравствуй, Пობоль! Пишу тебе письмо. Не знаю, что из этого получится.

Вопросов никаких не задаю (как дела? как сам? как погода? и т.д.), ибо они требуют ответов, а отвечать ты не будешь. Ты любишь письма — получать. <...>

Ты ведь так всеяден, ты любишь, когда тебя любят, и хочешь, чтобы тебя любили все — вплоть до Красильниковой.

<...> У меня сейчас, Пობоль, идет крупная уборка, переоценка ценностей. <...> Излечиваюсь от всеядности, которую подцепил от тебя. <...>

<3>

2 июня 1974 г., в Москву из Москвы, открытка:

Поскольку мера внимания, уделяемая нам Вами, не поддается рассмотрению без лупы или бинокля, то мы, предваряя опоздание Ваше, спешим предупредить Вас <...> о всенародном празднике 1500-й пивной этикетки⁴⁴, имеющим место быть Июля 7-го числа сего года в известном Вам месте. Сим кончаем, ПП7.

<4>

1975, из Москвы в Красноярский край, о-в Диксон, экспедиция

123:

<...> Очень обрадовался твоему письму. Стало быть — Диксон и безработица? До каких пор? Спрашиваю еще и потому, что хочу

⁴³Характерная подпись автора, составленная из его инициалов и любимой цифры «7».

⁴⁴Автор — с помощью друзей и знакомых — собирал пивные этикетки. По поводу каждой 500-й этикетки автор устраивал у себя, в родительской квартире на Ленинском проспекте, шумные пивные праздники.

в скором времени выслать тебе (против скуки) избранные труды «ВАКа» по специальности «матерные и нематерные частушки»⁴⁵ Так по какому адресу слать? Какое твое расписание, если оно есть? <...>

<5>

*21 сентября 1977 г., из Тбилиси в Якутскую АССР, аэропорт
Черский, экспедиция 123:*

Поболь, привет! Барев, Коля-джан! Вонц ес? Как дела?

Только что сдул пыль с твоего плана Тбилиси, — следовательно, ты догадлив, я уже не в Армении. Которой доволен остался до крайности — людьми, встречами, архитектурой, природой — всем, что обогащает нутро, так сказать. Особенно людьми — я и не подозревал о возможности такого массового радушия.

<...> В общем, в Армении покрывлся впечатлениями, как загаром, — рубашку на душу не надевал. <...> Ответа от тебя не дождешься (даже если б ты был в Москве), поэтому вопросов не задаю <...> ПП7.

<6>

22 октября 1980 г., из Москвы в Якутск, Б. Марха, Интернациональная ул., 4, ОКЭ № 265. Номер газеты «За автомобильно-дорожные кадры». 1980. 3 октября. На с. 4. «Литературная страница» со стихами П. Нерлера. На полях — приписка:

Коленька, привет! А где же твое письмо? Мое — вот! 22.X.80. ПП7.

P.S. Соски из ГДР Вале переслал.

<7>

*1 января 1981 г., из Москвы в Якутск, Б. Марха,
Интернациональная ул., 4, ОКЭ № 265:*

Дорогой мой Поболь, дружище, — привет и с Новым Годом тебя! Старый был ужасен, супервисокосен, и ну его к ляду. <...>

(Кстати, для полноты представления об ушедшем годе: в самом

⁴⁵Имеются в виду «303 частушки про любовь» — машинописная версия частушечной коллекции автора. Под ВАКом (от «Высшей аттестационной комиссии») подразумевались своеобразные вечера распевания частушек, при которых слушатели проставляли каждой частушке оценку по пятибалльной шкале. Такие вечера состоялись дважды, с разным составом «ВАКа», и оба раза в победителях оказывалась одна и та же частушка: «Меня мама родила / Синего, утрюмого. / Поглядела, повертела / И обратно сунула».

его конце умерла Надежда Яковлевна и выкинули книгу О.М. из плана выпуска на 81-й год). Но дел все равно много, помимо огорчений, и надо их делать, надо держать форму и проч.

Мне кажется, что и тебе тоскливо в твоей золотоносной тундре. Был бы рад ошибиться — впрочем. Ты там не сопьешься, Поболь, а? <...>

<8>

25 января 1981 г., из Москвы в Якутск, Б. Марха,

Интернациональная ул., 4, ОКЭ № 265:

Колюня, привет! Получил твое письмо. Эх ты расписался — видать и впрямь делать нечего и пива нет. Меня твое письмо страшно обрадовало — еще большая редкость, чем ты сам. <...> «Писать нечего — одна география»? Северное сияние? Взял бы и написал про это про все — ведь я, может, и не увижу никогда. Впрочем, и про мясо и фрукты. Интересно же.

<...> Настроение паршивое, но бодрое. Приехал бы — выпили, а? Поговорили бы, а? Черт тебя так далеко носит! Целую. Будь здоров. ПП7. <...>

<9>

11 мая 1981 г., из Москвы в Якутск:

Колюня, привет! Как же ты меня порадовал своим письмом — самим по себе — и как же огорчил — тем, что написал! Давненько я не читал (не слышал, не видел) такого грустного Поболя! Что с тобой, дружище?

Ну да ладно — обойдется, да? Во всяком случае _я тебе этого желаю — ото всей души, тем паче и день твоего пионерского рождения на носу! Поздравляю и желаю — не болеть, не стареть, не спиваться (это ж надо — пиво якутское ему не по душе!)

<...> Почему я тебе мало пишу? Теряюсь перед горами, кипами, пачками твоих писем — все думаю, с чего же начать свои ответствования. Скорей бы, Поболь, осень — ты вернешься, деток по головке погладишь, со мной бутылочку

разопьешь, на работу путевую устроишься, ага? А то грустно как-то, ей-ей! <...> ПП7

<10>

23-24 августа 1981 г., из Кабардино-Балкарии в Якутск:

Поляна у р. Кендже под Нальчиком.

Здравствуй, Поболь, здравствуй, дружище! Экий ты негодяй. Не обучен он писать, грамоты не знает, буквы помнит не все — да ты же просто лентяй! Это твердое мое убеждение, если не сказать, — позиция! Доказательством тому — твое письмо, написанное тобой же или продиктованное тобой кому-то с твоим почерком.

Лето и весна, описанные тобой по-мужски скупно, меня восхищают, и я, в этом году, стараюсь не очень от тебя отставать, хотя вездеходов и не имею. <...> А когда ты, ленивый негодяй, доберешься со своим северным загаром-сиянием и щетиной до Москвы, а? Когда? Когда!!!

<...> В Грузии меня поразило (неприятно) широкое цветение их национализма. Это, с одной стороны, и хорошо, т.к. меньше остается фальши, но все-таки фальшь остается, — только ты теперь знаешь, что все это липа и маска, и от этого очень грустно. Но есть, конечно, в Тбилиси люди, кого это не коснулось никак — Нита Табидзе, например, дочь Тициана. В этот раз дважды виделся с Параджановым, но это человек вообще других измерений, обыкновенный живой гений — подумаешь!

<...> Обнимаю тебя, целую щетину, очень тебя люблю и скучаю. Жду письма и жду самого — ПП7.

<11>

31 мая 1982 г., из Москвы в Якутскую АССР, Среднеколымск,
Заречная 1, ОКЭ 265:

Дорогой мой дружище, Поболь ты мой разлюбезный!

Если б ты знал, как же я по тебе соскучился и как мне тебя, черт тебя подери, недостает — не конкретно для чего-то недостает, а вообще! И не писал я тебе потому долго, что не знал куда писать, не знал, что с собой, а ты, засранец, ни гу-гу! Я раз даже не выдер-

жал и наугад заезжал к твоей Валентине и даже гулял какое-то время с дочерью твоей, чего и тебе желаю.

Что ж ты, дружок, так запропал, а? Ведь под Новый Год обещал быть? Что ж слова не держишь своего? <...> Что у тебя там случилось, что ты застрял? Золото нашел? Влюбился?

<12>

*3 августа 1985 г., из Москвы в Якутскую АССР, Охотск-2,
Хабаровская ул., 34, база МГУ:*

Колюнь, привет! Порадовал ты меня своим письмом.

Насколько же, действительно, тебе там нечего делать, если ты вот сел и накатал такое пространное и философское произведение, как небезызвестное специалистам письмо Н. Л. ПОБОЛЯ — П. М. ПОЛЯНУ (автограф, черный шарик — письмо не датировано; дата по штемпелю: 29.07.85. На конверте: Памятный знак воинам 8-й Краснопресненской дивизии в Москве). Короче, поздравляю с долгожданной синекурой, да еще в столь безопасном удалении от Нукуса и Чонгарского бульвара и др. сейсмоопасных мест. Хватает ли тебе на кино? Все ж таки каждый день. Надеюсь, что в кино ты ходишь в свободное время, т.е. до 14.00.

<...> Вадим дал мне экземпляр книги Акимыча «Вечный возраст» — стихи для «Сов. писа». Надо будет потом делать полного Акимыча (кстати, на Эдиковой пленке есть стихи, у Наташи не сохранившиеся!). Займусь этим в сентябре. Наташе я только что написал открытку с просьбой положить от нас по цветочку и с клятвенным нашим с тобой обещанием выпить 7-го числа в 20.00 по-московскому, помянуть Акимыча.

<13>

10 августа 1985 г., из Москвы в Охотск:

Итак, ты в Охотске, дружище! Вот и славно — все художественно устроилось — и примерно по твоей воле. И в добрый

час.<...> Как ты? Что у тебя? Напиши мне пару слов, черт ленивый <...> Не пропадай. ПП7.

<14>

10 августа 1986 г., из Москвы и Новгородской области в Охотск,

открытка:

Колюнь, привет! Как ты и что ты, что молчишь? Как устроишься — как живется, работается? Пахомычу привет.

<...> Коля! 7/VIII выпьем в память об Арк. Акимовиче!

<15>

Август 1986 г., Н.Л. Пობоль, из Охотска в Москву:

Здравствуй, Павлик!

Поздравляю тебя с днем рожденья и обещаю выпить в этот день рюмочку в абсолютно сухом Охотске. За Акимыча я тоже, естественно, выпил, хотя для этого пришлось провести обыск у всех потенциальных самогонщиков Охотска. Не пишу, потому что вообще не пишу. Это мое первое письмо из Охотска!

Скоро, через месяц с небольшим, увидимся. А пока должен сказать, это лето мое самое лучшее лето и уж наверняка последнее прекрасное лето. И уж, конечно, в том, что лето прекрасное, МГУ не виновато.

Целую! Всем большой привет! НП.

<16>

Август 1987 г., из Тбилиси в Охотск:

Дорогой Коля-Колюня, Николай Львович! Угадай, напротив кого я сижу? Даю тебе две минуты на размышления, а пока несколько наводящих сведений. Я уже 1,5 недели возле Тбилиси (в Марткопи), живу — работаю — езжу в город. <...> Итак, ты, конечно же догадался, что напротив меня сидит —

«Привет, Коля! Приехал Павлик и передал мне твой привет и настоял, чтобы мы с ним вместе написали тебе это письмо. Конечно, я рад был тебя приветствовать, но писать нет сил, жарко очень, да и у тебя там, говорят, был пожар, надеюсь, не все сторело! Коля, к нам

собираешься? 25-го хотел полететь в Москву, на серебряную свадьбу Власовых, но застрял у Лии в деревне, Лию и детей отвез к бабушке и не смог вовремя выбраться оттуда. Ты, наверное, совсем забыл об этом событии, так что пожалуйста напиши им и поздравь от моего имени тоже. Потому что не знаю, когда найду в себе силу написать им. Ведь Павлик только о тебе позаботился, а другого Павлика для Власовых где взять? Может, ты мне напишешь и попросишь об этом? Жара, поэтому дурака валяю, видишь!

Бывай! Привет Алене, если она рядом с тобой, а если нет, то все равно пошли ей привет. Мамука⁴⁶ <...>»

<17>

Август 1987 г., из Тбилиси в Охотск:

Милый Поболь, здравствуй! Пишем тебе с ул. Макашвили, 8⁴⁷. По порядку.

«Здравствуй, Коля. Это я — Гоги Цаава! Ну как ты там? Бороду сбрил? Счастливым стал?.. Нашел ли камень преткновения? Если нет — приезжай к нам. У нас почва рыхлая — откопаем. Все остальное — на 2-й странице. Я кончил. А ты? *Гоги Цаава*» <...>

«Коля! (транскрипция: Колъя!!!) Поросенок! Надеюсь, что у тебя все в порядке! Еще что я хотел тебе сказать? В общем так. Мы пьем за твоё здоровье, и ты не забудь про нас. Очень хочется написать что-то о Сережке, но, к сожалению, мне не пришлось его видеть. Приезжай, Поросенок (с большой буквы). Все. *Мамука Цецхладзе*»

«Коля! Я тебя не знаю, не помню. Но я знаю твоих тбилисских друзей — они загубили мою молодость. Если ты тоже из того десятка, то ты не поросенок, ты свинья!

⁴⁶ *Собственноручно!* — Ред.

⁴⁷ *Тогдашний адрес Мамуки Цецхладзе.* — Ред.

Коленька! Количка! Такие, как ты, не должны умирать. Тебя необходимо заспиртовать, чтобы все поколения знали и видели, что даже такие люди рождаются. Спирта я достану. *Тимур-винодел*

Поболь — привет! Все, что я тебе своей рукой только что записал — это тебе от друзей. Мы сидим у Мамуки за столом, кутим, пьем твоё здоровье, шутим. Я, видишь ли, тут всё время записывал, и времени на экспромты у меня не было, поэтому спешу тебе сообщить, что ты не поросенок, а самая настоящая свинья, о чём тебе уже писал Тимур, ибо тебя нет за этим столом. Салат, между прочим, сделал Мамука. Ей-богу, ты был бы очень кстати.

Тбилиси шлет тебе свои жгучие и душные поцелуи. Давай не задерживайся там на Колыме. Они поют уже про Колыму — на три голоса. Пьем за тебя ещё раз, и ты выпей за нас. *Твой Павлик*

P.S. «Не раскрывай уст — открой глаза. Есть ещё порох в пороховницах. Ждем!!!» (*Г. Цаава*)

<18>

Самое начало 1992 г., из Фрайбурга в Москву, на раннем бланке МО:

Коленька, здравствуй! Harry new year once more! Mit gutem Neuem Jahr!

Как ты там поживаешь, дружище? Газеты мы читаем, увы, не наши, новости в телевизоре смотрим, и чем больше мы это делаем, тем меньше, признаться, понимаем, что происходит под началом Тимура Гайдаровича и прочих бурбулисов? Уж что-то круто они взяли за горло всех. Как мама с папой и как Алена?

Слышал, что ты хлопчешь по делам Общества, спасибо. А то — как хотелось бы ошибиться — что-то киснут ребята, по-моему, без меня немного. Что конкретно с помещением получается?

Если увидишь Алика, то передай ему привет и узнай, расшифровал ли он армянский документ О.М.?

<...> Привет от Сони с Илюшей, твой Павлик. <...>

1973–1992

Елена РАЧЕВА (Москва)

МОРКОВКА С ВОРКУТЫ

Колей хотелось называть независимо от разницы в возрасте (40 лет с лишком) и моего к нему (огромного) уважения. Не только из-за легкости в общении, просто из-за того что Николай Львович моментально, в первые же минуты знакомства умел расположить к себе всецело, становился своим безусловно и навсегда.

К нам в «Новую» он приходил без предупреждения, и рабочий день тут же заканчивался: казалось, все самое главное на сегодня уже случилось и остается только вместе радостно доживать день. Мы садились в курилке, Николай Львович прикуривал — следующую сигарету от предыдущей — и начинал свои истории, тоже — одну за другой.

Чаще всего речь шла о взаимно интересных вещах: статьях в новогазетную «Правду ГУЛАГа», готовящихся к печати книгах, задуманных исследованиях («Куда в 30-е делись из России китайцы, вы не задумывались? Может, это просто незамеченная волна депортаций?»), стихах, текущих политических анекдотах... Но интереснее всего было слушать о заполярных экспедициях — «северах» — по которым за свою географическую жизнь Николай Львович намотал тысячи километров на всех видах транспорта, включая личный самолет, на котором за казенный счет летал от Кольского полуострова до Колымы. Помню, как он упрекал меня, вернувшуюся с Таймыра, что не ловила самого вкусного в мире хариуса из ледяных рек, и отговаривал ехать в республику Коми в июне, когда там еще нет грибов.

Почему-то запомнилась история о том, как, задумав готовить большой плов, Николай Львович брал самолет и летал за морковкой, которую во всем Заполярье можно было купить только на Воркуте. «Потому что какой же плов без морковки?» — усмехался Николай Львович, затягиваясь, и я отчетливо представляла его торгующимся на

воркутинском рынке и на несколько секунд верила, что страшная лагерная Воркута — это и есть изобильный сказочный мир.

От рассказов Николая Львовича вообще веяло чем-то радостным, обаятельным, уютным. Даже понимая, как мало на самом деле было в полярной скитальческой жизни веселого и светлого, я верила в этот праздничный мир, смотрела на него его, Николая Львовича, глазами. Встречаясь с ним, я всегда чувствовала, как радостно, увлеченно, цельно умеет он жить, одновременно с этой полнокровностью бытия выходя в какие-то иные, надбытовые слои, исполняя там то, что не способен сделать никто, кроме него.

И этой радости жизни, и этой увлеченности делом хотелось учиться у него. И то, и другое заставляло людей хотеть быть с ним.

Людмила СЕЙТАКОВА

ЧЕЛОВЕК-ОТКРЫТИЕ

Колю я узнала почти сразу после моего знакомства со своим мужем, Мухаммедом Сейтаковым⁴⁸. Мы втроем одновременно учились в МГУ, только мы с Мухаммедом на филфаке, а Коля на географическом факультете. Это было в начале 70-х годов. Коля с Мухаммедом был очень дружен, часто бывал у нас.

И так получилось, что с самого начала и до сегодняшнего дня Коля был для меня человеком-открытием.

Зимой 1974 года мы с Майей должны были ехать по семейным делам в Ульяновск, но вдруг она не смогла, и я поехала с Колей. Сначала я переживала, как все сложится в поездке, но уже в вагоне я поняла, что переживать нечего, настолько с Колей было просто, интересно и комфортно. Почти всю дорогу мы

⁴⁸Брат Майи (Майтаб) Бекиевны Сейтаковой (1942–1997), первой жены Н. Поболя.

с ним провели в беседах, причем, я открывала для себя бездну неизвестного. Произвело впечатление, какие он давал характеристики нашим общим знакомым и родным — иногда с юмором, иногда с философским подтекстом, и нельзя было с ним не согласиться.

В поездке мне было интересно наблюдать, как он общается с незнакомыми людьми. В принципе я тоже довольно коммуникабельный человек, но у него был какой-то другой, особый стиль общения, более свободный и демократичный. В общем, обычная поездка, вагон поезда, вокзалы, административные учреждения, а сколько я узнала про самого Колю, про его отношение к родным, друзьям, Майе и т.д.

То, что Коля много знает и области его познаний многогранны, я заметила давно, но то, что он знает много стихов наизусть, меня, филолога, удивило — настолько много, что о моих знаниях поэзии, по сравнению с ним, вообще говорить не приходилось.

Когда Юля⁴⁸ училась в институте, я жила и работала в другом городе. Если от нее долго не было известий, то я звонила Майе, которая тогда жила у Коли и Елены Борисовны. И получалось так, что часто мне отвечал Коля, и меня всегда поражала его осведомленность о Юле: где она, как она, как сдала сессию, куда собирается пойти, когда обещала прийти к ним.

Почему-то я никогда не думала, что Коля окажется таким заботливым и любящим сыном. Да, ожидала, что кого-то наймет, заплатит, кого-то попросит, но то, чтобы он сам, да еще в возрасте, сможет так преданно ухаживать за мамой, прибегать кормить и мыть ее — не думала. Это явилось еще одним открытием для меня.

Уже в зрелом возрасте я была рада, что Юля тянется к Коле, любит его (и это у них было взаимно), уважает, и, как следст-

⁴⁸ Дочь автора, Колина племянница.

вие, прислушивается к его мнению. И даже мне показалось, что это, наверное, неспроста. Ведь в роддом мы с мужем поехали с Колиного дня рождения 19 мая, а 25 мая родилась Юля.

Юлия СЕЙТАКОВА

О МОЕМ ЛЮБИМОМ ДЯДЕ КОЛЕ⁵⁰

«Юленька, привет! Как ты, как твои дела? Приходи сегодня!» — звучал голос в телефонной трубке, и настроение поднималось, и становилось теплее от этих, в общем-то, обычных слов и вопросов, но они всегда были от души, были искренни, исходили от сердца. Наверное, каждый из нас в жизни сталкивался с тем, что на вопрос «Как дела?» некоторые люди уже не слышат ответа. Этот вопрос перешел в ранг «дежурных» фраз. У моего дяди Коли было все с точностью наоборот. Он умел слушать и слышать, ему действительно было интересно знать, как и чем живет каждый из нас, независимо от возраста и положения в обществе.

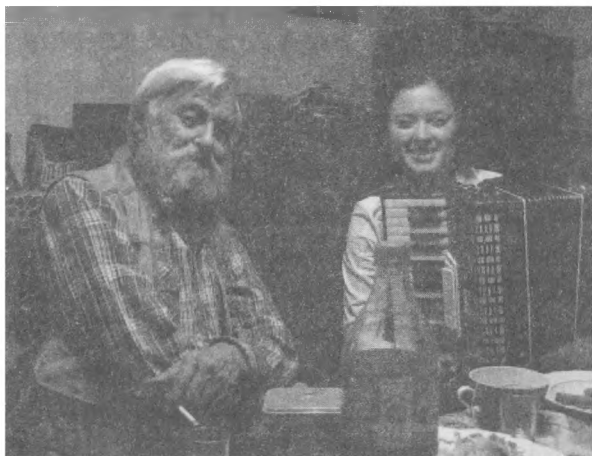
Выйдя из лифта на восьмом этаже, можно было уже почувствовать аромат знаменитого плова, а позже и бараньей ноги, но главным и неизменным были его улыбка и теплое приветствие — трехкратный поцелуй Родного Человека. Поход в этот дом ассоциировался с очередным путешествием на остров, где царили доброта, понимание, тепло и свобода, поэтому от дяди Коли не хотелось уходить.

Я очень любила говорить с ним на разные темы. Когда я прочитала «Братьев Карамазовых», то первое, что мне хотелось — это поделиться с ним своим впечатлением от романа. Как резюме у дяди Коли прозвучало: «Нуу, Юлька, если ты читаешь такие книги, то у тебя сейчас очень неплохой период в жизни».

Излюбленной темой для обсуждения с ним у меня был кинематограф.

⁵⁰На фотографии: Н. Пობоль и Ю. Сейтакова. Фото П. Андруковича.

В 2000 году я открыла для себя Бергмана. Полетела к дяде Коле, попросила дать мне какую-нибудь литературу о кино, об этом режиссере. Он даже сигарету отложил, пошел смотреть, выискивать, и выложил вообще

все, что у него было. «Вот, посмотри, все, что нашел. Юленька, а ведь Мухаммед⁵¹ тоже очень кино увлекался, и я ему отдал все книги тогда, которые о кино были. Надо же, он и во ВГИК поступать хотел, так же, как и ты!» Он удивлялся тому, как мы похожи были с Мухаммедом, а мне было настолько дорого то, что он рассказывал и открывал мне моего отца, которого не стало слишком рано. Очень часто и всегда с любовью и уважением он говорил и про моего деда — Беки Сейтакова.

Дядя Коля восхищался творчеством Иоселиани и Феллини. Это были его любимые режиссеры. Он видел все их фильмы и, безусловно, имел свою точку зрения, но я могла без всякого стеснения сказать ему о том, что я, к примеру, не поняла в «8 1/2», и он безо всякого превосходства (!) мог объяснить мне с начала до конца весь фильм. А когда мы говорили о «Списке Шиндлера», о кульминации в этой картине, то на меня произвело огромное впечатление выражение его лица, его глаз. Настолько эмоциональной и искренней была беседа. Признаюсь, выражение его глаз, которое было в тот момент, врезалось в мою память и накрепко засело в моей душе.

⁵¹Отец Ю. Сейтаковой.

Я навсегда запомню, как помогала ему перепечатывать документы из ГАРФа.

С одной стороны, мне очень хотелось помочь ему уложиться во временные рамки. Он все удивлялся и, с такой своей особенной улыбкой и славным своим голосом, произносил: «Юлька, ну ты как пулемет! Ну, если все уже, то давай тогда еще это напечатаем.»

А на кухне в это время шла какая-то передача по радио, он сидел и слушал. Курил и слушал, глотал чай и звонил кому-нибудь или сам на звонки отвечал. И такое ощущение уюта было! Причем легко, хорошо и уютно было — от понимания. А он еще спрашивал, как мне — интересно ли было перепечатывать, узнавать что-то новое из истории? Про то, как и за что людей сажали, и про переселения... И мне было действительно интересно!..

А еще хочу сказать вот что. Я никогда в жизни не слышала от него матерного слова. В каких бы ситуациях, в каких бы спорах он не принимал участие, но грубости и мата — никогда. Самое грубое слово в его лексиконе — это когда он кошку Кляксу «холерой» называл. Все это — воспитание, выдержка, интеллигентность — качества, присущие моему родному и любимому дяде Коле.

Дядя Коля объединял всех нас не только за столом, но и вообще в жизни. Мы все стали как одна большая семья. Я очень благодарна дяде Коле и за это.

Я помню, с каким сожалением он говорил о тех друзьях и знакомых, которых уже нет в живых, помнил все даты, связанные с тем или иным человеком.

У дяди Коли был друг в Грузии. Как-то, сидя на кухне за чашкой чая, он так тепло, так здорово о нем рассказывал! Он очень хотел съездить в Грузию и навестить его там, так как друг приболел. Это было летом, и дядя Коля сам уже был болен. В Грузию, увы, он так и не съездил...

Я бы очень хотела, чтобы этому замечательному человеку из Грузии обязательно попала в руки эта книга, и чтобы он знал, что дядя Коля

очень хотел к нему приехать, что он очень любил и уважал его, как и всех нас!

Р.С. Сегодня у Полины Андрукович день рождения. Позвонила, поздравила ее, а ведь мы без него уже. И не придешь теперь туда, наВДНХ...

Плохо без дяди Коли, у меня автоматом в голове мысли появляются позвонить, зайти, чаю принести и попить с ним, — а потом, как ожог, резкое осознание действительности. И горько...

Владимир СЕРЕДИН (Москва)

ФЕНОМЕН ПОБОЛЯ **(поминальный тост в трех частях)**

1

Панегирическая

Все, кто знал Колпо Поболя много лет (я, например, больше сорока), прекрасно понимали, что человек этот неординарный до крайности. В нем гармонично сочеталось множество качеств, которые и по отдельности не так часты, а уж когда все они собраны вместе, то это производит впечатление просто сногшибательное. Я попробую здесь кое-что перечислить, но сильно не уверен, что это будет хотя бы их половина.

Итак, Коля обладал:

- 1) энциклопедическими познаниями в разных областях искусства, а также во многих гуманитарных, естественных и технических науках;
- 2) самыми разнообразными практическими навыками, включая кулинарные;
- 3) неизбывной, через всю жизнь, тягой к путешествиям, причем эта романтическая сторона его натуры реализовывалась не только в частых турпоходах в молодости и поездках по миру в последние годы, но и в вещах гораздо более серьезных (горный сплав, многолетняя работа в полярной авиации и геолого-географических экспедициях);

- 4) фантастическим жизнелюбием, проявившимся в одинаково восторженном отношении ко всем душевным и плотским радостям, которые только можно себе вообразить;
- 5) удивительной коммуникабельностью по отношению ко всем людям, независимо от их возраста, пола, профессии, образовательного и социального статусов;
- 6) высочайшими моральными устоями, абсолютно не связанными с какой-либо религиозностью.

2

Благодарственная

Естественно, что встреча с подобным человеком — это редкая жизненная удача. Я думаю, что с этим согласится не одна сотня человек, с которыми общался и дружил Коля. Однако мне и моим сокурсникам по МГУ, возможно, повезло больше других, ибо наша дружба с ним началась в 17–20 лет, в непростой для всех период взросления.

Коля был на 10–12 лет старше большинства из нас и на порядок-два умнее, образованнее и опытнее во всех отношениях. Естественно, что довольно быстро он стал для нас большим авторитетом и, как-то незаметно, Учителем. Незаметно — потому что он почти никогда ничему напрямую нас не учил, а просто с наслаждением делился опытом, иллюстрируя свое видение и понимание жизни исключительно собственным примером.

Дальше совсем краткий перечень того, что я почерпнул от Коли на всю жизнь. Я думаю, такой же перечень, естественно с другим, а возможно и где-то с тем же содержанием, может составить каждый, кто его знал.

Итак, как сейчас вспоминается, именно он научил, а скорее, постепенно склонил меня к следующим вещам:

1. Пить водку не залпом, а маленькими глотками (до сих пор — с 1970 года — вижу его счастливое лицо, дробно отхлебывающее отвратительную, как мне тогда казалось, жидкость). Кстати, точно так же он

пил спирт, виски, коньяк, чачу, джин, вино, пиво, чай, кофе и простую воду. Много лет.

2. Любить не только вкусно есть, но и получать удовольствие от самостоятельного приготовления самых разных блюд. Мои сегодняшние умения в этой сфере во многом базируются на его кулинарном опыте.

3. Свободно ориентироваться в джазе, который я любил и до встречи с Колей, но знал о нем, естественно, гораздо меньше, чем он в те годы. Сейчас до боли жаль, что я не успел поделиться с ним некоторыми своими «открытиями» в этой области, которые бы он непременно оценил.

4. Слышать музыку поэзии, самой разнообразной и в 1970-е годы нигде не печатавшейся, которую он нам читал часами. Спасибо тебе, Коля, и за обэриутов, и, особенно, за О. Э. Мандельштама.

5. Трепетно относиться к любовным романам и мужской дружбе. Это было очень важно в те юношеские годы, я думаю, для многих. В этом плане Коля был прямо как Хемингуэй.

Продолжать этот перечень можно долго. Но все это не главное. Главное, что в своих бесконечных застольных соло он давал каждому, кто его слушал, все, что слушатель хотел и мог взять. Иногда это происходило сразу, иногда — через годы, но истину «имеющий уши, да слышит» он проводил в жизнь весьма напористо и, как всегда, с большим удовольствием.

3

Штрихи к портрету

1970 год.

Осенью наш курс, состоящий примерно из 200 студентов, был отправлен в колхоз. Коля каким-то образом смог от этого отвертеться. По полувоенной практике тех лет курс был разбит на отряды, между которыми проводилось соцсоревнование: кто внесет больший вклад в сбор картошки, свеклы, моркови и т.д. Наш отряд № 5, состоящий, в основном, из друзей Коли, носил гордое имя «товарища Поболя», которое и было вырезано на древке флага

отряда. Приехав нас навестить и увидев наш флаг, Коля был тронут до слез.

1970 год.

Решив гульнуть со стипендии, мы небольшой компанией отправились в кафе «Чистые пруды», купив предварительно бутылку дорожущего пятизвездочного армянского коньяка. Коля был с небольшим чемоданчиком на молнии, куда и был помещен коньяк. Старое кафе располагалось на втором этаже, куда вела каменная лестница, заполненная другими желающими провести там этот вечер.

Стоя в очереди, я обратил внимание на то, что молния на Колином чемоданчике стала расплзаться. На замечание быть поаккуратнее с содержимым, Коля разразился длиннющей тирадой, смысл которой состоял в том, что разбить бутылку коньяка — вещь для него совершенно невозможная и, что, если бы он даже захотел это сделать, у него бы все равно ничего не вышло. Во время его монолога из прорехи в молнии медленно выползла бутылка и, упав, покатила вниз по ступенькам. На третьей или четвертой она распалась с глухим звуком, обдав всех сильным ароматом еще настоящего тогда армянского коньяка. «Какой запах! — раздался голос из очереди. — Ребята, разбейте, пожалуйста, еще одну».

На Колю было страшно смотреть. По-моему, именно тогда у него появилась первая седина. Мы пошли в другое, более дешевое заведение, причем Колю буквально шатало от горя. Немного придя в себя, он сказал, что в этой трагедии есть и положительный момент, поскольку теперь мы его никогда не забудем и, когда жизнь нас навсегда разведет в разные стороны, через десятки лет, услышав его фамилию, мы будем говорить: «А-а-а, как же, как же, это тот самый Поболь, который разбил бутылку армянского коньяка». Правда, здесь он немного ошибся. Жизнь нас так и не разлучила и все участники этой истории (А. Алекина (Дворкина), А. Калишевский и я) провожали Колю в последний путь.

1972 год.

До сих пор стоят перед глазами солнечный день 19 мая этого года и счастливый Коля, выходящий из гостиницы «Москва», где в кафе на первом этаже мы отмечали день его рождения. В руках у него были 33 воздушных шарика, по числу исполнившихся лет, а на шее — пионерский галстук. Естественно, что своим видом он привлекал внимание не только многочисленных пионеров, заполнивших в День пионерской организации Манежную площадь, но и остальных прохожих. А быть в центре всеобщего внимания Коля очень любил.

1973 год.

В те годы в нашей студенческой компании было много спортсменов. Каково же было наше удивление, когда в импровизированном турнире по борьбе, устроенном на заснеженной опушке леса вблизи моей дачи, Коля вышел победителем. Он заломал нас всех — более молодых и здоровых, благодаря удивительной энергии и напору. И, по-моему, даже не вынул сигареты изо рта!

1980-е гг.

Свою незаурядную физическую силу и могучее здоровье, которое он сохранял много лет, несмотря на не самый здоровый образ жизни, Коля объяснял хорошей генетикой. Этим он всегда немного бравировал. Вот типичный наш диалог в кафе ранней весной.

- Коля, возьми зеленого салата.
- А что, это полезно?
- Ну, конечно, особенно сейчас.
- Тогда я это точно не буду.

1991 год.

Зимой этого голодного года я собрался ехать в Крым. Узнав об этом, Коля попросил захватить посылочку для его киевского приятеля. Посылочкой оказались пять килограмм краковской колбасы, которую он умудрился где-то достать. Всю дорогу до Киева я клял Колю последними словами. Мало того, что пришлось тащить лишний груз, этой колбасой провоняло все купе, и к тому же, как

выяснилось, поезд прибывал в Киев в пять часов утра. Однако, когда я увидел откровенно счастливое лицо голодного киевского интеллигента, вся моя злость на Колю улетучилась. Талант дружить у него был просто фантастический.

2009 год.

Накануне 70-летия у Коли умерла мама, за которой он трогательно ухаживал последние годы. В первый и, надеюсь, в последний раз в жизни мне довелось побывать на поминках, плавно переходящих в юбилейные торжества.

2012 год.

Поздравляю Колю по телефону с последним его днем рождения:

— Коля, будь нам по-прежнему примером в плане здоровья.

— Стараюсь, но получается все хуже и хуже.

2013 год.

Узнав о смерти Коли, мой старший сын, знавший его со своего рождения, сказал: «Ушел человек-солнышко».

Так выпьем же каждый раз, как только вспомнится Коля!

Илья СМЕРНОВ (Москва)

ПОД ЗНАКОМ ШТЕЙНБЕРГА

Вспомнить день нашего с Колей знакомства, к сожалению, легче легкого: это 7 августа 1984 года, когда в деревне Юминское на берегу реки Хотчи умер наш общий друг Аркадий Штейнберг, Акимыч.

Еще ничего не зная, я приехал по делам с дачи в город, едва принял душ, как раздался телефонный звонок с горестной вестью. Выяснилось, что не позднее завтрашнего утра нужно отправиться в город Талдом, где оставалось тело Акимыча, для улаживания необходимых формальностей.

Ехать собрались втроем: мы с моим добрым знакомым Андреем Кистяковским и не ведомый нам тогда Коля Поболь. Чтобы поут-

ру не тратить лишнего времени, Коля пришел ко мне с ночлегом. Мы познакомились, а уже через минуту он мирно похрапывал на диване без всякого спального приклада: уложил голову на сгиб руки и уснул.

Как случилось, что за почти десять лет регулярных визитов к Акимычу сначала на Шаболовку, а потом на Шукинскую мне раньше не довелось повстречать Колю, одного из самых близких к нему людей?

Возможно, что называется, не сложилось: Коля много времени проводил в экспедициях. Да и Акимыч, к слову сказать, обожал напустить таинственность: людей сводил по каким-то ему одному известным приметам, любил, чтобы общение протекало внутри многочисленных кругов его разнообразнейшего жизненного обихода, не выходя или почти не выходя за их границы.

Но познакомить нас с Колей Акимычу все-таки пришлось, но уже оттуда, куда так неожиданно он ушел...

...В те бестелефонные годы, которые и представить при нынешнем мобильно-сотовом изобилии невозможно, звонок даже в ближайшие окрестности Москвы являл собой задачу неразрешимую. Пока Коля мирно спал на моем диване, я ломал голову, как сообщить семье на дачу о смерти Штейнберга и о нашей внезапной поездке. Наконец, нашелся кто-то из знакомых, кто брался попросить кого-то еще, кто вроде бы жил неподалеку от нашей деревни, передать все, что требовалось, моей жене.

То ли я, волнуясь, слишком громко объяснялся по телефону, то ли Коля спал чутко, но ранним утром, уже собираясь в дорогу, он вдруг спросил: «Мне приснилось или ты в самом деле что-то говорил про Жевнево?» Оказалось, что деревня Жевнево, где мы уже который год проводили лето, знакома Коле еще с довоенного времени, и его представления о «счаст-

ливом детстве» накрепко связаны с рекой Истрой, окрестными деревушками — Крюковым, Рождественном, Лужками. Как-то так выходило, что мы вроде «земляки».

От поездки нашей мы ничего доброго и не ждали — повод не тот; но действительность тогда еще советской провинции превзошла все представимые кошмары. Описывать всю эту бредовую кутерьму и сейчас, спустя почти 30 лет, нет никаких сил и возможностей. Ныне тоже, увы, покойный Андрей Кистяковский был человек яростный, но и он как-то притих перед неодолимой гнилой мерзостью тамошних человек — начальников и прочих. Мне же по молодости все хотелось с кем-то схлестнуться, что-то доказать, и один Коля со своим спокойным дружелюбием преодолевал одну идиотскую преграду за другой.

К вечеру, совершенно опустошенные, мы отправились ночевать в деревню Грязино, где когда-то был первый в этих краях дом Акимыча, а в те дни гостила у общих друзей жена Андрея.

Мы с Колей поместились на полатах. После бесконечного дня сон не шел. Тогда и услышал я впервые Колины истории, как говорится, рассказы бывалого человека. И сейчас на склоне лет никто не привлекает меня больше, чем знатоки. В молодости был и вовсе до них жаден, мог часами слушать, буквально впитывая, какие-то детали, в самом деле бывшие или казавшиеся подлинными.

Так жизнь сложилась, что объездив многие страны, я мало знаю Россию, глубинку. Китайская провинция мне понятнее, чем русская, — уж так вышло. Одним из тех, кто щедро восполнял пробелы моего личного опыта, сделался с той памятной ночи на деревенских полатах Коля. Именно тогда услышал от него и о давней примете заплутавших таежников: нашел гриб — жильё недалече, считай, спасен. Помню и Колин коммента-

рий: ну, по меркам тайги «недалече» — это километров триста, не меньше. Грибы я искать не умею, но с той поры всякий раз, как случается побродить по лесу и заметить хотя бы мухомор, непременно вспоминаю примету и почему-то радуюсь, словно идти и впрямь остался какой-то пустык в триста километров.

Уже в Москве, расставаясь, мы сговорились, что как-нибудь я захвачу Колю в Жевнево. Поехали в начале сентября, в ненастный, но теплый день начальной осени. Едва зажелтели листья, дачники разъехались, и опустевшая деревня со своими серебристо-серыми домишками казалась заброшенной, печальной. В этих местах в 41-м шли бои. Главные немецкие силы наступали по Волоколамскому шоссе, но сюда, километров за пять-шесть какие-то отряды тоже заходили. Что-то сгорело, позаросли прежние проселки; в деревне стариков почти не осталось, так что никто и не помнил довоенную пору.

Коля ходил по окрестностям с такой уверенностью, словно не 45 лет минуло, а год-другой. Он разыскал в высокой траве фундамент школы, стоявшей когда-то на перекрестке дорог, куда сходились дети из нескольких окрестных деревень. Без труда находил по берегу Истры удобные спуски к воде и называл деревушки, от которых и следа не осталось. Наши друзья, которые уговорили нас поселиться на лето в Жевнево, тоже жили в этих краях много лет, любили здешние прогулки, многое знали о местной топографии, но до Коли им было далеко.

А завершился тот день и вовсе почти цирковым фокусом. Мы уже выехали из деревни, позади остались вечные ухабы труднопроезжей улочки, прекрасный асфальт вел от «дач Большого театра» (так местные называли кооперативный поселок «Мастера искусств») сквозь чащобный неухоженный лес к станции Снегири. В те годы автовладельцев было мало; деревенские, когда припекала нужда, ходили на станцию все четыре километра пешком, а дачники утром и вечером исправно

продельвали пешим ходом тот же путь, отправляясь в Москву на службу и обратно. Словом, дорога хоженная—перехоженная.

И вот тут-то Коля и просит остановить машину — поискать грибы! Помилуй, да тут по обочинам не то что грибы — трава за лето повытоптана! Ладно, мне не жалко, уговорил. Жду десять минут, жду пятнадцать. Появляется Коля: глаза сияют! Прижимает к груди с десяток первостатейных грибов: белые, подосиновики, подберезовики!.. Таких здесь сроду никто не находил, разве до войны. Может быть, с той поры они и дожидались здесь Колю?

После того лета встречались мы не часто, но регулярно: раз или два в год обязательно — в день рождения и в день смерти Штейнберга. Иногда созванивались и сходились без повода (не считать же поводом совместное желание выпить водки!), сталкивались на каких-то сборищах — поэтических чтениях, вечерах. Даже когда не видались подолгу, никуда не уходило ощущение теплоты, греющего знания, что вот где-то живет Коля Пობоль, с которым связано немного, но такое важное в твоей жизни.

Голос его в телефонной трубке всегда звучал с узнаваемой хрипотцой, уютно и дружески, хотя, вероятно, друзьями, в полном смысле слова, мы не были — так, добрые знакомые.

Позвонил Коля, как заведено, и в начале августа прошлого, 2012 года. Седьмого собрались съездить на кладбище к Штейнбергу.

Не видел я Колю к тому времени года два. Бросилось в глаза, как он сильно исхудал. В машине по дороге на кладбище непрерывно курил, — даже для него, заядлого курильщика, показалось, многовато: прикуривал одну сигарету от другой. Но глаза молодо голубели, в голубизну стала сдавать и седина.

Постояли у могилы, решили поехать куда-нибудь выпить «за Акимыча». Сидели в уличном кафе, на воздухе, дни стояли ясные, теплые. Пили пиво, но как-то без страсти, на водку вовсе не тянуло.

Во мне, как теперь понятно, уже гнезвился недуг, спустя три недели уpekший меня на полгода в больницу. Колю как будто тоже что-то угнетало...

Впрочем, несколько так любимых мною историй «из жизни бывалого человека» он все-таки рассказал. Стали прощаться.

Одна история меня прямо-таки поразила, ибо касалась сюжета, мне более или менее ведомого — Китая. Оказалось, Коля съездил в эту страну и был полон впечатлений. Правду сказать, и то, и другое нынче не редкость: и отправляются туда многие, и впечатляются, пожалуй, все, разве что всякий по-своему. Но Коля, не зная языка и путешествуя, в основном, исхоженными туристическими тропами, сумел разглядеть то, что иные знатоки и за годы занятий Китаем не постигают. Его мысли о свободе, о традициях, о влиянии Запада и прочих важнейших составляющих современной китайской жизни оказались свежи, вполне самостоятельны, даже оригинальны.

Что-то неожиданное и очень важное внезапно я понял в самом Коле...

Обнялись. Виделись мы в тот день, как оказалось, последний раз...

Вот так 28 лет нашего с Колей Поболем знакомства уместились между двумя днями седьмого августа — смерть Аркадия Акимовича Штейнберга не только обрамила эти годы, он сам в значительной мере наполнил их смыслом и содержанием. Мысленно я всегда благодарил Акимыча за Колю, за этот посмертный дар.

Теперь пришла пора поблагодарить Колю — за то, что он был в моей жизни.

Елена СТЕЖЕНСКАЯ (Москва)

БРИГАДА ИМЕНИ ПОБОЛЯ⁵¹

Очень давно

Наверняка, мои однокурсники помнят, что на картошке, куда нас отправили после второго курса, бригада мальчиков взяла достойное имя — бригада им. Поболя. Девочки откровенно завидовали.

Поболя на картофельном поле абсолютно не помню, наверное, его там и не было никогда, но авторитет его среди ребят был очень высок.

Мы его обожали. Он курил, галантно угощал сигаретами, подносил огоньку. Спиртное не переводилось. Я училась курить именно у него, но у меня получалось плохо. А ведь так хотелось быть на уровне!

По вечерам ходили на речку, он учил нас всему — поэзии, внутренней свободе, умению дружить. Про мальчиков говорил: они мне нравятся, в них нет жеребьячества.

На речке пили какую-то гадость, но у Кольки были другие напитки, во-первых, он сам часто ездил в Москву и привозил то коньяк, то водку, а во-вторых, к нему постоянно кто-нибудь приезжал — приятели, мне они казались старыми дядьками, и приятельницы, совершенно очаровательные, тоже с коньяком.

И Колька всех угощал. Коньяк из кружки — такая экзотика потрясла навсегда.

Позже мы с ним как-то гуляли в Центральном парке культуры, проголодались, и он потащил меня в пельменную, где мы ели пельмени и запивали шампанским, которое Колька наливал в грязные пятнистые стаканы.

⁵¹ На фотографии: «Бригада имени Поболя». Архив П. Поляна.

Ужас пополам с восторгом. Никогда ничего подобного у меня дома не было!

Вообще еда и питье, наоборот, питье и еда — не просто темы для разговора или образ жизни, а состояние Колиной души. Как правило, разговоры о поэзии, лирике или политике — по крайней мере, со мной, — всегда заканчивались вкусными, со вкусом, рассказами о соленой рыбе, красной икре, лосиной губе и прочих деликатесах.

Не помню такого дня рождения, который бы проходил без него. Мой день рождения, Коля и Алик — это взаимозависимые и взаимосвязанные каноны. Без Коли дня рождения представить не могу...

Давно

Мы ехали из Института географии по домам, у меня была тяжеленная сумка с продуктами. Тогда все женщины ехали на работу с продуктами, которые успевали купить рано утром, а потом тащили их обратно домой. Колька, конечно же, нес мою сумку, в

метро мы еще долго болтали, потом он посадил меня в поезд, и только около подъезда я обнаружила, что сумка осталась у него. Он приехал через час и сказал: «Так надо делать постоянно, тогда у меня будет повод приезжать в гости».

Колька женился на Вале. Зачем? Кроме сожаления и жалости к Вальке эта новость у меня ничего не вызвала. Ему вообще было противопоказано жениться.

Зато какая получилась Машка!!!

Недавно

Несколько лет назад мы вместе с Колей ездили в Китай. Вернее, он уговорил меня взять его с собой. Я позвонила своим подругам, говорю, вы не против, если мы разбавим нашу женскую компанию одним мужчиной, он очень хороший, умница? Только курит как ненормальный и выпивает постоянно. Дамы мои напряглись, но все же согласились. И не пожалели ни минуты. Они его тоже дружно полюбили.

Умение Коли тратить деньги всегда было его сильной стороной. Он взял в Китай карточку, но в некоторых городах банкоматов не было, поэтому мы постоянно ему что-то одалживали, какие-то небольшие средства. Он покупал перчатки и сразу же терял одну, кто-то из подруг купил ему шарф, который он тут же оставил в очередном ресторане. Мы пытались за ним смотреть, но без успеха. Я уже в Москве узнала, что он в поездке постоянно мерз, но вид у него всегда был довольный, он никогда не жаловался.

В какой-то момент на его карточке денег практически не осталось. Коля одолжил до Москвы долларов 300, я успокоилась, что до конца поездки ему хватит с лихвой, но ровно через час он купил слона — довольно увесистого слона из красного дерева на подставке, одолжив еще немножко денег. Он шел совершенно счастливый, слон бил ему по ногам, мы стояли потрясенные, и было понятно, что надо быстрее уезжать домой.

За две недели до смерти

Первый раз, когда я пришла к нему в больницу, я подумала, что он оттуда не выйдет, так он был плох. Я Вальке так и сказала. А через неделю он буквально ожил, встретил меня в дверях. По глупости я не просто успокоилась, а как-то уверовала, что все обойдется. Перед приходом во второй раз я ему позвонила, спросила, что привезти.

— Сигареты.

— Но ведь нельзя ни в коем случае?

— Я больше ничего не прошу, только сигареты.

Так мы его похоронили — с пачкой сигарет...

P.S. ...Мне кажется, что я до сих пор в его бригаде. И друзья мои в ней же...

Александр СУЕТЕНКО, Зинаида СУЕТЕНКО (Москва)

КОЛЯ ПОБОЛЬ — ПЛОТОВИК

*Ах, Коля, Коля,
За годы странствий
Мы не встречали равных Вам...*

Да равных и не могло быть — каждый человек индивидуален. Индивидуальностью был и Коля Поболь. Для нашей походной группы он был кому сотрудником по работе, кому не только сотрудником, но еще и сокурсником по учебе в МЭИ, а всем нам просто хорошим товарищем.

В самых трудных ситуациях, которые иногда неизбежно возникают в сложных таежных походах, Коля никогда не унывал, не терял чувства юмора, всегда умел разрядить обстановку кстати сказанной шуткой или анекдотом.

Например, обычно в заключительной части водного маршрута по реке, когда заканчивались сложные порожистые участки и начинался довольно продолжительный (от ста до двухсот километ-

ров) спокойный участок реки — плот еле тащится, при этом еще и вода сверху в виде мелкого нудного дождя со встречным ветром, — настроение у команды на плоту слегка вянет. Но с нами был Коля... При полном отсутствии слуха и голоса азартно, а потому великолепно, он исполнял свой коронный номер — песню про Абдул Гамида, который «был парень бравый...» и так далее, до конца баллады, которая продолжалась более получаса, — терзая вечный покой окрестной тайги, зато уверенно поднимая настроение команды. Мы так до конца и не знаем правильного мотива этой баллады, но песню в Колином исполнении помним — это было лучше и эффективней любой попсы.

Еще одно воспоминание о нашем неунываке. При подготовке к каждому походу, еще в Москве, Коля клялся себе и нам бросить курить за время похода, для чего не брал с собой в поход сигарет. Но реально без курева он очень страдал и примерно на 15-й день начинал собирать сухой ягель, сухие еловые веточки и делать самокрутки, которые курил. При этом никогда не унывал, а на следующий раз все повторялось.

Круг Колиных интересов был широк, поэтому очень о многом он мог с увлечением и азартно рассказывать, чем всегда привлекал к себе людей, становившихся в результате его друзьями. Зная это, мы, его товарищи по спортивным походам, все же были удивлены, увидев то, сколько его знакомых и друзей пришли попрощаться с ним.

Общий интерес и увлечение плотовым туризмом объединили нас в 1965 году в команду, ядром которой были девять человек. В него входили Александр Суетенко (на плоту - капитан, штурман), Анатолий Митрофанов (мастер на все руки, отличный рыбак), Александр Таруц (мастер по плотам), Коля Поболь (охотник), Слава Кузнецов (рыбак), Володя Филиппов, Володя Гончаров, Зина Суетенко (медсестра — в походах по счастью безработная и кинооператор) и Таисия Кузнецова.

Во всех походах Коле поручалась роль охотника (рябчики, куропатки), которую он выполнял с большим желанием и успешно.

Первым нашим плотовым походом была река Агул (Западные Саяны) в 1965 году, а затем почти каждый год были плотовые путешествия по рекам Западных и Восточных Саян, Забайкалья, а для байдарок — Карелия и Кольский полуостров: 1965 год — река Агул; 1966 год — река Чая; 1967 год — река Варзуга; 1968 год — река Воньга; 1969 год — река Ока (Саянская); 1970 год — реки Балыктык-Хем, Каа-Хем; 1971 год — реки Билин, Кызыл-Хем, Каа-Хем; 1972 год — река Олекма; 1976 год — реки Бусингол, Кызыл-Хем, Каа-Хем.

Это все были спортивные походы, которые регистрировались в Московском городском турклубе. В результате все девять человек, в том числе и Коля Поболь, получили первые спортивные разряды по водному туризму, а пишущий эти строки — руководитель всех этих походов — стал мастером спорта по водному туризму.

Андрей ТАРАНОВ (Москва)

ПИСЬМО КОЛЕ⁵²

Слишком мало прошло времени с момента твоего ухода, Коля, чтобы осознать потерю, чтобы понять, что произошло, понять, что это непоправимо и навсегда. То и дело я мысленно обращаюсь к тебе, то и дело задаюсь вопросом, что же было в тебе такое особенное, что не поддается замене.

То, что ты был умницей? — безусловно, но этого мало. То, что ты был доброжелателен? — тоже безусловно, но и этого мало.

Видимо, тебе была присуща доброта в высоком понимании этого слова, доброта не как результат анализа и раздумий, а просто врожденная, данная свыше, само собой разумеющаяся доброта — мол, а как же иначе?

⁵² На фотографии на стр. 264: Н. Поболь и семья Тарановых. Архив Таранова

Сейчас кажется, что все, кто с тобой был знаком, должны быть благодарны судьбе, что жизнь свела их с тобой — с Колей Поболем, тем замечательным человеком, которым ты

был. Очень точно о тебе сказал Алик Багдасарян — Поболь Мира! Как будто ты был послан к нам, чтобы каждому из нас стало немного лучше. Не за что-то лучше, а просто.

У тебя не было плохих друзей. Плохие как-то сами собой отсеивались рано или поздно. Твоими друзьями хотели быть все, а ты, хоть и очень редко, начинал избегать кого-то. Видимо, тебе претила их мораль, либо они посягали на твою внутреннюю свободу, пытались вольно или невольно перековать тебя, а это было невозможно.

Ты был и остался свободным человеком. Заставить тебя изменить себе было нереально. И ты отстранялся от них. Не ссорился, не обижал (боже, упаси!), а отстранялся. За 50 с лишним лет нашего знакомства, я почти не знаю, чтобы ты с кем-нибудь поссорился.

Я рад тому, что твои друзья стали моими друзьями, я рад и тому, что мои друзья, с которыми тебя познакомил я, что мои дети и внуки — стали твоими друзьями. Дети называли тебя Львович. Ты был всегда любим всей нашей семьей и был дорогим гостем у нас дома, впрочем, ты давно перестал быть гостем, а был просто своим, очень своим.

Дружба наша не всегда была ровной, но всегда «шла в гору» и тому очень помогло наше пребывание всем семейством в Охотске,

когда ты там работал. Два лета подряд мы провели там. Второй раз мы приехали туда даже с собакой — с щенком Тошей. Он, конечно, прибавил тебе хлопот, но благодаря твоей популярности (а тебя любила добрая половина населения Охотска), Тоша был охраняем этой половиной и ограждаем от встречи с местными собаками, не всегда приветливыми.

В первое утро в Охотске (мы приехали накануне вечером) в окно нашего домика прямо на стол нам подбросили кижуча килограммов на пять-шесть. На наши изумленные взгляды ты сказал: «А... все уже знают, что ко мне приехали... Ну и вот».

А через два дня все мы стали друзьями твоих местных друзей. Кстати, очень многие охотские друзья остались моими друзьями и по сей день.

Вспоминаю нашу поездку в Италию в 94-м году. Ранняя осень. Компания собралась замечательная: Егоровы, Юдинцев с Юлькой, Марина Леонова, Лида Орлова, Лена с Сережей, Синев, ну и я с детьми. Большинство там еще не было. Ехали поездом, в Венгрии пересаживались на автобус и через Австрию — в Венецию. На границе меняли тележки вагонов для европейской колеи. Часа три меняли. Мы пили, ели, гуляли по перрону, скучали, а потом опять расслаблялись.

Уже было темно, когда ты решил размяться и покурить — и вышел на перрон, забыв, что вагон поднят на домкратах, шагнул в пустоту. Высота метра два и разбитая пяточная кость в результате. Плохо помню, как ты снова оказался в вагоне, какая была принята терапия, но утром, уже в Венгрии, ты хромал очень сильно, практически, не мог ходить.

Мне запомнилась картина, как повиснув на худеньких плечах Саши и Ксюши, вы куда-то зачем-то шли. Потом соорудили тебе какую-то палку или костыль, а через пару дней, в Венеции, зайдя утром в твой номер, я не застал тебя. Ты пришел к завтраку, сказав, что уже часа полтора бродил по городу, несмотря на боль в

пятке. И потом ни разу не пожаловался на ногу, хотя было наверняка больно.

А в Риме, на площади Испании, ночью, когда мы отмечали день рождения Марины, ты лишний раз спустился вниз за водой. Шел проливной дождь, но кто-то из барышень хотел пить. Не жалел ты себя.

Говорить с тобой можно было на любую тему, ты знал многое, очень многое, имел собственный взгляд на большинство вопросов, будь то живопись, литература, вообще искусство. Ты мог рассказывать о паровозах (может быть, благодаря Никольскому), о винах, о песках Каракумы, о Севере, который очень любил.

Не говоря уже о поэзии! Сколько ты знал стихов на память — уму непостижимо! И не просто знал, а смаковал любимые стихи и затягивал собеседника в глубины написания или перевода. Помню твой рассказ о «Вороне» Эдгара По в разных переводах. Причем шпарил наизусть огромными кусками то в одном переводе, то в другом, заостряя внимание на характерных деталях. Это была замечательная высокопрофессиональная лекция.

А как ты замечательно читал своим тихим хрипловатым голосом и Бродского, и Пушкина и, конечно, любимого Мандельштама, о котором мог говорить бесконечно. Опять поражаюсь твоей памяти. Как ты радовался обнаружению в архивах сведений о последних днях О. Э. М. Ты гордился своей находкой, и тебе было чем гордиться. Мне кажется, ты не просто нашел эти документы, а вычислил их математически.

Возвращаясь к твоей разносторонности. Я вспомнил, что когда-то ты халтурил на поступлении в любой институт, переклеивал фотографию на экзаменационном листе абитуриента и сдавал экзамены по литературе, математике, английскому и, кажется, даже по физике. Удивительный набор, говорящий о многом. Кажется, это было тогда, когда ты вернулся из армии.

Вот петь ты не умел. Но пел всегда любые песни на один усредненный мотив, помогая себе притоптыванием в такт и хлопая по

коленке ладошкой. Надо отдать должное, такт ты отбивал правильно, но с мотивом он не совпадал. Это никого не смущало, потому что слова всех песен знал только ты. Это тоже было в молодые годы.

Не припомню случая, чтобы ты когда-нибудь отказался помочь в чем бы то ни было. Как-то нужно было покрасить кухню масляной краской в квартире в Гольяново, которую я менял. Краска была салатно-зеленая. Мы, конечно, подготовились к процедуре. Утром проснулись на кухне в зеленых рубашках. Выпито было много, зато на следующий день кухня сияла.

Или поехали на дачу спилить две осины, здоровые, метров по 15 высотой. Зима, холодно, но дерево пилить зимой легче. Сильно замерзшие и усталые, осины мы все-таки завалили, но очень проголодались. А с собой у нас были бутерброды и банка чего-то в томате. Почему-то мы решили разогреть ее. И тут ты впервые облажался, поставив ее в костер. Банка взорвалась довольно скоро, но обошлось без травм. А нам пришлось удовольствоваться бутербродами.

А сколько ты помогал с бесконечными переездами, с бытовыми проблемами, детей по математике натаскивал годами!.. Сначала Сашку, потом Ксюшку, потом и внучку Машку, буквально до последнего времени. И всегда с легкостью, без надрыва, как будто это само собой разумелось. И сколько лет. Удивительно!

Зато Ксюша тебя время от времени стригла. Она делала это очень профессионально. Ты приезжал заросший, а через полчаса вставал с кресла обновленный, помолодевший, с аккуратно подстриженной бородой. Хотя мне ты больше нравился лохматым. Потом садились ужинать всем семейством. О, эти благодатные тихие вечера!

Собирать грибы ты очень любил. Где только мы их не собирали! В Охотске ты дирижировал процессом, говоря детям: «Идите вон на ту полянку и без 25–30 осиновиков не возвращайтесь!»

На даче у Поляна, где-то под Малоярославцем, мы бывали несколько раз большими и маленькими компаниями. Ну и у нас на даче бывали. Последний раз это было в сентябре прошлого года.

Поехали втроем: Оля, ты и я. Ты всегда набирал грибов столько же, сколько все остальные вместе взятые. А тут нет. Грибов мало — опять какие-то, березовики. Часа через два встретились. У Коли пять белых, у меня два, у Оли три.

Пошли обратно, машина недалеко, минут 20 ходьбы. Ты поотстал, а мы с Олей напали на местечко. Штук десять белых. Через 15 минут и ты появился. Я хвастаюсь, говорю, у нас вот, мол, что! А ты как-то замялся: «Да, — говоришь, — я тут... это... да вот... тоже немного.... эээ, кхе.. 40».

Эти грибы, тогда замороженные тобой, мы нашли несколько дней тому назад в морозильнике. И на сороковой день твоего ухода закусывали ими в память о тебе.

...Каждый Новый год ты приходил к нам домой довольно поздно. А вот 1 января, когда готовилась основная еда, никогда не опаздывал. Обычно — два супа: солянка мясная и рыбная. Ты предпочитал рыбную, с осетриной. Потом поросенок или гусь. Закуски там всякие. Ели не торопясь, из-за стола не вставали допоздна. К ночи застолье стихало, народ разъезжался...

И на этот Новый год ты тоже был...

Алена ТАРАНОВА (Москва)

НАШ ПОБОЛЁ

*«Мне нравится, что Вы больны не мной,
Мне нравится, что я больна не Вами...»*

М. Цветаева

Коля умер. Для всех, кто знал его, это горько, для друзей — больно, а для меня — невыносимо.

Мы познакомились с ним в 1957 году, на Фестивале молодежи и студентов. Я поступила в Московский архитектурный институт. Моя подруга Наташа Чалдымова организовала маленькую компанию, выбрав из группы наиболее интеллигентных и симпатичных на вид мальчиков — Юру Савельева и Алешу Щеглова. Вместе с

Юрой стал приходиться и его самый близкий школьный друг — Коля Поболь.

В школе Коля опекал Юру, дрался вместо него из-за Юриных девочек, все проказы школьных лет (в основном, по добыванию спиртного) у них были общие. Юра был моложе Коли на пару лет, хотя учились они в одном классе, и был ему как брат.

Юра вообще был несколько инфантилен. Оба были очень способными. Особенно по английскому языку и математике.

Учебой мы себя не обременяли (кроме проекта), встречались очень часто, особенно у Щеглова или у меня. Немного выпивали, курили (все, кроме Коли!), Юра прекрасно играл на рояле, я пела — и все хором. Коля очень любил петь (совершенно не имея слуха, что его не смущало). Пели песни Вертинского, романсы, шуточные песни — тогда еще не было Высоцкого и Окуджавы. Танцевали рок-н-ролл, играли иногда в покер. В периоды сессий готовились к экзаменам и зачетам.

У Щеглова мы познакомились с его мамой — талантливым режиссером театра Моссовета И. С. Анисимовой-Вульф, а также со знаменитой Раневской, которую Алеша называл «Фуфа». Иногда к ним в дом заходили молодые актеры этого театра, известный в то время — Бероев и другие (бывали они и у меня на Малой Бронной), изредка приходила к Алешиной маме В. В. Полонская (последняя подруга Маяковского).

У Коли и Юры были многочисленные знакомые и приятели по школе и по соседству. Самый интересный из них — Саша Васильев, сын одного из кинорежиссеров Васильевых, поставивших фильм «Чапаев». Саша был корифеем по книгам, лихо играл в покер, был почти всегда «поддатый».

Иногда приходил Юлик Жеймо, учившийся с Колей и Юрой в одной школе. Он был сыном известной исполнительницы роли Золушки. Скоро они уехали в Польшу вместе с очаровательным отчимом Юлика французом Жанно — я навестила их в Варшаве во время своей турпоездки в Польшу в 1965 году.

Еще Коля и Юра хорошо знали Володю Яковлева — талантливое художника, у которого позже стало не все в порядке с психикой; он лежал в спецучреждении, где Коля навещал его до самой его смерти.

У Коли начались — вернее, продолжались постоянные сложности с институтом (он учился в Энергетическом). В конце года его отчислили за непосещаемость, и ему грозила армия. Он, как мог, избегал призыва, бегал от «вербовщиков». Однажды поздней осенью поехал с друзьями на речку, разделся до трусов и залез в ледяную воду. Вылез, надел носки (босиком стоять было невозможно) и снова полез — хотел получить воспаление легких. На обратном пути, накинув на него пальто, друзья бросали снег на его голую грудь. В результате простудились почти все сопровождающие, а ему хоть бы хны.

Но в итоге армия таки достала Колю (открыл как-то вечером дверь, а на пороге — сотрудник военкомата), и Коля уехал на три года — это была самая долгая наша разлука. Он служил (не знаю точно, весь ли срок) в самой южной точке страны (Кушка), где страшная жара. Там Коля и начал курить. Мы переписывались — но редко, он прислал мне свою фотографию в военной форме.

Своей прекрасной натурой, общительностью, доброжелательностью, скромностью и отсутствием амбиций Коля действительно притягивал к себе людей. Поэтому принято считать, что был «белый и пушистый»: отнюдь! При необходимости он умел постоять за себя, и довольно жестко.

Вот, например, в армии — в самом конце службы — был такой случай. Младший офицер обнаружил и в гневе разорвал рыболовные сети, при помощи которых ребята пополняли свой скудный рацион. Коля просто дал ему в морду. Грозил ему это не только гауптвахтой, но и чем-то посерьезнее. По счастливой случайности и отдаленности места это «дело» затерялось, и Коля был благополучно демобилизован.

Почти с самого начала второго курса Юра Савельев стал очень ухаживать за мной, мы проводили вместе целые дни — с 9 до 11 ночи, вместе занимались, чаще у меня, иногда у него дома.

Наша с Колей «личная» близость началась еще до его ухода в армию — с общей любви к поэзии. Издавалось тогда очень мало, у меня были записанные от руки мамой (времен ее юности) стихи Гумилева, Есенина, Ахматовой и др. Мандельштама у нее не было. Не было и любви вообще к литературе, о которой в компании мы тоже не говорили. А я только ее и знала с детства и ранней юности — со времен моих дедушек у нас дома была неплохая библиотека. В основном — классика, которую я с пяти-шести лет с восторгом осваивала. К институтским годам этот процесс был, в основном, закончен.

Когда Коля вернулся из армии в 1961 году, его семья (мама, папа, бабушка и он) переехали в просторную квартиру на ВДНХ. Где, однако, своей комнаты у него не было.

Работал он одно время в фирме Королева — с удовольствием, но недолго. Объяснил мне, что «образования не хватило».

В начале 1962 года (на четвертом курсе) мы с Юрой поженились и переехали жить ко мне (родители отдали мне одну из двух комнат, а сами, вместе с братом, жили в другой).

Наши «сборища» продолжались. Мы буквально балдели от появившихся в это время песен Окуджавы, Высоцкого, позже — Галича. Многое знали наизусть и с удовольствием пели. Очень любили и часто слушали Брубeka. Появляется литература шестидесятников: Белов, Абрамов, Астафьев и др. Все это было предметом наших обсуждений и разговоров.

Постепенно состав «сборищ» претерпел существенные изменения. Первой нас «покинула» Наташа Чалдымова — раньше всех, выйдя замуж и почти сразу родив ребенка. Вернулась из Китая одноклассница Коли и Юры — Люда, стал часто появляться у нас Костя Мошкин (учившийся с нами в одной группе института) и

привел своих знакомых — Таню Кочарову и Игоря Власова, с которыми Коля довольно быстро сошелся. Позже и Алеша Щеглов отошел от компании по семейным обстоятельствам.

Вскоре все начали жениться и выходить замуж в основном внутри компании. Кроме Коли, который быстро, даже не спросив нашего с Юрой мнения, женился на Майе Сейтаковой — милой и доброй девушке.

Практику после пятого курса мы с Юрой проходили в пригородах Ленинграда — и вдруг на Невском столкнулись с Колей — такая неожиданная радость! Пошли в кафе «Север», были у Колиных многочисленных друзей.

Когда Юра был на военных сборах, мы с Колей несколько раз выезжали за город на папиной «Победе» — то на осмотр архитектурных современных объектов, то просто на природу (родители, я и Коля — иногда с Майей, иногда без нее).

И Коля, и Юра очень любили живопись. Когда стали появляться в продаже дешевые иностранные издания художников (импрессионистов, постимпрессионистов, кубистов, пуантилистов и т.п.), ребята прилагали все усилия, чтобы их приобрести, Юра покупал и более дорогие книги по живописи. Помню, что мы с Колей ходили на выставку Ван Гога, которого Коля обожал.

В 1962–1963-е гг. Юра, я и Щеглов делали диплом — отчасти объединенный. Явно стали видны Юрины незаурядные архитектурные способности. Он писал гуашью и акварелью картины («абстрактные», как их тогда называли), некоторые из них до сих пор хранятся у Коли.

Юра был совершенно не приспособлен для семейной жизни (я, впрочем, в то время тоже). Родителям по хозяйству мы не помогали. У Юры были не сильные, но продолжительные депрессии. Да и чувства наши были уже не те, что раньше. В 1963 году, после окончания института, мы разошлись.

В 1967–1968-е гг. компания наша несколько изменила свой состав. В нее влился Егоров, с которым я работала с 67-го года в Гипровузе, добрейший человек, руководивший самодеятельностью, капустниками, сначала на работе, а потом в Доме архитекторов. Еще он писал замечательные шуточные стихи.

Андрей Таранов, мой брат, знал многих из нашей компании раньше, мы часто собирались у нас дома. Но у него были свои друзья и свои компании, так что постоянным членом нашей он стал только в эти годы. Они с Колей подружились: Коля бывал у него дома и позже, знал всю его семью, Андрей даже ездил к Коле в Охотск.

Коля, не участвуя в наших спектаклях, часто присутствовал на них, принимая возможное участие — раздвигал занавес, бил в гонг и т.п.

После пятого курса мы с Юрой Савельевым проходили практику в Моспроекте, а потом (68-й год) я перешла туда работать к милому и умному человеку с большим чувством юмора — Юре Гайгарову. Сблизившись с ним, я и его «втянула» в нашу компанию.

Колю, Юру, Славу и Андрея объединяла взаимная симпатия, они стали ядром нашей компании. И мне, и Андрею Юра и Слава стали верными и любящими друзьями на всю жизнь.

В феврале 1968 года я встретила Алешу Пестова, который учился на два курса младше меня. Шумно и весело отпраздновав свое тридцатилетие на Малой Бронной, я переехала к Алеше на Динамо, не загадывая на будущее, но поняв, что люблю этого нестандартного, талантливое, трудного и страдающего депрессиями человека не меньше, чем он меня. Я была счастлива, но, как ни странно, мои отношения с Колей не претерпели изменений. Довольно нелюдимый и жестко отбирающий людей Алеша сразу принял его, Коля — тоже. Трудность была в том, что Коля любил выпить, а Алешу я старалась от этого оградить — отсюда и пошли наши чаепития и разговоры, разговоры, разговоры.

Через 9 месяцев после переселения к Алеше у нас родилась дочка Таня, а еще через полгода у Коли с Майей — сын Сережа. Когда я лежала в роддоме (долго, на сохранении), навещать меня под окна приходил не только Алеша, но и Коля, Юра, Слава и еще, по-моему, Андрей. Соседки по палате смотрели на меня неодобрительно.

Не помню сколько лет, но Колиного Сережу долго воспитывала бабушка, Колина мать. Майин отец купил Майе и Коле двухкомнатную квартиру, но Колиной мечты — отдельной комнаты в ней, опять не было.

Зимой 70-го года трагически ушел из жизни Юра Савельев, призванный в эти годы работать офицером-преподавателем. Хоронили его мать, Коля, я и Власовы: для Коли это был большой удар. Юре было около 30 лет, причина его смерти так и осталась невыясненной. Похоронили его на Новодевичьем кладбище, где была могила его отца (памятник которому спроектировал Юра). Проект Юриного памятника и надписи сделала я. Мы с Колей не часто, но регулярно посещали его могилу, позже Алеша возил нас туда на машине — до конца своей жизни. У меня неподалеку были похоронены бабушки, дедушки и папа.

Почти сразу после Юриной смерти Таня и Игорь Власовы, не говоря ни слова Коле, купили у его матери всю Юрину библиотеку — трехметровая стена от пола до потолка — где было и много книг по живописи. Коля очень рассердился и порвал с Власовыми отношения на всю жизнь.

Юрина мать захотела жить в пансионате (доме престарелых), и мы с Колей ездили навещать ее много раз, хотя она причинила мне немало неприятностей в прошлом (очень не хотела, чтобы мы с Юрой поженились). Навещали ее и Власовы, как и могилу Юры.

Когда Коля разошелся с Майей — большинство Колиных книг осталось у Майи в ее квартире. С сыном Сережей его

отношения ни до, ни после развода не складывались. Сережа сильно пил, и вообще с ним были большие трудности — Колю это очень угнетало.

Майя умерла в 1997 году. А Сережа умер при невыясненных обстоятельствах (не сделали экспертизы, просто кремировали) за месяц до Колиного семидесятилетия, в 2009 году. У Сережи остался сын, воспитывавшийся в интернате.

Наши встречи обновленной теперь компании продолжались. Дни рождения — мои, Колины (на которых у Коли была уйма народу и многие были не из нашей компании, мне почти не знакомые Колины друзья), Славы Егорова и др., празднования Нового года и т.п., а также просто сборища, совместная выпивка, — все это Коля очень любил. Но я и особенно Алеша отдавали предпочтение личным встречам с Колей. Застолья давали веселье, радость общения, но не давали тесного контакта, а нам нужен был именно он. Поэтому мы стали все чаще встречаться втроем у нас на кухне, пить чай и разговаривать часами (10, 20 30, 40 лет подряд).

О чем мы говорили за нашими чаепитиями? Конечно, всего не вспомнишь, но упомяну хоть основное. О поэзии — кроме обожаемого Колей Мандельштама, которого он считал равным Пушкину XX века, он любил Ахматову и Блока. Я, отдавая должное Мандельштаму, любила Цветаеву, Ахматову и Пастернака, отдавала должное Хлебникову. Оба очень любили Бродского. Из прозаиков любимым его писателем был Зошенко, очень нравился Бабель, а из классиков — Гоголь. Мы восторгались «Котлованом» и «Чевенгуром» Платонова и, конечно, Гроссманом. Из зарубежной литературы он на первое место ставил «Улисса» Д. Джойса и Кафку.

Начитанность Коли была исключительной, но, с моей точки зрения (что являлось предметом долгих и ожесточенных споров!), он недооценивал некоторых писателей с «государственным» уклоном, например: Пушкина («Полтава» — против Польши),

Грибоедова (государственная дипломатия), Л. Толстого («Казаки» — неуважение к горцам), Достоевского (плохо отзывался о евреях) и т. п. А вот паршивую книгу Зиновьева превозносил — антисоветская! Художественное, да и моральное качество произведения отступало на второе место.

Потом политика. Коля считал, что нет страны на свете хуже, чем Россия, во все времена. Мы с Алешей не соглашались — во-первых, слишком много она дала миру хорошего (литература, искусство, наука), а во-вторых, мы считали, что Россию можно, и осуждая, любить. Но Коля — ни в какую! В остальном же в политике у нас разногласий не было.

Затем темами наших бесед были философия религии (я не любила ислам, а Коля яростно его защищал), происхождение человека и рас, происхождение культуры на земле, разные вопросы истории, географии, астрономии и многое-многое другое. Много говорили и о еврейской проблеме. Коля давал нам читать литературу, расширявшую наши познания в этом вопросе. По астрономии, географии, отчасти и истории нам оставалось только слушать, когда Коля делился с нами своими обширными знаниями.

В 1969 году Коля, ко всеобщему удивлению, поступил на Географический факультет МГУ. После его окончания он стал работать в области геодезии — ездить в экспедиции, в основном на Север. Бывал он в самых труднодоступных северных точках страны, например, на Новой Земле.

Там они жили в палатке (человек пять-шесть), и с ними произошел курьезный случай: к ним повадился ходить огромный белый медведь. Серьезного оружия у них не было, да и рискованно было его применять. Медведь приходил ночами и воровал баранину и хлеб, подвешенную снаружи, когтями выдирая мясо из ледяных туш. Ходил вокруг палатки, не задевая ни одной растяжки. Днем иногда играл с ними

в прятки — зайдет за торос, голову и часть туловища спрячет, а весь огромный желтый зад остается виден — смешно. В результате ребята сообразили спугнуть его ракетницей — и медведь ушел.

Экспедиции он обожал, уезжал надолго — до трех-четырех месяцев. Там он был счастлив, мы изредка переписывались, и я очень ругала его за то, что он предпочитает нестандартную жизнь общению с любимыми друзьями. Я тогда не понимала, как ему это необходимо.

Как ни странно, мы мало говорили с Колей о работе, как о его, так и о нашей. Коля, впрочем, был в восторге от Алешиных конкурсных японских проектов. Мне кажется, что Колины работы в основном были случайными в эти годы (могу ошибаться). Из-за недостатка денег Коля занимался репетиторством — готовил в вузы учеников по математике и английскому языку. Это был хороший приработок, но всех детей своих друзей и знакомых он готовил бесплатно. Еще он занимался реставрацией старинных люстр — вставлял в металлические трубочки провода для электрических лампочек.

Изредка мы с Колей ходили в Дом архитекторов — на хорошие фильмы, на «Кох-и-ноор»⁵² и др. Алеша общественных мероприятий не любил, оставался дома работать, но иногда ходили и втроем. Время от времени Коля приходил ко мне на работу в Моспроект, и мы под видом перекуров часами беседовали с ним, в основном, о литературе.

Коля был знаком со многими известными литераторами. Я хотела бы выделить его дружбу с замечательными поэтами Липкиным и его женой Лиснянской. Он познакомил меня с ними в Доме литераторов, но больше 2–3 раз я с ними не виделась. Много позже Коля подробно рассказал мне о

⁵² Хор архитекторов

дружбе Липкина с Василием Гроссманом и о его огромной роли в том, что уничтоженный КГБ роман «Жизнь и судьба» увидел свет.

Коля продолжал свои поездки на Север, в тайгу, там у него появилось много товарищей. Нам с Алешей и другим друзьям он привозил засоленную им собственноручно красную икру и лососей. И массу рассказов. Охотск был его любимым местом, но ездил он и в другие места. Он был начальником геодезической группы, но почему-то однажды он рассказывал о поездке на лесоповал — очень неудачной. Начальство сильно подставило его и его команду. Вернувшись, Коля сказал начальнику, что тот — дерьмо, и ушел из этой фирмы. Северные поездки прекратились.

Кроме Севера, Коля очень любил Тбилиси и вообще Грузию, несколько раз бывал там. У него были обожающие его друзья — писатели и литературные переводчики. Встретившись с ними в командировке, я была принята по первому разряду.

Все Колины друзья и знакомые из других городов время от времени приезжали в Москву; естественно, останавливались у Коли, и водка тогда текла рекой (по рассказам Коли — нас с Алешей на этих встречах не было). Позже некоторые из них уехали жить за границу, и Коля ездил туда по их приглашению.

В 1970-е годы широким потоком хлынула диссидентская литература: к нам, конечно, от Коли. Он то приносил книги, которые нужно было прочесть за одну ночь (ротапринт), то просил Алешу сфотографировать и напечатать книги, по 100–200 страниц. Какие-то дарил. Самой ценной была «Архипелаг ГУЛАГ» и, вообще, книги Солженицына, но и много-много другого.

В эти же (примерно) годы образовалось «Мандельштамовское общество» и общество «Мемориал» — и Коля с головой

ушел в дела этих обществ. После смерти его бабушки он, наконец-то, получил свою, отдельную комнату, как для жизни, так и для работы. Почти каждый день работал в архивах, собирал материалы — много о войне, писал статьи в «Новую газету». Помню, Коля говорил, что в подобной работе нельзя доверять мемуарам — только дневникам и документам, иначе неизбежна доля невольного вымысла. Насколько я помню, последняя (неоконченная) его статья была о Сталине в конце войны.

В 1979 году Коля женился во второй раз — на Вале. Переехал к ней жить — очень далеко — в маленькую комнату (в другой комнате жила ее мать). Коля купил книжные полки и перевез всю свою библиотеку.

Коля очень хотел, чтобы у нас с ней сложились хорошие отношения, я часто бывала у них, но — не получилось. Не вошла Валя и в нашу компанию. Она даже не захотела отмечать Колины дни рождения. Тогда я (очень плохо умеющая готовить) взялась за это дело. Около трех лет мы отмечали Колины дни рождения у нас, на Масловке, и один раз — даже на нашей даче в Луговой.

У Коли и Вали родилась дочь Маша — и у Коли совсем не стало своего угла. Он старался подольше бывать у друзей. Не знаю, когда они разошлись — по-моему, довольно быстро. Валя всю Колину библиотеку оставила себе — для Маши, по ее словам, — отдала только поэзию. Коля это очень переживал. Когда дочь подросла, Коля не часто, но охотно общался с ней, водил ее на различные мероприятия, и у них сложились хорошие взаимоотношения.

Вообще, Коля был любвеобильным мужчиной. На протяжении жизни у него было очень много друзей, любимых женщин, но всегда постоянных, с серьезными отношениями, длившимися около пяти лет (за точность не ручаюсь). Кого-то я знала, кого-то нет, но дружеских отношений у меня не было ни с кем. Мне

была симпатична Зина Палванова, но особенно — Алена из Ленинграда. Последняя Колина любовь, длившаяся 12 лет, до самой Колиной смерти, — Оля, замечательная женщина и верный Колин друг.

В 1998 году у Алешки случился тяжелый первый инфаркт. К Коле на дни рождения мы теперь ездили редко, зато он на мой — регулярно, там всегда была большая компания. И всегда встречал с нами Новый год (иногда с моими родными, но чаще мы были втроем), а также часто приходил на встречи со мной и Алешей.

В 2010 году от четвертого инфаркта Алеша умер. Что было бы со мной, если бы не Коля — страшно подумать. Мы с Алешей прожили вместе 42 года трудной и счастливой жизни — и вдруг я одна. Но не одна! Коля поддерживал меня, продолжал приезжать каждую неделю (если мне позволяло здоровье), звонил по телефону: «Аленушка, ну как ты, когда можно придти?» Мы опять пили чай и разговаривали — еще почти три года. Он стал моим единственным светом в окошке (правда, поддерживали меня и Юра Гайгаров со Славой Егоровым). Когда я осталась одна, без Алешки, мои семейные отношения были очень тяжелыми, так что, если бы не постоянное общение с Колей...

Я не придавала большого значения тому, что Коля — уникальный человек с огромными знаниями, феноменальной эрудицией, сочетающий это с замечательным, редким и добрым отношением к людям. Для меня он был просто «дорогой мой друг Колька», который всегда рядом, с которым всегда хорошо, интересно и тепло.

Не часто, но надолго (иногда около месяца) Коля ездил за границу — в Германию, США, Италию. Чаще его приглашали друзья, помогавшие ему осилить эти поездки и материально, — приезжал он всегда очень довольный.

В 2010 году он ездил на месяц в Китай и был в восторге от экзотики страны. Последняя его поездка была в США (по-моему, во Флориду) по приглашению друга. Уже там, в аэропорту, скорая помощь поставила ему диагноз — воспаление легких, на что он, естественно, не обратил внимания.

Вернулся в конце октября — важное совещание и мой день рождения, который он «не мог пропустить». Выглядел похудевшим, стал меньше курить (около полутора пачек в день вместо обычных трех-четырёх).

И опять он приходил каждую неделю, и говорили обо всем, и он звонил по телефону.

Потом сказал, что сдает бесконечные анализы, которые его замучили, и что ему «трудно выходить из дома».

А потом — наш последний Новый год — 2013-й. Мы с ним вдвоем и моя семья. После празднования у меня Коля обычно уходил в веселую пьющую компанию, а здесь позвонил и сказал, что приехал сразу домой — плохо себя чувствует.

После этого я его не видела. Десятого января его положили в больницу — он стал плохо ходить и невнятно говорить. Мы говорили с ним по телефону ежедневно, а то и дважды в день (у меня был период плохого самочувствия, я не вставала). Ему запретили курить — он, конечно, нашел способ это «смягчить», но курил мало. К нему приходило много народа: Алик, Оля, Андрей Таранов и др.

Ему поставили диагноз: воспаление легких и операбельный рак кишечника. Почти каждый день ему ставили капельницу, он говорил, что чувствует себя лучше, и рвался домой — закончить и сдать статью.

В субботу, 26 января, назначили новое лечение, но Коле стало резко хуже. Я договорилась с Аликом, чтобы он привезет меня в понедельник, хотя в реанимацию, куда его собирались перевести, не пускают.

А в воскресенье, 27 января, в четыре часа дня я говорила по телефону с Аликом. Коля взял трубку: «Аленушка, я не могу говорить, мне очень плохо, я перезвоню тебе, целую». Около пяти часов я позвонила Алику, и он сказал, что Коли больше нет...

Не стало самого дорогого и близкого друга, который дарил мне любовь и тепло более полувека и без которого невозможно представить себе дальнейшую жизнь.

Александр ТАРУЦ (Королев)

ОХОТА НА ГЛУХАРЕЙ⁵³

«...Так, поднимайте зады и вперед, иначе пропустим все самое важное!..»

Этим призывом Николай умело вовлек нас в различные походные ситуации, как в серьезные, иногда и опасные, так и в развлекательно-авантюрные.

Однажды свой обычный призыв он закончил лозунгом: «Все за мной, на охоту!» «На охоту? Да мы ружье видели только на картине передвижника. Это не для нас!»

Завязался спор, закончившийся убедительной победой Николая, и мы, семеро горе-охотников, под его руководством оказались в брошенной среди бесконечных вологодских болот деревне. Майские праздники. Начало весны. Время перелетных уток. Их очень много, и Николай торжествует.

Утки смеются, облетая наши стволы на расстоянии недосягаемости. Постреляв, мы приуныли...

Но только не Поболь!

- Так, ребята, переходим на охоту за наземной дичью. Глухарь — наша цель. Я слышал сегодня их весенний ток.

По дороге в лагерь Николай авторитетно пояснил тактику предстоящего мероприятия. Глухаря берут на рассвете, подбираясь с большой осторожностью, мелкими пробежками под нежные трели, издаваемые глухарем в поисках подруги («глухарихи»). В этот момент он глухой, а у нас перебежка. Он замолчал, мы замерли. «Всё очень просто. Главное выполнять мои команды: вперед или стой».

⁵³ На фотографии: А. Митрофанов, Н. Поболь, А. Таруц (Архив А. Таруца).

Ночью Николай вывел нас на исходную для охоты позицию.

Это была достаточно емкая для семерых канава, дно которой было покрыто раскисшим снегом. «Теперь — молчать», - скомандовал По-

боль. Молчали мы долго, пока лязг зубов от пребывания в канаве не достиг демаскирующего уровня. Под понимающим взглядом командира молча перебрались на верхний край «окопа». Но поздно. Необходимы дополнительные меры. И мудрый командир, уважаемый Николай Львович, запускает руку в карман крутки и достает эту меру: на каждого по 30 грамм спиртяги.

Согрелись, разговорились и забыли, зачем мы здесь. Решили остаток ночи провести, согреваясь у костра.

Вот и засветлел восток. Вглядываясь в начало нового дня, мы слышали трели, те самые, ради которых мы здесь. Николай, пригибаясь, почти добежал до кустов, из которых они доносились. И вдруг тишина. «Стой!» - заорал командир. Все, кто ждал команды, плюхнулись на землю и замерли в остатках весенних луж. Охотничьего запала нам хватило минуты на три. Первым поднялся командир, и, отряхиваясь, обратился к нам: «Эх! Вы все испортили, топаете, как слоны. Однако я успел насладиться звучанием этой трели любви. Незабываемо!..»

И, как бы в знак благодарности, кусты опять «запели».

Командир, а следом и остальные, поползли к ним. Осторожно раздвинув ветки, увидели большую и очень красивую болотную жабу. Она сидела на краю лужи и, раздувая шары щёк, пела свои трели любви на все болото. Даже наш дружный хохот не смог ни заглушить, ни испугать ее.

Это был фрагмент из развлекательно-авантюрной вылазки Н.Л. Поболя.

Но были у нас и более серьезные походы. Например, на плотках по горной саянской реке Чае, притоку Лены, о чем мы с Николаем однажды даже написали статью⁵⁴.

Павел ТУРУН (Ставрополь)

ОН ОБЛАДАЛ ОГРОМНОЙ ПРИТЯГАТЕЛЬНОЙ СИЛОЙ

С Николаем Львовичем мы познакомились на одной из конференций, проходивших в Ставропольском госуниверситете. Он выделялся из московской группы участников своей бородой и неумной внутренней энергией. Общаться с ним было легко и просто, он интересовался всем и одновременно был великолепным рассказчиком.

С тех пор мы встречались не столь часто, как хотелось бы, и не только в Ставрополе, но и в Москве. Вспоминаются его квартира и теплое гостеприимство, с которым он меня принимал. Николай Львович любого человека встречал с улыбкой, доброжелательно, всегда стремилась помочь.

Он обладал огромной притягательной силой, удивительными личными качествами, которые теперь, после его смерти, можно смело назвать выдающимися — выдающимися, потому что таких

⁵⁴ Имеется в виду эссе «Наш друг и соперник — река» на стр. 330-336 настоящего издания

людей очень мало, они вносят в нашу обыденную жизни много нового и светлого.

Николай Львович навсегда останется в благодарной памяти его родных, коллег и друзей как очень **светлый** человек, как Человек с большой буквы.

Юрий ФРЕЙДИН (Москва)

НЕОЖИДАННЫЙ ЧЕЛОВЕК.

Невысокий, плотно скроенный, теплое рукопожатье, открытый дружелюбный взгляд.

За последние двадцать два года — дату легко исчислить со дня открытия мемориальной Мандельштамовской доски на здании Литинститута, Тверской бульвар, 25 — мы встречались множество раз. Все так и звали его Колей, вряд ли помня его отчество. Мне запомнить было легче, — такое же, как у меня, Николай Львович.

Боже, сколько парадоксов привлек к себе Осип Эмильевич в тот январский день 1991 года!

Вот неспецифический, языковой — «мраморная доска». Ну как же доска может быть мраморной? Или, в иных случаях, бронзовой? Это язык, с ним ничего не поделаешь. Возможно, если бы Осип Эмильевич на минутку вообразил, что его столетье почтут мраморной доской, он сочинил бы горькое шуточное стихотворение, как про «Улицу Мандельштама».

Остальные парадоксы уже просто биографические, и их много: доску прикрепили на стене дома, проклятого поэтом в «Четвертой прозе»; торжество завершили Гимном Советского Союза в исполнении духового оркестра... Возможно, сам поэт и не возражал бы против гимна, но тог-

дашнего, «Интернационала», того самого, который он слушал в наушниках в воронежскую полночь. Правда, может быть, «Вставай, проклятьем заклейменный!...» могло бы прозвучать как спиритическое заклинание, а Мандельштам спиритизмом не увлекался.

Много можно было бы насчитать парадоксов и чудес и тогда, и много позднее, когда воздвигли памятник поэту за Старосадским переулком.

Кажется, Коля ко всем этим чудесам и парадоксам тоже был чувствителен. И на каждом поминании поэта он был душой кружка тех, кто хотел помянуть, снабжая тем, что нужно, и делая это по-доброму тихо, ненавязчиво и скромно.

Невысокий, крепко сбитый, он любил стихи, любил нашего Мандельштама и способен был продолжить стихотворение с любой строки.

Мы встречались с ним и на других литературных вечерах, на открытиях выставок. Колю, оказывается, все знали и любили. А он, если заходила речь, высказывал познания в самых неожиданных областях, от поэзии, архитектуры, андеграундной живописи — до своих прямых специальностей - географии с экспедициями, геологических партий с минералами и маршрутами и ловли такой рыбы в таких водоёмах, которых не то что названий мы не знали, но и мест, где они находятся. Не удивился бы, узнав, что где-нибудь на Дальнем Севере на крупномасштабной карте обозначено озеро Поболя или мыс его имени, хотя, конечно, при его скромности, дружелюбии и неамбициозности он, наверное, легко передал эту привилегию кому-нибудь из спутников...

Скромность, дружелюбие, любовь к жизни, удивительный интерес к ней — вот черты Коли, открывшиеся мне в наших многих встречах и немногих разговорах.

Неожиданно ему стала сопутствовать ещё и архивная удачливость: он счастливо обнаруживал совершенно новые архивные данные — к сожалению, очень грустные... Об эшелоне - таком, в котором с массой приговорённых («с гурьбой и гуртом») везли в дальневосточный лагерь Осипа Эмильевича осенью 1938 года... Об узниках нацистских лагерей уничтожения...

Казалось, что Коля всегда будет с нами встречаться, здороваться, беседовать и порою пировать, устраивать наши скромные пиры в тех местах, где нам обычно случалось встречаться и беседовать. И что этому не будет конца — во-первых потому, что всегда было радостно встретить Колю, а во-вторых потому, что мы счастливо не думаем о конце пути, хотя напоминают нам всё чаще...

Смерть Коли стала полной неожиданностью. Несколько самых разных людей сообщили почти одновременно — это и для них была личная утрата. А.Р. говорил о гражданской панихиде, что для него полной неожиданностью оказалось увидеть у Колиного гроба такое множество совершенно разных, не связанных друг с другом людей — не родственников и коллег, что обычно, а множество друзей — писателей, художников, музейщиков, архивистов, путешественников, геологов...

Дар бескорыстного дружества, любви к жизни и её прекрасным проявлениям становится редкостью в наши дни.

Потому так обрадовала и обязала меня возможность написать несколько слов в память замечательного неожиданного человека Николая Львовича Поболя, нашего и ещё многих других приятеля, единомышленника, коллеги...

Пусть добрая память о нем сохранится не только там, где “*conservat omnia*”, не только в наших сердцах и разговорах, но и на этих скромных страничках.

Олег ХЛЕБНИКОВ (Москва)

ОН ЖИЛ АЗАРТНО

Конечно, Коля Поболь — шестидесятник. Не только из-за даты рождения и прививки XX съезда, но прежде всего благодаря непререкаемой уверенности в том, что в жизни можно и нужно делать то, что интересно, а не то, что выгодно или престижно. И поэтому жить ему было интересно. Причем, по-моему, каждый день и час.

Среди авторов «Новой газеты» он был «как беззаконная комета в кругу расчисленном светил». И не столько потому что публиковался импульсами, сколько из-за неожиданности своего появления в редакции. Приходил всегда без звонка — к своим, прекрасно зная, что ему будут рады. Заходил ко мне в кабинет, садился и закуривал. За первой сигаретой следовали без перерыва вторая и третья. Курил «Союз-Аполлон» и только после недавней поездки в Штаты перешел на «Camel». Надеялся, что из-за дороговизны этих сигарет сократит количество выкуриваемого. Не получилось.

Говорить с ним было остро любопытно. Его новости (иногда из архива), его политические и литературные оценки (прекрасно знал и тонко чувствовал поэзию) хотелось обсуждать.

Не всегда получалось так подробно, как стоило бы, — все-таки работа. Он это понимал — был абсолютно деликатен. И шел в редакционную курилку разговаривать с другими сотрудниками, среди которых у него были любимые собеседники разного пола и возраста.

Наверно, ему было очень важно чувствовать свою интеллектуальную и нравственную, что ли, неодинокость. А азарт-

ный интерес к жизни наверняка был самой характерной его чертой. Отсюда и столь разнообразные занятия в жизни — от полярного летчика до историка-архивиста.

В «Новой газете» он совместно с Павлом Поляном вел рубрику «Ваши документы!». Для каждой публикации находил неизвестные документы, демонстрирующие жестокость, нелепость и даже абсурдность тоталитаризма. Как будто иллюстрировал строчку любимого им Мандельштама: «Власть отвратительна, как руки брадобрея». А еще не уставал удивляться необразованности, а порой идиотизму кремлевских вождей. Смеялся над ними...

Кстати, как он замечательно шутил и смеялся в свои антисталинские усы!

...После 50 новые друзья обретаются крайне редко. И, все-таки, с Колей Поболем, несмотря на двадцатилетнюю разницу в возрасте, у меня это получилось. Очень горько, что так ненадолго.

Мамука ЦЕЦХЛАДЗЕ (Тбилиси)

МОЙ НЕСЕРЬЕЗНЫЙ ДРУГ

Это у государств нет вечных друзей, а у стран и у людей они есть. У государств есть вечные «стратегические» интересы, а вечная стратегия человечества всегда одна — любовь к ближнему.

Культура одна, но отклонений много, и каждый, кто отклоняется от этих отклонений, выглядит, мягко говоря, несерьезно. Как «Певчий дрозд», к примеру,— Коле, как и всем нам, очень нравился этот фильм... Все мы, кому сейчас за 70, были более или менее несерьезными людьми и, прежде всего, имен-

но этим и привлекали внимание друг друга: так было и у нас с Колей...

Родились и росли мы, однако, в слишком серьезное время — был Сталин, была война, был страх. По примеру и в отличие от французского классика, я бы назвал эту эпоху — «Красное и серое». Ну а вступили мы в жизнь уже при Хрущеве, когда все вокруг стало вдруг крайне несерьезным — вроде бы и развенчали «культ», но культ остался. Просто Сталина сначала стали называть Хрущевым, потом Брежневым, потом еще кем-то, но Сталин продолжал себе жить, несмотря на то что уже не лежал рядом с Лениным, который к тому времени уже и впрямь успел умереть.

Несерьезным был и наш «глоток свободы», но он был, и Коля, что называется, взахлеб читал наизусть всю русскую поэзию 20-х годов.

Пишущим я его не помню, я знал читающего Колю, но читающего так, что не оставалось сомнений в том, что он и сам пишет — спрашивал его не раз, но Коля каждый раз отмахивался. Оно и понятно — стихи, которые он читал, уже принадлежали ему самому, он их читал, как собственные, и переживал, как если бы был их автором. Он вглядывался то и дело тебе в глаза, ему нужно было знать, вник ли ты в то, о чем он сейчас с тобой говорит...

Сложно мне сейчас Колю вспоминать, ведь прошло еще совсем немного времени...

Когда близкий тебе человек уходит в мир иной, то на самом деле ведь не он уходит от тебя, а ты от него. Он уходит в вечность, а ты, ты на время остаешься здесь вместе с ним. Мне нужно еще время, чтобы осмыслить нашу дружбу. Напишу об этом, обязательно напишу, если успею — ведь я тоже сейчас нахожусь уже на последнем подъеме...

В Тбилиси есть улица, которая называется — «Последний подъем», есть и другая — «Гора размышлений»...

Коля знал и эту улицу, и эту гору...

Михаил ШАПИРО (Иерусалим)

ХРИПЛЫЙ РОМАНТИК

Всегда казалось, что Львович — самый взрослый из нас — нашей университетской компании не только по возрасту, но и по опыту, знанию — по всему тому, чему мы только учились. Те палочки и крючочки, которые мы начинали выводить под взглядом своих учителей, Львович прошел задолго до нас. Где и кто обучил Львовича его разным премудростям, не знаю.

Казалось, он всегда, все годы был одним и тем же: знал лучшие книги, читал лучшие стихи, понимал цену настоящему. Созданный для застолий, гуляний и неспешных разговоров, Львович был тем особым человеком, который, говоря о мелочах, обозначал вечное, жил в несуетном, по-человечески скроенном мире, не зависимом от конъюнктуры и сиюминутных мейнстримов.

При первом знакомстве Львович мог показаться человеком, сметенным временем со своей дороги. Он не рвался вперед, не грохотал, не стремился произвести впечатление. Проходили годы, центрифуга обстоятельств раскидывала всех по разным углам, корежила и дробила, а Львович оставался все прежним — хриплым курякой, переполненным стихами и вкусом к жизни. Становилось ясно, что именно он сумел построить свою жизнь по-настоящему, наполнив себя до краев тем, что только и может дать сама эта жизнь.

Но Львович умел не только брать. Одно из самых сильных переживаний — выпивший Львович, несколько часов кряду читающий в походной палатке стихи Ахматовой, Ман-

дельштама, Пастернака. Тихая ночь.словно эвенкский шаман Львович раскачивается в такт произносимым словам. Наступает момент, когда один его голос заменяет все — воздух, смыслы, все сторонние ощущения. Слышны только его, Львовича, хрипы. Особая, неземная музыка. И создать ее могли лишь очень редкий, очень чистый, очень глубокий человек...

Пусть земля будет ему пухом! И благословенна память о нем!

Марат ЯМПОЛЬСКИЙ (Майами, США)

ЧТО В КОЛЕ ПОКОРЯЛО — ОПТИМИЗМ!⁵⁵

С Колей мы познакомились на даче в Друскениках в 1955 году. Вывозить детей на приморский курорт тогда считалось делом не только полезным, но и необходимым для поддержания статуса «приличной» семьи. У нас, 15–16-летних детей из «приличных» семей, в то лето сложилась замечательная компания.

Мы полюбились друг другу настолько, что продолжали поддерживать отношения всю жизнь. И Коля внес, пожалуй, самую большую лепту в сохранность нашей дружбы.

Друг — вот главная характеристика Коли для меня.

Я никогда не забуду, с каким упоением мой ближайший (и, к несчастью, тоже покойный) друг Яша Герман и Коля читали стихи, то дополняя друг друга, то соревнуясь. Часами! До глубокой ночи! Хотя я человек и далекий от поэзии, мне невольно приходило на ум сравнение с певцами, что поют не столько голосом, сколько душой.

На фотографии, где мы стоим вчетвером на Яшином шестидесятилетии, остался я один. Ни Яши Германа, ни Вити Линденбаума, ни Коли уже нет...

⁵⁵ На фотографии: Я. Герман, Н. Поголь, В. Линденбаум, М. Ямпольский (Архив М. Ямпольского).

Добавлю о Колином преклонении перед Диной Соломонов-ной Шупер, мамой Яши Германа. Между собой, несмотря на разницу в возрасте, мы ее называли Диночкой. Коля познакомился с ней лет в 16—17, и, когда бывал в Ленинграде, всегда ее посещал. Она была человеком особым, незаурядным. Музыковед по образованию, она дружила с Шостаковичем, Радловым и многими другими видными деятелями советской культуры. Она читала лекции о «Могучей кучке» и других композиторах в филармонии, а готовила их дома, в коммунальной квартире, где у них на семью из трех человек была единственная комната. Туда, в эту комнатушку, заваливались после концертов ее друзья: спорили или веселились до глубокой ночи — в то время как ее муж, главный инженер какой-то проектной конторы, пытался спать (он уходил на работу рано).

Ее эрудиция и почти детские любознательность и открытость, видимо, выделяли ее на фоне поколения наших родителей и делали привлекательной для нас, мальчишек,

которых она воспринимала как равных. Мы могли часами сидеть на продавленном диване, пить чай с вареньем, читать стихи и разговаривать о жизни.

Коля всегда говорил, что она была первым взрослым человеком, с которым ему было интересно и хотелось делиться. Не только для Коли, но и для всех нас, юношей, Дина Соломоновна была и подругой и духовным наставником, а для меня еще и второй мамой.

Своих же родителей, как и их друзей, в основном, уважаемых и образованных людей, он, что называется, «за людей не держал».

Я жил в Ленинграде, а потом в США — и мало знаю о Коле как о специалисте, муже, отце. При всей нашей симпатии друг к другу мы оставались на разных концах планеты и в понимании аспектов жизни, которые я считаю главными.

Беседы о жизни у нас с Колей стали возникать только в последние лет десять. В молодости мы обсуждали только, как повеселее провести время. Колину философию я так и не понял. Мы расходились по всем вопросам приблизительно так же, как расходятся капитализм и социализм.

Он не очень-то любил трудиться и иногда жаловался, что Павлик «заставляет» его работать больше, чем он привык. Я же всегда ему говорил, что это ему только на пользу.

Он же считал, что почти все должно давать государство, а я считаю, что человек, прежде всего, должен обеспечить себя сам. Его взгляды на современную жизнь, возможно, были основаны на курсе экономической географии, которую он изучал в молодости, и с тех пор почти не поменялись.

Он безалаберно и безответственно относился к себе, а заодно и к женам и детям. Я много раз предлагал ему помочь наладить его быт — ведь он жил в прекрасной, но абсолютно запу-

щенной квартире, обладал прекрасными книгами и картинами, и при этом у него никогда не было денег.

Я ему предлагал помочь продать квартиру, купить меньшую и на вырученные деньги путешествовать — ведь он так мечтал путешествовать по миру. Предлагал продать книги или что-то из картин, но он отказывался и продолжал влачить, на мой взгляд, нищенское существование. И, думаю, что не только из сентиментальной привязанности, но и из-за лени.

Наши взгляды на окружающий мир настолько разошлись, что большей частью он беседовал с моей женой о московских выставках, литературе, литературных знакомствах и т.д. Я же, в основном, обеспечивал выпивку, еду и нормальные сигареты.

Что в Коле покорило — его оптимизм. Я не помню его в плохом настроении. Даже когда он рассказывал о каких-то своих неприятностях — это не звучало как жалоба. Просто факты, которые немного омрачали, но не отменяли ни походов на бесконечные выставки и приемы (как теперь говорят, тусовки), ни поездки, ни баню, ни знаменитого Колиного плова. Я не помню случая, чтобы по приезду в Москву я позвонил Коле, а он не нашел времени «подскочить» — летом и зимой в жилете, потому что удобно — много карманов и с сумкой на плече, в которой чего только не было. Штопор был точно.

Я любил ходить с Колей в ресторан или выпивать и закусывать в гостинице. Он знал толк и в еде, и в выпивке — и делал это с таким удовольствием, что как-то не думалось, что выпивки слишком много или из-за закуски ты назавтра будешь глотать таблетки.

Коля всегда был здоров. Казалось, что его безостановочное курение и излишнее употребление алкоголя идут ему только на пользу. Однако после его поездки в Китай что-то, видимо, надломилось в его сильном организме. Он по-прежнему любил выпить, но еду только вяло ковырял вилкой.

Когда в прошлом сентябре он приехал к нам в Майами, его пришлось вывезти из самолета на кресле-каталке. Он практически не держался на ногах. Мы с женой решили, что он плохо перенес перелет, потому что всю дорогу ничего не хотел есть и не мог курить.

Через два дня мы поняли, что дело куда серьезней, и отвели его к врачу. Двустороннее воспаление легких. «Никогда не болеющий» Коля, оказывается, ничего толком не мог есть еще за несколько дней до приезда к нам.

Но не отменять же давно запланированную поездку! Он был глубоко убежден в том, что если не обращать внимания, то пройдет само. С помощью антибиотиков и наложения запрета на курение (второе было непросто) нам с женой удалось поставить его на ноги.

Он даже начал есть с аппетитом и нормальные порции. Когда он выздоровел, то съездил к друзьям в Колорадо. И в Майами жена устраивала ему экскурсии по местным достопримечательностям. Все, казалось, было хорошо, когда он покидал Майами.

Мы продолжали общаться по скайпу, а потом он внезапно исчез. На протяжении двух недель я звонил в разное время дня и ночи, но бесполезно, пока вдруг Коля не ответил со своего мобильного. Он сказал, что лежит в больнице по поводу все того же воспаления легких, но что его скоро выпишут: тогда мы созовемся и сможем поговорить по-настоящему. Неохотно упомянул, что позже придется опять лечиться в больницу, но в другую — онкологическую.

А через два дня нам сообщили, что Коли не стало...

...За 57 лет дружбы с Колей, конечно, можно было бы вспомнить многое — хватило бы, чтобы выставяться на премию «Большой Книги», но у Коли такое количество друзей, что если каждый напишет хотя бы страничку — аккурат Большая Книга и получится.

ИЗ ОТКЛИКОВ НА ИЗВЕСТИЕ О СМЕРТИ

Виталий Белозеров, Ставрополь:

Павел, здравствуй, не могу поверить, что Николая Львовича нет с нами, прими глубокое соболезнование и передай родственникам. Его образ светлого человека всегда с нами.

Виталий и вся кафедра, кто его знал.

Дженнифер Бэйз, Оксфорд:

What a terrible month it has been, with the deaths of two wonderful people. All my sympathy. It was such a privilege to have met Kolya, the like of whom one will never see again.

Serdechno, Jennifer.

<Пер. с английского: Какой страшный месяц нам выпал, со смертями двух замечательных людей⁵⁶. Вся моя симпатия! Это было большой удачей встретить Колю, подобного которому уже никогда не встретить. Сердечно, Дженнифер>

Ник Барон, Ноттингэм:

Please accept my condolences. Please convey my deep sympathy and best regards to all Kolya's family and friends. Lena and I remember a wonderful encounter with Kolya back in 2002, when we went to an OGI caf  on Bol'shaia Dmitrovka and he introduced us to the exquisite delight of beer and carpaccio, while he reminisced about his many travels... We also recall his visit to us in Manchester with great pleasure. He was always enthusiastic, engaging, self-effacing, charming, and, above all, interesting. It's a great pity we didn't see more of him during later visits to Moscow.

All the best, Nick.

<Пер. с английского: Пожалуйста, прими мои соболезнования ... Пожалуйста, передай мою глубокую симпатию и лучшие пожелания его семье и друзьям. Мы с Леной вспоминаем чудесный вечер, когда

⁵⁶ Имеется в виду также смерть филолога Артема Козьмина.

мы пошли с Колей в кафе ОГИ на Большой Дмитровке, где он открыл для нас одно изысканное пиво и карпаччо и где он вспоминал свои многочисленные путешествия... С большим удовольствием мы вспоминаем и его визит в Манчестер. Он всегда был полон энтузиазма, привлекательности, скромности, обаяния и, поверх всего, огромного интереса. Какая жалость, что мы не виделись с ним во время других визитов в Москву. Всего наилучшего, Ник >

Марина Глазова, Галифакс, Канада:

Какой прекрасный был этот человек — Коля Поболь, — и какие прекрасные слова написали о нем друзья!

Я не была с ним знакома, но полюбила всем сердцем, не только читая все эти любящие слова, но еще и в свое время, внимательно читая его работы по Мандельштаму.

Выражаю Вам, Павел, и всем друзьям Коли глубочайшее соболезнование.

Мне очень понравился весь текст, который Вы написали о Коле. И эти слова очень верные: на нас — одновременно — надвигаются не только глобальное потепление, но и глобальное замерзание — душ и бескорыстных человеческих отношений...

С глубокой грустью и нежной любовью к ушедшему от нас такому красивому человеку — Марина.

Белла Дибирова, Махачкала:

...Только что от Шаха услышала что, нет больше Николая Львовича! Это ужасно! Нет слов, чтобы передать мою боль, сожаление по поводу его безвременной кончины! Даже страшно эти слова произносить. Мне так жаль, что я так и не дошла больше к нему в гости! Если бы я знала, что он болен, обязательно выбралась бы к нему! Очень доб-

рый, светлый был человек! Примите мои соболезнования, самые искренние сопереживания! Не верится, что его нет.

...Как же я корю себя за то, что не увиделась с ним, мне сейчас так больно от этого! Представляю, как тяжело Вам! Я виделась с ним всего два раза в жизни, когда познакомилась там, на конференции в Ставрополе, и потом спустя несколько лет попала с подругой к нему в гости, и еще одна была встреча в тот же приезд, а ощущение, что потеряла очень близкого мне человека... очень добрый, теплый, жизнерадостный, светлый и чистый... И вот с тех пор время от времени собиралась нагрянуть к нему, фотки, помнится, слала наши, сейчас пыталась их у себя найти в почте, но что-то нет их, но так и не добралась... Мой дорогой Николай Львович! Надеюсь, он не сильно мучился...

Прошлась по ссылкам этим, почитала о нем. Всегда тепло на душе становилось, когда о нем вспоминала... Он был, есть и останется в моей жизни навсегда!

Все любили его, мне кажется, что по-другому к нему невозможно было относиться. Мой золотой, на всех фотках он с сигаретой, как он эту заразу любил, столько говорил о ней и в спиртных напитках разбирался! Сейчас вспомнила наши посиделки у него дома, помню его комнату, там было так интересно, столько книг!..

Конрад Зелинский, Люблин:

I'm sorry... I remember our 'banya meetings' etc. Kola was an extraordinary man...

Konrad.

<Пер. с английского: Какая жалость... Я вспоминаю наши «банные встречи» и т.д. Коля был необычайный человек... Конрад >.

Наум Клейман, Москва:

Паша, друг дорогой, только что обнаружил в почте твой некролог Коле — Господи, как это случилось? Ведь так недавно (на Non/fiction?) мы виделись... Светлая память ему! Ужасно грустно...

Воистину — такая смерть есть благо и милосердие богов. Коля и уйти должен был легко. И оставить таким уходом тяжесть в наших сердцах и свет в нашей памяти. Спасибо тебе, Паша, что благодаря тебе я познакомился с Колей.

Сергей Красильников, Новосибирск:

Павел, привет! Очень жаль, что ушел из жизни Коля. Мне кажется, что он был представителем той, теперь уже крайне редкой, породы людей, которые не переставали, что бы судьба над ними не вытворяла, верить в людскую доброту и нести это доброе начало в себе. Светлая ему память...

Сергей.

Александр Ласкин, Санкт-Петербург:

Дорогой Павел! Прочел о смерти Николая Поболя — и очень загрустил. Мы с ним встречались один раз — я отвозил рукопись книги Ваксель — но так получилось, что провели вместе целый вечер. Этот вечер я всегда вспоминал с теплом, а уж теперь — с особым чувством. Светлая память!

Андрей Сорокин, Москва:

Дорогой Павел, примите соболезнования в связи с кончиной вашего близкого друга Николая Поболя. Для нас всех Николай, несколько не менявшийся во времени, был константой, без которой трудно представить окружающий мир. Жму руку, Андрей Сорокин.

Ксавье ле Торивеллек, Париж:

Коля! Помнишь, как мы с тобой всегда встречались в бане — и всегда голые? Я знаю, ты бы посмеялся сейчас...

В бане ни у кого нет ни одежды, ни социальных ролей, ни надетых и мешающих масок. Да мы и не нуждались в чем-то ещё. Просто быть в бане, среди друзей, просто болтать, обсуждать важные вопросы, просто много смеяться.

Я помню, как каждый вторник твои глаза улыбались, когда ты рассказывал моменты своей жизни...

Твоя белая борода казалась мне источником твоих огромных знаний и смелости.

Я скучаю без тебя и пишу сейчас для того лишь, чтобы сказать: ты остаешься в глубине моих мыслей.

*Часто вспоминаю тебя. Ты даёшь мне силы. Спасибо тебе, обнимаю.
Твой друг Ксавье.*

Шарль Уриевич, Париж:

Дорогой Паша, какое горе, какая несправедливость! Я сразу полюбил Колю и мне очень больно.

Арон Шнеер, Иерусалим:

Нескольких минут общения с ним хватило понять, что это был замечательный человек. Вечная ему память.

Йорг Штадельбауэр, Кельн, Германия, из Янгона, Бирма:

Lieber Pavel, das tut mir sehr leid. Ich erinnere mich sehr gerne an unsere gemeinsame Reise zu Shachmardan nach Dagestan, die nun schon über zwanzig Jahre zurueckliegt. Wie schoen, dass ich Kolja im letzten Jahr bei der Konferenz in Moskau noch einmal treffen konnte!

Herzliche Gruese aus Yangon / Myanmar, Joerg.

<Пер. с немецкого: Дорогой Павел, как жаль. Я люблю вспоминать нашу совместную поездку в Дагестан к Шахмардану, тому уже около 20 лет. Как хорошо, что мы успели повидаться с Колей на последней конференции в прошлом году!

Сердечные приветы из Янгона / Мьянма. Йорг>.

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ГРАЖДАНСКОЙ ПАНИХИДЫ⁵⁷
31 января 2013 года, Актальный зал общества «Мемориал»,
10:45–12:00

Открывает и ведет панихиду Павел Полян: Дорогие друзья, родные и близкие Коли, собравшиеся здесь, в Мемориальском зале, в этот грустный день, в этот грустный час. С Колей было замечательно дружить. С Колей было все замечательно, пока он жил. Будем вспоминать само лучшее, что с ним связано. А у каждого из присутствующих здесь связано с Колей очень много.

⁵⁷ *Расшифровка аудиограммы осуществлена А. Мироновой.*

Ряд выступлений опущены, в частности, выступление О. Шамфаровой изъято по ее требованию. На фотографиях – эпизоды панихиды (Фото П. Андруковича).

Но я не уверен, что все здесь собравшиеся друг друга знают, потому что круги общения Колины были настолько широки и разнообразны, что трудно себе представить. Когда я, и не только я один, рассылал эту печальную, скорбную информацию, я получил сотни откликов. Многие из них — од-

носложные, выражение сочувствия и соболезнований, а некоторые — более развернутые. Их можно видеть на сайте «Мемориала» и на сайте Мандельштамовского общества. Я сейчас просто назову некоторых из приславших соболезнования, и по разнообразию имен и по географии вы поймете, как они глобальны: Виталий Белозеров, Ставрополь; Ник Барон, Ноттингем; Сергей Василенко, Фрязино; Конрад Зелинский, Люблино; Андрей Калишевский, Москва; Наум Клейман, Москва; Сергей Красильников, Новосибирск; Александр Ласкин, Санкт-Петербург; Инна Лиснянская, Хайфа; Лена Макарова, Хайфа; Леонид Межибовский, Франкфурт-на-Майне; Шахмардан Мудуев, Махачкала и Чуртах, аул в Дагестане; Александр Пахомов, Магадан; Полина Поберезкина, Киев; Андрей Сорокин, Москва; Шарль Уриевич, Париж; Йорг Штадельбауэр, Кельн (прислано из Бирмы).

Когда я все это мысленно сложил, то начал понимать и чувствовать, что это — начало некоей будущей книги, посвя-

щенной Коле. Книги о том, что мы о нем помним и думаем, что мы к нему чувствовали и испытывали. И я призываю всех собравшихся здесь, так и отсутствующих, как-то все это зафиксировать, если это возможно. Плюс многочисленные Колины фотографии.

Думаю, это будет замечательная книга. И, должен сказать, что в ней будет и большая подборка текстов самого Коли, потому что, на самом-то деле, их не так уж их мало. Хотя, как и Аркадий Штейнберг, он был человеком устной культуры, не то что не любивший, а просто отвратительно относившийся к такому занятию, как создание письменных текстов, тем не менее под воздействием ряда факторов он кое-что и написал. И то, что он написал, это и воспоминания, и рецензии, и архивные публикации — целая серия которых была в «Новой газете» — все это составляет очень интересный и очень важный блок материалов. Он практически весь встраивается в то, что Коле было очень близко. Это будет книга об исторической правде — то есть о том, что его больше всего интересовало как исследователя.

И вот только что мне передали «привет» из Иерусалима, от Зины Палвановой — поэтессы, с которой Коля был очень дружен в ранние свои годы. Это стихи, и ими я закончу.

«Памяти Николая Побоя», 27–30 января, Иерусалим (*Читает стихи*⁵⁸).

Вячеслав Егоров, архитектор: Это совершенно потрясающая вещь, что действительно Коли с нами больше нет. И те слова, которые сегодня были прочитаны, те стихи, я думаю, они совершенно точно выражают состояние души каждого, — что нет Коли ни в городе, ни в мире, нигде Коли нет, к сожалению. Потому что это... дикая несправедливость. Вот был со-

⁵⁸ См. на стр. 317.

вершено живой человек, мы с Андреем были у него в больнице. Совсем за несколько часов до кончины. А за неделю до этого — абсолютно здоровый, веселый как всегда человек, который ожидал, что вот сейчас он немножко подлечится, и все будет опять замечательно. Какая-то дикая нелепость, даже не знаешь, кого в этом обвинять. Но это свершилось. Коля, милый... 50 лет уже нашему знакомству. Столько столов, грибов, стаканов... Чего только не было этой жизни! И все — теперь это оборвалось.

Горе, конечно, ужасное горе. Он, конечно, был человеком из другого мира, из другой сферы, но мы, зодчие, все эти десятилетия чувствовали, что это тоже наш человек. Он жил, болел нашей профессией и этой культурой, какой-то истиной, которая в этой жизни существует.

И я думаю, это правильно, что нужно написать о Кольке книгу. Это человек, который достоин остаться в памяти не только человеческой, но и общей — в виде печатных воспоминаний.

Андрей Таранов, архитектор: Ушел Коля. Это был огромный человек, огромный... При его небольшой фигуре его хватало на всех нас, на тех, кто собрался сейчас здесь, кто далеко или не очень далеко. Люди в Европе, Азии и Америке, на Севере нашем — в какой-то степени были под его крылом. Его добра, излучаемого им, хватало на всех.

Это удивительно. Я не встречал другого такого человека, у которого добро было не то что разменной монетой, а каким-то теплым одеялом, которым он оборачивал всех, кто хотел этого. Фантастической доброты человек.

Я не буду говорить, кем он был по жизни. Географом, исследователем, архивистом... и еще не знаю кем.

Он все успевал, опаздывая — но успевал все-таки каким-то образом. Он все делал. Он мог говорить на любую тему — эрудиция его была огромная.

И все знают его простоту, легкость общения. Если он в каком-то вопросе намного-намного превосходил собеседника, он спокойно говорил, на равных объясняя или отстаивая свою точку зрения, которая, я думаю, всегда была правильной.

Уход его ужасен. Ужасен неожиданностью. Потому что все мы очень рассчитывали, что вот он выберется из больницы, пройдет недели две, мы продолжим лечение (все было договорено с врачами, с больницей) и вытянем. В этом у всех нас не было никакого сомнения.

Коля две недели был в больнице — и диагностика подтвердила, что у него был инсульт, помимо того воспаления легких, которым он болел, наверное, долго. Инсульт не сильный. Провалы в памяти у него были, но небольшие. Он крепчал, крепчал, все становилось на свои места, а в субботу-воскресенье ему стало хуже. В воскресенье я к нему приезжал, видел его. Он у меня очень просил сигаре-

ту. Он говорил, что Оля была и отобрала все. Я долго упирался, но потом сломался. Мы пошли курнуть. Он сделал одну затяжку, бросил сигарету, говорит: «Не могу, не хочу, не оставяй — не буду». Лег. Я уехал. Потом приехали Алик и Петя. На их руках он и умер. В четыре часа или в начале пятого его повезли в реанимацию, но уже ничего не удалось сделать.

Ужасна эта потеря.

Алексей Багдасарян, географ и экономист: Потерял Колю. Знал Колю с 69-го года. Дружил.

Дело в том, что сейчас я понял, что Коля был провидцем. Он всегда избегал врачей, не хотел лечиться. Он в чем-то был прав, с нюансами. Оказалось, что все врачи, как и другие люди, в субботу-воскресенье в основном отдыхают и, видимо, где-то решено, что и больные должны в субботу-воскресенье не очень болеть, и болезнь, наверно, должна иметь какой-то выходной. К сожалению, мы не смогли ни достучаться, ни докричаться ни до одного врача, который мог бы помочь. Это чувство бессилия сегодня присутствует. Право на продолжение жизни у Коли было, но этой глупой системой было отнято у него.

У нас у всех есть, наверно, друзья. У кого-то один, у другого несколько, у кого-то много. У Коли тоже были друзья, много друзей. Но у него было одно принципиальное отличие от всех нас — он был самым лучшим другом для очень многих людей. Самым первым, самым лучшим. Такого, думаю, никому не удавалось и, вряд ли, удастся. Причем для друзей он делал чудо какое-то. Я могу рассказать один случай, когда он попросил передать своему другу в Тбилиси, а это было лет 10–15 назад, какую-то сумму денег в конверте. Он жил плохо. Это было 50 или 100 долларов, не помню.

Он мне сказал, где его найти — напротив Оперного театра он торговал своими книгами, для того чтобы прокормить семью. Я подошел, нашел его, передал ему привет от Коли и этот конверт. Он начал вдруг руками махать и говорить: «Это чудо! Это чудо!» Я очень удивился, что за чудо такое произошло. Когда он кончил кричать про чудо, я спросил, что случилось. Он говорит: «Неделю уже хочу продать несколько книг, потому что у меня Серебряная свадьба, чтобы купить цветок или подарок жене. В этот день, сегодня, я ходил — нигде ни у кого не нашел денег. И появляетесь вы вдруг. Я открываю, а там деньги, которые мне нужны. Разве это не чудо?»

У Коли было много кругов друзей. Потому что этой его внутренней энергии — доброй, светлой — было очень тесно в рамках одного круга, одной семьи, одного города, одной страны, мира. Видимо, сейчас эта энергия распирала и, можно сказать, что она решила освоить своей добротой космические пространства.

Коля не писал великих книг, но он был великим деятелем культуры. Он был человеком-камертоном, который точно улавливал значение произведений литературы, искусства, архитектуры. У него был особый дар в этом. Этот дар был уникален. Коля как бы вбирал в себя это все, был накопителем всего прекрасного. Был такой системой накопления и передачи культуры. Его метод работы в культуре имеет истоки в сократовских диалогах и беседах, в древнеримских симпозиумах.

Коле как человеку культуры чего-то не хватало. Наверное, ему не хватало аплодисментов.

Я хотел бы просить, и, думаю, что это будет правильно, чтобы мы наполнили это помещение аплодисментами, провозжая его в последний путь, он этого заслуживает.

Коля, спасибо тебе, что был в моей жизни, что ты в ней был и будешь.

Александр Суетенко, инженер, капитан команды, сплавающейся вместе с Н. Поболем по горным рекам на плотах: Есть несколько друзей Колиных по его начальному периоду жизни, хотя мы и до конца дружим. Мы узнали Колю в 61-м году по совместной работе в МЭИ. Он начинал свою жизнь с техники. Нас с ним еще связало общее увлечение. Мы вместе с ним прошли не одну сотню километров по тайге, по таежным рекам. Примерно 15 лет нас это хобби объединяло. Это сложные спортивные походы. И здесь все те хорошие качества, о которых мы сейчас слышали, точно так же проявлялись. Несмотря на то что было трудно — было легко психологически сорваться — Коля оставался душой коллектива, очень хорошим товарищем. Спокойно, стойко переносил трудности. Нас с ним объединяет дружба уже почти 50 лет. Коля, мы будем всегда тебя помнить как хорошего товарища.

Сергей Мироненко, директор Государственного архива Российской Федерации: Нельзя выразить словами, что такое был Коля. Все, что говорилось, — правда, но в то же время не вся. Это был такой удивительный человек, про которого, что бы ни говорили, все правда. И Коля был сама воплощенная жизнь. Он был бесконечно добр, бескорыстен, удивительно открыт миру и людям, которые с ним общались. Представить, что его нет, просто невозможно. Месяц назад мы с ним сидели за одним столом, в архиве, он шутил, смеялся. Хотя мы знали, что он не очень хорошо себя чувствовал в последнее время, не мог понять, что с ним происходит. Представить, что его не будет... Но сегодня мы с ним прощаемся. С Колей ушла часть жизни, которую никто никогда не вернет.

Елена Стеженская, географ: Я представляю нашу плеяду из университета. Мы все однокурсники Колины и начи-

нали свою жизнь с ним. И не сказали еще одну его ипостась: он был нашим ненавязчивым учителем. Никогда не менторским и всегда тактичным. Мы очень много открыли с ним. Я, родившаяся в писательской среде, очень мало знала о Мандельштаме, практически ничего. Он открыл мне этого поэта. И не только его.

Эрудиция, которой он всегда блистал, сплывала вокруг него нашу университетскую компанию. Только вокруг него-то она, собственно, и сложилась. Сейчас представить, что его нет — и некуда будет пойти в гости, в дом, где он всегда был радушным хозяином... Он же меньше стал ходить в последние месяцы, последний год, а больше принимал. Его душевное качество — общение — было в нем самым главным. Он есть, он навсегда останется. Мы начали дружить, и до этого у него были друзья — они никуда не делись, он только увеличивал их количество с каждым годом жизни. Легкость в общении, потрясающая тактичность, ненавязчивость в получении знаний.

Давид Парунакян, физик: Николай Львович был человек большой, как гора. Много его было, его хватало на всех. И это не отдельное лично мое мнение — а все, кто здесь сейчас выступал, все это понимают, все это чувствуют, все помнят его голос и его жестикуляцию. Его всегда было много. Если есть люди, которые равномерно излучают свет, добро, то Николай Львович — это был перманентный взрыв энергии, постоянный.

Алексей Плигин, издатель: Мы с Колей познакомились в прошлом году. И виделись четыре раза. Когда делали книжку про Сашку Васильева, он поддержал, протолкнул это дело. Стоял вопрос — делать или нет. Он пришел в типографию, мы пообща-

лись, и я решил, что надо делать книжку. Долго общались. И, расставаясь с ним, мы уже обнимались. Четыре раза мы пересекались, подолгу общались, душевно, всегда расставались — обнимались.

Вдруг вчера утром «Новая газета» — и такое ощущение личной потери!

А последний раз мы увиделись случайно на «Non/fiction». Начало декабря, опять долго-долго говорили. Часа два мы с ним общались. И такая мне от него поддержка дальше — на всю жизнь! Расстаемся, обнимаемся, и он мне несколько раз повторяет: «Спасибо тебе за Сашку! Спасибо тебе за Сашку!» И, уходя, последнее, опять: «Спасибо за Сашку!»

Олег Хлебников, поэт, редактор «Новой газеты»: Мы в «Новой газете» успели полюбить Колю. Практически сразу, как он появился, появился вместе с Пашей, он был «незаконной кометой в кругу расчисленных светил». Это касалось и его текстов. Они были всегда неожиданными. А это самое главное в газете, чтобы она отличалась ото всех остальных. И он так же неожиданно приходил в редакцию, всегда без звонка. Потому что он приходил к своим. И действительно звонка было не надо. Какой бы ни был момент: сдача номера или более свободный час — мы всегда радовались приходу Коли. Я обычно с большим трудом перехожу на «ты» с людьми, кто хоть немного старше меня. А тут не было никакого затруднения.

Его присутствие в моем кабинете... как будто частично он там и остался. Я вижу, как он приходит, садится, закуривает, и что-то рассказывает. Как правило, о том, что он прочитал.

Он еще был великий читатель. Это могли быть самые неожиданные вещи. Он мог взять и прочитать какие-то новые стихи. Всегда было интересно, как он это воспринимает. Без слов было понятно, как он это чувствует — нравится или нет.

Для меня было счастье обретения нового друга уже в том возрасте, когда редко появляются новые друзья. А сейчас — большая потеря.

Евгений Мартюшин, школьный друг Н. Поболя: Я школьный друг Коли. Мы с ним знаем друг друга с 48-го года. Коля был душой нашей компании. Мы каждый год встречались. Из Варшавы приезжал Юлик Жеймо. Коля всегда был для нас будто бы старшим товарищем. Я всегда с ним сверял свои политические взгляды. Всегда, как он говорил, так и сбывалось. С Колей мы очень дружили в детстве, в армии, после армии. Потом немного разошлись, встречались раз в год. Но всегда он говорил: «Тюшенька, привет!» Это всегда была радость. Я всегда звонил ему 19 мая, в его День рождения. «Тюшенька, приезжай!» Иногда я приезжал, иногда нет. Не верю, что нашего Коли, Колябуса, как мы его называли, больше нет...

Встречались мы не очень часто. Но когда встречались, то это было удивительное удовольствие. Мы могли часами обсуждать любую тему — об архитектуре, политике, искусстве, поэзии, о чем угодно. Это был праздник. Для меня навсегда останутся в памяти Колины дни рождения. Большая комната, огромный стол... Народу приходит столько, что невозможно представить, что за этим столом могут уместиться все. Но появлялись какие-то дощечки... И все все-таки умещались. Это был замечательный день. Все говорили ему приятные слова, остроумные слова. Коля сидел в конце стола, наблюдал за всем этим, следил, чтобы выпивали. Я в последнее время не очень выпиваю, он меня спрашивал: «Почему ты не выпиваешь?» Его дни рождения — что-то необычное и очень интересное. Когда я вспоминаю об этих днях — вспоминаю о его квартире, о маме, которая жарила рыбу, и о его друзьях, которые тоже жарили рыбу. Ему присылали всегда рыбу, корюшку, из Ленинграда.

Жаль, что это закончилось.

Павел Полян: А, может быть, не закончилось? Может быть, 19 мая могли бы мы и сохранить? Получится ли там или не там... Но давайте попробуем 19 мая сохранить.

Виталий Афиани, директор Государственного архива Российской Академии наук: Есть счастливые люди, которым Коля светил полвека. Есть счастливые люди, которым Коля светил четыре раза. Этот свет останется с нами. Может быть, это главное, что нам оставляет Коля. Нет такой области, за которую Коля не брался бы, и что бы у него это не получалось. Мы с Сережей⁵⁹ в шутку прозвали его «главным читателем СССР», но он еще математик и географ. Трудно сказать, где он не был. Он не мог взяться за одно дело. Он мог стать, скажем, гениальным поэтом или гениальным географом, если бы сосредоточился. Но он был настолько широк и всеобъемлющ, что не мог этого сделать. Так же, как он не мог остановиться на каком-то определенном круге своих друзей. Наверное, нет такой страны на земле, где не было бы у Коли друзей.

В Коле горел какой-то очень теплый и добрый огонь. И этого огня поразительно хватало на всех, кто с ним пересекался один или тысячу раз... Иначе бы не звали «Коленька, Коля», и мы, наверное, только этим могли выразить свое отношение к нему.

Хочу поддержать две замечательные идеи. Обязательно нужно сделать этот сборник. И давайте собираться 19 мая, именно в День рождения.

Павел Полян: Спасибо всем, кто выступал. Еще раз наши соболезнования близким и родным.

О том, что нам сегодня еще предстоит, скажет Алик Багдасарян. После этого Вы сможете попрощаться уже индивидуально.

⁵⁹Мироненко.

Венок Поболю
посвященные ему стихи

Александр НИКОЛЬСКИЙ

ДРУГУ-РОВЕСНИКУ

Николаю Поболю

Еще немного постарели —
Все лижут волны бережок.
Поют прощальные свирели
Над головой у нас, дружок!

В поля отыгранных сражений
В окно вагонное взгляни.
С твоим неясным отраженьем
Перемежаются они.

Хотя азарт по всей округе
Порой нас гонит сгоряча,
Усталость — подлая подруга —
Все чаще виснет на плечах.

И все-таки, покуда живы
И топчем землю мы с тобой,
Косая, усмехнувшись криво,
Дает нам временный отбой.

2007

Зинаида ПАЛВАНОВА

Испытание дружбы —
когда, боже мой, вдруг
долговременным гостем
старый сделался друг.

В доме люди чужие,
стал чужим телефон.
Друг домой возвращается
за полночь. Он

курит без перерыва.
Мы с ним курим и пьем,
день за днем не по-своему
у себя мы живем.

Время все же сработало —
вот уехал наш гость.
Что-то с опытным сердцем,
похоже, стряслось.

Это древняя дружба,
погляди, ожила!
В жизнь ворвавшись нескладно,
в душу нежно вошла.

С другом старым, бесценным,
будто с новым, дружи.
Продолжается жизнь,
Продолжается жи...

Осень 2007, Иерусалим

Памяти Николая Поболя

Эта весть явилась не в конверте...
Столь поспешна электронная услуга,
что, имейла не открыв, слова о смерти
прочитала я — о смерти друга.

Как душа нелепо заметалась,
новость страшную не принимая!
Виртуальную лихую малость
перечитываю — нет, не понимая.

Но стеною из нездешней стали
дикие слова о смерти друга
оружили и до неба встали,
и никак не вырваться из круга.

Там, в Москве, теперь тебя не будет,
в той стране теперь тебя не будет,
в мире всем теперь тебя не будет,
у меня теперь тебя не будет.

Все ж души безудержное свойство
зажигает и за гранью свечи.
Есть надежда на мироустройство,
есть надежда на иные встречи...

27–30 января 2013, Иерусалим

Павел НЕРЛЕР

КОПИРАЙТ

Памяти Николая Поболя

«Целлулоид фильмы воровской...»

О.М.

1

Опахалом иль дубовым веничком
чресла еще раз разгорячи!
Прочь, резьба под золотистым венчиком,
лейся, влага, булькай и журчи!..

Чиркни спичкой, щелкни зажигалкою,
огонек от ветра загради,
глубже затянись — и дым фиалковый
выпусти на волю из груди.

И, закашлявшись над жизнью тяжкою,
непосильной ставшей с неких пор,
затянись сладчайшею затяжкой,
не кончай последний разговор!..

2

...Вот и стал ты только фотографией,
сепией кладбищенскою стал.
Нелицензионной эпитафией,
не пропущенной на пьедестал.

Но и за кладбищенской оградкою —
желтоглазый бешенства накат!
И твой лик безумною повадкою,
как окурок в пепельнице, смят.

И уже ни счастьем, ни тревогою
Не поделишься с тобой нашармачка.
Папарацци топчется с треногою,
объектив, как мушка, у зрачка.

И пока, плывя шиверой Стиксовой,
ты с Хароном треплешься, гребя,
- здесь, в суде загробной юрисдикции,
копирайт тачают из тебя.

Февраль — март 2013

Семен ДЫМАНТ

писать о Коле Поболе легко -
он наливал, я выпивал,
любил грибы, и в бане высоко
над полкой веником махал.
и все же как о нем писать?
мы здесь, а Коля там,
откуда не протянешь руки,
там — где давно прописан мандельштам,
«абдул-гамида» раздаются звуки.
а нам так хочется его обнять,
и теплый добрый взгляд поймать,
и кашель едкий с табачищем...
судьба несправедлива к нам,
но ничего с нее не взыщешь...

24 марта 2013

Венок Поболю
шуточные стихи

Вячеслав ЕГОРОВ⁶⁰

Доколе будет Поболь Коля
Копытом бить, гулять на воле?

Доколе Коля на приколе,
Он рвет узду и ищет воли.

Но коли Коле волю дать,
Он тотчас примется страдать.

Освободится коль от пут,
Как воле Колиной капут.

Что ж делать, Коля-Николай?
— Будь на приколе и гуляй!

1990-е

⁶⁰ *Парафраз шуточного стихотворения Марка Савченко, обращенного к Николаю Прянику.*

Павел НЕРЛЕР

КОЛЕ — НА ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЕ

Десять, двадцать, тридцать, сорок,
пятьдесят и шестьдесят —
градусов? — или каморок? —
иль американских горок? —
годовых колец косяк!

Бескорыстные коренья, —
годовые эти звенья
лесом шумным проросли!
так прими же поздравленья,
друг и брат всяя Земли!

12–19 мая 1999, Принстон

Вячеслав ЕГОРОВ

То ли быть, то ли небыль,
Прибыль, убыль, голь и боль,
Но опять родился Поболь,
Мандельштамовый король.

Снова плов во рту дымится,
Что за запах — ах-ах-ах!
И опять в стакан струится,
Что проверено в веках.

Правда, рядом нет Болотной
И бульвар не так уж чист,
И слезой скупой и тайной
Снова плачет коммунист,

Но зато здесь Космос⁶¹ рядом,
Там мы брали кой-чего
И одним большим отрядом
Покорили мы его.

Снова мой, и снова Поболь
И, конечно, это быть!
Доставай последний Врубель,
Открывай еще бутылку!

Будь здоров, наш Колюшка!
Что за прелесть — корюшка!

19 мая 2012

⁶¹ Имеется в виду гостиница «Космос».

Леонид ЖАРОВ

Николаю Львовичу Поболло

Ты не шибко голосист,
ты не ценишь бирку.
Ты, как штатный пенальтист —
бьешь всегда впритирку.

Ты со мною не ловчил
про верхи с низами;
видеть больше научил,
чем видать глазами.

Был пособием ты сам
в выборе туманном:
жить по уличным часам
или по карманным?..

Смог ты время завернуть:
там Фонтен, здесь Google.
Ты попал и в суть, и в грудь,
в левый верхний угол.

Апрель 2011 г.

Владиваясь...

ФОТОАЛЬБОМ

Мать и отец (Елена Борисовна и Лев Николаевич)

Бабушка (Анна Петровна Поболь, урожд. Луковатая), отец (Лев Николаевич Поболь), дедушка (Николай Иосифович Поболь) и тетя (Зоя Николаевна Поболь)

Справо налево: Коля, Е.Б.Поболь, ее мачеха, Григорий Петрович Луковатый (брат бабушки), его жена Надежда и их сын Миша

Коля с отцом и матерью

Справа налево: Коля, Л.Н. и Е. Б. Поболи, Антонина Петровна Луковатая с мужем, их дочери Лидия и Нина

5-й класс. Слева на право, стоят: Никольский, Шатунов, Мартюшин, Жеймо, Петрейков. Сидят: Аверин, Чесноков, Трушин, Савельев, Поболь, Тугов

*Е. Кулефеев, А. Трушин, Н. Ноболь, Д. Петрейков, Ю. Жеймо, Ю. Савельев,
Д. Аверин*

С. Чесноков, Н. Поболь, Ю. Савельев

Учебный год
1954-55
8 кл. "В"

СРЕДНЯЯ
ШКОЛА № 281
г. Москва

1954-55 г.г., 8-й класс. 2-й справа в нижнем ряду – Н. Поболь, справа от него А. Трушин, а слева – Ю. Жеймо. В этом же ряду 1-й слева – Е. Мартюшин. В верхнем ряду 5-й слева Ю. Савельев

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

1957 г., 10-й класс. В верхнем ряду (школьников) — 4-й слева А. Трушин, 5-й — Ю. Жеймо. В среднем ряду 3-й справа — Ю. Савельев, 5-й справа — Коля Пობоль. В нижнем ряду 3-й слева — Е. Мартюшин

Ю. Савельев, Н. Петрейков, Л. Меледина, С. Васильев и Н. Пობоль. Лето 1956, на даче у Савельевых

„Карты на лоне природы“
Ломоносова, Закавказья и т.д. 1955-56

Автор фотографии — Н. Поболь

Ю. Савельев

А. Васильев

Ю. Жеймо

Н. Поболь, Т. Трушина, А. Трушин

Н. Поболь, Т. Трушина, Ю. Жеймо, Л. Меледина

Н. Поболь. Середина 1960-х

Улифтов на Геофаке МГУ. А. Ворожейкин, Н. Поболь, А. Пахомов, С. Ясинский. 1971

На берегу Нахры. Практика в Сатино, 1970. Н. Куликова и Н. Поболь

Н. Ноболь. Середина 1980-х

**СССР СОВЕТСКИХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ
РЕСПУБЛИК**

1:6 000 000

Маршруты путешествий Н.Побоя, нанесенные им на карту «восьмимиллионку»

Вокруг пойманного тайменя

Исполняется «Абдул-Гамид»!

Кызыл. Центр Азии

У могилы Г. Ушакова на о. Домашнем на Северной Земле

Добро пожаловать на базу МГУ!

С Майей и Сергеем

С отцом

А. Багдасарян, А. Ворожейкин, Н. Поболь, Э. Семенова, О. Щипицына

На 35-летию окончания МГУ: А. Багдасарян, Н. Регент, Н. Поболь, П. Полян. 30 мая 2009

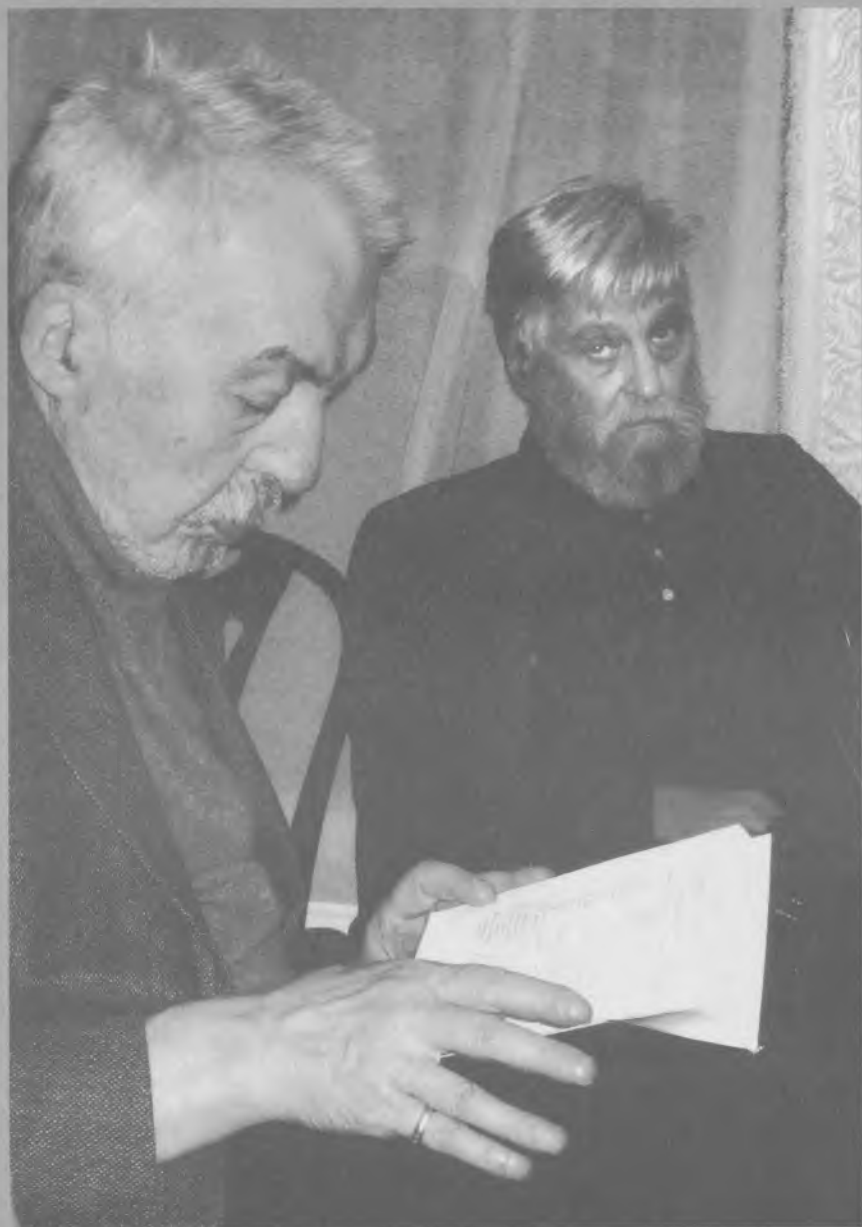
А. Багдасарян, З. Палванова, Н. Поболь, Ю. Сейтакова

С В. Расстригиным.

С В. Яковлевым

С. А. Битовым

В Астраханских банях. Е. Пермяков, К. Зелинский, Н. Поболь, П. Полян. Лето 2003

На столе у Поболя – плов и баранья нога

С. Б. Дибировой

Полина Андрукович, Ю. Сейтакова, Н. Поболь, Д. Лисянская

С. А. Захаревым

На открытии мандельштамовской экспозиции во Фрязино, 2010

Н. Поболь, П. Полян, Ж. Радвани. Презентация книги «Вайнахский этнос и имперская власть» в ИНИОН. 5 апреля 2011

В МОСКВЕ

В Мандельштамовском обществе. 2006

На озере под Стиврополем. Ш. Мудуев, Н. Поболь, П. Полян. 11 сентября 2001

Архыз. У них, за которым Горбачев и Коль решали судьбы Германии

На берегу Зеленичука

Утренняя сигарета. 2010

Сиэтл. С М. Ямпольским. 1999

Англия. Манчестер. 2003. Правый в верхнем ряду – Н. Барон

В Китае. Начало 2010 г.

У гроба матери. Май 2009

У семейной могилы на Пятницком кладбище

У пам'ятника О.Мандельштаму. 27 янвря 2012. Последня фотографія

В фотоальбоме представлены снимки из семейных архивов Н. Поболя, а также П.П и П.Ф. Андруковичей, Н. Барона, В. Белозерова, С. Василенко, В. и Д. Герман, Б. Дибировой, М. Дробинской, С. Дыманта, Ю. Жеймо, К. Зелинского, З. Палвановой, А. Пахомова, Е. Пермякова, П. Поляна, Ж. Радвани, Э. Семеновой, В. Середина, Е. Стеженской, А. Суетенко, А. Таруца и М. Ямпольского.

Установленные авторы фотографий – П.П. Андрукович, П.Ф. Андрукович, И. Делекторская, Ю. Жеймо, З. Палванова, Н. Поболь, О. Поляк, Э. Семенова и В. Середин и А. Таруц.

Перешифовая...

Избранные статьи

Избранные рецензии

«Ваши документы!»: избранные публикации

ПЕРВОЕ ВСЕРОССИЙСКОЕ СОВЕЩАНИЕ РАБОТНИКОВ ПО ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОМУ ДЕЛУ (Март 1927 г.)¹

С 4 по 8 марта 1927 года в Москве проходило Первое Всероссийское совещание работников по переселенческому делу. Переселенческая кампания началась в 1924 году в Поволжье, с 1925 года началось переселение в Сибирь и на Дальний Восток, а в 1926 году — на Урал и на Северный Кавказ. Важность и необходимость переселенческой кампании была подтверждена целым рядом государственных постановлений. *«Главной задачей переселенческих мероприятий, — отмечалось в протоколе №55 от 30 июля 1926 года заседания Президиума ЦИК СССР, — должно быть заселение Дальнего Востока, Сахалина, Сибири и Карело-Мурманского края с одновременным развертыванием в этих районах железнодорожного и промышленного строительства».*

Необходимость организованной миграции диктовалась, с одной стороны, избыточностью сельскохозяйственного населения в центральных районах и связанной с этим безработицей, а с другой — возрастающей необходимостью вовлечения в хозяйственный оборот колоссального массива пустующих земель Дальнего Востока и Сибири. Пустовали земли и в Европейской части страны: в Поволжье — в результате голода 1921 года, — и на Северном Кавказе — вследствие активного расказачивания. Действительно, в четырех центральных областях РСФСР 34 % сельскохозяйственного населения занималось отхожим промыслом, а всего по трем республикам (РСФСР, Украина и Белоруссия), как это ни парадоксально звучит сейчас, было 13,5 млн «лишних крестьян». Если же принять (по европейским меркам) за норму 4-5 десятин земли на работника, что позволило бы иметь благополучное хозяйство, то

¹ Совместно с П. Поляном. Публикуется впервые.

избыточное крестьянское население трех республик составляло бы 24 млн чел. при ежегодном приросте в 2 млн. Следует отметить, что в 1926 году вся промышленность страны смогла принять только 400 тыс. чел. сельскохозяйственного населения.

В то же время в Карелии и Мурманской области для рыболовецких промыслов и лесоразработок не хватало рабочих рук. Здесь работало 20-25 тыс. чел. из других районов страны. Значительно хуже дело обстояло на Урале, где потери в ходе революции и Гражданской войны составили 630 тыс. чел., или 20-25 % от всего населения региона. Однако по плановым цифрам предписывалось увеличение промышленной продукции 1929-1930 гг. на 124 % (со 152 до 340 млн руб.), что требовало пополнения края необходимой производительной силой.

Колоссальные потери в рабочей силе понесла и Западная Сибирь. После поражения сибиряков в крестьянской войне против большевиков в 1920-1921 гг. сотни деревень были полностью уничтожены, и огромный регион некогда высокопродуктивного сельскохозяйственного производства как таковой практически перестал существовать.

Особое положение сложилось на Дальнем Востоке, где через границу ежегодно просачивалось 8-12 тыс. корейцев. Только во Владивостокском округе их уже насчитывалось 111 тыс. чел., и хотя лишь 23 тыс. из них были землеустроены (48 тыс. десятин из 249 тыс. десятин сельскохозяйственных угодий округа, то есть менее 20 % земли), по совокупной стоимости корейцы производили не менее половины сельскохозяйственной продукции в регионе. Возрастание удельного веса корейцев в экономике края беспокоило центральные органы власти.

Всего же в это время в стране было 884 млн га, или 43 %, неосвоенной территории.

Ко времени совещания 1927 года переселенческая кампания шла уже три года, и можно было подводить ее первые итоги. Прежде всего, выявилась очевидная несостоятельность самого

проекта, согласно которому за 10 лет предусматривалось переселить только 5 млн чел. из 13,5 млн «лишнего сельскохозяйственного населения». По республикам это выглядело бы следующим образом (см. таблицу):

Республика	Избыточное население (млн чел.)	Переселить за 5 лет	Переселить за 10 лет
РСФСР	6,9	1,5	2,5
Белоруссия	1,2	0,3	0,5
Украина	5,4	0,7	2,0
Всего	13,5	2,5	5,0

Из 2 млн избыточного сельскохозяйственного населения Промышленно-Черноземной области в ближайшие 5 лет намечалось переселить только 611 тыс. чел., из западного региона (Брянская, Гомельская, Смоленская губ.) при избытке в 1 млн чел. — всего 397 тыс. чел. Со Средней Волги и Правобережья, из 0Саратовской губернии — 215 тыс. из более чем 1 млн избыточного сельскохозяйственного населения. И уж совсем мизерный процент «лишних крестьян» намечалось переселить из Северо-Западного района (Псковская, Новгородская, Ленинградская, Череповецкая губ.): 40 тыс. чел. из 460 тысяч. Из Калужской, Владимирской, Ярославской, Нижегородской и Иваново-Вознесенской губ. — 132 тыс. чел. при избытке в 1,5 млн чел.

И все это без учета прироста населения, который за 5 лет в большинстве регионов мог бы дать больше переселяемого избыточного населения. Иными словами, даже в случае своего осуществления проект не поменял бы демографической ситуации в стране. Однако уже в 1927 г. было очевидно, что и таких — весьма незначительных — плановых цифры невозможно достичь.

Какой же была конкретно эффективность организованного советским государством переселения?

Рассмотрим это на примере Поволжья – региона, с которого переселенческая кампания началась.

По наряду Наркомзема сюда с 1924 по 1926 гг. направлялась 121 тыс. чел. Наряду с этим здесь же были 4220 ходоков от 207 тыс. крестьян. К 1927 году в число жителей были зачислены 48924 чел., однако фактически водворилось и приступило к освоению земли только 3111 хозяйств, или 9335 чел. Но из этого числа вернулось к прежнему месту проживания 153 хозяйства (410 человек). То есть реально переселилось лишь около 2,5 % от числа возможных кандидатов.

Большинство крестьян отказывалось от поселения в Поволжье из-за неудовлетворенности земельными наделами – прежде всего по причине недостатка воды. Многим крестьянам было отказано из-за неправильно оформленной документации, недостаточной имущественной обеспеченности и по ряду других причин.

Не лучше обстояло дело и в других районах страны. Так, по нарядам Псковской губернии предписывалось направить на Дальний Восток 3 тыс. чел. Однако из-за отсутствия желающих переселяться отбыло лишь 600 чел., из них закрепилось на новых местах проживания только 128 человек. Эффективность и тут составляла менее 5 %.

Возникает вопрос – в чем же состоит основная причина неудачи проводимой программы переселения?

По существовавшим расчетам обустройство семьи обходилось, не считая затрат на переезд, в 2,5-3,6 тыс. руб. (цена одного кубометра леса на Урале – 100 руб.).

Представитель финансовых органов, выступивший на совещании, заинтересованный по своей ведомственной принадлежности в занижении этих цифр, заявлял, что крестьянину, чтобы осесть, необходимо только 1,3-1,4 тыс. рублей. Таким образом, даже в этом случае стоимость осуществления программы исчислялась суммой, значительно большей, чем один миллиард

рублей. Между тем органами власти выделялось на реализацию программы лишь 32 млн рублей! То есть происходило автоматическое перекалывание расходов по переселению на плечи самих переселенцев.

Могли ли они это осилить?

Хозяйства переселенцев — это, как правило, наиболее бедные хозяйства. Среди них значилось 37,6 % безлошадных хозяйств и 41,1 % хозяйств с одной лошастью. Что касается обеспеченности переселенцев деньгами, то 13,7 % из них пребывали без денег вообще, 24,9 % располагали суммой до 100 рублей и 20,3 % — суммой от 100 до 250 руб.

При этом следует учитывать, что цены на недвижимость в местах массового выезда резко падают (а в местах водворения — возрастают!), да и продажи часто совершались в рассрочку. На совещании высказывалось мнение, что государство должно взять на себя скупку оставляемого переселенцами имущества, но эта точка зрения не нашла поддержки у большинства участников совещания.

Понимая, что при принудительном характере переселения государство должно компенсировать потери переселенцев, участники совещания не видели возможности даже в малой степени осуществить компенсацию по причине практически полного отсутствия соответствующего бюджета.

Вообще же выступавшие на совещании по многим вопросам придерживались совершенно противоположных точек зрения — в зависимости от региона, который они представляли. Представители тех регионов, откуда велось выселение, требовали увеличения числа переселенцев, а представители районов водворения — уменьшения. Последних можно понять — помимо лежащих на них расходов по землеустройству, во многих местах водворения возникали конфликты с местным населением, у которого из-за неопределенности норм наде-

ла, в пользу переселенцев нередко отбирались как излишки уже засеянные ими участки земли.

Но и при таком дефиците имеющиеся средства разбазаривались и расходовались не по назначению. Так, по постановлению Совета труда и обороны, для переселенцев из Украины перечислялось 1 млн руб., в то же время правительство Украины на переселение в Сибирь (а это около половины всех переселенцев с Украины) выставляло только 87 тыс. руб.²

Все это лишний раз подтверждает то, что меры по переселению проводились в основном за счет самих переселенцев. Нередко кредитование носило натуральный характер. Например, изо всех крестьянских хозяйств, переселенных в Поволжье с Украины, только одному была дана денежная сумма в размере 200 руб., а остальные хозяйства помощь получили чугунами и горшками.

В связи с этим вызывает интерес сопоставление распределения кредитов по автономным республикам РСФСР на 1926 год с весьма умеренными заявками этих республик.

Казахстан. При заявке на 800 тыс. руб. на 1500 семей переселенных на земли государственного фонда в 1923-1926 гг. и на 2500 хозяйств, землеустроенных до 1925 года, выделено было всего лишь 100 тыс. руб., или по 25 рублей на хозяйство.

Крымская автономная республика. При заявке для проведения мер по переселению на 378 тыс. руб., из которых 103 тыс. должны быть израсходованы на внутреннее землеустройство, а оставшиеся — на 1000 хозяйств переселенцев 1925-1926 гг., было выделено всего 100 тыс. руб.

Карельская республика. При заявке в 20750 руб. выделено всего 10 тысяч.

² Впрочем, к марту 1927 г. и эти деньги получены не были, оставаясь нарисованными только на бумаге.

Бурят-Монголия. Заявка на 6000 руб. на 620 хозяйств была удовлетворена полностью. Однако и в этом случае расходы на одно хозяйство составили менее 100 руб.

Дагестан. При заявке в 150 тыс. руб. выделено всего 75 тыс. руб.

Чувашия. 110000 руб. вместо запрашиваемых 230000 на 2000 хозяйств, то есть по 55 руб. на хозяйство.

Башкирия. Из 80 тыс. руб., запрашиваемых на расходы по переселению 2000 хозяйств, землеустроенных в 1925 – 1926 гг., и еще 1000 хозяйств башкир, переселенных из Пугачевского уезда Самарской губернии, были выделены 40 тыс. руб., или около 13 руб. на хозяйство.

Республика Немцев Поволжья. Из 231000 руб., необходимых на устройство 2000 хозяйств, сумма предоставленных средств составила только лишь 115 тыс. руб.

Якутия. Требовалось для переселения 346 тыс. руб., а было предоставлено только 60 тыс.

Признавая необходимость предоставления средств для обустройства от 1,5 до 4 тыс. руб. на хозяйство, не включая сюда затрат на переезд, но предоставляя при этом фактически не более 50 % от запрашиваемых средств, не приходилось рассчитывать на успешную реализацию переселенческой программы.

Ее невыполнению способствовало и непродуманное решение организационных вопросов. Об уровне организации говорят такие цифры: 57854 семьи в процессе переселения растеряли детей или хозяйство, 50 % переселенцев из Белоруссии больны глазами, так как перевозились в порожних вагонах из-под угля и т.д.

Между тем расходы на медицинское обслуживание даже не были заложены в сметы! Также не были предусмотрены в расходной части программы средства на строительство боль-

ниц и школьных помещений, на агрономическое и ветеринарное обслуживание; не говоря уже о расходах по удовлетворению культурных запросов переселенцев.

Для сравнения, до революции до 20 % средств шло на культурные и санитарные нужды переселенцев. Кстати, в 1912 году был издан на трех языках объемистый справочник о районах переселения, включающий сведения о климате, природных условиях и т.д. Отсутствие такого рода информации в переселенческую кампанию 1924 – 1927 гг. зачастую приводило к тому, что жители степных районов переселялись в лесные и наоборот. В лесных же районах Хабаровского края жители степной Украины, корчуя лес для расчистки своих угодий, обязаны были его сжигать, так как продавать дефицитный для многих других районов лес им запрещалось.

Совещание со всей очевидностью вскрыло недостатки в осуществлении программы по переселению. Проблема не потеряла своей актуальности. Нужно было идти либо по проторенному человечеством пути, используя опыт других стран, хотя бы и дореволюционной России, либо искать собственный, новый путь.

Мы, как известно, пошли другим путем – своим собственным. Проблема «избыточного крестьянства» была решена во время сталинской коллективизации. Последствия этого решения – уничтожение под корень самых лучших сельскохозяйственных производителей, до сих пор определяют наши неудачи в области сельского хозяйства. Проблема освоения новых земель решилась образованием известного ГУЛАГа, а сам переселенческий Комитет, ставший отделом НКВД СССР, в одночасье решил проблему дальневосточных корейцев: в 1937 г. 169 тыс. корейцев и около 77 тыс. китайцев были насильно переселены в Среднюю Азию и Казахстан.

Начало 1990-х гг.

ОСЕДАНИЕ³

К 1934 году, на пятый год принудительной коллективизации и насильственного оседания народов Средней Азии, Казахстана и Сибири некоторые формальные успехи были достигнуты.

Регион	Общее число хозяйств (тыс.)	Из них осело (тыс.)
Казахская АССР	400,0	70,5
Киргизская АССР	82,0	21,9
Каракалпакская АССР	15,5	2,4
Бурят-Монгольская АССР	39,0	11,8
Якутская АССР	1,0	—
Башкирская АССР	2,3	—
Ойротская АО	5,92	1,5
Калмыцкая АО	12,4	—
Хакасская АО	6,2	—
Сталинградская обл.	1,74	1,08
Восточная Сибирь	1,36	—
Итого:	567,49	109,18

Иными словами, если верить официальным данным, осело около 20 % кочевого населения. Только 423 хозяйства из 4764. Но главным и катастрофическим результатом принудительного оседания было чудовищное сокращение поголовья скота. В Казахстане, например, с 47 млн до 2,5 млн голов. При этом и население уменьшилось на 2 млн человек.

По остальным регионам динамика изменения поголовья скота выглядит так:

Бурят-Монгольская АССР (тыс. голов)

	1929	1932	1933
крупный рогатый скот	118,9	479,6	415,9
лошади	356,8	228,7	177,5
овцы и козы	1601,3	445,5	415,6
свиньи	143,8	79,2	65,7

³ Совместно с П. Поляном. Публикуется впервые.

Ойротская АО (тыс. голов)

	1917	1922	1924	1929	1930	1932	1933
лошади	150,8	74,9	81,4	118,5	105,6	70,4	51,3
крупный рогатый скот	139,9	75,5	110,9	216,9	159,1	101,5	71,5
в т.ч. коровы	—	—	—	89,0	71,2	48,2	37,2
овцы и козы	162,2	66,6	155,3	407,2	326,3	160,9	127,9

Калмыцкая АО (тыс. голов)

	1917	1920	1928	1929	1930	1931	1932	1933
лошади	104,4	12,3	23,3	28,9	39,4	38,2	37,2	28,5
крупный рогатый скот	294,8	96,8	302,3	302,9	220,6	177,2	144,8	104,9
овцы и козы	691,4	133,2	866,5	895,8	651,7	490,3	335,1	231,5
свиньи	13,3	6,0	6,2	5,0	0,8	—	2,5	2,8
верблюды	15,9	5,1	5,7	6,3	7,0	7,0	4,7	—

Киргизская АССР (тыс. голов)

	1914	1926	1927	1928	1929	1930	1931	1932	1933
лошади	533,0	694,4	724,3	626,9	703,7	676,3	615,6	467,9	370,3
крупный рогатый скот	477,3	965,2	1014,8	764,8	824,9	774,5	585,7	431,0	325,8
овцы и козы	3665,1	4712,3	5228,2	5139,6	5633,2	5270,0	3206,8	1519,9	877,2
верблюды	37,7	50,8	51,3	50,4	41,9	43,7	27,9	21,6	16,5

На таблицах хорошо виден спад поголовья в результате революции и гражданской войны, затем стремительный рост во время НЭПа и такое же стремительное падение начиная с 1930 года – года начала коллективизации и принудительного оседания.

Как и во все советские времена, виноваты оказались классовые враги. Как сказано в официальном документе правительственной комиссии ВЦИК по оседанию: *«произошла смычка байских элементов с английскими империалистами»*.

А еще виноваты «левозагибщики». В Киргизии таким левозагибщиком оказался бывший зам. председателя Госплана и руководитель работы по оседанию в республике – Садыхов, с идеей «построения нью-йорков в горах и в степи».

Действительно, в горах Тянь-Шаня, на высоте свыше 2 тысяч метров пытались организовать как точки оседания три громадных поселка: Мукачи, на 1600 хозяйств, Минбулак, на 1000 хозяйств и Акталу, на более чем 1000 хозяйств. Надо сказать, что идеи эти всецело поддерживались партией и правительством, и только после их очевидного краха виноват во всем оказался Садыков и прочие враги народа.

Важный вопрос — о финансовых средствах, затраченных на оседание. До 1934 года было израсходовано чуть более 100 млн рублей и еще 300 млн должны были истратить на оставшиеся 500 тыс. кочевых хозяйств, то есть по 600 рублей на хозяйство. Можно очень просто оценить реальную величину этих средств: командировочные расходы работников контролирующих органов исчислялись из среднемесячного оклада как раз в 600 рублей. Государство, стало быть, полагало, что месячного оклада работника средней руки достаточно для обустройства многодетной семьи кочевника — для работ по землеустройству, постройке жилья, подсобных помещений и помещений для скота, для обеспечения посевным материалом и орудиями труда для совершенно новой для кочевника сельскохозяйственной работы. В результате массовой гибели взрослого населения во время голода при коллективизации до крайности обострились проблемы школьного и медицинского обслуживания. Возникла и проблема детских домов — совершенно неизвестная до тех пор в этих местах.

На собственно землеустройство в Казахстане было израсходовано 7365 тыс. рублей. Насколько эффективно эти средства потрачены, можно судить по Чуйскому району: из 24 точек оседания 8 непригодны сразу по всем показателям — нет воды, топлива, сенокоса, пахотоспособных земель, пастбища значительно удалены. А строительство? В том же Чуйском районе в 1931–1932 гг. построено 86 домов, 3 коровника, 2 телят-

ника, 4 овчарни. К 1934 году полностью разрушено 30 домов, 3 коровника, 2 телятника, 3 овчарни. В Энбекшильдерском районе на снос продано 533 дома. В одном только Исаевском сельсовете от 144 построенных домов осталось 50, а 94 дома уничтожили – в основном на топливо. Да и как строились эти дома? Не говоря о том, что значительная часть завезенных стройматериалов (дерево, железо, стекло) расхищались или же использовались властями для районных учреждений, единственный местный стройматериал – саман был чрезвычайно низкого качества: дома начали разрушаться еще до окончательной постройки. Печи в домах делались почему-то голландского типа, то есть для приготовления пищи требовалось делать еще и печи традиционного типа. Никаких хозяйственных построек не было вообще, весь сельхозинвентарь хранился просто под открытым небом.

Там, где было отрапортовано об окончательном оседании кочевников, на самом деле было так: кочевники осели, кое-как вспахали землю и отсеялись (не более 5 га на хозяйство), получили очень скудный урожай, а иногда из-за полного отсутствия опыта и малоприспособленных для посевов угодий, вообще ничего не получили. вынужденно, из-за отсутствия кормов, забили значительную часть скота и из полуразвалившихся к тому времени построек отправились кочевать.

В конечном итоге продуктивное кочевое животноводческое хозяйство было разрушено в результате политики оседания как самоцели, а товарное полеводческое хозяйство создано не было.

Результаты – массовая гибель населения и проблема детских домов!

Начало 1990-х

ПАРТИЙНЫЕ ЧИСТКИ КАК ОДИН ИЗ МЕХАНИЗМОВ СОЗДАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ БАЗЫ СТАЛИНИЗМА⁴

1

Считается, что лидер не должен быть выше средней массы своего сообщества в образовательном, нравственном, интеллектуальном или любом ином отношении более чем на 30 %, иначе возникнет пропасть непонимания. Замерить нравственный или интеллектуальный уровень человека проблематично, тем более, если речь идет о людях минувшего времени, а вот уровень образования легко поддается сравнительной характеристике.

С этой точки зрения приход Сталина к власти был если и не неизбежен, то, во всяком случае, вполне объясним. Если до революции партия насчитывала около 30000 членов и состояла, условно говоря, из недоучившихся гимназистов, то и лидеры ее были недоучившимися студентами. В ЦК, избранном на VI съезде РСДРП(б) (август 1917) входил 21 человек. Из них 5 человек было даже с высшим образованием — Н.Н. Крестинский, В.И. Ленин, Г.Я. Сокольников, М.С. Урицкий и С.Г. Шаумян. 8 человек какое-то время учились в высших учебных заведениях, что говорит о законченном среднем образовании, как и еще у пятерых других членов ЦК. И только трое не имели законченного среднего образования — это Я.М. Свердлов (пять классов гимназии), И.В. Сталин (три курса духовной семинарии) и М.К. Муранов, который вообще не имел никакого образования, что, впрочем, не помешало, а скорее помогло ему вполне благополучно дожить до 1959 года, пережив всех своих коллег из ЦК. Учитывая год его рождения — 1873, его вполне можно назвать партийным Мафусаилом.

⁴ Это последний из текстов Н. Поболя. Из больницы он все порывался домой — дodelывать «статью для Питера», но смерть опередила его. Разбирая его архив, я нашел папку с материалами к ней. Это позволило подготовить статью к изданию. Стр. 394. На снимке — Б.В. Савельев и А.И. Микоянт

Во время и после Гражданской войны, ряды партии активно пополнялись – в основном малообразованной рабоче-крестьянской массой. К XII съезду (1923) численность партии достигла полумиллиона членов, а после так называемого ленинского призыва 1924 - 25 годов, по данным партпереписи 10 января 1927 года число членов и кандидатов партии составляло уже 1061,8 тысяч человек, 90 % которых имели низшее или домашнее образование.

Причем вступивших в партию до 1917 года осталось уже менее 9000 человек⁵. Это результат уже второго, параллельного процесса – принятого на X съезде (март 1921) положения о «чистке партии», в результате которой из партии вымывались члены, как по происхождению, так и по образовательному цензу.

Новым членам партии соответствовало и новое руководство. В ЦК, избранном на XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 года, было уже 71 человек. От старого ЦК осталось пятеро и только 9 человек имели высшее образование и 17 – среднее. Иными словами, если в 1917 году с высшим образованием было 24 % членов ЦК и 62% со средним, то в 1927 году эти цифры уменьшились до 12 % и 24 % соответственно. Причем на первые роли в стране вышли (некоторые, правда, только до 1937 года): А. А. Андреев (два класса сельской школы), К.Е. Ворошилов (два класса), Л.М. Каганович (вообще безо всякого образования), М.И. Калинин (земское училище), С.В. Косиор (начальное заводское училище), П.П. Постышев (без образования), и Я.Э. Рудзутак (два класса).

Вот анекдот того времени, сочиненный Карлом Радеком: «Вы слышали? Сталин – вождь». Анекдот был смешон для своего автора, и то до поры до времени. Для большинства же неграмотной партийной массы Сталин действительно был вождем и входил в те самые 30 % – в отличие от «высоколобых» Каменева, Зиновьева, Троцкого, Бухарина и, самого Ильича. И если был у Сталина кон-

⁵См.: *Малая Советская Энциклопедия, 1931.*

курент – то был С.М. Киров (механико-техническое училище), но всем известно, что с ним произошло.

В ЦК, избранном в феврале 1934 года, соотношение членов с высшим и средним образованием было уже 9 % и 21 % соответственно, то есть процесс шел определенно в сторону понижения уровня образования. Правда, здесь возникают некоторые сложности. Можно ли считать А.И. Икрамова, окончившего в 1925 году Коммунистический университет им. Я.М. Свердлова, человеком с высшим образованием?

В дальнейшем появляется много партийных руководителей с, так сказать, высшим образованием, но без среднего. Но уже во второй половине прошедшего века стало престижным для высших руководителей страны иметь образование. Л.И. Брежнев окончил в 1935 году Днепропетровский металлургический институт. М.С. Горбачев – в 1955 году юридический факультет МГУ, а затем еще и Ставропольский сельскохозяйственный институт. Что касается Ю.В. Андропова и К.У. Черненко, то первый после техникума водного транспорта поучился немного в Петрозаводском университете и в Высшей партийной школе при ЦК КПСС, а второй после ВПШ окончил в 1953 году Кишиневский педагогический институт, что, видимо, было не слишком утомительно, если учесть, что в эти годы (с 1948 по 1956) К.У. Черненко служил заведующим Отделом пропаганды и агитации ЦК КП Молдавии.

2

Чистка партийных (или советских) рядов была мягкой разновидностью репрессий, за которой могла последовать (и чаще всего следовала), но могла и не последовать какая-нибудь более жесткая разновидность. Сама идея очищения революционных рядов родилась в умах других революционеров – яacobинцев, как, впрочем, и идея его кровавых последствий.

Чистки (очистки) изначально касались исключительно членов партии, для чего создавались специальные комиссии. Критерии чистки всякий раз менялись. Так, в 1921 году избавлялись от «примазавшихся кулацко-собственнических и кулацких элементов», а также от бывших членов иных партий (в особенности — от меньшевиков), после 1925 года — от троцкистов и всяческих уклонистов, а в 1929 году, когда состоялась Генеральная чистка всей партии, — от всех реальных и потенциальных анти-сталинцев. В 1929 г. институт «чистки» впервые был распространен и на беспартийных служащих советских учреждений, причем тут задавались наиболее широкие и расплывчатые критерии, нередко с подспудным антисемитским душком.

Еще одна «генеральная чистка» была объявлена совместным решением ЦК и ЦКК от 12 января 1933 году и шла на протяжении всего года. Не случайно именно в этом году партийная чистка залетела даже в мандельштамовские стихи:

Какой-нибудь честный предатель,
Проваренный в чистках как соль...

Всего же тогда было «вычищено» до 400 тыс. чел. или 18 % всех членов партии. Это столько же, сколько за все предыдущие чистки.

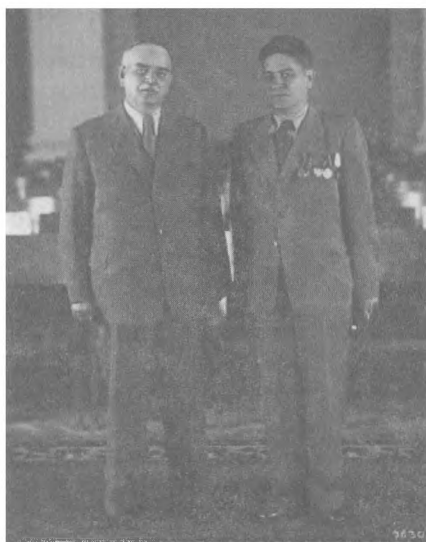
К целевым группам чистки 1933 года относились: все те же «примазавшиеся» (классово чуждые и враждебные элементы, обманном путем пробравшиеся в партию и остающиеся там для разложения партийных рядов), «двурушники» (живущие обманом партии, скрывающие от нее свои действительные стремления под прикрытием лживой клятвы в «верности» партии, пытающиеся сорвать ее политику), нарушители партийной и государственной дисциплины (в том числе подвергающие сомнению и дискредитирующие партийные решения и планы), «перерожденцы» (то есть сросшиеся с буржуазными эле-

ментами), карьеристы, шкурники и обюрократившиеся элементы, а также морально разложившиеся, роняющие своим неблаговидным поведением достоинство партии, пачкающие знамя партии.

Фактически новой чисткой стала кампания по «проверке и обмену партийных билетов» в 1935–1936 гг., проводившаяся под лозунгом усиления бдительности после убийства Кирова. Своего рода «чисткой» был и собственно «Большой террор» 1937–1938 гг., переклестнувшийся как никогда далеко за внутривнутрипартийные рамки. Официально практика «чисток партийных рядов» была отменена на XVIII съезде партии в 1939 году.

3

Здесь я хотел бы остановиться на одном интересном случае, относящемся ко времени Генеральной чистки 1933 года – случае Бориса Васильевича Савельева (1902 – 1965), одного из крупных руководителей в области сельского хозяйства. У него дома сохранились некоторые документы, которые после смерти его сына Юры Савельева – одного из моих ближайших друзей – оказались у меня, в моем личном архиве.

Нужно сказать, что за год до чистки ОГПУ организовало так называемое «Дело Трактороцентра», в котором Савельев в 1932 году являлся руководителем свекловичной группы, а в 1932 – 1933 гг. – старшим агрономом и агрономом-организатором Зернотрактороцентра. Известны и опубликованы некоторые документы этого дела, важные для понимания и его индивидуального случая. Вот лишь один из них:

ОГПУ СССР

15 декабря 1932 г.

Секретарю ЦК ВКП(б) т. Сталину

12 декабря органы ОГПУ в центре и на Украине приступили к ликвидации к.р. организации, вскрытой агентурным путем в системе Трактороцентра.

На 22 декабря арестовано ОГПУ в Москве 15 и на Украине (Харьков, Киев, Одесса) 48 членов организации<...>.⁶

Разумеется, все не-арестованные сотрудники Трактороцентра подверглись партийной чистке, в их числе оказался и Савельев. О масштабе этой чистки можно судить уже по тому, что случай Савельева проходил по третьему протоколу, где значится под номером 61. Стало быть, число «чистившихся» было никак не меньше 200.

Вот выписка из соответствующего протокола Комиссии по чистке ячеек ВКП(б) в Наркомате земледелия (НКЗ) за 1933 год.

Выписка из протокола № 3

заседания комиссии по чистке ячейки ВКП(б) НКЗ СССР

от 10 ноября 1933 г.

По персональным выводам по цеховой ячейке Зернотрактороцентра.

Председатель Комиссии – т. Грансберг

Члены – т.т. Летунов, Кржижановский

СЛУШАЛИ: 61.

Савельев Борис Васильевич – член ВКП(б) с 1926 года, п.б. № 0729027, год рождения 1902, служащий, соц. происхождение служащий, образование среднее (окончил 6 классов реального училища и агротех-

⁶ См.: Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД, январь 1922 – декабрь 1936. М., 2003. С. 371-386. Со ссылкой на: АПРФ. Ф.3. Оп.5 8. Д. 381. Л. 14-18об.

никум вузовского типа). В Красной Армии не служил, проходил высшую допризывную подготовку, числился политруком роты запаса.

До 1917 года учился, 1917 – 1924 г. учился и работал счетоводом, электромонтером и т.д. 1924 – 1929 гг. работал по коллективизации сельского хозяйства, инструктором и членом правления Окрколхозсоюза.

В 1925 – 29 – 30 гг. работал по МТС ст. агрономом. 1930 – 1931 гг. работал в Укрколхозсоюзе инспектором.

С 1932 г. работал в Трактороцентре руководителем свекловичной группы, после реорганизации старшим агрономом и в настоящий момент агроном-организатор.

Партвзыскания – имеет на вид от бюро ячейки за статью в журнале «На стройке МТС» с вредительскими установками.

Партнагрузку – в Зернотрактороцентре нес в качестве чл. редколлегии, руководил агрономическим кружком, чл. бюро ИТС.

НА ЧИСТКЕ УСТАНОВЛЕНО: - что тов. Савельев был взят на работу в Трактороцентр по инициативе вредителя Коварского и являлся сторонником и защитником вредительских установок в части мелкой пахоты.

С вредителями был в близких отношениях, выпивал с ними у себя на квартире (вредит. Моисеев, Корой).

После ликвидации вредительства тов. Савельев не боролся с последствиями вредительства, а наоборот в своей статье в журнале «На стройке зерновых МТС» № 4 – 1933 г. пропагандировал вредительскую установку мелкой вспашки в 10 - 12 см и не опубликовал в печати признания своих ошибок, несмотря на указания парторганизации. Т. Савельевым был выпущен плакат «Глубокой зяблевой вспашкой обеспечим высокий урожай», в котором были допущены ошибки.

ПОСТАНОВИЛИ: За потерю партийной бдительности, за организацию пьянки у себя на квартире вместе с вредителями, за распространение вредительских установок мелкой пахоты после разоблачения вредителей из партии исключить.

Председатель Комиссии по чистке (Грансберг)

Больше месяца Савельев был без партбилета и, видимо, без работы. Он подал на апелляцию, и надо же — она возымела успех!

14 декабря 1933 года состоялось заседание Сокольнической районной комиссией по чистке ВКП(б), на котором присутствует и Савельев. Докладчиком выступает некто Метелев. Цитирую:

При разборе дела на Райкомиссии установлено: что выпивка на квартире Савельева с вредителями имела место в то время, когда вредители разоблачены не были и являлись оба членами партии, распространение через печать вредительских установок о мелкой пахоте не имело места; в статье помещенной Савельевым в журнале № 4 «На стройке зерновых МТС,» Савельев давал развернутую критику мелкой пахоты, в то же время в практических указаниях по пахоте допустил ошибку, используя вредительские данные о глубине пахоты, в чем чистосердечно признался, объясняя это своей недостаточной бдительностью, что заслуживает доверия. Тов. Савельев до помещения статьи в журнале № 4 и после этого в ряде статей и рецензий по трудам др. авторов по земельному вопросу разоблачал их вредительскую теорию.

ПОСТАНОВИЛИ: *Во изменение решения комиссии по чистке ячейки ВКП(б) Зернотракторацентра НКЗ СССР Савельева восстановить в рядах ВКП(б) и считать проверенным.*

*Председатель (т. Цируль)
27/XII - 33 г.*

В данном случае Борису Васильевичу Савельеву здорово повезло. Едва ли апелляции часто оказывались настолько эффективными и благополучными. Понятно, что насчет пьянки наступали коллеги, но то, что комиссия Наркомзема не смогла по журнальной статье разобраться и отличить мелкую пахоту от глубокой, говорит об уровне компетенции работников.

Савельеву везло и в дальнейшем. Жилой дом Трактороцентра (в котором проходила пьянка с вредителями) существует и поныне (Даев переулоч, 29а). Это пятиэтажный двухподъездный 40-квартирный дом, заселенный в начале тридцатых годов работниками Наркомзема. Квартиры были коммунальные, проживало в нем около 100 семейств, и только три семьи благополучно прошли тридцатые годы.

Упомянутые вредители и собутыльники – И.А. Корой (1895 – 1933) и зам. директора Трактороцентра, взявший Савельева на работу, М.Е. Коварский (1899 – 1933) – были расстреляны 12 марта 1933 года и захоронены на Ваганьковском кладбище в Москве.

4

Б. В. Савельеву фартило и дальше. 17 сентября 1948 года Г.М. Маленков отправил Сталину шифрограммой кляузу на него на трех листах, где обвинил Савельева – в то время Главного государственного инспектора по определению урожайности при Госплане – в сознательном занижении урожайности зерновых культур⁷.

Но Борису Васильевичу повезло и на этот раз.

В 1962 году, к 60-летию Савельева, в то время уже заместителя председателя Государственного комитета заготовок Совмина СССР, наградили орденом Трудового Красного Знамени⁸. А через три года он умер. Похоронили его на Новодевичьем кладбище.

Ключ от его служебного сейфа отыскался дома, и сын присутствовал 23 сентября при таком государственном действии как вскрытие сейфа и актирование его содержимого. Из восьми позиций составленного акта сыну передали три – 155 рублей наличных денег, расчетную книжку и квитанции за денежные переводы в Донецк, где жила его бабушка Анна Степановна Савельева.

⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 74. Л. 160-158.

⁸ Указ № 251-VI от 29.6.1962

ШИФРОГРАММЫ ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(Б) И ЭШЕЛОННЫЕ СПИСКИ ОГПУ-НКВД КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ РЕПРЕССИЙ В СССР⁹

1

В ноябре 2007 года в РГАСПИ была открыта опись 167 фонда 17 (Политбюро ЦК КПСС), насчитывающая 75 дел. Это – шифрограммы Оргбюро ЦК КПСС за период с 1920 по 1948 гг.¹⁰ Из 75 дел реально доступны только 65, дела №№ 2, 3, 8, 15, 16, 19, 42, 57, 73 и 75 не выдаются, так как содержат все еще закрытые документы.

В своем настоящем виде опись формировалась вскоре после смерти Сталина – в 1954-1955 гг. В предисловии к каждому делу говорится о количестве шифрограмм, «уничтоженных путем сожжения, как потерявших деловое значение», причем объем их намного превышает количество открытых документов. Так, за 1939 год уничтожено 1425 шифрограмм, за 1940 – 1266, за 1942 – 2604 документов – и так, за подписью зав IV сектора общего отдела ЦК Чечулина, за каждый год.

Забавно, что «деловое значение потеряли» как раз почти все шифрограммы за подписью Сталина и Берии, а вот документы более мелких руководителей сохранены. Можно ли надеяться, что это лишь очередная уловка компетентных органов и что уничтоженные шифрограммы все же где-то хранятся и когда-нибудь будут открыты?

⁹ Совместно с П. Поляном. *Впервые: История сталинизма: репрессированная российская провинция материалы международной научной конференции. Смоленск. 9-11 октября 2009 г. М.: РОССПЭН, 2011. С. 71-77.*

¹⁰ Кроме того, открыты дела и за некоторые следующие годы, например, дела №№ 82-84 за 1952-1953 гг., но в РГАСПИ они не поступали и хранятся, по-видимому, в Российском государственном архиве новейшей истории.

Сообщения по различным каналам сначала поступали в Москву, а оттуда уже рассылались в виде шифрограмм по соответствующим адресам (как правило, обкомам упоминаемых в тексте регионов).

Шифрограммы Политбюро ЦК ВКП(б) касаются буквально всех сторон жизни советского государства. Они документируют как хорошо известные проявления коллективизации (повсеместный голод в колхозах, например), так и менее известные (самоубийства комсомольцев, самосуды в Казахстане, массовые порки плетками в Воронежской области, систематические избиения, издевательства над колхозниками в Узбекистане и Украине, пахота на людях в Ивановской области, роль различных уполномоченных, отчуждение приусадебных участков, запрет сеять на этих участках зерновые, обобществление уже убранных частниками хлеба). В них раскрывается и такой тематический аспект как ярко выраженная провокационная роль центральной партийной прессы, воспринимаемой на местах за «чистую монету».

Вот — для примера и выборочно — фрагменты некоторых из них, относящихся к колхозной жизни 1933-1934 гг. (в сигнатуре указываем только номера дел и листов):

<1>

**Харьков. ЦК КП(б) Украины. т. Косиору
Передается шифровка полученная в ЦК:
Москва ЦКВКП(б) т. Кагановичу.**

В колхозах Гликстальской МТС на почве голода массовое опухание. Ресурсы исчерпаны полностью, есть 6 смертных случаев за последние дни.

Нач. Политотдела Гликстальской МТС Молдавской АССР — Филиппович.

*Поскребышев
Апрель 1933 г.
(Д. 38. Л. 70)*

<2>

Воронеж. Обком ВКП(б) ЦЧО Варейкису.

...В Сосновском районе<...> в декабре-январе производилась принудительная коллективизация, весной принудительный выгон на работу с отобранием имущества у неподчиняющихся<...> в июле за невыход на работу было выпорото плетками около 30 человек.

27/IX-33 г.

(Д. 39. Л. 167)

<3>

Алма-Ата. Казкрайком. Мирзояну.

По сообщению политсектора МТС, отдельных политотделов, в крае, особенно в Южном Казахстане организация самосудов как над отдельными колхозниками, так и единоличниками все еще имеет место<...>

23/XI-33 г.

(Д. 40. Л. 194)

<4>

Ташкент. ЦК Узбекистана. Икрамову.

...В сельсовете Акум пастухов обливали горячей водой, привязывали к деревьям на съедение комарам, на нанесенные раны насыпали соли. Такие же вопиющие факты издевательского отношения к колхозникам имеются и по другим колхозам Хорезмского округа.

21/XI-34 г.

(Д. 45. Л. 149)

<5>

Секретарю Одесского Обкома партии тов. Вегеру.

...в колхозе Шлях до коммуны отравилась колхозница-ударница Татьяна Долгая, оставив записку «Сколько можно голодать — день, два, три, неделя. Хлеба не даете. Справок не даете. Чем такая жизнь лучше умереть».

25/XI-34 г.

(Д. 39. Л. 182)

Первые пять фрагментов — о жизни рядовых колхозников.

А вот и о руководстве — телеграмма Маркевича об обстановке во время посевной кампании 1932 года на Украине:

<6>

Харьков. ЦК КП (б)У. Т. Косиору

По поручению т. Сталина посылается вам телеграмма Маркевича из Харькова с просьбой сообщить, что делается и будет сделано вами по этой телеграмме и нужна ли общая директива от ЦК?

Совнарком Молотову, Наркомзем Яковлеву, копия Трактороцентр.

Поскребышев.

«Считаю необходимым обратить внимание ЦК на тяжелое безобразное положение, создавшееся во время весеннего сева МТС. В каждом районе деятельности МТС находится сейчас не менее 20-30 уполномоченных по проведению посевной кампании от районных, областных, республиканских партийных, советских, земельных организаций. Все эти уполномоченные распоряжаются тракторным парком МТС, дают приказания директорам МТС, колхозам, передают суду Правление колхозов, работников МТС, в том числе директоров, перебрасывают трактора, лошадей, устанавливают очередность посевов различных культур, во многих случаях буквально дезорганизуют работу. Директора МТС совершенно задержаны. С автотранспортом МТС вопиющие безобразия: во всех без исключения МТС, в которых я был, автотранспорт, как легковой, так грузовой, мобилизован местными органами. Все ездят. Грузовики АМО используются как легковые машины для перевозки

отдельных лиц. За непредоставление машин директоров МТС передают суду, угрожают арестом. Особенно усердствуют органы ГПУ. У Акимовской МТС ГПУ мобилизовало три грузовика, у Ново-Троицкой МТС ГПУ мобилизовало 4 грузовика и угнало за сотню километров, в Рыковскую МТС Мелитопольское ГПУ при мне прислало своих 7 шоферов с приказом забрать у МТС 7 грузовиков для секретных оперативных целей. МТС, колхозы сейчас задыхаются от отсутствия транспорта для перевозки семзерна. Я прошу ЦК вынести постановление в том, что все уполномоченные партийных, советских и земельных органов, командированные на период сева в районы МТС, поступают в распоряжение директоров МТС, прикрепляются ими на весь период сева по одному к нескольким колхозам, выполняя там задания МТС. Категорически воспретить местным органам, в том числе органам ГПУ под угрозой предания суду, исключения из партии, мобилизовывать или распоряжаться автотракторным парком МТС. Прошу ЦК вынести это постановление возможно скорее, иначе останемся без тракторов. Маркевич».

14/IV-32 г.

(Д. 34. Л. 66-67)

Учет шифровок Политбюро как исторического источника позволит расширить источниковедческую базу многих исследований. Тема раскулачивания и Голодомора, затронутая в приведенных выше документах, — лишь одна из многих тем. Пишущие эти строки часто опирались на них эти шифровки в рамках архивных публикаций в «Новой газете» в 2008 — 2009 гг., в спецвыпусках «Правда ГУЛАГа» и рубрике «Ваши документы!»¹¹.

¹¹См. стр. 509-589.

Еще один важнейший источник для изучения репрессий и репрессированных — это архив конвойных войск, находящийся в РГВА. Его точное обозначение — фонд 40п: «Управление конвойной охраны МВД СССР». Его единственная опись (опись 1) содержит фактический материал за 1924 — 1954 гг.

Советская конвойная стража была создана приказом наркомата по военным делам от 20 апреля 1918 года для конвоирования контрреволюционных элементов и преступников и охраны мест заключения, на основе децентрализованного добровольного найма. Общее управление ею возлагалось на Главную инспекцию конвойной стражи (ГИКС), учрежденную при Главном управлении мест заключения (ГУМЗ). Соответственно, ГИКС первоначально имела двойное подчинение — наркомату по военным делам и ГУМЗу. 23 июля 1918 года ГУМЗ было преобразовано в Карательный отдел Наркомата Юстиции, а ГИКС — в 8-е отделение этого Карательного отдела, с 9 сентября 1919 года ставшего Центральным карательным отделом. 4 октября 1922 года Конвойная стража — в это время численностью в 17 тыс. чел. — была переподчинена Главному политическому управлению РСФСР (ГПУ). 6 октября 1922 года при Штабе войск ГПУ был учрежден Отдел конвойной стражи. С образованием СССР ГПУ стало ОГПУ, и 26 июля 1924 года постановлением Совета Труда и Оборона СССР № 71 конвойная стража была передана из ведения ОГПУ в ведение НКВД союзных республик, а сводное руководство было вновь возложено на ГУМЗ РСФСР.

Начиная с этого времени и на протяжении еще 30 лет, деятельность конвойных войск в той или иной степени задокументирована в фонде 40п. Разумеется, и за это 30-летие управление многократно меняло свое название и ведомственную подчиненность. Перечислим эти изменения: Управление конвойной стражи при начальнике Управления мест заключения РСФСР (19.7.1924 —

30.10.1925); Центральное управление конвойной стражи при СНК СССР (30.10.1925 – март 1930); Центральное управление конвойных войск при СНК СССР (март 1930 – 3.10.1934); Главное управление конвойных войск НКВД СССР (16.3.1939 – 27.2.1941); Управление конвойных войск НКВД СССР (27.2.1941 – 26.8.1941); Управление конвойных войск НКВД-МВД СССР (24.1.1942 – 21.5.1951); Управление конвойной охраны МВД СССР (21.5.1951 – 30.3.1954).

Естественно, что штатная численность конвойных войск не стояла на месте. По состоянию на 1.1.1940, например, она составляла 34925 чел. До 1951 года действовала «классическая» войсковая оргструктура: дивизия – полк – батальон – рота – взвод, а с 1951 года оргструктура была изменена: отдел – отряд – дивизион – команда – группа.

Фонд 40п – ценнейший источник по российской истории. Сколько тысяч эшелонов прошло через них, скольких миллионов душ – эков и спецпоселенцев, своих или чужих военнопленных, – они отэтапировали! На истлевающей, какая попадется, бумаге, иногда папиросной, – эшелонные списки. Нестройные колонки слов и цифр – иногда только имена, но нередко еще и профессии, возраст, статьи, сроки...

Однако целенаправленный персональный розыск сведений о том или другом конвоированном репрессированном лице сталкивается с почти непреодолимыми трудностями. То, как в фонде организован материал, а именно по соединениям (дивизии конвойных войск, полки конвойных войск и т.д.), – делает такой поиск практически невозможным. Находка искомых персоналий может быть смело уподоблена чудесному обнаружению иголки в стогу сена. Так, чудом удалось обнаружить документы, относящиеся к этапированию эшелона с О.Э. Мандельштамом¹².

¹² РГВА. Ф. 18444. Список 2. Д. 203. Л. 75-122. См. об этом статью «Так их везли» (стр. 417-429).

«Мандельштамовский» эшелон подлежал отправке в город Владивосток, на Колыму, «Севвостлаг» НКВД. Командировка была выписана по спецнаряду I спецотдела НКВД на срок с 7 сентября по 28 октября 1938 года. Эшелон формировался на станции Красная Пресня Окружной железной дороги, в так называемом пересыльно-питательном пункте НКВД по Московской области, куда перед отправкой свозили партии заключенных, содержавшихся в различных тюрьмах НКВД Москвы и Московской области – Серпуховской, Коломенской, Таганской и, конечно, Бутырской. Всего в эшелон было принято 1770 человек, в том числе – вместе с Мандельштамом – из Бутырок, – 209 человек. Начальником эшелона был командир 1 роты 236-го полка Конвойных войск старший лейтенант Романов И.И.

Поистине вся огромная советская страна отразилась в этом будничном для НКВД документе! Практически все из списка Бутырской тюрьмы осуждены либо за контрреволюционную или антисоветскую деятельность или агитацию, либо по подозрению в шпионаже, либо как СОЭ – «социально-опасный элемент» (исключения составляли лишь двое, осужденные за педерастию, и два оперативных работника, совершившие должностные преступления).

Фактически эшелон отправился из Москвы 8 сентября. Большая часть контингента направлялась и была доставлена на станцию Известковая (1038 человек – политические вперемежку с уголовными) и во Владивосток (700 человек – сплошь 58 статья, в их числе и О. Мандельштам). Еще 17 человек предназначались для лагерей в Мариинске, а 8 – в Красноярске. «Сдачи» состоялись, кроме того, в Свердловске (3 человека), а также в Москве, Зиме, Могоче и Урульче (по 1 человеку).

Сам О.Э. Мандельштам в письме брату в качестве даты отправки эшелона называет 9 сентября. Скорее всего, он ошибался, тем более что «физик Л.», ехавший с Мандельштамом в том же транспорте, говорил, как передает Н.Я. Мандельштам, о 7 сентября.

Благодаря базе данных общества «Мемориал» – диску «Жертвы политического террора в СССР» – удалось разыскать краткие биографические данные о 170 заключенных из тех 700, конечным пунктом назначения которых был Владивосток.

В контексте эшелонных списков особенно значим реконструируемый с их помощью социальный портрет репрессированных периода Большого террора.

Никакой номенклатуры в «мандельштамовском эшелоне» не обнаруживается. Самый большой – беспартийный секретарь захудалого Высокиничского райисполкома. А кто же остальные? В основном это рабочие и колхозники, иногда мелкие хозяйственники и подозрительно много учителей. То есть это тот самый народ, ради которого, якобы, существует Советская Власть. Впрочем, есть одно интересное исключение – В.М. Потоцкий (№ 132 в списке Бутырской тюрьмы), портной, обвиненный в преступлении по должности. Интересно, какое должностное преступление может совершить портной? Оказывается этот портной – на самом деле начальник отдела НКВД Башкирии – в то время не было специальных лагерей для чекистов и, естественно с согласия нквдешников, его закамуфлировали под портного. Есть еще один интересный заключенный – Карл Карлович Маркс, репрессированный, видимо, по национальному признаку (вообще непропорционально много людей с прибалтийскими, финскими и немецкими фамилиями, само собой, с еврейскими, много и русских, родившихся за пределами СССР, в той же Прибалтике).

Представляется, что шифрограммы Политбюро ЦК ВКП(б) и эшелонные списки могут служить важными источниками по истории репрессий в СССР. Первые хорошо отражают отношения типа «регион – центр» по различным линиям (чисто партийная, партийная пресса, репрессивные органы и т.д.), а также региональный аспект репрессий; вторые – социальный аспект контингента репрессированных. В сущности, только анализ поэшелонных ма-

териалов смог бы внести ясность в острый и окончательно не решенный вопрос о смертности среди депортированных контингентов во время транспортировки.

В контексте шифрограмм в центре внимания – 1933–1934 годы – первые колхозные годы и период голодомора, но в основном до 1 декабря 1934 года, когда репрессивные практики резко трансформировались и в очередной раз в еще большей степени радикализировались. В это время уже сполна проявились не только краткосрочные, но и среднесрочные последствия коллективизации в различных регионах страны.

ДЕПОРТАЦИИ НЕМЦЕВ И КОРЕЙЦЕВ¹³

На первый взгляд совместное рассмотрение депортаций двух народов, не имеющих между собой каких-либо этнических или географических привязок, неправомерно. Но это только на первый взгляд. На самом деле эти народы объединяет одно, но очень важное в условиях социалистической России качество: это одни из экономически наиболее успешных и продуктивных этносов страны.

Что касается немцев – это широко известно. Действительно, ни один народ России не был поставлен в столь привилегированное положение. Во времена Екатерины II – наделение 65 десятин земли на хозяйство, отмена воинской повинности на 25 лет и ряда налогов, – все это создавало условия для развития высокопродуктивного сельского хозяйства, выделявшегося, как правило, на фоне хозяйств местного населения.

¹³ Публикуется впервые. Текст готовился в качестве доклада на 3-й международной научно-практической конференции «Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет», состоявшейся в Саратове 26 - 28 августа 2011 г. Поездка Н. Поболя в Саратов не состоялась, и доклад не был прочитан.

В отличие от немцев, корейцы никогда в пределы Российского, а впоследствии и Советского государства не приглашались. Тем не менее, считается, что в 1920-е гг. их приток достигал 11 тысяч нелегальных эмигрантов в год. В итоге число корейцев в СССР составляло на 1928 год (согласно Малой Советской энциклопедии 1930 года) 130 тыс. человек, а согласно Малой Советской энциклопедии 1936 года – уже 180 тысяч.

Но не это волновало Советскую власть. На первом Всероссийском совещании работников по переселенческому делу в марте 1927 года говорилось, что только во Владивостокском округе из 249 тыс. десятин сельскохозяйственных угодий корейцы обрабатывали 48 тыс. десятин, или менее 20 % земли, но при этом производили не менее половины сельскохозяйственной продукции в регионе.

Такого же рода претензии относились и к немецкому населению. В ноябре 1922 года секретарь немецкой секции при ЦК Вегнер в докладной записке в Оргбюро ЦК ВКП(б) просил усилить идеологическую работу в регионах массового проживания немецкого населения юга России – и именно вследствие возрастания экономической активности этого населения. При этом он приводил такие цифры: Симферополь – 40000 человек, Харьков – 600000, Ростов – 100000, Екатеринослав – 150000, Одесса – 200000 человек немецкого населения¹⁴.

Что касается корейцев, то еще в 1923 году Дальневосточное бюро ЦК постановило выселить их из Приморья¹⁵. Это постановление тогда же было отменено центральной властью, но уже в 1930 году начались внутрикраевые переселения корейцев из приграничных районов, а по Постановлению СНК и ЦК ВКП(б) № 1428–326сс «О выселении корейского населения пограничных районов Даль-

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 415.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1 67. Д. 7.

невосточного края» от 21 августа 1937 года корейский вопрос был решен окончательно. Уже к 25 октября 1937 года 171781 человек 124 эшелонами были вывезены в Узбекскую и Казахскую ССР (Кстати, тогда же было выселено из Приморья и несколько сот немцев).

Стоит сказать, что эта первая тотальная этническая депортация формально была самая гуманная. Но это чисто формально.

По положению, сданный при выселении скот должен был быть компенсирован на месте нового проживания, а за сданную сельскохозяйственную продукцию выплачены деньги. Но в реальности ничего этого сделано не было. Большинство документов, как выяснилось, были неправильно оформлены, и виноваты в этом, конечно, были корейцы, а не власти Приморья. Лишнего скота в Средней Азии не было, а тем более не было свиней, которых в мусульманских странах вообще не разводили.

Безрезультатная переписка по этим вопросам продолжалась до начала войны. Обещанного жилья тоже не было, а главное, не было работы, так как бывшие рыболовы и рисоводы были переселены практически в пустыню. Особенно тяжело пришлось городским жителям, у которых, в отличие от сельских, не было никаких запасов.

Прошло немало времени, прежде хоть какой-то быт был налажен. Еще одно отличие от последующих депортаций – формально корейцы не были «спецпоселенцами», то есть не должны были отмечаться в комендатуре, и хотя при выселении у всех корейцев были изъяты паспорта, на местах нового проживания они были выданы вновь, но не всем и не сразу. В паспортах, выданных на новом месте, были записи об ограничении на 5-летний срок в передвижениях. При этом они не являлись и административно-высланными, поскольку мотивом их высылки была все же не репрессия, а своего рода превентивная акция «по очистке границы» с Японией, оккупировавшей Корею и Манчжурию.

Если корейцы были выселены одновременно и по одному постановлению СНК и Политбюро, то по выселению немцев было выпущено более 10 постановлений и распоряжений СНК и ГОКО, поэтому условия выселения заметно различались по регионам. Если вес вывозимого корейцами имущества не оговаривался, но при этом разрешалось брать с собою инвентарь и живность, то при выселении немцев из республики Немцев Поволжья, предельный вес имущества составлял 1 тонну на семью, независимо от количества человек в семье, а для выселяемых из Ленинградской области — уже не более 600 кг., из Армянской ССР — 500 кг. на семью. Выселяемым из Московской, Ростовской областей и из Северного Кавказа разрешалось брать с собой не более 200 кг. на человека, причем *«топоры, лопаты, вилы, мотыги, косы, грабли, молотки и т.п. должны перевозиться в специально выделенных вагонах для багажа и не могут находиться в людских вагонах».*

Ужесточилась и норма перевозки в одном вагоне — 40 человек в первый период депортации, 50 — во второй. Что касается централизованного питания в пути, то в постановлении о корейцах об этом ничего не говорится, но говорится о том, что рабочим, служащим, учителям и их семьям на весь путь выплачиваются суточные по 5 рублей на каждого члена семьи. Причем со всеми этими работниками по месту службы производится полный расчет с выплатой двухнедельного выходного пособия. К сельскому населению это не относится.

В постановлениях о депортации немцев разделение населения на сельское и городское относится только к расселению — городских жителей требуется расселять в районных центрах и других городах, кроме областных. Соответственно и питание в пути одинаковое для всех из расчета 6 рублей в день на человека, причем горячая пища выдается один

раз в сутки и кипяток два раза в специально установленных пунктах — в железнодорожных и водных буфетах. Интересно, что в инструкции начальникам эшелонов по сопровождению немцев-переселенцев, утвержденной зам. наркома внутренних дел Чернышевым в августе 1941 года, говорится о выдаче переселенцам горячей пищи дважды в день и дважды кипятка, а также 500 грамм хлеба. Но в реальности такие нормы никогда не соблюдались даже в мирное время. О военном и вовсе говорить не приходится.

Впрочем, согласно уже другой инструкции, переселенцы были обязаны взять с собой запас продовольствия из расчета не менее чем на один месяц. Вообще говоря, все эти указы, приказы, постановления и инструкции совершенно очевидно писались для каких-то очень отдаленных потомков, когда уже не будет ни возможности, ни интереса сверять эти документы с реальностью. Не говоря уже об обязательном обеспечении горячей пищей и медицинским обслуживанием, особое недоверие вызывает пункт «о обязательном предоставлении жилья».

Как это было на практике — более-менее известно. Главе большой немецкой семьи моих друзей, живущих сейчас в Германии, было 10 лет, когда в октябре 1941 года их депортировали из Тульской области в Карагандинскую.

Практика выселения как корейцев, так и немцев, за мелкими исключениями была одинаковой. Сельские переселенцы обязаны были, прежде всего, покрыть все обязательства колхоза перед государством по обязательным поставкам и натуроплате за работы МТС, возврату семенных ссуд и т.д. За сданный скот и зерно немцы получают такие же бумажки, как до них корейцы, и так же на новом местожительстве пытаются получить за это хоть какую-нибудь компенсацию. Мелкие исключения таковы:

«Городским жителям из АССР Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей разрешается оставшееся лично им принадлежащее имущество реализовать через доверенных лиц, которые в 10-дневный срок продают его и вырученные деньги направляют владельцу по новому месту его жительства».

Еще одно различие: если одновременно с выселением корейского населения вывозилось оборудование корейских школ, избитален, библиотек, — то при депортации немцев этот пункт уже не упоминается. И еще одна проблема, которой не было у корейцев: смешанные браки. В первоначальной редакции инструкции НКВД был пункт, гласящий:

«Члены семей, не являющиеся по национальности немцами, переселению не подлежат, но могут по их согласию следовать с остальными членами семьи. Например, русская гражданка, вышедшая замуж за немца, в принудительном порядке выселению не подлежит, но может следовать за мужем добровольно».

Рукой Берии внесена правка: *«в таком случае семья не выселяется».* Что касается привилегий для членов ВКП(б) и ВЛКСМ, то и в том, и в другом случае их нет, все они переселялись на общих основаниях, так же, как и члены семей военнослужащих Красной Армии, но в случае немцев, последним должно было быть предоставлено в местах расселения преимущество, в первую очередь в хозяйственном и бытовом устройстве.

В отличие от корейцев, немцы получили гораздо более тяжелый статус «спецпереселенцев». Значительная часть трудоспособного населения подвергалась мобилизации в Трудармию с проживанием и работой зачастую вдалеке от семьи. Всего через Трудармию прошло в общей сложности 316,6 тысяч советских немцев, причем ликвидирована она была только весной 1946 года.

НАЦПРОЕКТ ИСТОРИЯ¹⁶

Что ни казнь у него — то малина...

О. Мандельштам

ХОТЕЛОСЬ БЫ ВСЕХ ПОИМЕННО НАЗВАТЬ...

Уникальное электронное издание выпущено стараниями и попечением Международного общества «Мемориал», Уполномоченного по правам человека в РФ, при поддержке Объединенной демократической партии «Яблоко», Международного фонда им. Д.С. Лихачева и швейцарской программы по развитию и сотрудничеству. Это сдвоенный компакт-диск «Жертвы политического террора в СССР»: на одном — почти все изданные на сегодня справочные и научные материалы по истории террора, на другом — база данных, содержащая сведения о 2614978 жертвах этого террора (в это число входят и «дублиеты» — сведения об одном и том же лице из разных источников, как и сведения о каждой репрессии в отдельности, — на Осипа Мандельштама, например, заведено четыре записи. Так что, в сущности, самих жертв на диске меньше).

Источники — более 280 томов Книг памяти из разных регионов бывшего СССР, а также море других привлеченных сведений, в том числе о репрессированных москвичах.

2,6 миллиона — много это или мало?

Мало, если сравнивать эту цифру с суммарным числом репрессированных в СССР. Одних только лиц, попадающих под действие Закона о реабилитации 1991 года, по оценке Арсения Рогинского, около 12,5 млн, из них око-

¹⁶ Совместно с П. Нерлером. Впервые: Новая газета. 2008. 22 - 25 мая. С. 14.

дебных органов, а остальные – репрессированные по административным решениям (жертвы коллективизации, депортаций народов и т. д.).

А с другой стороны – это и невероятно много! Для сравнения: в Центральной базе данных имен жертв Шoa, над которой десятилетиями работал целый коллектив сотрудников этого мемориала, насчитывается 3,2 млн имен.

Готовя к печати именной список заключенных того эшелона, с которым Мандельштам в 1938 году был доставлен во Владивосток, мы вознамерились прокомментировать этот список персональными сведениями из мемориальной базы данных. В нашем списке 700 имен. Не так мало, но из них по базе данных было найдено только 169 имен, то есть каждое четвертое. Следует учесть, что все мандельштамовские зэки-попутчики были из Москвы и Московской области – наиболее изученного в этом отношении региона. Отсюда хотя бы приблизительно видно, каковы истинные масштабы репрессий: не возразишь – эффективен был наш усатый менеджер!

Тем не менее, даже по такой скромной выборке хорошо видна несостоятельность многих расхожих утверждений, например, о направленности репрессий 37–38-го годов в основном против партии. Самый крупный в списке начальник – секретарь райисполкома. Большинство же репрессированных – это рабочие и крестьяне, за ними следуют учителя и бухгалтеры, есть два писателя, есть даже один Карл Маркс!..

Сама база данных, конечно, нуждается в различных усовершенствованиях, и не только в пополнении новыми именами и данными, но и в более строгой унификации карточек. Были бы ее сквозные данные – например, пол, возраст, основание репрессии, ее вид и кратность – сведены

к единой формализованной маске (а все, что не вписывается в нее, можно сложить в рубрику «примечания» или «прочее»), то эти 2,6 миллиона заговорили бы не только от себя и за себя, но и как единое целое, как истинный архипелаг, как социум репрессированных, с которым интересно и важно поработать и демографу, и историку, и географу. Но работа эта огромная и затратная — и рецензируемый диск лишь ее самое начало.

В сущности, это государственное дело — обеспечение правдодобычи. Рецензируемый диск — это история России, это ее истинное лицо периода «эффективного менеджмента»!

И как бы ни привыкла политика у нас хватать историю за дышло, пинать ее ногами, а из историков вить веревки, но наше «непредсказуемое прошлое» давно и остро нуждается в «приватизации», в деполитизации, в рассекречивании архивов, в спокойном и объективном научном анализе (а с недавних пор тема репрессий стала кошерной и для академической науки).

Чем не поприще для национального проекта? Государство тут могло бы взять на себя как минимум четыре вещи: первая — предложить «Мемориалу», благо он есть, продумать и возглавить эту работу; второе — смириться с тем, что работа будет построена не по вертикали, а по горизонтали, не по понятиям РАО «История» (или «Истпром»), а по принципу коллегиального научного сообщества. Третье: обеспечить проект информацией — за счет доступа к ведомственным архивам и завершения рассекречивания документов из федеральных. И четвертое — профинансировать проект, не вмешиваясь в его ход и не требуя себе за это ни дивидендов, ни контрольного пакета дружно голосующих акций.

КАК ИХ ВЕЗЛИ¹⁷

*Это было, когда улыбался
Только мертвый, спокойствию рад.
И ненужным привеском болтался
Возле тюрем своих Ленинград.
И когда, обезумев от муки
Шли уже осужденных полки
И короткую песню разлуки
Паровозные пели гудки.*

Анна Ахматова. «Реквием»

Едва ли не вся история России уходящего века вершилась на железной дороге. Не обошла «железку» и трагическая компонента сталинской эпохи — массовая перевозка заключенных, когда в восточном и северном направлениях перемещались миллионы людей. В общем виде она довольно обстоятельно рассмотрена А. Солженицыным («Архипелаг ГУЛАГ», ч. 2, гл. 3). Технические подробности, которые дают изучение истории железнодорожного транспорта, мемуарная литература, исследования биографий отдельных людей, позволяют более зримо представить обстановку этого зловещего действия.

В России возить заключенных по железной дороге, как и солдат, начали практически сразу после ее появления в середине XIX века. Тайны из этого тогда не делали, и в официальных альбомах вагонов отдельных железных дорог и сводных альбомах МПС в реестре вагонов специального назначения значились и «арестантские». Тогда заключенные могли из окон смотреть на волю, хоть и через решетку. Позднее вагонзаки, называемые в

¹⁷ Совместно с А. Никольским. Впервые: Железнодорожное дело. 1999. № 2-4. С. 43-47. На фотографии — Н. Поболь с А. Никольским.

быту «столыпински-ми», уже имели в арестантских купе наружную глухую стенку, и заключенные могли что-то увидеть лишь через двойные решетчатые окна коридора. Но часто наружные стекла ставились матовые и узники лишались элементарной радости путника — видеть, где он едет.

Чего нельзя было лишиться в дороге — так это звуков, из которых самыми характерными были паровозные свистки (в просторечье — гудки). На российских и советских железных дорогах они отличались от сильных или попискивавших свистков паровозов Европы мощностью и красотой звучания (На сигнал подавался пар рабочего давления 12 и 14 атмосфер, а звук состоял из трех-пяти тонов). Конечно, для узников ГУЛАГа эта «песня», сопровождавшая их на всем пути, имела надрывное, щемящее звучание (в 1956 году в черте больших городов паровые свистки отменили, но по сети дорог они звучали вплоть до 1970-х. Еще у В. Шукшина было: «Заполошно взревел паровоз...»).

Перевозки заключенных в «столыпинских» или иных вагонах, включаемых в состав пассажирского поезда — отдельная тема. Здесь мы рассмотрим только массовые перевозки заключенных специальными эшелонами. Для этого использовались исключительно грузовые крытые вагоны. Отдельные классные вагоны использовались (не в каждом эшелоне) лишь как штабные, для конвоя.

Основным типом крытого грузового вагона российских, а затем советских железных дорог вплоть до 1950-х годов был так на-

зывается «НТВ» — «нормальный товарный вагон» грузоподъемностью 16,5 тонны. Он был двухосным. Эти вагоны строили с конца 1880-х до 1930-х годов все отечественные заводы, и некоторая часть закупалась за рубежом. В 1930-е годы в вагонном парке СССР их было около 400000 шт. Они были универсальны и использовались как для любых грузов, так и для массовых людских перевозок — солдат, переселенцев, целинников... Известна формула: 40 человек — 8 лошадей. Но это — когда люди ехали в человеческих условиях.

Большая часть НТВ имела деревянные стойки кузова, и лишь импортные («канадские») имели стойки из стальных уголков. С 1930-х годов такими их стали делать и советские заводы.

Несмотря на огромную распространенность, до наших дней «дожило» очень мало НТВ. Например, Рославльский вагонный завод, выпускавший их тысячами, в год своего юбилея (1998-й) не смог найти ни одного, чтобы поставить как памятник. Тому, кто сегодня захочет увидеть славный вагон, можно посоветовать посетить музей железнодорожной техники в Шушарах под Санкт-Петербургом (филиал Центрального музея Октябрьской железной дороги). В нем собрано несколько крытых двухосников с деревянными и железными стойками, на дисковых и на спицевых колесах.

Вторым типом грузового вагона был так называемый «большегрузный» четырехосный вагон грузоподъемностью до 50 тонн. Они тоже строились и до революции, но в меньших количествах, чем НТВ, а с 1930-х годов уже выпускались только они. Каркас четырехосных вагонов был стальным, а стены, полы и крыши — досчатыми. Крыши покрывались жестью, а в тяжелые времена — брезентом. Постепенно четырехосные грузовые вагоны — как более выгодные — вытеснили двухосные. В быту за ними укоренилось американское название «пульман».

Для людских перевозок крытые вагоны снаружи утеплялись второй обшивкой стен. Между двумя слоями досок укладывался вой-

лок. Пол для предотвращения промерзания утепляли опилками и вторым слоем досок. Так получалась знаменитая «теплушка». Но для перевозки заключенных могли подать и неутепленные вагоны.

Посередине двухосного вагона устанавливалась чугунная печь с вертикальной трубой, выводимой через крышу. В четырехосных вагонах было по две печи. В полу устраивалась окованная железом дыра – вместо уборной. На стенке подготовленного для заключенных вагона мелом наискось наносилась надпись «СПЕЦОБОРУДОВАНИЕ» (об этом читайте у Е. Гинзбург).

Главное, что проверялось – это прочность досок, чтобы уменьшить возможность побега. Как писал А. Солженицын, «зэки долго не должны были сообразить своего нового преимущества: из каменной тюрьмы они перешли в тонкодощатый вагон» (толщина досок была от 22-х до 40 миллиметров).

А возможность пропиливать доски была – например, если удавалось пронести через «шмон» иголку с ниткой. Тогда, держа конец нитки в одной точке, а противоположный конец внатяг с иголкой, можно было по окружности постепенно пропиливать доску. Для выявления подпиленных досок на станциях конвой специальными кувалдами выборочно простукивал нижние доски обшивки стенок.

Вот радостные впечатления человека, освободившегося из лагеря (Лазарь Шерешевский, 1959 год):

В порядке паспорт и билет в цене,
И выюга не люет, волком воя,
И не стучат по крыше и спине
Кувалды вологодского конвоя.

Другая возможность – бежать через пол – теоретически подтверждалась расстоянием от оси колесной пары до шпалы – 600 миллиметров – вполне достаточным, чтобы пролезть человеку (Вспомним рассказ Л. Толстого «Девочка и грибы»).

Властители дум молодежи начала XX века писатели Максим Горький и Леонид Андреев в юности, испытывая свою смелость, бросались ничком вдоль рельсов под проходящие поезда. Тогда это было возможно потому, что метельники паровозов располагались только над рельсами, а пространство между ними было свободным. Кроме того, выбирался участок, по которому поезд шел на подъем, с натянутыми стяжками. И, тем не менее, потрясение человека, оказавшегося под мчащимся тысячепудовым составом, было столь велико, что оба писателя вспоминали об этом и много лет спустя.

На случай побега через пол к последнему вагону подвешивались чугунные гири, которые волоклись за поездом на цепях и должны были разможжить голову любому беглецу.

Солдаты и переселенцы в теплую погоду ехали в теплушках с открытыми раздвижными дверями. Они закладывались досками — перилами, облокотившись о которые можно было любоваться окружающей местностью. Двери зэкских вагонов были, естественно, заперты наглухо, а окна зарешечены и закрыты. Летом одно окно оставалось открытым и, по свидетельству Е. Гинзбург, на перегонах для вентиляции конвоиры чуть приоткрывали двери. К этой узкой щели жадно приникали обитатели вагонов. Перед остановками поезд тормозил, и двери задвигались. Разговаривать на стоянках запрещалось, чтобы не привлекать внимание посторонних.

Вот, что вспоминал строитель «Мертвой дороги» Салехард — Игарка Анатолий Иванов — бывший офицер флота, осужденный по 58-й статье. Зимой 1950 года его везли в товарном вагоне в Салехард. Железная дорога пересекала реку Обь по временной ледовой переправе — сооружению не очень надежному. В поезде были, кроме зэкских, и классные вагоны с вольными пассажирами. Их перед переправой высаживали, и они по льду ехали на санях. А «господ заключенных», как выразился Иванов, оставляли запертыми в вагонах (провалятся — не велика потеря). И они слушали, как гудит лед под поездом. Самый басовитый тон был когда проезжали середину реки.

Бывали ли побеги из эшелонов? Видимо, бывали, раз конвой их опасался. Всего, по данным современных социологических исследований, за 1934 - 1940 годы из лагерей бежало около 324 тысяч человек, из них было поймано 205 тысяч. Об одном конкретном побеге, но не из советского, а из немецкого лагерного эшелона, рассказывал в 1960 году бывший заключенный А. Сулим. Его, советского активиста Западной Украины, арестовали после занятия немцами Львова в 1941 году, и в составе большой партии пленных везли несколько дней без воды и пищи в Освенцим. В их вагоне группа узников оторвала несколько досок и решила бежать. Но когда прыгать? На стоянке нельзя — охрана ходит рядом с вагонами. На перегоне на большой скорости — разобьешься. Значит, где-то сразу после отправления со станции.

Закончилось все трагически. Человек шесть выпрыгнули, но слишком рано, когда поезд еще не дошел до выходного семафора. К нему по бровке пути идут в несколько рядов проволочные тяги на роликах. Все погибли, но конвой заметил побег, и поезд был остановлен. Трупы вытащили, и с немецкой аккуратностью положили в ряд на откоесе. После пересчета пленных поезд пошел дальше. Вплоть до 1960-х годов большинство железнодорожных линий СССР было оборудовано такой же механической централизацией сигналов семафоров.

В ГУЛАГовских эшелонах узники, как правило, больше всего страдали от жажды. Об этом пишет Солженицын (самая ходовая еда в пути — селедка) и Гинзбург (одна кружка воды на человека в сутки).

Разгружались эшелоны с заключенными обычно не на платформы, а прямо на пути станций или перегонов. При высадке из вагонов никаких лестниц не было, и заключенным приходилось прыгать с высоты около 1,5 метра на бровку пути, что не всем удавалось легко. В воспоминаниях Б. Дьякова наивный пожилой новичок на команду: «Выходи!» спрашивает: «А где лестничка?» — «Сейчас посажу тебя голым задом на снег, тогда узнаешь, где лестничка!» — отвечает конвойный.

Исследования последнего этапа жизни поэта Осипа Мандельштама, проводимые Мандельштамовским обществом, привели в Российский государственный военный архив, который включает в себя архив конвойных войск МВД СССР. Здесь среди тысяч дел удалось обнаружить документы, относящиеся к «мандельштамовскому» эшелону, шедшему по маршруту Москва – Владивосток (РГВА. Ф. 1844. список 2. Д. 203).

Мандельштам был арестован (второй раз за четыре года) 2 мая 1938 года, и 8 августа того же года был осужден тройкой особого совещания НКВД на 5 лет лагерей по статье 58-10 («антисоветская агитация и пропаганда»). Учитывая его здоровье и возраст, это, в сущности, был растянутый смертный приговор... Для безостановочной ГУЛАГовской машины это был рутинный процесс и рядовой эшелон. Ветхие архивные листочки, написанные или отпечатанные в основном на плохой бумаге (только схема эшелона, реконструкция которой приведена здесь, аккуратно начерчена на ватмане), помогают постичь детали такой поездки.

Начнем с личного состава. Из Москвы было отправлено 1770 заключенных (почти все по 58-й статье).

Конвой насчитывал 110 человек. Начальник эшелона – командир 1-й роты 236-го полка конвойных войск старший лейтенант И.И. Романов. Остальной состав конвоя: политрук – 1, комендант – 1, начальник караула – 2, помощник начальника караула – 2, разводящий – 6, опергруппа – 9, часовые – 78, хозобслуга – 3, резерв – 3, связист – 2, собаковод – 2. Примечательно, что ни для заключенных, ни для конвоя не было ни лекпома, ни повара.

Но особо примечателен попутный список заключенных. В другом месте¹⁸ мы приводим выборку из списка 209 че-

¹⁸ В частности, в соответствующей главе в книге П. Нерлера «Слово и “дело” Осипа Мандельштама. Книга доносов, допросов и обвинительных заключений» (М., 2010. С. 110-134).

Петр Александрович	1888	экономист	Уч. Сов., ИСЭД	к-р. д-кт.
Варвара Петровна	1910	пофэр	"	к-р. агит.
Яриц Иович	1897	рабоч.	"	подобр. в школу
Ваня Николаев	1882	агроном	"	к-р. д-кт.
Николай Васильевич	1902	учитель	"	"
Эльза Маркович	1914	адм. хоз. раб.	"	проя. д-кт.
Мандельштам Семья Михайлович	1891	писатель	"	к-р. д-кт.
Иванов Иван Иванович	1882	сборн.	"	"
Ваня Николаевич	1911	портной	"	к-р. агит.
Иванов Иван Иванович	1911	слесарь	"	"
Ваня Васильевич	1891	электрик	"	"
Теодор Иванович	1895	строит.	"	подобр. в школу
Вольдемар	1906	конструкт.	"	"
Васильев Иван Васильевич	1905	бриг. журн.	"	к-р. агит.
Петр Петрович	1890	лектор. нач.	"	"
Иванов Иван Иванович	1899	счетовод.	"	а/с. агит.
Ваня Петрович	1910	хат. работ.	"	к-р. тр. агит.
Иванов Иван Иванович	1906	сварщик	"	к-р. тр. агит.
Петр Петрович	1892	артист	"	к-р. д-кт.
Ваня Александрович	1916	инженер.	"	к-р. агит.
Альберт Альберт	1911	артист	"	подобр. в школу
Иванов Иван Иванович	1890	экономист	"	к-р. агит.
Иванов Иван Иванович	1911	портной	"	подобр. в школу
Иванов Иван Иванович	1890	а/с.	"	а/с. агит.
Иванов Иван Иванович	1890	портной	"	к-р. тр. д-кт.
Иванов Иван Иванович	1914	рабоч.	"	к-р. агит.
Иванов Иван Иванович	1890	портной	"	проя. в школе
Иванов Иван Иванович	1907	портной	"	подобр. в школу
Иванов Иван Иванович	1890	портной	"	а/с. агит.

Эшелонный список. Фрагмент с О.Э.Мандельштамом (РГВА)

людей, доставленных из Бутырской тюрьмы (как и Мандельштам). Еще были контингенты из Таганской, Серпуховской и Коломенской тюрем...

Как видно из этой выборки, даже Карла Маркса (профессия не указана) не спасла фамилия. Еще в списке много СОЭ (социально опасный элемент), и только четверо осужденных по уголовным статьям.

Обращает также на себя внимание большой процент еврейских или, по крайней мере, нерусских фамилий, то есть уже в 1938 году националистическая политика была несомненна. Еще возникает парадоксальная мысль, что Мандельштам кажется чуть ли не единственным из политических, кто сидел «за дело» (чего стоят эти шпионы – бухгалтеры!). Стихотворение «Мы живем, под собою не чуя страны» (1933 год) – неслыханная пощечина Сталину. Тогда его прочли единицы, но в свое время – все. Расстреливали и за меньшие грехи или вообще ни за что. И месть всесильного диктатора поэту была предопределена.

Но вернемся к эшелону. В Москве они тогда формировались в пересыльно-питательном пункте НКВД на станции Пресня Окружной железной дороги. На «мандельштамовский» эшелон была выписана командировка во Владивосток, в «Севвостлаг» НКВД (включавший Колымские лагеря), на срок с 7 сентября по 28 октября 1938 года. Продукты и командировочные конвоем выписывались на 30 суток, белье – по две смены. Перед отправлением им полагалось прослушать лекцию «Питание в пути и желудочно-кишечные заболевания». По наряду ГУЛАГа был выписан план перевозки НКВД № 1152.

Состав поезда насчитывал 34 вагона – 9 двухосных и 25 четырехосных. В последних везли заключенных. Фактический вес поезда, учитывая неполное использование грузо-

подъемности вагонов при людских перевозках, мог превышать тысячу тонн, что соответствовало норме для наиболее распространенного тогда грузового паровоза серии «Э» на равнинных участках. На трудных профилях Урала и Восточной Сибири использовалась двойная тяга. Длина состава равнялась 440 метрам.

Отправление эшелона состоялось 8 сентября. Медленно пройдя от Пресни до Ростокина по Окружной, он вывернул на северный ход, по которому шел главный маршрут, и на восток: через Ярославль – Киров.

Первая «сдача» заключенных состоялась в Свердловске, куда эшелон прибыл 14 сентября: 3 человека, из которых один – по болезни. 19 сентября в Мариинске, где располагались крупнейшие женские и «инвалидные» мужские лагеря, высадили 17 человек. В Красноярске «сошли» 8 этапированных. Где-то за Красноярском в эшелон впервые наведальась смерть. «От острой слабости сердца» умер 35-летний Д.Ф. Бейфус (приговор – 5 лет). Его сдали на станции Зима 23 сентября, а 1 октября на станции Могоча был активирован труп 52-летнего С.Г. Денчукова (приговор – 8 лет). 29 сентября на станции Урульча был сдан в качестве тяжело больного А.Я. Аросев.

7 октября эшелон прибыл на станцию Известковая на территории Еврейской автономной области. Это была одна из «столиц» довоенного БАМа, крупнейшей лагерной железнодорожной стройки, поглощавшей массу подневольной рабочей силы. Соединительная линия Известковая – Ургал была в разгаре своей прокладки, и вскоре была пущена. Здесь «мандельштамовский» эшелон полегчал более чем на половину – были сданы 1038 человек, из них 933 мужчины и 105 женщин. Были отцеплены 13 четырехосных и 3 двухосных вагона.

Оставшиеся 700 заключенных (643 мужчины, включая Мандельштама, и 57 женщин) продолжили путь на восток и вскоре прибыли на конечную станцию – Владивосток, точнее на станцию Вторая Речка к югу от города. Акт приемки подписали начальник эшелона и целая комиссия Владивостокского отдельного лагпункта Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерей НКВД (СВИТЛ). Акт констатировал, что заключенные доставлены в 12-ти пульмановских вагонах, в среднем по 58 человек в каждом, оборудованных двойными нарами и отверстиями для уборных. Горячая пища выдавалась не реже, чем раз в сутки, снабжение кипятком в пути следования было с перебоями, сырой водой – достаточное. Жалоб на действия конвоя со стороны заключенных не заявлено (надо полагать, умершие тоже были довольны). Согласно акту, все приехали здоровыми, а эшелон сопровождал военврач. Последнее – явная ложь, так как фамилия его не указана, а мы знаем, что в командировке никакого врача не значилось. Все это заставляет усомниться и в других благостных утверждениях данного акта.

Лагерь на станции Вторая Речка имел точное название «Владпер-пункт» (пересыльный). Он являлся перевалочной базой между материком и Колымой, куда должен был отправиться и Мандельштам. По состоянию здоровья он попал в «отсев», но это тоже не спасло его. 27 декабря 1938 года Осип Эмильевич Мандельштам умер в стационаре пересыльного лагеря. Местонахождение братской могилы, в которой он был похоронен, известно лишь приблизительно. В 1998 году во Владивостоке открыли памятник поэту...

Почти в те же месяцы 1938 года пассажиром очередного ГУЛАГовского эшелона стал еще один репрессированный литератор – другой выдающийся советский поэт – Нико-

лай Заболоцкий. Он жил в Ленинграде, где был арестован и осужден «за троцкистско-контрреволюционную деятельность». Провел Заболоцкий в неволе около 8 лет, чудом выжил, и в 1956 году написал воспоминания, которые, впрочем, стали известны лишь много лет спустя.

8 ноября 1938 года он отправился по этапу из Ленинграда на Дальний Восток. Вскоре прибыл в Свердловск, где в пересыльной тюрьме провел месяц. Отсюда начался его Великий Сибирский Этап, длившийся два месяца.

Предоставим слово самому Заболоцкому¹⁹:

«Наш поезд, состоявший из бесконечного ряда тюремных теплушек, представлял собой диковинное зрелище. На крышах вагонов были установлены прожектора, заливавшие светом окрестности. Тут и там на крышах и площадках торчали пулеметы, было великое множество охраны, на остановках выпускались собаки-овчарки, готовые растерзать любого беглеца...

Шестьдесят с лишним дней мы тащились по Сибирской магистрали, простаивая целыми сутками на запасных путях. Стояла лютая зима, морозы с каждым днем все крепчали. Посередине вагона топилась маленькая чугунная печурка, около которой сидел дневальный и смотрел за нею. Вначале мы жили на два этажа — одна половина людей помещалась внизу, а вторая наверху, на высоких нарах, устроенных по обе стороны вагона на уровне немного ниже человеческого роста. Но вскоре нестерпимый мороз загнал всех нижних жителей на нары, но и здесь, сбившись в кучу и согревая друг друга собственными телами, мы жестоко страдали от холодов.

В день полагалось на человека 300 граммов хлеба, дважды в день кипяток и обед из жидкой «баланды» и черпака

¹⁹ Текст цитируется по: Минувшее. 2-е издание. СПб.: Прогресс — Феникс, 1990

каши... Но и этот жалкий паек выдавался нерегулярно и, очевидно, не всегда по вине обслуживавших нас привилегированных уголовных заключенных. Дело в том, что снабжение всей этой громады арестованных людей, двигавшихся в то время по Сибири нескончаемыми эшелонами, представляло собой сложную хозяйственную задачу.

На многих станциях из-за лютых холодов и нераспорядительности начальства невозможно было снабдить людей даже водой. Однажды мы около трех суток почти не получали воды и, встречая новый 1939 год где-то около Байкала, должны были лизать черные закоптелые сосульки, нарощие на стенах вагона от наших же собственных испарений...

Два маленьких заледенелых оконца под потолком лишь на короткое время дня робко освещали нашу теплушку. В остальное время горел огарок свечи в фонаре, а когда не давали свечи, весь вагон погружался в непроглядный мрак... По утрам лишь краем глаза видели мы в окно беспредельные просторы сибирских полей, бесконечную занесенную снегом тайгу, тени сел и городов, осененные столбами вертикального дыма... Нас везли все дальше и дальше, на Дальний Восток, на край света...

В первых числах февраля прибыли мы в Хабаровск. Долго стояли здесь. Потом вдруг потянулись обратно, доехали до Волочаевки и повернули с магистрали к северу, по новой железнодорожной ветке. По обе стороны дороги замелькали колонны лагерей с их караульными вышками и поселки из новеньких пряничных домиков, построенных по одному образцу. Царство БАМа встречало нас, своих новых поселенцев. Поезд остановился, загрохотали засовы и мы вышли из своих убежищ в это новый мир, залитый солнцем, закованный в пятидесятиградусный холод... Так мы прибыли в город Комсомольск-на-Амуре»...

СОСЕД МАНДЕЛЬШТАМА ПО НАРАМ²⁰

Юрий Моисеенко — о поэте: «умер от сыпняка»;
о себе: «Я воюю правду...»

Юрий Илларионович Моисеенко попал в наше поле зрения как свидетель последних дней жизни поэта Осипа Мандельштама, с которым Моисеенко повстречался на пересылке «Вторая речка» во Владивостоке, но при знакомстве с ним самим (мы ездили к нему за год до его смерти), а также с его следственным делом понимаешь, что его судьба и, главное, его личность представляют и несомненный самостоятельный интерес.

В Институте имени прокурора Стучки, где он учился, ускоренно готовили на следователей. Теоретически Моисеенко вполне мог познакомиться с Мандельштамом в том же 1938 году, но не в лагерном бараке, а в своем следовательском кабинете. Однако получилось, как мы знаем, иначе.

Три письма

Судьбу Ю.И. Моисеенко определили три письма, которые он послал из Саратова (свой первый курс он проучился именно там из-за отсутствия мест в общежитии в Москве). Адресат — его лучший друг и односельчанин Л.Ф. Шурков, как настоящий советский человек, отнес их куда следует. Да и невозможно представить в «органах» человека, написавшего: «На каждой стоянке к открытым окнам поезда и старики, и дети протаскивают руку с плачем, горьким плачем: “Милые, дайте кусочек хлеба!”».

Ну, конечно, его место на нарах, рядом с великим поэтом, который в то же время и о том же сказал:

²⁰ Совместно с П. Нерлером. Впервые: Новая газета. 2011. 28 ноября. С. 6-7. Печатается в авторской редакции.

Природа своего не узнает лица,
И тени страшные Украины и Кубани...
На войлочной земле голодные крестьяне
Калитку стерегут, не трогая кольца.

14 октября 1935 года Юрий Моисеенко был арестован прямо в институте во время занятий, и через 2 месяца, 13 декабря, было составлено обвинительное заключение. Вот выдержка из него:

«На основе изложенного обвиняется:

Моисеенко Юрий (Георгий) Илларионович, 1914 г. рождения, уроженец м. Хотимск, БССР, из крестьян-бедняков колхозников, студент Московского института советского права, беспартийный, не судимый, в том, что:

а) в 1932 г. входил в состав контрреволюционной группы литературных работников редакции газеты «Пионерская правда по радио», участвуя в нелегальных собраниях последней;

б) в 1934 г. входил в состав фашистской группы студентов Саратовского института Советского права, участвуя на устраиваемых ею собраниях;

в) вел обработку в контрреволюционном и террористическом направлении студента Шуркова Л. Ф. и

г) имел намерение нелегально перейти границу с целью сотрудничества в буржуазной прессе, помещая в ней контрреволюционную клевету против СССР, т.е. в преступлении, предусмотренном ст.ст. 58-10 и 58-11 УК».

Известно, как велось в те времена следствие, как появлялись «намерения нелегально перейти границу», «фашистские группы студентов» и признательные показания, — ну не судить же человека только за жалость к голодным крестьянам?!

В феврале 1936 года Моисеенко был приговорен всего лишь к 5 годам лишения свободы и отправлен в Вяземлаг под Смоленском, что можно было бы считать и большой удачей. Но вскоре государ-

ство, удивленное собственной мягкотелостью, спохватилось. Вот как сам Ю. Моисеенко описывает это в заявлении в Комиссию Политбюро ЦК КПСС по делам реабилитации в декабре 1988 года:

«Осенью 1936 г. предложили мне обратиться с заявлением к VIII чрезвычайному Съезду Советов, который принимал новую Сталинскую Конституцию, о раскаянии. Н-к II части НКВД Куликов и оперуполномоченный Редин подготовили текст прошения. Оно звучало как заявление лидера оппозиции, а не студента. Веря их уговорам, я его подписал.

Но отправили ли они его и куда, так и не знал.

Оказывается, это была ловушка, был обман. После этого меня вновь посадили в следственный изолятор. А 7 августа 1937 года судебная коллегия при Вяземлаге НКВД приговорила вновь повторно ст. 58, п. 10, ч. I УК РСФСР к 10 годам уже тюремного заключения с поражением в правах на 3 года».

Таким образом Ю.И. Моисеенко был отправлен по этапу на Колыму, но до Колымы не доехал: по болезни он был оставлен в пересыльном лагере под Владивостоком, где осенью 1938 года и познакомился с только что прибывшим Осипом Мандельштамом, оказавшимся его соседом по нарам. Рядом с ними жил Ковалев — пожилой человек из амурских казаков, мальчиком привезли его в Благовещенск из Белоруссии родители-переселенцы. Ковалев был очень крепкий мужик, охотник на медведей (почему его комиссовали, а не отправили на Колыму — Ю.М. не знал). Он проникся необычайным уважением к Мандельштаму и по-отечески за ним ухаживал, приносил еду (и доедал за ним, если Мандельштам отказывался что-то есть).

Смерть поэта

Ю.М. был наряду с Ковалевым одним из немногочисленных свидетелей последних недель жизни Осипа Мандельштама и его смерти. Серия статей об этих днях, опубликованная в свое время

Ю. Поляновским в «Известиях», была прочитана всей страной. Та сцена при прожарке вещей, которую, со слов Ю.М. описал тогда журналист, была все же еще не смертью поэта, как он полагал, а ее преддверием. И случилась она не 27 декабря, как полагал журналист, а несколько раньше. Нам Ю.М. рассказывал: «Эмилевич²¹ был гордый человек, он не плакал, не говорил, что погибну. Он хороший был собеседник, интересно было его послушать».

На прожарку Мандельштам пришел в своем желтом («эренбургском») реглане, но кожаные вещи в дезакамеру не запускали: они там портились. Отдав пальто, Мандельштам весь мелко задрожал. Ни скамеек, ничего не было: люди сидели на корточках или ходили взад и вперед. Хамское, безымянное обращение. Когда крикнули: «Приходите за одеждой!» – Мандельштаму стало очень плохо, и он упал. Остальные, еще голые, сгрудились вокруг него. Вызвали по телефону медсестру. Кругом все голые мужики, пришедшая медсестра разговаривала с ними грубо, дерзко, зубасто, но так ее лучше понимали. О. М. лежит, не подавая признаков жизни. Спросила: «Кто тут болеет?» Вынула зеркальце – поднесла к носу и машет так рукой: мол, все, безнадежно. Прощупала пульс – и не нашла. Сказала: «Накройте», – и Мандельштама накрыли какой-то шинелью, но только наполовину, до пупка. Пришел начальник смены, и прикатили низкую тележку, но с большими колесами. В это время в другом конце барака упал другой человек – его увезли чуть позже. Когда Мандельштама вывозили, он не подавал признаков жизни.

Причиной смерти Мандельштама, как полагал Ю.М., был, скорее всего, начинающийся сыпной тиф: руки его дрожали, температура, казалось, была высокой (Ю.М. и сам перенес сыпняк – почти сразу после смерти Мандельштама – и хорошо помнит эту головную боль и утомленность, и как все будто горит внутри). Ни дизентерии, ни поноса у Мандельштама накануне не было. Но

²¹ Так звали они Мандельштама.

была слабость, весь был истощенный, была еще пеллагра: *«Никаких мышц, одна шкурка, бесформенный был человек, истощенный — и не съедал свою порцию, боялся!»*

Умирали чаще ночью. Трупы складывали штабелями возле барака, и они лежали иногда по 3 - 4 дня, пока не придет конная повозка, чтобы увезти на кладбище.

Жизнь после

После перенесенного в январе 1939 года сыпняка Ю.М. оглох. Его комиссовали и отправили не на Колыму, а в Мариинские лагеря. Часть срока отбывал на заводе минометного вооружения в Томске. Полностью отсидев 10 лет, Ю.М. освобожден 7 августа 1947-го. Его направили в Тернополь, но он поехал в Белоруссию, в Хотимск, где жили его отец с мачехой. Они его приняли и выкормили. Найти работу учителя он не смог и был вынужден устроиться по оргнабору плотником на строительство моста в Гомеле. После женитьбы Ю. М. перебрался в Осиповичи, где более 25 лет проработал служащим роты Могилевской дистанции гражданских сооружений.

Как и в случае с Осипом Манделъштамом, советское правосудие оказалось неспособным признать свою неправоту сразу по двум приговорам, поэтому по второму делу Моисеенко был реабилитирован в 1957 году, а по первому — только в 1989-м.

Его второе дело было производством прекращено за отсутствием состава преступления. Тем не менее, инструктор местного обкома партии прогнал Ю.М. с праздничного митинга, посвященного 20-летию окончания войны — как бывшего врага народа.

29 июня 2003 года мы побывали у Юрия Илларионовича в Осиповичах и «договорились» о следующей встрече уже с кинооператором, надеясь снять о нем фильм. Увы, этому не суждено было состояться: 31 марта 2004 года у себя дома в Осиповичах на 90-м году жизни Юрий Илларионович скончался.

А вот те три письма, которые определили всю его жизнь. (Орфография и пунктуация оригинала).

Из искренних писем искреннего комсомольца

I

II-1935 г.

Добрый день , дорогой друг!

...На многом ты меня заставил усиленно призадуматься и решить вопрос так, или иначе? Дорого все это мне обошлось. Ох! Дорого черт побери. Ведь ты знаешь всю мою историю с чего я пошел и куда пришел. 1930 г. Хотимск, в школе: Я первый организатор в борьбе со всякой сволочью злорадствующей нашим неудачам...

Активный деткор²²-разоблачитель.

Делегат I-го Всесоюзного слета деткоров. Еду в Москву. Впервые вижу жизнь, сотнями лет недоступное для нашего класса сделалось свободным.

Страна дала свободу ранее угнетенным, и вечные нищие лапотники потянулись к центру учиться, чтобы самим управлять страной, строить жизнь. Думал ли мой, или твой отец, что его дети будут учиться, свободно жить?

Нет.

Попадаю в Москву. Учеба. Редакция укрепляет мою надежду в будущее.

1932 г. Лето. Командировки в разные уголки, везде слышу вой, плач, на каждой стоянке к открытым окнам поезда и старики, и дети протаскивают руку с плачем, горьким плачем «Милые, дайте кусочек хлеба».

Они изодраны. Смотришь, становится жалко. И так, все от Москвы до Одессы, от Тифлиса до Москвы, от Москвы до Владивостока. Тяжелые годы принимают длительный характер. А возвращаешься в Москву там смех в кабарэ, шум в кабарэ.

²² Детский корреспондент, корреспондент-ребенок.

В ресторанах съедаются лучшие блюда, опьяненные пары падают под звуки фокстрота, «танго» и их, счастливых, увозят зеркальные Линкольны.

А там, отступив от Москвы в любую сторону, падают толпы, рабочий народ, который создал богатства в стране, но отдал их на хранение в разгульные руки. Москва о всем окружающем не хочет знать. Она пишет, орет о счастье, свободе, великом будущем, закликает прошлое. Но настоящее... увы!

Я ведь субъект с присущим для меня мышлением, вникаю в суть дела, но взвешиваю все по-своему и становлюсь на одну из более близких позиций своего мировоззрения «оплакивателей голодных деревень». Я негодую внутри себя. Но что из этого, кому польза... А бороться? Против кого? Против своих отцов?

Приходится искать врага. <...>

Прошу, пожалуйста, сохрани при себе все.

<...> Сейчас и просто душевно болен, за пережитое прошлое. Я почувствовал себя в таком положении, когда требуется ускоренно пройти тяжелый путь. Я шел, прошел большую половину, и вдруг говорят не туда, вспомнишь трудности пути и не знаешь, что делать, и вот я пораженный сел и плачу. Не знаю что делать. Где же взять столько силы, чтобы опять идти. Как жалко утерянного. Заблудил. Бывает. И особенно с молодыми. Субъективно я будто кончил все, но объективно тяготеет еще, независимо от моих желаний — прежний груз.

Груз лишний, который мешает подыматься вверх со всеми, и я с ним отстаю, а сбросить трудно, он крепко привязан. Я за него отвечаю. И вот приходится еле карабкаться и полегонечку высвободиться от него. Один раз я прорезал мешок этого груза, высыпал все. Было легко и свободно идти. Но теперь вот опять декабрь. Ленинград. Расправа с З. и К.²³ Я просто не могу примириться, когда люди обо всем даже не мыслили и их как злейших врагов народа. Власть за которую они боролись всю свою жизнь, она с ними расправилась. Во

²³ З. и К. — Зиновьев и Каменев.

имя чего? А во имя чего и для кого они боролись? Я должен сказать, что много неправды, лжи и мирно ее не преодолеть. Вот тебе факт, сегодня ты лидер, герой народа, завтра тебя как врага. В истории этого не было. Нам, молодежи сейчас не верят, в нас ищут врага, цепляются за всякую мелочь и возводят в абсолют. А зачем, по чьей воле, для кого? Правду сейчас не любят и только. Восстановлено господство лжи, созданной небольшой группой и исходящей от одних лиц, но лжи огражденной стальной броней, под мечом и свинцом. Я бы требовал вот что: свободу о правде, говорить, обсуждать и сделать в пользу ее. Нельзя все брать военной диктатурой, смертью, ссылкой, тюрьмой. Озверелый народ жесток.

Ты скажешь: да! я болен, мысли мои заражены несовременностью, происходит борьба взаимоисключающих противоположностей, количество накопившихся переживаний революционным скачком должно перейти в здоровое и плодотворное качество.

Тяжело. Слишком.

Изучая философию, иностранные и другие предметы, до каникул успевал отлично, теперь совсем не готовлюсь, но и не отстаю. Проработал много литературы. В институте, вообще в Саратове почувствовал скуку, тяжесть и теперь двойной гнет обрушился на меня. Впереди не вижу перспектив.

Со мной учатся люди из семилеток, абсолютно безграмотные, не знают ничего. С ними нельзя ни о чем поговорить. Проходим очень элементарную политическую экономию. Хуже, чем в техникуме, мне все знакомо. Госустройство это тот же ленинизм. <...> Люди на 3-ем курсе уже заканчивают, а я развитее их, честное слово.

Диамат, единственный предмет, на который я клал много надежд, но профессора после каникул как ранее исключенного из партии сняли и теперь читает какой-то дьячек, говорит только

об извращениях Бухарина, Деборина, все пошло насмарку. Интересный предмет превращен в отброс. Жалко года, но я не знаю, что делать. Больше здесь я не буду, пусть оно провалится.

Бытовые условия скверные, народ невежливый, ничему здесь нельзя научиться, а получишь только разочарование в жизни и выйдешь калеккой. Думаю перейти опять к вам.

Посоветую, дорогой друг, по-прежнему не гневайся на меня, раскрыл я перед тобой свою грудную клетку, теперь видишь все и только тебе я так признателен, ожидаю взаимности.

Не обижайся. Ругай, но не бросай. Изложи свою позицию объективно. Я лично тебя не знаю. Не прекращай связи. Надеюсь, наш путь одинаков. Конечная точка одна, ибо мы идем вместе с толпой, но беда в том, что впереди и первыми все ощущаем и переживаем в себе. Поэтому в другой раз и поколеблемся. Ничего. Я верю в будущее, а ты верь мне, но и исправляй.

В Москве был по делам. Привозил экскурсию ударников учебы и только, были еще дела, о них тоже сообщу.

У нас весь февраль тепло, снегу нет, сухо, сейчас морозно, а летом здесь будет раздолье, так говорят. Вот приезжай весной на несколько дней, а потом вместе и уедем, я проживу здесь только до конца года.

<...>

Юрий.

II

Саратов, 8/IV-35 г.

Здорово, друг!

Письмо твое получил. Благодарю, хотя во многом я с тобой объективно не согласен. Однако хотелось бы мне обо всем лич-

но поговорить и более убедительно, но пока нет возможности.

Последние дни, т.е. с самого начала апреля явились днями для меня упорной открытой борьбы. Я перешел в наступление на весь комитет комсомола, я воюю правду, очень твердо и уверенно. Кое-кто испугался моих первых выстрелов и поражений и начал прибегать к открытой атаке и маскировке. Вчера 7-го апреля наш бой вылился в жестокое баррикадное сражение на групповом партийно-комсомольском собрании. Атаковали меня все и со всех сторон, пустили в ход все виды оружия вплоть до артиллерии.

Я в меньшинстве. На моей стороне только три нацмена: два армянина и один калмык. Мы тверды и непоколебимы. Когда вчера на собрании предложили мне слово с условием признать ошибки, критику и дать обещание исправить все, я выступил с последней громовой речью, бесстрашной, разоблачал их. Раскрывал все махинации их лжи и обмана. Для них мои слова гремели приговором. Это по ним большой удар с неожиданной стороны.

Собрание меня и армян постановило исключить из рядов ВЛКСМ и института.

Сегодняшний день я превратил в очередной решительный шаг наступления. Чувствую себя бодро и уверенно. Знаю, за что страдаю. От правды никогда не отступлю. Ничего меня не утратит. Со стороны массы надеюсь встретить поддержку. Бороться буду до смерти за жизнь. Надеюсь выйти победоносцем. Немного здоровье обмануло <...> Свое положение скоро думаю разрешить, пока остаюсь здесь. Прошу держать все в секрете. Может прибуду в Москву. Надеюсь не пропаду. Гадам не отдамся в жертву.

Адрес: Саратов. Почта № 1 до востребования мне.

Юрий.

III

24/IV-1935 года

Дорогой Л.

Получил твое последнее сообщение, представь себе, так поздно, только сегодня, а почему, надеюсь, ясно? Мне очень жалко тебя, я искренне сочувствую тебе в твоем горе и всегда готов его разделить пополам. <...>

Человечество обмануто, оно блудит и его ведут в глушь, темноту, обещая лучшего, светлого. Сначала народ поверил и гордо двинулся вперед, не боясь никаких препятствий, затем устал. Изнурился, многие пали жертвой на этом пути в мрак ненависти от голода, горя, болезней, а другие, попытавшиеся отказаться идти дальше и сказать, что маршрут неверный, нужно идти вот так вот, были уничтожены и истерзаны как незащищенное животное хищным голодным зверем. И люди, видя эти терзания, падающий, изнуренный народ, слепо повинуются под угрозой смерти, идут вперед. Они потеряли все: семьи, детей, мораль и всякий интерес к людям, к природе, к жизни. Многие превратились в прямых хищников, отшельников от общества и стали уничтожать друг друга во имя борьбы за свое личное существование, во имя удовлетворения инстинктов. Наш народ превращается в животных, зато большая группа руководящей силы имеет все и владеет всем, у нее все богатства, вся роскошь, в общем, она управляет всем тем, что завоевывается потом и кровью рабочих и трудящихся крестьян. Это те же капиталисты, те же пауки кровососы, но только называющие себя директорами, председателями, уполномоченными, завами и проч. такой сволочью.

А печать, радио, искусство, наука превращены в подсобный кнут над нашими отцами, их гонят до самой смерти, расправляются с ними свирепее, чем с рабами.

А они, перенесшие на своих плечах такие тяжести, думали, вот уж дождались праздника свободы, но это только реклама, обман. Я удивляюсь содержанию твоего последнего письма, мне не верится,

что ты так стал думать. Помнишь, ты меня недавно убеждал и прочее. Теперь ясно? <...>

Я не хочу насыщать и обосновывать это научно, но скажу, что наш прямой долг бороться до конца, не жалея себя, своих сил, за спасение родины, за свободу угнетенного человечества, против армии паразитов, палачей, жуликов и аферистов. <...>

Работаю над философией, это инструмент, определяющий путь будущего. Пока. До свидания. Жму всю лапу, живи, цвети. Пиши по последнему адресу. Жду. Твой М.

Именно за эти письма и доверие к другу Юрий Моисеенко отсидел 10 лет.

АННА АХМАТОВА И КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС²⁴

11 ноября 1939 года Президиум ССП принял постановление просить президиум Ленинградского горсовета предоставить Анне Андреевне Ахматовой постоянную жилплощадь и ходатайствовать перед Совнаркомом об установлении ей персональной пенсии. Речь шла не об отдельной квартире, а лишь о комнате в коммуналке.

Выписка из постановления была отправлена в Ленинград председателю президиума горсовета П. С. Попкову, параллельно с этим Константин Федин написал Михаилу Зощенко следующее письмо: *15 ноября 1939 г.*

Дорогой Миша!

Президиум Союза вынес ряд решений для обеспечения жизни и быта А.А. Ахматовой. Ей будет дано единовременное денежное пособие, и Литфонд будет выплачивать известную пенсионную сумму впредь до получения от правительства постоянной персональной пенсии.

Ты знаешь особенности характера Анны Андреевны и понимаешь, как трудно наши благие намерения осуществить, не обижая Анну

²⁴ Печатается впервые. Сама приводимая здесь фактография отчасти введена в научный оборот Л.К. Чуковской и В.А. Черных.

Андреевну. Поэтому очень прошу тебя дело в части Ленинградского горсовета (мы просили предоставить Анне Андреевне самостоятельную площадь) взять на себя.

Сходи, пожалуйста, в Ленсовет к тов. Попкову, который предупрежден о твоём визите, и помоги в этом срочном и крайне важном деле. Выписку из нашего протокола, которую, на мой взгляд, не следует особенно разглашать и, конечно, не нужно показывать Анне Андреевне, которая должна быть поставлена перед совершившимся фактом помощи ей, посылаю тебе с этим письмом.

Твой К. Федин

(РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Д. 413. Л. 64. Заверенная копия)

Насколько был прав Федин, поручая это дело Зоценко, понимая, что мудрая Ахматова никогда сама не будет хлопотать, заранее зная бессмысленность всякого общения с властью?— Как бы то ни было, но Попков постановление проигнорировал.

И тогда в ход пошла «тяжелая артиллерия» — 17 января 1940 года сам А.А. Фадеев написал самому А.Я. Вышинскому, сменившему в предыдущий год должность прокурора СССР на еще более высокий пост — заместителя председателя Совнаркома:

В Ленинграде в исключительно тяжелых материальных и жилищных условиях живет известная поэтесса Ахматова. Вряд ли нужно говорить Вам о том, как несправедливо это по отношению к самой Ахматовой, которая при всем несоответствии ее поэтического дарования нашему времени тем не менее была и остается крупнейшим поэтом предреволюционного времени, и какое неблагоприятное впечатление производит это не только на старую поэтическую интеллигенцию, но и на молодежь, немало учившуюся у Ахматовой. Ахматова до сих пор не имеет ни одного метра собственной жилплощади. Она жи-

вет в комнате бывшего своего мужа, с которым она давно разошлась. Не надо доказывать как это для нее унижительно. Из прилагаемого отношения председателя Ленинградского Совета тов. Попкова Вы можете видеть, что Ленинградский Совет никак не идет ей на встречу, хотя, с моей точки зрения, они должны были бы дать АХМАТОВОЙ комнату вне всякой очереди. В конце концов, ей не так уж долго осталось жить.

Я очень прошу Вашего вмешательства в это дело и соответствующего нажима на Ленинградский Совет.

С коммунистическим приветом.

А. Фадеев.

(РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Д. 508. Л. 8)

Невозможно не споткнуться о фразу: «*В конце концов, ей не так уж долго осталось жить*»! Чего не скажешь в пароксизме товарищеской заботливости! Но, слава Богу, Анна Андреевна пережила всех фигурантов этой хлопоты, кроме Федина: Попков был расстрелян в 1950-м, Вышинский, выведенный из состава кандидатов в члены Президиума ЦК, умер в 1954-м, а Фадеев застрелился в 1956-м.

В дополнение к этому письму Вышинский получил еще одно, подписанное членами президиума ССП А. Фадеевым, Н. Асеевым, В. Лебедевым-Кумачом, А. Караваевой и К. Фединым. К письму прилагалась характеристика Ахматовой, вполне подходящая по объему и содержанию для Малой Литературной Энциклопедии.

И что же, Вышинский?

Уже 24 января Союз Писателей получил его трогательный ответ:

В связи с письмом правления Союза советских писателей (т. Фадеева А.А.) о предоставлении жилплощади поэтессе Ахматовой А.А., Совнарком Союза ССР предлагает Вам удовлетворить просьбу правления Союза советских писателей.

Зам. председателя СНК Союза ССР – А. Вышинский

Тут стоит задуматься: то ли бывший прокурор, привыкший на прежней работе к единственной резолюции – «к высшей мере наказания», просто не уразумел ничего из написанного ему? То ли большой государственный деятель взял и применил широко распространенный в нашей стране метод отписки – когда начальник милостиво разрешает самому просителю сделать ровно то, о чем проситель как раз его и просит?

Так что не пришлось Ахматовой стать владелицей жировки, да и о пенсии в ответе не было ни слова.

Что еще удивляет в этой переписке, так это оперативность – все заняло ровно полтора месяца, а сейчас бы длилось месяцами, если не годами.

Правда, с таким же результатом.

ГОМЕР XX ВЕКА И ЕГО ПЕРЕВОДЧИКИ²⁵

*Если надо, язык суахили,
сложный звуком и словом обильный,
чисто выучат внуки Рахили
и фольклор сочинят суахильный...*

Игорь Губерман

В ноябре 1937 года умер 68-летний поэт-ашуг Сулейман Стальский, он же дагестанский «Гомер XX века» – по словам Горького. По сему поводу ЦК постановил издать полное собрание сочинений ашуга. Надо сказать, что сам Горький, как и все остальные советские читатели, если и читал «Гомера XX века», то только в русских переводах с лезгинского. И тут выяснилось, что переводы Стальского есть, а оригиналов, то есть

²⁵ Совместно с П. Нерлером. Впервые (в сокращенном виде): О Сулеймане Стальском и проблеме утраченных оригиналов. Из протокола Заседания Бюро национальной комиссии ССП СССР от 8.1.1939 г. с участием С.И. Липкина // Литературная учеба. 2011. № 2. С.57-71.

автографов, нет. Что естественно, коль скоро Сулейман не был слеп, но был неграмотен. Оказалось, что на лезгинском языке его дореволюционные стихи и сочинения первых лет после революции есть, а вот самого главного, того, из-за чего, собственно, его так и залюбили Горький и ЦК – поэм «Светочу мира – Сталину», «Думы о родине», «Серго Орджоникидзе» и «Дагестан» – нет! Не находилось даже их подстрочников!

По этому поводу 8 января 1939 года состоялось заседание Бюро национальной комиссии ССП СССР под председательством Петра Георгиевича Скосырева (1900 – 1960), коренного москвича, в порядке борьбы с басмачеством в годы гражданской войны ставшего большим специалистом по среднеазиатской и кавказской литературе. На ковер был вызван основной переводчик Стальского – 30-летний Эффенди Капиев (1909 – 1944), лакец, лезгинского языка не знающий, но знающий тюркский, на котором они худо-бедно и общались с лезгинским Гомером.

Если верить Капиеву, то Стальский пересказывал ему свои поэмы на тюркском, а Капиев уже переводил их на русский. Вот выдержки из его выступления:

«– Сулейман, это стихотворение хорошее, но это место нужно переделать так-то.»

Он либо соглашался, либо не соглашался. Когда он соглашался и переделывал стихи, я переводил их. Если это стихотворение было значительное, то я приносил Сулейману Стальскому или специально приезжал, чтобы согласовать перевод с ним. Я читал на русском языке перевод в присутствии лезгин, хорошо знающих русский язык, в присутствии редактора газеты, секретаря комсомольской ячейки или даже райкома партии и заведующего ОНО. Сулейман либо кивал головой утвердительно, либо отрицательно, говоря, что это не похоже. Он говорил:

— У меня сказано так-то, почему ты сделал по-другому?

Я говорил: если сказать так, то получится то-то, как ты думаешь — это хорошо? Если он говорил: все-таки пусть это будет так, то я вычеркивал совсем, потому что был уверен, что это получилось бы нехорошо. Я мог бы привести много вам таких примеров.

В большинстве случаев он говорил так:

— Вот, Эфенди, у меня в мешке очень много хороших плодов. Руки у меня старые и не всегда я могу к месту вынуть то, что необходимо. Ты на то и приставлен, чтобы мне помогать.

Я приехал к Сулейману Стальскому и сказал, что у меня нет концовки поэмы “Думы о родине”. У Сулеймана она обрывалась. Я сказал: “Сулейман, здесь нужно дать несколько четверостиший, чтобы была концовка”. Он ответил:

— Ты со мной работаешь 4 года. Если у столяра работает подмастерье, то в первый раз он сам делает весь стул, второй раз тоже, а потом уже заставляя своего ученика делать ножки, а затем и весь стул.

Что касается поэмы “Серго Орджоникидзе”, то я путешествовал по Дагестану и заехал к Сулейману Стальскому. Тогда должен был быть юбилей Серго Орджоникидзе. Мне сказали в крайкоме в Пятигорске, что к юбилею нужна поэма Сулеймана Стальского. Я заехал к Сулейману и сказал, что нужно сделать поэму. Он просил составить примерный конспект. Я составил. Когда я на обратном пути заехал к нему, поэма была готова и он рассказал мне ее.

Он рассказывал мне по четверостишьям. Первое четверостишие было такое:

“Ты велик, ты лучший ученик Сталина. // За тобой шли лучшие сыны Дагестана // во время Гражданской войны.”

Я хочу откровенно сказать следующее: я как-то приехал к Сулейману Стальскому и сказал:

— Нужно сочинить стихи к испанским событиям.

Думаю, что здесь сидят люди квалифицированные и поймут это так как нужно. Он меня спросил: — А испанцы — наши друзья или наши враги?

Я ему элементарно все рассказал.

— Ну, иди, погуляй в саду.

Я вернулся через час, и он уже сочинил стихи.

Я тут же записал их в блокнот и уехал. Затем я обработал и перевел их»²⁶.

Выступление Капиева, мягко говоря, не облегчило работу комиссии по изданию собрания сочинений Сулеймана Стальского. Да, коммуникативным возможностям советских писателей нет предела, но «Гомер XX века» начинал смахивать на гибрид Оссиана и Козьмы Пруткова, а вот Эффенди Мансуровичу уже впору было бряцать на таре: *«Я не писал поэм Сулеймана...»*

И тут, как последняя надежда, на трибуну взошел Липкин. Для начала Семен Израилевич прочитал небольшую лекцию о восточной поэзии и, в частности, о поэтике Стальского. Вот небольшой отрывок из этой части выступления:

«Стальский считал очень важной редифную рифму. Он говорил даже о семантической редифной рифме. Он говорил: — Есть такие плохие поэты, которые рифмуют чепуху, скажем, рифмуют “муха” и “брюхо”. Нельзя там рифмовать. Муха маленькая, черненькая, улетит, и нет ее, а брюхо — всегда при тебе, тяжелое. Как можно эти два понятия рифмовать? Стальский вкладывал в понятие рифмы очень много».

А в конце Липкин сказал то, после чего все вздохнули с облегчением:

«Аликберов был редактором газеты в Касумкенте, где печатались стихи Стальского. Сулейман Стальский больше радовался, когда там печатались его стихи, чем в “Правде”, потому что если там, то все знали и поздравляли его, а если в “Правде”, — никто об это не

²⁶ Здесь и далее — цитаты по: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Д. 294. Л. 1-15.

знал. Мне кажется, что там должно быть почти все, что написал Сулейман Стальский».

Тут немаловажно, что в 1939 году, когда было принято спастись по одиночке и топить окружающих, Липкин поддержал собрата по цеху, которого едва не сделали козлом отпущения, и сказал:

«Стальский жаловался на дагестанских писателей и говорил, что только с одним Капиевым можно разговаривать о литературе, потому что остальные писатели говорят с ним только о его заработках».

Стало быть, о высоком...

Из протокола заседания бюро национальной Комиссии ССП СССР от 8 января 1939 года с участием С.И. Липкина:

*Союз советских писателей СССР
Заседание Бюро национальной комиссии
от 8 января 1939 г.*

Председательствует тов. СКОСЫРЕВ П.Г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. — Начнем наше заседание.

Сейчас мы заслушаем сообщение тов. Корабельникова о Дагестане и Казахстане.

КОРАБЕЛЬНИКОВ. — Я был командирован в Дагестан и Казахстан в связи со своей творческой работой над книгой «Народная поэзия в советскую эпоху».

Попутно Национальная комиссия ССП предложила мне оказать помощь местным организациям и выяснить, как обстоит дело с литературным наследством Сулеймана Стальского в Дагестане. Начну с самого важного вопроса — о Сулеймане Стальском.

На месте обнаружилось, что собрания сочинений Сулеймана Стальского на лезгинском языке нет. В последний раз произведения Сулеймана Стальского издавались на лезгинском языке в 1935 году. Это значит, что все вещи последующих лет 1936 — 1937 - 1938 гг., т.е. наиболее политически значительные и зрелые в Дагестане до самого

последнего времени не были опубликованы — за редким исключением в местной районной газете.

Это обстоятельство было совершенно не случайно. Оно явилось результатом того, что в руководстве самого ССП стояли враги — буржуазные националисты. Кроме того, буржуазные националисты, находившиеся в разных авторитетных учреждениях, Дагестана, учредили в свое время особого рода цензуру над творчеством Сулеймана Стальского и всячески тормозили публикацию его вещей.

Я и сын Стальского — Мусаиб Стальский попытались собрать все, что сочинено Сулейманом Стальским, и что где бы то ни было имеется. Обнаружилось, что ни Институт истории и литературы, ни Даргиз, ни Правление ССП, по существу, Сулейманом Стальским серьезно не занимались. Никакого архива Сулеймана Стальского ни в одном из этих учреждений нет. В научно-исследовательском институте обнаружилось одна тетрадка, написанная в 1925 г., где записано несколько стихотворений Сулеймана Стальского, и вырезки из русской печати.

В ССП были обнаружены в большом количестве совершенно безграмотные подстрочники, абсолютно не отвечающие ни оригиналам, ни здравому смыслу.

Вот почему мне, вместе с сыном Стальского, который последние годы был его личным секретарем, пришлось заняться поисками вещей Сулеймана Стальского. Мы вместе поехали в Ашага-сталь. Там опросили целый ряд людей. Затем мы побывали в Касумкенте, где в районной газете печатались вещи Стальского. Мы проверили те записи, которые имелись...

(СОБОЛЕВ. — Как проверили)?

Мы пересмотрели эти самые записи, отредактировали их, и в результате обнаружилось, что ни на лезгинском, ни на русском языке не опубликовано до последнего времени 140 произведений Сулеймана Стальского, это почти в два раза больше того, что напечатано.

(СОБОЛЕВ. — Где вы это нашли?)

У Мусаиба Стальского в старых записях, в записях старых людей из колхоза, кое-какой материал был у Аликберова, который был раньше секретарем Сулеймана Стальского. Затем у Тагира Хрюкского, поэта, с которым Сулейман Стальский был близок, и у ряда других людей.

Если вы обратили внимание на книжку Сулеймана Стальского, то, вероятно, заметил, что, за исключением 4-5 старых произведений, там сосредоточены произведения, относящиеся к 1935 — 36 — 37 гг. С Сулейманом Стальским получилось то же самое, что с некоторыми другими получается сейчас, как будто он до 1935 — 1936 гг. не слагал никаких стихов. На самом деле это неверно. Есть очень большое количество дореволюционных произведений Сулеймана Стальского. Мы обнаружили 10-12 новых дореволюционных произведений.

(ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. — Где вы их нашли?)

В записях у колхозников, у одного учителя и у ряда других людей. Они были проверены у одного, другого, третьего человека, от которых мы это слышали, и таким образом было выяснено, что это произведения Сулеймана Стальского. Кое-что мы нашли в районной касумкентской газете, которая существовала раньше.

В архиве Касумкентского райисполкома мы обнаружили заявление Сулеймана Стальского от 1925 г. о продналоге, написанное в стихах, очень близкое по направлению к «Разговору с фининспектором» — Маяковского.

Есть много вещей, которые вообще совершенно не публиковались, вещей на местные темы, колхозные, бытовые. Очень много вещей сатирических и лирических. Все это на лезгинском языке.

Затем мы стали разбирать то, что опубликовано на лезгинском и на русском языках. У меня есть табличка, по которой видно, что более 30 произведений, опубликованных на русском языке, в том числе такие крупнейшие вещи, как поэмы «Дагестан», «Серго Орджони-

кидзе», «Думы о родине», не имеют оригиналов на лезгинском языке.

Мусаиб Стальский утверждает, что Сулейман Стальский «Думы о родине» не сложил, как цельную поэму. Он писал поэму о Сталине и только частично куски из этой поэмы о Сталине вошли в ту вещь, которая на русском языке называется «Думы о родине». Ряд кусков этой поэмы еще не нашли своего оригинала на лезгинском языке.

Получилось так, что то, что опубликовано на русском языке, неизвестно лезгинскому читателю. Объясняется это в значительной степени тем, что переводчики интересовались только тем, что они сами получали, и мало интересовались тем, публикуется ли эта вещь на лезгинском языке.

В результате, в Москве многие вещи публиковались, а там их не было, и оригиналы не сохранились. Никто об этом вопроса не ставил.

Когда обком поручил мне, вместе с Мусаибом Стальским, подготовить к годовщине смерти Сулеймана Стальского книжку на лезгинском языке, мне это было довольно трудно сделать. В результате ряд произведений нельзя было включить в эту книгу. Можно было сделать это только одним путем, т.е. перевести с русского языка на лезгинский.

Что касается тех вещей, которые имеются на лезгинском языке и к которым имеются подстрочные переводы, то мы проверили, насколько поэтические переводы на русском языке отвечают оригиналам. В основном поэтические переводы не очень расходятся с оригинальными, но все-таки расхождения есть. Я говорю о переводах Капиева, Ушакова, Липкина. Ряд поэтических переводов представляют большие поэтические вариации на темы Сулеймана Стальского, чем переводы текста.

Вот, например, известное стихотворение Сулеймана Стальского «21 января». Это стихотворение о смерти Ленина. Дословный перевод выглядит таким образом:

Товарища нашего, Ленина – отца и его смерти

Сегодня день есть... (читает)

У Липкина это выглядит таким образом:

Скончался Ленин – наш отец... (читает).

Далее ряд строк очень характерных для Сулеймана Стальского:

Отнявши из наших ног быстроту,

Склонивши наши руки на грудь... (читает)

Вместо этого у Капиева другая строка, а этого совсем нет.

Есть места, свидетельствующие о том, что переводчик впал в некоторую литературицину и мало считался с текстом. В оригинале мы читаем:

В нашем дереве один красный цветок упал

Стало меньше ... (читает)

У Эфенди Капиева это выглядит таким образом:

В садах миндальные кусты роняют красные цветы.

Вождя и друга бедноты не стало Ленина сегодня.

Заключительные строчки:

Сулейман, твои думы правильно передают эти твои песни. Наше горе сегодня освежающее... (читает)

У Капиева читаем:

О, Сулейман, твой скорбен взгляд

И руки в горести дрожат;

Костры на улице горят,

Какой холодный день сегодня.

В Дагестане не бывает такого дня, чтобы костры на улице горели. Это получилось неудачно.

Есть примеры, где все не сходится. Я имею в виду «из старого врага друга не бывает». Говорят, что в переводе это называется песня о бдительности. Говорят, что другого оригинала к этому стихотворению нет. Мне кажется, что или вообще перевод с какого-нибудь неизвестного текста, или если с этого, то эта песня очень далека от оригинала.

Вот так обстоит с литературным наследством Сулеймана Стальского. Конкретной задачей является обратиться ко всем переводчикам, которые переводили Сулеймана Стальского — Эфенди Капиеву, Ушакову, Липкину, Хольчеву и целому ряду других, — с вопросом: сохранились ли у них дословные подстрочники. У поэтов, которые систематически переводили Сулеймана Стальского, должны были сохраниться дословные подстрочники, которые явились источником их поэтических переводов.

На месте мы приняли ряд мер при помощи обкома партии, чтобы в дальнейшем найти еще целый ряд произведений Сулеймана Стальского. Поставлен вопрос о подготовке к изданию собрания сочинений Стальского в связи с 70-летием со дня его рождения.

По поручению тов. Фадеева, мы поставили перед обкомом вопрос о редакционной комиссии по собранию сочинений Сулеймана Стальского.

Есть ли у меня достаточные основания думать, что после моего отъезда, как человека специального занимающегося этим делом, на месте этим будут систематически заниматься? Для этого не хватает культурных сил и имеется ряд других причин. Нужно заново перевести все эти оригиналы, которые мы нашли. Там все это делалось чрезвычайно безграмотно.

РОЛЬЦЕВ. — Переводы могут быть добросовестными, но вместе с тем неудовлетворительными, а последнее тоже очень важно.

СОБОЛЕВ. — В какой степени можно верить тому, что существующие переводы есть действительно переводы Сулеймана Стальского?

КОРАБЕЛЬНИКОВ. — Я в своем сообщении указал, что установить, насколько добросовестно сделаны поэтические переводы, трудно, потому что поэт не знает лезгинского языка и располагает только подстрочниками, которые ему даются. В большинстве те подстрочники, которые я видел, были страшно плохими. Они просто безграмотны. Поэт мог найти в таком подстрочнике толь-

ко поэтическое зерно самого стихотворения. Поэтому частично это может быть объяснено тем, что у ряда поэтов были просто плохие подстрочники. Между прочим, стихотворение которое перевел Сурков, было пропето Сулейманом Стальским на тюркском языке.

Особо стоит вопрос о работе Эфенди Капиева. Ушаков и Липкин просто получали дословные переводы и по ним работали. Этим ограничили их взаимоотношения с Сулейманом Стальским. Эфенди Капиев был лично связан с Сулейманом Стальским. Он слышал эти произведения из его собственных уст. Правда, насколько мне известно, Эфенди Капиев не владеет лезгинским языком, но он владеет тюркским языком, который знал Стальский. На этом языке они очевидно разговаривали.

Если взять некоторые дословные переводы с лезгинского, которые перевел затем Эфенди Капиев, то надо прямо сказать, что дословные переводы отличаются от его поэтических переводов.

Чем это объясняется? Я сейчас говорил об этом с Эфенди Капиевым. Он объясняет (очевидно, это верно) тем, что он встречался непосредственно с Сулейманом Стальским. Он имел не только самый текст, но разговаривал с ним, советовался, говорил, что это место нехорошо и свой перевод делал не только в соответствии с самим подстрочником, сколько в соответствии с восприятием вещи Сулеймана Стальского, которое у него было в результате какого-то личного общения.

(СОБОЛЕВ. — А Стальский писал свои стихи?)

Нет, он был неграмотен. Он только устно слагал, но очень хорошо помнил стихи. Есть большое количество стихов, которые были записаны Мусаибом Стальским. На книге 1935 г. есть пометки Мусаиба Стальского со слов Сулеймана Стальского.

Что касается поэтических переводов, то Сулейман Стальский часто заявлял, что к моим белым барашкам переводчики часто прибивают своих черных овец.

Самая большая трудность заключается в том, что основные поэмы, переведенные Эфенди Капиевым, например, поэма «О Серго Орджоникидзе», «Думы о родине» — не записаны на лезгинском языке. Это служит поводом для разговоров в Дагестане. С Гиреевым я не мог на эти темы говорить, потому что когда я приехал — он был в Москве, а когда он приехал — я не мог уже его видеть. Во всяком случае, в широких кругах есть разговоры по поводу того, что ряд вещей Эфенди Капиева не сходятся с оригиналами или не известно, где оригиналы.

Я предложил бы от имени национальной комиссии собрать всех поэтов, которые переводили Сулеймана Стальского, и попытаться через них обнаружить те источники, которые послужили основанием для их переводов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. — Только что получено письмо от тов. Бакишева, где он говорит:

Оригинала поэмы «Серго Орджоникидзе» на лезгинском языке не имеется, а на русском языке она имеется...(читает).

Правильно предлагает тов. Корабельников: собрать переводчиков и поговорить об этом с ними. Сейчас мы можем вкратце выслушать Эфенди Капиева.

КАПИЕВ. — Вольно или невольно я чувствую, что в конце концов окажусь козлом отпущения. Это очень неприятно.

Я постараюсь рассказать вам очень коротко суть всего этого дела, откуда возникло так много разговоров и слухов.

В 1934 г. я был секретарем ССП Дагестана. Я тогда не занимался еще переводами. В 1935 г. я перевел два стихотворения, которые были одновременно опубликованы в «Правде». Спустя 2 месяца я выехал из Дагестана. У Сулеймана Стальского редакции требовали новых стихов, а переводчика под рукой не было. Меня вызывали, и редакции газет поручали мне, чтоб я перевел то или иное стихотворение Сулеймана Стальского. Так постепенно возникла у нас связь с Сулейманом Стальским.

Иногда я переводил стихи Сулеймана Стальского и по своей воле. Когда я встречался с Сулейманом Стальским, у него бывал целый ряд стихотворений, который он подготавливал к какому-либо случаю, а переводчиков не находилось. Я хорошо знаю тюркский язык, в свое время преподавал его, а Сулейман Стальский очень хорошо говорил по-тюркски и даже сочинял на тюркском языке стихи. Он переводил на тюркский язык свои лезгинские стихи, и я записывал их в блокнот.

Сплошь и рядом в его стихах бывали такие места, которые не звучали в русском переводе, либо вообще не звучали. Давайте называть вещи своими именами. Сплошь и рядом у него бывали такие четверостишья, которые невозможно было перевести на русский язык. Я говорил:

— Сулейман, это стихотворение хорошее, но это место нужно переделать так-то.

Он либо соглашался, либо не соглашался. Когда он соглашался и переделывал стихи, я переводил их. Если это стихотворение было значительное, то я приносил Сулейману Стальскому или специально приезжал, чтобы согласовать перевод с ним. Я читал на русском языке перевод в присутствии лезгин, хорошо знающих русский язык, в присутствии редактора газеты, секретаря комсомольской ячейки или даже райкома партии и заведующего ОНО. Сулейман либо кивал головой утвердительно, либо отрицательно, говоря, что это не похоже. Он говорил:

— У меня сказано так-то, почему ты сделал по-другому?

Я говорил: если сказать так, то получится то-то, как ты думаешь — это хорошо? Если он говорил: все-таки пусть это будет так, то я вычеркивал совсем, потом что был уверен, что это получилось бы нехорошо. Я мог бы привести много вам таких примеров.

В большинстве случаев он говорил так:

— Вот, Эфенди, у меня в мешке очень много хороших плодов. Руки у меня старые и не всегда я могу к месту вынуть то, что необходимо. Ты на то и приставлен, чтобы мне помогать.

Я приехал к Сулейману Стальскому и сказал, что у меня нет концовки поэмы «Думы о родине». У Сулеймана она обрывалась. Я сказал: «Сулейман, здесь нужно дать несколько четверостиший, что бы была концовка. Он ответил:

— Ты со мной работаешь 4 года. Если у столяра работает подмастерье, то в первый раз он сам делает весь стул, второй раз тоже, а потом уже заставляет своего ученика делать ножки, а затем и весь стул. (Смех).

Это было сказано в присутствии нескольких человек.

Тогда же, прекрасно зная, что на лезгинском языке его стихи не появляются, я написал статью о безобразном положении в дагестанском ССП. Это было 9 июля 1937 г. Я писал, что Сулеймана Стальского на лезгинском языке не издадут и вообще абсолютно никакого внимания на творчество Сулеймана Стальского не обращают. Затем была статья «Еще раз об авербаховщине в Дагестане» — под псевдонимом. Статья моя. Там было очень подробно написано, что в Дагестане занимаются склоками вместо того, чтобы работать и издавать Сулеймана Стальского на лезгинском языке.

Таким образом, когда Сулейман Стальский был жив, я поднимал этот вопрос в печати дважды. Трудно доказать, сколько раз я говорил об этом устно тем самым людям, которые разоблачены теперь. Я говорил, что спустя некоторое время начнутся разговоры о том, что этой поэмы нет, почему же вы не записываете текста на лезгинском языке? Ведь я — то не лезгин, я по своей доброй воле записал себе в блокнот начало, середину и конец, чтобы знать ритм, чтобы знать, как это стихотворение звучит. Целиком я поэму не записывал, да и не моя эта была задача. У Сулеймана Стальского был специальный секретарь для этого, который получал 300 рублей с чем-то. Он должен был записывать и следить за переводами. Как только в «Правде» или «Известиях» что-либо появлялось, секретарь вырезывал и этим все ограничивалось. Появилось в центральной прессе, ну и ладно, Москва апробировала.

В присутствии Мусаиба Стальского я приезжал на курорт, где отдыхал Сулейман Стальский со своей старухой, чтобы согласовать поэму «Думы о родине». Говорят, что не сохранился оригинал этой поэмы. Тогда уже было много разговоров о том, что Капиев сам сочиняет, а не Сулейман. Я сказал Сулейману Стальскому:

— Ходят такие слухи, что не ты Сулейман, а я и что ты не сочинишь.

— Я знаю, — говорит, — кто эти разговоры распространяет. Что делать, чтобы этих разговоров не было?

Я сказал:

— Ты напиши Ставскому письмо, чтобы он занялся этим вопросом, дай телеграмму Самурскому.

Эти разговоры мне страшно надоели. В присутствии секретаря райкома комсомола и редактора местной газеты Сулейман Стальский дал мне документ, в котором сказано, что «Думы о родине» прочитаны мне Эфенди Капиевым в переводе на русский язык. Я одобряю этот перевод и доверяю ему. Если этот документ вас интересует, я могу его продемонстрировать.

Тов. Корабельников говорил здесь об этой строчке «Костры на улице горят». У меня было переведено более точно, но хуже и редакция «Колхозника» мне по телефону сказала:

— Мы переделываем это место так-то, потому что это нехорошо звучит.

У меня было так:

«Его уж не вернуть назад... (читает)».

Я с вами совершенно согласен в том отношении, что костры здесь неуместны.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. — *А как с оригиналом поэмы «Серго Орджоникидзе»?*

КАПИЕВ. — *У меня этого оригинала нет.*

КОРАБЕЛЬНИКОВ. — *Где оригинал «Светочу мира — Сталину»?*

КАПИЕВ. — Мы это переводили в вагоне, когда он ехал в Москву. Он остановился на ночь в Кисловодске и, в присутствии Аликберова, который работает сейчас заведующим отделом печати, мы перевели это стихотворение. Считаю, что я не должен был собирать оригиналы, это не мое дело.

Поэма «Дагестан» переводилась Сурковым и Липкиным. Это было в течение двух месяцев, когда Сулейман Стальский выезжал в Махачкалу. Я был отстранен от работы с Сулейманом.

С ним жили в это время Гаджибеков и Вагабов в доме отдыха. Они делали подстрочник этого стихотворения. Метода их работы не знаю, но в результате через 2 месяца они две общие тетради подстрочников переслали — корреспонденту «Правды» Перевозкину. Перевозкин отвез это в Москву и передал Суркову.

Сурков поработал и сказал, что с этим подстрочником работать совершенно невозможно. Он сказал об этом год спустя. Я взял этот подстрочник, перепечатал на машинке и передал тов. Липкину. Липкин по этому подстрочнику сделал перевод.

Где оригинал и почему эти два лезгина, которые были приставлены к Сулейману Стальскому на два месяца, не сделали оригинала — я не понимаю. Очевидно, это было сделано умышленно.

Что касается поэмы «Серго Орджоникидзе», то я путешествовал по Дагестану и заехал к Сулейману Стальскому. Тогда должен был быть юбилей Серго Орджоникидзе. Мне сказали в крайкоме в Пятигорске, что к юбилею нужна поэма Сулеймана Стальского. Я заехал к Сулейману и сказал, что нужно сделать поэму. Он просил составить примерный конспект. Я составил. Когда я на обратном пути заехал к нему, поэма была готова и он рассказал мне ее.

Он рассказывал мне по четверостишьям. Первое четверостишие было такое:

«Ты велик, ты лучший ученик Сталина.

За тобой шли лучшие сыны Дагестана во время

Гражданской войны».

Я с этим подстрочником приехал в Пятигорск. Когда я перевел издательство потребовало, чтобы Сулейман Стальский завизировал перевод. Я приехал к нему и прочел поэму в присутствии Аликберова. Аликберов сам написал мне своей рукой документ, в котором говорилось, что Эфенди Капиев прочел Сулейману Стальскому поэму, Стальский одобрил ее, со всеми поправками согласился и сказал, чтобы в таком виде, ничего не изменяя, печатать поэму.

Я этот документ приложил к своему переводу и сдал Северокавказскому издательству.

Когда Сулейман Стальский был жив, никаких разговоров о не точности не было. Были только слухи.

Сейчас я чувствую себя очень неловко. Не могу же я вечно ходить в переводчиках, который когда-то сфальсифицировал какие-то переводы. Я чувствую, что каждый думает, что Капиев что-то такое сделал, а вот ходит еще живой.

У Липкина и Суркова было несколько иное положение.

Когда им приходилось переводить, они получали подстрочники через несколько инстанций и по этим подстрочникам работали. Те стихи, которые приходилось мне переводить, возникали непосредственно у Сулеймана Стальского либо по заказу, либо без него.

Я хочу откровенно сказать следующее: я как-то приехал к Сулейману Стальскому и сказал:

— Нужно сочинить стихи к испанским событиям.

Думаю, что здесь сидят люди квалифицированные и поймут это так как нужно. Он меня спросил:

— А испанцы — наши друзья или наши враги?

Я ему элементарно все рассказал.

— Ну, иди, погуляй в саду.

Я вернулся через час, и он уже сочинил стихи.

Я тут же записал их в блокнот и уехал. Затем я обработал и перевел их.

Уверяю вас, что я думал, что, поскольку есть человек, получающий специальную заработную плату, он следит за всем этим и записывает стихи. Я же лезгинского языка не знаю!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. — *Этот вопрос мы сейчас затронули в связи с общими вопросами, поднятыми т. Корабельниковым о наследии Сулеймана Стальского.*

Действительно, у Капиева положение неприятное. Ходит писатель среди нас, а у каждого из нас всегда было какое-то неприятное ощущение при упоминании его фамилии. Очень хорошо, что тов. Капиев это рассказал.

Совещание переводчиков, безусловно, назрело. Наследие Стальского находится в совершенно недопустимом состоянии, не соответствующим ни месту, ни значению Стальского.

Обсуждение капиевского вопроса мы на этом закончим, но только с тем, чтобы сейчас же принять конкретное решение по всем делам, связанным с наследием Стальского.

ЛИПКИН. — *Ясно, что раз нет оригиналов, то все всполошились. Почему нет оригинала — понятно из того, что говорил Капиев.*

Та поэма, которую я переводил, которую он называл «Моя история», действительно, не была записана на лезгинском языке. Мне кажется, что это объясняется тем, что тогдашним руководителям Дагестанской республики важно было, чтобы Стальский их фамилии поместил в свою поэму и чтобы русские читатели о них узнали. На лезгинских читателей им было наплевать.

Будем искать подстрочники, но не представляю себе, как они помогут новому полному изданию произведений Стальского. Ну, хорошо, найдутся подстрочники, но оригиналов- то не найдут и опять комиссия будет топтаться на одном и том же месте.

Считаю, что надо пойти дальше в области перевода произведений Стальского на русский язык. Мне кажется, что надо все переводы Стальского пересмотреть. Переводы Стальского недостаточно точны поэтически. Тов. Капиев тоже должен немного порабо-

тать. Большинство его вещей переведены без соблюдения рифм Стальского.

Стальский считал очень важной редифную рифму. Он говорил даже о семантической редифной рифме. Он говорил:

— Есть такие плохие поэты, которые рифмуют чепуху, скажем, рифмуют «муха» и «брюхо». Нельзя так рифмовать. Муха маленькая, черненькая, улетит, и нет ее, а брюхо — всегда при тебе, тяжелое. Как можно эти два понятия рифмовать?

Стальский вкладывал в понятие рифмы очень много.

В восточных языках даются на равных надеждах и значениях одни и те же слова. Там это очень важно. Мне кажется, что редколлегия должна пересмотреть с этой точки зрения переводы.

Мы имеем мало представления о поэтической технике Стальского. Вся она пронизана аллитерациями, как полагается восточной поэзии. Я не знаю лезгинского языка, но у меня есть книга Стальского на лезгинском языке. Вся она играет. Сам Стальский не был таким поэтом, которому важно было написать несколько стихотворений на какую-то ходкую тему. Сын Стальского, когда мы приехали, читал ему перевод. Я допустил такую шутку: я по-русски написал такими же звуками, как на лезгинском языке. Я написал так несколько строк. Когда сын Стальского прочел их, Стальский подпрыгнул. Ему показалось что-то новое и странное в стихе. Он очень много думал и размышлял о самом стихе.

Стальский жаловался на дагестанских писателей и говорил, что только с одним Капиевым можно разговаривать о литературе, потому что остальные писатели говорят с ним только о его заработках.

Я говорю это для того, чтобы показать, насколько этот человек, как любой из пишущих, а не слагающих поэтов, углубляется в специфику стиха.

Относительно истории с Капиевым. Не вдаваясь в детали, я понимаю Капиева, что действительно там могла произойти такая

вещь, что не было оригиналов, ряд вещей не записывался. Когда я приехал в Дагестан, мне и Капиеву поручили перевести поэму «Серго Орджоникидзе». Я перевел часть поэмы. Когда появилась поэма Капиева, я вставил ее в поэму о Дагестане, но тогда она еще не была записана.

Аликберов был редактором газеты в Касумкенте, где печатались стихи Стальского. Сулейман Стальский больше радовался, когда там печатались его стихи, чем в «Правде», потому что если там, то все знали и поздравляли его, а если в «Правде», — никто об это не знал. Мне кажется, что там должно быть почти все, что написал Сулейман Стальский.

КОРАБЕЛЬНИКОВ. — Я говорил, что мы обнаружили, частично, в газете произведения Стальского.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. — Может быть, наше предложение удовлетворит всех, поскольку вопрос о наследстве Стальского, о его переводах, об оригиналах и т.д. является вопросом очень большой сложности и важности, вопросом, имеющим значение для всего Советского Союза, мы сейчас не будем здесь заниматься этим делом. Наша дагестанская комиссия в составе тт. Корабельникова, Пасынкова, Ушакова, Фефера, Аршаруника и Глебова, с участием Капиева и Липкина, должна будет заняться этим вопросом с тем, чтобы к ближайшему президиуму внести деловое предложение.

Какой-то Институт, может быть, Институт мировой литературы, а может быть Институт письменности должен будет взять на себя всю работу с помощью нашей дагестанской комиссии, Дагестанского союза писателей и дагестанских работников, в том числе Аликберова с тем, чтобы реализовать все вопросы.

Дагестанская комиссия должна будет наметить, как одно из ближайших и важнейших мероприятий, здесь в Москве широкое собрание всех переводчиков, работавших над переводами Стальского.

ЖЕНЩИНА НА ВОЙНЕ²⁷

1

Читатель держит в руках уникальное издание. Уникальное уже потому, что военные дневники — невероятная редкость, о чем «заботилась» не столько пониженная склонность россиян к авторефлексии, сколько военная контрразведка СМЕРШ («Смерть шпионам!»), желавшая знать и контролировать все на свете.

Именно отсюда, а не от нехватки бумаги, — и знаменитые письма-«треугольники»: их оговоренная «открытость» (незапечатанность) сильно облегчала жизнь военным цензорам. Каждому, кто писал с фронта, воспрещалось указывать номера войсковых частей, называть фронт, область и населенные пункты, где он находится, а также имена и звания командиров, род войск, характер войсковой части и военной деятельности отправителя, упоминать боевую технику. Под запретом были и прочие реалии войны — материально-бытовое обеспечение войск, положение и настроения гражданского населения и т.п. Цензоры или изымали письма с ненадлежащими сведениями, или вымарывали соответствующие места.

То же, надо полагать, распространялось и на личные дневники военнослужащих. Специальный запретительный приказ не выявлен (или, по крайней мере, неизвестен пишущим эти строки), но вести дневники или иные записи, которые могли бы содержать сведения, составлявшие государственную и военную тайну, решительно «не рекомендовалось». Скрыть такое летописание в боевых условиях было практически невозможно, так что вызов в компетентные органы летописцам был гарантирован.

Не избежала его и Ирина Михайловна Дунаевская (далее И.Д.), автор публикуемого дневника. Ее не раз вызывали оперативники

²⁷ Совместно с П. Поляном. Впервые: Дунаевская И. Дневник военной переводчицы (1942 — 1945). М.: РОССПЭН, 2010. С. 412-429.

СМЕРШ для бесед. Однако ввиду лаконичности дневниковых записей и принадлежности автора к числу политически просвещенных переводчиков заметки не отбирали, но всякий раз предупреждали, что можно, а что нельзя упоминать.

И.М. Дунаевской сегодня за 90, а предыстория ее дневника восходит ко времени, когда она, 7-8-летняя девочка, узнав из книг, что многие ведут дневники, тоже захотела стать летописцем своей жизни.

Ведение дневника стало со временем привычкой, и уже с 23 июля 1942 года, оказавшись на фронте, И.Д. вновь принялась за записи, благо среди трофеев ею был найден сверхаккуратный и едва начатый немецкий ежедневник. Первые страницы И.Д. заполнила по памяти в конце 1942 года воспоминаниями о событиях 1941 года (*«год назад в этот день мы поженились»*, *«год назад в этот день я узнала, что Володя погиб»* и т.п.) и о первых фронтовых месяцах. С 23 июля записи велись регулярно. Дневник превратился в хронику текущих событий. За трофейным ежедневником последовали еще 4 записных книжки, которые велись вплоть до 10 августа 1945 года — даты рождения дочери Ольги.

Как исторический документ, подлинный и достоверный, дневник И.Д. просто великолепен. Он поражает предельной откровенностью, а точнее — честным восприятием вещей (пусть и ранищих и остро переживаемых) такими, какие они есть, названием их своими собственными именами. Он лаконичен и подробен одновременно. Некоторый дефицит «подробностей» (причины изложены выше) компенсируется вторым его слоем — авторским комментарием, созданным в 1980 — 1990-е годы, а также авторскими предисловием, постскриптумом и некоторыми дополнительными комментариями, дописанными в 2008 году, когда И.Д. с дочерью готовили рукопись в печать.

Дневник изобилует именами встреченных И.Д. на войне людей, среди которых как никому не известные, так и вполне узнава-

емые — исторические — персонажи. Испещрен он и топонимикой — городской и пригородной, столь узнаваемой для петербуржцев: порой кажется, что все эти Тучковы переулки и Всеволжские — такие же одушевленные персонажи повествования, как Ворошилов, Федоров или Дудин.

2

И.Д. пошла на войну добровольцем — в студенческой среде иное было почти непредставимым. В первые дни войны она и ее муж, биолог-генетик Владимир Грацианский записались в ополченцы. В. Грацианского направили в 277 ОПАБ лекпомом, И.Д. через Красный Крест добилась направления туда же сандружинницей. Однако в начале сентября они расстались (девушек вернули в город), а меньше чем через 10 дней Володя погиб. Они поженились за 3,5 месяца до начала войны — 3 марта, кандидатскую диссертацию он защитил за 4 дня до ее начала, 18 июня, а погиб уже на 3,5 месяца позже — 16 сентября 1941 года! Заявлению в Горком ВЛКСМ с просьбой послать ее на фронт, которое И.Д. подала повторно, узнав о гибели мужа, дали ход 10 апреля 1942 года.

При этом в штаб 55-й Армии в селе Рыбацком, куда ей предписали явиться, она добиралась... на трамвае! Большая часть ее службы проходила вблизи родного города — блокадного, холодного и голодного Ленинграда!

Такая близость давала И.Д. шанс пусть нечасто, но посещать свой дом и поддерживать из своего воинского пайка голодающую мать. А это, в свою очередь, дает нам возможность сравнить далеко не блестящие условия жизни на передовой с жизнью жителей блокадного города — с громадным перевесом в пользу первых:

«Записываю на удивление грядущим поколениям нормы нашего питания (они касаются частей первого эшелона): на день 900 г. хлеба, 500 г. картофеля, 300 г. других овощей. Нормальному не истощенному длительной голодовкой человеку столько никак не съесть.

А нам все мало! Мало! Когда бываю в городе, отвожу маме хлеб и консервы. Ито, и другое прикапливаю, оставляя у старшины до нужного мне момента, когда он выдает мне недополученное. Хранить-то ведь нам негде: все полученное отправляется сразу в желудок. Впрочем, это не требует усилий! Причитающийся мне табак тоже отдаю маме (для обмена на хлеб). Я воображала, что самое ценное из того, чем я могу помочь маме, именно табак. На обменном блокадном рынке это была лучшая валюта, которой можно было воспользоваться в самый трудный момент» (1.10.1942).

О разрешении посылать под Новый (1943-й) год посылки из тыла в армию И.Д. записывает:

«Справедливее было бы наоборот. Не известно, кому больше достается, во всяком случае, на Ленинградском фронте» (5.11.1942).

При поступлении на военную службу очень важен вопрос воинского статуса, и вот тут И.Д. крупно не повезло: в канцелярии штаба полка ее неправильно оформили — хотя и на должность переводчика (на командирскую должность), но не средним командиром без звания, а рядовым красноармейцем. Это стоило ей не только лишнего года ожидания причитающегося звания младшего лейтенанта, но и многих неприятностей и огорчений.

Непосредственной обязанностью И.Д. были военный перевод и «работа среди войск и населения противника», то есть пропаганда и контрпропаганда, курировавшиеся 7-ми отделами армейских политических органов и представленные в штабах всех соединений. Они отвечали за сбор информации о противнике, ведя допросы пленных и изучая всю трофейную документацию противника. Занимались они и ежедневной систематической агитацией — устным и печатным уговариванием (главным образом посредством листовок и радио) солдат противника сдаваться Красной Армии.

По службе И.Д. участвовала и в допросах, в том числе и в допросах «с пристрастием». Пишет она и об этом:

«Я допрашивала первого здесь пленного (Хорста Нольте, был взят на участке 189 сд). Была свидетельницей собственноручного избияния его Резником. Очень противно. Я принципиально против таких действий! А допросу они могут только повредить: пленный, как это и случилось, желая умиловить господина офицера и угодить ему, может начать изобретать показания вместо того, чтобы без затей давать прямые ответы на прямо поставленные вопросы. Физические меры воздействия унижают и того, кто их применяет, и того, по отношению к кому они применяются, и только вредят делу» (14.1.1944).

Естественно, как и всякий советский человек, И.Д. и сама была объектом пропаганды. Одним из пропагандируемых тезисов был тот, что война обогащает человеческую натуру, предоставляя столько возможностей для проявления героизма. Но И.Д. не поддавалась и согласилась с прямо противоположным: война портит, огрубляет человека.

«А то, что в крайних ситуациях, которые она создает, проявляются чаще, чем в мирной жизни, героические качества, свойственные отдельным людям, так это же совершенно другое: эти черты были им свойственны и проявились, а не возникли только что» (24.4.1943).

3

И.Д. — классический штатский человек и, к тому же — женщина. Женщина на войне! Ей надо где-то жить, спать, чистить зубы, оправляться. И все это — колоссальная для нее проблема в действующей армии.

«Я поставила себя в полку совершенно правильно: меня принимают всерьез, не позволяя себе панибратства, принятого в армии по отношению к женщинам» (22.9.1942).

Но даже самая правильная, как кажется, «постановка себя» не является гарантией беспроблемного существования.

Женщина в армии — это неизбежное бытование в мужском социуме, с его грубостью, с его похотливыми вожделениями, многократно нарастающими в случае, если домогатель — твой начальник (И.Д. с этим сталкивалась не раз):

«Прибыв в Шушары, я застала там нового начальника штаба 947 сп (вместо Пьядичева) майора Ельчева. Он оказался далеко не Пьядичевым и повел себя так, что мне назавтра пришлось сбежать от его домогательств в блиндаж химзвода (больше было некуда). <...> Правильность моего расчета, что для спокойствия души женщине во фронтовых условиях следует жить в подразделении, командир которого не имеет своего отдельного помещения, в дальнейшем подтвердилась. Далеко не каждому можно себя доверить» (10. 4. 1942).

Но некоторым все же было можно. И одним из этих немногих был 22-летний Борис Салов, начальник химслужбы ее полка, пустивший ее в свою землянку в начале октября и тем спасший от домогательств других. Из благодарности И.Д. много и искренне трудилась над повышением его культурного уровня, читала ему и с ним своего любимого Лермонтова — пока, наконец, ее бедный выученик... не попросил учительницу «на выход»!

«Борис Салов пожелал жить один.<...> Он прямо сказал, что “устал приобретать культурные привычки”. Я ожидала, что это рано или поздно случится: если человек не приучен, трудно жить “цивилизованной” жизнью; а жить, как привык, он при мне стесняется. Конечно, и обратное справедливо — ведь и я не хочу менять свои взгляды и привычки на взгляды и привычки окружения, в котором оказалась (конечно, меня поддерживает в этом убеждение, что мои представления “культурнее”, но ведь другие не обязаны так рассуждать и вообще рассуждать!)» (23.11.1942).

Так что проблема крыши над головой для военнослужащей женщины — одна из самых трудных. Выходом не являлось и общежитие для женского штабного персонала (связистки, санинструкторы, машинистки) — «гарем», как его еще называли:

«Думала в “женском коллективе” будет спокойней и приятней. Не тут-то было! Лексикон, как у Элочки-людоедки, к тому же пересыпанный многоэтажным матом. А я-то воображала, что это – прерогатива мужчин» (20.9.1942).

Второй аспект — это собственно женский быт на войне, жизнь во фронтовых землянках, в окопах, в теплушках, грузовиках или на пешем марше при передислокации. Это то, с чем женщина-воин сталкивалась каждый день и каждый час.

Пробный камень — утренний туалет. Самое первое время она еще носила волосы до плеч, но очень скоро остриглась очень коротко:

«Сентиментальные послевоенные описания фронтовичек как неких Ундин, мывших свои длинные волосы в касках — вымысел. Косы кишели бы насекомыми» (10.4.1942).

Другой пробный камень — сходить по малой нужде. Например, в дороге, едучи в воинском эшелоне.

«...Состав останавливался на несколько минут подальше от населенных пунктов. И тут же наши мужики становились шеренгой вдоль насыпи, деликатно повернувшись спиной к вагонам и “обливали” или же бежали в ближайшие кустики; если же кустиков не было, присаживались так, без каких-либо укрытий. Женщинам же приходилось туго. Их было по две-три в вагоне, и то не в каждом, и их интересы никак не учитывались. Однако “голь на выдумки хитра”, и мы быстро-быстро “сигали” под вагоны на другую сторону, где, естественно, кроме нас, никого не было. А потом тем же манером — обратно. Разумеется, это было небезопасно: мало ли машинисту вдруг вздумается дернуть состав? Но что безопасно на войне?! <...> Интересно, что было бы написано в “похоронках”? Об этом никто никогда не пишет, а зря. Это тоже важная сторона жизни, в особенности на передовой: я имею в виду “клозетную проблему” в полевых условиях. Конечно, она касается только женщин. Но ведь касается, и еще как! Приходилось терпеть от темна до темна, пока

можно будет пристроиться где-нибудь незаметно, или даже вылезать из хода сообщения на поверхность, где посвистывали пули и вся местность время от времени освещалась ракетами...» (20. 8. 1942).

И.Д. пишет о попытках армейского начальства приказами уечьсть всю эту женскую проблематику в войсках.

«Недавно к нам пришел приказ, регулирующий обеспечение женщин-военнослужащих. Приказы такого рода доходят до частей в устной передаче, так что мы не знаем толком, что именно они предписывают. Как бы то ни было, в соответствии с этим приказом мне выдали сегодня в ОВС женское белье, чулки и гигиенические пакеты. Всё это — курам на смех! Женское белье ни к чему, потому что оно несовместимо с военными шароварами, в которых здесь приходится ходить, и не будет обеспечиваться регулярной сменой. Чулки — неприемлемы: их, извините, прикрепляют резинками к поясу, которого не выдали (и правильно сделали, потому что он только бы стеснял движения), но что гораздо существеннее — чулки при первом же переходе сотрут в просторных сапогах ноги в кровь, а сами превратятся в лохмотья. Гигиенические пакеты при неограниченном количестве пакетов индивидуальных (у всего личного состава) просто ни к чему. Любая женщина в два счета превратит индивидуальный пакет в гигиенический. Кто бы мог подумать, что гигиенические пакеты немыслимо грубой конструкции, выдавая которые старшина как-то отчужденно качал головой, превратятся в изоциренные изделия и станут в конце нашего века (и тысячелетия) под названием прокладок предметом постоянной телевизионной рекламы и всеобщих насмешек» (28.11.1942).

Продолжение «темы» — в мартовских записях за 1943 г.:

«На пароконной повозке саперов еду в Петро-Славянку. Здесь в одном из домов выделили комнату для женщин — приказал же Верховный Главнокомандующий заботиться о нашей сестре. Впрочем, большая часть “приказанного” совершенно неосуществима на пере-

довой. Очевидно, все придумано людьми, не то что не бывавшими на переднем крае, но даже не имеющими о нем никакого представления» (10.3.1943).

И еще: «Очередное распоряжение о вещевом довольствии для женщин-военнослужащих. Какая-то чушь относительно нательного белья, чулок, платьев, гигиенических пакетов — все рассчитано на условия глубокого тыла (наверно, списано с каких-нибудь трофейных немецких инструкций: немцы могут позволить себе, чтобы их женщины служили не ближе, чем в 50 км от линии фронта²⁸). Чуть ли не год спустя, уже на другом фронте, в части, где я тогда служила, девчонкам, прибывшим на пополнение, перед многокилометровым переходом, согласно этим идиотским правилам, выдали вместо портянок чулки, и на первом же привале оказалось, что ноги у всех стертые в кровь. Как комсорг я учинила в штабе большой скандал и “неположенные” портянки немедленно были выданы. Медики обработали потертости, солдаты с энтузиазмом показали, как следует наворачивать портянки, и инцидент был исчерпан. Это только в мягкие хромовые городские сапожки, которые и носят-то вместо туфель для шику, можно надевать чулочки — где-нибудь в штабе фронта или вообще “на гражданке”!» (14.3.1943).

А в записи за 26.3.1943 — о женской бане:

«У наших женщин-военнослужащих с мытьем и прожаркой, как и со многим другим, свои особые осложнения. Женщин в частях бывает мало, и они могут “затормозить моечный процесс”, поэтому их “запускают” либо в самом начале, когда вода и помещение еще недостаточно нагрелись, либо под конец, когда все уже остывает и воды в обрез, а может и вовсе не хватить. Бывает, баня приезжает так ненадолго, что хочешь — иди, мойся с мужиками, не хочешь — оставайся немойтой. В таких случаях обычно выбирают первое... Отгораживание какого-нибудь уголка простыней или плащ-палат-

²⁸ Вплоть до середины 1944 г. среди взятых в плен Красной Армией немецких военнопленных не было ни одной женщины: всех их — и прежде всего медицинских сестер — в случае опасности эвакуировали заблаговременно.

кой бывает малоэффективным и “помывка” происходит под двусмысленные шуточки окаянных жеребцов и предложения “потереть спинку”, хотя, честно говоря, в плохо освещенном и заполненном паром помещении почти ничего не разобрать. Видно только, как мечутся в тумане едва различимые тени...»

4

Но воспоминания И.Д. вовсе не заиклены на женской доле, сколь бы незавидною та ни была. Они информативны и интересны сплошь — от начала и до конца, но иногда их фактура буквально поражает неожиданностью и непредсказуемостью.

Вот тема перехода Красной армии на «старорежимные» знаки различия — погоны со звездочками вместо «трегольников», «кубарей» и «шпал» на петлицах, — и офицерские звания вместо командирских. 6 января 1943 г. до нее дошел соответствующий приказ, а 8 февраля уже выдавали погоны. Сам это факт широко известен, но все ли знают, например, о следующем:

«В связи с переменой знаков различия меняется и покрой гимнастерки: вместо стояче-отложного воротника с петлицами будет, как до революции, — стоячий воротник, похожий на воротник косоворотки, только с застежкой не сбоку, а посередине, спереди» (6. 1. 1943)

Присмотревшись к тому, что означала собой эта перемена, И.Д. открывает в ней неожиданный, но тем более неприятный душок:

«Старые слова и понятия возрождаются в новом смысле: офицер, офицерская честь, офицерское собрание и т.д., и т.д. Прежние слова и понятия возрождаются и даже сознательно насаждаются вместе с переходом на новую для нас, а на самом деле старую, дореволюционную форму одежды и соответствующие ей погоны и знаки различия. Политотделы одновременно “нажимают” на развитие патриотизма, забыв бывлые утверждения относительно его классового характера. В их устах он иногда даже начинает приобретать

некий “квасной” оттенок, так как все чаще подчеркивается “русскость” в отличие от “нерусскости” при полном забвении многонационального состава населения нашей страны (и прибывающего на фронт пополнения)» (3. 9. 1943).

А от этого «кваску» до шовинизма и антисемитизма — не такая уж и большая дистанция.

«Майор Генкин, Набатов и др. (всего 16 старших офицеров) сняты со своих должностей и направлены в Резерв Политуправления Ленфронта. Много позже, уже после войны, я поняла, что столкнулась тогда впервые с проявлением в нашей армии государственного антисемитизма» (1. 12. 1943).

Шовинизм немецкий — он как бы понагляднее:

«Вчера опять явился перебежчик, на этот раз на участке полка, где переводчиком Казакова. Он — поляк. Всякий перебежчик нашему отделу “в плюс”, хотя дело, конечно, не в нашей пропаганде, а в том, что в немецкой армии “всяким там эльзасцам”, и тем более полякам и др., постоянно дают почувствовать, что они — маргиналы» (11. 11. 1943).

А вот еще одна выразительная деталь у И.Д. — о противогАЗах и о химслужбе:

«Нужно сказать, что с противогАЗами всю войну были сплошные мучения. Возможность применения противником БОВ не воспринималась у нас всерьез, противогАЗы считали обузой, носить их не хотели. А начальство требовало, и наличие противогАЗов у личного состава иногда проверялось. Поэтому бойцы, выкидывая противогАЗы или, в лучшем случае, засовывая их в вещмешки, носили лишь сумки от них, держа в них что вздумается (командиры старались в это не вникать). В ходе боев уж вовсе не церемонились: выбрасывали все «в комплекте» — и противогАЗы и сумки! После боев трофейные команды, поскольку трофеев в собственном смысле долгое время почти не было, занимались именно сбором брошенных противогАЗов. Затем химическая служба их проверяла (надо же хоть что-нибудь «химическое» делать!) и снова раздавала. <...> Судьба самой

химической службы не слишком отличалась от судьбы противогозов: она существовала, потому что ей полагалось существовать, и ее тоже часто использовали не по назначению. <...> И все-таки в химзводах даже среди рядовых бойцов было больше ребят «с понятием», чем в других подразделениях, потому что, учитывая «профессиональную специфику», их старались подбирать из людей с образованием хотя бы 7-8 классов, не часто встречавшихся среди прибывавшего пополнения» (14. 7.1942).

Когда заданий по военному амплуа И.Д. не было, ее часто привлекали к другой штабной деятельности. Вот несколько ее наблюдений, почерпнутых как раз в таких ситуациях:

«Знакомясь с данными об образовании рядового состава <...>, я была поражена, какой “туфтой” оказалось наше городское представление о всеобщем среднем образовании в стране. У мобилизованных в небольших городках, а тем более в сельской местности, а они были в подавляющем большинстве, в графе “образование” как правило, значилось “3 кл.” или “4 кл”, нередко “2 кл.”, а “7 кл.” — в виде особого исключения!» (14. 7. 1942).

Еще одна запись с комментарием:

«Под Сталинградом с 19 по 26 ноября с.г. наши взяли 63 тыс. пленных, 1320 танков, 1863 орудия и т.д. Интересно, как получаются такие данные с точностью чуть ли не до единиц? Мы наши данные для вышестоящего штаба берем в основном с закопченных потолков наших землянок» (27. 11. 1942).

Особенностям учета потерь посвящена и другая запись:

«Получен (и уже выполнен!) приказ всем немедленно сдать свои медальоны. Я, конечно, сдала тоже. Это какая-то нелепость. Зачем нужны медальоны, объяснять не надо. Без них ни убитых, ни находящихся без сознания нельзя будет опознать. Накануне явно назревающих серьезных боев такой приказ особенно странен. Объясняют эту меру необходимостью поднять уровень секретности. Медальон представляет собой завинчивающуюся цилиндрическую ко-

робочку вроде игольницы с ушком в крышечке, чтобы повесить на шнурок и надеть на шею. Внутрь вкладывается рулончик, который каждый заполняет сам мелким почерком печатными буквами по определенной форме: имя, отчество, фамилия, название призвавшего райвоенкомата, год и место рождения, адрес или адреса близких. Спрашивается, что здесь секретного?! Райвоенкомат? Ну, дайте команду написать вкладыш по другой форме. Это же — не проблема. Абсурд какой-то! А ведь и через много лет после войны опознанные скелеты (с медальонам) и неопознанные (без медальонов) будут хоронить по разным ритуалам; опознанные — индивидуально, в гробах, неопознанные — скопом» (12. 12.1 942).

Иные новости доходили через газеты, например:

«Во вчерашних газетах — приказ об отмене института военных комиссаров и политруков» (12. 10. 1942).

«Сегодня днем за членовредительство расстреляли бойца нашей дивизии по фамилии Мудрук. Казнь (из нагана в затылок) происходила “перед строем” (то есть в центре каре, состоявшего из всех полков и отдельных подразделений дивизии). Предварительно был прочитан приговор. Смерть мгновенная. Казалось бы, кого ею на войне удивишь, но впечатление было совершенно удручающее. То ли несчастный не понимал по-русски, (возможно, он был нацмен), то ли был в полном оцепении, но мне показалось, что он вообще не успел понять, что с ним происходит и почему. Ужасно!» (23.10.1942).

Поскольку И.Д. эпизодически командировывалась в город, то в дневнике отразились и ленинградские впечатления и события. Например:

«По постановлению Ленсовета ,6-го и 7-го ноября в городских квартирах было включено электричество (конечно, при строжайшем затемнении окон). Вот уж там, наверно, радовались! <...> 7-го и 8-го в честь праздника выдавали водку, так называемые “наркомовские 100 г.” (на самом деле побольше)» (8. 11.1 942).

Еще одно специфически ленинградское наблюдение:

«Слово “дистрофик” (переставая определять в Ленинграде и на ленинградском фронте физическое состояние) становится бранным, по-армейски — “доходяга”» (10. 2. 1943).

Оказавшись в конце войны на немецкой территории, И.Д. стала свидетельницей армейского мародерства — и материального, и сексуального. Фиговым листком мародерства было слово «трофеи».

«Рассказывают о богатых трофеях. Но, строго рассуждая, какие могут быть трофеи? Государственное принадлежит государству, не одному, так другому, а частное, личное принадлежит лицам, даже если они разбежались — ведь все равно вернуться, куда им деваться. Помню, какую неловкость я испытывала в дер. Райкузи в сентябре 1941 г., беря припрятанные в печке тарелки и чашки, хотя и понимала, что вот-вот сюда придут немцы, а хозяйева, если когда-нибудь и вернуться, то на пепелище, и до посуды ли этой будет им тогда. И все-таки, все-таки... Можно возразить, что то были свои, а теперь — враги, немцы. Но разве мы с народом воюем? Мы же воюем с армией. Опять же их армия и не-армия неорганизованно и организовано грабили у нас все подряд. Так ведь это их армия и их администрация, которых мы называем граб-армией и граб-администрацией!

Кем же при подобных обстоятельствах становимся мы? Однако такие мои соображения, будь они произнесены вслух, не имели бы ни малейшего успеха. Все бы завопили — “У войны свои законы!”» (28. 1. 1945).

Все эти рассуждения — из автокомментария. В оригинале дневника их не было.

Вот еще одно похожее место — за 6. 2. 1945. В дневнике — одно всего слово: «Трофеи». Комментарий же снова пространен:

«Солдаты шастают в городах и мелких населенных пунктах (деревень в нашем понимании здесь просто нет) по брошенным хозяевами лавкам, домам и квартирам, хватают в отсутствие хозяев что вздумается; впрочем, и присутствие хозяев мародеров не смущает

— могут и убить. Сама видела трупы в гражданской одежде в брошенных домах и квартирах. Берут то, что можно напялить на себя или рассовать по карманам. А следом приходит тыловое, а иногда и нетыловое начальство, располагающее транспортом, и вывозит имущество, некоторые — вагонами. О магазинах и магазинчиках и говорить нечего: двери взломаны, витрины и окна разбиты, что не растащено, то поломано, испорчено, загажено.

Может быть, именно вид бессмысленно испорченных вещей после нищеты, которую я недавно наблюдала в многодетных деревенских польских семьях, да и в родном городе, где все, что годилось для обмена, было обменено на пищу, заставило меня уступить искушению и совершить грехопадение — взять чужое. Правда, уже тогда, когда оно стало ничьим.

А было это так. Однажды я обратила внимание, что бойцы, которые заходят к нам в Разведотдел, сморкаются в какие-то странные тряпочки с завязками. При ближайшем рассмотрении это оказались новенькие распашонки. Тут уж я не удержалась и спросила, где взяли. Меня привели к соседнему дому, где в подвальчике помещался разгромленный магазин детского приданого, частью смятого и разбросанного, частью еще лежавшего в коробках. Слаб человек, а женщина, ожидающая ребенка — тем более. Позарилась! Благо после перехода государственной границы в войсках разрешили отправлять на родину посылки весом до десяти килограммов, конечно прекрасно при этом понимая, как это будет способствовать мародерству. Вот и я подалась в мародеры: я собрала полный комплект приданого для своего будущего младенца — получился весьма объемистый пакет, который в будущем должен был мне весьма пригодиться» (6. 2. 1945).

Но мародерство могло быть и было сексуально окрашенным. Женщина (немецкая, но не только) — это, в глазах насильника, — такой же «трофей», как велосипед, часы или сервиз.

«Один из наших сержантов рыщет по округе, заводит шашни с местными женщинами. Где только он их находит? Ведь все спрята-

лись! Полагаю, что его контакты происходят, как бы это выразиться, не на вполне добровольной основе. Я по этому поводу скривила презрительную мину. А он мне “объясняет”: “Это я мишу!” Смотри, говорю, домстишься до венерического госпиталя. Таким образом я пытаюсь его притормозить, понимая, что доводы морального характера на него никакого впечатления не произведут. Интересно, что в конце концов, как мне рассказывали позже, он действительно попал в это самое медицинское заведение; мы о таких сперва и слыхом не слыхали, но в 1945 г. они появились едва ли не при каждой армии» (28. 2. 1945).

В одном месте И.Д. пишет об «интернационале на дорогах»:

«Держим путь дальше. Интернационал на дорогах. Горе народное — до слез... По отличным немецким дорогам наши машины несутся потоком, и только слышен шорох воздушной волны, отражаемой на краю дороги каждым деревом в отдельности: вжик... вжик... А по обочинам плетутся люди: поодиночке и семьями, со скорбем и без, старички с палочками... Бредут, спасаясь, неизвестно куда: тут и гражданское население, и немецкие солдаты, отставшие от своих частей, без оружия, уже никого не интересующие, и выпущенные из освобожденных лагерей бывшие несоветские военнопленные — какой-то дорожный интернационал... Мутный горестный поток... Думаю о наших беженцах, которым приходилось еще хуже... Но жалко всех» (31. 1. 1945).

Но то, как она об этом пишет, наводит на мысль о существовании в ее лице и другого «интернационала» — интернационала человечности и сострадания.

5

В поздних комментариях И.Д., касающихся уже послевоенного времени, также встречаются выразительные и даже поразительные эпизоды. Вот, в завершение, два из них.

Первый – о гримасах политики памяти по отношению к погибшим:

«Много лет спустя составительница списка биологов, погибших на Великой Отечественной войне, для “Книги памяти Ленинградского—Санкт-Петербургского Университета. 1941-1945.” (СПб., 1995.) М.Ф. Вернидуб настойчиво просила меня предъявить для подтверждения Володиной гибели так называемую “похоронку”, ссылаясь при этом на запрещение председателя совета ветеранов ЛГУ В.Ф. Барабанова помещать в Книгу памяти имена универсантов, гибель которых не подтверждена документально. Так как “похоронки” у меня не оказалось (из-за полного разгрома 277 ОАПБ и утраты всей документации их и не рассылали), а не включить в список павших человека, который уже много лет значился на мемориальной доске Биофака, М.Ф. Вернидуб не могла, она нашла “компромиссное” решение, устроившее В.Ф. Барабанова, указав, что “В.И. Грацианский похоронен в братской могиле”. Хотелось бы знать, когда и кем рвы, в которые завоеватели сбрасывали тела убитых наших воинов, оставшиеся на оккупированной территории, называли “братскими могилами”?!» (14.11.1942).

Второй – о бумеранге национализма:

«Сердитый разговор с начальником нашего отделения доктором Чечелашвили о “фрицах”, которых он презирает как таковых, о том, что не в их национальности дело, а в их понятиях и поступках, которые им навязал их фюрер, истребив несогласных! Чечелашвили был старше меня и, наверно, не дожил до той позорной поры, когда грузины, армяне, чеченцы и др. превратились в России в “лиц кавказской национальности”, а то вспомнил бы меня. Да и с проблемами идеологии, навязываемой вождями, лучше бы разобрался!» (20. 4. 1943).

Еще и еще раз спасибо Ирине Михайловне Дунаевской за ее героический и честный дневник. Этот документ – и есть воплощение самой правильной «политики памяти», какая только может быть на свете.

ЧТО УПАЛО – ТО ПРОПАЛО?²⁹

В одном из недавних номеров «Русской мысли» была анонсирована Международная научно-практическая конференция под названием «Проблемы реституции в России», организуемая в рамках думских слушаний по вопросам реституции по инициативе и под председательством заместителя председателя Комитета по экономической политике академика Лисичкина В.А. из фракции ЛДПР. Международной эту конференцию делало разве что присутствие культур-атташе немецкого посольства г-на Драутца и экономиста-предпринимателя из Литвы М.М. Машкова, рассказавшего о литовских наработках по реституции. Еще труднее было бы назвать ее практической или хотя бы научной, поскольку под реституцией предлагалось понимать не примитивный возврат каких-то жалких культурных ценностей, а все, что угодно, вплоть до компенсаций вкладчикам сберкасс: еще немного – и выплата задолженностей по зарплате и пенсиям была бы объявлена этим благозвучным и, как оказалось, уже освоенным думцами термином.

Само собой, «реституционным» является и вопрос о партийной собственности, причем – что было и свежо, и пикантно – упоминались не только коммунисты (у которых демократы «отхпали» ВПШ³⁰ и много чего еще), но и, скажем, кадеты, с собственностью и жизнью которых коммунисты не церемонились. Заодно проступил тайный смысл рождения и прозябания нескольких организаций-

²⁹ Впервые: *Русская мысль* (Париж). 1997. 3 – 19 марта. С. 3.

³⁰ Современное главное здание РГГУ.

сверстников ЛДПР, именующих себя кадетскими партиями: доказательствами «кадетскости» являлись обращение друг к другу на собраниях «господа», а также вялая перебранка «господ кадетов» друг с другом. Теперь же, в контексте «реституции», «наследники» Павла Николаевича Милюкова могут, если захотят, уподобиться бессмертным детям лейтенанта Шмидта!

Единственной организацией, реально добившейся хотя бы частичного возвращения отчужденных в пользу народа зданий, икон и прочего, является церковь. Об этом и впрямь поучительном опыте весьма интересно рассказал игумен Иннокентий (Павлов).

О «неизбежности» (именно так!) реституции в России говорил, ссылаясь на международное право, секретарь Лиги защиты прав собственников г-н Кулаков. От казаков (без них в Думе ничего и никак) выступал г-н Грамогласов, подъяесаул Всевеликого Войска Донского, требовавший назад казачью собственность, а заодно и право на хранение оружия. Памятуя о «научно-практическом» характере действия, член Совета Российского Дворянского Собрания граф Каменский рассуждал о возврате дворянского, а г-н Абрикосов, старшина Московского купеческого собрания, — о возврате купеческого имущества.

Чем недостижимей и призрачней была цель, тем с большим удовольствием о ней говорили. Упомянутый граф напомнил собравшимся о дворянских поместьях на Крымском побережье, а представитель профсоюзов — о тамошних союзных здравницах. Никто не заметил, что говорят они, отчасти, об одном и том же, и, конечно, никто не вспомнил о такой мелочи как принадлежность Крыма к юрисдикции Украины.

Терпеливые дождались и обсуждения германских дел. Тут, правда, выяснилось, что реституций, как минимум, две: получать — одна, отдавать — другая. В первом случае — под лозунгом: «положь, сука, на место!», во втором — «что упало — то пропало!». Так, по логике профессора Московского университета культуры г-на Мазуритского, по части книг Германия России еще должна будет, поскольку из Германии вывезли 7 миллионов томов, а в СССР за годы войны погибло 100 миллионов. Напомним, что в одном случае речь идет об уникальных специализированных научных и научно-технических библиотеках (сокровища, к сожалению, так полностью и не востребованные, коль скоро часть ящиков с книгами за 50 лет даже не распаковали), в другом же — о массовых изданиях, не в последнюю очередь — о бессмертных трудах Сталина и других тружеников марксистского пера. Профессор Дипломатической академии МИД г-н Сироткин оправдывал невозвращение культурных ценностей неким «оккупационным правом», утверждая, что для подтверждения права на владение большего, чем описание и регистрация вывезенного, для держав-победительниц и не требуется. Когда бы так, то зачем же столько десятилетий лгать, отнекиваться и скрывать столь легитимные «трофеи», как «Золото Трои», зачем? И как же все-таки соотносится «оккупационное право» с общепризнанным международным?

Призыв К. Борового ориентироваться именно на международное право и не упустить шанс на цивилизованное решение проблемы реституции в Думе, похоже, услышан не был. Конечно, принятый Думой 5 февраля закон о культурных ценностях, перемещенных в СССР в результате Второй мировой войны и находящихся в настоящее время на территории России, едва ли будет утвержден Советом Федерации и уж наверняка не будет подписан президентом, как откровенно противоречащий международному праву. Но и Дума, судя по этой конференции, ничего приличнее принять тоже не в силах.

ИЗБРАННЫЕ РЕЦЕНЗИИ

ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ ВО ВСЕЙ КРАСЕ³¹

Международный фонд «Демократия» (Фонд Александра Н. Яковлева) выпустил очередной том из серии «Россия. XX век. Документы» под названием «58-10. Надзорные производства прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Аннотированный каталог. Март 1953 – 1991 (на титульной странице по ошибке указано: март 1953 – 1958)» (Под редакцией В.А. Козлова и С.В. Мироненко. Составитель О.В. Эдельман при участии Э. Ю. Завадской и О. В. Лавинской. Москва, 1999).

В советской юридической практике надзор за следствием, ведущимся органами государственной безопасности, осуществлялся в специальных отделах областных, республиканских или союзной прокуратур. Прокурорский надзор оформлялся в виде надзорного дела (производства), заводившегося в органах прокуратуры параллельно с ведущимися следственными органами уголовными делами в соответствии с их поднадзорностью. Кроме того, надзорные дела заводились и задним числом по жалобам осужденных и просьбам о пересмотре дела. По оценке составителей, в томе представлены сведения о 60 % осужденных в рассматриваемый период за антисоветскую деятельность.

В последнее десятилетие опубликовано немало документов о сталинских репрессиях. Неплохо известны дела и о преследовании инакомыслящих в последние годы существования СССР. Менее других изучен промежуточный период, хорошо представленный в данной книге.

Предание о временах гуманизма, наступивших сразу же после смерти вождя, оказывается просто мифом. Поражает ничтожность

³¹ Рецензия на: 58-10. Надзорные производства прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Аннотированный каталог. Март 1953 - 1991, под ред. В.А. Козлова и С.В. Мироненко. Сост. О. В. Эдельман при участии Э. Ю. Завадской и О. В. Лавинской. М.: Демократия, 1999. 940 с. Опубликовано: Знамя. 2001. № 3. С.231-234.

поводов для уголовного преследования и жестокость осуждения. И еще — при почти полном отсутствии осмысленного противостояния режиму, — государство своими действиями само формирует себе «оппозицию». Это прекрасно прослеживается при чтении рассматриваемой книги. Именно при чтении. Потому что вознамерившись бегло ее пролистать, с первых же страниц переходишь на внимательное чтение и, на следующем шаге, изучение.

Судите сами: 1953 год. 1617 осужденных. Значительное количество их связано со смертью Сталина. Большинство дел совсем невинны: например, дело новосибирского слесаря Е.Ф. Моисеева, который при сообщении о болезни Сталина сказал: *«Что мы сейчас сделаем, отсюда не поможем, своих рук не подложим»*.

Есть и поинтересней: днепропетровский рабочий А.В. Кузнецов по этому же поводу сказал: *«У темных малограмотных ослов тоже бывает кровоизлияние в мозг»*, а матрос из Батуми М.А. Фишбейн в день траура говорил: *«Сегодня мой праздник, и поэтому я пьян»*. Совсем уж анекдотичный случай: директор магазина из Станислава А.Н. Котлярский на траурном митинге оговорился, сказав: *«Мы потеряли дорогого и любимого врага»*.

Не менее десятка человек село, как сговорившись, за одну и ту же фразу: *«Умер Максим, ну и х... с ним»*. Киномеханик из Чарджоу А.Т. Иванов во время демонстрации фильма, когда на экране появился Сталин, крикнул: *«За смерть Сталина, ура»*. Машинист Н.Д. Сычев высказал такое предположение: *«Поскольку, у т. Сталина анализ мочи был ненормальный, возможно у т. Сталина было венерическое заболевание, может быть, схватил что-нибудь наподобие триппера»*. Плотник из г. Орска М.Б. Григорович *«в трезвом состоянии и молча проявлял надругательства над портретом вождя, т.е. показывал свой половой член, а второй раз, испортив воздух и обращаясь к портрету говорил, что крутит носом, не хочет нюхать»*.

Фраза «в трезвом состоянии» не случайна: подавляющее большинство эпизодов проходило по пьяному делу. Этого, правда, не

скажешь о случае А.Р. Розенберга, заведующего кафедрой института усовершенствования врачей, который на семинаре врачей-гинекологов г. Сталинска *«высказал, что работниками кафедры микробиологии выведен новый вид венерического гонококка, назвав его по имени одного из руководителей партии и правительства Советского Союза»*.

Многочисленная группа осужденных получила срок за фразу типа: *«...жалобу напишу в Америку Трумену»* (Гриценко М.Н.), *«Вот придет Трумен, тогда мы заживем»* (Кулев П.К.), *«Поздно или рано будет война с Америкой, американцы возьмут свое, вот тогда и поживем»* (Корнеев А.И.), *«Трумен всех коммунистов будет бомбить и убивать»* (Аликперов Г.А.), *«Придут скоро братицы-американцы и пересадят всех коммунистов»* (Логинов И.Л.), *«Да здравствует Америка и ее руководитель Эйзенхауэр. Долой Сталина, долой коммунизм, долой советскую власть. Да здравствует американское правительство и ее свобода»* (Борисов Н.И.).

Не менее многочисленная группа осужденных – анонимщики. Они писали в газеты, райкомы и вождям. Нельзя не восхититься огромной проделанной «органами» работой по их разоблачению.

Интересно написанное еще в 1941 году анонимное письмо бывшего царского офицера И.С. Бокунова писателю А.Н. Толстому: *«Ненавистная всем нам советская власть умирает, а вы ищете своим подлым умом и поганым сердцем слов для ее защиты...»*. Е.А. Ласточкина, крестьянка из Псковской области, написала *«четыре антисоветских письма в адрес прокурора, Трумена и знакомой женщины»*.

Письмо стрелочника из Одессы Л.А. Ефимова к Сталину начинается так: *«Ты жидовский наймит, залил кровью всю Украину»*, а письмо бульдозериста М.И. Аккуратова Председателю Президиума Верховного Совета СССР содержит такие строчки: *«...9 марта почти весь народ СССР с душевной радостью похоронил еврейского подданного, который целиком и полностью продался сам и продал русский народ под иго евреев»*.

Еще одна популярная статья – анекдоты, частушки и прочее народное творчество. Интереснее, пожалуй, частушки:

Кто сказал, что Ленин умер?
Я вчера его видал.
Без кальсон, в одной рубашке
Пятилетку догонял
(Манжурцев В.Ф.)

Или:
Коммунисты просят масла,
Комсомольцы молока,
А им Сталин отвечает
Х... сломался у быка.
(Акимов М.Е.)

Или:
Когда Ленин умирал,
Сталину приказывал,
Рабочим хлеба не давать,
Мяса не показывать.
(Батаков А.В.)

А.Я. Павловский, агроном, бывший член партии эсеров, написал повесть, герой которой возвращается из лагеря, отсидев по статье 58. Персонажи критикуют советскую пропаганду, паспортную систему, рассуждают о судьбе страны, ссылаются на идеи Богданова и Лаврова. Срок – и аккурат по 58-й.

А.А. Попутникова писала стихи контрреволюционного содержания – срок. Ю.С. Попович сама стихов не писала, но хвалила стихотворение Сосюры «Люби Украину» – тоже срок.

М.В. Дербенев из г. Горького рассказал такой анекдот: «Встретились американский и русский евреи и разговорились, как они живут. Американский еврей сказал, что он живет хорошо, имеет две

машины. Еврей из Советского Союза сказал, что он тоже имеет две машины — скорую помощь, которая приезжает за ним, когда ему плохо, и “черный ворон”, когда ему хорошо».

Получить срок можно на производстве: преподаватель П.П. Кондрацкий, по показаниям свидетеля: «В 6-м классе тема была “строение дождевого червяка”. Во время урока Кондрацкий уделил слишком большое внимание английскому ученому Дарвину, и о наших ученых упомянул только вскользь, этим самым умолял значение достижений наших ученых».

Можно получить срок и дома: начальник цеха из Баку Б.А. Мишле в доме матери за обедом пошутил: «Наша мама настоящий коммунист, она хочет, чтобы домработница на нее много работала, но кушать ей она давать не хочет». Можно как А.И. Шойтович — за хранение дома сионистской книжки и журнала «Венгерская внешняя политика» за 1943 год, — или как М.А. Геринас, у детей которого были марки с изображением Гитлера и Пилсудского. А Г.С. Балцату хранил в своем доме «портрет руководителя царской власти».

Начальник вагонного участка ст. Харьков П.М. Дибров вообще пострадал за чрезмерную бдительность: «В нетрезвом состоянии явился в женское общежитие вагонного участка, увидел на стене портреты Сталина и Свердлова, показал на портрет Свердлова и спросил: “Почему у вас до сих пор находится портрет фашиста Троцкого”, снял портрет, порвал и бросил на пол».

То, что бдительность не помогает и даже вредна, хорошо видно на примере заведующего кафедрой духовной академии из Ленинграда А.И. Макаровского, который «...когда в 1952 г. в Ленинград прибыла немецкая церковная делегация, советовал коллегам меньше с ней общаться, т.к. советский представитель в Берлине наговорил им, что у нас полная свобода религии, а в разговоре выяснится, что мы не получаем никаких журналов и т.д.» Опять же — срок.

Среди осужденных, естественно, больше мужчин, но зато свидетелями чаще выступают женщины. Впрочем, свидетели бывают всякие. По делу электрика из г. Пятигорска М.С. Григориади, который «допустил враждебный выпад» против Сталина, в жалобе родных указано, что один из двух свидетелей обвинения является глухонемым (справки прилагаются).

Групповые дела, помимо «националистических», связаны, как правило, с религиозными преследованиями. Тут и пятидесятники (А.Ф. Чуб и еще 7 человек), иннокентьевцы-архангелисты (Н.В. Руссу и еще 8 человек), апокалипсисты (Г.Л. Журавель и 14 человек), пятидесятники-трясуны (Н.Ф. Сорокопуд и 11 человек), свидетели Иеговы (С.И. Романюк и 6 человек), субботствующие пятидесятники (В.И. Ключкович и 7 человек), члены ботбурдовской общины (К.Ф. Роммель и 8 человек), истинно-православные христиане (Е.М. Дудкин и 5 человек), адвентисты седьмого дня (Ф.П. Чубаров и Н.Г. Лыткин) и другие сектанты. Но есть и самые, что ни на есть, православные (7 прихожан из г. Калинина во главе со священником Л.М. Светозаровым).

Что касается групповых дел по национальному признаку, то это, прежде всего, дела жителей Прибалтики и евреев. Первых среди осужденных за 1953 год 7,3 %, притом, что латыши, литовцы и эстонцы составляли не более 3 % населения страны, а евреев и вовсе — 13,5 % (чуть более процента от населения СССР). Такой высокий процент осужденных в 1953 году евреев, конечно, связан со сталинской антисемитской политикой, но можно убедиться, что и в последующие годы прибалты и евреи в относительном исчислении прочно удерживают лидерство среди осужденных.

Для наглядности приводим следующую таблицу:

Года	1953	1954	1955	1956	1957	1958	1959	1960	1961	1962
Прибалты	7,3	11,7	5,8	14,0	4,9	11,0	6,5	23,8	14,5	11,2
Евреи	13,5	3,9	8,2	11,0	3,1	1,3	5,0	4,5	3,7	0,7

Можно, конечно, проанализировать эти данные и выяснить, что стоит за всплеском осуждения прибалтов в 1960 году, или, наоборот, за уменьшением количества осужденных евреев в 1958 и 1962 годах.

Вообще вся книга предоставляет богатейший материал для изучения и анализа, чем, надеемся, займутся исследователи в ближайшее время.

Еврейские дела примерно одинаковы: анекдоты, пересказ передач зарубежного радио, хранение «не той» литературы, в том числе – «Еврейской энциклопедии»; попытка посетить иностранное посольство (надо думать, Израильское); высказывание желаний выехать за границу, разговоры о государственном антисемитизме. Основанием для осуждения жителей Прибалтики было даже хранение книг, изданных до Советской власти, или «сбор и хранение националистических песен».

А как же шпионы, диверсанты и пр.? Были и шпионы. Ввиду серьезности обвинения, привожу текст полностью: *«Никитас А.Ф (1924 года рождения, украинец, слесарь завода, г. Кременчуг Полтавской области) в 1950 - 1953 гг. рассказывал рабочим о том, как он жил и работал в Германии и Бельгии во время войны, рассказал двум сослуживцам о том, что он является американским шпионом, имеет связь с американским представителем, ездит к нему в Галецину и получает от него деньги, причем один из слушателей показал: “Меня предупредил никому об этом не говорить. В процессе работы, говорил*

Никитас, я иногда просился у бригадира Шпотя отпустить меня дня на два с работы, т.к. необходимо поехать к агенту американской разведки получить за свою работу деньги. Шпотя верил в это и отпускал меня. По возвращении он меня спрашивал: "Получил". Я отвечал: "Да". И угощал его водкой».

Такие вот шпионы. Такая же, в основном, была и оппозиция. Ее типичный представитель, А.Н. Иванов, в нетрезвом состоянии, естественно, «...говорил, что он — сын Троцкого, скоро будет поднимать восстание, резать евреев и коммунистов».

Но уже в 1954 году уровень протеста стал резко повышаться. Не только в лагерях — отказ выходить на работу и вооруженное сопротивление администрации в лагерном пункте «Заречная» (дело В.И. Новикова и еще пятерых заключенных), массовые беспорядки в 1 отделении Горного лагеря в Норильске (дело Касилова И.С. и еще троих); дело В. П. Скирука — одного из руководителей известной забастовки в Степном лагере (Кенгир); создание подпольной организации «Группа революционных марксистов» в Кунеевском ИТЛ (Р. И. Доценко и 9 заключенных).

Но и на «воле» происходит нечто новое — заместитель начальника по политической части городского отделения МВД города Киселевска пишет и распространяет листовки с таким текстом: «Товарищи! Налицо враждебность нашего управленческого аппарата народу. Особенно местной власти. Бросьте терпеть. Надо бороться». Заместитель управляющего треста «Союзрыбстрой» М.Е. Михайлов в обнаруженном при обыске экономическом труде «пытался доказать несостоятельность Советской власти с момента ее возникновения».

Коммунист, участник войны, орденноносец Е. З. Полевой пишет в анонимном письме: «Близится 37 лет существования этого авантюристического строя, который кроме несчастья и горя ничего не дал народу России». И что уж совсем невероятно — Ш. А. Гоберман «...ездил в Ригу и передал деньги в помощь семье политзаключенного».

Особенно сильную реакцию вызвали венгерские события 1956 года — десятки осужденных, в той или иной форме протестовавших или просто не одобрявших действия советских войск в Венгрии, или же, наоборот, выражавших радость по поводу восстания в Венгрии.

Однако все это не означает, что перестали сажать по совершенно пустяковым поводам, и уж, определенно, власть не стала гуманнее. Вот А. З. Добровольский, автор сценариев фильмов «Трактористы» и «Богатая невеста», и А.Я. Высоцкий, директор детской спортивной школы, — они осуждены за то, что «с ехидцей» отзывались о мероприятиях партии и правительства.

Вина А. Д. Прохорова в том, что он *«27 марта 1957 г. сказал, что признает только дореволюционных писателей»*. В.А. Лядецкий в октябре 1955 года *«в нетрезвом состоянии проник на дебаркадер, пытаясь перебраться на английский военный корабль, стоящий на Неве, а когда был задержан, кричал: “Англия или смерть!”*, *“Я ненавижу Советский Союз, Англия или гроб. Ол Райт”*». Кстати, в 1957 году его дело пересмотрено, срок наказания при этом был не уменьшен, а увеличен!

На этом можно остановиться. Дальше идет еще не всеми забытое время и хорошо знакомые фамилии: Гамсахурдия З. К., Ивинская О. В., Гинзбург А. И., Буковский В. К., Бродский И. А., Синявский А. Д., Даниэль Ю. М., Григоренко П. Г., Новодворская В. И., Суперфин Г. Г., Ковалев С. А., Светов Ф. Г. и многие, многие другие.

Кончается том 1991-м годом. В нем всего две записи. Первая — о прекращении дела о деятельности союза «Память», вторая — о прекращении дела о деятельности «Демократического Союза».

Основы плюрализма заложены.

А продолжение возможно любое.

В РАСХОД³²

В XIX веке палачество было хоть и редкою, но профессией. Человеческая жизнь конвертировалась в право — и, пусть недорого, но ценилась. Число казненных революционеров и террористов уступало количеству жертв их терактов, но в любом случае счет шел на десятки и сотни, самое большее — на первые тысячи — душ.

Век 20-й произвел революцию и тут. Внесудебный порядок осуждения практиковался и в самый разгар мирного времени (как, например, в самый разгар НЭПа — с ноября 1925 по январь 1926 г., что разрешалось особым постановлением ВЦИКа — см. с. 43-44 рецензируемой книги). Спустя годы после окончания Гражданской войны практиковались репрессии, в том числе и казни, с обоснованиями типа: «в порядке Гражданской войны»!

Поскольку основным местом исполнения смертных приговоров в мирное время были тюрьмы, то и основными кадрами их исполнителей были сами тюремщики, в частности, тюремные коменданты (с. 25). Функции палача чуть ли не входили в должностные обязанности (начинаешь лучше понимать, почему Осип Манделштам так выделял у Сергея Есенина его строчку: «Не расстреливал несчастных по темницам...»).

Но когда счет казненных пошел на десятки и сотни тысяч, к палачеству стали привлекаться и тысячи любителей — оперативников и практически любых чекистов, а зачастую и простых солдат, которым приказывали то, что приказывали. Нередки случаи, когда новичкам намеренно отдавали приказ об исполнении казни — с тем, чтобы «повязать» их кровью — обычай, прямо соответствующий практике среди уголовников повязать «мокрухой» новичков (с. 30-31).

³² Совместно с П. Поляном. Рецензия на кн.: Тепляков А.Г. Процедура: исполнение смертных приговоров в 1920-1930-х годах. М.: Возвращение, 2007. Впервые: Pro i Contra. 2009. Март-апрель. С.119-121.

Однако палачество требовало определенных личностных параметров — и среди них не только психологическая устойчивость, но и незаурядные физические качества. Ибо убийство — это еще и трудная работа, иногда сверхтяжелая, как отрубание голов во льду — с. 28). Самый распространенный и экономный способ — это выстрел в затылок с последующим сбрасыванием трупа в реку (ср. эвфемизмы «концы в воду», «караулить Обь»).

Но среди палачей были и самые настоящие садисты, патологические изуверы. Иные настолько обожали это занятие, что были в состоянии уничтожить в один присест десятки, а то и сотню людей или даже 200–250 чел., как, например, капитан Г. Б. Матвеев, лично расстрелявший под Медвежьегорском от 200 до 250 узников Соловков (с. 64)³³. Некоторые, если среди жертв были привлекательные женщины, не гнушались тем, что насиловали их перед казнью, каковую сами же и совершали (с. 75–76).

Садизм сходил за революционный пыл, требовал к себе определенного «уважения» и «признания». Автор справедливо отмечает, что «...деформация личности палачей приводила к неудержимой потребности хвалиться участием в казнях» (с. 40) — вопреки всем подпискам о неразглашении. Многие любили бахвалиться не просто своими «подвигами», а своей эффективностью или технологичностью, как, например, С. Каргашев: «Я умею людей убивать так, что и выстрела не слышно... Заставляю открыть рот и стреляю туда вплотную. Меня только теплой кровью обдает, как одеколоном, а выстрела не слышно» (с.38–39).

Массовые расстрелы в годы Большого Террора на первый план выдвинули вопросы технологии убийства и его конспирации: даже прямые исполнители приговоров не должны отдавать себе отчет в параметрах операции в целом (с. 53–54). Разумеется, конспирация была превыше всего и в случаях приговоров с «двойным дном», то есть или казни лиц, получивших фиктивные гарантии сохранения им жизни (с. 77–78), или имитации самоубийств (как в случае Б. Савинкова)

³³ Среди его личных жертв — Н. Зеров, Н. Кулиш, Л. Курбас и мн. др.

или расстрелов «при побеге», а также организации «убийств сокамерниками» (К. Радек и Г. Сокольников). Такого рода убийства рассматривались как не более чем одна из разновидностей оперативной необходимости.

Не было для чекистов худшего «брака», чем «недострел»: Г.Н. Чазов — крестьянин, расстрелянный в 1937 году в Кемеровской области — сумел уцелеть и имел глупость добраться до московской приемной М.И. Калинина с жалобой на неправильный в своем случае приговор. Тут же несправедливость исправили — жалобщика, наконец-то, расстреляли, а виновных в столь «небрежном исполнении приговора» привлекли к ответственности (с. 60-62).

В связи с казнями неизбежно всплывали эвфемизмы для их обозначения: «высшая мера наказания», «высшая мера социальной защиты», «разменять», «отправить в штаб Духонина (Колчака и т.д. — *Авт.*)», «пустить в расход», «в распыл», наконец, «свадьба» (в смысле венчание со смертью), «перевод в состояние небытия», «концы в воду», «убытие по первой категории», «10 лет без права переписки» или «спецоперация» (с. 20). Все это до боли напоминает практику Третьего Рейха, использовавшего для того же самого чуть ли не те же самые слова: «особое мероприятие» (*Sonderaktion*), «зачистка», «приведение в исполнение», «исключение», «переселение» и др.

Материал, собранный А.Г. Тепляковым по крупицам из сотен источников, впечатляюще масштабен и охватывает как случаи массовой «социальной защиты», так и чисто бытовые «эксцессы» — вроде случая «юноши Кинчмана», расстрелянного по доносу ревнивой девицы, которая потом и сама отравилась, сознавшись в навете в предсмертной записке (с. 36).

При огромном количестве документального материала возникает впечатление хаоса и абсолютной бессистемности всей этой процедуры, причем вовсе не по вине автора, стремившегося максимально систематизировать информацию, а по вине главного героя книги — самой советской власти, запустившей сию страшную и безотказную

машину с первых же дней революции. Локальные особенности накладывали свой отпечаток на процедуру, но общесоюзные тренды преобладали. Характерный пример — категорический запрет (временный, естественно) на расстрелы после 15 ноября 1938 года почти повсеместно игнорировался, и даже в ряде мест привел к интенсификации расстрелов, оформленных задним числом. Многочисленные приказы и постановления, часто друг другу противоречившие, только ухудшали ситуацию, да, похоже, на местах к ним серьезно не относились. К тому же часто они были и невыполнимы.

В чем обладателям чистых рук и холодного сердца решительно нельзя отказать, так это в отсутствии горячей заинтересованности в «сувенирах» — одежда, деньги, личные вещи и даже зубные коронки становились почти законной добычей чекистов. Почти — потому что государство предназначало все это себе, но такого порядка в этом деле, как в гитлеровских лагерях, навести не удалось. Но известно, что и *«сам Ленин получил от хозотдела Московской ЧК счет за полученные костюм, сапоги, подтяжки, пояс — всего на 1.417 руб.75 коп.»* (с. 68).

БАГРОВАЯ КНИГА ПОГРОМОВ³⁴

«Багровая книга» — именно так называлась одна из изданных русской эмиграцией книг о погромах на Украине: С.И. Гусев-Оренбургский выпустил ее в 1922 г. в Харбине. В издательстве РОССПЭН вышел еще один сборник документов — «Книга погромов (Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны, 1918 — 1922 гг.)», — подготовленный институтом Славяноведения РАН под редакцией Л. Б. Миляковой. Сборник составляют 364 выразительнейших докумен-

³⁴ Рецензия на: *Книга погромов. Погромы на Украине, в Белоруссии, европейской части России в период Гражданской войны 1918–1922 гг. Сборник документов. М.: РОССПЭН, 2007. Впервые: Лехаим. 2007. №8. С. 106.*

та, в основном — из фондов ГАРФ. В главном российском архиве находится часть собранного до 1921 года (непосредственно во время Гражданской войны!) так называемого архива И. Чериковера, основателя Редколлегии при Центральном комитете помощи пострадавшим от погромов (изложенная во введении история сбора этих сведений составляет отдельную и интереснейшую эпопею). Именно сюда стекались многочисленные документальные свидетельства о погромах — показания очевидцев, опросы пострадавших, акты и докладные записки различных еврейских общественных организаций.

Несмотря на обилие документов, нужно сказать и о все еще слабой изученности этой трагической страницы истории. Даже количество жертв погромов варьируется, по разным оценкам, от 35 до 200 тысяч человек. По погромщикам расхождения еще больше: ясно только, что к погромам приложили руку практически все политические силы. По подсчетам Н. Гергеля — 39.9 % от общего числа погромов приходилось на войска Директории, 24.8 % — на различные партизанские отряды и банды, 17.2 % — на воинские соединения Белой армии, на Красную армию — 8.6 % погромов, на отряды атамана Григорьева — 4.2 %, на Польскую армию — 2.6 %, на всех прочих участников — 2.7 %. Следует сказать, что руководство как и Белой, так и Красной армий в принципе понимало недопустимость погромов. Генерал Деникин даже отмечал в своем приказе: *«... многие вели себя не лучше большевиков, и массы от них отвернулись, а без опоры на народ никакая борьба невозможна»*. Кстати, во всех погромах с участием Белой армии погромщиков называют «казаки». В Красной же армии под знаменами интернационализма погромов, вроде бы, и не должно было быть, но они были и, при этом — самые жестокие. В рапорте Чрезвычайной следственной комиссии встречается и такой «слоган» буденновцев: *«Бей жидов, комиссаров и коммунистов...»*.

Сами концепции при этом могли радикально отличаться друг от друга. Так, польская армия на территории Белоруссии с попустительства начальства откровенно занималась главным образом грабежами

еврейского населения, хотя, конечно, были случаи и убийств. Напротив, командир Запорожской казацкой бригады им. С. Петлюры Украинского республиканского войска атаман И. Семесенко требовал от своих казаков выполнить свою священную обязанность и вырезать еврейское население, но при этом требовал также, чтобы добра жидовского они не трогали.

Книга исключительно важна и еще в нескольких дополнительных контекстах. Так, она несколько колеблет миф об отсутствии или крайней слабости антисемитизм на территории Белоруссии: погромы проходили, увы, и там, причем с участием и крестьянства. Издание содержит как материал, протягивающий нити к погромам и погромщикам царского времени, так и сведения, позволяющие лучше понять будущий «вклад» самодеятельных погромов в общую картину Холокоста на оккупированных советских территориях.

ЕВРЕИ СОВЕТСКОЙ ПРОВИНЦИИ³⁵

Книга Аркадия Зельцера «Евреи советской провинции: Витебск и местечки, 1917 – 1941», вышедшая в издательстве РОССПЭН в 2006 году, – это исследование, относящееся к трудному жанру региональной истории, когда данные приходится выуживать по крупицам из всех мыслимых и немыслимых источников. Локальные события рассматриваются и сами по себе, но еще и сквозь призму общих политических, экономических, социальных процессов, а также религиозных и культурных изменений, происходивших в стране до войны.

Рассматриваемый регион – стотысячный город Витебск с окружением, вобравшим в себя небольшой город Полоцк, с преимущественно еврейским населением, а также ряд окрестных местечек. В самом Витебске до Первой мировой войны евреи составля-

³⁵Рецензия на : Зельцер А. *Евреи советской провинции: Витебск и местечки. 1917–1941.* М.: РОССПЭН, 2006. Впервые: *Лехаим.* 2007. № 8. С.107.

ли «всего» 42 % населения, а в 1915 году, в результате притока беженцев из районов боевых действий, еврейское население насчитывало уже 55 тысяч человек. Для данного исследования существенно понимать, что в начале исследуемого периода большинство городского еврейского населения по своему социо-культурному облику и ценностным ориентирам ничем не отличалась от местечкового: универсальными критерием уровня человека была и еще долгое время оставалась еврейская начитанность и образованность. Человек с пружиной судьбы, как у Шагала, был поистине редким исключением из дореволюционного правила. Но после победы революции и падения черты оседлости и прочих прелестей имперского антисемитизма процессы миграции, трудовой экспансии и социальной модернизации не только не миновали еврейские массы, прежде всего – городские, но и пошли в их среде со значительным ускорением. Книга показывает как бы «развилку» модернизационного и традиционного путей, причем привлекательность первого явно была выше.

В основу структурного построения книги легли два принципа. Первый – хронологический. Главы охватывают периоды гражданской войны, военного коммунизма, НЭПа, коллективизации и суровых 30-х годов, вплоть до Большого Террора и начала Второй мировой. Интересно, что репрессии, больно затронувшие евреев, коснулись их не по этнической линии, а опосредованно, через «классовые отношения». Ожидание неизбежной войны привело к подсознательному расколу еще мирного населения на два лагеря – желавших поражения СССР и желавших поражения Германии; евреи явно относились ко второму, что и попомнилось тем из них, кто не успел бежать, в годы, месяцы и дни оккупации.

Второй основополагающий принцип книги – тематический. В ней подробно анализируются национальная политика, проблемы еврейского и общего образования, межэтнические и конфессиональные

отношения. Основное внимание уделено событиям времени революции и времени Гражданской войны, вопросам развития и кризиса еврейских политических партий, советских еврейских государственных и общественных организаций. Подробно исследованы социальные процессы, протекавшие среди евреев Витебска и окружавших его местечек, их экономическая деятельность, вопросы национальной политики и межэтнических отношений, изменения, происходившие в религиозной жизни, в образовании и культуре.

По мере укрепления центральной власти акцент смещается в сторону решений общегосударственного и республиканского уровня, а также, — и это самое главное, — в сторону реакции населения на эти решения. Неоценимую услугу здесь оказывают наши славные органы, регулярно составляя для руководства справки об умонастроении населения: помимо самого высказывания, обязательно приводятся и установочные сведения об авторе: национальность, возраст, место работы и должность.

Для написания работы автор использует обширный архивный материал. Помимо уже упомянутых доносов в ОГПУ-НКВД. Это партийные и советские документы, собранные Центральным архивом истории еврейского народа (Иерусалим) и архивом бывшего Центра по исследованию и документации восточноевропейского еврейства Еврейского университета в Иерусалиме. И, конечно же, пресса тех лет, практически недоступные сейчас малотиражные издания на идише, русском и белорусском языках (а были и такие газеты, где статьи на этих трех языках соседствовали на одной странице).

И еще один очень важный для понимания этого времени источник информации — письма в редакции газет и жалобы, направленные в различные партийные и советские организации.

Книга хорошо иллюстрирована фотографическим, архивным и изобразительным материалом. Особенно выразительны гравюры Шломо Юдовина, для которого книга стала своеобразным вернисажем.

«КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ ПРОТИВ РЕЛИГИИ МОИСЕЯ»³⁶

«Коммунистическая власть против религии Моисея» — по существу, первое на постсоветском пространстве издание, специально посвященное гонениям на евреев в СССР по конфессиональному признаку. Это уже вторая книга, выпущенная Центром изучения и публикации документов еврейской истории «Храни и помни» в Виннице. В первой книге, выпущенной в 2005 году, давалась общая картина событий, программ и планов еврейских политических и общественных организаций; во второй — так сказать, серия государственных «контрмер»: подборка архивных материалов, относящихся к преследованию советской властью еврейских религиозных организаций и отдельных верующих. Хронологически книга состоит из двух разделов. В первый вошли архивные документы и статьи из атеистических изданий 1920 — 1930-х годов, а также малоизвестные законодательные акты и постановления среднего звена советской власти того периода, касавшиеся взаимоотношений церкви и государства (основополагающие декреты и постановления, достаточно часто цитируемые в научной литературе, для удобства читателя даны в приложении). Во втором разделе представлены документы 1940-х, начала 1950-х годов, в частности, донесения уполномоченных образованного в 1944 году Совета по делам религиозных культов. Чисто внешне борьба советской власти с религией Моисея закончилась, вроде бы, полной победой советской власти. Если до революции на территории Украины действовало около 1400 синагог, то к концу 1920-х гг. их число сократилось до 1034, а к 1951 году оставалось всего 39 зарегистрированных еврейских общин и столько же

³⁶Рецензия на: *Коммунистическая власть против религии Моисея / Сост.: Васильев В.Ю., Кравченко П.Н., Подкур Р.Ю. Документы 1920–1937, 1945–1953 гг. Вып 2. Ред. серии и отв. за выпуск Л.И. Килимник Винница: Глобус-пресс. 2005. 383 с. Впервые: Лехаим. 2007. № 8. С. 106-107.*

раввинов. Закрыть синагогу было просто: для этого достаточно было, например, объявить здание синагоги ветхим и закрыть за неспособностью общины содержать здание в надлежащем порядке – наиболее распространенный способ. Выступление кантора, не являющегося членом данной общины, – тоже серьезное прегрешение. И, наконец, наиболее испытанный прием – письма «трудящихся евреев, желающих иметь вместо синагоги клуб». Но тут уж забеспокоились сами уполномоченные – взамен стали во множестве возникать подпольные своего рода мини-общины – «миньяны», т.е. низовые объединения верующих, обходящиеся без синагогальных зданий и разрешений. Контролировать их было куда сложнее, чем синагоги, а доказать их незаконность гораздо труднее.

Исключительно интересен завершающий книгу комплекс документов, связанных с арестом в Виннице 16 религиозных евреев в марте 1953 года. Конечно, евреи были религиозные, но, похоже, вовсе не это интересовало следователей. Пример – протоколы допроса Гробмана Пейсаха Лейбовича, 1889 года рождения, уроженца и жителя города Винницы. Общий хронометраж 13 протоколов ежедневных допросов (как правило, в ночное время) составил свыше 100 часов! Вот выдержка из одного из них, начатого 17 марта в 16 часов 45 минут и законченного, с двумя перерывами, 18 марта в 20 часов 10 минут.

«ВОПРОС. Вы намерены давать показания о своей причастности к еврейской антисоветской националистической организации и проводимой Вами антисоветской работе?»

ОТВЕТ. Никакой еврейской националистической организации я не знал и не знаю. Антисоветской деятельностью я никогда не занимался.

ВОПРОС. Вы по-прежнему будете продолжать свое бессмысленное запирательство в части своей принадлежности к еврейской националистической организации и отрицать свое участие в собраниях еврейских националистов?»

ОТВЕТ. По этому вопросу я неоднократно уже показывал, ничего нового к прежним показаниям добавить не могу и сейчас».

И так, без особого разнообразия, – каждый день, что не помешало следователю, старшему оперуполномоченному управления МГБ Винницкой области, написать 25 марта 1953 года в постановлении, что Гробман «... достаточно изобличается в том, что является активным участником антисоветской сионистской группировки, в нелегальных сборищах которой принимал активное участие и под видом отправления религиозных обрядов проводил среди них антисоветскую националистическую агитацию». И только 9 апреля 1953 года этим же самым(!) оперуполномоченным, старшим лейтенантом Иваничкиным, было написано уже другое постановление: «...антисоветская деятельность Гробмана не нашла своего подтверждения».

Все это является еще одним косвенным доказательством существования нереализованного плана Сталина о всесоюзных гонениях на евреев. То, что евреев арестовали уже после его смерти, говорит, скорее всего, о чудовищной инерционности системы: второе постановление об освобождении арестованных написано именно 9 апреля, т.е. после публикации 4 апреля в центральных газетах сообщения о прекращении дела врачей.

Рецензируемая книга – первый серьезный вклад в изучение конфессиональной составляющей государственного антисемитизма в СССР.

КНИГА-БУМЕРАНГ: БИОГРАФИЯ НИКОЛАЯ ГУМИЛЕВА³⁷

В 1986 году в перестроечном «Огоньке» вышла восторженно-влюбленная статья Героя Советского Союза Карпова о Николае Гумилеве. Черпая сведения из запрещенного западного четырехтомника, Карпов был особенно тщателен там, где Глеба Струве

³⁷ Совместно с П. Нерлером. Рецензия на: Давидсон А. Николай Гумилев. Поэт, путешественник, воин. Смоленск: Русич, 2002. Впервые: Вопросы литературы. 2003. № 5. С. 350-351. Текст приводится в авторской редакции.

говорил о Гумилеве-воине (при этом он проговаривался и даже «веселых братьев» почему-то называл «военными братьями»).

Впрочем, активно приязненное отношение Гумилева к войне не было ни случайностью, ни нелепостью. Война напоминала ему «абиссинские путешествия», в коих экзотичность заменена еще более сильными ощущениями. Читатели его военных корреспонденций знают, что жечь вражеские деревни всерьез представлялось ему, увы, «веселым» занятием. К 1916 году интерес к войне прошел.

Устойчивый образ (или как сейчас сказали бы: легенда, или миф) Гумилева состоял из следующих приблизительно элементов: романтический поэт, отважный путешественник, мэтр акмеизма, бесстрашный воин, сердцеед и заговорщик, убитый ненавидимой им Советскою властью. Все, что не вписывалось в этот образ, как бы отметалось или не замечалось, и любые жесткие или просто критические характеристики современников списывались на счет их личной обиженности (например, Берберова).

Аполлон Давидсон — человек другой эпохи. Он младший современник сына Гумилева. Крупнейший российский африканист, глава центра Африканистики Института всеобщей истории РАН и профессор МГУ, автор книг о Сесиле Родсе (1998) и множества других, всерьез заинтересовался Гумилевым прежде всего как коллегой-«африканистом». Начало было положено расспросами у Ахматовой, а свои служебные командировки в Эфиопию и Сомали он использовал и для того, чтобы собрать местный материал о Гумилеве. В 1992 году вышла его книга «Муза странствий Николая Гумилева», и вот, спустя десятилетие, — вторая: «Николай Гумилев. Поэт, путешественник, воин».

Казалось бы — он пришел к Гумилеву от Африки, но нам почему-то сдается, что все как раз наоборот — к Африке он пришел от Гумилева! В таком случае рецензируемая книга — своеобразный бумеранг, возвратившийся к ногам поэта.

В сущности (если отвлечься от биографических очерков Г. Струве, столь ненавидимых Ахматовой), это первая достаточно подроб-

ная биография Николая Степановича (уверен, что не последняя). Она охватывает далеко не всю гумилевскую жизнь, а лишь вторую и меньшую ее половину, начинающуюся (приблизительно) Парижем в 1906 году. Базовые источники тут немногочисленны и непреложны – воспоминания Анны Ахматовой, Анны Гумилевой и Николая Оцупа, да письма самого Гумилева, прежде всего к учителю и мэтру – Брюсову.

Тем не менее по замыслу и исполнению она приближается к серийным стандартам «Жизни замечательных людей» – это преимущественно авторский текст, перемежаемый время от времени стихами или цитатами иллюстративного свойства. Конечно, это еще не классическая научная биография со справочным аппаратом и прочая (смоленское издательство «Русич», энергичное и предприимчивое, хорошо чувствующее «что», но по-провинциальному равнодушное к «как», этого не допустило бы).

У А. Давидсона как гумилевского биографа имеются и предшественники, о которых не грех и вспомнить. Павел Лукницкий так и не написал биографии Гумилева, но именно он заслужил реноме его первого биографа. Всю жизнь он собирал свидетельства современников и другие гумилевские сокровища, составлял его «Труды и дни». Надежд на публикацию не было никаких, и уже после его смерти этим занялась Вера Лукницкая, его жена, а их сын Сергей внес решающий вклад предание гласности «Дела Гумилева» - материалов об аресте и расстреле поэта!

Второе имя – известный геоморфолог В.В. Бронгулеев, еще один не-филолог в этом ряду и автор книги «Посередине странствия земного», охватывающей период только до 1913 года. Богатая новыми документальными материалами (в частности фрагментами «Африканского дневника»), она содержала совсем немного авторских комментариев. Кстати, книга была превосходно и весьма художественно издана - с игрой цветами бумаги и шрифтами и даже с картой (чего никак не скажешь о зацикленной на себестоимости полиграфической продукции «Русича»).

Бронгулеев несколько апологетичен: так и чувствуется его «ревность» и неприязнь к Ахматовой - ему «обидно» за боготворимого Гумилева, с которым Ахматова обошлась без должного, как ему кажется, пиетета и почтения. Личность Гумилева для него многожды дороже поэзии: обращаясь к стихам, он цитирует только начальные и конечные строфы, а все остальное норовит пересказать своими словами (явно недопонимая, сколь рискован этот прием применительно к стихам).

А. Давидсон и любит, и знает Гумилева, но от апологетики и от мифотворчества он весьма далек. Даже африканистские поступки, высказывания и произведения Николая Степановича он тщательно проверяет, прежде чем преподнести читателю: ни в Египте в 1906 году, ни на озере Чад когда бы то ни было Гумилев никогда не был, и как поэт-романтик он состоялся бы и без африканской экзотики (собственно, африканский вождь из «Жирафа» столь же «реален», как и конквистадор или корсар из других стихов).

В том-то и дело, что, несмотря на подзаголовок, рецензируемая книга хороша именно свободой от попыток вылепить из Гумилева гибрид Дон Кихота, Робин Гуда, Ильи Муромца и Хайле Селассие. Факты дороги ему независимо от того, подтверждают они гумилевскую «легенду» или противоречат ей (заметна его влюбленность в самый процесс поиска, выводящий его то на генерала Краснова, то на русского офицера Бабичева, сын которого стал первым эфиопским авиатором). Так, он разгадал личность «старого бродяги в Аддис-Абебе, покорившего многие племена» — то был русский офицер и поэт Евгений Сенигов, женатый на эфиопке и управлявший одной из областей Абиссинии (он был поклонником Гумилева, посвящал ему и собственные стихи). Вместе с тем, если в военную пору Гумилев кинулся из Лондона в Петроград, то вовсе не затем, чтобы бороться с советской властью, а по причине запрета русским въезда из Англии обратно во Францию.

То, что в книге обстоятельнее всего описываются африканские путешествия Гумилева и период мировой войны, все же серьезно смещает реальные акценты его жизни.

(Как же недостает здесь, к слову сказать, хотя бы простенькой географической карты!).

Зато не слишком подробно и, слава богу, без ревнивого смакования даны и романы Гумилева (симпатии к нему они, как правило, не добавляют). Несколько неожиданна, но убедительна связь романов и путешествий: последние были его лучшим лекарством от любовных неудач. Но главное — кипучая литературная деятельность синдика Цеха поэтов — остается в глубокой тени африканских пальм. Из того же корня и упор на личностные отношения, а не на творческие (отчего в книге практически не присутствует Осип Мандельштам, например).

А вот вставная главка о любви русской эмиграции к Гумилеву и о его послевоенных дипийских изданиях и интересна, и уместна, ибо без этих изданий не было бы издания Струве и Филиппова, а без издания Струве и Филиппова не было бы не только огоньковских пошлостей Владимира Карпова, но и филологических штудий Романа Тименчика (кстати, маленькое дополнение: в 1940-е годы Гумилев издавался не только на территории не только Германии, но и в СССР — в оккупированной немцами Одессе, как это явствует из справочника А.Тарасенкова: Избранные стихи. Одесса, 1942, 60 стр., 500 экз.).

Есть в книге и мелкие неточности (или опечатки), вроде обмолвки о встрече Нового 1917 года в окопах на Сев. Двине (стр.278). Лишними являются вставные рассказы и рассуждения из области истории собственных поисков, поиски параллелей с записками других знакомцев Ахматовой (например, Д.Самойлова). Нет, они интересны (чего стоит одна ахматовская фраза о сыне: «Мы с ним не поддерживаем отношений, но у нас есть общие знакомые»!), но в книге не слишком уместны (об этом можно было бы рассказать отдельно). И уже совсем ни к селу ни к городу рассуждения о евреях, вынужденных носить русские фамилии, — пассаж, куда попали (а точнее, приплелись) и Каспаров с Кириенко (последний, впрочем, хотя бы рифмуется с Горенко).

Как бы то ни было, читатель получил первую биографию Николая Гумилева.

ЛИРИКА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ³⁸

Под эгидой ВОЛЖД опубликован второй выпуск «Лирики любителей железных дорог».

Если первый, как сказал один из его авторов, вышел «с пугающей быстротой», то этот, наоборот, готовым прокисал почти год, однако был издан с неприличным количеством опечаток.

Как ни странно, у некоторых авторов, по определению любящих железную дорогу, вообще не нашлось для нее ни слова. Но не это главное.

Во введении читателю обещаны произведения, «совершенные по форме!» Открываем, читаем и почти сразу — перл: «*Имея вес, авторитет, / Входит РАПС в университет. / Сей исторический момент / Внесен в важный документ...*»

Да, это лирика!.. Удивительное дело, люди вроде образованные, обремененные учеными степенями, но почему-то думают, что если дурно зарифмовать несколько предложений, то это и будут стихи. А если еще такому автору, видимо, неудобно отказать по должности... Бедный читатель!

Впрочем, не все вещи такие. Попадаются стихотворения на ином уровне, которые как-то вытягивают сборник. Среди этих авторов следует назвать В. Ишечкина, М. Кужима, А. Никольского, В. Пупынина, В. Старикова. Вот строфа последнего, по мне — лучшая в выпуске:

*Многозначительная точка
На замороженном окне...
Я знаю: это ты и дочка
В вагоне, мчащемся ко мне.*

Так что не отчаивайся, любитель, покупай сборник — и, может быть, найдешь в нем строки, созвучные своей душе.

³⁸ Впервые: Локотранс. 2002. № 5. С. 19.

— «Ваши документы!» —
(Архивариус «Новой газеты») ³⁹

**УШАТЫ «ПРАВДЫ»,
ИЛИ БОЛЬШЕВИСТСКАЯ НАУКА ВРАНЬЯ⁴⁰**

Партия превратилась в отряд брихунов...

Н. Живанов

И ложь порождает ложь

Н. Асеев

Рамадан — священный месяц для исповедующих ислам. Месяц, когда надо совершать «хадж» — паломничество к аравийским святыням, а если это невозможно — то хотя бы истово поститься в светлое время суток. Судя по публикуемому документу, безбожники-большевики именно общественное здоровье ставили превыше всего, запрещая верующим согражданам и думать о таком опасном и вредном для здоровья деле как паломничество (и то: сотни погибших каждый год даже в наши дни!). «Так далеко ходить — здоровью вредить!», — решили в Москве и в Ташкенте и запретили хадж, чреватый инфильтрацией чего угодно и куда угодно. «Для запрета — используйте слухи об эпидемии», — телеграфил председатель Среднеазиатского бюро РКП(б) и председатель Туркестанского совнаркома Ян Рудзук (1887 — 1938) своему заместителю по ЦК Компартии Туркестана и восприемнику по Совнаркому Исидору Любимову (1882 — 1937).

³⁹ Рубрика велась совместно с П. Поляном.

⁴⁰ Публикуется впервые.

«Поздравляем сограждане!», —
ответил бы им Кот-Бегемот.

30 апреля 1922 г.

Телеграмма. Шифром
Ташкент. Средазбюро.

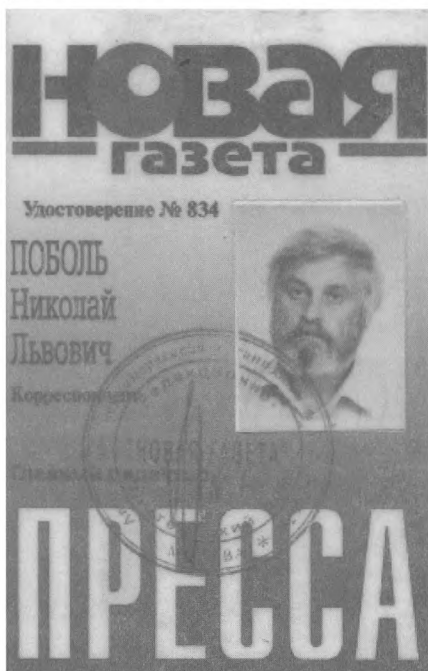
Любимову

Время паломничества Мекку
введите положение невъезде па-
ломников Туркестана без разре-
шения Наркомвнудел медицин-
ским соображением использовав
слухи эпидемии.

Секретарь Цека Я. Рудзутак

(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167.

Д. 7. Л. 141)

Православные, вот хорошо, в Мекку не рвались, но полный рот хлопот был и с ними. В 1922 году, с целью раскола Российской Православной церкви советская власть инициировала «обновленческое» церковное движение — так называемую «Живую церковь». И хотя из этой затеи явно торчали уши ГПУ и всем это было ясно, власть, только что объявившая об отделении церкви от государства, признаваться в этом не хотела. Это официально.

А неофициально — совсем другое дело.

Лично. Секретно. Шифром.

Секретарям обкомов, губкомов и укомов.

Имел место ряд случаев, когда в печати указывалось на поддержку нового течения в церкви партией, Соввластью, ГПУ. Поэтому ЦК еще раз обращает внимание, что всякое официальное вмешательство каких либо органов советской власти а тем более коммунистической партии во внутрицерковные дела церкви является совер-

шенно недопустимым. За всякие сообщения на страницах печати, прямо указывающие на содействие обновленческим группам со стороны органов Советской власти, ГПУ и парторганизаций, секретари Губкомов и Укомов будут привлекаться к строжайшей ответственности.

12-VII-1922.

Секретарь ЦК РКП В. Куйбышев
(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 5. Л. 33)

Что касается борьбы с врагами, то самое главное — это как-то их обозвать, припечатать. И самое страшное тут обвинение — сотрудничество с международным империализмом и контрреволюционность. Об этом и пишет в своей установочной передовой статье «Кто и чему изменяет (к процессу партии социалистов-революционеров)» Лев Троцкий. Он и сам еще не догадывается, что следующей такой же страшилкой станет «троцкизм».

В наше время вперед (оно же назад) снова выдвигаются хорошо узнаваемые ярлыки — как то «вражеское окружение» или «международная «закулиса» со своим шпанистым и лишь слегка освеженным лексиконом (как, например, «мочить в сортире», «шайтаны» или «шакалить у посольств»).

Всем обкомам и губкомам

Ц. К. предлагает немедленно начать широкую агитацию в связи с предстоящим процессом правых эсеров. Руководство кампанией и ответственность за ее проведение возлагается на тройку в составе Секретаря Губкома, Завагитпропом и редактора местной газеты. Предлагается использовать все средства печатной агитации, провести инструктивные доклады для агитаторов, поставить вопрос на ячейках и затем на рабочих и крестьянских собраниях. Резолюции, принимаемые собраниями направлять в

ВЦИК и Верхтриб<унал>. Агитация должна осветить роль правых эсеров как партии международного империализма и отечественной контрреволюции. Необходимо использовать процесс, чтобы окончательно убить политически эсеров в глазах тех элементов, для которых до сих пор эта партия окружена известным героизмом а виду своей прежней борьбы с самодержавием. Нужно показать, что ее прошлое — дело низов рабочих, крестьян — боевиков, порвавших и порывающих с партийными верхами, предавшими международный социализм и русскую революцию. Руководящим материалом для агитации может служить разосланные агитпропом тезисы и статья Троцкого в «Правде» за 16 мая. Дальнейшие материалы будут присланы дополнительно.

Секретарь ЦК В. Куйбышев

17/V-22г.

(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 5. Л. 33)

Так как нормальные крестьяне не могли бежать от прелестей колхозной жизни, а тем более за границу, то все они были «уголовниками и растлителями». Позднее «уголовниками и растлителями» стали диссиденты и вообще все, кто по странности или прихоти не испытывал любви к советской власти.

Архангельск. Севкрайком. Иоффе

Передается из Осло от Бергавинова: «На запрос норвежской полиции о беглых кулаках административный отдел обязательно должен отвечать, характеризуя их как осужденных за уголовщину, растление и так далее. Молчание на запрос усложняет дело и дает козыри буржуазной печати.

Наркоминдел

4/VIII-30 г.

(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 28. Л. 128)

Сергей Адамович Бергавинов (1899 – 1937), руливший Архангельским губкомом и Северным крайкомом в 1924 – 1931 гг., несомненно, взял под козырек и прекрасно вписался в директиву. Он и сам бывал инициатором подобных директив: в октябре 1930 года, после появления в западной прессе материалов о принудительном труде заключенных на заготовке шедшего на экспорт советского леса и призывов к бойкоту такого товара, Бергавинов жаловался Сталину на «неряшливости» газеты «Правда», опубликовавшей статью с упоминанием о труде заключенных: *«По-моему, такая неряшливость может принести нам немало хлопот, так как она со стороны центральной печати подкрепляет всяких Фишей в Америке и других врагов нашего лесного экспорта. <...> В самом деле, мы отрицаем наличие фактов применения труда заключённых на заготовках (с этой целью мы их концентрируем в глубинных пунктах лесозаготовок), а указанные органы вместе с “Правдой” подтверждают эти факты. Это крупная практическая ошибка, которую следует быстро исправить (изменить это слово для формы вроде “труддезертиры”) и впредь “Правда” должна за этим следить, дабы не проскальзывало то, что только повредит нашему экспорту».*

Предыдущие примеры – примеры лжи, но как бы «лжи во благо», прикрывающей, как фиговый листок, то или другое причинное место забирающейся власти или маскирующей кривду под правду.

Но это не единственная разновидность коммунистического вранья: была еще и своего рода партийная ненаучная фантастика – быть может, самая опасная из кривд, дающая, кстати, метастазы и в наши дни.

Отличным ее примером может послужить статья Я. Ушеренко «Победа колхозного труда (По колхозам Плавского района

⁴¹Шубин С.И. Северный край в истории России. Проблемы региональной и национальной политики в 1920 – 1930-е гг. Архангельск, 2000. С.201.

Московской области)», опубликованная — где?.. правильно! — в газете «Правда» за 18 декабря 1934 года. В ней, в частности, говорится о, якобы, «типичном» колхознике Владимире Зубкове, который, при семье из семи человек и двух работающих, «заработал» 620 трудодней и получил по итогам года на трудодень ржи — 5,6 кг., пшеницы — 2 кг., картофеля — 3 кг., капусты — 1,5 кг., огурцов — 1 кг., помидоров — 1 кг., фуража — 22 кг., овсяно-виковой смеси — 3 кг., мякины 1 кг., — да еще и рубль на каждый трудодень.

Впечатляет, не правда ли?

А вот вам и реакция — эмоциональные выдержки из письма одного такого «впечатленного» — старого члена партии и партизана Гражданской войны Н. Живанова:

Тов. Коссиор. Откройте глаза на действительность, что Вы делаете своей политикой, безмолвные Вы рабы Москвы. Вы за два года угробили Украину, сельское хозяйство. [Вы] оставили украинское крестьянство без куска хлеба, без картошки, ни зерна кукурузы, даже сою никому не нужную повывозили, а колхозники как дикие волки стояли, уходили в поле собирать падалишную сою да кукурузу. Вы хотя бы посчитали, сколько у нас умерло детей и стариков от голода.

<...> ВКП Московскому колхознику Зубкову гарантировало 208 пудов ржи. Подсчитайте, сколько у нас на Украине есть таких Зубковыз, которые прошлый год пухли с голоду и в этом году их ожидает горькое разочарование обещаниями III конференции. Колхозник Новопржского района, который выполнил план хлебазаготовок, получил за свои трудодни 6 пудов кукурузы на год на 7 душ семьи. Партия превратилась в отряд брихунов, которые считают оппортунизм[ом] всякую правду о селе. III конференция признала ошибки прошлогодней политики, а в этом году повторяем их в квадрате, а во многих случаях в кубе.

<...> Крестьянин превратился в голодающего паупера, ему дают только похлебку в колхозе кто работает, а старики и дети обречены на голодную смерть, если они в прошлую зиму не успели умереть.

<...> Крестьянин получил 20 кило аванса, и вы постановили у него отобрать, как незаконно полученный. Это бесстыдное издевательство над крестьянином, он год работал в колхозе, думал получить хотя десятую часть того, что московский колхозник Зубков получит, а Вы объявили незаконным и то, что он сеял.

<...> Вы объявили, что он ест незаконно, а законно ли ему гниль сеledок продают по 5 р.ф.⁴² и по рублю за год хлеб забирают. Ведь крестьянин не ребенок, напрасно наши прохвосты считают его дураком, он умнее тысячи тех дураков, которые им сейчас командуют. Крестьянин прочтет эту газету «Победа колхозного труда» под Москвой и сравнит положение крестьянина там, где на него смотрят как на опору советской власти, а не на дойную корову.

<...> Крестьянин за все свои годовичные трудодни в состоянии купить аршин ленты, рубашку подпоясать, а сапог он не заработает и за три года. Он на молотье в карман наберет зерна, чтобы голодным детям сварить кашу, а его арестовывают в ДОПР⁴³. Даже с мышиньих гнезд не позволяют колхознику собирать зерна. Говорят «политика», что когда он насобирает так не пойдет на работу...

24/ХП-32 г. Н. Живанов
(ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 960. Л. 164-170)

И если уж старый партиец и партизан Живанов, то есть вроде бы «стреляный воробей», ничтоже сумняшесь поверил газете с названием «Правда» и написал в сердцах гневное письмо тогдашнему 1-му секретарю ЦК Украины И.В. Косиору (1893 – 1939), – то каково же было читать это голодным украинским крестьянам? Они

⁴² 5 рублей за фунт.

⁴³ Дом предварительного заключения.

свято верили в печатное слово и мысли не допускали, что означенного Зубкова, может, и вовсе не было среди живущих!

Не из-за таких ли статей – предшественниц знаменитого фильма «Кубанские казаки», – на Украине родилась и укоренилась мысль, что голодомор был направлен исключительно против украинцев, а «москали» как сыр в масле катались?

«Ложь порождает ложь», – как сказал поэт.

«ЧЕМ БОЛЬШЕ УДАТСЯ РАССТРЕЛЯТЬ, ТЕМ ЛУЧШЕ»⁴⁴

Такой метод предлагал Ленин для успешного изъятия церковных ценностей

За неполное тысячелетие своего существования Русская православная церковь скопила ценности немалые, которые в период безвластия и во время Гражданской войны не могли не привлечь корыстного внимания всего спектра стяжателей – и белых, и красных, и зеленых, и всех прочих братков и батьков. Грабили они, грабили, ущерб нанесли значительный, а все же основная масса церковных ценностей, с божьей помощью, сохранилась.

Победив в Гражданской войне, большевики узаконили свои бомбистские понятия и придали грабежу храмов законный, и даже респектабельный характер. 27 декабря 1921 года и 23 февраля 1922 года выходили декреты об изъятии церковных ценностей. Тем не менее, само изъятие шло ни шатко ни валко, так как встречало мощное сопротивление не столько церковников, сколько широких масс верующих (да и неверующих тоже). Только по официальным данным в России во время изъятий произошло 1414 кровавых эксцессов с убийствами или верующих, или реквизиторов.

⁴⁴ Впервые: *Новая газета*. 2009. 13 апреля. С. 20.

Одно из таких кровавых событий случилось в марте 1922 года в Шуе и привлекло внимание Ильича. 19 марта этот гениальный тактик пишет членам Политбюро секретное письмо и предлагает воспользоваться «моментом» — разразившимся голодом — и увязать изъятие ценностей с помощью голодающим. Вот выдержка из этого достаточно уже известного письма, едва ли имеющего себе равных по нелицемерной прямизне высказывания, а стало быть, говорящего об истинных целях и методах большевиков.

Надо ли и упоминать, что в письме нет ни слова о действительной помощи голодающим.

*Товарищу Молотову
Для членов Политбюро
Строго секретно
Ленин*

Для нас именно данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем с 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля на голову и обеспечить за собой необходимые позиции на много десятилетий. Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. <...> Взять в свои руки этот фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (а может быть, и несколько миллиардов) мы должны во что бы то ни стало. А сделать это с успехом можно только теперь. Все соображения указывают на то, что позже сделать это нам не удастся, ибо никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не даст нам такого настроения широких крестьянских масс, который бы либо обеспечил бы нам сочувствие этих масс, либо, по крайней мере, обеспечил бы нам

нейтрализация этих масс в том смысле, что победа в борьбе с изъятием ценностей останется, безусловно и полностью, на нашей стороне.

<...> В Шую послать одного из самых энергичных, толковых и распорядительных членов ВЦИК, <...> дать ему словесную инструкцию через одного из членов Политбюро. Эта инструкция должна сводиться к тому, чтобы он в Шую арестовал как можно больше, не меньше, чем несколько десятков, представителей местного духовенства, местного мещанства и местной буржуазии по подозрению в прямом или косвенном участии в деле насильственного сопротивления декрету ВЦИК об изъятии церковных ценностей.

<...> Политбюро даст детальную директиву судебным властям, тоже устную, чтобы процесс против шуйских мятежников, сопротивляющихся помощи голодающим, был проведен с максимальной быстротой и закончился не иначе, как расстрелом очень большого числа самых влиятельных и опасных черносотенцев г. Шуи, а, по возможности, и не только этого города, а и Москвы, и нескольких других духовных центров.

<...> Изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть произведено с беспощадной решительностью, безусловно, ни перед чем не останавливаясь, и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать.

<...>

19 марта 1922 г.

Ленин

(РГАСПИ. Ф 2. Оп. 1. Д. 22947)

Постановление Политбюро по письму было принято уже на следующий день – еще бы, такая идея и такие бабки! И полетели

по всей стране шифрограммы (орфография, пунктуация и синтаксис оригиналов сохранены).

**Губкомам
Секретно**

Петроградскому, Московскому, Екатеринбургскому, Саратовскому, Самарскому, Харьковскому, Екатеринбургскому, Донецкому
Кампания по изъятию ценностей из церквей ведется слишком слабо. Часть духовенства пошла на некоторые уступки, но если в движение не будут вовлечены значительные рабочие и крестьянские массы, это духовенство может выйти политически победителем. Необходимо расширить начавшиеся движения беспартийных рабочих и крестьян в пользу использования золота и серебра, лежащего в храмах для голодающих, до размеров всенародного движения, добившись того, чтобы не было в первую очередь ни одной фабрики, ни одного завода, не принявших решения по этому вопросу. Все решения рабочих, красноармейских и крестьянских собраний немедленно печатать в местной прессе и присылать одновременно в «Правду», «Известия» и «Роста».

Секретарь Ц.К. Р.К.П. Молотов

Зам. зав. Агитационно-пропагандистского Отдела Яковлев
Март 1922 г.

(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 4)

Секретно шифром

Всем Губисполкомам Губкомам

Москва. 2 апреля. Первое. В связи с изъятием церковных ценностей участились случаи грабежей и хищений из церквей. Предлагается обязывать попов и лиц, подписавших договора, что они отвечают за хищения и грабежи в их церквах в первую голову. Одновременно следует обязательно установить секретное наблюдение и такое же окарауливание богатых церквей для предот-

вращения грабежей и хищений. Второе. По отношению к уже имевших место грабежей и хищений арестовывать виновных попов и лиц подписавших договоры для привлечения к суду за расхищение народного достояния. Третье. При изъятии церковных ценностей иногда приходится оставлять в церквях полноценные предметы вследствие того, что нет для замены их предметов малоценных. Замену следует производить в самых широких размерах, использовав для этого малоценные предметы из других церквей и монастырей, также из бывших магазинов церковной утвари.

Председатель ВЦИК М. Калинин
Секретарь ЦКРКП В. Молотов
(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 4)

**Циркулярно
Сов. Секретно**

Всем Губкомам и Губисполкомам

Во многих местах Комиссии в целях «мирного» изъятия церковных ценностей изъегают ничтожную часть, оставляя главные ценности. Равным образом во многих местах изъятие приостанавливается вследствие предложений со стороны верующих выкупить церковные ценности. Сим предлагается производить изъятия ценностей согласно точного смысла декрета ВЦИК и инструкций. Неполное изъятие ц.ц. будет рассматриваться как нерадение местных органов. Где произведено неполное изъятие немедленно нужно произвести дополнительное согласно декрета и инструкций. Ходатайства об оставлении части ценностей не приостанавливают изъятия и с заключением Комиссии направляются в ЦК ПОМГОЛ. ВЦИК.

Председатель ВЦИК М. Калинин
Секретарь ЦК РКП В. Молотов
12 апреля 1922 г.
(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 4)

ПОМГОЛ – комиссия помощи голодающим, чисто декоративная организация, существовала с 18 июля 1921 года по 22 октября 1922 года. Именно она, собственно, и занималась изъятием церковных ценностей, дабы кто не подумал, что это делают большевики для своих нужд. По некоторым сведениям, на 1 июля 1922 года в фонд ЦК ПОМГОЛ поступило 34 пуда золота, 24000 пудов серебра, более 33000 бриллиантов и алмазов, а также множество золотых монет, жемчуга и других драгоценных камней. Это то, что дошло, а сколько же было по пути разворовано?!

А как же голодающие? Получили ли они хоть что-нибудь? Официально считается, что за границей было закуплено 3 миллиона пудов (не тонн!) зерна.

По сравнению с награбленным это ничтожно малая величина.

ВЕРТИКАЛЬ ВЛАСТИ НА СЛЕЗЕ РЕБЕНКА, ИЛИ КАК БОЛЬШЕВИКИ ОБВОРОВАЛИ И МУЧАЛИ СИРОТ⁴⁵

Вот телеграмма⁴⁶:

*Ташкент Средазбюро
ЦК Петерсу*

Копия: Фрунзе Обком Белоцкому

В детдоме Рыковского района умерли от истощения в апреле 46 детей, в мае – 14, в то же время продукты и деньги детдома расхищаются. Так, во второй квартал из 120 кг растительного масла взято 77 кг партактиву, 17 кг – политотделу, из 540 кг мяса большая часть раздана районным работникам. Из отпущенных 37000 рублей Рик выдал детдому только 7 тысяч, остальные истратил на

⁴⁵ Впервые: Новая газета. 2008. 30 октября. Спецвыпуск «Правда ГУЛАГа». № 10. С. 1.

⁴⁶ Сохранены пунктуация и орфография оригинала.

другие нужды. Администрация издевалась над детьми, избивала и сажала в карцер. По этому делу привлечены к уголовной ответственности зав. РОНО, зав. Райснаб, зав. детдомом и другие. Остались безнаказанными ответственные работники Райкома и Рика, знавшие об этих преступлениях. Необходимо обеспечить быстрый разбор дела в суде, строжайше наказав всех виновных, в том числе районных руководителей. (Зачеркнуто: «Предлагается лично Вам ускорить следствие», «и принять меры по оздоровлению положения в детдомах всей области. Результаты доложите»).

За председателя КПК – Шкирятов
19/VII-34 г.

(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 000. Д. 0)

Итак, Матвей Федорович Шкирятов, не последний из сталинских опричников, получил сигнал из хлебного города Ташкента о необычайной смертности детдомовцев в тех благодатных краях: в апреле 1934 года недосчитались 46, а в мае 14 едоков.

В письме обозначены две линии доброго отношения власти к детишкам. Первая – банальная: их обворовывают. Из отпущенных на них 120 кг масла до их ртов дошло или могло бы дойти 26 кг, цифра по мясу не приводится, а по деньгам – 7 из 37 тысяч рублей. Если бы на умерших детей выписывались доски на гробы, то воровали бы и доски.

И все это – на входе в детдом, то есть без учета того воровства, которое воспоследует внутри его стен! А воспоследует обязательно – за его стенами, как пишет Шкирятов, администрация издевается над детьми, избивает их, сажает в карцер. И это вторая линия большевистской партии в отношении к детям.

Заметим, что все происходит в ту относительно гуманную эпоху, когда людей еще и не сажали толком, не загоняли на севера, а все больше высылали или, на худой конец, голодом морили по югам. Кто-нибудь посчитал, сколько среди жертв голодомора было детишек?

Совсем другое дело — 1937 год. Если в стране, в царстве взрослых, Большой террор, то почему, собственно, его не должно быть у детей?

Шифрограмма:

Варейкису

Хабаровск

Далькрайком

В прокуратуре республики имеются сведения, что на рыбном заводе бухты Преображения Ольгинского района на протяжении 1936 — 1937 года было около 130 арестов детей школьного возраста за отдельные проступки и шалости. Инициаторами были предсельсовета Ханьшин, пом. директора рыб. завода Свободников, учителя Кучумов, Халыманов, Смирнов, Жерденко, Янущук.

Прошу Вашего вмешательства.

Крайоно мною послана телеграмма.

Нарком просвещения Бубнов

20/IX-37 г.

(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 000. Д. 0)

Задумайтесь: «130 арестов детей школьного возраста за отдельные проступки и шалости»! И правильно: нечего на переменах бегать и учителей перебивать! Как же еще реагировать педколлективу в столь суровое время, требующее от всех, по крылатому слову историка Филиппова, «исполнительской дисциплины». Обратите внимание на широту педагогического коллектива: в его составе и системообразующее предприятие (Свободников), и непосредственно советская власть (Ханьшин).

Мы не знаем, как обошелся НКВД с этими педагогами, какие за ними были проступки и шалости. Но мы знаем, как он обошелся с отправителем и адресатом этой шифрограммы.

Андрея Сергеевича Бубнова арестовали менее чем через месяц — 17 октября 1937 года, а Иосифа Михайловича Варейкиса — на

неделю раньше, 10 октября. Расстреляли их почти одновременно: Варейкиса – 29 июля, а Бубнова – 1 августа 1938 года.

Похоронили их и вовсе вместе – ссыпали в одну и ту же яму в поселке Коммунарка под Москвой.

ВПЕРЕДИ ПАРОВОЗА⁴⁷

17 июля 1937 года в №157 (2328) газеты «Камчатская правда», на последней странице, то есть там, где обычно публикуются корреспонденции не самой большой значимости, появилась заметка, подписанная неким Климентьевым и озаглавленная: «Суд над нарушителями наших территориальных вод». Вот, с небольшими сокращениями, ее текст:

24 июля в Советских территориальных водах у острова Уташут (на восточном побережье Камчатки) в 750 метрах от берега пограничный катер «Ким» задержал японский катер «Кйюей-Мару», производивший незаконный лов рыбы<...>

Капитан японского катера «Кйюей-Мару» – Имамоту Сададзиро за незаконный лов рыбы в наших водах привлечен к судебной ответственности. 16 июля на суде он полностью признал себя виновным<...>

...Однако, народный судья т. Руденко подошел к нарушителю с исключительной мягкостью. Капитан иксуны... отделался незначительными издержками – штрафом в пятьсот рублей. Или народный судья не знает, что заходы в наши воды японских хищнических иксун не единичны <...> или судья не знает, что за случайным заходом очень часто кроется прямой шпионаж. Такой больше чем слабый приговор народного суда может вызвать лишь возмущение у советской общественности.

Надо сказать, что заметка довольно бестолковая – непонятно, произошло ли задержание 24 июля 1936 года, что возможно, зная неторопливость наших судебных органов, – или это просто опечатка – должно

⁴⁷ Публикуется впервые.

быть 24 июня. Тем не менее, эта скромная заметка вызвала дружное возмущение и отпор со стороны «правового блока» советской власти – прокурора СССР Андрея Януарьевича (Ягуарыча – как злословили, когда это стало возможно) Вышинского (1883 – 1954) и наркома юстиции СССР Николая Васильевича Крыленко (1885 – 1938, расстрелян). Им пришлось открытым текстом объяснять Варейкису тонкости механизма советского правосудия.

Шифрограмма № 909/Ш

Строго секретно. Снятие копий воспрещено.

25 июля 1937 г. Хабаровск

Крайком партии. Варейкису

По сообщению с Камчатки японский капитан Имамото-Сада-Дзиро захвачен в советских водах во время ловли рыбы. По согласованию с НКВД и НКВД мы указали порядок суда и меру наказания. Прокурор и суд выполнили наше указание в точности. Камчатская Правда от 17/VII с.г. оценивает приговор как либеральный – как покровительство шпионов и т.д. По имеющимся данным считаю приговор правильным. Для проверки истребовал дело⁴⁸.

Вышинский

(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 53)

Шифротелеграмма № 17/Ш

Сов.секретно. Снятие копий воспрещается

25 июля 1937 г. Хабаровск

Обком партии. Варейкису

Приговор по делу японской шхуны одобрен Москвой. Просьба это иметь в виду при освещении приговора камчатской правдой, обвиняющей судью в японофильстве.

Крыленко

(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 53)

⁴⁸ Далее зачеркнуто: «Действие редактора газеты вызывает серьезные сомнения. Прошу Вашего вмешательства».

И хотя Вышинский и зачеркнул в телеграмме последние две фразы, но И.М. Варейкис (1894 – 1938), первый секретарь Дальневосточного обкома ВКП(б), и Г.С. Люшков (1900 – 1945), всего через 5 дней назначенный начальником Управления НКВД Дальневосточного края (и сбежавший через 11 месяцев в Маньчжурию), наверняка хорошо пожурили А.А. Степанова – главного редактора «Камчатской правды». Хотя понять можно и его – в этом же номере газеты, как и почти во всех июльских номерах, печатался этакий сериал, бесконечная статья Ал. Хамадана под названием «Японский шпионаж»; и опять же, из номера в номер – анонимный текст «Троцкистская агентура японского генерального штаба». Редактор, мечтавший внести свой посильный вклад в дело борьбы с японским шпионажем, явно хотел как лучше, но не рассчитал – и перестарался.

Иосиф Михайлович Варейкис хорошо понимал, как важен толковый и свой редактор – вот и таскал за собой из Воронежа (где он и с Мандельштамом пообщался) в Сталинград и из Сталинграда во Владивосток, из «Коммуны» в «Сталинградскую правду» и «Тихоокеанскую звезду», свое доверенное перо – Александра Владимировича Швера. Но самим редакторам областных газет того времени не позавидуешь, – их головы летели первыми: через 2,5 месяца – 3 октября 1937 года замели Швера, а 10 октября – Варейкиса. В том же порядке их и расстреляли, только дистанция возросла: Швера – 14 апреля, а Варейкиса – 29 июля 1938 года.

И даже если вопрос о жизни и смерти еще не стоял, то треск редакторских чубов доносился из многих шифрограмм:

Саратов. Обкомпарт. Абаляеву

Сообщается решение ЦК от 19 августа: «Принять предложение⁴⁹ Абаляева о расстреле всех пяти участников противоколхозной вредительской группы в Петровском районе, с опубликованием в местной печати о расстреле».

*Секретарь ЦК Сталин
19/VIII 37г.*

(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 54)

⁴⁹ Зачеркнуто: «товарища».

Минск. ЦЕКА. Волкову

Телеграмму получил, постараюсь подобрать людей. Обратите внимание, что газета печатает сплошь отрицательный материал, в каждом номере перечисляет десятки фамилий уже арестованных. Кому это нужно?

Мехлис

9/IX 37 г.

(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 54)

Обе шифрограммы посланы почти одновременно, с разницей в три недели. Но если Сталин, как всегда, требует обязательного опубликования о расстреле в печати, то его ближайший сподвижник, а в это время еще и прямой начальник всех редакторов страны, заведующий Отделом печати и издательств ЦК ВКП(б) Лев Захарович Мехлис (1889 – 1953) морщится: мол, кому это нужно.

И что же, скажите, делать редактору в этих обстоятельствах?

Кстати, слово «товарищ» в телеграмме Сталина зачеркнуто не без зловещести: его молодой адресат – 35-летний 1-й секретарь Саратовского обкома Константин Васильевич Аболяев, приступил к исполнению всего за месяц до получения этой шифровки (18 июля!) и пробыл в должности всего около месяца. Уже 8 марта 1938 года его расстреляют, и он окончательно перестанет быть чьим бы то ни было товарищем или врагом.

РЕМБРАНДТЫ ДЛЯ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА, А ОПИУМ – ДЛЯ НАРОДА⁵⁰

1

Понятно, что для того, чтобы потратить, деньги сначала нужно заработать. Вот и зарабатывали их большевики продажей краденого, ибо

⁵⁰ Впервые: Новая газета. 2010. 10 ноября. С. 24. Печатается впервые полностью и с исправлением закрившихся неточностей.

откуда же у них бриллианты, дорогой жемчуг и крупные золотые изделия — если они не реквизированные, в том числе и у церкви?

Интересно, что уже тогда, как и нынешние власти, большевики предпочитали твердую иностранную валюту или золото, а к своей собственной относились пренебрежительно. Приводим шифрограмму руководителей Наркомфина и Гохрана своему представителю для продажи драгоценностей через Турцию. В одной из аналогичных телеграмм говорится, что в крайнем случае можно брать и лирами.

Баку. ЦК АПК

Расшифрованную вручить уполномоченному Гохрана Бруку. Продажу Баку продолжайте бриллианты, дорогой жемчуг и крупные золотые изделия платежом исключительно золотом или твердой иностранной валютой остальное и на советские дензнаки...

24 августа 1922 года

Базилевич

Бегишев

(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 6. Л. 19)

Неплохо шли и картины, благо их было в закромах Эрмитажа меряно-немеряно. Написал член правления внешнеторгового общества «Антиквариат» товарищ Вольтер директору Эрмитажа товарищу Леграну⁵¹ о паре штук работ «товарища Рембрандта» — и готово. И никакого тебе воровства, риска — как сейчас снова стало — для жизни или

⁵¹ Легран Борис Васильевич (Вильгельмович; 1884 — 1936), дипломат и государственно-партийный деятель. В начале 1900-х гг. — гимназический товарищ Н.С. Гумилева и партийный — И.В. Сталина, С.Г. Шаумяна и др. В сентябре 1920 г. сменил С.М. Кирова на посту полпреда РСФСР в Грузии: в этом качестве он помог О. Мандельштаму выехать в сентябре 1920 г. в РСФСР в качестве диктюрера. С апреля 1930 г. и по май 1934 г. Легран заместитель директора или директор Эрмитажа. Именно на эти годы пришлось санкционированные им потери эрмитажных коллекций (картины Боттичелли, Рембрандта, Хальса, Перуджино и др.).

репутации. В крайнем случае, товарища Рембрандта товарищ Эпштейн попросит, и он намалюет еще.

Секретно

№ 1536/с от 15/IV 1932

Наркомпрос РСФСР

*Директору Гос. Эрмитажа
т. Леграну*

Копия: В/О «Антиквариат»

Наркомпрос РСФСР предлагает срочно выделить в распоряжение В/О «Антиквариат» 2 картины художника Рембрандта:

1. Отречение Петра 2. Пейзаж

Об исполнении доложите в Сектор Науки Наркомпроса.

Зам. Наркомпрос Эпштейн

Член правления «Антиквариат» Вольтер.⁵²

Какая скромная просьба — всего две картины какого-то Рембрандта! В списке № 2 от 28 сентября 1928 года их аж 12, не считая всяких Рубенсов (3 штуки), Ван Дейков (12), Веласкесов (2) и прочих Рафаэлей, всего 56 картин. И это далеко не самый большой список. Что касается антикварных ювелирных изделий из золота, древних монет и орденов, то тут счет идет буквально на тысячи.

Народный комиссар по просвещению А. С. Бубнов

14/VII-1933 г.

№ 1653/с

Секретно

Директору Гос. Эрмитажа т. Леграну

Предлагаю Вам выдать в распоряжение В/О «Антиквариат» монеты по прилагаемым спискам.

⁵²Здесь и в следующем документе: Эрмитаж, который мы потеряли. Документы 1920 — 1930-х годов. Спб., 2001. С. 201, 291.

Об исполнении настоящего распоряжения сообщить в Сектор Науки.

А. Бубнов

Такие вот Наука и Просвещение. А список этот, между прочим, содержит 1652 экземпляра древнейших и ценнейших монет из знаменитой нумизматической коллекции Эрмитажа. И добро бы продавали все это по подлинной стоимости, а не отдавали за бесценок, как и полагается при сбыте краденого! Дело в том, что ни одна из крупных европейских и американских антикварных фирм не согласилась сотрудничать с В/О «Антиквариат», так как все прекрасно понимали происхождение антиквариата. К тому же уже были случаи, когда русские эмигранты опознавали среди продававшихся свои фамильные драгоценности и дело доходило до суда, выиграть который большевикам не удавалось. А в мире антиквариата репутация дороже денег.

Поэтому все сбывалось через мелкие и сомнительные фирмы, где и цены были соответствующие. Впрочем, во всем можно найти что-то позитивное, даже в этом. Дальневосточному любителю Рафаэля, например, при существующих ценах на внутренние авиаперевозки, дешевле слетать в Вашингтон и увидеть две жемчужины Вашингтонской национальной галереи — «Мадонну Альбу» и «Святого Георгия, поражающего дракона», чем лететь в Петербург, где эти великие полотна кисти Рафаэля некогда обитали. В тридцатые годы их скупил за бесценок, как и еще десятки шедевров, американский миллионер и министр финансов США Эндрю У. Меллон, который и завещал картины музею. Не сразу, а после смерти, ибо при жизни о них особенно не распространялся: понимал, что краденое. Кстати, в отличие от Эрмитажа вход в Вашингтонскую национальную галерею бесплатен.

Но продажа краденого — это только один и совсем не оригинальный источник поступления валюты, а вот где большевики действительно были пионерами, опередили время и указали светлый путь многим современным полубандитским государствам, так это тайная торговля наркотиками!

*Телеграмма. Шифром
Дальбюро ЦЕКА*

Сообщается постановление ЦЕКА от второго октября сего года:

«Предложить Дальбюро ЦКРКП(б) совместно с уполномоченным Внешторга, ОГПУ и Арменторга принять на месте необходимые меры для реализации в секретном порядке уже выданных грузов опия»

Секретарь ЦЕКА Молотов.

3/X-24 г.

(РГАСПИ Ф. 17. Оп. 167. Д. 13. Л. 30)

Был и еще один источник финансирования молодой советской республики и слуг ее народа. Но он-то как раз банален банален.

Сутенерство в СССР, как и наркотраффик, несомненно, относились к сфере госмонополии. Сколько секретов понавыведовано через женскую плоть, оснащенную ушами!

Так что нарушителей госмонополии на сутенерство и проституцию терпеть никак нельзя. Если только это не спецоперация «с разрешения».

То это или не то и предстояло проверять товарищу с говорящей фамилией Бабинчук.

*Шифром через Обком. Вне всякой очереди
Одесса. Торгсин. Бабинчуку*

Поступило сообщение Судового комитета греческих моряков о неслыханных преступлениях в Херсонском портовом магазине Торгсина: после покупок заведующий Торгсином предлагает по-

купателям девочек проституток. Комната для команд представляет худшую картину, чем дома терпимости. Когда спросили заведующего, кто эти женщины, он ответил, что проститутки, и сообщил, что это ему разрешается. Из магазина Торгсина ведет дверь в коридор, в котором имеются комнаты, одни для первого класса и второго класса для команд. Оставив все дела в Одессе, немедленно выезжайте в Херсон и расследуйте указанные факты. Виновные должны быть немедленно арестованы. Жду Вашего ответа о результатах расследования из Херсона восемнадцатого.

Розенгольц⁵³

Наркомвнешторг, Ильинка, 23. 13. III. 33 г.
(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 37. Л. 109)

Видимо, впервые попались такие несознательные греческие моряки, не оценившие, говоря нынешним языком, сервиса первого в мире государства трудящихся.

Но удивление и возмущение наркома Розенгольца, ни о чем подобном, оказывается, не знавшего и даже не догадывавшегося, довольно забавно. Зато совсем не забавно, а жутковато право наркома внешней торговли и его эмиссаров требовать не следствия, а ареста!

2

Ну что ж, непосильным трудом денежки заработаны – теперь их можно и потратить с толком. Например, – святое дело! – на оказание посильной помощи находящемуся в «материальной нужде» Главному Инженеру Человеческих Душ товарищу Горькому Алексею Максимовичу. С размахом жил на Капри пролетарский писатель – потратить за 4 месяца 5000 долларов (примерно эквивалентно нынеш-

⁵³Розенгольц Аркадий Павлович (1889 – 1938), с 1930 по 1937 гг. нарком внешней торговли, с 1934 г. кандидат в члены ЦК ВКП(б), расстрелян.

ним 300000) — это не всякому новому русскому доступно. (Правда, возможно, и тогда уже были откаты).

Берлин Крестинскому⁵⁴

Рыков и Стомоняков⁵⁵ согласно телеграмме Андреевой⁵⁶ о болезни и материальной нужде Горького просят ЦК перевести Горькому немедленно пять тысяч рублей под будущие сочинения. В декабре прошлого года решением ЦК по телеграмме Керженцева⁵⁷ Горькому было переведено пять тысяч долларов. ЦК не знает получает ли Горький эти деньги или нет, так как лично он ни разу по вопросу о деньгах ничего не писал. Сообщите получены ли Горьким упомянутые пять тысяч долларов и исходит ли последняя просьба о материальной поддержке от Горького или же Андреева просит об этом без его ведома. Сообщите и Ваше мнение, какую сумму, когда и в каком порядке перевести.

*23/IV-26 г. Секретарь ЦК Молотов
(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 18. Л. 128)*

Следующий документ совершенно невинен, да и к тому же не о государственном кармане, а о добровольных пожертвованиях наших богатеньких комсомольцев — бедным английским. Немного настораживает скромность: ну почему бы хорошее дело не освещать в печати?

Артемовск. Окружкомол. Медведеву

Цека предлагает прекратить проведение гласной агитационной компании сбора средств в пользу английского комсомола не вынося

⁵⁴ Н.Н. Крестинский (1883 — 1938), в 1921 — 1930гг. полпред СССР в Германии, расстрелян.

⁵⁵ Б. С. Стомоняков (1882 — 1940), в 1926 — 1934 член коллегии НКВД, в 1934 — 1938гг. — зам. наркома иностранных дел.

⁵⁶ М.Ф. Андреева (1868 — 1953), актриса, гражданская жена М. Горького.

⁵⁷ П.М. Керженцев (Лебедев; 1881 — 1940), в 1925 году полпред СССР в Италии.

ее за пределы ячеек. Следует прекратить освещение компании в печати.

Секретарь Цека Косарев⁵⁸

16 апреля 1927

(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 20. Л. 116)

Очередной документ эту скромность слегка поясняет. Хотя и начинается с некоторой туманности: что это за адрес за такой — «Ангара»? Иркутск? Братск? Интересно, и зачем это китайцам в тюрьмах итальянские лиры?

МОПР, ведомый Еленой Стасовой⁵⁹, был одной из «крыш» ОГПУ — благотворительной, как известно, организации, специализировавшейся на помощи китайским политзаключенным.

Ангара. Ячейке МОПР

Необходимо срочно перевести три тысячи лир (3.000 лир) для китайских политзаключенных.

Председатель ЦК МОПР (Е. Стасова)

27. XII. 1927 г.

(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 22. Л. 10)

А уж следующий документ все ставит на свои места: «тихий россиянин в Шанхае» — обыкновенные шпионские или уголовные игры. Но если «10-лимонник» это «брошюра», то что же такое «Ваш орган»?

*Владивосток. Секретарю Окружкома ВКП(б) тов. Трофимову ДП
Посылаю Вам десять тысяч ам. дол. За ними явится десятого августа явкой номер десять тов. Хаскелл из Шанхая. Выдайте ему эти деньги, передайте через него письменно Штейну за подписью Алек-*

⁵⁸ А. В. Косарев (1903 — 1939), в 1927 — 1929 гг. секретарь ЦК ВЛКСМ, с 1929 по 1938 год генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ, расстрелян.

⁵⁹ Е. Д. Стасова (1873 — 1966), в 1927 — 1937 гг. руководитель МОПР

сандр следующее: «Посылаем Вам десять брошюр крупного формата, жена Ирла повезла семьдесят пять, она будет у Вас конце августа. Ваш орган до сих пор не получен. Срочно телеграфьте⁶⁰ подробности денежной сделки.

Лозовский⁶¹ [начало августа] 28 г.
(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 24. Л. 55)

А вот обратный случай – немцы посылают своим соплеменникам, мало сказать голодающим (самый страшный для украинского села – 1933 год), деньги и посылки. Но мы же гордые, как же можно? Вернуть все добровольно в Германию – но не в какой-то там «Фастбриллиант», а как помощь жертвам фашизма. Ведь немцам же и, видимо, тоже голодающим!

**Начполитотдела Аккаржанской МТС Спартакоского района
Одесской области т. Полянскому
Копия секретарю Одесского обкома Вегеру.
Начполитсектора Одесского Облзу Темкину**

В ответ на получаемые в немецких колхозах посылки общества помощи Фастбриллиант из Берлина Вам необходимо в тех же колхозах организовать принятие постановлений общими собраниями колхозников о передаче получаемых денег в фонд МОПР для оказания помощи жертвам германского фашизма.

Секретарь ЦК Каганович
2/VIII-33

(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 38. Л. 201)

В МОПР? На «брошюры крупного формата»?..

⁶⁰«Телеграфьте» – так в тексте. В партийных шифрограммах сплошь и рядом употребляется слово «срочните», что в переводе на человеческий язык, должно быть, означает – срочно отвечайте.

⁶¹С.А. Лозовский (1878 – 1952), с 1921 по 1937 гг. генеральный секретарь Профинтерна, еще одной из «крыш» ГПУ – НКВД за границей.

ЗАЙМЕМ У ГОЛОДНЫХ, ИЛИ ОТКРОВЕННЫЙ ГРАБЕЖ⁶²

По окончании откровенного грабежа сельского населения страны методом продразверстки, большевики, наряду с введением продналога, стали использовать еще и займы. Придуманная при Сталине система государственных займов помогала власти в тяжелейшие времена изымать у нищего населения «излишки» хлеба и денег. Сначала натуральные (в 1922 – 1923 гг. было выпущено два хлебных займа и один сахарный) и почти одновременно – денежные, распространявшиеся на все население страны. На 1 января 1929 года таких займов было выпущено 16 – на гигантскую по тем временам сумму в 2855 млн руб., причем к этому времени возвращено населению было около половины занятой государством суммы, и в дальнейшем долг населению все время увеличивался.

Хотя займы и назывались добровольными, практика их распространения говорила о другом. Возникла проблема с хлебозаготовками, так как крестьяне, естественно, не хотели отдавать хлеб за облигации, поэтому председатель Совета Народных Комиссаров Алексей Иванович Рыков (1881 – 1938, расстрелян) попытался было ограничить принуждение при распространении займов.

Что из этого могло получиться, видно по следующему документу.

С. секретно

А.И. Рыкову

При выполнении Вашего поручения о составлении проекта директив для печати – о запрещении применения методов принуждения при реализации Крестьянского Займа, мы беседовали с тов. Эпштейном, который был прислан тов. Брюхановым нам на помощь. Тов. Эпштейн,

⁶² Впервые: Новая газета. 2009. 29 апреля. С. 19.

который фактически ведет в НКФине всю работу по реализации займа, сообщил нам следующее:

а) в основных инструкциях о размещении займа, в высших инстанциях, повсюду были вычеркнуты слова «без применения методов принуждения», которые в первоначальных проектах НКФина были резко подчеркнуты;

б) исключение этих слов из основных директив на места, аппарат НКФина расценил так, что добровольность объявляется только для виду, а на самом деле можно применять методы принуждения;

в) что письма и заявления, поступавшие в НКФин с жалобами о применении методов принуждения и насилия, об угрозах ареста, конфискации имущества и т.д. оставлялись НКФинком без внимания или им давалось только формальное направление;

г) что внезапное опубликование директивы А.И. Рыкова с резким осуждением методов принуждения восстановит крестьянскую массу против всего нашего деревенского актива и может вызвать ряд эксцессов.

Горбунов

Январь 1928 г. Стоклицкий

(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 22. Л. 99)

Что ж, весьма откровенный документ. Высшая инстанция — Политбюро, а, скорей всего, именно Сталин, так что работники НКФина истолковали инструкцию совершенно правильно и давать обратный ход значило подставить под удар и без того несчастную низовую местную власть, вынужденную любой ценой выполнять директивы центра. Что касается наркомфина, то Николай Павлович Брюханов (1878 — 1938) не дождался благодарности от «высшей инстанции» и был расстрелян в 1938 году.

А тем временем аппетиты государства росли как снежный ком. Вот только одна из аналогичных телеграмм, посланных одновременно во все регионы страны в 1937 году:

Шифром
Телеграмма

Алма-Ата. ЦЕКА Казахской Компартии. Мирзояну
СНК. Исаеву

Подписка на заем в прошлом году по Казахстану составила 106 миллионов рублей. За первую декаду размещение займа укрепления обороны подписка по Казахстану составила всего 84 миллиона рублей что, безусловно, недостаточно. В виду необходимости перевыполнить заем укрепления обороны ЦЕКА ВКП(б) и СНК СССР предлагают довести подписку в срок до 26 июля не менее чем до 125 миллионов рублей.

Секретарь ЦК – И. Сталин
Председатель СНК СССР – В. Молотов
11/VII-37
(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 53. Л. 124)

Левону Исаевичу Мирзояну (1897 – 1939) и Уразу Джанзаковичу Исаеву (1899 – 1938) удалось, конечно, выполнить и перевыполнить заем укрепления обороны и займы еще каких-нибудь укреплений 1937 года, – и не без применения методов принуждения. Но это не помешало обоим быть расстрелянными спустя самое короткое время.

Дружеское заимствование «до получки» у нищего народа продолжилось и даже усилилось в годы войны. Война с этой точки зрения идеальное прикрытие: на нее списаны миллионы жизней, – что уж тут копейки считать?

Объяснение

Я, председатель колхоза «Новая Жизнь» – Редин, член ВКП(б) с 1919 года, подтверждаю, что 5 июня 1943 г. в помещении правления колхоза в присутствии ряда колхозников тов. Миндигужин, секретарь РК ВКП(б), наносил оскорбления 83-летнему старику тов. Седых, у которого три сына в армии, и Дуренковой – жене военнослужащего, при этом всячески называл их, а именно: вором, предателем, сволочью, предлагал их обсудить на собрании и выгонял из правления колхоза лишь только за то, что они подписались на заем одна на 500 рублей, а другой на 1000 рублей.

К сему и подписываюсь – Редин.

(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 190. Л. 18)

Почему, собственно, сволочи? А потому что мало дали! Тут тебе все сразу – и добровольность, и благодарность, и вся из себя «Новая Жизнь»...

Или вот табличка об итогах подписки на 4-й Государственный военный заем по фронтовой сети лагерей для немецких военнопленных и интернированных в зоне ответственности 4-го Украинского фронта за первое полугодие 1945 года. Им было охвачено 100 % личного офицерского и вахтерского состава лагерей, причем при общей сумме их месячного содержания в 216410 руб. сумма подписки на заем, то есть отобранного государством, составила 288535 руб., или 133,3 %, а в одном из сборных пунктов подписка составила аж 201,3 %, то есть 2 месячных зарплаты из 6!⁶³

Обожатели Сталина и нашего светлого прошлого, заставшие время до 1953 года в более-менее сознательном возрасте, не могут не помнить регулярные принудительные подписки на всяческие займы, а молодым и представить невозможно трагедию семьи, вынужденной отдавать большую часть нищенской зарплаты на постоянное укрепление чего-то там.

⁶³ РГВА. Ф. 425п. Оп. 1. Д. 9. Л. 201 об.

Зато много разговоров о том, что Хрущев прекратил погашать займы. А как бы он смог? – Сталиным было изъято у населения в виде займов столько, что по справедливости, нужно и до сих пор отдавать. А кому? Ограбленных уже давно нет.

Хрущеву нужно поставить памятник уже за то, что он вообще прекратил практику принудительного изъятия средств у населения.

У многих дома наверняка еще хранятся пачки облигаций. Так почему бы остающимся еще в живых неоплаченным кредиторам или их детям не собраться еще раз – вместе с хорошим адвокатом и хорошим историком – в один большой юридический колхоз и не вчинить восприемникам этого сталинско-миндигужинского государства коллективный иск?!..

«Корешки» в архивах, скорее всего, найдутся, да и исторические прецеденты успешности таких исков имеются.

КАК РАСТИЛИ ЕЖЕВИЧКУ, ИЛИ ЛЕЧИТЬСЯ, ЛЕЧИТЬСЯ И ЕЩЕ РАЗ ЛЕЧИТЬСЯ!⁶⁴

Уроженец села Вейверы Мариампольского уезда и выходец из русско-литовской семьи отставного солдата и прислуги капельмейстера, сам Николай Иванович Ежов в своих анкетах косил под питерца по рождению и под путиловца по классовой судьбе. На самом деле он и впрямь отслужил около пяти лет в Петрограде, но в менее революционном месте: у своего свояка-портного – подмастерья, прислугой и мальчиком-любовником. Карьерные обстоятельства помотали коротышку Ежова по стране, но и несмотря на малый рост (не то 151, не то 154 сантиметра), в Алма-Ате, где он трудился зам. ответсекретаря Казахского обкома и зав. Оргделом, его заметили из Москвы – глазами Ивана Михайловича Москвина, главного кадровика

⁶⁴ Впервые: *Как растили Ежевичку. Сталин с 1934 года бережно готовил главного палача для Большого террора // Новая газета. Спецвыпуск «Правда ГУЛАГа». 2009. № 4. 1 июня. С. 1, 4.*

партии, а значит и страны⁶⁵. И вот с 16 июля 1927 года Ежов прописался в аппарате ЦК, на должности помощника заведующего организационно-распределительного отдела ЦК ВКП(б). Через 4 месяца поднялся до зам. завотделом, проработал до конца 1929 года. Пробыв с годик в наркомате земледелия (замнаркома), он снова вернулся к любимому делу и около 6 лет возглавлял аппаратно-ключевые отделы ЦК – распределительный, затем промышленный (и одновременно планово-торгово-финансовых органов и политико-административный) и, наконец, отдел руководящих органов. И все это в сочетании с деятельностью в Комиссиях ЦК по чистке партии и партконтроля (где его непосредственным начальником был Каганович)! На 17-м съезде партии – «Съезде Победителей» – Ежова избирают в ЦК. Еще более подтолкнуло Ежова наверх кировское дело, во время и после которого он хорошо «позащищал» собственно Кремль и распутал «клубок» вокруг Авеля Енукидзе. Сталин назначил его за это с 1 февраля 1935 года еще и секретарем ЦК, курирующим органы (ранее это делал Л. Каганович). Так что карьера у него была пусть и не исключительно, но главным образом партийная, притом аппаратная. Сами этапы этой карьеры делали совершенно логичным ее следующий, внепартийный, пик – назначение 26 сентября 1936 года в наркомат внутренних дел.

Без этого никак не понять той чуть ли не задушевности и искренней отеческой заботы, которыми так и пышут нижеследующие письма (а точнее, шифровки) к Ежову от Кагановича и Сталина. Когда и о ком они еще так писали? А речь в них идет о чуть ли не квартальном отпуске Ежова, когда он с июня по октябрь 1934 года, пропуская пленумы ЦК, пролечился в Австрии, Германии и Италии.

⁶⁵ Кстати, благодетель Москвин (1890 – 1937) был арестован 14 июня 1937 г., обвинен в шпионаже и даже в участии в масонской организации и расстрелян 27 ноября того же года, т.е. в самый пик могущества Ежова.

Нальчик – Ежову

Получил твое письмо, благодарю. Пленум у нас прошел хорошо, сегодня начался главный. Очень жалею, что ты нездоров и отдыхаешь плохо. Прошу тебя, постарайся отдыхать спокойно и уверенно. Несмотря на то, что в КПК и отделе без тебя тяжело, я считаю, что ты должен провести отпуск до конца.

Шлем тебе сердечный дружеский привет. Лазарь.
29/VI-34

(Здесь и далее: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 43)

Вена. Полпредство СССР. Ежову

Прошу сообщить о самочувствии, результаты консультации и определение курса лечения. В дальнейшем прошу регулярно информировать о состоянии здоровья и ходе лечения.

Сердечный привет. Лазарь.
28/VII -34

Строго секретно

Шифром

Берлин. Полпредство. Бессонову.

Очень прошу Вас обратить внимание на Ежова: он серьезно болен и недооценивает серьезности своего положения. Оказывайте ему помощь и окружите его заботой. Имейте в виду, что человек он хороший и работник ценнейший. Буду благодарен, если регулярно будете сообщать в ЦК о ходе лечения.

Сталин
5. VIII. 34 г.

Ежову

Письмо получил, благодарю за сообщение. Мне передали, что ты все еще не спокойно отдыхаешь. Настаиваем на том, чтобы ты использовал представленный тебе отпуск, не нервирова себя жела-

нием поскорее выехать. Надеюсь, что проявишь и в лечении такую же эффективность, как и в работе.

Сердечный привет. Каганович.
15/VIII-34 г.

Вена. Полпредство. Ежову

Имеются сведения, что ты собираешься после 25 августа прекратить отпуск и выехать в Москву. Настаиваем на том, чтобы ты провел лечение и отдых за границей, где это найдут необходимым врачи. Приедешь в Москву после того, как ты окончательно поправишься. Прошу не нервничать по случаю расходов.

Сердечный привет Каганович.
26/VIII-34 г.

(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 44)

28 августа даже Политбюро приняло спецрешение по этому государственной важности вопросу: лечиться, лечиться и еще раз лечиться, на что выдать дополнительную тысячу золотых рублей (и это в стране еще не законченного голодомора!). А ведь большевики никогда не отличались особой сентиментальностью, и уж точно правительственных шифрограмм по поводу чьей-то болезни или усталости (да еще в таком количестве – мы приводим далеко не все) никому не посылались. А тут – второй человек в партии в то время – Лазарь Каганович, да и сам Сталин, так трогательно и по-отечески трепетно заботятся о здоровье своего подчиненного – «Ежевички», как его тогда ласково называл вождь! Зная теперь иезуитский характер Сталина, его умение задолго продумывать кадровые или иные решения, можно предположить, что Ежова уже начинали готовить на должность Наркома Внутренних Дел, о чем он, может быть, даже знал, как и о том, чем это может грозить.

Вообще это благодатная тема «Начальство на отдыхе» – Горками Ленинскими далеко не исчерпывается и терпеливо ждет свое-

го благодарного исследователя. Доводилось отдыхать и Ежову. Мало того, однажды случай свел его за одним курортным столом с Мандельштамом, в решении «вопроса о котором» он, по просьбе Ставского, так «помог» в 1938 году. Совместное пребывание на совнаркомовской даче в Сухуми в апреле 1930 года (тогда Ежов был всего лишь замнаркомом земледелия, но зато... в самый разгар раскулачивания!) запечатлено в «Воспоминаниях» Надежды Мандельштам:

«Сухумский Ежов был скромным и довольно приятным человеком. Он еще не свикся с машиной, и потому не считал ее своей исключительной привилегией, на которую не смеет претендовать обыкновенный человек. Мы иногда просили, чтобы он нас довез до города, и он никогда не отказывал... По утрам Ежов вставал раньше всех, чтобы нарезать побольше роз для молодой литературоведки, приятельницы Багрицкого, за которой он ухаживал. Вслед за ним выбегал Подвойский и тоже бросался резать розы для обиженной жены Ежова. Это был чисто рыцарский дар, как говорили жильцы правительственной дачи, потому что Подвойский — образцовый семьянин и ни за чьими женами, кроме собственной, не ухаживает».

Мало того, в день смерти Маяковского Осип Эмильевич и Надежда Яковлевна остановили разудалые пляски отдыхающих партийцев фразой о том, что *«грузинские наркомы не стали бы танцевать в день смерти грузинского национального поэта»*. Ежов (а он был среди отплясывающих) понял, и танцы прекратились.

Еще удивительнее свидетельство о до-московском — алма-атинском — Ежове. Свидетельство бывшего зэка и жителя Алма-Аты Юрия Домбровского:

«Многие из моих современников, особенно партийцев, с ним сталкивались по работе или лично. Так вот, не было ни одного, кто сказал бы о нем плохо. Это был отзывчивый, гуманный, мягкий, тактичный человек. Любое неприятное личное дело он обязатель-

но старался решить келейно, спустить на тормозах. Повторяю: это общий отзыв. Так неужели все лгали? Ведь разговаривали мы уже после падения “кровоавого режима”. Многие его так и называли “кровоавый карлик”. И действительно, вряд ли был в истории человек кровавее его».

Так в чем же тайна перевоплощения столь гуманного человека и неутомимого танцора в железного наркома, в палача с забрызганными кровью по локоть ежовыми рукавицами? Никакой тайны тут нет – все определяют функция и должность, конечно же, только в том случае, если сам человек абсолютно ничего из себя не представляет, если он только слепой исполнитель своей функции. Сталин хорошо понимал в кадрах. Для него было очень важно, что, в отличие от Г. Г. Ягоды, Ежов не имел никаких связей со старой партийной гвардией и военной верхушкой, которых Сталин и собирался ликвидировать ежовыми рукавицами и ручищами «Ежевички».

Л.И. Брежнев тоже понимал в кадрах, и потому назначил на должность председателя КГБ самого ущербного, самого никудышного из всех членов Политбюро – Ю. В. Андропова, и тот полностью оправдал его доверие, не представляя для Леонида Ильича никакой опасности. А вот Хрущев не понимал – и сделал председателем Комитета «комсомольское хамло» – В. Е. Семичастного, и тот его продал при первой же возможности. Если вернуться к первым дням большевиков, то во главе такой опасной организации как ЧК поставили весьма незначительного партийного функционера Ф.Э. Дзержинского, который стал кандидатом в члены Политбюро ЦК только в 1924 году, уже будучи председателем ВСНХ. А легенды о выдающихся личностях как Андропова, так и Дзержинского складывались и лепились теми же органами.

Что касается Л.П. Берии, то его фигура для Сталина, более всего беспокоившегося о собственной власти и безопасности, тоже была идеальна — ну кому же могло прийти в голову использовать грузина против его же соотечественника? Возможно, именно поэтому Берия был относительно более крупной личностью, нежели все предыдущие и все последующие руководители всемогущих карательных органов.

Но вернемся к Ежову. 26 сентября 1936 года он был на Политбюро утвержден в должности Наркома НКВД. Утверждение на Политбюро было простой формальностью — за сутки до этого Каганович прочитал Ежову телеграмму из Сочи, подписанную Сталиным и Ждановым:

«Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение т. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока...»

С 19 по 24 августа того же года в Москве проходил первый открытый политический процесс по делу т.н. «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» во главе с Г.Е. Зиновьевым и Л.Б. Каменевым. Все 16 обвиняемых были приговорены к расстрелу. Но 10 сентября произошло нечто невероятное — по тому же делу из-за отсутствия «законных оснований» были прекращены следствия относительно Н.И. Бухарина и А.И. Рыкова. Простить такое Сталин не мог, и судьба Г.Г. Ягоды была решена. Ежов же успешно провел второй открытый политический процесс по делу т.н. «Параллельного антисоветского троцкистского центра» (23 — 30 января 1937 года) и третий — по делу об «Антисоветском правотроцкистском блоке» (2 — 13 марта 1938 года), на котором было вынесено 17 смертных приговоров, в том числе Н.И. Бухарину и А.И. Рыкову. А ведь показушные открытые процессы 1937 — 1938 гг. — лишь самая верхушка «Большого тер-

рора», или «ежовщины», когда было арестовано 1,7 млн чел., и из них около 0,7 млн расстреляно.

Уже в январе 1937 года Ежову присвоили звание генерального комиссара госбезопасности, 17 июля наградили Орденом Ленина, одновременно переименовав столицу Черкессии город Сулимов (ранее Черкесск) в Ежово-Черкесск. Пик восхвалений Ежова пришелся на 20 декабря 1937 года, когда в Большом театре отмечалось 20-летие ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД.

Мавр, сделавший свое дело, как известно, не засиживается в фаворе. И 25 ноября 1938 года интерес Сталина к здоровью «Ежевички» снова усилился: Ежова отрешили от должности наркомвнудела, а 10 апреля арестовали и освободили ото всех прочих должностей.

В Сухановке Ежов испытал на себе все собственные нововведения по ужесточению режима и методов допроса с пристрастием. Оказалось, что он и сам отчаянно боялся этого «пристрастия», а потому до суда подписывал все — от мужеложества (о чем он заявил, кстати, по собственной инициативе) до работы в поте лица на всевозможные разведки. Тут вспомнили ему и шикарный отпуск в европах в 1934 году: мол, застуканного в венской клинике профессора Ноордена в постели с медсестрой, его шантажировали и заставили работать на немецкую разведку.

От любой шпионской деятельности Ежов на «суде» отрекся и произнес небезынтересную фразу: «Я почистил 14000 чекистов, но моя вина заключается в том, что я мало их чистил».

«Судили» же Ежова 3 февраля 1940 года в Военной коллегии Верховного суда Союза СССР на закрытом заседании под председательством В.В. Ульриха. Назавтра, 4 февраля 1940 года, его расстреляли.

Жертвоприношение палача.

ПОШЛИ ЗА МЯСО⁶⁶

Постановление, уничтожившее ветеринаров и животноводство

Вот выразительный документ:

Шифром

Всем секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, всем председателям совнаркомов, крайисполкомов, облисполкомов, всем прокурорам республик, краев и областей.

На основании следственных материалов НКВД СССР установлено, что в краях и областях подрывная работа врагов народа особо злостную форму вредительства и диверсий приняла в области развития животноводства. Эта подрывная работа выразилась:

- а) В проведении актов бактериологических диверсий путем заражения крупного рогатого скота, конского поголовья, овечьего и свиного стада чумой, ящуром, сибирской язвой, бруцеллезом, анемией и др. эпидемическими заболеваниями;*
- б) в срыве снабжения препаратами и дезинфицирующими средствами районов, пораженных эпизоотией и вредительством при изготовлении сыворотки на биофабриках;*
- в) во вредительском сокращении посевных площадей кормовых культур с целью сужения кормовой базы.*

По вредительству в области животноводства арестовано значительное количество ветеринаров, зоотехников, лаборантов биофабрик, которые, собственно, и являлись организаторами распространения заразных болезней, ведущих к массовой гибели скота.

За последний год в результате вредительства в области животноводства, колхозники лишились сотен тысяч крупного

⁶⁶ Впервые: Новая газета. 2008. 7 июля. Спецвыпуск «Правда ГУЛАГА». № 6.

рогатого скота и лошадей, не говоря уже о гибели мелкого скота.

В целях ограждения колхозов и совхозов от вредительской деятельности врагов народа, СНК СССР и ЦК ВКП(б) решили разгромить и уничтожить кадры вредителей в области животноводства.

СНК СССР и ЦК ВКП(б) обязывают всех секретарей обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, всех председателей совнаркомов республик и председателей исполкомов областей и краев организовать незамедлительно показательные суды над вредителями по животноводству, имея в виду как изобличенных ветеринаров, зоотехников, лаборантов биофабрик, так и работников местных земельных и совхозных органов.

В этих целях Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) предлагает организовать по каждой республике, краю и области от 3 до 6 открытых показательных процессов с привлечением крестьянских масс и широким освещением процесса в печати.

Изобличенных во вредительстве приговаривать к расстрелу, об исполнении приговоров публиковать в местной печати.

Председатель Совета

Секретарь Центрального

Народных Комиссаров СССР

Комитета ВКП(б)

В. Молотов

И. Сталин

2/Х-37 г.

(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 54. Л. 157, 158)

Непросто всерьез комментировать этот документ ввиду его очевидной бессмысленности. Ясно одно: подписан он, безусловно, психически больным человеком. Имеется в виду именно Сталин, так как Молотов подписал бы все что угодно и при полном здравии.

Называя Сталина самым успешным руководителем, Филиппов, должно быть, имел в виду его невероятную изворотливость, беспринципность и нахрапистость в борьбе за собственную власть. С этой точки зрения политические процессы того времени вполне объяснимы.

Понятно, что целью процессов над ветеринарами было объяснить населению страны победившей коллективизации отсутствие в магазинах мяса. Совершенно понятно и то, что удар по ветеринарии мог только ухудшить ситуацию в животноводстве.

Кстати, о мясе. Будущее показало: социализм и мясо несовместимы.

Перед нами один из тех документов времен Большого террора (подписан 2 октября 1937 года), которые полностью опровергают удобные для неосталинистов и людей-страусов рассуждения, что в 30-е репрессировали преимущественно высокопоставленных партийцев. Мол, Сталин чистил партию.

Действительно в те годы были уничтожены очень многие старые большевики, делавшие революцию (уже потому, что помнили ничтожную роль Кобы в ней), но еще больше — количественно, да и качественно — пострадал руководимый этой партией народ. Крестьяне (в первую очередь самые трудолюбивые и хозяйственные), ученые (расстреляли целые науки — об этом мы еще расскажем) и даже, как видно из документа, животноводы, зоотехники и ветеринары.

Слава богу, те времена прошли. Вроде бы безвозвратно. Крестьян как класса просто не существует. Ученых сажают не массово, а только тех, кто выдает гостайны, пусть и давно опубликованные. Ветеринаров преследует один Госнарконтр за применение кетамина — да и то как-то непоследовательно.

**ВЫДАЧА ПОРТРЕТОВ,
ИЛИ КАК БОРОТЬСЯ С ТЕНЬЮ ВРАГА⁶⁷**
К семидесятилетию со дня гибели Л.Д. Троцкого

Будем вешать мы его...

Можно по-разному относиться к октябрьским событиям 1917 года: как к катастрофе и перевороту или как к Великой революции-освободительнице. Несомненно одно: ключевую роль в ее успешном осуществлении сыграл Лев Давыдович Троцкий, что неоднократно подчеркивал и Ленин, его партнер по дуамвирату.

Да что Ленин! Угадайте, кто написал такое? — *«Вся работа по практической организации восстания происходила под непосредственным руководством Председателя Петроградского Совета Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-революционного комитета партия обязана прежде всего и главным образом т. Троцкому».*

Не удивляйтесь — это т. Сталин написал, 6 ноября 1918 года. Самое смешное, что до сих пор, почитатели революции и ненавистники Троцкого представлены, как правило, одними и те же лицами. Тот же генерал-полковник Д.А. Волкогонов, приступая к книге о Троцком из триптиха «Вожди», похоже, не питал особых симпатий к своему герою, а получилась апологетика: историк в нем победил генерала — и главным образом потому, что именно Троцкий был самой яркой фигурой русской революции.

Одним из следствий победы Сталина над Троцким во внутрипартийной борьбе за власть стало обновление ругательного лек-

⁶⁷ Впервые: *Как бороться с тенью врага. К семидесятилетию со дня убийства Л.Д. Троцкого* // Новая газета. 2010. № 89. 16 августа. Вкладка: С. 4. Здесь — в авторской редакции.

сикона страны. Главным бранным словом государства стало «троцкист», и недаром Мандельштама в Савелово за глаза звали не как-нибудь, а «ушастый троцкист». «Шили» ему Троцкого и в Воронеже, и на следствии. Эпитет «троцкистский» стал заурядным трюизмом, вот разве что весьма небезопасным.

Но фигура Троцкого – действительного вождя революции и организатора победы в Гражданской войне – не теряла своей масштабности. Выслав Троцкого из СССР в 1929 году, но, вопреки обыкновению, не уничтожив его, как он это вскоре привыкнет делать с соперниками, Сталин потом более десяти лет параноидально мучился сам и мучил всю страну. Даже в далекой Мексике живой Троцкий не давал ему покоя.

Да и как забыть пророческие слова, брошенные Троцким в лицо партийной верхушке в 1927 году: *«Личное несчастье Сталина, которое все больше становится несчастьем партии, состоит в грандиозном несоответствии между идейными ресурсами этого человека и тем могуществом, которое сосредоточил в своих руках партийно-государственный аппарат».*

Но несть пророков в своем отечестве.

Зато есть прокуроры и палачи.

И 21 августа 1940 года мечта Сталина осуществилась – Троцкий был убит альпенштоком в своем кабинете в Кайокане, в результате многоходовой (и далеко не первой) операции НКВД. Его непосредственный «киллер» – Хайм Рамон Меркадер дель Рио Эрнандес отсидел 20 лет в мексиканской тюрьме. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1960 года – уже после смерти «заказчика» – удостоен звания Героя Советского Союза. Свои орден Ленина и медаль «Золотая Звезда» он получил лично из рук тогдашнего главы КГБ А.Н. Шелепина. Стоит сказать, что в двухтомном справочном издании «Герои Совет-

ского Союза», выпущенном в 1987 – 1988 годах, авторы постеснялись включить Меркадера в число героев. Убийца Троцкого прожил в Москве до середины семидесятых, затем переехал на Кубу, где и умер в 1978 году, но похоронен все же в Москве, на Кунцевском кладбище, – похоронен под псевдонимом: Лопес Рамон Иванович. Могила ухоженная, хоть и в искусственных, но цветах. Видно, что нынешние борцы с терроризмом чтут своих предшественников.

А вот некоторые документы из того времени, когда тень Троцкого все не давала Сталину покоя.

*Начальнику сектора Политотделов молочно-мясово-
зов П.У.Н.С.
тов. Сусловой*

По словам тов. Френкен (Начальник Политотдела Мамлютского мясово-хлебопродуктового совхоза), перед отъездом на работу в марте 1935 года Вы были информированы о том, что в его биографии имеет место факт, относящийся к 1923 году, когда во время учебы в Военной Академии РККА тов. Френкен один раз голосовал на партийном собрании за троцкистскую резолюцию. Прошу подтвердить правильность заявления тов. Френкен телеграммой в адрес секретаря Мамлютского райкома партии через шифрчасть Карагандинского Обкома партии. Это необходимо в связи с проверкой партдокументов, хотя компрометирующих Френкена материалов нет и на практической работе в совхозе последний проявил себя как выдержанный партиец.

*Секретарь Мамлютского райкома ВКП(б) (Зорин)
12-го января 1936 года*

Ст. Мамлютка

(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 49)

Представляете, человек один раз проголосовал в столице, как потом выяснилось, не за ту резолюцию, а и через 13 лет на станции Мамлютка сие не забыто, и, скорее всего, под «выдержанным партийцем» Френкеном во время этой чистки закачалось не только служебное кресло.

Но Френкен в 23-м году в лице Троцкого имел перед глазами хотя бы действующего политика. Даже изгнанный из страны, Троцкий представлял для Сталина предмет яростного противостояния. Борьба велась по всему фронту — с самим Троцким (Меркадер и его предшественники), с семьей Троцкого (дело Сергея Седова), с тенью Троцкого и даже с ассоциациями и коннотациями Троцкого. Искусство насильно становилось одной из площадок этой тотальной войны, и в первую очередь — «важнейшее из искусств — кино».

*Тифлис. Партколлегия. Вацеку. 3. II. 35 г.
На копировальной фабрике Госкинпром Грузии отпечатан и разослан фильм «Красные дьяволята», содержащий кадры с портретом Троцкого. Немедленно проверьте, выявите конкретных виновников. О принятых мерах телеграфуйте.*

*Партконтроль. Шохин
(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 46)*

Популярнейший детский фильм «Красные дьяволята» (современный зритель знает его римейк 1967 года «Неуловимые мстители») был поставлен режиссером И.Н. Перестиани в 1923 году, так что портрет Троцкого в то время был вполне уместен. Потом его, естественно, вырезали,

но на грузинской фабрике, видимо, отпечатали фильм по первоначальной копии. В 1935 году такое уже не прощалось.

А теперь немного о музыке.

Минск. Цекнапарт⁶⁸. Гикало

Двадцать третьего Радиокомитет Минска транслировал траурный марш Шопена. Сообщите о принятых мерах, необходимо установить особый контроль над работой радио в ближайшие дни.

*25. 1. 37. Культпросцека. Тамаркин.
(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 52)*

И то: с чего бы это именно 23 января нельзя транслировать траурный марш?

И тут виноват кто? — Троцкий. В этот день в Москве начался второй открытый политический процесс по делу так называемого «Параллельного антисоветского троцкистского центра». Георгий Леонидович Пятаков (1890 — 1937), бывший первый заместитель председателя ВСНХ, Карл Бернгардович Радек (1885 — 1939), «золотое перо партии», Леонид Петрович Серебряков (1888 — 1937), бывший член Президиума ВЦИК, Григорий Яковлевич Сокольников (1888 — 1939), бывший нарком финансов СССР и отец «серебрянного рубля», и другие крупные государственные деятели обвинялись в организации саботажа, диверсий и шпионажа в пользу Германии и Японии. Было вынесено 13 смертных приговоров, так что сам по себе траурный марш был очень даже уместен, но еще преждевременен, что ли. Между прочим, ни Радек, ни Сокольников к смертной казни приговорены не были, но, по странности, были замочены сокамерни-

⁶⁸ ЦК партии.

ками в мае 1939 года почти одновременно, с разницей в два дня.

Вслед за музыкой – об изобразительно искусстве.

Курск. Начальнику областного управления НКВД Емец. В Цекамоле имеются непроверенные сведения о связи секретаря Орловского Горкома комсомола Старожилова с бывшим культпропом Орловского Горкомпарта Мамченко. В кабинете Старожилова на обратной стороне портретов вождей хранятся портреты врагов народа. Просим Вас срочно проверить и результаты сообщить мне.

Цекамол. Косарев

17/II-37 г.

(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 52)

Хороша формулировка – «по непроверенным сведениям», хотя, как этих связей могло не быть, если Павел Павлович Мамченко, до своего мимолетного пребывания в горкоме партии был, как раз, предшественником Старожилова – секретарем Орловского горкома комсомола? – За что и получил свои 10 лет, а в 1950 году, после освобождения, был сослан на поселение в Красноярский край. Получил свое и Старожилов. Но хуже всего сложилась судьба у адресата Косарева – Николая Васильевича Емца (1898 – 1939), хотя тот после Курска и до расстрела в марте 1939 года, успел сделать головокружительную карьеру и потрудиться зам. начальника Дальстроя НКВД СССР и начальником Московского УНКВД.

А как же сам генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ Александр Васильевич Косарев (1903 – 1939), заваливший подобными доносами все областные управления НКВД?

Естественно, расстрелян, и даже на пару недель раньше Емца.

Интересно, портреты каких врагов народа хранились на обратной стороне портретов вождей? Неужели опять Троцкого?

С портретами Троцкого — вообще беда. Иногда за их идентификацию брались дилетанты, не умевшие по пьяни отличить одного пламенного революционера от другого. Так, 46-летний начальник вагонного участка на ст. Харьков Дибров П.М. в ночь на 31 января 1953 г. явился в женское общежитие вагонного участка не совсем в трезвом состоянии и что же он увидел на стене? Правильно, портреты вождей: Сталина и Свердлова. Сталина он узнал — все-таки отец, а вот с Яковом Михайловичем обознатушки вышли. Показав на его портрет, он искренне возмутился и спросил: «Почему у вас до сих пор находится портрет фашиста Троцкого?», после чего снял портрет, порвал и бросил на пол. Протрезвевшего Диброва осудили по статье 58-10, т.е. за антисоветскую агитацию и пропаганду.

Вспоминается частушка двадцатых годов:

Скоро будет выдача
Портретов Льва Давыдыча.
Будем вешать мы его
И снимать Зиновьева.

ДВУЛИКИЙ ГУМАНИСТ, ИЛИ ИГРА В КОШКИ-МЫШКИ С ВОЖДЕМ⁶⁹ О том, чье имя хотят дать России

До сих пор еще многие сомневаются в гуманизме и демократизме вождя народов. Специально для них — нижеследующий документ, в котором лично Сталин заступает за одного из малых сих. И это — в апреле 1937 года, когда и партия, и органы делали все, чтобы Большой террор не стал малым.

⁶⁹ Впервые: *Двуликий гуманист* // Новая газета. 2008. 7–10 августа. Вкладка «Правда ГУЛАГа». С. 1.

*Шифром. Куйбышевский Обкомпарт. Новосибирский Крайкомпарт.
Сообщение ЦК ВКП(б) Куйбышевскому и Западно-Сибирскому
Крайкомам*

Тов. Шубриков освобожден от работы на посту первого секретаря Куйбышевского крайкома, потому что он не сообщил партии о своем проступке на Северном Кавказе в 1918 г., выразившемся в самовольном уходе из Владикавказских красноармейских частей, где он состоял на службе, к себе домой в Моздок. ЦК считает, однако, что т. Шубриков в дальнейшей своей работе не дал ни повода, ни оснований для того, чтобы сомневаться в его дисциплинированности, большевистской выдержанности, преданности делу партии и умении вести работу на ответственных постах.

На основании изложенного ЦК ВКП(б) считает возможным и целесообразным рекомендовать т. Шубрикова вторым секретарем Западно-Сибирского Крайкома.

Само собой понятно, что дальнейшее продвижение т. Шубрикова будет зависеть от него самого и от качества его работы.

*Секретарь ЦК ВКП(б) И. Сталин
8/IV-37 г.*

Дезертирство в глазах Сталина не является грехом, это же не голосование за неправильную резолюцию или правотроцкистская деятельность.

И все-таки что-то не так в этом документе. С чего бы такая снисходительность вождя? То-то радовался дезертир Шубриков, получив индульгенцию от самого Сталина, — но долго ли длилась эта радость?

Заглянем в справочники. «Шубриков Владимир Петрович, родился в 1895 году, кандидат в члены ЦК в 1934 — 1937 гг. <...> второй секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП(б). Член ЦИК СССР. Арестован 9 августа 1937 года, рас-

стрелян 30 октября 1937 года». Вот теперь все ясно: любимая игра Сталина в кошки-мышки. Целых четыре месяца ждал, не арестовывал.

Но дела персональные — это так, действительно — игры. Не тот масштаб.

Вот другой документ того же времени:

**Шифром. Секретарям обкомов,
крайкомов и ЦК нацкомпартий**

Замечено, что большая часть бывших кулаков и уголовников, высланных одно время из разных областей в северные и сибирские районы, а потом, по истечении срока высылки вернувшихся в свои области, — являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых отраслях промышленности.

ЦК ВКП(б) предлагает всем секретарям областных и краевых организаций и всем областным, краевым и республиканским представителям НКВД взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников, с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки, а остальные, менее активные, но все же враждебные элементы — были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД. ЦК ВКП(б) предлагает в пятидневный срок представить в ЦК состав троек, а также количество подлежащих расстрелу, равно как и количество подлежащих высылке.

Секретарь ЦК Сталин
3/VII-37 г.

Тут уже и масштаб, и простор для работников НКВД. В такие сроки где уж разбираться — кто там кулак, кто уголовник: чистое соцсоревнование по перевыполнению неведомого плана без верхних границ.

Ясно одно, что мало — нельзя, а сколько именно надо — неизвестно. Зато известно, что органы не подвели.

ПЕРВАЯ ДЕПОРТАЦИЯ И «ЭФФЕКТИВНЫЙ МЕНДЕЖЕР», ИЛИ КАК КОРЕЙСКИХ РЫБАКОВ ДЕЛАЛИ СКОТОВОДАМИ⁷⁰

Депортации были существенной частью общей репрессивной политики советского государства, мыслившей не только персонифицированными и индивидуальными, но и контингентными и безымянными жертвами. В качестве контингентов фигурировали различные социальные группы, этносы, конфессии и т.п. При этом они мыслились насущным и эффективным инструментом социальной инженерии, причем орудием «гуманным», поскольку тем или иным социально-неблагонадежным контингентам отказывалось не в праве на жизнь (тогда это был бы геноцид), а всего-навсего — в праве на свободу.

При этом как форма политических репрессий это, конечно, не высшая мера наказания и даже не ссылка по суду на каторгу на острова ГУЛАГа, но и легчайшей ее тоже не назовешь. Она создала в СССР — стране традиционно высокой мобильности населения — прецедент неслыханной принудительной мобильности.

По своей массовости депортации (53 кампании, 170 операций, более 6 млн внутренних депортантов и около 6 млн внешних, включая сюда и репатриантов) превосходят ГУЛАГ. Случаи, когда депортации подвергается не часть репрессируемого контингента (класса, этноса, конфессии и т.д.), а практически весь контингент полностью, называются тотальной депортацией, и 65-летняя годовщина крымско-татарской депортации мая 1944 года — это юбилей предпоследней в СССР тотальной депортации (последними в этом ряду стоят турки-месхетинцы).

Корейцы же были первым в СССР этносом, подвергнутым тотальной депортации. Постановление «О выселении корейского населения пограничных районов Дальневосточного края» было

⁷⁰ Впервые: *Новая газета. Спецвыпуск «Правда ГУЛАГа»*. 2009. 17 июня. С. 18.

принято СНК и ЦК 21 августа 1937 года и к 1 января 1938 года предусматривалось уже завершение всей операции. И действительно, уже к 25 октября 124 эшелонами было выселено 36442 корейских хозяйств, или 171781 человек. Это была первая и последняя депортация, когда выселяемых везли в вагонах без решеток. И хотя месячное (в среднем) путешествие, было мучительно, самое худшее ожидало корейцев впереди. В Казахстане и Средней Азии их никто не ждал, никому там они не были нужны. С жильем и продовольствием там и без них были проблемы. К тому же квитанции за сданный в Дальневосточном крае (ДВК) скот и инвентарь зачастую оказывались неправильно оформленными и виноваты в этом были, естественно, не те, кто их оформлял, а сами корейцы, да и откуда в бедном Узбекистане могло взяться столько лишнего скота, тем более свиней, которых там отродясь не было?

И, хотя основной ущерб пришелся на долю корейцев, государству депортация обошлась тоже недешево — на переселение было ассигновано более 200 миллионов рублей, не говоря уже о том уроне, что был нанесен экономике Дальнего Востока (последствия еще долго ощущались даже в послевоенное время).

Да и нормальная экономическая жизнь на новом месте началась далеко не сразу.

Вот некоторые письма и телеграммы, посланные в адрес правительства.

<1>

Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) — тов. Сталину

Копия: Председателю СНК СССР — тов. Молотову

Убедительно прошу Вашего вмешательства по вопросу: корейские переселенцы Кустонайской области в количестве 4000 населения, прибыли из Д. Востока 31 октября на вокзал под открытое небо, с ребятами валялись по 5-6 дней на холоде. Считаю бездушное отношение к живым людям, кроме того по настоящее время находятся в безвыходном положении, т.е. не имеют определенных занятий, так как не могут устроиться на работу из-за отсутствия паспорта. Ни

одно учреждение, производство не принимают на работу, а областные организации не занимаются вопросом о корейских переселенцах и даже не интересуются. Секретарь Обкома и Предоблсполкома вследствие этого прибывших рабочих и служащих не устраивают на квартиры, лишь несколько человек имеют частные квартиры. Прибывшим в организованном порядке, Правление колхоза даже не могут приступить к распределению доходов по трудодням, не могут найти своего члена колхоза, а также учебные годы сорвались. Ни одна школа не работает в Кустонайской области. Поэтому просим Вас дать соответствующие указания в Кустонайский Обком КП(б)К и Облсполком.
4000 семей корейских переселенцев Кустонайской области.

4 декабря 1937 г.

(ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 22а. Д. 48. Л. 93)

<2>

**Телеграмма тов. Кима
Совнарком Союза ССР – тов. Молотову**

Довожу до Вашего сведения о состоянии крайне безвыходного положения переселенческого колхоза «Большевик». Накануне переселения из ДВК нами отдано имущества на сумму 57000 рублей, 4 коровы и 11 лошадей. Затягивая, в течение четырех месяцев не оплачивается. От переселенческой Комиссии УзССР нет никакой помощи, заботы и внимательности к переселенцам, отпускают 3 центнера пшеницы на двор, это просто формально-издевательское отношение над переселенцами. Убедительно просим Вашего срочного вмешательства для принятия соответствующих мер, помощи нашему колхозу.
Город Ташкент, Средне-Чирчикский район, Сталинский сельсовет, колхоз «Большевик».

Председатель колхоза – Ким.

б. П. 38

(ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 22а. Д. 49. Л. 50)

Председателю СНК СССР

товарищу Вячеславу Михайловичу Молотову

От председателей переселенных с ДВК колхозов «Сучан» и «Труд-рыба», ныне находящихся в с. Теляч Денгизского р-на, Западно-Казахстанской области Казахской ССР.

По постановлению правительства в октябре 1937 г. колхозы переселили из ДВК в Казахскую ССР. После переселения прошло четыре месяца, но мы еще не включились в производственную жизнь, т.к. место, отведенное для нас, не соответствует ни рыболовству, ни земледелию, а наши колхозы рыболовецко-земледельческие.

В связи с этим мы обследовали близлежащие местности и пришли к выводу, что наиболее подходящим местом для колхоза «Сучан», в котором живет 716 колхозников, является местность Султановка Володарского р-на, Астраханского округа, Сталинградской области, расположенная всего в 40 – 50 километрах, от нынешнего местонахождения, а для колхоза «Трудрыба», насчитывающим 468 колхозников село Табала Нариманского р-на, Сталинградской области, т.к. данные местности находятся близко около рек и около Каспийского моря, что даст нам возможность заниматься своим старым промыслом – рыболовством и сочетать его с земледелием, для которого в этих местностях есть все условия и мы таким образом используем все наши силы и способности, как это мы делали на ДВК.

Для того, чтобы добиться разрешения поселиться к-зу «Сучан» и «Трудрыба» в Астраханском округе, колхозники послали нас в Москву, в Переселенческий Комитет НКВД, но т.к. там мы не получили нужного результата, мы решили обратиться к Вам с надеждой, что Вы дадите положительный ответ на нашу просьбу, т.е. разрешите поселиться нам в

Астраханском округе, Сталинградской области и тем самым создадите для наших колхозов условия для их полнокровной жизни и развития. Кроме того мы просим Вашего приема.

Председатель к-за «Сучан» — Пак Сергей

Председатель к-за «Трудрыба» — Хан Сынвон

*24. 1. 38 г. г. Москва, Трубная площадь 14/29, Дом Крестьянина
(ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 22а. Д. 49. Л. 72)*

Конечно, никакого разрешения на переезд корейские колхозники не получили, несмотря даже на такой любопытный документ

<4>

Заместителю председателя

Совета Народных Комиссаров Союза С.С.Р. тов. Чубарь В.Я.

Кремль. Москва

Я разговаривал с представителями корейских колхозов «Сучан» и «Трудрыба», считаю, что можно пойти им навстречу и разрешить поселиться в просимых районах, т.к. в районе Денгиза (КССР) земель для рисовых колхозов нет. Тов. Ежов тоже не возражает.

В случае Вашего решения прилагаю проект телеграммы в Астрахань.

Заместитель Народного Комиссара внутр. дел Союза ССР

комдив Чернышов

29 января 1938

(ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 22а. Д. 49. Л. 74)

Но даже вмешательство замнаркома Чернышова при «не возражающем» и всеильном наркоме корейцам не помогло — выбранное ими место оказалось всего в 30 км от Астрахани, а допустимой дистанцией было не менее 50 км.

Тем не менее, корейцы как-то выжили, и в 1948 году, то есть ровно через 10 лет, государство снова вспомнило о них. Они снова понадобились!

И где же? — на Дальнем Востоке и Сахалине!

И с каким трудовым заданием? — В рыбной промышленности!

<5>

Алма-Ата. ЦК КП(б) Казахстана

Тов. Каржаубаеву

Сообщаем, что нами переводится телеграфом 300 тыс. руб. на расходы по отправке корейцев на Дальний Восток и Сахалин.

Сумму произведенных расходов на эти цели с указанием на кого из работников и в каком размере они падают следует отнести на наш счет для удержания их при выплате работникам подъемных по новому месту работы.

9/111-48. Крупин⁷¹

(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 74. Л. 86)

300 тыс. руб. — это первая капля в море средств, затраченных Эффективным Менеджером на ежегодную доставку 9000 корейцев на время путины из Средней Азии на Дальний Восток и обратно. Интересно, во что обходится рыбка при таком менеджменте?

Естественно, никто не поинтересовался и «желанием» корейцев бросить семьи и уже кое-как налаженный быт и вновь временно десантироваться на бывшую родину. А условия на новом месте работы были таковы, что зам. председателя Совета Министров А.И. Микоян вынужден был телеграфировать секретарю Хабаровского Крайкома ВКП(б) Р.К. Назарову: «<...>В связи с Вашей шифротелеграммой № 40, 41 Бюро по пищевой промышленности при Совете Министров СССР заслушало объяснение министра т. Захарова и обязало его разработать и осуществить конкретные мероприятия по коренному улучшению бытового устройства корейских рабочих и использованию их в рыбной промышленно-

⁷¹Крупин Д.В. — управляющий делами ЦК КПСС.

сти, а также наказать виновных лиц в недопустимо плохом устройстве и использовании корейцев рыбаков на предприятиях Дальнего Востока <...>».

Едва ли после этого что-то особо изменилось в бомжеских условиях жизни бродяг-рыбаков, но уже радует до боли знакомое советское словосочетание — «коренное улучшение». Государство у нас никогда ничего не улучшало просто так, но всегда — коренным образом.

Что, собственно, и является верным признаком эффективности менеджмента.

***ГРЕЧЕСКАЯ ВОЛЫНКА В ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЕ*⁷²**

Как ни странно, но при многомиллионных депортациях, т.е. при принудительных переселениях населения, практически не было массового сопротивления. Были — единичные и групповые побег, особенно в послевоенное время при депортациях из Молдавии и Прибалтики, но и не более того. Бунты и даже восстания были, но в лагерях, а депортации (если не считать чеченской, для осуществления которой была стянута целая армия чекистов), проходили сравнительно спокойно. (Слово «армия» не вполне метафора: 120 тысяч человек, дюжина дивизий! Не всякая армия, как войсковое соединение, может похвастаться таким количеством военнослужащих, а ведь в то время еще не были освобождены Крым и значительная часть Украины и появление на фронте такой армии лишним не было бы. Но чекистам, понятное дело, воевать с детьми и стариками было сподручнее).

Вот и депортации народов Крыма прошли без сучка и задоринки, и только с греческими иноподданными произошла осечка. По прибытии в Среднюю Азию (вместо обещанной им Украины или Се-

⁷² Впервые: *Греческая волынка в Ферганской долине. К юбилею тотальных депортаций крымских татар и других народов Крыма (весна — лето 1944 г.)* // Полит.ру. Документы. Исторический архив. 2004. 9 июня.

верного Кавказа) они устроили самую настоящую «волынку», что на чекистском языке означает что-то вроде «акции неповиновения». Такая несознательность — редкость среди депортированных, и она всерьез обеспокоила чекистов.

Докладная записка
О расселении дополнительно прибывших из Крыма
спецпереселенцев греков и др.

Дополнительные эшелоны № 733 и 741 со спецпереселенцами из Крыма — греками и другими иноподданными прибыли, первый на ст. разгрузки — Горск Ферганской области УзССР 11 июля в 22 часа 40 мин. и второй на станцию Коканд Ферганской области 12 июля в 20 часов.

К прибытию эшелонов созданными в местах расселения (Горском и Кагановическом районах) районными тройками при участии представителей УНКВД по Ферганской области были подготовлены по колхозам необходимое количество квартир, помещения и средства для санобработки, автогужевой транспорт для перевозки спецпереселенцев с места разгрузки в колхозы, обеспечено питание.

<...> Переброска спецпереселенцев со станции Горск в колхозы Горского района началась по проведению санобработки утром 12 июля. После отправки машин со спецпереселенцами со станции в колхозы, оставшиеся организованно отказались грузиться в автомашины и повозки, заявляя при этом, что при выселении из Крыма их обманули, что их обещали переселить на Украину или Северный Кавказ, что климатические условия Средней Азии им не подходят, что они — греки не являются изменниками, многие участвовали в партизанских отрядах во время пребывания в Крыму немцев и т.п. Принятыми мерами со стороны руководящих работников УНКВД и районных партийно-советских органов разъяснениями спецпереселенцам сущности постановления ГКО о их переселении из Крыма положительные результаты достигнуты не были.

Спецпереселенцы, особенно женщины, продолжали оказывать сопротивление путем вызывающего поведения, выкриков с призывом «не сдаваться». Имели место шовинистические выкрики по адресу узбеков — что они спецпереселенцы не смогут жить вместе с узбеками и т.п.

Аналогичное организованное массовое сопротивление, направленное против выезда в колхозы, оказали спецпереселенцы на станции Коканд в 13 часов 13 июля, после того как 580 человек из них уже было отправлено по колхозам.

Разъяснительная работа среди них и в отдельности среди старших, по вагонам положительных результатов не дала.

Старшие по вагонам спецпереселенцы заявили, что они ничего не могут сделать, так как все спецпереселенцы не желают ехать в колхозы.

НКВД УзССР к месту выгрузки спецпереселенцев были командированы зам. наркома внутдел УзССР тов. Козырев и нач. оперотдела тов. Тарасов.

Повторное разъяснение сущности постановления ГКО о переселении из Крыма также ни к чему не привело, из толпы спецпереселенцев слышались выкрики «расстреливайте нас на месте, в колхозы мы не поедem, возвращайте нас в Крым», «греки не сдаются, будем держаться, пока вернете нас в Крым» и т.п.

<...> В процессе следствия опергруппой установлено, что «волынка» произошла не стихийно, а в результате проведенной отдельными лицами агитации против переселения, что во время «волынки» со станции Коканд на станцию Горская были посланы 2 подростка-грека с письмом о сопротивлении расселению.

<...> Среди спецпереселенцев уже завербовано 44 осведомителя.

С/о «Чертонидис» в своем донесении от 18.7.44 г. сообщил: организатором «волынки» является Коронидис Ставрон, который уговаривал спецпереселенцев не прекращать сопротивления, «не сдаваться», если понадобится, то он, Коронидис, сможет прокормить всех греков на протяжении 15 дней.

Коронидис устанавливается на предмет ареста.

О дальнейших результатах следственных и агентурно-оперативных мероприятий сообщим дополнительно.

Зам. народного комиссара внутренних дел УзССР

полковник госбезопасности Меер

29/VII-1944 г.

№ 72725

г. Ташкент

(ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 176)

Чекисты были шокированы такой некооперативностью греческой массы: они к этому не привыкли. Но и спустя две недели Коронидиса все еще не «установили», а в организации «волынки» приказано было искать «немецкий след».

Секретно

Отдел спецпоселений

15 августа 44

52/861 с

Начальнику отдела спецпоселений НКВД Узбекской ССР

Капитану государственной безопасности тов. Ищенко

г. Ташкент

На № 72725 от 29/VII-1944 г.

Представленная НКВД Узбекской ССР докладная записка о расселении спецпереселенцев из Крыма заслуживает серьезного оперативного внимания. Факты организованного сопротивления следованию в места расселения свидетельствуют о заранее продуманной организации этого мероприятия частью враждебных элементов спецпереселенцев-греков.

Это подтверждается полученными Вами агентурными данными с/о «Чертонадис» и внутрикамерной агентуры сообщившей о поведении некоторых арестованных зачинщиков волынки на ст. Горск.

В целях дальнейшей активизации разработки спецпереселенцев, прибывших в эшелонах № 733 и 741, прошу провести следующие агентурно-оперативные мероприятия.

1. Принять срочные меры розыска Коронидис Ставрон, установить его связи и обеспечить короткую и активную разработку его с последующим арестом.

2. Обратит особое внимание на вербовку агентурно-осведомительной сети среди молодежи и девушек спецпереселенцев греков.

3. Следствие арестованных по делу проводите форсированно, используя подсадку и внутрикамерную агентуру, поставив перед ними задачу выявления находящихся на свободе организаторов и участников сопротивления выезду в места расселения и немецкой агентуры среди них. О ходе следствия по делу арестованных и результатах выполнения настоящего указания сообщите в Отдел спецпоселений НКВД СССР.

*Начальник отдела спецпоселений НКВД СССР
Полковник государственной безопасности М. Кузнецов
(ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 176)*

В этих документах, помимо прочего, интересен сам термин «волынка», сплошь и рядом употребляемый в нквдешной переписке, наряду с саботажем, при всех случаях неповиновения. Из следующего документа можно понять как он возник и что именно он обозначает в советском новоязе.

*Секретарю Ивановского обкома Носову
По сведениям, поступившим в Цека, в течение декады среди рабочих Верхне Середских фабрик в результате роста брака нездоровые настроения. Враждебные элементы готовят забастовку, выступают против преимущественного снабжения ударников.*

Лично на месте обеспечьте перелом в настроении, устраните причины, выявите виновников и организуйте работу фабричных организаций. Результаты сообщите.

Каганович

11/VIII. 34 г.

(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 43)

Обыкновенная шифrogramма, таких множество, но одна деталь весьма интересна. Дело в том, что рукой Кагановича, слово «забастовка» зачеркнуто и сверху написано «волынка». И после 1934 года в нашей стране происходят только волынки и саботаж, а забастовки, понятное дело, бывают только на западе, у буржуев, где пролетариат борется за свои права.

Что касается адресата, первого секретаря Ивановского обкома и члена ЦК, Ивана Петровича Носова (1888 – 1937), то конечно он обеспечил, устранил, выявил и сообщил, но, тем не менее, через три года и он был расстрелян.

ПЕРЕПИСКА ДРУЖКОВ, ИЛИ ВТОРОЙ ЧЕЛОВЕК ИМПЕРИИ⁷³

А вокруг него сброд тонкошеих вождей...

О. Мандельштам

Вячеслав Михайлович Молотов (Скрябин) родился 9 марта 1890 года в слободе Кукарка Нолинского уезда Вятской губернии в семье приказчика, и сам – в силу своей аккуратности, усидчивости и неприятзательности, – вполне мог бы стать неплохим приказчиком уездного, а то и губернского масштаба, но судьба распорядилась иначе.

⁷³ *Впервые: Второй человек империи, он же – «каменный зад». О В.М. Молотове, 120-летие которого в этом году отметили сталинисты // Новая газета. 2010. № 134. 29 ноября. Вкладка: С. 4.*

Председатель СНХ Петроградского района в 1918 году, в 1921 он стал секретарем ЦК ВКП(б), впрочем, тогда это была чисто канцелярская должность, и получил в партийных кругах прозвище «каменный зад», авторство которого иногда приписывают Ленину, что вполне возможно, учитывая склонность последнего давать окружающим уничижительные клички. Позднее, когда Сталин стал формировать свое безгласное и подобострастное окружение, которое Осип Манделъштам удивительно точно назвал «сбродом тонкошеих вождей», Молотов, благодаря своей абсолютной никчемности, был замечен и в 1930 году сменил Рыкова на посту председателя ВСНХ СССР.

Позднее, в 1937 году, когда японское посольство, слало в Токио секретные донесения, их очень удивляло в сталинском окружении отсутствие хоть какой-нибудь самостоятельной личности, а Молоту назывался в них «просто не более чем школьным учителем». Но Молотов не только подобострастно одобрял все сталинские преступления (его подпись почти всегда стоит на расстрельных списках вслед за сталинской), но зачастую даже бежал впереди паровоза.

Известно, например, что когда работник Наркоминдела профессор В.Л. Левин в декабре 1937 года обратился к Молотову с личным письмом, в котором просил «не остаться безучастным» к судьбе арестованного органами НКВД его отца – известного врача Л. Г. Левина, которого Молотов прекрасно знал, то Молотов собственноручно на этом письме начертил: «Т. Ежову. Разве этот Левин все еще в НКВД, а не в НКВД? В. Молотов». На следующий день В. Л. Левин был арестован и впоследствии расстрелян. Не посмел усомниться Молотов в вожде даже тогда, когда в 1949 году арестовали его жену – П. С. Жемчужину (1897 – 1970).

Но при всем своем угодничестве Молотов был удивительно бестолков и, видимо, до конца так и не понял вождя, из-за чего, периодически подвергался выволочкам. В конце 1946 года В. Молотова избрали почетным членом Академии Наук, – а почему бы нет,

коли Жданов был назначен главным специалистом по всем видам искусств, а Хрущев и вообще — украинцем? В конце концов, формально Молотов был едва ли не самым образованным среди вождей — окончил реальное училище и даже немного поучился в Петербургском политехническом институте.

По поводу этого избрания Сталин и Молотов, находившийся тогда в Нью-Йорке, обменялись следующими шифrogramмами:

Шифром

Товарищу Молотову. Лично

Я был поражен твоей телеграммой в адрес Вавилова и Бруевича по поводу твоего избрания почетным членом Академии Наук. Неужели ты в самом деле переживаешь восторг в связи с избранием в почетные члены? Что значит подпись «Ваш Молотов»? Я не думал, что ты можешь так расчувствоваться в связи с таким второстепенным делом, как избрание в почетные члены. Мне кажется, что тебе как государственному деятелю высшего типа следовало бы иметь больше заботы о своем достоинстве. Вероятно, ты будешь недоволен этой телеграммой, но я не могу поступить иначе, так как считаю себя обязанным сказать тебе правду, как я ее понимаю.

5. XII. 46 г. Дружков.

Шифром

Сочи, Дружкову.

Спец. № 582

Твою телеграмму насчет моего ответа Академии Наук получил. Вижу, что сделал глупость. Избрание меня в почетные члены отнюдь не приводит меня в восторг. Я чувствовал бы себя лучше, если бы не было этого избрания. За телеграмму спасибо.

5. XII. 46 г. Молотов

Нью-Йорк.

(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 72)

Пока Сталин не заподозрил в Молотове английского шпиона, его отношение к нему было дружески-ироничное, как к хорошему шуту, — и, вероятно потому, что Молотов постоянно делал что-нибудь не так. Вот еще кое-что из переписки друзей, относящееся к декабрю 1948 года, когда некоторые телеграммы иностранных корреспондентов из Москвы вызвали гнев вождя и он приказал Маленкову, Берии и Микояну устроить Молотову показательную порку:

**Шифром
Товарищу Сталину**

Вашу шифровку получили. Вызвали Молотова к себе, прочли ему телеграмму полностью, Молотов после некоторого раздумья, сказал, что он допустил кучу ошибок, но считает несправедливым недоверие к нему, прослезился.

Мы со своей стороны сказали Молотову об его ошибках:

1. Мы напомнили Молотову о его крупной ошибке в Лондоне, когда он на Совете министров сдал позиции, отвоєованные Советским Союзом в Потсдаме и уступил нажиму англо-американцев, согласившись на обсуждение всех мирных договоров в составе 5 министров. Когда же ЦК ВКП(б) обязал Молотова исправить эту ошибку то он, сославшись без всякой нужды на указания Правительства, повел себя так, что в глазах иностранцев получилось, что Молотов за уступчивую политику, а Советское правительство и Сталин неуступчивы.

2. Мы привели Молотову другой пример, когда он противопоставил себя Советскому правительству, высказав Гарриману свою личную, уступчивую и невыгодную для нас позицию по вопросу голосования в Дальневосточной комиссии. Здесь мы напомнили Молотову, что он сам согласился с проектом решения Политбюро, который мы по этому вопросу представили Сталину 4 ноября и в котором было сказано: «Указать т. Молотову, что он не имел права в переговорах с Гарриманом высказываться за предложение о двух голосах и признать не-

правильной манеру Молотова отделять себя от правительства и изображать либеральнее и уступчивее, чем правительство».

3. Мы сказали Молотову, что понадобилось вмешательство Сталина, чтобы он, Молотов, обратил внимание и реагировал на гнусные измышления, распространяемые о Советском правительстве «Рейтером», со ссылкой на парижское агентство и его московского корреспондента и, что даже после этого указания Молотов прошел мимо клеветнических телеграмм московских корреспондентов «Дейли Геральд» и «Нью-Йорк Таймс». Понадобилось снова вмешательство Сталина, хотя Молотов мог и должен был сам своевременно реагировать.

4. Мы указали Молотову, что он неправильно поступил, дав 7-го ноября на банкете согласие на прием сыну Черчилля, который в это время находился в Москве как корреспондент газеты и хотел получить интервью у Молотова. Прием сына Черчилля не состоялся, так как мы высказались против.

5. Наконец, мы сказали Молотову, что все сделанные им ошибки за последний период, в том числе и ошибки в вопросах цензуры, идут в одном плане политики уступок англо-американцам и, что в глазах иностранцев складывается мнение, что у Молотова своя политика, отличная от политики правительства и т. Сталина и что с ним Молотовым можно сработаться.

Молотов заявил нам, что он допустил много ошибок, что он читал раньше Сталина гнусные измышления о Советском правительстве, обязан был реагировать на них, но не сделал этого, что свои лондонские ошибки он осознал только в Москве.

Что же касается Вашего упрека в отношении нас троих, считаем необходимым сказать, что мы в своем вчерашнем ответе исходили из Вашего поручения в шифровке от 5 декабря выяснить, кто именно допустил ошибку по конкретному факту с пропуском телеграммы московского корреспондента «Нью-Йорк Тайм», а также проверить правильность сообщения «Рейтера» от 3 декабря. Это нами было сделано и

Вам сообщено. Может быть, нами не все было доделано, но не может быть и речи о замазывании вопроса с нашей стороны.

7/XII

*Г. Маленков, Л. Берия, А. Микоян
(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 74)*

Обратите внимание на слово – прослезился. Это, кстати, любимое словечко Берии. В свое время, в феврале 1944-го, в телеграмме Сталину о выселении чеченцев, Берия писал: «Мной был вызван председатель Совнаркома Моллаев, которому сообщил решение правительства о чеченцах и ингушах и мотивах, которые легли в основу этого решения. Моллаев после моего сообщения, *п р о с л е з и л с я*, но взял себя в руки...» Не прав был Маяковский, написав: «Если бы выставили в музее плачущего большевика...»

После дружеской порки Молотов пишет покаянное письмо вождю, причем отдает его шифровальщикам написанным от руки, стесняясь, видимо, собственных секретарей.

Шифром.

Товарищу Сталину

Познакомился с твоей шифровкой на имя Маленкова, Берия, Микояна.

Сознаю, что мною допущены серьезные политические ошибки в работе. К числу таких ошибок относится проявление в последнее время фальшивого либеральничанья в отношении московских инкоров. Сводки телеграмм инкоров а также ТАСС я читаю и, конечно, обязан был понять недопустимость телеграмм, вроде телеграммы корреспондента «Дейли Геральд» и других, но до твоего звонка об этом не принял мер, так как поддался настроению, что это не опасно для государства. Вижу, что это моя грубая, оппортунистическая

ошибка, нанеся вред государству. Признаю также недопустимость того, что я смазал свою вину за пропуск враждебных инкоровских телеграмм, переложив эту вину на второстепенных работников.

Твоя шифровка проникнута глубоким недоверием ко мне, как большевику и человеку, что принимаю, как самое серьезное партийное предостережение для всей моей дальнейшей работы, где бы я ни работал. Постараюсь делом заслужить твое доверие, в котором каждый честный большевик видит не просто личное доверие, а доверие партии, которое мне дороже моей жизни.

Молотов

7/XII. 45 г.

(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 74)

Как уже говорилось, в конце жизни вождя, над Молотовым стали сгущаться тучи, и очень может быть, что это была не просто очередная сталинская паранойя. Почувяв свою смерть и оглядев свое тонкошеее окружение во главе со вторым человеком в стране, окружение, которое было так хорошо и удобно во времена его безграничного правления, Сталин ужаснулся от мысли, что его страна, которую он создал по своему чудовищному разумению, отойдет в руки таким вот ничтожествам. Но было поздно.

Умер В.М. Молотов на 97-м году жизни, в ноябре 1986 года. Последние годы он был большой книголюб, имел огромную библиотеку и оставлял в книгах множество замечаний и рассуждений, проанализировав которые уже в наше время, исследователи пришли к единодушному мнению о феноменальной посредственности автора.

Совет нынешним и будущим вождям: — не портите книги и репутации.

ТЕЛЕГРАММЫ ПРОКУРОРА ГРЕЗОВА⁷⁴

До окончания войны еще год. И если боевые потери учитываются, но не считаются — то что уж говорить о тыле?

Алма-Ата. Цекпарт. т. Скворцову

Копия т. Штаталину

По поручению т. Маленкова передается шифровка Генштаба КА, полученная от военного прокурора Южно-Уральского Военного округа т. Грезова: «Главному Военному Прокурору КА тов. Носову. Получил проверенные сигналы о высокой смертности семей фронтовиков в Приуральском районе Западно-Казахстанской области, Казахской ССР, входящего в УЖУРВО.

Смертность нарастает с каждым днем.

К 7 мая умерло с последних чисел апреля 93 человека, зарегистрировано больных по району 519 человек, из них тяжело — 131 человек. По области больных свыше 1000 человек.

Причиной заболевания является септическая ангина, вызываемая употреблением в пищу населением колосков зерновых культур, пролежавших под снегом в поле зиму. Оказываемая медпомощь на месте эффективных результатов не дает. Требуется квалифицированная медпомощь из центра. Местные органы достаточно реальных мер не принимают.

Привожу характерный ответ секретаря Западно-Казахстанского обкома партии Трефилова секретарю Приуральского райкома партии, обратившемуся за помощью: “в Каменском районе хуже — и то там вопрос не ставят”.

Докладываю о моих мероприятиях: доложил Военному Совету округа, донесено по линии санотдела округа в Москву Главвоенсанупру о

⁷⁴ Публикуется впервые.

постановке перед соответствующими органами вопроса изучения болезни и оказания немедленной практической медпомощи. По согласованию с Военным Советом сообщил ЦК Казахстана, прокурору Казахской республики о проверке действий местных органов, принятия неотложных мер помощи на месте. Грезов».

12/V. 44 г.

(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 67. Л. 189, 190)

Нетипичный прокурор и идеалист этот Грезов, — с таким беспокойным характером у нас карьеры не сделаешь! Зато секретарь обкома вполне типичен, — настоящий коммунист!

Кстати, сам Михаил Григорьевич Левин, выбравший еще до революции такой претенциозный псевдоним — Грезов — член партии с 1917 года, в марте 1939 года делегат с совещательным голосом от Харьковской парторганизации на XVIII съезде ВКП(б), затем с советскими войсками в Станиславе на Западной Украине (военный прокурор 12-й армии). С начала войны дивизионный военюрист М.Г. Грезов — военный прокурор Ленинградского фронта, где проявил себя далеко не мягким человеком. Умер он в 1982 году персональным пенсионером союзного значения.

А вот еще одна шифрограмма Грезова:

Уфа. Обкомпарт. Игнатьеву

Передается шифровка Генштаба КА, полученная от военного прокурора Южно-Уральского Военного округа т. Грезова, к решению Секретариата ЦК ВКП(б) от 8/V-44 г. № 152/361:

«Главному Военному прокурору КА генерал-лейтенанту тов. Носову. В порядке общенадзорной работы установлено преступное отношение отдельных лиц местных органов Башкирии к семьям фронтовиков. В Кигинском районе предрайсовета Сулейманов заключил незаконный договор с машиностроительным заводом на

поставку рабочей силы путем принудительной мобилизации семей фронтовиков. Всего отправил на завод 500 человек, включая детей, пешком на расстоянии 150 километров. Мобилизованных не обеспечил одеждой и питанием, отчего умерло в пути трое ребят. На заводе не организовали приема, не предупредили взять паспорта, поэтому милиция выселяла их обратно, но в районе они уже лишились жилплощади. Совнарком Башкирии отстранил Сулейманова от должности. Полагаю необходимым Сулейманова, также директора завода судить.

В Сатнинском, Белокатайском, Бураевском, Дуланском районах Башкирии семьи питаются липовой корой, желудями, другими суррогатами. В этих районах умерло от голода до 150 человек членов семей фронтовиков. Жалобы голодающих семей фронтовиков не рассматриваются в отдельных районах месяцами. В отношении виновных лиц из местных работников нарсуды выносят в ряде случаев либеральные приговоры в виде принудработ.

В Обзелиловском районе у матери двух сыновей фронтовиков Сайгафаровой дети умерли от голода, Сайгафарова труп ребенка употребила в пищу себе и остальным детям, местные же власти ограничились в отношении виновного предсельсовета только партвзысканием и отстранением от работы.

Докладываю подробности Военному Совету о всех случаях.

Одновременно необходимо срочное вмешательство директивных, а также следственных надзорных органов.

Телеграфьте. Грезев».

8/V. 44 г.

(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 67. Л. 174)

Обратите внимание — все эти ужасы в телеграммах прокурора относятся к семьям фронтовиков, людей, безусловно, привилегированных в условиях военного времени. Но были же еще одинокие, старики, инвалиды!

И еще: эти документы относятся к власти на местах, а как же центральная власть? Неужто она ко всему этому не причастна?

Вовсе нет, свой посильный вклад она внесла. Как раз, за год с лишним до описанных в телеграммах прокурора Грехова событий, в ту же Уфу поступила такая шифрограмма:

Уфа. Совнарком. Ваганову

Копия почтой: НКПП СССР – Панасюку

По сообщению Наркомпищепрома СССР Совнарком Башкирской АССР распоряжением № 98 обязал спиртозаводы передать хранящийся на глубинных пунктах картофель в количестве 4600 тонн Наркомторгу республики и Башсоюзу для реализации населению.

Если это верно, Вам необходимо отменить свое распоряжение, как незаконное, и принять меры к вывозке картофеля из глубинки на спиртозаводы. Прошу телеграфировать.

А. Микоян

7/IV. 43 г.

(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 66. Л. 6)

Вот сволочи: утаить хотели для населения! Но не вышло: тов. Панасюк настучал, а тов. Микоян распорядился⁷⁵. Население может питаться желудями, а какой же спирт из желудей?

Еще одно соображение. По лендлизу нам было поставлено союзниками 4 миллиона тонн продовольствия. Исходя из суточной нормы потребления при тяжелых работах — 800 грамм на человека, это означает питание 5 миллионов человек в течение 1000 дней, то есть фактически всей армии на передовой в течение всей войны. Можно ли было отыскать в тылу резервы, чтобы накормить «эту» армию без помощи союзников?

Судя по документам — и в самом деле нельзя.

⁷⁵М.П. Панасюк (1896 — 1956), с 1939 г. зам. наркома промышленности продовольственных товаров, а А.И. Микоян (1895 — 1978), в то время член Политбюро, первый зам. председателя СНК и одновременно нарком внешней торговли СССР.

СТАЛИН И ХРУЩЕВ, ИЛИ КТО В ДОМЕ ХОЗЯИН⁷⁶

В поле зрения Сталина Н.С. Хрущев попал в 1929 году, когда учился вместе с женой вождя в Промышленной академии. В 1935 году он уже 1-й секретарь МК и МГК ВКП(б), а с 1938 по 1949 год, с небольшим перерывом в 1947 году, 1-й секретарь ЦК КП(б) Украины. В 1949 году Хрущев возвращается в Москву секретарем ЦК и 1-м секретарем МК ВКП(б). Нельзя сказать, что отношения между Сталиным и Хрущевым были безоблачны, — да у Сталина и ни с кем таких не было. Диктатор обязан периодически показывать, кто в доме хозяин, но, в общем, карьера Хрущева сложилась вполне благополучно. В приведенных ниже документах Хрущев выглядит куда более человечным и даже мудрым по сравнению с вождем и учителем.

1946 год на Украине выдался очень тяжелым. Ко всему прочему страшный неурожай предыдущего года. Голод стал не угрозой, а реальностью. Никита Сергеевич Хрущев как 1-й секретарь КП(б) Украины слал в Москву сообщения о бедственном положении республики и просил помощи.

Но вот ответ вождя:

Тов. Хрущеву

Копия — членам и кандидатам Политбюро

Я получил ряд Ваших записок с цифровыми данными об урожайности на Украине, о заготовительных возможностях Украины, о необходимом количестве пайков для населения Украины и тому подобное.

Должен Вам сказать, что ни одна из Ваших записок не заслуживает внимания. Такими необоснованными записками

⁷⁶ Впервые: Сталин и Хрущев. Никита не только потешал тирана, но и пытался спасти сотни тысяч жизней // Новая газета. 2009. 9 февраля. С. 15.

обычно отгораживаются некоторые сомнительные политические деятели от Советского Союза для того, чтобы не выполнять задания партии.

Предупреждаю Вас, что если Вы и впредь будете стоять на этом негосударственном и небольшевистском пути, дело может кончиться плохо.

20. X. 46

И. Сталин

(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 72. Л. 87)

Но все тогда обошлось. Ни от голода, ни от оппозиционности Хрущев в 1946 году не умер. В отличие от приблизительно миллиона граждан СССР (пустяки по сравнению с 1933 годом). А Сталин еще более укрепился в своем ореоле Великого Агрария.

Тучи сгущались над хрущевской головой не раз и потом. Вот еще одно гневное послание вождя — на двадцатый день Отечественной войны:

Киев, т. Хрущеву

Получены достоверные сведения, что Вы все, от командующего Юго-западным фронтом до членов Военного Совета, настроены панически и намерены произвести отвод войск на левый берег Днепра.

Предупреждаю Вас, что если Вы сделаете хоть один шаг в сторону отвода войск на левый берег Днепра, не будете до последней возможности защищать районы уров⁷⁷ на правом берегу Днепра, вас всех постигнет жестокая кара, как трусов и дезертиров.

Председатель

Государственного Комитета Оборона И. Сталин

11/VII-41 21.05

(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 60. Л. 26)

⁷⁷Укрепрайонов.

Пронесло и на этот раз: жестокая кара не последовала. Результатом же стала крупнейшая катастрофа времен Отечественной войны — войска не были вовремя отведены на левый берег Днепра и все четыре армии Юго-Западного фронта (командующий — генерал-полковник М. П. Кирпонос) были окружены в сентябре в районе Лубны и полностью уничтожены. Вот вам и еще одна ипостась Иосифа Виссарионовича — Великого Полководца.

Заметим, что не всегда Сталин был так строг с Никитой, столь потешавшим его на пирах на ближней даче. Случалось, что он поручал ему сложнейшие и деликатнейшие задания. В том числе и во время войны:

Тов. Хрущеву

Получил Вашу шифровку насчет Вашего выезда во 2 гвардейскую армию для работы там. Я считаю, что Вам придется в ближайшие 2 месяца остаться там в Военном Совете 2 гвардейской армии и иметь серьезное наблюдение за работой Малиновского. Не случайно, что во время отступления Южного фронта личный адъютант Малиновского покинул наш фронт и ушел, будто бы, в партизаны, а на деле видимо ушел к немцам. Не случайно также, что член Военного Совета 2 гвардейской армии и личный друг Малиновского Ларин кончил самоубийством, оставив записку непонятного, странного содержания. Что должна означать в записке Ларина фраза «я не причем». В чем он здесь оправдывается? Почему Ларин мог думать, что мы тронем его семью, тоже непонятно. Почему в записке Ларина говорится о Родионе, как об умном человеке? А Малиновский набрал в рот воды и молчит, как будто это его не касается. Порасспросите обо всем этом Малиновского, а также об его личном адъютанте, — посмотрим, что скажет. Заберите к себе несколько человек, опытных особистов и, с их помощью организуйте строжайшее наблюдение за Малиновским. Если вскрыется какая-либо фальшь в поведении Малиновского, немедленно сигнализируйте мне, чтобы сразу освободить его под тем или иным благовидном предлогом и заменить другим. Соберите данные о Крейзере, возможно, что он вполне подой-

дет для замены Малиновского, если эта замена окажется необходимой. Регулярно информируйте меня о результатах Вашего наблюдения.

Январь 1943. Сталин
(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 65. Л. 3)

С разночтениями есть этот эпизод и в «Мемуарах» Н. Хрущева (в сталинской телеграмме особенно умиляет «наивность» вождя: и как же это бригадный комиссар Илларион Ларин мог подумать, «что мы тронем его семью»?..).

К чести Хрущева, он не оправдал шизофренических надежд вождя. Генерал-лейтенант Родион Яковлевич Малиновский, в декабре 42-го принявший 2-ую Гвардейскую армию, в начале 43-го удерживал от Манштейна сталинградские клещи вокруг Паулюса, а уже в марте возглавил Юго-Западный (будущий 3-й Украинский) фронт. И в итоге из плотной хрущевской «опеки» под Сталинградом родился не донос на Малиновского, а дружба, венцом которой стало назначение маршала министром обороны в 1957 году. Спустя 10 лет, будучи 70 лет от роду, Малиновский так и умер министром (второй за всю историю случай: первый – Фрунзе).

Похоронили Хрущева у Кремлевской стены, недалеко от Сталина, выброшенного им из Мавзолея.

БЕЗ ЛИЦЕМЕРИЯ, ИЛИ О ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ⁷⁸

Лицемерие вообще свойственно политике, а уж сталинской – безусловной рекордсменке в этой области – тем бо-

⁷⁸ Публикуется впервые.

лее. Тем интересней встретить, можно сказать, бесхитро-
стный документ, правда, совершенно секретный.

Тов. Сталину

Тов. Пуликин сообщил, что по заданию американских представителей в нефтяной фирме «Маорт» в Венгрии венгерские инженеры, работавшие на промыслах этой фирмы, организовали саботаж, в результате которого добыча нефти на промыслах была снижена с 60 тыс. тонн нефти в месяц до 38 тыс. тонн в месяц.

В связи с этим Гере сообщил, что венгерские друзья намерены арестовать двух американских представителей фирмы, допросить их и после допроса выселить из Венгрии. Друзья считают, что арест американцев поможет им в дальнейшем захватить фирму «Маорт», хотя сразу они не будут затрагивать прав американцев на концессию и имущество фирмы.

Гере просит одобрить этот план.

Считаю возможным ответить Гере о нашем согласии с этим планом друзей.

Прошу Вашего согласия.

Молотов.

18. IX. 48 г.

Вполне откровенный документ. Напоминает выдавливание англичан из Сахалина. Как видим, нынешние рейдерские захваты имеют глубокие исторические корни.

Вот еще отрывок из постановления Совета Народных Комиссаров № 1308-310сс от 14 декабря 1938 г.:

<...> Придаться к случаю нападения на советское консульство в Милане, ликвидировать его и предложить закрыть итальянское консульство в Одессе.

Слово «придаться» неплохо звучит в официальном документе и очень подкупает своей откровенностью. Даже заменить фигуры – консульство на консульство – без мухляжа как-то непривычно.

ДРУЖКОВ ВСЕХ НАРОДОВ, ИЛИ КАК СТАЛИН ЗАПРЕТИЛ ВСЕМ АРМЯНАМ ВОЗВРАЩАТЬСЯ В АРМЕНИЮ⁷⁹

1 сентября 1948 года на теплоходе «Победа» (в свою до-трофейную бытность он носил имя «Герман Геринг»), доставившем армянских репатриантов и других пассажиров из США в Батуми, произошел пожар, в котором 49 человек погибли. Правительственная комиссия, расследовавшая причину пожара, признала пожар бытовым, о чем рутинным порядком доложили и Сталину.

Но Сталин в это время находился как раз поблизости — на отдыхе в Сочи, откуда пристально всматривался за морской горизонт и все сам прекрасно видел: с выводом комиссии не согласился.

И хотя текст сталинской телеграммы остался нам недоступен, о ее содержании достоверно можно судить по ответным телеграммам Маленкова.

Шифром. Тов. Сталину

Вашу телеграмму о теплоходе «Победа» получил. Несомненно, Вы правы, что среди армянских переселенцев есть американские разведчики, которые произвели диверсию перед отходом теплохода из Батуми в Одессу, после или во время выгрузки армян. Сегодня же вместе со всеми друзьями примем меры и решение в полном соответствии с Вашим предложением. О принятых мерах незамедлительно доложим.

⁷⁹ Впервые: Дружков всех народов. Ровно 60 лет назад Сталин запретил всем армянам возвращаться в Армению // Новая газета. 2008. 11 сентября. Спецвыпуск «Правда ГУЛАГа». № 8. С. 1.

Шифром. Тов. Сталину

Докладываю, что во исполнение указаний, данных в Вашей телеграмме о теплоходе «Победа», приняты следующие меры:

Министерством Госбезопасности –

а) направлен и сегодня прибыл в Баку специальный уполномоченный МГБ СССР, заместитель министра Госбезопасности т. Селивановский с группой ответственных работников в числе 8 человек;

б) направлен и сегодня прибыл в Ереван начальник Управления МГБ СССР т. Рогов с группой ответственных работников МГБ в числе 7 человек.

Т.т. Селивановский и Рогов получили задания в соответствии с указаниями, изложенными в Вашей телеграмме.

2. Постановлением Совета Министров СССР от 14 сентября полностью и немедленно отменена репатриация в СССР зарубежных армян и воспрещен прием армянских переселенцев в Армению, откуда бы переселенцы ни направлялись.

В соответствии с этим даны необходимые указания.

Предложения, изложенные в четырех пунктах Вашей телеграммы о теплоходе «Победа», приняты как решение Политбюро.

14/IX. Маленков

Шифром. Тов. Сталину

Сегодня в Совмине заслушали отчетный доклад правительственной комиссии о результатах расследования причин возникновения пожара на теплоходе «Победа».

Бюро Совмина пришло к следующим выводам:

Признать выводы комиссии односторонними и считать неправильным, что комиссия совершенно обошла вопрос о диверсии, как возможной причине возникновения пожара на теплоходе «Победа».

Обязать Министерство государственной безопасности СССР (т. Абакумова) совместно с Прокуратурой СССР провести расследование, исходя из того, что причиной возникновения пожара на теплоходе «Победа» мог быть диверсионный акт.

Обязать т. Новикова принять меры к наведению строгого порядка на судах морского флота, исключающего возможность повторения подобных фактов, и представить к 25 сентября в Совет Министров отчет о принятых мерах, а также предложения об улучшении работы судов и особенно об обеспечении их проверенными кадрами. Отчет и предложения т. Новикова рассмотреть на заседании Бюро Совета Министров СССР.

Соответствующий проект Постановления Совмина представляется на Ваше утверждение.

16/IX. Маленков

Просто удивительно, как быстро и с каким холуйским рвением выполнялись любые, даже самые параноидальные, указания Хозяина. Холуйство даже в подписи. Согласно нормативу, фамилии в советском документообороте писались заглавными буквами, здесь же фамилия Маленков, кроме первой заглавной, написана строчными.

Все это было бы смешно, если бы не знать, какой неминуемой трагедией обернулось путешествие Селивановского и Рогова в Баку и Ереван для конкретных людей, приплывших на долгожданную Родину и «разоблаченных» на берегу как «диверсанты». Возможно, кто-то из читателей знает что-либо о продолжении этой истории?

С 1949 года часть репатриантов (выживших) начала обращаться с просьбами о выезде за границу на ПМЖ. Одна из главных причин — их родственники из США, Франции и Ливана уже не могли вернуться на родину и воссоединиться с ними.

Небольшое примечание: термин «друзья» в первом письме явно обозначает центральный аппарат НКВД, а среди псевдонимов Сталина на шифрограммах, помимо Хозяин и Инстанция, имеется и такой: Дружков.

БИБЛИОГРАФИЯ¹

1968

Наш друг и соперник — река // Техника — молодежи. 1968. № 6. С. 19–21 (совм. с А. Таруцем).

1996

[Указатели] Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем Рейхе и их репатриация. М.: РОССПЭН, 2002. С. 421–439.

1997

В середине шестидесятых (Об Аркадии Штейнберге) // Аркадий Штейнберг. К верховьям. М.: Совпадение, 1997. С. 450–452.

Что упало — то пропало? // Русская мысль (Париж). 1997. 13–19 марта. С. 3.

[Библ.] Библиография работ И. М. Семенко // Семенко И. М. Поэтика позднего Мандельштама. М.: От черновых редакций — к окончательному тексту. М.: Мандельштамовское общество, 1997. С. 140–143 (совм. с П. Нерлером).

[Ред.] Путеводитель по Греции

1998

«Поезд шел на Урал...» // Русская мысль (Париж). 1998. 12–18 ноября. С. 15. (Совм. с П. Нерлером).

1999

Как их везли // Железнодорожное дело. 1999. № 2–4. С. 43–47 (совм. с А. Никольским).

Реки Северного Причерноморья на перекрестье трех наук / Рец. на кн.: Шрамм Г. Г. Реки Северного Причерноморья. М., 1997 // Природа. 1999. № 1. С. 128–129 (совм. с П. Поляном).

2001

Рец. на кн.: 58–10. Надзорные производства прокуратуры СССР по делам об анти-советской агитации и пропаганде. Аннотированный каталог. Март 1953 — 1991. М.: Демократия, 1999. 940 с. // Знамя. 2001. № 3. С. 231–234.

Первые советские депортации и плановые переселения на Северном Кавказе в 1920-е гг. // Расселение, этнокультурная мозаика, геополитика и безопасность горных стран. Тезисы международной научной конференции. 11–15 сентября 2001 г. М.: Ставрополь, 2001. С. 236–239 (совм. с П. Поляном).

Дело Мандельштама // Смерть и бессмертие поэта. Материалы международной научной конференции, посвященной 60-летию со дня смерти О. Э. Мандельштама (Москва, 28–29 декабря 1998 г.). / Записки Мандельштамовского общества. Т. 11. М.: РГГУ, 2001. С. 162–173 (совм. с П. Нерлером).

[Указатели] Полян П. М. Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР. М.: О.Г.И. — Мемориал, 2001. С. 303–327.

2002

Рец. на кн.: Аполлон Давидсон. Николай Гумилев. Поэт, путешественник, воин. Смоленск: Русич, 2002. 414 с. // Вопросы литературы. 2003. № 5. С. 350–351 (совм. с П. Нерлером)

¹ Составлена П. Поляном. В некоторых воспоминаниях, публикуемых в настоящем издании, содержатся указания на возможные пробы пера Н. Поболя в жанре перевода поэзии (туркменской или немецкой). Но соответствующие публикации не выявлены, как и выходные данные путеводителя по Греции, отредактированного Н. Поболям в 1997 г. и выпущенного издательством «Polyglot», Настоящая библиография не охватывает публикации, вышедшие после 1. 6. 2013.

Рец. на кн.: Лирика любителей железных дорог. Вып. 2. М., 2001 // Локотранс. 2002. № 5. С. 19².

[Указатели] Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на Родине. М.: РОССПЭН, 2002. С. 857–892.

[Указатели] Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Государь / Пер. с итал. М. А. Юсима. М.: РОССПЭН, 2002. С. 489–530 (Аннотированный предметно-именной указатель – техническая часть; участие Н. Поболя не отмечено).

2003

[Подг. текста.] Валентин Парнах. Пансион Мобэр. Из воспоминаний. // Еврейская газета (Берлин). 2003. Январь. С. 30 (совм. с П. Нерлером и О. Шамфаровой).

2004

[Публ.] Греческая волынка в Ферганской долине. К юбилею тотальных депортаций крымских татар и других народов Крыма (весна–лето 1944 г.) // Полит.ру. Документы. Исторический архив. 2004. 4 июня (совм. с П. Поляном).

2005

[Сост., научно-справочный аппарат] Сталинские депортации. 1928–1953. Документы / Сер.: Россия XX век. М.: Материк – Фонд Демократия, 2005. 904 с. (совм. с П. Поляном)

От составителей // Сталинские депортации. 1928–1953. / М.: Демократия, 2005. С. 20–33 (совм. с П. Поляном)

Этнизация депортаций в годы Великой Отечественной войны и особенности депортаций из горных районов // Горные страны: расселение, этнодемографические и геополитические процессы, геоинформационный мониторинг. Материалы Международной конференции Ставрополь–Домбай, 25–30 сентября 2005 г. М.—Ставрополь, СГУ. 2005. С. 95–104 (совм. с П. Поляном).

В. Я. Парнах. Пансион Мобер. Воспоминания / Подготовка текста // Диаспора. Новые материалы. Т. 7. Париж—Санкт-Петербург: Atheneum—Феникс, 2005. С. 16–91. (совм. с П. Нерлером и О. Шамфаровой).

[Публ.] Таганрогский дневник. Жизнь и оккупация глазами рабочего Николая Саенко // Известия. 2005, 3 марта. С. 8 (совм. с П. Поляном).

[Публ.] «Нам запретили белый свет...» Дневник военнопленного, найденный в его могиле // Известия. 2005, 10 марта. С. 8 (совм. с П. Поляном).

[Публ.] Черные дни 50-й армии // Известия. 2005, 21 апреля. С. 8 (совм. с П. Поляном).

[Публ.] «Мы знали друг друга по номерам...». Дневник Анатолия Пилипенко, узника концлагеря // Известия. 2005, 13 мая. С. 8 (совм. с П. Поляном).

[Публ.] Из дневниковых записей Д. Заславского. 1943 г. // Еврейский книгоноша (М.—Иерусалим). 2005. № 8. С. 39–46.

2006

[Сост.] «Нам запретили белый свет...»: Альманах дневников и воспоминаний военных и послевоенных лет. М.: РОССПЭН, 2006. 416 с. Сер.: Человек на обочине войны. Совм. с П. Поляном.

[Публ.] Люди на обочине войны / Предисловие к публикации: «Сколько людей расстреляли вы за это время?». Из трофейного дневника начальника особого отдела армии // Отечественные записки. 2006. Т. 31(4). С. 326–341 (совм. с П. Поляном).

[Републ.] Эренбург глазами Д. Заславского // Лехам. 2006. № 8. С. 53–57³

2007

[Сост.] Сквозь две войны, сквозь два архипелага... Воспоминания советских военнопленных и оstarбцев. М.: РОССПЭН, 2007. 351 с. Сер.: Человек на обочине войны. Совм. с П. Поляном.

²Подписано: член ВОЛЖД.

От составителей // Сквозь две войны, сквозь два архипелага... Воспоминания советских военнопленных и остовцев. М.: РОССПЭН, 2007. С. 5–10 (совм. с П. Поляном).

[Рец.] Багровая книга погромов [Рец. на кн.: Книга погромов. Погромы на Украине, в Белоруссии, европейской части России в период Гражданской войны 1918–1922 гг. Сборник документов. М.: РОССПЭН, 2007. 995 с.] // Лехаим. 2007. № 8. С. 106.

[Рец.] «Коммунистическая власть против религии Моисея» [Рец. на кн.: «Коммунистическая власть против религии Моисея» / Сост.: Васильев В. Ю., Кравченко П. Н., Подкур Р. Ю. Документы 1920–1937, 1945–1953 гг. Вып. 2. Ред. серии и отв. за выпуск Л. И. Килимник. Винница: Глобус-пресс. 2005. 383 с.] // Лехаим. 2007. № 8. С. 106–107.

[Рец.] Евреи советской провинции [Рец. на кн.: А. Зельцер. Евреи советской провинции: Витебск и местечки. 1917–1941. М.: РОССПЭН, 2006. 476 с.] // Лехаим. 2007. № 8. С. 107.

2008

В середине шестидесятых (Об Аркадии Штейнберге) // «Он между нами жил...». Воспоминания об Аркадии Штейнберге. М.: Русский импульс, 2008. С. 202–204.

[Сост., ред.] Семен Липкин. «Угль, пылающий огнем...» Воспоминания о Мандельштаме. Стихи, статьи, переписка. М.: РГГУ, 2008. 456 с. (500 экз.). Совм. с П. Нерлером и Д. Полишукком.

От составителей // Семен Липкин. «Угль, пылающий огнем...» Воспоминания о Мандельштаме. Стихи, статьи, переписка. М.: РГГУ, 2008. С. 9–10 (совм. с П. Нерлером и Д. Полишукком).

[Сост.] О. Э. Мандельштам. Мандельштамовский календарь на 2009 год. М.: Петровский парк, 2008. 14 с. (совм. с П. Нерлером).

[Сост.] Роза Солоухина-Заседателева. На задворках победы. Николай Карпов. Маленький ostarbeiter. М.: РОССПЭН, 2008. 272 с. Сер.: Человек на обочине войны. Совм. с П. Поляном.

[Сост., комм.] Юрий Апель. Доходяга. Воспоминания бывшего пехотинца и военнопленного (сентябрь 1943 — февраль 1945). М.: РОССПЭН, 2008. 256 с. Сер.: Человек на обочине войны. Совм. с А. Апелем и П. Поляном.

Пошли за мясом. Постановление, уничтожившее ветеринаров и животноводство // Новая газета. 2008. 7 июля. Вкладка «Правда ГУЛАГа». № 6. С. 1 (совм. с П. Поляном; в качестве соавтора ошибочно указан П. Нерлер).

Двуликий гуманист. О том, чье имя хотят дать России // Новая газета. 2008. 7–10 августа. Вкладка «Правда ГУЛАГа». С. 1 (совм. с П. Поляном).

Дружков всех народов. Ровно 60 лет назад Сталин запретил всем армянам возвращаться в Армению // Новая газета. 2008. 11 сентября. Спецвыпуск «Правда ГУЛАГа». № 8. С. 1 (совм. с П. Поляном).

[Републ.] Дружков всех народов. Ровно 60 лет назад Сталин запретил всем армянам возвращаться в Армению // Омский вестник (Омск). 2008. 29 октября (совм. с П. Поляном).

Вертикаль власти на слезе ребенка. Большевики обворовывали и мучали сирот // Новая газета. 2008. 30 октября. Спецвыпуск «Правда ГУЛАГа». № 10. С. 1 (совм. с П. Поляном).

Мандельштамовский эшелон. К 70-летию гибели поэта // Рубеж. 2008. № 8. С. 249–267 (совм. с П. Нерлером).

³Частично републиковано в: Финкель Л. Свобода, тебя не снести! Частично републиковано в: Финкель Л. Свобода, тебя не снести! // Зов крови. Об Илье Эренбурге. Статьи, эссе, воспоминания. Тель-Авив. 2007. С. 3–8.

Благодаря Мандельштаму мы узнали количество репрессированных // Новая газета. 2008. 22–25 мая. С. 14 (совм. с П. Нерлером).

2009

[Сост.] Память о поэте. Мандельштамовский календарь на 2010 год. М.: Петровский парк, 2009. 14 с. (совм. с П. Нерлером).

Осип Мандельштам в «Товарище Терентии» // Миры Осипа Мандельштама VI [фактически: IV] Мандельштамовские чтения / Мат. междунар. научн. семинара, 31 мая — 4 июня 2009. Пермь—Чердынь. Пермь: Пермский гос. пед. ун-т, 2009 [фактически: 2010]. С. 57–62 (совм. с П. Нерлером).

Рец. на: А.Тепляков. Процедура: исполнение смертных приговоров в 1920–1930-х годах. М.: Возвращение, 2007 // Pro i Contra. 2009. № 2. С. 119–121 (совм. с П. Поляном).

[Публ.] Сталин и Хрущев. Никита не только потешал тирана, но и пытался спасти сотни тысяч жизней // Новая газета. 2009. 9 февраля. С. 15 (совм. с П. Поляном; рубрика «Ваши документы!»).

[Публ.] «Чем больше удастся расстрелять, тем лучше». Такой метод предлагал Ленин для успешного изъятия ценностей // НГ. 2009. 13 апреля. С. 20 (совм. с П. Поляном; рубрика «Ваши документы!»).

[Публ.] Займем у голодных! Придуманная при Сталине система государственных займов помогала власти в тяжелейшие времена изымать у нищего населения «излишки» хлеба и денег // Новая газета. 2009. 29 апреля. С. 19 (совм. с П. Поляном; рубрика «Ваши документы!»).

[Публ.] Первая депортация и «эффективный менеджер». Как корейских рыбаков делали скотоводами // Новая газета. Спецвыпуск «Правда ГУЛАГа». 2009. 17 июня. С. 18 (совм. с П. Поляном).

[Републ.] Как растили Ежевичку. Сталин с 1934 года бережно готовил главного палача для Большого террора // Курская правда (Курск). 2009. 19 июня (совм. с П. Поляном).

[Публ.] «Ликвидировать ввиду нетранспортабельности»: Методы депортации чеченцев и ингушей // Новая газета. 2009. 20 июля. С. 22 (совм. с П. Поляном; рубрика «Ваши документы!»).

2010

Слово и «Дело» Осипа Мандельштама. Книга доносов, допросов и обвинительных заключений. М.: Петровский парк, 2010. 199 с., илл. (совм. с П. Нерлером, основным автором, и Д. Зубаревым).

[Сост., ред.] Беглецы из плена. Воспоминания танкиста Владимира Тутова и морского артиллериста Александра Малофеева. М.: РОССПЭН, 2010. 304 с. Совм. с П. Поляном.

[Сост., ред.] Оккупированное детство: Воспоминания тех, кто в годы войны еще не умел писать. М.: РОССПЭН, 2010. 380 с. Совм. с П. Поляном.

[Ред.] Ирина Дунаевская. Дневник военной переводчицы (1942–1945). М.: РОССПЭН, 2010. 432 с. Совм. с П. Поляном.

[Сост., ред.] Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX — середина XX вв.). Документы и материалы / Сост.: Зюзина И. А., Козлов В. А., Козлова М. Е. и др. М.: РОССПЭН, 2010. 1096 с.

От авторов // Вайнахи и имперская власть: чеченский вопрос во внутренней политике России и СССР (начало XIX — середина XX вв.). Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2010. С. 5 (совм. с В.А.Козловым, М.Е.Козловой и В.И.Шереметом).

Женщина на войне. Послесловие // Дунаевская И. Дневник военной переводчицы (1942–1945) М.: РОССПЭН, 2010. С. 412–429 (совм. с П. Поляном).

[Сост.] Книги поэта. Мандельштамовский календарь на 2011 год. М.: Петровский парк, 2010. 14 с. Совм. с П. Нерлером.

[Публ.] Как боролись с тенью врага. К семидесятилетию со дня убийства Л. Д. Троцкого // Новая газета. 2010. № 89. 16 августа. Вкладка «Правда ГУЛАГА»: С. 4 (совм. с П. Поляном).

[Публ.] Рембрандты для диктатуры пролетариата, а опиум для народа. Откуда взялось золото партии // Новая газета. 2010. 10 ноября. С. 24 (совм. с П. Поляном).

[Публ.] Второй человек империи, он же — «Каменный Зад». О В. М. Молотове, 120-летие которого в этом году отметили сталинисты // Новая газета. 2010. 29 ноября. Спецвыпуск «Правда ГУЛАГА». С. 4 (совм. с П. Поляном).

2011

Шифрограммы Политбюро ЦК ВКП(б) и эшелонные списки ОГПУ — НКВД как источники по изучению репрессий в СССР // История сталинизма: репрессированная российская провинция материалы международной научной конференции. Смоленск. 9–11 октября 2009 г. М.: РОССПЭН, 2011. С. 71–77 (совм. с П. Поляном).

Институциональная инфраструктура миграций и миграционная режимность в 1930-е годы // Миграции и пространственная мобильность в сельско-городском континууме России в XX веке: управляемость, адаптивность и стратегии преодоления. Российско-немецкая научная конференция (Ставрополь, 15–19 июня 2011 г.) Сборник рабочих материалов. Ставрополь—Фрайбург: СГУ, 2011. С. 119–131 (совм. с П. Поляном).

[Хургес Л.] «Крестики». Они не боялись ни лагерного начальства, ни смерти и пользовались в колымских лагерях большим уважением / Вступит. заметка П. Поляна // Новая газета. 2011. 22 августа. Спецвыпуск «Правда ГУЛАГА». С. 6–7 (совм. с П. Нерлером).

[Публ.] Сосед Мандельштама по нарам. Юрий Моисеенко — о поэте: умер от сыпняка, о себе: «Я воюю правду...» // Новая газета. 2011. 28 ноября. Спецвыпуск «Правда ГУЛАГА». С. 8 (совм. с П. Поляном).

[Сост.] Друзья поэта. Мандельштамовский календарь на 2012 год. М.: Петровский парк, 2010. 14 с. (совм. с П. Нерлером).

[Публ.] О Сулеймане Стальском и проблеме утраченных оригиналов. Из протокола Заседания Бюро национальной комиссии ССП СССР от 8.1.1939 г. с участием С. И. Липкина // Литературная учеба. 2011. № 2. С. 57–71 (совм. с П. Нерлером).

[Библ.] А. Морозов. Библиография // Сохрани мою речь. Вып. 5/1. М., 2011. С. 22–26 (совм. с П. Нерлером).

2012

У Маергойза // Географическое положение и территориальные структуры: памяти И. М. Маергойза. М.: Новый Хронограф, 2012. С. 203.

Непонятно откуда он взялся, этот Сашка Васильев // Про Сашку Васильева. М.: Пробел, 2012. С. 60–85.

Кого Сталин потащил за собой. За что сажали по знаменитой 58-й статье после смерти вождя // Новая газета. 2012. 27 февраля. Спецвыпуск «Правда ГУЛАГА». С. 2.

[Сост., ред.] Лев Хургес. Москва—Испания—Колыма. Из жизни радиста и ээка. М.: Время, 2012. 800 с. Сер.: Диалог. Совм. с П. Поляном.

От составителей // Лев Хургес. Москва—Испания—Колыма. Из жизни радиста и ээка. М.: Время, 2012. С. 2–7 (совм. с П. Поляном).

[Комм.] Лев Хургес. Москва—Испания—Колыма. Из жизни радиста и ээка. М.: Время, 2012. С. 2–7 (совм. с П. Поляном и А. Тепляковым).

2013

Глобус крепких напитков / Душа общения [Памяти Николая Поболя] // Полит.ру. 19.5.2013. В сети: <http://www.polit.ru/article/2013/05/19/pobol/>

Ахматова и квартирный вопрос; Шуточные стихи / Жил певчий дрозд. Памяти Николая Поболя. Материалы из готовящейся книги // 7 искусств [Электронный журнал] 2013. № 5. В сети: <http://7iskusstv.com/2013/Nomer5/Poljan1.php>

Радио- и телеинтервью

(Интервью) О книжной серии «Человек на обочине войны» // Телеканал «Культура». 2006. 22 июня (совм. с А. Сорокиным).

(Интервью) На обочине войны (Цена Победы. Диалог с В. Дымарским) // Эхо Москвы. 2008. 28 июля. В сети: <http://www.echo.msk.ru/programs/victory/530126-echo/>

(Интервью) Статистика сталинских репрессий и ее условность. (Именем Сталина. Выхода нет. Диалог с Н. Болтянской) // Эхо Москвы. 2010. 16 января. В сети: <http://old.echo.msk.ru/snd/2010-01-16-stalin-2007.mp3>

Выступление в Музее М. Цветаевой на презентации книги: Семен Липкин. «Угль, пылающий огнем...». 2009. 8 июня.

В сети: <http://www.youtube.com/watch?v=oQytaLmYxbk>

(Беседа) Художник Владимир Яковлев [Телефильм] / Режиссеры: Н. Котрелев и В. Ошеров. Автор идеи и продюсер С. Александров. М.: Канал «Культура», 2011.

О Николае Поболе

Два мнения о думских слушаниях по проблеме реституции: Игумен Иннокентий (Павлов). Тень на плетень; Сироткин В. Дума и история // Русская мысль. 1997. 10–16 апреля. С. 9. Никольский А. Другу-ровеснику. Стихи // Железнодорожное дело. 2006. № 2 (на обороте титула).

П.Нерлер, П. Полян. Излучение (в трех частях) // Стенгазета. 2009. 9 ноября: Часть 1. Оказалось, что эта бригада – сразу и навсегда. В сети: <http://stengazeta.net/article.html?article=6653>

[Соловьев И.] Разыскивается «невостребованный» // Новая газета. 2009. 9 сентября. С. 15.

Полян П. Собеседник на пиру // Новая газета. 2013. 30 января. С. 5.

Памяти Николая Поболя: Полян (Нерлер) П. Собеседник на пиру; Отклики на смерть Николая Поболя. В сети: <http://www.memo.ru/d/144862.html>

П. Полян. Душа общения; Е. Мартюшин. Друг мой Коля; И. Смирнов. Под знаком Штейнберга // Полит. ру. 19.5.2013. В сети: <http://www.polit.ru/article/2013/05/19/pobol/> Собеседник на пиру. Памяти Николая Поболя: П. Полян. Жил певчий дрозд, или Take Five; П. Нерлер. Копирайт // Стенгазета. 20.5.2013. В сети: <http://www.stengazeta.net/article.html?article=9175>

Жил певчий дрозд. Памяти Николая Поболя. Материалы из готовящейся книги // 7 искусств [Электронный журнал] 2013. № 5. В сети: <http://7iskusstv.com/2013/Nomer5/Poljan1.php>

Запланированное, но не завершённое

«Квадрига». Избранное из четырех поэтов: М. Петровых, С. Липкин, А. Тарковский, А. Штейнберг (совм. с П. Нерлером).

Венок поэту. Стихи, посвященные О.Э. Мандельштаму (совм. с О. Лекмановым и П. Нерлером).

Подборка документов о депортации корейцев (для Фонда «Демократия», совм. с П. Поляном).

Подготовка (предположительно, для серии «Человек на обочине войны» в издательстве РОССПЭН) рукописей: А. Контарева, А.Е. Баканичева и В.П. Зеленкевич (совм. с П. Поляном), а также Б.Г. Меньшагина (совм. с П. Поляном и Г. Суперфином).

Документы

ДОКУМЕНТЫ ДЕДА, НИКОЛАЯ ОСИПОВИЧА ПОБОЛЯ
(1900—1906)

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Дано сие

Николаю Поболю

в томъ,

что онъ служилъ на Либаво-Роменской желѣзной дорогѣ съ «1»

Декабря 1899 г. по «10» *Ноября* 1900 г.

и въ теченіи времени занималъ должности:

*Месажиръ
Паровозно-сборнаго отряда
Гомельской Мастерской*

№ 409

Въ чемъ свидѣтельствую подписью и приложеніемъ печати.

Губ. г. *Минскъ* «11» *Ноября* 1900 г.

Начальникъ Подольскаго участка

Николай Осиповичъ Поболя

Тип. Соловцова 19-IX-07 (1 н.) в. 205.

Сер. П. О. в Т. 2011.
86X23—3/4 6. 5в.

Удостоверение о службѣ на Либаво-Роменской
железной дорогѣ

Подборка составлена П. Поляном по материалам архива Н. Поболя.

А Т Т Е С Т А Т Ъ.

Данъ сей стъ 3-го Резервнаго желѣзнодорожнаго баталіона фельдфебелю 4-й роты сего-же баталіона Николаю ПОБОЛЬ въ томъ, что онъ состоя на дѣйствительной военной службѣ въ выше-названномъ баталіонѣ, велъ себя отлично трезво и безукоризненно, не подвергался дисциплинарнымъ взысканіямъ и всѣ возлагаемыя на него обязанности какъ по строевой службѣ такъ и по желѣзнодорожному искусству исполнялъ добросовѣстно съ полнымъ усердіемъ и точнымъ знаніемъ дѣла, въ чемъ подписью съ приложеніемъ казенной печати удостоверяется.

Февраля 7 дня 1906 г. гор. Чита.

Вр. Командующій баталіономъ,

Подполковникъ *Седухинъ*

И. д. Баталіоннаго адъютанта,

Поручикъ *Валковъ*

Аттестат фельдфебеля Николая Поболя

Народное образование.
Побоя Николая,
опыл. 10 в. класс 281 шк. в 1957 г.

Побоя Н. род. в Москве
в 1939 г., член В. В. К. С. М.
Учился в данной школе с 1го класса
(с 1949 г.) Учился на 3 и 4. Побоя
имеет хорошие способности и может
успеть значительно лучше, но не
работает систематически. Много
замыслил допущенных ошибок.
Свободно читает и переводит материалы
и хорошо владеет литературой на английском
языке. Побоя пишет грамотно, хорошо
развивает речь. Свободно пользуется
в работе языком, но Побоя не
работает последовательно. Это очень сильно
его утомляет в извержении.

Побоя очень активен и инициативен.
Всегда активен. В школе, как и везде
активен. Активно участвует во
всех мероприятиях школы. Организатор
экскурсий и кружка.

26/51-58

С. С. С. С. С.

Характеристика
выпускника 10В класса школы № 281 Николая Побоя

КОНЦЕРТ

В ПРОГРАММЕ — МУЗЫКА

СЕРГЕЯ РАХМАНИНОВА

До начала концерта в фойе и гостиных Вы можете познакомиться с членами студии «Музыка».

Вы их узнаете по значкам с изображением автографа Рахманинова.

Разумеется, нам трудно угадать, с кем у Вас произойдет наиболее интересное знакомство — может быть, это будет художник, поэт, композитор, может быть, архитектор или артист...

Но если Вы скажете хозяевам вечера, что Вам хочется поговорить о литературе или послушать стихи, Вас познакомят с ИРИНОЙ ЛИСНЕВСКОЙ, поэтом ВЯЧЕСЛАВОМ КУПРИЯНОВЫМ или НИКОЛАЕМ ПОБОЛЕМ.

О музыке могут рассказать много интересного пианистка НАТАЛЬЯ РОЗАНОВА, композитор РАФАИЛ ХОЗАН, артистка

До начала концерта в фойе и гостиных Вы можете познакомиться с членами студии «Музыка».

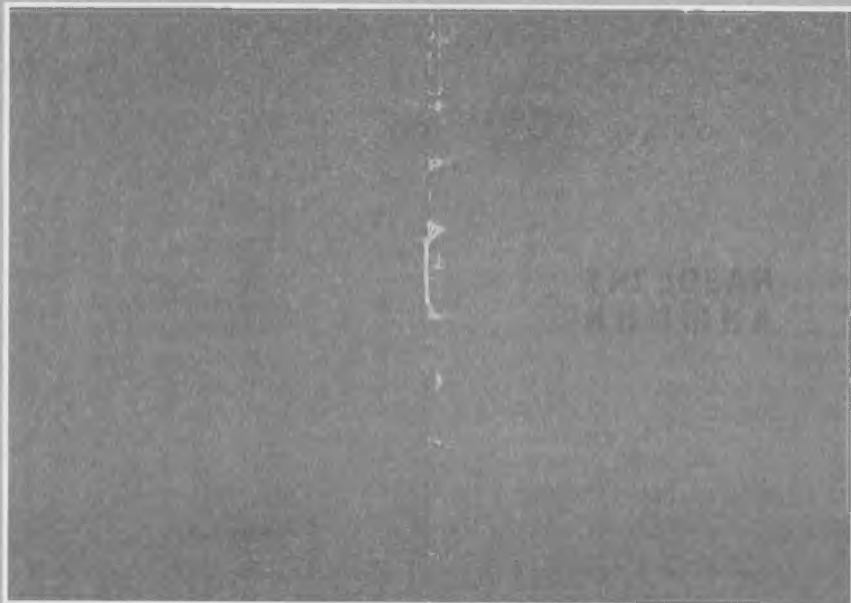
Вы их узнаете по значкам с изображением автографа Рахманинова.

Разумеется, нам трудно угадать, с кем у Вас произойдет наиболее интересное знакомство — может быть, это будет художник, поэт, композитор, может быть, архитектор или артист...

Но если Вы скажете хозяевам вечера, что Вам хочется поговорить о литературе или послушать стихи, Вас познакомят с ИРИНОЙ ЛИСНЕВСКОЙ, поэтом ВЯЧЕСЛАВОМ КУПРИЯНОВЫМ или НИКОЛАЕМ ПОБОЛЕМ.

О музыке могут рассказать много интересного пианистка НАТАЛЬЯ РОЗАНОВА, композитор РАФАИЛ ХОЗАН, артистка

Программка одного из вечеров студии «Музыка»

Трудовая книжка Н. Поля

	* АТ-1 № 3886664
	Фамилия <u>Поля</u>
	Имя <u>Никитин</u>
	Отчество <u>Александрович</u>
	Дата рождения <u>1939</u> <small>(число, месяц, год)</small>
	Образование <u>высшее</u> <small>(среднее, среднее, и высшее, высшее)</small>
	Профессия, специальность <u>техник</u>
	Дата зачисления <u>19</u> <u>марта</u> 19 <u>63</u>
Подпись выдающей организации	
	Подпись лица, ответственного за выдачу трудовых книжек <u>А. Остров</u>

СВЕДЕНИЯ

№ записи	Дата			Сведения о приеме на работу и увольнении
	Год	Месяц	Число	
1	2			
1.				Статса до поступления
2.				Поступила в сов. Армии с 2.XII-1958, по 17.VII-1961.
				Предприятие
3.	1961	X	16	Зачислен на должность ст. мастера
4.	1961	XII	1	Переводен на должность механика
5.	1964	V	1	Переводен на должность ст. мастера
				Министерства предприятия п/в 4120
6.	1967	05	01	Переводен в ОКБ МЭИП (Л. Шмелев) (Полозев)
				МЭИ
7.	1967	05	01	Зачислен на должность ст. мастера

О РАБОТЕ

3	4	О РАБОТЕ	
		работу, перемещениях по (с указанием причин)	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
		Кем в ОКБ п/в 4120	п/в 56098
			ввод. удостоверение п/в 31.11.61.
			п/в 618 от 17/X.61
			п/в 706 от 8/XII.61
			п/в 407 от 8/II.61
			Министерства предприятия п/в 4120
			внесено в предприятие п/в 4120
			п/в 4068 от 19/IV.67
			п/в 58 от 19/IV.67

СВЕДЕНИЯ

№ записи	Дата			Сведения о приеме на работу и увольнении
	Год	Месяц	Число	
1	2			
8.	1969	09	10	Уволен по соглашению сторон
				Материал отсюда
				Зачислен на должность ст. мастера
				отмена присвоения АСУ
				Откомандирован в ГИВУ Ленинградского Союза торговцев
				Зачислен на должность ст. мастера

О РАБОТЕ

3	4	О РАБОТЕ	
		работу, перемещениях по (с указанием причин)	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
		бенналицу жителям	п/в 1337 от 17/X.
			п/в 11.09.1974г
			п/в 4505
			п/в 24.XI.1972г
			п/в 17505
			п/в 11.09.1974г

СВЕДЕНИЯ О ПОШРЕНИЯХ				И НАГРАЖДЕНИЯ		
№ записи	Дата			Поощрения и	награждения	На основании чего выдана запись (документ, его дата и номер)
	Год	Месяц	Число			
1	2				3	4
7.	1964	IV	8	<p>Предметом тис. № 4120 Объявления благодарности Чл. № Омг. Казю в И. (Омск 1964)</p> 		№ 54 от 8/IV-64
	1980	01	29	<p>Предметом тис. № 4120 За рач. № 1190</p> 	<p>ГУТК при ССССР преломя 15 руб</p>	Пр. 170529-0180

10

11

СВЕДЕНИЯ О ПОШРЕНИЯХ				И НАГРАЖДЕНИЯ		
№ записи	Дата			Поощрения и	награждения	На основании чего выдана запись (документ, его дата и номер)
	Год	Месяц	Число			
1	2				3	4
7.	1964	IV	8	<p>Предметом тис. № 4120 Объявления благодарности Чл. № Омг. Казю в И. (Омск 1964)</p> 		№ 54 от 8/IV-64
	1980	01	29	<p>Предметом тис. № 4120 За рач. № 1190</p> 	<p>ГУТК при ССССР преломя 15 руб</p>	Пр. 170529-0180

10

11

р а з л о ж е н и е
СВЕДЕНИЯ О ПОШРЕНИЯХ И НАГРАЖДЕНИЯХ

№ записи	Д а т а			Поощрения и награждения	Из оснований чего вынесено решение (документ, его дата и номер)
	Год	Месяц	Число		
19	1970	08	25	Присвоена квалификация "Эксперт 1-го разряда" в соответствии с приказом № 265 от 25.08.70	Указом от 25.08.70 № 142 от 25.08.70
20	1971	03	27	Перевод на работу с повышением квалификации в соответствии с приказом № 265 от 27.03.71	Указом от 27.03.71 № 158/1
21	1983	03	12	Увольнение по соглашению сторон в соответствии с приказом № 31 от 12.03.83	Указом от 12.03.83 № 235
	2	6	17	Назначение на должность "Эксперт 1-го разряда" в соответствии с приказом № 1 от 17.02.84	Указом от 17.02.84 № 84
				В. Я. Голышев	
80	1981	12	04	Согласование с руководством предприятия в соответствии с приказом № 1 от 04.12.81	Указом от 04.12.81 № 211 от 05.12.1981
12				В. Я. Голышев	

Таким же образом оформляются записи в документацию поощрений и награждений.

Выдаваемые Трудовую книжку и записываются в нее поощрения и награждения записываются за время со дня поступления в предприятие (учреждение), если она выдана Трудовой книжкой. При этом выносятся только отдельные выписки индивидуальных поощрений и награждений, связанные с работой в предприятии (учреждении). Именные, предметные, денежные и другие награды, не записываются в Трудовую книжку. При увольнении или отпуске в предприятие (учреждении) заверяется подлинно его руководителем (или заместителем, уполномоченным им лицом) и печатью предприятия (учреждения).

11. За выписки в Трудовую книжку производится чертление (уничтожение).

12. В связи с тем, что Трудовая книжка в результате небрежного ее хранения выдаете Трудовой книжкой конструкторского административного предприятия (учреждения) и административным персоналом штраф в размере 25 рублей.

Потерявший Трудовую книжку обязан немедленно заявить об этом администрации по месту последней работы. Не позже 15 дней после заявления администрация выдает новую Трудовую книжку с записями «Дубликаты».

13. Все суммы, подлежащие как от взимания платы за выдачу Трудовой книжки, так и от взимания штрафа за утерю Трудовой книжки, поступают в доход предприятия.

14. Незаконное пользование Трудовой книжкой, передача их другим лицам, подделка и подчистка их - влечется в установленном порядке.

Вклады в трудовую книжку
выносятся без трудовой
книжки и действительны

* АТ-1 № 6386647

Фамилия

Голова

Имя

Николаев

Отчество

Молодов

Дата рождения

1979

(число, месяц, год)

Образование

Среднее (среднее, высшее, специальное)

Профессия, специальность

Техник

Возраст

10 лет 19.08

Подпись уполномоченного лица

Печать, дата, место выноса
за вклады в трудовую книжку

Голова
(подпись)

СВЕДЕНИЯ О РАБОТЕ

№ записи	Дата			Сведения о приеме на работу, и об увольнении (с указанием на статью)	о переводах на другую работу (причем в со ссылкой пункт закона)	На основании чего вынесен запис (документ, его дата и номер)
	число	месяц	год			
1	2	3	4	5	6	7
22	18	04	1983	Куратор географического факультета	15.05.1983	№ 40 от 18.04.1983
23	23	11	1983	Куратор географического факультета	31.12.1983	№ 128 от 18.11.1983
24	24	05	1984	Принадлежит в 213 отряд на должность заместителя старшего бригадира	вд Вохр МХП	Пр. № 35 Вох от 15.05.1984
25	31	08	1984	Принадлежит в 213 отряд на должность заместителя старшего бригадира	вд Вохр МХП	Пр. № 67 Вох от 24.08.1984

СВЕДЕНИЯ О РАБОТЕ * АТ-1 № 6386647

№ записи	Дата			Сведения о приеме на работу, и об увольнении (с указанием на статью)	о переводах на другую работу (причем в со ссылкой пункт закона)	На основании чего вынесен запис (документ, его дата и номер)
	число	месяц	год			
1	2	3	4	5	6	7
26	01	09	1984	Зачислен на место географа	дополнительно	пр. N 89 от 01.09.84
27	01	10	1984	Совместно с местом географа, замещенного в В.Ф.Филиппов	как временно на-значенный	шт. N 204 пр. N 96 от 29.09.84 шт. N 204
28	03	12	1984	Увольнение по состоянию здоровья	географический факультет	пр. N 152 от 12.12.84
29	01	02	1985	Совместно с местом географа, замещенного в В.Ф.Филиппов	на должность заместителя старшего бригадира	пр. N 21 от 01.02.85

СВЕДЕНИЯ				О РАБОТЕ		
№ записи	Дата			Сведения о приеме на работу, и об увольнении (с указанием на статьи)	о переводах на другую работу (причина и со ссылкой пункт закона)	На основании чего вынесена запись (документ, его дата и номер)
	число	месяц	год			
1	2	3	4	5	6	
30.	11	06	1985	Временно занял должность инспектора отдела кадров	уже не выполнял после работы	№р. 32 от 19.06.85
31.	10	04	1985	Введен в должность инспектора отдела кадров	срок временной службы	№р. 57 от 12.04.85
					Борисова	
32.	22	04	1985	Принята замещен инспектора отдела кадров	на должность инспектора	№р. 63 от 17.04.85
33.	21	05	1985	Свободен от должности инспектора отдела кадров	срок временной службы	№р. 74 от 22.05.85
					Борисова	

СВЕДЕНИЯ				О РАБОТЕ		* АТ-1 № 6386647
№ записи	Дата			Сведения о приеме на работу, и об увольнении (с указанием на статьи)	о переводах на другую работу (причина и со ссылкой пункт закона)	На основании чего вынесена запись (документ, его дата и номер)
	число	месяц	год			
1	2	3	4	5	6	
34.	30	05	1985	Принят на должность инспектора отдела кадров	новый инспектор	№р. 231 от 30.05.85
35.	15	06	1990	Переведен на должность инспектора отдела кадров	по договору	№р. 294 от 18.06.90
36.	31	12	1990	Принят на должность инспектора отдела кадров	срок службы	№р. 884 от 30.12.90
				Ст. инспектор по кадрам	Бригад	
37.	5	01	1992	Принята на должность инспектора отдела кадров	срочному договору	№р. 28 от 05.01.92

СВЕДЕНИЯ			О РАБОТЕ			
№ записи	Дата			Сведения о приеме на работу, и об увольнении (с указанием на статью)	о переводах на другую работу (причин и со ссылкой пункт закона)	На основании чего внесен запись (документ, его дата и номер)
	число	месяц	год			
1	2	3	4	5	6	
38	14	02	1995	Уволен по ст. советскому Ст. ин. лектор по кафедрам	31 КЗот РР по тиллашино. Дришад	Лр. № 9/11 от 20.02.95.
	20	02	1995	Записан на должность Конструктор шифра	Моск. Инженер -	Лр. № 14 от 20.02.1995г.
2	23	11	1997	Уволен по ст. 31 советскому ст.	КЗот РР по тиллашино Сенатор Козлов Ю.А.	Лр. № 10 от 27.11.1997г.

ПЕРСОНАЛЬНАЯ
ТВОРЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ
АРХИТЕКТУР. ТАРАНОВА

АТА
ПЕРОВОЛАЖСКИЙ РАЙОН
МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
ТАРАНОВА

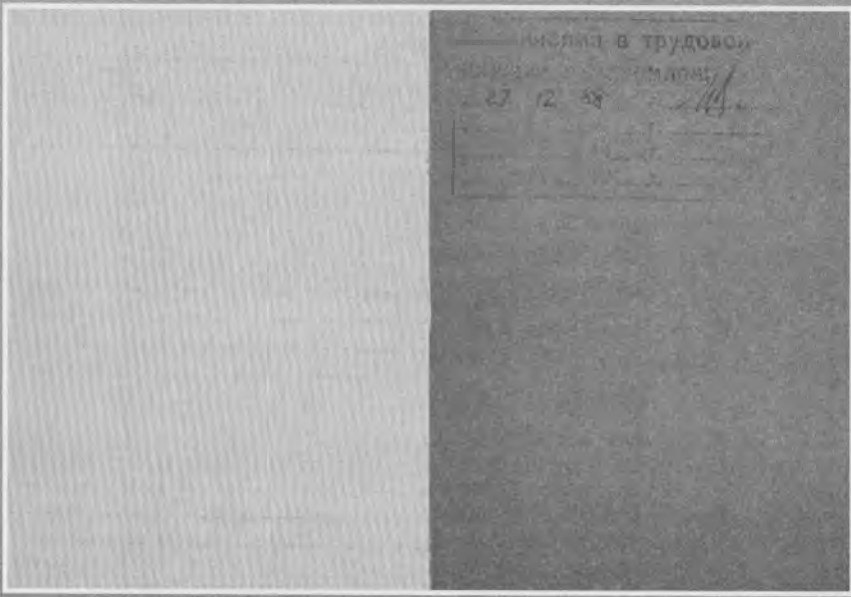
СВЕДЕНИЯ			О РАБОТЕ		№ АТ-1 № 6888647	
№ записи	Дата			Сведения о приеме на работу, и об увольнении (с указанием на статью)	о переводах на другую работу (причин и со ссылкой пункт закона)	На основании чего внесен запись (документ, его дата и номер)
	число	месяц	год			
1	2	3	4	5	6	
47	30	11	1997	Записан на должность архитектора в бригаде	000 Архитектурная мастерская "Лотос" Моск. Инженер -	Лр. № 4 от 22.11.1997г.
42	14	09	1998	Уволен по ст. 31 советскому ст.	Му. жилища Директор Лотос	Лр. № 6 от 11.09.1998г.
43	15	09	1998	Принят на работу на должность в музей. Подполковник	Музей современной России вступ с Заменникова - Лр. № 10 Музей Инженер в архиве № 236 от Инженерская 1995-1996г.	15 09 1998г.

АТА
ПЕРОВОЛАЖСКИЙ РАЙОН
МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
ТАРАНОВА

Б.С. Центр истории России

СВЕДЕНИЯ О РАБОТЕ

№ записи	Дата			Сведения о приеме на работу, о переводах на другую работу, о увольнениях (с указанием на статью)	о переводах на другую работу (причина и со ссылкой на пункт закона)	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
	месяц	год	год			
1	2			3	4	5
44	30	10	1998	Уволен с работы 31.10.98 по РФ - статье 27 	в музей по ст. 27 внесены материалы к/р ст. 27	к/р ст. 27 № 299 от 30.10.98
45	1.09.	2000.		Принят по новому договору индивидуальности по ст. 28 РФ по окончании начальной школы в год	принят по ст. 28 на основании ст. 28 к/р ст. 28	ст. 28 от 09.09.2000
46	28	02	2003	Уволен по ст. 28 РФ по окончании начальной школы в год	Принят по ст. 28 к/р ст. 28	ст. 28 от 28.02.2003

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ Н.Л. ПОБОЛЯ'

Даты	События
19 мая 1939	У Льва Николаевича Поболя (род. 1.12.1909) и Елены Борисовны Поболь (урожд. Василиевской; род. 12.11.1917) родился сын Николай.
1939 – 1961	Проживание в двух комнатах в коммунальной квартире по адресу: Уланский пер., 12, кв.8.
Лето 1940	В Гомеле, у дедушки и бабушки - Николая Осиповича и Анны Петровны Поболь.
1940-е, летние месяцы	В Красково, на даче, которую снимал Григорий Петрович Луковатый, двоюродный дедушка по отцу.
1.9.1947 – 26.6.1957	Учеба в школе № 281 г. Москвы.
9.3.1953	Похороны Сталина: Колю едва не раздавила толпа.
1954	Вступление в комсомол и избрание секретарем школьного комитета ВЛКСМ.
Август 1957 – ноябрь 1958	Учеба на радиотехническом факультете МЭИ.
27.7 – 3.8.1957	VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве.
2.12.1958 – 17.7.1961	Служба в Сов. Армии: музкоманда в Подмосковье(?), Кушка, Красноводск, Казахстан(?). В апреле 1961 – 10-дневный отпуск в Москве.
Середина лета 1961	Переезд семьи в отдельную квартиру на проспекте Мира, д. 180, кв.196.
1961(?) – 1965(?)	Учеба на вечернем отделении радиотехнического факультета МЭИ. Закончить институт не удалось.
16.10.1961 – 1.5.1967	ОКБ а/я 4120: ст. мастер.
1963(?) – 1967(?)	Эксперт по живописи клуба «Музыка», собиравшегося в гостинице «Юность» (руководитель – балалаечник В. Белецкий).
Июль 1965	Женитьба на Майтаб (Майе) Бекиевне Сейтаковой (род. 13.7.1942), дочери туркменского писателя Б.С. Сейтакова (1914 – 1979).
Лето 1965	На плотках – по р. Агул (Западные Саяны).
Лето 1966	На плотках – по р. Чая (Северо-Байкальское нагорье, Забайкалье)
1.5.1967 – 8.9.1969	ОКБ МЭИ: механик.
Лето 1967	На байдарках – по р. Варзуга на Кольском полуострове.
Июнь 1968	Первая публикация: статья «Наш друг и соперник – река» в журнале «Техника – молодежи» (совм. с А. Таруцем).

¹Составлено П. Поляном. Учтены материалы семейного архива, тексты данной книги, а также устные сообщения А. Багдасаряна, А. Ворожейкина, Л. Жарова, Г. Иоффе, М. Колосовской, И. Мартюшина, В. Перельмутера, Г. Поболь, В. Расстригина, Ю. Сейтаковой, Э. Семеновой, Е. Стеженской, А. и З. Суетенко, А. Таруца, М. Шаширо и М. Ямпольского.

Даты	События
Лето 1968	На байдарках – по р. Воньга на Кольском полуострове.
22.2.1969	Рождение сына Сергея.
1969 – 1970	Клуб подводного спорта МЭИ.
Лето 1969	На плотках – по р. Ока в Саянах (4-я категория сложности).
1.9.1969 – 20.7.1974	Учеба на кафедре экономической географии зарубежных капиталистических стран Географического факультета МГУ. Как человек, отслуживший в армии и имевший опыт работы, Н. Поболь имел преимущества при зачислении: он хотел заниматься США и посмотреть мир. Диплом об окончании: Я № 641135 от 20.7.1974.
1.3.1970	Смерть близкого друга – Ю. Савельева (род. 15.9.1941).
Лето 1970	Общегеографическая практика в д. Сатино Калужской обл. На плотках – по р. Балыктык-Хем, Каа-Хем (истоки Енисея, 5-я категория сложности).
Июнь 1971	Производственная практика по маршруту Москва – Ярославль – Рыбинск – Тутаев – Череповец – Валдай – Новгород – Изборск – Псков – Тарту – Таллинн.
Лето 1972	На байдарках – по р. Олёкма, правому притоку Лены, в Якутии.
Конец лета – начало осени 1972	Общегеографическая практика в д. Красновидово Московской обл. Отчисление с практики и факультета «за пьянку», собрание в аудитории 2109 (после хлопот отчисление было заменено переводом на вечернее отделение).
Осень 1972	Работа в камере хранения на Казанском вокзале.
27.11.1972 – 1.3.1975	Отдел проектирования республиканских АСУ во Всесоюзном проектно-технологическом и производственном объединении «Союзотгоссистема» в составе ГИВЦ Минторга СССР: инженер / ст. инженер.
Лето 1973	На плоту – по р. Свиди в Архангельской области.
Зима 1974	Поездка по семейным делам в Ульяновск.
31.12.1974	Разрыв с М. Поболь-Сейтаковой.
Зима – лето 1975	Ушел из дома и до лета скитается по друзьям.
Лето 1975	Майя и Сережа переезжают в отдельную квартиру около станции метро «Ждановская» (совр. «Выхино»).
1975	Получение спортивной квалификации 1-го разряда по водному туризму.
3.3.1975 – 14.7.1980	Экспедиция № 123 Предприятия № 7 ГУГК: радиоинженер / ст. инженер (1975 – о. Диксон; 1977 – Черский, Черкассы; 1978 – Тикси, Чокурдах и Черский в Якутии, Магадан). Экспедиции на Север? (о. Диксон и др.).
Лето 1976	На плотках – по р. Белин-Бежан, Бусингол, Кызыл-Хем, Каа-Хэм (5-я категория сложности).
Лето 1977	Экспедиция на Черский хребет и на Украину (Черкассы и др.).
11.10.1977	Развод с М. Поболь-Сейтаковой.
Лето 1978	Экспедиция на Север? (Тикси, Чокурдах и Черский в Якутии, Магадан).

Даты	События
Лето 1979 ^ь	Женитьба на Валентине Николаевне Колосовской (род. 30.4.1952).
29.1.1980	Рационализаторское предложение (совм. с Л. Гараниным).
29.5.1980	Рождение дочери – Марии Колосовской.
Лето 1980	На байдарках – по р. Алёкма, притоку Лены за Якутском.
25.8.1981 – 23.11.1983	ОКЭ № 265 Предприятия № 14 ГУГК: ст. инженер-географ / ст. техник.
Осень 1981 – зима 1982	Экспедиция в Якутию: закладка гравиметрических пунктов I класса.
12.3.1982	Решение Якутского городского нарсууда об отказе в иске Н. Поболя к ОКЭ № 265 о взыскании 614 рублей зарплаты.
1982	Экспедиция в междуречье Колымы и Индигирки.
1983	Экспедиция в Якутию и в Магаданскую область.
Конец 1983	Возвращение в Москву.
Зима – весна 1984	Подработка грузчиком на овощной базе.
24.5. – 31.8.1984	213 отряд ВОХР МХП: контролер.
7. 8.1984	Смерть А.А. Штейнберга (род. 11.12.1907).
1.9.1984 – 1.10.1984	Экспериментальная школа № 204 Академии педагогических наук СССР: учитель географии.
3.12.1984 – 21.5.1985	Отдел экспедиционных работ ИГАН: инженер.
30.5.1985 – 14.2.1995	Географический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова: инженер. По сути – зам. начальника партии по хозяйственной части и начальник базы МГУ в Охотске. Вплоть до 1995 – летнее и, отчасти, осеннее время в Охотске (Охотск-2, Хабаровская ул., 34), в остальное время – в Москве или в эпизодических командировках (на Урал и в др. места).
1985 – 1998	Частые личные поездки на несколько дней в Санкт-Петербург.
14.1.1989	Самая ранняя дата, отразившаяся в сохранившихся дневниках Н. Поболя.
Октябрь 1989 – ноябрь 1990	Еврейская школа при Московской Хоральной синагоге: учитель географии.
26.11 – 26.12.1990	Поездка в США (Нью-Йорк, Атлантик-Сити).
24 – 30.10.1992	Поездка с П. Поляном и Й. Штадельбауэром во Владикавказ, Махачкалу и Чуртах.
1992 – 2012	Закупка и отправка книг для западных покупателей.
1993	Вместе с дочерью, М. Колосовской, успешное участие в телевикторине «Звездный час».
31.3.1993	Смерть близкого друга – А. Васильева (род. 12.6.1939).
Ноябрь 1993 – октябрь 1998	Посещения художника В. Яковлева (в диспансере № 30, пансионате в Коньково и др. местах).
28.5 – 5.6.1994	Участие в Третьих Мандельштамовских чтениях в Воронеже.
9 – 23.9.1994	Путешествие в Италию (Триест, Венеция, Болонья, Флоренция, Ассизи, Рим, Сиена, Сан-Джаминьяно, Пиза, Падуа), с заездом в Прагу.

Даты	События
20.2.1995 – 28.11.1997	Персональная творческая мастерская архитектора А. Таранова: инженер-конструктор.
4.4.1995	Развод с В. Колосовской.
22.8. – 19.9.1995	Поездка в Охотск.
15.1.1996	Выступление на вечере в честь 105-й годовщины со дня рождения О. Мандельштама в помещении Детской библиотеки им. О. Мандельштама в Москве.
28.2.1996	Избрание в Совет Мандельштамовского общества.
Середина мая 1996	Работа над воспоминаниями об А.А. Штейнберге.
19.6 – 26.7.1996	Путешествие в Германию (Ремшайд и Фрайбург) с заездами в Амстердам, Страсбург, Мюнхен, Варшаву и Киев.
Январь – февраль 1997	Работа над сценарием о сибирских реках для японского телевидения.
4.3.1997	В возрасте 88 лет умер отец, Лев Николаевич Поболь.
Март – апрель 1997	Редактирование тома «Греция» в серии путеводителей фирмы «Polyglott»
29.4.1997	Карандашный портрет Н. Поболя работы А. Неймана.
13.6.1997	Смерть Майи Поболь-Сейтаковой.
20.7.1997	Смерть Татьяны Трушиной.
Ноябрь 1997 – 2010	Электрификация старинных люстр в реставрационных мастерских Государственного Музея А.С. Пушкина (у В. Расстригина).
30.11.1997– 14.9.1998	ООО Архитектурная мастерская «АРТЭ+»: инженер-электрик.
27.3.1998	Обнаружение в РГВА «мандельштамовского» эшелонного списка.
7.4.1998	Доклад об эшелонном списке на Мандельштамовском обществе.
26.6 – 12.8. 1998	Непрощенное гостеприимство, оказанное некоему Папсу – якобы гвинейскому журналисту, якобы бежавшему из Чечни. Перед отъездом Папс занял у Н. Поболя деньги, которые так и не вернул.
15.9.1998 – 30.10.1998	Государственный центральный музей современной истории России, филиал «Подпольная типография 1905-1906 гг.»: инженер (де факто – сторож).
29.12.1998	Участие в Мемориальной научной конференции «Смерть и бессмертие поэта», посвященной 60-летию со дня гибели О.Э. Мандельштама.
18.1.1999	Карандашный портрет Н. Поболя работы А. Неймана.
29.4.1999	Поездка в Саматиху с телевизионной группой канала «Культура».
7.10 – 8.11.1999	Путешествие в США (Нью-Йорк, Сизтл, Принстон, Рэдфорд, Вашингтон, Сан-Франциско, Стэнфорд)
30 – 31.10.2000	Поездка с А. Никольским в Тверь, в железнодорожный музей.

Даты	События
13 – 18.11.2000	Командировка от МГУ в Барнаул и Алейск.
9.1.2000 – 28.2.2003	Географический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова: инженер при кафедре геохимии ландшафтов и географии почв.
15 – 17.1.2001	Участие в «Мандельштамовских днях в Москве», посвященных 110-летию со дня рождения О.Э.Мандельштама и 10-летию Мандельштамовского общества.
28.3.2001	Презентация книги П. Поляна «Не по своей воле...» в «Мемориале».
10 – 17.9.2001	Путешествие в Ставрополь, Черкесск, Домбай и Кисловодск.
20.9.2001	Презентация книги «Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен» в Проекте ОГИ.
29.10 – ноябрь 2001	Путешествие в Германию (Фрайбург, Баден-Баден, Кельн, Ремшайд, Бремен, Гамбург, Берлин) с заездами во Францию (Роншан) и Польшу (Варшава).
15 – 20.12.2001	Командировка в Казахстан (Караганда, Джезказган, Астана).
9 – 12.6.2002	Командировка в Архангельск, на Пинегу, Мезень и в Санкт-Петербург.
17 – 23.7.2002	Командировка в Охотск.
21.9 – 16.10.2002	Путешествие в Германию (Берлин, Потсдам, Кельн, замки Рейна, Гейдельберг, Фрайбург, Шварцвальд, Висбаден, Франкфурт-на-Майне, Нюрнберг, Берлин) с заездами в Польшу (Варшава) и Голландию (Амстердам).
21 – 27.10.2002	Поездка с А. Шевчуком в Хмельницкий, Винницу и Львов.
25.12.2002	Выступление на презентации в «Мемориале» 2-го издания книги «Жертвы двух диктатур».
28 – 30.6.2003	Поездка с П. Нерлером в г. Осиповичи (Белоруссия): интервьюирование Ю.И. Моисеенко.
26.12.2003	Сообщение о материалах следственного дела Ю.И. Моисеенко на заседании МО.
2 – 13.8.2003	Путешествие в Англию (Лондон, Манчестер, Кембридж).
26.12.2003	Сообщение в МО о поездке в Осиповичи к Ю.И. Моисеенко
2004 – 2010	Участие в книжной серии «Человек на обочине войны» (архивные разыскания, составление, подготовка текста и комментирование отдельных томов, публикации в периодике).
14 – 22.10.2004	Командировка в Санкт-Петербург (по гранту РГНФ на подготовку книжной серии «Человек на обочине войны»).
24.9 – 1.10.2005	Путешествие в Ставрополь и Домбай.
3.11.2005	Выход книги: Сталинские депортации. 1918-1953. М.: Демократия, 2005.
20.12.2005	Презентация книги «Сталинские депортации. 1918-1953» в «Мемориале».
Март – май 2005	Серия документальных публикаций в «Известиях» (редактор С. Нехамкин).
Конец января 2006	Выход в изд. РОССПЭН книги «Нам запретили белый свет...».

Даты	События
8 – 10.3.2006	Поездка в Смоленск (по гранту РГНФ).
16.3.2006	Презентация книги «Нам запретили белый свет...» в «Мемориале».
17 – 22.4.2006	Участие в международных конференциях «Мандельштамиана в архивах Москвы» и «Мандельштамиана в архивах Санкт-Петербурга» в РГГУ и Музее А. Ахматовой в Фонтанном Доме.
22.6.2006	Вместе с А. Сорокиным – на канале Культуре по поводу серии «Человек на обочине войны».
17 – 21.9.2006	Участие в «Мандельштамовских чтениях во Владивостоке», организованных Владивостокским гос. ун-том экономики и сервиса.
9.10.2006	Презентация книги «Обреченные погибнуть...» в Еврейском культурном центре
21.10 – 5.11.2006.	Путешествие в Израиль (Иерусалим, Тель-Авив, Яффа, Реховот, Ашдод, Мертвое море, Эйлат).
31.12.2006	Самая поздняя дата, отразившаяся в сохранившихся дневниках Н. Поболя.
15 – 25.1.2007	«Мандельштамовские дни в Москве»: 18.1.2007 Н. Поболь читал стихи О. Мандельштама на вечере-концерте «Мандельштам и музыка» в Государственном центральном музее музыкальной культуры им. М.И. Глинки.
2008 – 2010	Рубрика «Ваши документы» в «Новой газете».
12 – 13.8.2008	Поездка в Тарусу на презентацию книги, посвященной А. Штейнбергу.
2 – 5.9.2008	Поездка в Воронеж на открытие 4.9.2008 памятника О. Мандельштаму.
Октябрь 2008	Выход книги: Семен Липкин. «Угль, пылающий огнем...» Воспоминания о Мандельштаме. Стихи, статьи, переписка. М.: РГГУ, 2008.
28.11.2008	Открытие памятника О. Мандельштаму в Москве.
2008 – 2011	Мандельштамовские календари на 2009 – 2012 гг. (Н. Поболь – составитель, совм. с П. Нерлером).
30.4.2009	В возрасте 40 лет при невыясненных обстоятельствах погиб сын Сергей (тело было обнаружено 2.5.2009; опознание трупа не было произведено).
15.5.2009	В возрасте 92 лет умерла мать – Елена Борисовна.
29.5 – 4.6.2009	Участие IV Мандельштамовских чтениях в Перми и Чердыни.
8.6.2009	Выступление в Музее М. Цветаевой на презентация книги: Семен Липкин. «Угль, пылающий огнем...».
8 – 12.10.2009	Поездка в Смоленск (доклад на конференции «История сталинизма: репрессированная российская провинция») и Катынь.

Даты	События
Май 2010	Выход книги: П. Нерлер. Слово и «Дело» Осипа Манделъштама. Книга доносов, допросов и обвинительных заключений. М.: Петровский парк, 2010 (Н. Поболь – соавтор раздела; книга заняла 2-е место в розыгрыше премии «НОС» за 2010 г.).
2.6.2010	Презентация книги «Слово и «Дело» Осипа Манделъштама» в Книжном магазине «Фаланстер».
10.6.2010	Выступление на открытии манделъштамовской экспозиции во Фрязино.
23.10.2010	Презентация книги «Слово и «Дело» Осипа Манделъштама» в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме.
28.10.2010	Презентация книги «Слово и «Дело» Осипа Манделъштама» в Книжном клубе РГГУ.
8.12.2010	Участие в круглом столе «Осип Манделъштам и "тамиздат"» в Центральном доме русского зарубежья.
Конец 2010	Выход книги: Вайнахский этнос и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX вв.). Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2010.
1 – 15.1.2011	Путешествие в Китай (Пекин, Лоян, Сиань, Цюйфу, Сучжоу и Шанхай).
5.4.2011	Презентация во Франко-Российском научном центре книги «Конфликтный этнос и имперская власть...».
Осень 2011	Участие в съемках фильма о В. Яковлеве.
20 – 21.12.2011	Презентации в «Мемориале» и Музее Российского еврейства книги: Лев Хургес. Москва – Испания – Колыма. Из жизни радиста и ээка. М.: Время, 2012.
Июнь 2012	Выход книги: Про Сашку Васильева. М.: Пробел, 2012 (Н. Поболь – автор одного из текстов).
6.9.2012.	Презентация книги «Про Сашку Васильева» в Литературном музее в Трубниковском переулке. Ведущий – Н. Поболь.
20.9 – 16.10.2012	Путешествие в США (Майами, Денвер).
16 – 21.10.2012	Поездка в Санкт-Петербург и участие с докладом в конференции «Жизнь в терроре: социальные аспекты репрессий».
27.12.2012	«Манделъштамовская лекция в Историчке» (лектор – О. Лекманов) и традиционный сбор у памятника О. Манделъштаму.
5.1.2013	Предположительно инсульт.
9.1.2013	Доставлен по скорой помощи в Городскую клиническую больницу № 14 им. В.Г. Короленко на Стромьнке (б. Остроуховскую).
27 января 2013, около 16.30	Смерть в больнице (тромб в легких).
31.1.2013.	Панихида в помещении Московского «Мемориала» и похороны на Пятницком кладбище (Дроболитейный пер., 5. Участок 11).

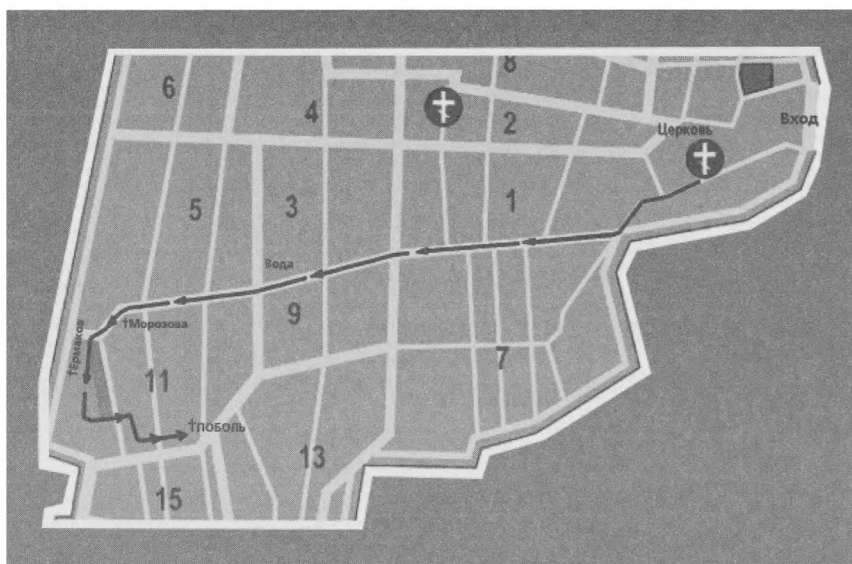
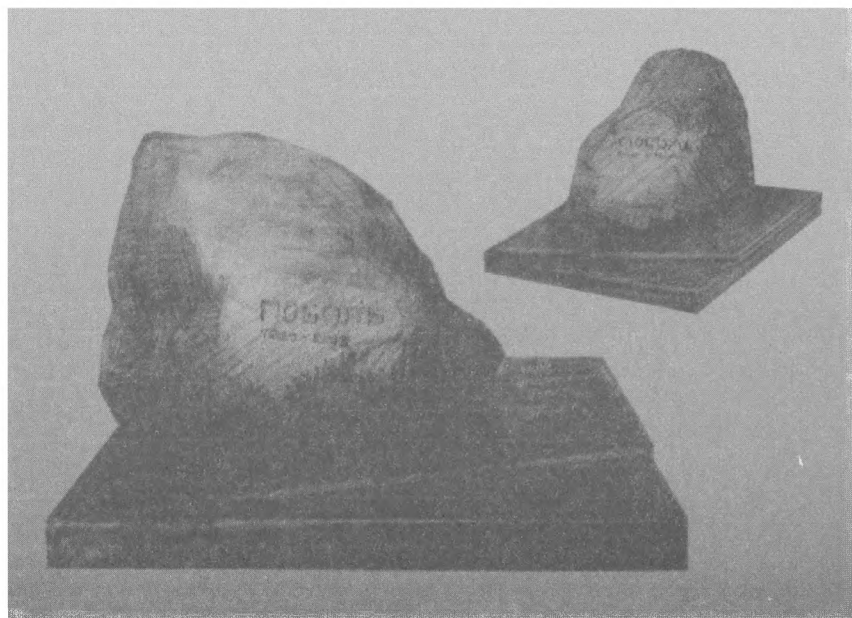

Схема прохода к могиле Н. Поболь на Пятницком кладбище

Эскиз надгробного памятника. Автор – арх. А. Таранов

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АПРФ – Архив президента Российской Федерации
АСУ – автоматизированная система управления
а/я – абонентский ящик
ВАК – Высшая аттестационная комиссия
ВГИК – Всесоюзный государственный институт кинематографии
ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ – Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодежи
В/О – Внешнеторговое объединение
ВОЛЖД – Всероссийское общество любителей железных дорог
ВОХР – военизированная охрана
ВПШ – Высшая партийная школа
ВСНХ – Высший совет народного хозяйства
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГБ – госбезопасность
ГПУ – Государственное политическое управление
ГИВЦ – Главная информационно-вычислительный центр
ГИКС – Главная инспекция конвойной стражи
ГУГК – Главное управление геодезии и картографии при СМ СССР
ГУМЗ – Главное управление мест заключения
ДДТ – дихлордифенилтрихлорметилметан, или дуст: широко распространенный инсектицид.
ИГАН – Институт географии Российской академии наук / Академии наук СССР
ИТС – ИИженерно-технические сотрудники
КЗОТ – Кодекс законов о труде
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
ЛДПР – Либерально-демократическая партия России
МВД – Министерство внутренних дел
МГУ – Московский государственный университета им. М.В.Ломоносова
МИД – Министерство иностранных дел
МТС – машинно-тракторная станция
МХП – Министерство химической промышленности
МЭИ – Московский энергетический институт
НКВД – Наркомат внутренних дел
НКЗ – Наркомат земледелия
НТВ – нормальный товарный вагон
НЭП – новая экономическая политика
ОБХСС – Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности (существовал до 1991 г. в составе МВД СССР)
ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление
ОК – отдел кадров
ОКБ – Особое конструкторское бюро
ОКЭ – Объединенная комплексная экспедиция
ПМЖ – постоянное место жительства
п/я – почтовый ящик
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
РГАЭ – Российский государственный архив экономики
РГВА – Российский государственный военный архив
РГУ – Российский государственный гуманитарный университет
РГНФ – Российский государственный научный фонд
РК – районный комитет
сд – сухопутная дивизия
СОЭ – «социально-опасный элемент»
сп – сухопутный полк
ССП – Союз Советских писателей
ЦДЛ – Центральный дом литератора
ЦИК – Центральный исполнительный комитет
ЦКК – Центральный контрольный комитет
ЦК – Центральный комитет
ЦПТИ – Центральный проектно-технологический институт
ЦЧО – Центрально-Черноземная область
Ц.ц. – церковные ценности
Ю.М. – Юрий Илларионович Моисеенко

FROM THE EDITOR

The reader will find his way
N. Pobol'

The volume opens with a section 'Re-Reading', comprising a selection of Pobol's own writings on autobiographical themes. These include three essays and three memoirs, and also some of his humorous verse (it seems that all his poetic compositions were comic, and if he wrote anything serious, he didn't keep it and never spoke of or regretted the fact). The essays are dedicated to his favourite pastimes – rafting trips, expeditions and feasts with friends. His reflection on companionship and drinking, 'The Globe of Hard Liquor', is a very poem to its subject! The memoirs present Kolya's recollections of three well-known Moscow personalities – Arkady Shteinberg, Isaak Mayergoyz and Sashka Vasil'ev.

The second section, 'Re-Collecting', presents a large collection of reminiscences about Nikolai Pobol'. These are presented in order of their author's surname. Practically all these memoirs were written at the request of the editors of this volume immediately following Pobol's death. We have included the date of a text only when it was written at an earlier time. When we invited friends and colleagues to contribute to this section, we placed no restrictions on the content or amount of text, nor did we make any stylistic changes without the authorisation of the authors; the authors therefore bear full responsibility for their own contributions.

There follow a number of spontaneous responses to the news of Kolya's death, including from some who didn't know him personally; some excerpts from the proceedings at his civil memorial service, which took place on 31 January 2013 in the Lecture Theatre of the 'Memorial' Society in Moscow; a 'Funeral Wreath' in verse, comprising poems dedicated or addressed to Pobol', in chronological order of their composition; and, finally, a selection of humorous verses written to him or about him.

The third section, 'Re-Viewing', takes the form of an illustrated essay, an attempt at a photo-biography, comprising many photographs of Kolya Pobol' and his friends taken at different times by different people. Kolya kept a huge number of these in his personal archive. In addition, the editors gathered illustrations for this section from the private collections of P.F and P.P. Andrukovich, N. Baron, V. Belozarov, I. Vlasov, I. Delektorskaia, B. Dibirova, M. Drobinskaia, S. Dymant, Iu. Zheimo, I. Korlas, E. Martiushin, A. and K. Morozov, Z. Palvanova, A. Pakhomov, V. Perel'muter, P. Polian, E. Semenova, V. Seregin, A. Suetenko, A. Taruts and M. Iampol'skii, as well as from the archives of the publishing house 'Probel'. A list of the images used in this album can be found at the end of this section. The captions for all photographs elsewhere in the book indicate the photographer, when known, and/or the source of the image; where these details are not given, the photograph is from the Pobol' family archive.

In the fourth section, titled 'Re-Reading', we present Pobol's scholarly writings: selected articles, reviews and other publications on history or literary history.¹ All these texts are clearly unified by one principal theme – that of repression; and all defy easy classification as either historical or philological research. How, for example, should one character-

¹ Some of these texts were co-authored with P. Nerler, A. Nikol'skii, P. Polian and A. Taruts. Some texts are unfinished, some not fully annotated.

ise his analysis of the archival materials on the ‘Mandel’shtam convoy’ or his story about Iurii Moiseenko, the poet’s neighbour on labour camp bunks?

This section also includes a number of articles which Pobol’s originally published, in collaboration with P. Polian, between 2008 and 2010 in the newspaper *Novaia gazeta* (some material was also posted on the website www.polit.ru). This column appeared, as a rule, within the newspaper’s special edition inserts ‘Truth About the Gulag’, under the title ‘Your Documents!’ – although at the time its editors suggested it should have a less catchy but more precise title: ‘The Archivist of *Novaia gazeta*’. Most of these mini-publications were based on materials of the Orgbureau of the Central Committee of the VKP(b), held at the Russian State Archive for Socio-Political History (RGASPI, the former central party archive) in fond 17, opis 167. Kolya worked on these miniatures with especial pleasure, and they demonstrate his characteristic method of elucidating historical facts either through the lens of his own personal experience or by conveying his personal perspective on individuals or events of interest to him.

Another example of Pobol’s particular interpretative approach is his commentary on the so-called ‘Black Mandel’shtam’, a two-volume annotated edition of the poet’s work published by ‘*Khudozhestvennaia literatura*’ in 1990. It was Pobol’ who was able to clarify the meaning of the obscure line ‘And the celluloid of the thief’s film ...’ (from the poem ‘I’m a Long Way from the Patriarch’), noting that this was a reference to the cone-shaped roll of celluloid film which, at the time the poem was written, could be used to make calls from public telephones without paying.²

The book ends with a series of appendices: a bibliography of Pobol’s published and unpublished work, including publication projects in which he was involved at the time of his death; selected documents from his archive, which offer insight not only into his personal biography but also the history of his family (the original spelling has at some points been updated); a chronology of the main dates of his life; and also a list of abbreviations used in the volume.

Pavel Polian was the initiator of this project and chief editor of the volume. All annotations in the book are his, unless otherwise indicated. A board of co-editors collaborated extensively in identifying, selecting and presenting the material. All decisions on the final structure and content of the book were taken collegially.

The compiler extends his most sincere thanks to all those who supported or contributed to this volume in any way.

I hope it stands as a worthy memorial and tribute to our friend Kolya Pobol’.

Pavel Polian

THE SOUL OF COMPANIONSHIP

1.

Nikolai L’vovich Pobol’ passed away on 27 January 2013, at the age of seventy-four. Many people knew him. Very many. Even when he was seventy years and older, he was known only by his first name – and even his full first name Nikolai somehow sat strange-

²*Osip Mandel’shtam. Sochineniia [Works]. 2 vols. Vol. 1 (Moscow, Khudozhestvennaia literatura, 1999), p. 515. See also a similar commentary in the memoirs of S. Vasilenko in the present volume.*

ly on him. To all, he was just Kolya. There has rarely been a person as companionable and benevolent, so open and interested in listening to others as Kolya Pobol'. And he was a natural listener, even though no-one was a more interesting story-teller than he, for throughout his life he never turned away from anything that seemed to him to deserve his attention.

Here is a far from complete list of his mental and physical interests and pursuits: diving, white-water rafting, hunting, fishing, collecting mushrooms and berries, going to banya, geophysics, geodesy, Polar aviation, painting, poetry, jazz, archival research. Kolya's Record of Employment is fascinating reading – leafing through his innumerable professional activities, expeditions and vacations, the reader is reminded of a wandering prince, a rolling-stone. The regions he knew best, and which were always closest to his heart, were the North, the Far East, the Kola Peninsula, the Sayan Mountains, Georgia and Turkmenistan. Excluding Moscow, his most beloved places on the 'Planet USSR' were Okhotsk and Tbilisi.

His friendship and company were esteemed by, among many others, Arkadii Shteinberg and Semen Lipkin, Vladimir Iakovlev and Aleksandr Morozov. He himself valued sociable gatherings and parties beyond all else: his trade-mark leg of mutton or Turkmen 'plov' on the 19th May (his birthday) were invariable culminations of each year and inseparable parts of Kolya's identity.

The blessed of the earth summoned him

To be their companion at the feast

Human society nowadays lives under the shadow not only of global warming, but also of a global freezing-over – of souls and selfless human relations. In Kolya's being he personified opposition to this new ice-age of the heart. Warm, joyful and a skilful peace-maker, he was a bridge and stepping-stone between people.

His philosophy of life, which was also his life's practice, Pobol' shared in part (and, thank God, only in part!) with such a leading light of Moscow's Bohemian scene as Sashka Vasil'ev. Kolya's motto was something like: "Life is wonderful – let us all rejoice in it!" Obviously, this credo was as optimistic as it was conformist.

Kolya had the rarest gift of being able to extract joy and beauty from the most unlikely situations. In combination with his natural charisma, huge knowledge, wide experience of life and lively sense of humour, this credo made Kolya an exceptionally popular and sought-after companion, a person with whom everyone and anyone could get on.

Unsurprisingly, Kolya also had the gift of being able to do anything he wanted with ease. Finding the specific records you need in the collection of Prisoner Convoy Forces housed in the Russian State Military Archive (RGVA) is like looking for a needle in a haystack. But Kolya found precisely what he was looking for – the convoy in which Osip Mandel'shtam was conveyed to a labour camp in 1938 – and on his second attempt! Kolya was the first researcher in the St. Petersburg Military-Medical Museum to see the shocking notes of the Jewish Sonderkommando member Zalman Gradovskii, which were found buried in the ashes and earth beside the fourth crematorium of Birkenau.

And Kolya made many more important findings in the archives. He was drawn to historical research not only by a thirst for information, but by the thrill of the hunt. In

many ways, he approached archival investigations in the same way that he undertook his favourite pastime, collecting mushrooms in the woods - although mushroom-picking had the advantage, for Kolya, of permitting him to smoke during his labours (naturally, he always found mushrooms wherever he looked, even in years when mushrooms were scarce and in places they never grew).

Five recent archival publication projects in which Kolya took part are particularly worthy of note: the document collections Stalinist deportations, 1918-1953 (Demokratiia, Materik, 2005) and *The Vainakh people and imperial power* (ROSSPEN, 2010); the book by Pavel Nerler *The Word and "Deed"* of Osip Mandel'shtam (Petrovskii park, *Novaia Gazeta*, 2010); the series 'People on the Margins of War' (ROSSPEN, 2006-2010; Kolya participated in the preparation of seven out of the eleven volumes published to date, and in another three which are forthcoming); and, finally, the column 'Your Documents!' in *Novaia Gazeta* in 2009-2010. The same paper published many of Kolya's other writings.

But Kolya's principal vocation and his greatest talent were as a reader, especially a reader of poetry. He was not merely enthusiastic about reading, he craved it, holding to account the texts he read according to a strict personal system of aesthetic and historical criteria, which in turn shaped his precise and subtle responses. The measure and sounding-board of this system was Osip Mandel'shtam, whose verses - like those of many other poets - he knew by heart and could read for hours.

Pobol' was one of the founders of the Mandel'shtam Society, a member of its council and a constant participant in almost all its meetings and discussions, as well as the moving spirit behind all the feasts and gatherings it held in honour of the poet. The Society holds a very specific collection gathered by Kolya - bottles of all the drinks mentioned by Mandel'shtam in his verses and prose.

In his youth, Kolya befriended architects, artists and musicians (already during the Khrushchev Thaw, he was the designated resident 'specialist' in painting for one of the first new clubs of the Moscow intelligentsia, the club 'Music' at the hotel 'Youth'); when he was older, he also associated with geographers and poets; and in his old age, with all these people plus historians, archivists and publishers.

He almost never quarrelled with anyone - he was a true genius in the art of friendship, cheerful and true, albeit a little nicotine-stained. For Kolya smoked wherever he was, almost continuously (up to four packs a day!), in this way gradually ruining the robust health he inherited from his parents.

In the hottest steam rooms he always took the highest bench: whether in the Sandunovskiy, Strochenovskiy or Rzhevskiy baths or in the Seleznevskiy baths where, even before his beard turned grey, they named him 'Holy Father'.

It is impossible to convey, Kolya, how much you will now be missed.

2

All his life, Kolya Pobol' was in one way or another connected to words and to books, both those that appeared in samizdat and in authorized publications.

He worked directly on a few dozen books, as compiler or editor, as author or co-author of texts, articles, reviews, documentary publications, commentaries or indexes.

At the same time, he was not a keen writer (this applied to letter-writing as well), and each text he produced was an exception rather than the rule. Although Pobol' was a wonderful story-teller, he was, using Arkady Shteinberg's terminology, distinctively a purveyor of oral, not written, culture.

Regrettably, space did not permit the editors to include Kolya's diaries in the appendices, or in the book itself. Indeed, none of his friends knew, or could imagine, that for many years he systematically kept a daily record of his life. It turned out that he did — after his death we discovered among his private papers a few ledgers, field diaries and exercise books, in which he noted, over a period of eighteen years, succinctly, precisely and almost without omissions, what he had done each day. The first entry is from 14 January 1989 and the last from 31 December 2006. They convey with great immediacy Kolya's style, personality and rhythm of life.

In the world of the written word, he was above all a reader. He absorbed many thousands of books, each one of which, even the most trivial, left its impression on him. He even remembered the covers of the books he had read and could describe them in detail.

As if impelled by his calling as a reader, he enrolled in the Lenin Library while still a school pupil. Soon, he knew his way around that institution's regular collection so well that he would seek out bibliographical rarities in its Holy of Holies, its Museum of the Book! And he got to know this collection so well, and established such good relations with its staff, that his friend Sashka Vasil'ev could even telephone him there!

Kolya's passion for the archives and former special repositories, which opened fully or partly in the late and post-Soviet times, can perhaps be understood as an extension of his vocation as a reader. The archives gave him, in this way, another meaningful dimension — as a reader of primary material, never previously read, hot off the press.

Naturally, all this makes the publication of a book the most natural and obvious way to commemorate Kolya and to celebrate his life.

3

Pobol' had many separate circles of friends. Of course, these intermingled at times, especially on 19 May, Kolya's birthday, or during trips to the public baths. But many of his friends and acquaintances met for the first time at Kolya's funeral, where others became re-acquainted after very long periods of time.

In this volume, all these circles are again inter-mingled. Among the memoirists (over sixty of them!) are a large number of geographers, architects, childhood friends, relatives, colleagues from the Mandel'shtam Society and from the Shteinberg circle. But there are also colleagues from the (formerly secret) Moscow Institute of High-Powered Engineering, from rafting adventures, as well as hunters, poets, writers, journalists, historians, archivists, publishers, friends of friends and even acquaintances of friends.

Of course, everyone who knew Kolya had — and still has — a slightly different notion of him, but the editors hope that the publication of so many individual accounts and recollections, set alongside one another or overlaid on each other, will open new perspectives on and contribute to a more comprehensive understanding and fuller portrait of their subject.

Pavel Polian

TABLE OF CONTENT

<i>From the Compiler</i>	8
<i>The Soul of Companionship (P. Polian)</i>	13

RE-READING...

<i>Memoirs and essays</i>	20
<i>Humorous Verses</i>	63

REMEMBERING...

<i>Reminiscences about Nikolai Pobol'</i>	67
<i>Responses to News of his Death</i>	298
<i>Extracts from the civil funeral</i>	303
<i>Garland in Verse: Verses dedicated to Pobol</i>	315
<i>Garland in Verse: Humorous Verses</i>	321

LOOKING BACK ...

<i>Photo Album</i>	325
--------------------	-----

RE-READING

<i>Selected articles</i>	378
<i>Selected reviews</i>	484
<i>"Your Documents!": Selected publications</i>	509

<i>Bibliography</i>	590
<i>Documents</i>	596
<i>Chronology of the Main Dates of his Life</i>	609
<i>List of Abbreviations</i>	617

<i>From the Editor</i>	618
<i>The Soul of Companionship (P. Polian)</i>	619

(Serial: The Mandel'shtam Society Library, Volume 4)

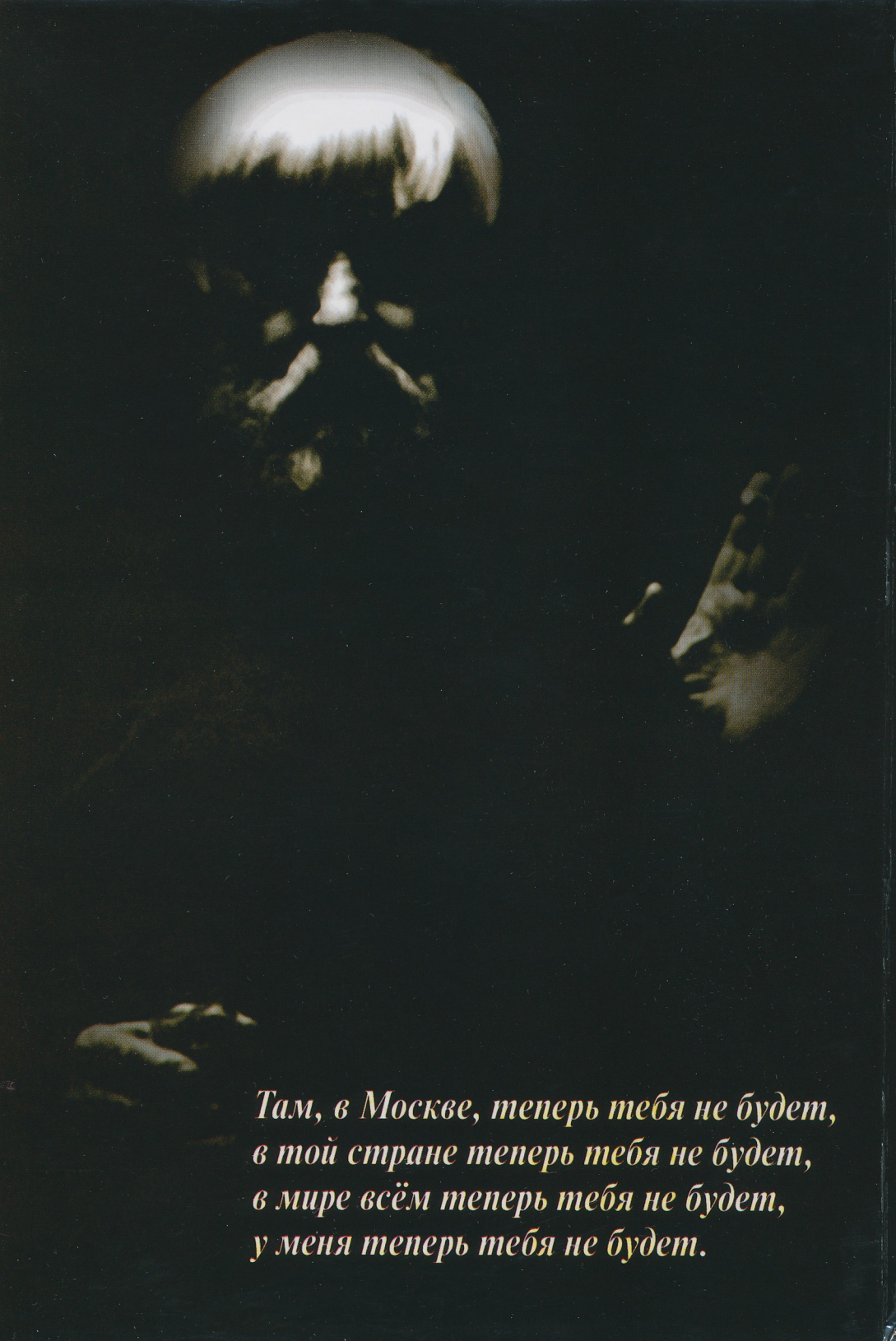
Companion at the Feast: In Remembrance of Nicholas Pabol' / Chief Editor: P. Polian.
Moscow, Mandel'shtam Society – O.G.I., 19 May 2013. 624 pp.

Nicholas L'vovich Pabol' (1939-2013), an expert on Russian history, geography and poetry, a leading light of conversation and good company and an inveterate smoker, was a familiar figure among Moscow intellectuals for many years. In an age when unselfish human relations were becoming ever rarer, he personified the opposite tendency – he was a sympathetic and concerned listener, a wonderful story-teller, a warm, joyful and easy-going personality, a bridge and stepping-stone between people. But his principal vocation and talent was as a reader, especially a reader of poetry. The measure and sound-board of his outlook on the world was Osip Mandel'shtam, whose verses he knew by heart and could read for hours. Pabol' was one of the founders of the Mandel'shtam Society, a member of its council and a constant participant in almost all its meetings and discussions, as well as the moving spirit behind all the feasts and gatherings it held in honour of the poet.

The initial idea to collect material for a volume dedicated to him prompted the most enthusiast response. It comprises two books. The first, 'Remembering and Looking Back', comprises texts about Pabol' and a collection of photographs. The second, 'Re-Reading', presents a selection of Pabol's own writings. The book ends with a bibliography of Pabol's published and unpublished work, materials from his archives and a chronology of the main dates of his life.

Chief Editor and Compiler: Pavel Polian
Editorial Board: Petr Andrukovich, Vitalii Afiani, Nick Baron,
Dmitrii Itskovich, Andrei Kalishevskiy,
Aleksandr Pakhomov, Andrei Taranov.
Selection and layout of illustrations: Petr Andrukovich, Pavel Polian.
Translations into English: Nick Baron
Photographs on front cover and frontispiece by Polina Andrukovich.
Design and typesetting: Andrei Kalishevskiy
Copy-editing: Ioanna Delektorskaia / Irina Kuzovkina

*Там, в Москве, теперь тебя не будет,
в той стране теперь тебя не будет,
в мире всё́м теперь тебя не будет,
у меня теперь тебя не будет.*